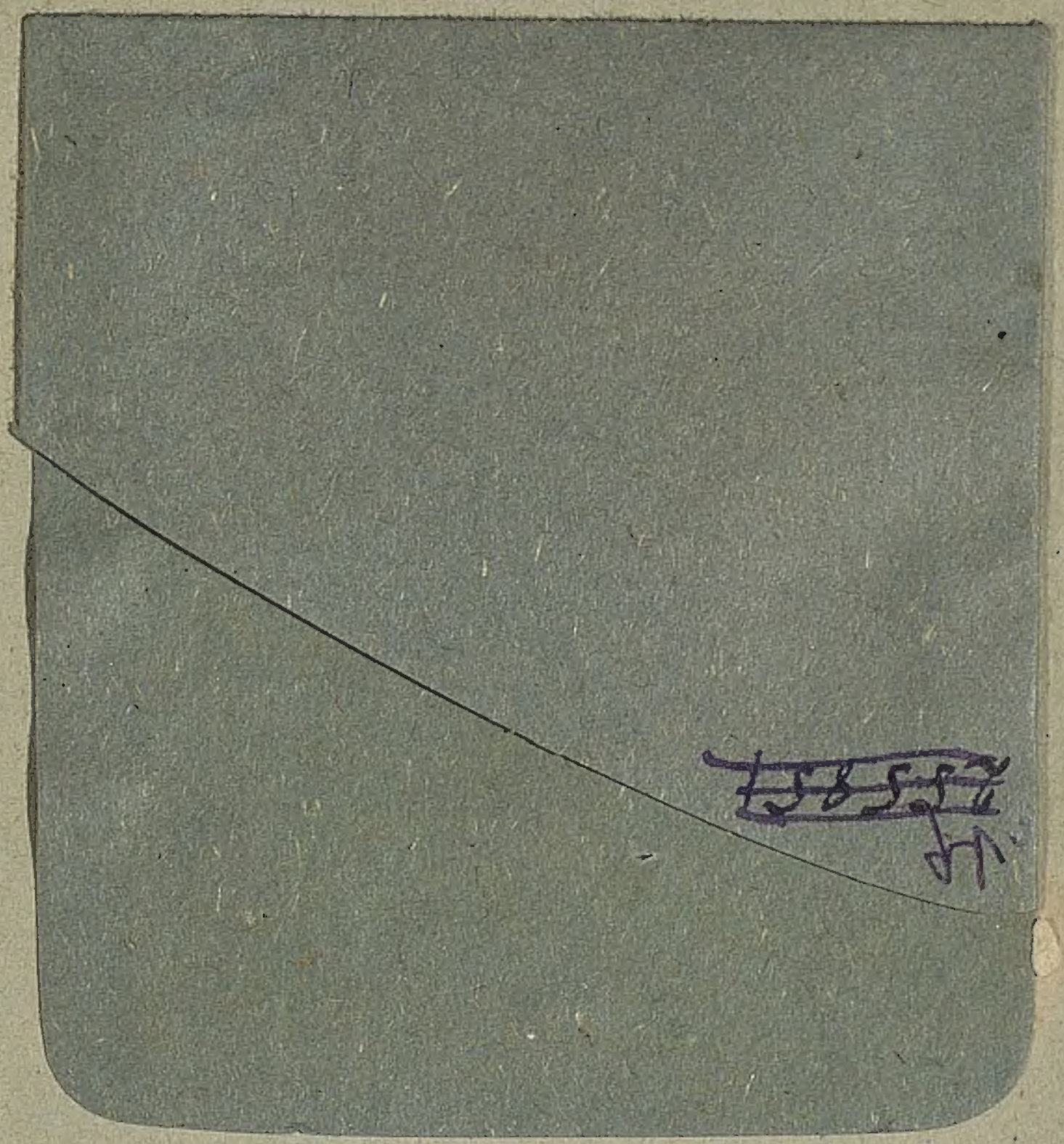
947
Р 894

РУССКІЙ БЫТЪ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ

XVIII ВѢКЪ.

947
Р894



5231/C

п 84 г

РУССКІЙ БЫТЪ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

XVIII вѣкъ.

947
Р-88

ч. I.

ОТЪ ПЕТРА ДО ЕКАТЕРИНЫ II-й.

(1698—1761 гг.).

Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный

П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки
РЕДКАЯ
947
Р894

МОСКВА.
Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.
1914.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова, преемн. И. С. Ефимовъ, Больш. Якиманка, соб. д.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Интересъ къ *исторіи быта* — беремъ это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ—за послѣднее время несомнѣнно возросъ. Доказательствомъ этого служатъ многочисленныя и разнообразныя работы, посвященныя прошлому быту Россіи; признакомъ того же интереса является и выходъ въ свѣтъ большого количества мемауровъ и записокъ, содержащихъ въ себѣ богатый матеріалъ. Однако ознакомленіе со всѣми этими документами не всякому подъ силу: съ одной стороны въ нихъ не мало встрѣчается лишняго, не относящагося къ исторіи нашего *быта;* съ другой—чтеніе ихъ часто происходитъ безъ необходимой системы и послѣдовательности и потому не даетъ въ разультатѣ исторіи быта. Наконецъ, для того, чтобы возстановить по воспоминаніямъ современниковъ исторію прошлаго быта, надо, разумѣется, къ мемуарамъ, теперь выходящимъ, присоединить вышедшіе раньше; но многіе изъ нихъ или мало доступны или совсѣмъ недоступны широкой публикѣ. Все это вмѣстѣ взятое и побудило составителей данной книги сдѣлать попытку представить исторію нашего быта по запискамъ и воспоминаніямъ современниковъ (какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ), путемъ выборки изъ нихъ, относящихся къ этой темѣ, отрывковъ.

Составители поставили себѣ такія хронологическія рамки: отъ начала царствованія Петра I до эпохи реформъ Александра II. Ими руководили при этомъ слѣдующія соображенія. Съ царствованія Петра I происходитъ рѣзкая перемѣна въ исторіи нашего быта. Заграничныя путешествія Петра I и многихъ его

современниковъ были какъ разъ яркимъ выраженіемъ совершавшейся перемѣны. Этотъ моментъ въ исторіи нашего быта совпадаетъ съ появленіемъ значительнаго количества мемуаровъ не только иностранныхъ, но и русскихъ — что особенно важно; дальнѣйшую исторію нашего быта мы можемъ еще полнѣе обрисовать на основаніи воспоминаній современниковъ.

Съ другой стороны въ намѣренія составителей не входило въ настоящее время итти далѣе начала царствованія Александра II, такъ какъ тутъ заканчивается настолько цѣльная эпоха въ исторіи нашего быта, что есть полное основаніе не переступать этой хронологической грани; за нею начинается еще исторически не завершившаяся и недостаточно полно освѣщенная полоса въ развитіи нашего быта, такъ какъ и все царствованіе Александра II еще не вполнѣ стало достояніемъ исторіи.

Выпускаемый сейчасъ въ свѣтъ I томъ охватываетъ эпоху 1698—1761 гг. и распадается на 2 части, рубежемъ которыхъ является 1725 годъ. Содержащіеся въ немъ отрывки изъ мемуаровъ, записокъ и писемъ разбиты на нѣсколько отдѣловъ, въ предѣлахъ которыхъ они расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Составители избѣгали короткихъ отрывковъ, такъ какъ хотѣли избѣжать калейдоскопичности изложенія и, наоборотъ, стремились дать книгу для чтенія. Если въ серединѣ взятаго отрывка сдѣланъ пропускъ, то онъ отмѣченъ многоточіемъ. У русскихъ авторовъ соблюдена орфографія подлинниковъ.

Мемуары представляютъ собой очень цѣнный историческій источникъ, но въ нихъ не мало и недостатковъ, главными изъ которыхъ являются субъективизмъ и недостовѣрность въ иныхъ случаяхъ. Отмѣтить всѣ промахи и ошибки авторовъ мемуаровъ въ изданіяхъ, подобныхъ настоящему, предназначающихся для широкой публики и для учащихся старшихъ классовъ средней школы, не представляется возможнымъ — это значило бы испещрить книгу примѣчаніями, какъ то принято въ научныхъ изданіяхъ мемуаровъ. Составители полагали, что тутъ можно огра-

ничиться самымъ немногимъ. Въ общей массѣ матеріала, содержащагося въ книгѣ, частные промахи и ошибки отдѣльныхъ мемуаристовъ безслѣдно потонутъ, и основные контуры исторіи нашего быта за первые 60 лѣтъ XVIII вѣка обрисуются достаточно полно и вѣрно. Не вездѣ она освѣщается одинаково полно и послѣдовательно, но причина этого въ качествахъ самаго матеріала; составители пересмотрѣли большое количество всякаго рода записокъ и мемуаровъ и взяли изъ нихъ все, что представляло какой-либо интересъ и цѣну.

Въ общемъ составители руководились тѣми же принципами, которые лежали въ основѣ ихъ работы надъ книгой «Россія и Наполеонъ» (М. 1912 г. Изд. 1-е и 2-е); поэтому они надѣются, что и настоящая книга встрѣтитъ тотъ же сочувственный пріемъ въ критикѣ и среди читателей, какой выпалъ на долю книги «Россія и Наполеонъ».

Москва. Іюль 1914 года.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ.

(Въ порядкѣ помѣщенія отрывковъ).

Я. Номенъ—Купецъ-суконщикъ, членъ деревенской управы въ Заандамѣ.

П. Толстой—1645—1729 гг. Близкій сотрудникъ Петра I. Въ 1697 г. ѣздилъ учиться за границу. Былъ посломъ въ Турціи. Въ 1717 г. привезъ царевича Алексѣя въ Россію. Послѣ смерти Екатерины I былъ сосланъ Меньшиковымъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ.

Кн. Б. Куракинъ—1676—1727. Дипломатъ Петровской эпохи. Былъ посломъ въ разныхъ странахъ, а съ 1722 г. стоялъ во главѣ русскихъ дипломатовъ.

И. Желябужскій—Род. въ 1638 г. Служилый человѣкъ XVII и начала XVIII в.

I. Фоккеродтъ—Секретарь прусскаго посольства въ Россіи при Петрѣ I. Въ 1737 г. составилъ для Вольтера записку о положеніи Россіи.

I. Корбъ—Секретарь цесарскаго посольства, бывшаго въ Россіи въ 1698—1699 гг.

А. Нартовъ—1683—1756 гг. Токарь Петра I. Ѣздилъ за границу для усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ.

К. де-Бруинъ—Голландецъ-художникъ, путешественникъ, проѣхавшій въ 1701 г. черезъ Россію, направляясь въ Персію и Индію, откуда онъ вернулся въ 1708 г.

Дж. Перри—Англійскій капитанъ, писатель, въ 1698 г. былъ вызванъ Петромъ I въ Россію, какъ строитель доковъ и каналовъ; пробылъ въ Россіи до 1715 г.

Юстъ Юль—Датскій посланникъ въ Россіи при Петрѣ I.

Ф. Берхгольцъ—Камеръ-юнкеръ при дворѣ герцога Гольштинскаго, пріѣхавшій съ нимъ въ Россію въ 1721 г.

Г. Седербергъ—Магистръ богословія, бывшій полковой священникъ. Въ Россіи былъ съ 1709—1718 г.

А. Денисовъ—Знаменитый старообрядческій писатель и дѣятель Выговской пустыни при Петрѣ I.

В. Нащокинъ—1707—1760 гг. Генералъ-лейтенантъ Елизаветинскаго времени.

Г. Бассевичъ—1680—1742 гг. Президентъ тайнаго совѣта герцога Гольштинскаго.

М. Даниловъ—1722—1790 гг. Артиллеріи майоръ.

Ф. Вѐберъ—Ганноверскій резидентъ въ Россіи при Петрѣ I, ставшій потомъ представителемъ и англійскихъ интересовъ. Былъ въ Россіи въ 1714—1719 гг.

И. Неплюевъ—1693—1773 гг. Одинъ изъ «навигаторовъ». Дипломатъ. Устроитель Оренбургскаго края.

В. Татищевъ—1686—1750 гг. Извѣстный русскій историкъ.

О. Плейеръ—Купецъ, австрійскій дипломатическій агентъ. Въ 1692 г. былъ въ Москвѣ съ торговыми цѣлями; въ 1703 г.—въ качествѣ дипломатическаго секретаря, а въ 1717 г.—въ качествѣ резидента.

І. Лефортъ (Ле-Фортъ) — Польскій посолъ при русскомъ дворѣ.

П. Крекшинъ—1684—1763 гг. Смотритель работъ въ Кронштадтѣ при Петрѣ I. Съ 1726 г. былъ въ отставкѣ. Занимался собираніемъ матеріаловъ по русской исторіи.

И. Павловъ—Бывшій солдатъ и канцелярскій служитель. Въ 1737 г. дѣло о немъ и его «тетрадяхъ» разбиралось въ Преображенскомъ приказѣ.

Кн. М. Щербатовъ—1733—1790 гг. Историкъ и публицистъ Екатерининской эпохи. Не будучи современникомъ Петра I и Анны, онъ для своего сочиненія «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» располагалъ свѣдѣніями изъ первыхъ рукъ, такъ какъ хорошо зналъ очевидцевъ и дѣятелей этихъ царствованій.

Дюкъ Лирійскій—Посолъ короля испанскаго при русскомъ дворѣ въ 1727—1730 г.

Кн. Я. Шаховской—1705—1777 гг. Государственный дѣятель. Въ 1740 г. управлялъ петербургской полиціей.

Маркизъ І. де-ла-Шетарди—1705—1758 гг. Французскій посолъ при русскомъ дворѣ въ 1739—42 г. и въ 1743—44 г. Въ 1744 г. былъ высланъ изъ Россіи.

Пецольдъ—Секретарь саксонскаго посольства при русскомъ дворѣ имп. Елизаветы.

Леди Рондо—1699—1783 гг. Жена англійскаго резидента при русскомъ дворѣ. Въ Россіи была въ 1731—1739 г.

Н. Шестакова — Жена дворцоваго управителя при Аннѣ Іоанновнѣ.

Х. Манштейнъ—1711—1757 гг. Въ 1736 г. перешелъ изъ прусской арміи на русскую службу. Въ 1744 г. въ виду пошатнувшагося положенія бѣжалъ въ Германію.

Я. Марковичъ—1696—1770 гг. Малороссійскій генеральный подскарбій. Любимый ученикъ Ѳ. Прокоповича.

Имп. Екатерина II—1729—1796 гг. Императрица 1762—1796 г.

Г. Диккенсъ—Англійскій посолъ при дворѣ Елизаветы.

Имп. Елизавета—1709—1761 гг. Императрица 1741—1761 гг.

Е. Позье—1716—1779 гг. Швейцарецъ, ювелиръ. Пріѣхалъ въ Россію въ 1729 г. и прожилъ здѣсь въ качествѣ придворнаго брилліантщика до 1764 г., когда вернулся въ Швейцарію.

А. Болотовъ—1738—1833 гг. Извѣстный мемуаристъ. Небогатый помѣщикъ, служившій въ молодости въ арміи. Участникъ семилѣтней войны. Крупный литературный дѣятель своего времени.

Митр. Платонъ (Левшинъ) — 1737—1812 гг. Митрополитъ Московскій.

А. Березинъ—1723—1799 гг. Петербургскій городской голова.

Г. Державинъ—1743—1816 гг. Извѣстный поэтъ.

Д. Фонвизинъ—1745—1792 гг. Извѣстный писатель.

Гр. А. Воронцовъ—1741—1805 гг. Дипломатъ. При Екатеринѣ II — далекъ отъ двора и съ 1791 г.—въ отставкѣ. При Александрѣ I съ 1802—1804 гг. государственный канцлеръ.

Часть I.

1697—1725 г.г.

Русскіе за границей.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА I ЗА ГРАНИЦУ.

Въ 1697 году его царское величество рѣшилъ предпринять большое путешествіе и отправился въ дорогу съ большою свитою, состоявшею, между прочимъ, изъ разныхъ князей и вельможъ его государства двухъ или трехъ пословъ, священниковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣхали въ Германію и въ Вѣну къ германскому императору, другіе же въ Италію и въ Римъ къ папѣ (но ни одинъ во Францію, ибо французовъ великій царь недолюбливалъ); самъ же онъ со многими изъ вышеупомянутыхъ господъ отправился въ Голландію и Англію. Но въ газетахъ не смѣли сообщить о томъ, что онъ самолично участвуетъ въ этомъ путешествіи; а писалось всегда: «великое Московское посольство», или «нѣкоторые князья изъ великаго посольства его царскаго величества» были здѣсь или тамъ.

Итакъ, онъ пріѣхалъ со своими спутниками въ Эммерикъ и нанялъ тамъ шкипера, который долженъ былъ отвезти его и нѣкоторыхъ изъ его свиты на маленькомъ акѣ, т.-е. очень невзрачной лодкѣ, въ Зандамъ. Но шкиперъ согласился везти его только до Амстердама, такъ какъ не зналъ, найдетъ ли онъ дорогу въ Зандамъ; но рѣшили разспросить о дорогѣ, пріѣхавъ въ Амстердамъ. Такъ они и поплыли на этой лодкѣ внизъ по Рейну и къ вечеру пріѣхали въ Амстердамъ. Отсюда собрались плыть дальше въ Зандамъ; но, прибывъ къ Остъ-Занскому Офертому, рѣшили тутъ же ночевать. Въ воскресенье, 18-го августа, поплыли далѣе и пріѣхали на томъ же плохомъ

суднѣ въ шесть часовъ утра въ Форзанъ или Керкракъ, гдѣ какъ разъ въ это время нѣкій Герритъ Кистъ, который одно время былъ кузнецомъ въ Московіи, сидѣлъ въ челнокѣ и ловилъ угрей. Русскіе увидѣли и узнали его, и закричали: «кузнецъ, кузнецъ, поди сюда»! Кистъ удивился, увидѣвъ странное и жалкое судно; но каково было его изумленіе, когда онъ вошелъ въ него и замѣтилъ тамъ, между другими, его царское величество, который его принялъ очень дружелюбно. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ они условились, что будутъ жить въ домѣ кузнеца; такъ они и сдѣлали. Этотъ домъ находится на Кримпенбурхѣ и представляетъ изъ себя смиренную хижину; впрочемъ, и самъ Кримпенбурхъ — одна изъ самыхъ неважныхъ частей Зандама. И здѣсь то поселился одинъ изъ самыхъ великихъ государей христіанскаго міра. Поэтому жители Кримпенбурха и говаривали послѣ: нашу мѣстность нужно переименовать въ Кейзерсграхтъ, или Форстенбурхъ, (т.-е. императорская или княжеская улица).

Его царское величество строго-на-строго запретилъ Герриту Кисту, кузнецу, сообщать кому-либо, кто онъ именно...

Его царское величество купилъ на Высокомъ Зедейкѣ, въ домѣ вдовы Якова Омеса, разные плотничьи инструменты, которые отправилъ въ свою скромную царскую квартиру на Кримпенбурхѣ. Затѣмъ онъ, сбросивъ верхнее платье, сталъ работать до пота. Онъ хотѣлъ изготовить себѣ ванну и сдѣлать разныя другія вещи. Его свита говорила, что они, вѣроятно, останутся здѣсь всю зиму до марта мѣсяца, чтобы усовершенствоваться въ кораблестроеніи и другихъ ремеслахъ, надѣясь одновременно познакомиться со страной, а въ особенности, съ этой деревней и съ ея промышленностью.

Его царское величество осматривалъ съ большимъ вниманіемъ корабельныя верфи и лѣсопильныя мельницы и, между прочимъ, отправился на мельницу подъ названіемъ De Kok (Поваръ), чтобы видѣть, какъ изготовляется бѣлая бумага. Мельницу остановили, и онъ спросилъ, зачѣмъ они, когда мельница уже почти остановилась, снова немного подняли тормазъ. Получивъ объясненіе, онъ отвѣтилъ: «это хорошо». Онъ осматривалъ все очень подробно и спрашивалъ объ устройствѣ отдѣльныхъ частей. На этой мельницѣ одинъ изъ мастеровъ,

а именно черпальщикъ, былъ занятъ черпаніемъ изъ чана въ форму той массы, изъ которой изготовляется бѣлая бумага; этой работой великій князь особенно заинтересовался и просилъ разрѣшить ему сдѣлать опытъ. На это охотно согласились, и зачерпнувъ, онъ подарилъ рабочему рейхсталеръ, несмотря на то, что у насъ онъ не часто бывалъ щедрымъ, а напротивъ показывалъ себя очень экономнымъ.

Обѣдать онъ отправился къ женѣ Яна Ренсена, которая жила на Зейддейкѣ. Янъ Ренсенъ служитъ тоже въ Московіи корабельнымъ плотникомъ, и царь очень любитъ его.

Онъ обѣдалъ и у вдовы вышеупомянутаго Класа Виллемсона Меса. Она хотѣла поблагодарить его за щедрый подарокъ, посланный ей послѣ смерти мужа, но не посмѣла сдѣлать этого, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы было извѣстно, что онъ высочайшая особа. Поэтому, слѣдуя данному ей доброму совѣту, она сказала ему, что не въ состояніи выразить ту благодарность, которую питаетъ къ его царскому величеству за милость, оказанную ей, когда она овдовѣла, и просила его, чтобы онъ, когда увидитъ его царское величество, передалъ ему отъ ея имени искреннюю и сердечную признательность. На это онъ отвѣтилъ, что она можетъ быть вполнѣ увѣрена въ томъ, что это будетъ доложено его царскому величеству.

Онъ навѣстилъ и Марію Гитмансъ, бѣдную женщину, сынъ которой тоже служитъ въ Московіи плотникомъ. Въ этотъ домикъ какъ разъ зашла и Антье, жена вышеупомянутаго Арейана Метье. Они выпили вмѣстѣ по рюмкѣ еневра *). Марія Гитмансъ, показывая на Антье, сказала: «ея мужъ тоже плотничаетъ въ Московіи». Онъ спросилъ: «кто онъ такой»? Она объяснила ему это, и онъ тогда отвѣтилъ: «я хорошо знаю его, потому что онъ строилъ корабль недалеко отъ моего корабля». Она продолжала: «развѣ ты тоже умѣешь плотничать»? Онъ отвѣтилъ: «да, я тоже плотникъ».

Ему весьма понравилась зандамская одежда; поэтому онъ отправилъ одного изъ своей свиты вмѣстѣ съ портнымъ Ремметомъ въ Амстердамъ съ порученіемъ купить матерій, чтобы сшить платье его величеству по зандамскому образцу. Также и другіе здѣшніе портные шили платье ему и его свитѣ.

---

*) Водка, настоенная на ягодахъ можжевельника.

Между тѣмъ обо всемъ этомъ много толковали. Одни говорили: «это непремѣнно великій царь, вѣдь это видно и изъ того, что онъ постоянно трясетъ головой и размахиваетъ правой рукой». Другіе говорили: «не можетъ быть, чтобы такой великій государь жилъ здѣсь въ деревнѣ, притомъ еще на такой плохой улицѣ, какъ Кримпенбурхъ, и въ такомъ невзрачномъ домикѣ», и приводили еще столько доводовъ, что ихъ и перечислить нельзя. Чтобы разъяснить эти сомнѣнія, жители неоднократно обращались къ вышеупомянутому кузнецу Герриту Кисту и къ А. Каувенгоофе и упрашивали ихъ сообщить имъ сущую правду. Обращались и къ вышеупомянутымъ женщинамъ, у которыхъ онъ обѣдалъ; но всѣ они хранили тайну, въ особенности же Герритъ Кистъ, такъ что, однажды, его жена Нель Максъ сказала: «Герритъ, я терпѣть не могу, когда ты говоришь неправду».

Онъ самъ иногда порядкомъ дурачился и, между прочимъ, устроилъ слѣдующую шутку: 19-го или 20-го августа онъ купилъ себѣ сливъ на Горнѣ, положилъ ихъ въ свою шляпу, взялъ ее подъ мышку и началъ ихъ ѣсть на улицѣ, проходя черезъ Даммъ *) къ Зейддейку; а за нимъ слѣдовала толпа мальчишекъ. Замѣтивъ нѣсколькихъ дѣтей, которыя ему понравились, онъ сказалъ: «человѣчки, хотите сливъ?» и далъ имъ нѣсколько штукъ. Тогда подошли другіе и сказали: «господинъ, дай намъ тоже что-нибудь»; но онъ этого не хотѣлъ исполнить. Его, видимо, забавляло, что онъ часть дѣтей обрадовалъ, другихъ же волновалъ. Но нѣкоторые мальчуганы разсердились такъ сильно, что начали бросать въ него гнилыми яблоками и грушами, травою и разнымъ мусоромъ; болѣе того, одинъ мальчикъ на Зейддейкѣ попалъ ему въ спину даже камнемъ, который причинилъ ему боль, и это ужъ вывело его изъ терпѣнія. У шлюза на Горнѣ, наконецъ, комокъ земли съ травой попалъ ему прямо въ голову, а тогда онъ сильно разсердился и сказалъ: «развѣ здѣсь нѣтъ бургомистровъ, которые смотрѣли бы за порядкомъ»?

21-го августа онъ былъ въ кофейнѣ De drie Zvanen (Трехъ Лебедей). Нѣкій шкиперъ, который часто плавалъ въ Московію, стоялъ тутъ же на Даммѣ среди многихъ знатныхъ

---

*) Плотина на рѣкѣ Занъ.

особъ и говорилъ: «я его отлично знаю и если только увижу, то ужъ скажу вашимъ благородіямъ, онъ ли это или нѣтъ». Затѣмъ шкиперъ вошелъ въ кофейню, увидѣлъ царя, который какъ разъ пилъ чай, вышелъ на улицу и сказалъ: «я знаю его отлично и ручаюсь вамъ жизнью, что это самъ царь».

Теперь скрытность другихъ уже не помогала. На многихъ это произвело сильное впечатлѣніе, и они старались вести себя осторожнѣе въ присутствіи и вблизи великаго князя...

Въ тотъ же вечеръ магистратъ поставилъ двухъ стражниковъ къ квартирѣ великаго государя, которые тамъ сторожили двѣнадцать ночей. Вечеромъ того же дня онъ былъ въ домѣ Корнелиса Михильса Калфа, который просилъ его остаться у него ужинать; но такъ какъ туда собралось много почетныхъ лицъ, чтобы видѣть великаго князя, то онъ отказался отъ приглашенія, и тогда его угостили лишь вареньемъ и хорошими напитками. Тутъ присутствовали бургомистръ Амвейнъ Виллемсонъ Іоръ и членъ управы Класъ А. Блумъ, которые просили переводчика передать своему повелителю, что бургомистры покорнѣйше просятъ его оказать имъ честь и откушать съ ними рыбы по-зандамски. Но приглашеніе не было принято, и переводчикъ, между прочимъ, отвѣтилъ имъ: «у насъ здѣсь нѣтъ повелителя, нашъ повелитель еще пріѣдетъ», подразумѣвая подъ этимъ, такъ по крайней мѣрѣ казалось, великое посольство...

Мейндертъ Арентсонъ Блумъ пригласилъ великаго князя поселиться со свитой въ его домѣ съ садомъ въ Остъ-Зандамѣ, такъ какъ тамъ было много удобныхъ помѣщеній, въ саду же много фруктовыхъ деревьевъ. На это ему отвѣтили: «нѣтъ, мы не знатные господа, а простые люди; поэтому будемъ довольствоваться нашей теперешней квартирой».

Маляръ Виллемъ Гарменсонъ, послѣ долгаго торгу, продалъ великому князю лично (такъ какъ послѣдній настолько владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ) свою гребную лодку за 40 гульденовъ съ придачею кружки пива. Затѣмъ они отправились въ гербергъ, который находился близъ Офертома въ домѣ Пита Гафера, и выпили тамъ это пиво.

Онъ купилъ также у Дирка Стоффельсона буеръ-яхту съ принадлежностями за 425 гульденовъ наличными деньгами. При-

нявъ эту яхту, онъ усердно работалъ надъ ней и собственными руками придѣлалъ бугшпритъ, вышедшій такъ удачно, что тѣ, которые имѣли случай его видѣть, удивлялись тому, что такой знатный господинъ такъ усердно трудился въ потѣ лица и такъ искусно работалъ.

Молва обо всемъ этомъ распространилась скоро по всему нашему отечеству. На Амстердамской биржѣ всѣ интересовались этимъ, и люди ставили большія деньги и бились объ закладъ, дѣйствительно-ли это великій царь или же одинъ изъ его пословъ.

Чтобы узнать несомнѣнную правду, г. Гаутманъ (именитый купецъ, торговавшій съ Московіей, жившій даже самъ тамъ много лѣтъ и принимавшій и угощавшій неоднократно обѣдомъ великаго князя) обратился съ просьбой къ Якову Исбрантсу, т.-е. амстердамскому маклеру, который много лѣтъ плавалъ шкиперомъ въ Московію и часто угощалъ великаго князя на своемъ кораблѣ, а потому хорошо его зналъ — не желаетъ ли онъ немедля, т.-е. утромъ 22-го августа, поѣхать въ Зандамъ, чтобы взглянуть на ту особу, о которой теперь такъ много говорятъ. Съ этой цѣлью упомянутый маклеръ пріѣхалъ сюда, гдѣ увидѣлъ, дѣйствительно, его царское величество, и такъ какъ онъ хорошо узналъ царя, то они оба посмотрѣли другъ на друга, но Яковъ Исбрантсъ не посмѣлъ съ нимъ заговорить. Однако-же, это его такъ взволновало, что онъ, когда уходилъ, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, ноги его тряслись, окружавшимъ же его онъ сказалъ съ большимъ удивленіемъ: «это, конечно, великій князь, я не ошибся; но какими судьбами онъ здѣсь»? Затѣмъ онъ уѣхалъ опять въ Амстердамъ, чтобы сообщить объ этомъ г. Гаутману. Послѣдній отправился въ Зандамъ въ тотъ же день послѣ обѣда съ судномъ, которое отходитъ въ два часа.

Онъ явился къ великому князю, чтобы засвидѣтельствовать ему великое и глубокое почтеніе, и сказалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Ваше Мyропомазанное Величество, Вы ли это»? Онъ отвѣтилъ: «какъ видите». Они долго бесѣдовали. Итакъ, всѣ сомнѣнія, его-ли царское величество это или нѣтъ, теперь сразу были разсѣяны.

Господинъ Де Іонгъ изъ Амстердама, который тоже хорошо зналъ царя, пріѣхалъ также навѣстить его. Съ глубокимъ благоговѣніемъ палъ онъ передъ нимъ на колѣни, называя его не

иначе, какъ «Ваше Мvропомазанное Величество». Онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, однакожъ, не смѣлъ смотрѣть ему прямо въ лицо, хорошо зная, что это разсердило бы царя; вѣдь онъ терпѣть не могъ, чтобы смотрѣли ему прямо въ глаза. Былъ такой примѣръ:

Корнелисъ Альдертсонъ Блокъ (онъ-же Корнелисъ Мартсенъ) посмотрѣлъ какъ то на улицѣ весьма дерзко царю прямо въ глаза; за это великій князь ударилъ его рукою по лицу, такъ что К. Мартсенъ почувствовалъ сильную боль и пристыженный убѣжалъ, между тѣмъ какъ надъ нимъ смѣялись: «браво, Марсье, ты пожалованъ въ рыцари».

Вестъ-Зандамскіе бургомистры вторично почтительнѣйше просили его величество черезъ его переводчика удостоить ихъ чести отобѣдать у нихъ и получили отъ самого великаго князя отвѣтъ: «право, не на этой недѣлѣ, а на слѣдующей».

22-го августа, въ 4 часа утра, онъ, сопровождаемый немногими изъ свиты, отправился кататься на своей буеръ-яхтѣ по заливу Эй, и самъ правилъ рулемъ. За нимъ послѣдовали многія зандамскія буеръ-яхты. Остановившись на полдорогѣ между Амстердамомъ и Гарлемомъ, онъ показалъ свое проворство и ловкость, перепрыгивая и перебѣгая красиво и легко черезъ нѣсколько буеровъ, чтобы скорѣе попасть на берегъ. Никто изъ присутствовавшихъ не могъ ему подражать, и, чтобы народъ его не видѣлъ, онъ только вечеромъ возвратился назадъ.

24-го Корнелисъ Михильсъ Калфъ велѣлъ перетащить свой корабль черезъ Офертомъ, чтобы доставить великому князю удовольствіе и показать ему, какъ это дѣлается; а чтобы собравшійся народъ ему не мѣшалъ, то, по распоряженію бургомистровъ, были сдѣланы деревянные барьеры... И у каждаго изъ нихъ было поставлено отъ трехъ до четырехъ сторожей, чтобы останавливать толпу и чтобы великій князь имѣлъ просторъ и могъ все видѣть подробно и удобно. Однако, всѣ эти старанія, которыя приложилъ магистратъ, достигли своей цѣли лишь на первыхъ порахъ. Изъ Амстердама и окрестныхъ деревень и мѣстечекъ собралось столько народу, что все здѣсь кишѣло людьми, и удержать ихъ за перилами оказалось невозможнымъ.

Еще за три дня на обоихъ Кримпенбурхскихъ мостахъ было поставлено, на каждомъ, по три человѣка для стражи и, кромѣ того, стояли еще въ продолженіи одного дня три сторожа

въ концѣ мостика, чтобы запретить людямъ проходъ; затѣмъ, два служителя бальи изъ округа Блоа и два служителя дроссарта *) изъ Кенемерланда охраняли днемъ квартиру его царскаго величества и дежурили на Геренвегѣ въ теченіе пяти дней.

Бургомистры... почтительнѣйше просили черезъ переводчика его величество пожаловать на перетаскиваніе корабля. Бургомистрамъ Іору и Салму онъ подалъ руку и отвѣтилъ: «сейчасъ, сейчасъ»; но затѣмъ, заглянувъ въ дверную щель и въ окно, онъ увидѣлъ собравшуюся толпу народа. Тогда бургомистры обѣщали черезъ переводчика провести его царское величество на его буеръ-яхтѣ обходной дорогой къ одному дому, гдѣ изъ сѣней все свободно было видно и гдѣ толпа его не могла стѣснять. Онъ на это согласился и, кажется, даже уже одѣлся, чтобы отправиться съ ними, но, посмотрѣвъ снова на большую толпу народа, онъ повторялъ: «слишкомъ много народу, слишкомъ много народу»! и вдругъ захлопнулъ дверь своей царской квартиры. Члены магистрата остались ни съ чѣмъ и могли отправиться гулять, что и сдѣлали безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Корабль перетащили черезъ Офертомъ, и тысячи людей пріѣзжали напрасно.

Въ воскресенье, 25-го, въ часъ пополудни, онъ уѣхалъ на своей буеръ-яхтѣ со многими изъ своей свиты въ Амстердамъ. Дулъ сильный вѣтеръ, онъ лично поднялъ паруса на фокъ-мачтѣ и подбѣжалъ опять къ рулю, такъ какъ самъ былъ рулевымъ: грозила большая опасность, такъ какъ буеръ могъ опрокинуться вслѣдствіе того, что шверцы, у которыхъ оборвался канатъ, болтались; а они оставили ихъ такъ висѣть, и всѣ опытные въ этомъ дѣлѣ, которые встрѣтились съ ними дорогою и замѣчали это, были того мнѣнія, что эти люди находились въ большой опасности.

Но они все-таки прибыли благополучно къ старому городскому гербергу въ Амстердамѣ. Здѣсь встрѣтило царя множество людей, которые безцеремонно смотрѣли ему прямо въ лицо. За это они имъ и его свитою были «пожалованы въ рыцари», какъ вышеупомянутый Корнелисъ Мартсенъ; у многихъ пошла кровь изъ рта и носа. Онъ остановился въ старомъ Геренъ-

---

*) Члена уѣздной управы.

ложементѣ, гдѣ помѣстилось его великое посольство и еще другіе князья его государства.

29-го, въ 9 часовъ вечера, въ честь его былъ сожженъ очень дорогой и замѣчательный фейерверкъ на Биннецъ-Амстеллѣ у Колвенирсъ-Дулена передъ мостомъ, который называется Halvemaansbrug (мостъ Полумѣсяца); говорятъ, что этотъ фейерверкъ стоилъ 10,000 гульденовъ. Собралось столько народу, что произошла страшная давка. На второмъ мосту, считая отъ Дулена, т.-е. на мосту у Ресланда, разорвали цѣпи, на которыхъ держались перила; многіе упали въ Бурхвалъ, и нѣкоторые утонули. Черезъ день или два я самъ видѣлъ, что верхній край крѣпкихъ желѣзныхъ перилъ моста Полумѣсяца отъ напора народа былъ выгнутъ почти на футъ.

Онъ желалъ еще въ тотъ же вечеръ уѣхать въ Зандамъ, несмотря на то, что его отговаривали отъ этого князья и вельможи его государства, а также бургомистры Амстердама, указывавшіе ему на опасность поѣздки; но ничего не помогло: онъ торопился въ Зандамъ. По приказанію бургомистровъ принесли изъ ратуши ключи, отперли и спустили мостъ у стараго городскаго герберга, и въ 11 часовъ вечера онъ выѣхалъ съ маленькой свитой на своей буеръ-яхтѣ, а въ часъ по полуночи прибылъ благополучно въ Зандамъ.

30-го числа онъ возвратился со своей свитой и со своимъ багажемъ въ Амстердамъ.

Своему хозяину Герриту Кисту онъ крайне скупо заплатилъ за квартиру; женщинѣ же, которая занимала заднюю комнату и уступила ее великому князю (а сама пошла жить къ своему отцу), онъ далъ за это всего семь гульденовъ.

Пріѣхавъ на своемъ буерѣ въ Амстердамъ, онъ причалилъ къ Остъ-Индской верфи и выгрузилъ тутъ же свой багажъ.

Директора Остъ-Индской компаніи пригласили его царское величество работать и спокойно жить на ихъ верфи. На этой закрытой площади онъ былъ защищенъ отъ любопытства народа. Здѣсь ему представился случай участвовать при сооруженіи судна въ сто футовъ длиной. Онъ принялся за дѣло и выразилъ желаніе, чтобы его здѣсь называли Pieter timmerman van Zaandam (Питеръ, плотникъ зандамскій).

Одинъ правдивый амстердамскій торговецъ разсказывалъ мнѣ, что какой то купецъ въ Амстердамѣ пожелалъ видѣть

великаго князя за работой и поэтому обратился къ корабельному мастеру верфи съ просьбой, чтобы тотъ допустилъ его и далъ ему возможность удовлетворить его любопытство. Его просьба была исполнена, но чтобы онъ навѣрное узналъ великаго князя, мастеръ предупредилъ его, что тотъ, кому онъ скажетъ: «Питеръ, плотникъ зандамскій, сдѣлай это или то», и есть великій князь. Любопытный купецъ посѣтилъ верфь и видѣлъ, какъ нѣсколько рабочихъ несли тяжелое бревно; вдругъ мастеръ крикнулъ: «Питеръ, плотникъ зандамскій, что же ты не пособишь нести этимъ людямъ». Онъ сейчасъ же послушался, подбѣжалъ къ нимъ, подставилъ плечо подъ дерево и понесъ его вмѣстѣ съ другими плотниками на назначенное мѣсто, къ великому удивленію зрителя.

Разъ провинился его священникъ; говорятъ, что онъ выпилъ лишнее. Въ наказаніе за это великій князь приказалъ ему отправиться на канатный дворъ Остъ-Индской компаніи и крутить тамъ канаты. Вслѣдствіе этого онъ стеръ на рукахъ кожу, что, конечно, причиняло сильную боль такому человѣку, руки котораго имѣли нѣжную кожу и не привыкли къ подобной работѣ. Онъ показалъ своему государю свои жалкія руки, горько жаловался на боль и покорнѣйше просилъ освободить его отъ этой, причиняющей страданія, работы. На это послѣдовалъ отвѣтъ: «не бѣда, ступай на работу»; итакъ, онъ долженъ былъ работать еще нѣсколько дней, не смотря на то, что руки были повреждены.

Одинъ князь и одинъ вельможа его государства говорили съ царемъ, по его мнѣнію, слишкомъ смѣло; они, какъ передаютъ, совѣтовали ему и уговаривали его побольше думать о своей славѣ и репутаціи. Но онъ за это такъ сильно разсердился, что велѣлъ обоихъ заковать въ кандалы и посадить ихъ подъ арестъ въ старый Геренъ-ложементъ въ Амстердамѣ, рѣшивъ отрубить имъ головы; но бургомистры Амстердама объяснили ему, что въ нашемъ государствѣ этого сдѣлать нельзя. Они приводили разные доводы, стараясь отговорить его отъ исполненія этого жестокаго намѣренія, и убѣждали его освободить вышеупомянутыхъ князя и вельможу. Однако они достигли лишь того, что онъ повелѣлъ одному отправиться въ Остъ-Индію, а другому въ Суринамъ, и, говорятъ, это, въ самомъ дѣлѣ, было исполнено. Кажется, у этого государя

очень суровый нравъ; впрочемъ, и лицо у него весьма суровое...

2-го сентября увѣдомили его царское величество о томъ, что на слѣдующій день въ Зандамѣ будутъ перетаскивать черезъ Офертомъ судно, и пригласили его присутствовать. Между тѣмъ распространяли слухъ, что его не будетъ; это дѣлали нарочно для того, чтобы не знали о предстоящемъ его пріѣздѣ, надѣясь, что тогда наплывъ народа изъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ не будетъ такъ великъ, какъ 24-го августа.

3-го сентября пріѣхалъ великій князь на своей буеръ-яхтѣ сюда, въ Зандамъ, и причалилъ у Зейддейка къ верфи тяжущихся наслѣдниковъ покойнаго Класа Гарбрандса. Онъ пошелъ къ Офертому и осмотрѣлъ внимательно большой блокъ и канаты, при помощи которыхъ перетаскиваютъ корабли черезъ Офертомъ. Отсюда онъ отправился къ высокому Зедейку къ Гендрику фанъ де Зану, и, далѣе, ко вдовѣ Якова Карнелиссона Омеса, купилъ здѣсь разные плотничные инструменты, положилъ ихъ въ тачку и повезъ ее. Когда онъ подошелъ къ Офертому, рабочіе подняли тачку съ плотничьими инструментами и перенесли ее черезъ канаты на плотину. Затѣмъ русскіе повезли ее дальше до буеръ-яхты, на которую ее и поставили.

Въ то время, когда великій князь находился въ домѣ вдовы Я. К. Омеса, туда собралось довольно много народа, чтобы его видѣть. Онъ все время ходилъ по лавкѣ и осматривалъ разные инструменты; но любопытные не смѣли подходить къ нему слишкомъ близко. Янъ же Г. Кроненбурхъ и Янъ Якобсонъ Номенъ, которые, кажется, подошли къ нему слишкомъ близко и смотрѣли на него не стѣсняясь, должны были оба оставить домъ.

Между тѣмъ, на дорогѣ, по которой шелъ царь, собралось много народа. Его царское величество — человѣкъ высокаго роста, статный, крѣпкаго тѣлосложенія, подвижной, ловкій; лицо у него круглое, со строгимъ выраженіемъ, брови темныя, волосы короткіе, кудрявые и темноватые. На немъ былъ надѣтъ саржевый инноцентъ, т.-е. кафтанъ, красная рубашка и войлочная шляпа. Онъ шелъ быстро, размахивая руками, и въ каждой изъ нихъ держалъ по новому топорищу. Такимъ видѣли его тысячи людей, а также моя жена и дочь.

Возвратясь къ Офертому, онъ, вторично, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ, какъ производится перетаскиваніе судовъ, а отсюда пошелъ къ своей буеръ-яхтѣ, намочилъ паруса, сталъ опять у руля и, по обыкновенію, выѣхалъ рулевымъ въ Амстердамъ, не дождавшись окончанія перевозки корабля черезъ Офертомъ.

5-го сентября пріѣхали сюда, въ Вестъ-Зандамъ, три лица, принадлежавшія къ великому посольству; двое изъ прибывшихъ были опредѣлены къ Герриту Янсону Стюрману для изученія мачтоваго дѣла, а третій къ Паувельсу Тейвиссону для изученія ботоваго дѣла... Въ началѣ они всѣ и особенно первые два, жаловались на сильную боль въ рукахъ, а это, собственно, было понятно, такъ какъ руки ихъ были мягки, какъ шелкъ, и не привыкли къ такой работѣ; но со временемъ и это уладилось.

Герритъ Янсонъ Стюрманъ разсказалъ намъ, что однажды великій князь навѣстилъ на верфи этихъ учениковъ мачтоваго дѣла, самъ взялъ плотничій топоръ и работалъ имъ не хуже любого мачтоваго мастера.

11-го числа его царское величество имѣлъ въ Утрехтѣ свиданіе съ Вильгельмомъ, королемъ Англійскимъ. Тамъ, въ отдѣльной комнатѣ, они вели длинную бесѣду, продолжавшуюся, говорятъ, два или два съ половиною часа; затѣмъ они очень любезно разстались.

Нѣсколько дней спустя, его царское величество отправился на о. Тессель на яхтѣ Остъ-Индской компаніи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ господъ. Тамъ онъ посадилъ на корабль одного князя изъ Московіи, котораго посылалъ въ Остъ-Индію, и одного знатнаго господина, отправляемаго въ Суринамъ. Это были именно тѣ два вельможи, которые сидѣли такъ долго въ кандалахъ въ старомъ Геренъ-ложементѣ, и о которыхъ я говорилъ выше.

28-го числа, когда царь былъ на о. Тесселѣ и въ Гельдерѣ, прибыли съ Божьей помощью благополучно корабли изъ Гренландіи съ хорошимъ уловомъ; большая часть изъ нихъ вошла во Фли, а остальные въ Тессель. Дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, и, говорятъ, что съ кораблями легко могло бы случиться несчастіе, если-бы они пришли тремя часами позже, такъ какъ тогда прилйвъ какъ разъ ужъ кончился-бы.

Его царское величество наблюдалъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ, какъ корабли въ такую бурю входили въ Тессель...

Разъ великій князь съ немногими изъ своей свиты катался по Эй для своего удовольствія въ ботикѣ, купленномъ у маляра Виллема Гарменсона за 40 гульденовъ и кружку пива. Онъ плылъ мимо верфи и магазина Адмиралтейства по направленію къ юго-востоку отъ Амстердама, а за нимъ слѣдовало много другихъ ботиковъ и лодокъ, чтобы видѣть его; но многіе изъ нихъ слишкомъ близко подплывали къ нему, и это вызвало его неудовольствіе. Онъ началъ скорѣе грести, направляясь къ высокому Зедейку, перетащилъ тамъ ботикъ и поѣхалъ по Бинненъ-Амстелю въ городъ. Любопытнымъ же пришлось воротиться.

Былъ и такой случай: великій князь катался на парусахъ на своей буеръ-яхтѣ по Керкраку, а поблизости находилось одно изъ нашихъ амстердамскихъ пассажирскихъ судовъ, гдѣ на палубѣ собралось много людей, горѣвшихъ желаніемъ видѣть царя... Судно это подошло слишкомъ близко къ царю, а онъ, желая отдѣлаться отъ назойливости любопытныхъ, схватилъ двѣ пустыя бутылки и бросилъ ихъ, одна за другой, на пассажирское судно прямо въ толпу, но, къ счастью, никого не задѣлъ...

Его царское величество и всю его свиту содержали на общій счетъ государства и говорятъ, что бургомистръ Николай Витсенъ въ Амстердамѣ получилъ для этой цѣли изъ казначейства наличными деньгами сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ. Если столько израсходовано въ одномъ Амстердамѣ, то, въ общемъ, не дешево обошелся этотъ гость нашей странѣ.

5-го октября состоялась аудіенція его великаго посольства у господъ генеральныхъ штатовъ.

Великій князь желалъ незамѣтно присутствовать на аудіенціи и съ этой цѣлью поѣхалъ въ Гагу. Но какъ странно онъ велъ себя дорогой и въ самой Гагѣ, видно изъ нижеслѣдующаго:

Фанъ деръ Гейде младшій, мастеръ пожарныхъ насосовъ въ Амстердамѣ, разсказывалъ въ нашей деревенской ратушѣ въ Вестъ-Зандамѣ въ собраніи магистрата, что самъ г. Витсенъ сообщилъ ему слѣдующее, увѣряя, что все это дѣйствительно случилось:

Великій князь, бургомистръ Николай Витсенъ и еще два лица сѣли въ Амстердамѣ въ коляску, чтобы ѣхать въ Гагу; но царь захотѣлъ посадить съ собой еще своего карлика. Упомянутыя выше лица возразили ему, что тогда будетъ слишкомъ тѣсно; но онъ отвѣтилъ: «въ такомъ случаѣ, пусть онъ сядетъ ко мнѣ на колѣни», такъ что пришлось взять карлика. Царь выразилъ желаніе ѣхать не прямо черезъ городъ, а кругомъ и, замѣчая по дорогѣ много мельницъ, справлялся о назначеніи каждой изъ нихъ. Подъѣзжая къ мельницѣ для шлифовки камней, онъ спросилъ: «что это за мельница»? Получивъ объясненіе, онъ сказалъ: «это я хочу видѣть». Коляску остановили, но оказалось, что мельница не работала и никого тамъ не было. Послали за мастеромъ; но его не могли найти такъ скоро, и потому поѣхали дальше. На Гарлемской дорогѣ онъ увидѣлъ маленькую водяную мельницу, спросилъ: «что это такое?» и выслушавъ объясненіе, сказалъ: «я хочу ее осмотрѣть». Его спутники увѣряли, что онъ промочитъ себѣ тамъ ноги, такъ какъ мѣсто было болотисто; но несмотря на это, пришлось остановиться. Онъ отправился къ мельницѣ; а на дорогѣ оказалось столько воды, что онъ, пройдя нѣсколько шаговъ, долженъ былъ вернуться съ мокрыми ногами. Подъѣзжая къ Гарлему, онъ сказалъ: «я не хочу ѣхать черезъ городъ». Бургомистръ Витсенъ объяснилъ ему, что другой дороги нѣтъ. На шеѣ у него былъ платокъ бургомистра Витсена, а лицо онъ закрылъ своимъ плащемъ, и такимъ образомъ они ѣхали черезъ городъ.

Вскорѣ послѣ того они проѣзжали мимо большого, прекрасно устроеннаго имѣнія. Онъ спросилъ: «кому оно принадлежитъ»? Витсенъ отвѣтилъ, что хозяинъ этой усадьбы амстердамскій купецъ. Онъ сказалъ: «я хочу ее осмотрѣть». Тогда спросили разрѣшенія и хозяинъ согласился на это; но царь потребовалъ, чтобы всѣ люди удалились изъ дома. Витсенъ отвѣтилъ: «я постараюсь это устроить, но приказать имъ не могу, такъ какъ хозяинъ и хозяйка сами находятся въ домѣ». Изъ уваженія къ бургомистру хозяева, дѣйствительно, удалились на время. Царь осмотрѣлъ постройки и усадьбу, и затѣмъ поѣхали дальше.

При спускѣ на паромъ коляска получила толчекъ, вслѣдствіе чего онъ спросилъ: «это что такое»? Когда ему объяснили, что это переправа, онъ сказалъ: «это я хочу посмотрѣть»... Наступилъ уже темный вечеръ, такъ что пришлось зажечь фо-

нарь, и онъ измѣрялъ длину, ширину и вышину парома, пока свѣча не погасла отъ вѣтра. Тогда они продолжали путь.

Въ 11 часовъ вечера пріѣхали въ Гагу, остановились въ квартирѣ Амстердамскихъ господъ, и на его вопросъ: «гдѣ я буду спать?» ввели его въ красивую комнату съ удобной кроватью, но онъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, гдѣ стояла постель служанки, и объявилъ: «тутъ я хочу спать». Нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ: «хочу отправиться къ моему великому посольству», и, хотя его уговаривали остаться, ничто не помогло; несмотря на то, что было уже 12 часовъ ночи, запрягли коляску и отвезли его въ Дуленъ, гдѣ помѣщалось его великое посольство. Тутъ онъ опять спросилъ: «гдѣ я буду спать»? Ему показали хорошую кровать, но онъ пробѣжалъ по всѣмъ комнатамъ, наткнулся, наконецъ, на грязнаго простого слугу, который спалъ на медвѣжьей шкурѣ, толкнулъ его и крикнулъ: «вставай, вставай»! Русскій проснулся, но не успѣлъ еще опомниться отъ сна, какъ великій князь уже крикнулъ снова: «вставай, вставай, тутъ я хочу спать». Простой москвитянинъ понялъ, наконецъ, кто собственно его такъ безцеремонно будитъ и поторопился оставить свою медвѣжью шкуру.

На этой медвѣжьей шкурѣ расположился его царское величество, чтобы провести ночь. На другой день онъ пожелалъ видѣть аудіенцію, назначенную его великому посольству гг. генеральными штатами, и съ этой цѣлью присутствовалъ инкогнито въ сосѣдней комнатѣ. Сидѣть въ ней ему, однако, скоро надоѣло и онъ сказалъ бургомистру Витсену, что пріемъ слишкомъ долго продолжается и что онъ желаетъ уйти, но не хочетъ, чтобы гг. члены генеральныхъ штатовъ его видѣли, вслѣдствіе чего и требуетъ, чтобы они отвернулись. Витсенъ отвѣтилъ, что онъ этимъ господамъ предписывать ничего не можетъ, такъ какъ они представители страны, но что онъ передастъ имъ, въ чемъ дѣло. Такъ онъ и сдѣлалъ и возвратился съ отвѣтомъ, что господа штаты согласны встать, повертываться же къ царю спиной не намѣрены. Въ этотъ день на его величествѣ былъ большой парикъ; имъ онъ закрылъ себѣ лицо и быстро выбѣжалъ изъ комнаты...

Вышеупомянутые ученики ботоваго и мачтоваго дѣла и нѣкоторые другіе москвитяне наняли у Дирка Классона Гейнеса,

Библіотекі

недалеко отъ Финкепада, «каменную комнату», т.-е. заднее помѣщеніе дома...

Тамъ они поселились всѣ вмѣстѣ и держали своего собственнаго грязнаго повара и музыканта; послѣдній, говорятъ, хорошо игралъ. Ученики мачтоваго дѣла потомъ уѣхали и занимались на мачтовой верфи адмиралтейства въ Амстердамѣ, а князь — мастеръ ботоваго дѣла ѣздилъ разъ въ Утрехтъ, чтобы навѣстить своего брата, который учился тамъ пиротехникѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время Зандамскаго кермиса *), его царское величество пріѣзжалъ сюда, чтобы навѣстить своихъ людей. Онъ прошелъ по рядамъ лавочекъ, выстроенныхъ по случаю кермиса, и остановился у своихъ подданныхъ въ упомянутой каменной комнатѣ, гдѣ его отлично угощали. Черезъ два или три дня онъ уѣхалъ въ Амстердамъ на своей буеръ-яхтѣ, которая стояла здѣсь у Остеркаттегата. До отъѣзда онъ еще разъ ходилъ на одну изъ лѣсопильныхъ мельницъ и осматривалъ ее подробно, причемъ онъ своими собственными руками спустилъ тормазъ и такимъ образомъ остановилъ мельницу; затѣмъ онъ опять поднялъ его и пустилъ мельницу въ ходъ.

Еслибъ мы захотѣли описывать всѣ выдумки и странныя затѣи, которыми онъ тѣшился здѣсь, въ Амстердамѣ, и вообще, въ нашемъ отечествѣ, то пришлось бы исписать еще много бумаги.

---

19 Января (1698 г.), великій князь уѣхалъ въ Англію со свитой, состоявшей изъ девяти или десяти лицъ, и послѣ очень счастливаго плаванія благополучно достигъ Лондона, гдѣ въ верхней палатѣ инкогнито видѣлъ короля Вильгельма, сидящаго на престолѣ въ королевскомъ одѣяніи съ короной на головѣ; сюда явились и лорды въ своихъ роскошныхъ костюмахъ съ коронками на головахъ.

Затѣмъ онъ осматривалъ нижнюю палату и, вообще, всѣ достопримѣчательности и рѣдкости. Онъ имѣлъ и особое свиданіе съ королемъ Вильгельмомъ; говорятъ, что эту зиму онъ будетъ путешествовать по Англіи...

Москвитяне, которые еще оставались здѣсь, пользовались зимнимъ временемъ и усердно учились кататься на конькахъ

---

*) Народное гулянье въ день храмового праздника.

по льду, причемъ они неоднократно падали и сильно ушибались. А такъ какъ они, по неосторожности, иногда катались и по тонкому льду, то нѣкоторые изъ нихъ проваливались въ воду по шею. Между тѣмъ, они отлично переносили холодъ и потому не торопились надѣвать сухое платье, а продолжали кататься еще нѣкоторое время въ мокромъ; затѣмъ уже они переодѣвались въ сухое платье и снова отправлялись кататься. Этимъ они занимались такъ ревностно, что дѣлали успѣхи и нѣкоторые изъ нихъ могли отлично бѣгать на конькахъ.

Во время пребыванія его величества въ Англіи епископъ Салисбюрійскій, по порученію архіепископа Кентерберійскаго, и какой-то другой богословъ, по порученію архіепископа Іоркскаго, разъясняли ему ученіе протестантской церкви.

Тамъ же онъ ознакомился подробно съ техникой кораблестроенія и нанялъ нѣсколько инженеровъ и огнестрѣльныхъ мастеровъ для войны съ Турціей и нѣсколько плотниковъ-кораблестроителей. Ему подарили роскошную транспортъ-яхту, оцѣненную въ двѣсти тысячъ фунтовъ, и кромѣ того фрегатъ, чтобы конвоировать яхту въ Архангельскъ. Въ маѣ мѣсяцѣ оба корабля вышли въ море съ полнымъ экипажемъ.

Онъ осмотрѣлъ и Портсмутъ, гдѣ для него эскадра военныхъ судовъ произвела примѣрную битву. Еще до своей поѣздки въ Портсмутъ онъ извѣстилъ коменданта Джибсона, что не хочетъ, чтобы ему устраивали торжественную встрѣчу, такъ какъ онъ пріѣдетъ поздно вечеромъ. Его желаніе было исполнено, и онъ тотчасъ по прибытіи на свою квартиру легъ спать. За то при отъѣздѣ его провожали пальбой изъ 54 громадныхъ пушекъ...

7-го мая его царское величество вернулся благополучно изъ Англіи въ Голландію на двухъ англійскихъ военныхъ корабляхъ и королевскихъ яхтахъ.

15-го мая вечеромъ ушло изъ Амстердама въ Тессель восемь баржъ и на каждой было около 80 человѣкъ, которые нанялись на службу къ великому князю и теперь должны были отправиться въ Московію на голландскихъ корабляхъ.

21-го числа пріѣхалъ на своей буеръ-яхтѣ изъ Амстердама сюда въ Зандамъ его царское величество съ княземъ Сибирскимъ (Сибирь это важное княжество въ Московіи) и съ маленькой свитой...

Ему очень хотѣлось видѣть, какъ мелютъ табакъ; поэтому Класъ Арентсонъ и его сынъ Арентъ Блумъ повезли великаго князя и князя Сибирскаго на своемъ ботикѣ по Зану къ дому Дирка Янсона, откуда они самой близкой дорогой, черезъ поле, отправились на мельницу; здѣсь они оба очень внимательно смотрѣли, какъ мололи стебельки табаку.

Потомъ великій князь пожелалъ видѣть, какъ приготовляется нюхательный табакъ, и они пошли на мельницу Класса Симонсона Гейнтье. Царь не захотѣлъ идти по Геренвегу, гдѣ собралось много народа, желавшаго его видѣть; поэтому они шли полемъ, пока это было возможно, затѣмъ сѣли въ ботикъ и доѣхали на немъ до мельницы. Тамъ великій князь и князь Сибирскій смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ, какъ мололи дорогой нюхательный табакъ.

Чтобы избѣжать взоровъ любопытныхъ, они поѣхали отсюда на ботикѣ прямо до западнаго конца Земанспада и прибыли туда, когда уже стемнѣло. Великій князь и князь Сибирскій вошли въ домъ Корнелиса Михильса Калфа и оставались здѣсь до 11 часовъ вечера, свита же не знала, гдѣ они находятся, но на ночь они вернулись въ квартиру свиты.

22-го мая царь хотѣлъ уѣхать, но это ему не удалось сразу. Замѣтивъ, что на улицѣ собралась большая толпа, желавшая его видѣть, онъ не выходилъ изъ квартиры, а любопытные стояли на улицѣ съ утра до самаго обѣда. Наконецъ, они устали, имъ надоѣло такъ долго напрасно ждать, и каждый пошелъ своей дорогой. Замѣтивъ это, онъ пошелъ по опустѣвшей улицѣ вмѣстѣ съ княземъ Сибирскимъ*) и нѣкоторыми изъ своихъ людей къ буеръ-яхтѣ и уѣхалъ въ Амстердамъ. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Германію, Вѣну и т. д.

Генеральные штаты Соединенныхъ Нидерландовъ уже въ маѣ предписали губернаторамъ и комендантамъ тѣхъ городовъ и крѣпостей, чрезъ которые должно было проѣзжать великое московское посольство, встрѣчать его пушечной пальбой. Кромѣ того было приказано гофмейстеру Гесселю угощать посольство на счетъ нашей страны и освободить его отъ путевыхъ издержекъ вплоть до нашей границы. Это такъ и было исполнено.

Такимъ образомъ, наконецъ, наше государство и Вестъ-

*) Неизвѣстно, кто былъ упоминаемый здѣсь князь Сибирскій.

Зандамъ лишились великаго, высокаго, знаменитаго, замѣчательнаго и дорогого гостя.

Теперь разскажу о его путешествіи, послѣ его отъѣзда, за предѣлами нашего государства; объ этомъ сообщали сюда въ письмахъ слѣдующее:

26-го іюня состоялся въѣздъ посольства въ Вѣну.

29-го іюня одинъ изъ Московскихъ князей былъ въ Вѣнѣ у императора. Его императорское величество встрѣтилъ его въ аванъ-залѣ съ непокрытой головой и потомъ надѣлъ шляпу; но князь отказался послѣдовать его примѣру и обѣ высокія особы остались съ непокрытыми головами. При этомъ присутствовали только оберъ-камергеръ Валенштейнъ, оберъ-гофмейстеръ Фонъ-Дитрихштейнъ и первый посолъ Лефортъ.

Далѣе изъ Вѣны писали слѣдующее:

5-го іюля. Московскій князь 3-го числа посѣтилъ театръ и оперу. Несмотря на свое инкогнито, онъ былъ со дворомъ на оленьей охотѣ и ему было оказано много любезностей. Онъ самъ выразилъ императору, что это былъ самый счастливый день въ его жизни, когда его величество встрѣтилъ его, какъ своего любимаго брата...

На содержаніе московскаго посольства было ассигновано три тысячи гульденовъ въ недѣлю.

12 числа. Онъ былъ на музыкѣ въ Гумпендорфѣ, гдѣ играло болѣе ста музыкантовъ на разныхъ инструментахъ; балъ продолжался почти всю ночь.

Московскіе князья получили въ подарокъ нѣсколько математическихъ инструментовъ. Вчера они осматривали императорскую казну, кунсткамеру, палату со сбруей и разнымъ красивымъ оружіемъ и библіотеку. Сегодня восемь лицъ изъ посольства уѣхали въ Венецію, а можетъ быть, и въ Римъ.

26 іюля. Московскій князь слушалъ 23-го числа въ домѣ іезуитовъ большую мессу, которую служилъ кардиналъ Колоницъ, и тамъ же обѣдалъ. Затѣмъ онъ ѣздилъ водою въ Пресбургъ, гдѣ осматривалъ венгерскую корону и другія достопримѣчательности, и 24-го возвратился. 25-го онъ посѣтилъ императорскую школу верховой ѣзды, послѣ обѣда простился со дворомъ и сегодня собирается ѣхать въ Венецію и затѣмъ въ Римъ. Нѣкоторыя лица изъ его свиты выѣхали туда уже вчера.

2-го августа вышеупомянутый князь, который учился ботовому дѣлу, и другіе москвитяне угощали здѣсь въ Вестъ-Зандамѣ на своей квартирѣ прекрасными кушаньями и напитками нѣкоторыхъ знатныхъ московскихъ торговцевъ и барышень изъ Амстердама.

8-го числа они получили здѣсь достовѣрное извѣстіе, что въ Москвѣ вспыхнулъ большой бунтъ.

30-го іюля писали изъ Вѣны слѣдующее:

28-го числа московскихъ пословъ повели съ большой торжественностью изъ ихъ квартиры въ Гумпендорфѣ на аудіенцію къ императору, причемъ впереди 50 вѣнскихъ гражданъ несли подарки пословъ, состоявшіе изъ драгоцѣнныхъ соболей, горностаевъ, золотыхъ и серебряныхъ матерій и другихъ драгоцѣнностей.

Предполагали, что Московскій князь въ день отправки послѣдняго письма поѣдетъ въ Италію, но онъ на этотъ разъ отложилъ путешествіе и уѣхалъ со свитой въ Москву на тридцати почтовыхъ лошадяхъ.

11-го августа въ Гагѣ получены были письма изъ Вѣны съ извѣстіемъ, что самый знатный Московскій князь съ двумя московскими послами и со свитою въ составѣ тридцати лицъ уѣхалъ въ Московію, чтобы черезъ четыре дня (sic) быть въ Москвѣ.

Я. Номенъ.

СОВРЕМЕННИКИ ПЕТРА I ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Первыя впечатлѣнія.

Въ Амстердамѣ видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ родятся алмазы, изумрудъ и коралькн *), и всякія каменья; золото течетъ изъ земли отъ великаго жару, и всякія морскія вещи видѣлъ.

Младенца видѣлъ женскаго пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лице поперегъ полторы четверти; привезена была на ярмонку. (Видѣлъ тутъ же) слона (великаго), который игралъ миноветы, трубилъ по турецки,

*) У русскихъ авторовъ сохраняемъ орфографію подлинниковъ.

по черкаски, стрѣлялъ изъ мушкатанта и многія дѣлалъ забавы; дѣлалъ симпатію (имѣетъ симпатію) съ собакою (которая непрестанно съ нимъ пребываетъ, зѣло дивно) преудивительно.

(На ярмонкѣ) видѣлъ метальника, который черезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и станетъ на ногахъ.

Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣлеса младенческія и какъ зачнется во чревѣ и родится. Видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся нутренная рознета разно, и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки. Жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ, какъ нитки.

Видѣлъ 50 тѣлесъ младенческихъ въ спиртахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны...

Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей кожи, которая на мозгу у человѣка живетъ: вся въ жилахъ, косточки маленькія, будто молоточки, которые въ ушахъ живутъ.

Животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртахъ; мартышки, звѣри, (индѣйскіе) маленькіе и змѣи предивныя, лягушки, рыбы (многія) дивныя и птицы разныя (зело) дивнія-жъ и коркодилы (крокодилы), змѣй съ ногами, голова долга, змѣй о двухъ головахъ... Жуки предивные, бабочки—великое собраніе. Видѣлъ мужика безрукаго, который въ карты игралъ, изъ пищали стрѣлялъ и набивалъ, самъ у себя бороду брилъ; поставитъ на столѣ на самой край стулъ и подъ стулъ поставитъ рюмку; станетъ на стулъ ногами, и нагняся достанетъ зубами рюмку, съ шпагами танцовалъ, въ стѣну бросалъ (шпагою), зело прытко, ногою (писалъ)...

Змѣю видѣлъ полчетверти сажени (одинъ кусокъ 282 фунта).

Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды; на мѣсяцъ смотрѣли и видѣлъ (можно видѣть), что есть земля и горы; а мѣрою та труба десять (съ десять) сажень.

Видѣлъ стекло, чрезъ которое можно растопить серебро и желѣзо; тѣмъ же стекломъ топили камень самой крѣпкой, и съ того камня выжгли подобно (будто) хрусталь, и тѣмъ хрусталемъ рѣзали стекло какъ алмазомъ. (Тѣмъ же стекломъ) жгли дерево подъ водою, воды было пальца на четыре, вода

закипѣла и дерево зажгли; а ефимокъ растопится, какъ «Отче нашъ» проговорить. Топили свинецъ и сожгли въ пепелъ, изъ того пепла вытопили камень, подобно янтарю.

Видѣлъ голову, здѣланную деревянную, человѣческую, говоритъ; заводятъ, какъ часы; а что будешь говорить, то и оная голова говоритъ.

Видѣлъ двѣ лошади деревянныя на колесѣ; садятся на нихъ и скоро ѣздятъ куда угодно, по улицамъ; снимаютъ кольца копьемъ...

Неизвѣстный.

Въ Италіи.

Марта 14 числа переѣхали 16 миль, ѣхали все горами, пріѣхали въ городъ Лорета, въ которомъ городѣ имѣется домъ Пресвятыя Богородицы, пренесенный Ангелы; глаголютъ тотъ домъ быти тотъ, который былъ въ Назаретѣ, въ которомъ Пресвятѣй Богородицѣ отъ Архангела Гавріила было Благовѣщеніе, и въ которомъ воспитала Сына своего Господа нашего Іисуса Христа, въ которомъ же дому пренесеся и образъ Пресвятыя Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, вырѣзанъ изъ дерева, и сосуды чашечка и блюдечки, изъ которыхъ сама Пресвятая Богородица и Сынъ и Богъ Ея питался, глиняныя, въ томъ дому окно, гдѣ было Благовѣщеніе, и камень или труба, гдѣ Пресвятая Богородица огнь клала и варила ястіе: тотъ домъ палата каменная, стоитъ безъ фундамента четыреста лѣтъ, а стоитъ нынѣ въ великой церкви, и кругъ того дому снаружи обдѣлано вновь палатою изъ мармора, и по всему вырѣзаны притчи Евангельскія и иныя весьма богато и искусно, и скарбъ въ той церквѣ Ея Пресвятыя Богородицы для дому Ея присланный отъ всѣхъ Монарховъ и отъ великихъ знатнѣйшихъ Особъ отъ каменьевъ алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и иныхъ, также отъ золота, серебра и жемчугу, превеликій и неисчетный; чаю будетъ на нѣсколько милліоновъ.

Тутъ живетъ Епископъ и начальствуетъ.

Въ ономъ городѣ Лоретѣ медлили сутки для осмотренія всего...

И марта 21 числа, нанявъ въ три коляски шесть лошадей почтовыхъ, въѣхали въ Римъ, и стали нанявъ дворъ у Патра,

въ которомъ домѣ многія палаты и весьма хорошо убраны.

Тогожъ дня, увѣдавъ Папа о пріѣздѣ Боярскомъ, прислалъ къ Боярину Дворецкаго своего...

Марта 23 числа пріѣзжалъ къ Боярину той же Папежской Дворецкой съ тремя Папежскими каретами, и Бояринъ съ братьями ѣздилъ въ церковь Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, гдѣ ихъ мощи почиваютъ: и тутъ надъ мощми ихъ слушалъ обѣдню, по совершеніи же той обѣдни казали Боярину *Копіе*, которымъ на Крестѣ прободенъ бысть Господь и Богъ нашъ; по томъ казали *Образъ Спасителевъ*, который самъ Господь Богъ вобразилъ на полотнѣ или платѣ, которой платъ поднесла ему утертися святая мученица *Веронїка* подъ часъ вольнаго Его страданія и несенія Креста на Голгофу; напослѣди же казали великую часть *древа* Животворящаго *Креста*, и вся сія у нихъ зѣло въ великомъ благоговѣніи и почитаніи...

Марта 24 дня ѣздили въ тѣхъ же каретахъ въ церковь Святаго Іоанна Предтечи...

Вышедъ изъ той церкви по правую сторону у другой церкви Спасовой придѣлана лѣсница марморовая, которая привезена изъ *Іерусалима*, по которой Господь Богъ веденъ отъ Каифы къ Пилату на осужденіе смерти, осужденъ и біенъ отъ Пилата, по той же лѣсницѣ веденъ на распятіе; Кровь его капала на той лѣсницѣ, которая видна и до сего дня, надъ которою кровію нынѣ учинены кресты, и ходятъ непрестанно на ту лѣсницу ползающе на колѣняхъ; на всякой же ступенькѣ говорятъ: *Отче нашъ*.

Возшедши на ту лѣсницу въ церквѣ образъ Господа нашего Іисуса Христа, которой писанъ Лукою Евангелистомъ съ самыя Ипостаси Христовы во время бытія Его на земли; и стоялъ той образъ въ домѣ Пресвятыя Богородицы, которой образъ нѣкогда ураженъ камнемъ, отъ чего истече кровь, которая и доднесь видна на пресвятомъ лицѣ Его...

Марта 28 дня ѣздили въ *Гошпиталь* Святаго Духа, въ которомъ больныхъ всякими болѣзнями немоществующихъ принимаютъ, и лечатъ и кормятъ со всякимъ прилѣжаніемъ, и всякому особливыя учинены постели мягкія и всякая нужда больнымъ, и за всякимъ ходитъ особливой человѣкъ: а бываетъ ихъ въ томъ Гошпиталѣ по пяти, и по десяти, и по пятнатцати тысячь, и прошлаго лѣта сказывали, что было ихъ пят-

натцать тысячь; а для лѣкарствъ тутъ же въ Гошпиталѣ учинены великія аптеки, и притомъ Докторы и Лѣкари многіе, и въ томъ Гошпиталѣ посреди учиненъ Престолъ, на которомъ всякой день служатъ обѣдню, а сей Гошпиталь учиненъ превеликой, и въ немъ разныя многія палаты.

Подлѣ сего же Гошпиталя Святаго Духа учиненъ другой дворъ и палаты превеликія, въ которомъ собрано бѣдныхъ сиротъ, которыя не имѣютъ отцовъ и матерей и домовъ, женска полу дѣвокъ большихъ и малыхъ больше двухъ тысячь, которыхъ кормятъ и одѣваютъ тутъ же изъ Гошпиталя: и всякой особая постеля съ бѣлыми простынями, и всякая имъ потреба безъ нужды, и всѣ работаютъ, иныя прядутъ, иныя ткутъ сукна, а маленькія вяжутъ чулки; и тутъ все то продаютъ на тотъ же Гошпиталь, а которыя дѣвки невѣсты похотятъ за мужъ, и такимъ на приданое даютъ по сту скудовъ, а скудъ считается близко рубля, а роздаетъ то приданое въ церкви самъ Папа, или велитъ Кардиналамъ въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: что особно для того празднуютъ, и нынѣшняго года при бытности Боярской въ Римѣ роздано того приданаго четыремъ стамъ дѣвкамъ, и бываетъ у нихъ въ тотъ день *процессіа*, а тѣ дѣвки всѣ идутъ въ той *процессіи*...

Маія 23 числа въ Неаполѣ будучи присылалъ Арцыбискупъ Нунціясъ Папежской къ Боярину объявить, чтобы того дня Боярінъ изволилъ ѣхать въ Дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится *кровь* Святаго Великаго Угодника Господня *Іанурія*, которая *кровь* у тѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ ее изъ сокровищницы съ процессіею въ церковь, и ставятъ на престолъ, и служатъ литургіи. Многажды же во время святыя литургіи оная святая кровь пречудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива. И прислалъ оный Арцыбискупъ къ Боярину свою карету о шести возникахъ, съ Маршалкомъ дому своего съ Патромъ, которой ѣздилъ съ Бояриномъ. Какъ пришелъ Боярінъ въ церковь, то мало подождавъ принесли оную святую *кровь* съ великимъ благоговѣніемъ и процессіею въ церковь, и поставили на престолъ. Сія святая *кровь* хранится въ маломъ хрустальномъ сосудѣ; въ половину того сосудца видѣніемъ, акибы запеклась, и тотъ сосудецъ повернули вверхъ дномъ; *кровь* же не переливается, а видится, акибы засохла, и стоитъ

вверьху того сосудца; а какъ почали служить литургію, и какъ прочитали Евангеліе, то оная святая *кровь* помалу начала опускаться внизъ, и опустилась до самаго дна, не распустившися во весь тотъ сосудецъ, но отстояща отъ всѣхъ боковыхъ сторонъ почала кипѣть и перебираться вверхъ и внизъ зѣло пречудесно и удивительно, что видя всѣ люди находившіеся въ той церквѣ въ великомъ были радованіи, и по обыкновенію Латинскому били въ свои перси, премногіе же плакали. По отправленіи литургіи оную святую *кровь* кипящую всѣ цѣловали съ великимъ страхомъ и слезами, благодаря Бога за такое превеліе чрезъ оную святую *кровь* показанное чудодѣйствованіе. По томъ отнесли опять съ процессіею въ сокровищницу. Сказывали тутъ въ церквѣ Боярину Іереи, служители той церкви, что де оная святая *кровь* износится изъ сокровищницы не многажды въ годъ и показуетъ де она тое чудо чрезъ кипѣніе, иногда на первой литургіи, иногда на второй и на третей, иногда и на многихъ литургіяхъ не показуется чудо, и то де приписуемъ мы тогда великому нашему согрѣшенію, и молящеся чинимъ де процессію, и потомъ де видѣнію того чудеси сподобляемся. Бояринъ и съ нимъ бывшіе самовидцы онаго преславнаго чудеси...

Іюня 5-го числа... Звали Боярина Езуиты смотрѣть ихъ Академію, въ которой учатъ письменнымъ всякимъ наукамъ и инымъ многимъ художествамъ. И Бояринъ ѣздилъ, а какъ пріѣхали и вошли въ Академію, тогожъ часа Ректоръ оной Академіи просилъ Боярина сѣсть на особливоуготованномъ для Боярина мѣстѣ... По томъ вышелъ изъ другой палаты одного Знатнаго человѣка сынъ, и ставъ на высокомъ мѣстѣ, поздравлялъ Боярина, говорилъ привѣтствіе по Латыни.

По томъ казали, какъ бивалися прежніе богатыри копьями и саблями, убравъ шесть человѣкъ въ латы: по томъ многіе Знатныхъ отцовъ дѣти билися на рапирахъ, и выходили со знамены строемъ, и строй оказывали пѣхотной, и знамя уклоняли: по томъ поставя изъ дерева сдѣланную лошадь, всякія волтижированія оказывали, садяся на ту лошадь и черезъ перескакивая, а наконецъ разныя танцы и миноветы танцовали. Всему этому учатъ особливые мастеры мірскіе люди, а не Езуиты; на дворѣ же ѣздили на лошадяхъ, и показывали *манежъ* ученіе конное. Послѣ чего Бояринъ привитався со мно-

гими знатными Господами, съ Езуитами и съ учителями, поѣхалъ до квартиры.

Въ бытность Боярскую въ *Неаполѣ* тутошніе жители два дни были въ великомъ страхѣ и ужасѣ отъ горы *Везувіи*, горящей непрестанно; потому что въ тѣ два дни превеликой изъ оной горы исходилъ огонь, былъ громъ, трескъ и шумъ, и кидало вкругъ горы мили на три и на четыре большія огненныя каменья; многія же съ той горы протекли огненныя лавы, при чемъ живущихъ около сей горы пожгло, побило и перераниле каменьями многихъ людей, также и всякіе пожгло заводы, отъ чего въ городъ *Неаполь* сбѣжалося народу съ тритцать тысячь, которыхъ сего города начальствующіе Господинъ Вицерой и Кардиналъ три дни кормили своимъ коштомъ, давали имъ на день по *тарину*, а на Русскія деньги по двѣ гривны: раненыхъ же приказали лѣчить: и въ тѣ два дни въ городѣ *Неаполѣ* такой сыпало отъ оной горы пепелъ, что никакъ по городу ходить было не возможно, и насыпало того пепла во всемъ городѣ по всѣмъ улицамъ больше нежель на четверть аршина, отъ чего сдѣлалась престрашная духота, отъ которыя слабые люди почали было болѣть, что видя Вицерой и Кардиналъ, причли быти оному особливому на нихъ гнѣву Божію, во удовлетвореніе чего и умилостивленіе Бога въ третій день во второмъ часу утра чинили они процессію, ходили со Кресты изо всѣхъ церквей и монастырей по городу всѣ духовные люди и сами Вицерой и Кардиналъ, и весь народъ съ женами и съ дѣтьми; а многіе изъ мірскихъ людей и изъ знатныхъ Особъ, показуя свои труды, носили въ той процессіи каменья великіе и песокъ, какъ можно съ нуждою человѣку несть, убравшися въ особливое бѣлое платье, и покрывъ лице, чтобъ не узнали: послѣ чего тоя ночи въ полночь великой былъ дождь, и весь оный пепелъ въ городѣ по улицамъ прибило; въ горѣ же огонь такъ утихъ, что только дыму мало видно было, и отъ того всѣ люди отраду воспріяли.

Неизвѣстный изъ посольства Шереметева.

Путевыя замѣтки.

Августа въ 17-й день (1697 г. Падуя)... Въ Падвѣ есть академія дохтурская великая, въ которой бываетъ студентовъ по 1000 че-

ловѣкъ и больше. Пріѣзжаютъ въ ту академію для дохтурскихъ наукъ изъ разныхъ государствъ честные люди, и бываетъ та академія заперта Іюня съ первыхъ чиселъ по Сентябрь, и въ тѣ мѣсяцы въ той академіи науки и дѣйства никакого не бываетъ. Обыкность тамъ о студентахъ имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую скончитъ, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падвѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ «вивать»; а отъ того студента, скончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человѣкъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, которые тому студенту кричатъ «вивать». Тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ «вивать, вивать», а все то чинится казною того студента, который скончилъ свою науку, и потомъ того студента инспекторъ его со Езувитами въ костелѣ коронуетъ. Въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быть не повиненъ, только одни Езувиты или иные законники и инспекторъ его, то-есть мастеръ. И короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его и по обыкновенію какъ надлежитъ изъ той академіи его съ честью отпустятъ. Есть въ Падвѣ академія, гдѣ учатъ лошадей; тамъ сдѣланы палаты великія, и при тѣхъ палатахъ сдѣлана конюшня, а передъ палатами и передъ конюшнею есть площадь, на которой лошадей учатъ...

Бывши я въ Падвѣ, желалъ видѣть изрядной и дивной вещи и на всемъ свѣтѣ славной, еже есть источникъ горячихъ водъ, которыя воды имѣютъ въ себѣ естественную горячность. И нанявъ коляску, поѣхалъ я изъ Падвы къ тѣмъ источникамъ горячихъ водъ послѣ обѣда и доѣхалъ до нихъ однимъ часомъ, ибо тѣ горячія воды разстояніемъ отъ Падвы 5 миль Итальянскихъ; а какъ я до тѣхъ горячихъ водъ отъ Падвы ѣхалъ, и по обѣ стороны той дороги видѣлъ многіе домы и сады и огороды изрядные дивнымъ мастерствомъ построены. Когда жъ я до тѣхъ горячихъ водъ доѣхалъ, и видя ихъ зѣло удивлялся, ибо истекаютъ многіе источники на горѣ не гораздо высокой и проходятъ тѣ источники разно, единъ другому въ противное, а на верху средины той горы есть совокуплено той горячей воды якобы малое озерко, и изъ того озерка одинъ источникъ отведенъ по желобамъ немного одаль, и построена на томъ источникѣ мель-

ница каменная, которая мелетъ всякій хлѣбъ. Смотри разума тѣхъ обитателей Итальянскихъ: и ту воду, которую на всемъ свѣтѣ за диво ставятъ, даромъ не потеряли, ища себѣ во всемъ прибыли. Другіе источники тѣхъ горячихъ водъ приведены съ той помяненной горы въ домъ, который домъ построенъ близко тѣхъ источниковъ горячихъ водъ, и въ томъ домѣ тѣхъ горячихъ водъ источники проведены въ палату, въ которой палатѣ устроены два творила немалыя каменныя, и въ одно изъ тѣхъ творилъ та горячая вода пущена, а въ другое творило пущена студеная вода, и изъ творила въ творило сдѣланы трубы, гдѣ тѣ воды, горячая и студеная, проходить могутъ и мѣшаться, чтобъ въ тѣхъ творилахъ могли мыться люди; ибо той горячей воды, не растворя холодною водою, невозможно человѣку ни единаго въ нее перста обмочить за великою естественною горячестью. И, такъ растворя ту горячую воду холодною водою, входятъ въ тѣ творила люди и моются для здоровья, понеже дохтуры Падовскіе говорятъ, что та горячая отъ естества своего вода къ здравію человѣческому зѣло употребительна. А какъ той горячей воды не растворить холодною водою, и въ ней по нуждѣ можетъ малое мясо свариться, а яйцо куричье безъ нужды сварится въ ней скоро. И видятся тѣ источники горячихъ водъ, якобы въ нихъ вода всегда кипѣла, и бываютъ въ тѣхъ горячихъ водахъ всегда густые пары подобны дыму, а имѣютъ тѣ пары духъ къ обонянію человѣческому тяжелый подобно тому, какъ пахнетъ нефть горѣлая или скипидаръ. А изъ которой горы тѣ источники горячихъ водъ идутъ, та гора каменная и со всѣхъ сторонъ скатиста, имѣетъ на себѣ продушины тѣсныя какъ можно рукѣ человѣческой пройти, и изъ тѣхъ продушинъ проходитъ паръ тому жъ подобенъ, какъ и отъ вышеписанныхъ горячихъ водъ и съ такимъ же неполезнымъ обоняніемъ, а горячести изъ тѣхъ продушинъ большой не бываетъ...

Марта въ 12-й день (1698 г. Миланъ)... Пріѣхалъ я до костела, въ которомъ видѣлъ картины дивныя Итальянскихъ писемъ, которыя покупаны высокою цѣною: за одну картину давано по 20000 филиповъ, и того будетъ по 10000 червонныхъ золотыхъ. Около тѣхъ картинъ подѣланы вмѣсто рамъ доски рѣзныя шириною безъ мала по аршину, на которыхъ вырѣзаны древнихъ лѣтъ гисторіи стараго закона. Тѣ доски преудиви-

тельной работы. Также въ томъ костелѣ по стѣнамъ писемъ живописныхъ изряднаго мастерства много, и все строеніе того костела изрядное и удивленію достойно. При томъ костелѣ живутъ бѣлые попы, которые въ томъ костелѣ служатъ по вся дни обѣдни. Изъ того костела пріѣхалъ и въ остарію, въ которой стоялъ я для того, что припалъ часъ обѣда. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я смотрѣть библіотеки великой и видѣлъ въ той библіотекѣ множество книгъ всякихъ языковъ. Въ той же библіотекѣ стоятъ два глобуса великіе. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ кунштовъ, т.-е. образцовъ изряднаго мастерства рѣзнаго изъ алебастру и изъ разныхъ матерій и лѣпленныхъ изъ гипсу. Тутъ же видѣлъ вырѣзано изъ бѣлаго мрамора подобіе человѣческое и воинскія всякія вещи на одной доскѣ такою пречудною работою, которой никто подробну описать не можетъ; и иныхъ вещей преузорочныхъ рѣзныхъ работъ въ той библіотекѣ множество, о которыхъ нынѣ писать для умедленія оставлю. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ множество преузорочныхъ писемъ живописныхъ по мѣднымъ и по деревяннымъ доскамъ и по полотнамъ и по разнымъ матеріямъ, о которомъ мастерствѣ языкъ человѣческій и сказать подробну не можетъ; только для высокости цѣны тѣхъ писемъ напишу здѣсь одну вещь. Есть между тѣми вышепомяненными письмами четыре вещи, написаны на мѣдныхъ доскахъ мѣрою въ высоту и въ ширину по аршину. На одной написанъ элементъ или стихія земли, на другой вода, на третьей воздухъ, на четвертой огонь, и за четыре вещи курфюрстъ Саксонскій, который и нынѣ есть король Польскій, давалъ по 16000 червонныхъ золотыхъ за каждую вещь и нынѣ радъ ту цѣну дать, только Медіоланцы изъ той библіотеки никакой вещи ни за что не продаютъ. И иныхъ такихъ писанныхъ вещей, которыя стоятъ высокой цѣны, въ той библіотекѣ множество. Построена та библіотека изряднымъ мастерствомъ. Въ той библіотекѣ между палатами сдѣлана фонтана изрядная, изъ которой истекаютъ изрядныя чистыя воды. Въ той же библіотекѣ видѣлъ книгу зѣло велику математицкихъ наукъ, писанную древнихъ лѣтъ, а не печатную, и сказываютъ, что той книгѣ есть 300 лѣтъ, какъ она писана; а цѣну ей сказываютъ великую, что-де имъ давалъ за нее Англичанскій король 8000 червонныхъ золотыхъ. Въ той библіотекѣ

видѣлъ книгу писанную Греческимъ языкомъ по холстинѣ, зѣло ветха, и подписано, что той книгѣ, какъ она писана, есть 1635 лѣтъ; и иныхъ древнихъ лѣтъ книгъ, писанныхъ рукою св. Амвросія Медіоланскаго, много. И еще есть въ Медіоланѣ двѣ библіотеки, только тѣ малы при сей вышеписанной библіотекѣ...

Мая въ 1-й день (Венеція)... Въ Венеціи бываютъ оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціи были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бываютъ, великія, округлыя, и называютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская была работа, дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накось, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бываютъ временныя преспективы дивныя, и людей бываетъ въ одномъ оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человѣкъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бываютъ изрядные, золотые и серебряные, и каменью бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бываютъ и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій; кто которую гисторію излюбилъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ; и музыка въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами человѣкъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ по 30000 и по 40000 дукатовъ. Комедіи въ Венеціи бываютъ хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціи Ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престаютъ, потомъ паки начинаютъ во время карнавала Ноября въ послѣднихъ числахъ

или Декабря въ первыхъ и бываютъ до самаго Великаго поста во вся вечеры, кромѣ Воскресенья и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами; и для того надѣваютъ мущины и женщины машкары и платье странное, чтобъ другъ друга не познавали...

Іюля въ 1-й день (Неаполь)... Пріѣхалъ прежде къ одному городу отъ Неаполя 10 миль Ит., который называется Пуцелію. Въ томъ городѣ, оставя коляску, сѣлъ въ одну филягу и поѣхалъ моремъ до того мѣста, гдѣ есть въ морѣ натуральная горячесть и, пріѣхавъ къ одной невеликой горѣ, изъ той филяги вышелъ... Подъ той горою подѣланы были древле отъ Нерона-мучителя каменныя бани, въ которыхъ были воды холодныя и горячія отъ натуры, т.-е. отъ существа, а не огнемъ грѣтыя; и нынѣ тѣ бани цѣлы, и воды въ нихъ холодныя и горячія отъ натуры есть всегда.

Потомъ поѣхалъ я до того мѣста, гдѣ во древнія лѣта былъ городъ, который называется Каштель-ди-Бая. Тотъ городъ былъ области Нерона-мучителя и великъ былъ гораздо, около его было мѣрою 10 миль Ит., стоялъ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ было знатно изрядное каменное, котораго и нынѣ остатки есть. Тотъ городъ весь развалился, и мѣсто то, гдѣ былъ, поросло лѣсомъ, однако-же и нынѣ видны суть остатки того города: палаты и божницы поганскихъ боговъ, которыя были въ томъ городѣ построены при проклятомъ помяненномъ мучителѣ - Неронѣ. Подъ тѣмъ городомъ портъ, т. - е. пристанище морскимъ судамъ, лучшее во всей Гишпани и Неаполитани. Въ томъ мѣстѣ видѣлъ я божницу поганаго бога Каприссорія, сдѣланну изъ каменью въ землѣ. Въ той божницѣ сводъ каменный, на томъ сводѣ множество напечатано поганскихъ боговъ; а на левкасѣ, или на извести, что̀ напечатано, того за множествомъ лѣтъ совершенно познать не можно, однако жъ предивной и удивленія достойной работы было то дѣло, и какою живностью изображены тѣ поганскихъ боговъ образы, о томъ подлинно описать не могу. Божница была во

имя поганскаго бога Венуса, сдѣлана изъ плинѳовъ, какихъ нынѣ нигдѣ не обрѣтается. Тѣ плинѳы дѣланы шириною и длиною въ аршинъ, а толщиною въ одинъ вершокъ аршина и зѣло крѣпки. Была та божница велика зѣло, круглая, знатно и нынѣ внутри той божницы во многихъ мѣстахъ по стѣнамъ письма стѣнныя изрядныя. Божница жъ знатно была длинная и вся развалилась, только нынѣ стоитъ ея малая часть, а сдѣлана была та божница во имя поганской богини Діаны. Также и иныя знатно божницы боговъ поганскихъ Меркуріева и инихъ, которымъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ. Вмѣсто того вышепомяненнаго Неронова города Каштель-ди-Бая, который въ конецъ разрушился, сдѣланъ нынѣ вновь городъ близко того стараго мѣста тѣмъ же именемъ Каштель-ди-Бая, при самомъ же морѣ...

Близко того мѣста при самомъ морѣ знатно домъ мучителя проклятаго цесаря Нерона, малый остатокъ палатъ; знатно, что были изряднаго мастерства. Въ иныхъ мѣстахъ стѣнное знатно письмо, писано мусіею, а иное строеніе каменное жъ того дому знатно въ морѣ. Недалеко отъ того дому знать было строеніе каменное, а нынѣ уже въ морѣ, которое было построено однимъ Римскимъ сенаторомъ Артанціушемъ, гдѣ тотъ Артанціушъ призывалъ къ берегу изъ моря рыбу иималъ себѣ на потребу, которую хотѣлъ.

Близко того мѣста гробъ матери мучителя-Нерона въ горѣ низко въ землѣ. Надъ тѣмъ гробомъ есть древнее строеніе каменное...

Августа въ 23-й день (Флоренція)... Изъ того дому пришелъ къ церкви св. архидіакона Лаврентія, которая зачата дѣлать тому 94 года, и непрестанно отъ того времени какъ начата и по сіе время дѣлаютъ, а еще недокончена, и чаютъ, что еще больше десяти лѣтъ той церкви докончить невозможно. Та церковь немалая, осмероугольная, во всѣ стѣны ровная, съ лица сдѣлана изъ сѣраго камени предивнымъ мастерствомъ; по многимъ мѣстамъ кругомъ оконъ вставленъ алебастръ изрядною гладкою работою, а изнутри та церковь вся сдѣлана изъ розныхъ мраморовъ такою преславною работою, какой работы на всемъ свѣтѣ лучше не обрѣтается. И въ тѣ мраморы врѣзываны каменья цвѣтные Индѣйскіе и Персидскіе и раковины и корали и янтари

и тунпасы и хрустали такою преудивителѣною работою, котораго мастерства подлинно описать невозможно. Около тѣхъ розныхъ мраморовъ кладены дорожники мѣдные литые, золоченые запарнымъ золотомъ. Тѣ цвѣтные мраморы такъ въ лицѣ поставлены власно какъ изрядныя зеркала, и въ тѣхъ камняхъ та церковь и бывающіе въ ней люди видимы власно какъ въ зеркалахъ. Въ ту церковь изготовленъ алтарь Римскій, сдѣланъ весь изъ чистаго золота преудивительнымъ мастерствомъ, которому цѣна одинъ миліонъ червонныхъ золотыхъ.

Въ той же церкви у стѣнъ подѣланы изъ розныхъ же мраморовъ гробы, въ которыхъ лежать будутъ тѣла древнихъ великихъ Флоренскихъ князей; между тѣми сдѣланъ гробъ, гдѣ лежать по смерти тѣлу нынѣшняго грандуки, т.-е. великаго князя Флоренскаго. Тѣ гробы подѣланы такой преузорочной работою, что уму человѣческому непостижимо, и надъ тѣми гробами поставлены персоны вышеименованныхъ Флоренскихъ великихъ князей, также и нынѣшняго великаго князя Флоренскаго надъ его гробомъ стоитъ, а высѣчены всѣ тѣ персоны ихъ изъ алебастру изряднымъ мастерствомъ и съ такими фигурами, которыхъ подробну описать невозможно...

П. Толстой.

Въ Германіи, Голландіи и Англіи.

15 Октября 1705 г. Городъ Лейпцихъ короля польскаго, въ которомъ обрѣтается славная академія въ Германіи или, больше молвить, между лютеры. И бываетъ тысячъ по три и больше студентовъ. Тутъ же великая марканція и бываетъ въ годъ 3 феры *) или три ярманки, на которыхъ купечество славное живетъ со всей части Европы, какъ на прикладъ: изъ Франціи, изъ Голландіи, изъ Италіи и изъ другихъ, и также бываетъ съѣздъ великой кавалерамъ, а ярманки бываютъ по двѣ недѣли и которая нынѣ была — останется вовсе, началась сентября 24 дня. И на той ярманкѣ, бываютъ великіе векселя во всю Европу и въ Индію, кому нужда брать куды денегъ, и другая ей подобная во всей Германіи — Франкфуртъ, которой городъ близъ рѣки Рейна **) вольный городъ, и также въ томъ 3 разы

*) La foire.

**) Франкфуртъ на Майнѣ?

въ годъ бываетъ. А кромѣ тѣхъ бытностей — городъ на кавалеровъ жить — скушной гораздо, только жъ знатныхъ персонъ учатся гораздо много, не такъ чтобъ княжьскихъ или другихъ подобныхъ, только персонъ шляхетныхъ; также и книгъ нѣмецкаго языка иныхъ нѣтъ такихъ нигдѣ, какъ тутъ и такъ по нѣмецки нигдѣ не говорятъ хорошо и справедливо, какъ въ Лейпцихѣ. А людьми наполненъ купеческими чужоземцами; а проходу къ нему водянаго нѣтъ, только все купечество отправляется провозомъ — фурманы, также каретъ и лошадей добрыхъ достать можно. А провозу заплатилъ я отъ Карзбата 21 гульденъ — три лошади и простой фурманъ, 4 персоны, а что будетъ отсель дано провозу, объ томъ явимъ.

А кто торговыхъ здѣсь богатыхъ, которые имѣютъ купечество большое и вексель — кориспондуетъ съ московскими, у которыхъ и Паткуль и тѣхъ объявить особливо въ книжкѣ, гдѣ всѣхъ имена записываютъ, знакомыхъ въ бытность мою въ томъ городѣ. Въ ту пору, мою бытность, сидѣли королевичи польскіе Якунъ да Константинъ за арестомъ въ замкѣ, которой сдѣланъ твердо, не новою фабрикою — старою.

Камендантъ въ томъ городѣ одинъ полковникъ, солдатъ три кампаніи или четыре. Купечество все имѣетъ привозу сухимъ путемъ, и тамошняя бытность пріѣзжимъ дорога; персонѣ, на день, обычайному кавалеру, — станція и ѣсть по полтинѣ, а ординаріи людемъ — гривна. Палаты хорошія и улицы, а бытности моей было тутъ 3 дня и седьмагонадесять октября поѣхалъ на почтѣ въ путь свой въ Голландію...

25-го октября 1705 г... Городъ Амстрадамъ стоитъ при морѣ въ низкихъ мѣстахъ и во всѣхъ улицахъ пропущены каналы, такъ велики, что можно корабли вводить, и по сторонамъ тѣхъ каналовъ такъ улицы широки, что въ двѣ кареты, въ иныхъ мѣстахъ можно ѣхать. И по улицамъ посажены деревья, однако-жъ много писать не буду, что многихъ бытность здѣсь была и нынѣ есть и сами видѣли, а и напреть сами будутъ видѣть, а не видимые, отъ тѣхъ слышать; для того нынѣшнихъ временъ обычай имѣютъ, каждый желаетъ свѣту видѣть, то пишу не всѣмъ посполить персонамъ—тѣмъ, которымъ принадлежитъ какъ принцамъ, графамъ и каждому шляхетству...

И всѣ тѣ улицы въ Амстрадамѣ первыя и домы палаты на нихъ лучшія, и по обѣ стороны великія деревья при каналѣ

на берегу и между тѣми фонари, только-жъ тотъ обычай всегда имѣютъ во всемъ Амстрадамѣ по всѣмъ улицамъ фонари, и на всякую ночь повиненъ каждый, противъ своего дому, ту лампаду жечь. А на тѣхъ помянутыхъ улицахъ плезиръ или гулянье людямъ великое.

Ратуша, которая сдѣлана вся изъ камня бѣлаго, и великая и въ ней рѣзныя штуки такъ, которая въ свѣтѣ первая считается, а что въ ней буду нѣкоторое описать.

Купечество великое, которое въ Европѣ больше всѣхъ считается и народъ все живетъ торговый и вельми богатый — такъ, сподѣваюся, что нигдѣ, и, сказываютъ, будто въ день приходитъ въ ратушу денегъ по 50 тысячь ефимковъ и такъ бы было въ годъ 18 милліоновъ и 250 тысячъ, и то ординаріи, а ежели положить съ накладами — для войны могутъ взять втрое столько или вчетверо — на надобность десятой деньги.

Судъ ихъ отправляется четырьми бургомистры; одинъ изъ нихъ сидитъ четверть года президентомъ, а въ другой годъ бургомистрымъ другіе садятся, только изъ старыхъ одинъ остается.

Видѣлъ одинъ домъ въ Амстрадамѣ, птицъ индѣйскихъ — вельми хороши и одного попугая маленькаго, такъ что съ скворца, весь зеленъ, а кругомъ глазъ желтое, а хвостъ вельми дологъ.

Шпиталь гораздо хорошъ, гдѣ пріютъ старыхъ бабъ, которыхъ обычайно держатъ — 900 человѣкъ...

Всего 5 часы, которы играютъ, а изъ тѣхъ все лучшее на кирхѣ, что возлѣ ратуши, называется — Старая церковь.

Народъ все подъ публичными кирхами — реформиры и потомъ лютори — имѣютъ церкви. Третьи квакори *) въ домахъ, а церкви не имѣютъ. Жидовской есть — публичной; католицкая — инкогнито; многіе костелы, только есть разные — иные, которые папу не признаютъ Министенъ **) — въ домахъ, а не церковь. Церковь персицкая — инкогнито — въ домѣ; церковь армянская — въ домѣ-жъ.

А министы есть, деферентъ — первое и другіе антенисты, также иныхъ много. Домъ, гдѣ воровъ держатъ, которые, сидя

---

*) Квакеры.

**) Минимы?

въ тюрьмахъ, трутъ сандалъ. Домъ — два — богадѣльни, женской и мужской.

Домъ, гдѣ безумныхъ людей держатъ. Домъ прядильной, гдѣ прядутъ, сидя, бабы, которыя виновны въ такихъ винахъ.

Ратуша гораздо хороша, сподѣваюся, что нигдѣ такой нѣтъ, и внутри вся нарѣзана алебастромъ, и изъ алебастра штуки вырѣзаны, и одна штука вырѣзана, которая огорожена балясами, гдѣ вырѣзана скрипка и другія фигуры, работы гораздо хорошей.

Дворъ Остинской, другой Вестинской, гдѣ корабли дѣлаютъ. Гораздо заводы хороши и велики и артиллерію имѣютъ великую, только не прибрано въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ.

Биржъ или такая сдѣлана площадь, гдѣ сходятся торговые люди каждаго дня своей повинности для торговыхъ дѣлъ, договариваться и тутъ имѣютъ всегда сводъ или соединеніе торговъ и такъ всегда бываетъ людей много, что на всей той площади люди ходятъ съ великою тѣснотою. Не сподѣваюся — нигдѣ такого сходбища торговаго — какъ тутъ, и бываетъ часа три или два, а сходятся зимнимъ временемъ о двѣнадцати часовъ, а расходятся, полтора часа по-полудню или два часа, а лѣтнимъ временемъ сходятся десять, а расходятся 12 часовъ, то-есть въ самые полдни...

Декабря 19-го купилъ въ Амстрадамѣ два глоба, даны 33 гульдена, да книгъ разныхъ 20 гульденовъ, коробочка бѣленькая книжкою, насѣчена серебромъ гвоздиками, дана 8 гульденовъ.

Часы двои карманные, одни будто серебряные, а другіе будто золотые, даны 7 гульденовъ. Коробочку бѣлую костяную купилъ, которая оватомъ *), а верхъ точеный, дана 7 гульденовъ.

1706—1 генваря... Платки на остинскомъ дворѣ куплена цѣлая штука, дана 18 гульденовъ, будетъ 15 платковъ.

Книга «Атласъ малой», данъ 6 гульденовъ, французскимъ языкомъ.

Книга «Опера **) Быдлова», о анатоміи, дана 5 гульденовъ.

12 генваря... Въ Англіи всѣ подъ именемъ реформиты реліи, только же есть въ нихъ между реформиты, раздѣленіе и другъ

---

*) Оваломъ.

**) Сочиненіе.

другу противные. Первые называются бышкуплике, другіе конформисты, а въ провинціи Шкотлантской и тѣмъ обеимъ противны, которые называются нонъ конформисты, другіе называются дезентіерштъ; и такъ есть въ Англіи четыре реліи (религіи) розныхъ.

Въ Англіи все отправляется съ парламенту, только ихъ парламентъ есть двѣмя способами, и консиліи ихъ бываютъ двѣмя парламенты. Первый парламентъ называется «Гогоръ-гоусъ», въ которомъ дуки, князи, бискупы и графы или всѣ большихъ фамилей люди; въ томъ парламентѣ только бываетъ два бискупа, которой парламентъ больше не бываетъ въ 80 персонахъ или во 100 персонахъ, которые въ консиліи своемъ отправляютъ дѣла государственныя и военныя. Другой парламентъ называется «Лагъ-гоусъ», въ которомъ бываютъ депутаты отъ провинцей изъ городовъ и отъ слоботъ, по нашему пасацкіе люди, въ которомъ консиліи совѣтуютъ о торгахъ и о сборахъ денегъ или объ иныхъ какихъ податяхъ и объ иныхъ внутреннихъ дѣлахъ своего государства или земскихъ дѣлѣхъ, а не о постороннихъ; въ которомъ парламентѣ бываетъ 400 персонъ и до 500 человѣкъ.

Только-жъ такой порядокъ, что будетъ сдѣлано въ одномъ парламентѣ, и повинно тѣ приговоры объявить другому парламенту, и ежели и другимъ парламентомъ на то позволятъ тому быть, такъ и состоится, а ежели въ другомъ парламентѣ на тѣ приговоры не позволяютъ, то не можетъ состояться.

Особливе всѣ такъ говорятъ, что другой парламентъ «Лагъ-гоусъ» сильнѣе перваго парламента «Гогоръ-гоусъ».

И потомъ, какъ все установятъ парламентами, потомъ должно то предложить передъ короля, только ему во свидѣтельство, что то сдѣлано и приговорено было такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать...

20-го генваря... Парикъ съ мѣшечкомъ данъ 14 гульденовъ...

Февраля 15 учился Филька оправлевать париковъ, дано 6 гульденовъ...

24 февраля... Купленъ парикъ русой, которой за печатью съ узла мохнатыми, данъ 24 гульдена. Чулки чорные шолковые, аглинскіе полъ 8 гульдена, другіе гарусные 5 гульденовъ...

Кн. Б. И. Куракинъ.

Дома—послѣ заграничныхъ поѣздокъ.

УСМИРЕНІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ.

1.

7206 г. (т.-е. 1698 г.) Іюня въ 11 день, сказана сказка стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ и жильцамъ, чтобъ имена свои записывали въ разрядѣ для того, что въ нынѣшнемъ 7206 году своимъ самовольствомъ безъ указа Великаго Государя идутъ со службы съ Великихъ-Лукъ четыре приказа Стрѣлецкихъ, покинувъ своихъ четырехъ полковниковъ; а вмѣсто тѣхъ полковниковъ выбрали они стрѣльцы изъ своей братьи начальныхъ людей четыре человѣка и идутъ къ Москвѣ собою для волненія, и смуты и прелести всего Московскаго государства.

И о томъ съ Москвы послѣ сказки по городамъ посланы Великаго Государя грамоты, чтобъ ѣхали всякихъ чиновъ люди не мѣшкавъ къ Москвѣ, безсрочно.

Іюня въ 13 день, во вторникъ, по указу Великаго Государя генералъ Петръ Ивановичъ Гордонъ съ пѣхотою, съ солдатами съ Бутырскими и съ Преображенскими и Семеновскими вступилъ на Ходынку и сталъ обозомъ.

И послѣ его генерала Петра Ивановича выступилъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ съ конницею изъ Москвы въ обозъ, въ среду Іюня въ 14 день, и того числа былъ смотръ всѣмъ стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ и жильцамъ.

Іюня въ 16 день, въ третьемъ часу дня, въ Тушинѣ расписаны были роты: и кому быть у ротъ ротмистрами и кому гдѣ въ ротѣ; чтены имена ихъ и заводчикамъ и есауламъ.

И того же числа бояринъ Алексѣй Семеновичъ съ полками изволилъ итти въ Воскресенское наскоро, и дошелъ того числа до Воскресенскаго монастыря поздно, часу въ другомъ ночи, и въ то время полки управлялись конница и пѣхота.

А приказы Стрѣлецкіе, которые шли съ Лукъ-Великихъ, пришли къ тому же Воскресенскому монастырю, и сошлась пѣхота съ пѣхотою, а не стрѣльцы съ солдатами.

И генералъ Петръ Ивановичъ Гордонъ съ тѣми стрѣльцами говорилъ, и они ему кланялись и съ нимъ говорили: «мы-де идемъ къ Москвѣ милости просить о своихъ нуждахъ, а не драться и не биться». И они-жъ стрѣльцы той ночи, пришедъ къ монастырю, стали, убрався обозомъ съ пушками и со всякимъ ружьемъ, ратнымъ ополченіемъ.

И по утру, въ субботу, бояринъ Алексѣй Семеновичъ къ стрѣльцамъ посылалъ отъ себя товарищей своихъ и самъ имъ о всемъ изволилъ говорить, чтобъ они, взявъ жалованье, шли бы на службу въ указанное число.

И стрѣльцы въ томъ упорно отказали и просились къ Москвѣ повидаться съ женами и съ дѣтьми; и послѣ того просили они изъ Москвы къ себѣ женъ и дѣтей. И какъ де жены и дѣти у насъ будутъ, куды де великій Государь насъ послать укажетъ, туда де мы и пойдемъ.

И бояринъ Алексѣй Семеновичъ приказалъ въ полковомъ шатрѣ начинать молебенъ и воду святить, а ротамъ велѣлъ убираться, такъ же и пѣхотѣ къ бою.

И стрѣльцы у монастыря стоятъ, устроясь обозомъ со всякимъ ружьемъ. Въ то же число пѣли свой молебенъ и воду святили, и къ бою многіе исповѣдывались, и крестъ всѣ цѣловали промежъ собою, что имъ умереть другъ за друга, безъ всякія измѣны.

И послѣ молебнаго пѣнія бояринъ и воевода Алексѣй Семеновичъ приказалъ идти своимъ ротамъ, и поставлены были тѣ роты на горѣ противъ ихъ Стрѣлецкаго обоза, саженъ во шестьдесятъ, а генералъ Петръ Ивановичъ Гордонъ съ пѣхотою съ солдатами сталъ, выбрався съ пушками по другую сторону противъ ихъ обоза, на горѣ.

И послѣ того полковаго управленія и убора, бояринъ Алексѣй Семеновичъ посылалъ къ нимъ къ ихъ Стрѣлецкому обозу говорить посыльнаго Тимофея Ржевскаго, чтобъ они ружья покинули и вышлибъ изъ обоза и въ виностяхъ своихъ Великому Государю добили челомъ, и Великій Государь въ винѣ ихъ пожалуетъ, проститъ. А будетъ они стрѣльцы ружья свои не покинутъ, и изъ обоза съ виной не выдутъ, и бояринъ Алексѣй Семеновичъ велитъ къ нимъ въ обозъ и по нихъ стрѣлять изъ пушекъ безъ милости.

И стрѣльцы въ томъ Ржевскому отказали, и изъ обоза своего не вышли своимъ непокорствомъ, и говорили сами, чтобъ по нихъ изъ пушекъ стрѣлять: «мы де того не боимся; видали де мы пушки и не такія».

И бояринъ Алексѣй Семеновичъ, видя ихъ такое къ себѣ непокорство и злое ихъ такое намѣреніе, приказалъ по нихъ стрѣлять изъ пушекъ. И по нихъ изъ пушекъ почали стрѣлять. И стрѣльцы ударили по барабанамъ тревогу, и всѣ стали подъ знаменами и по уреченнымъ мѣстамъ въ обозѣ, и почали стрѣлять изъ своихъ полковыхъ пушекъ изъ обоза; только отъ нихъ вреда мало чинилось, Богъ хранилъ, а только ранили небольшихъ: а у нихъ убытокъ сталъ быть и утрата отъ пушекъ великая. И они почали шапки махать и знамена свои положили и почали изъ обоза бѣжать и къ боярину выходить; а попы ихъ полка взяли на руки полковыя иконы и пошли изъ обоза вонъ; а изъ пушекъ стрѣльба не унялась; а иные пошли было изъ обозу на вылазку, только оторопѣли; и послѣдніе вышли изъ обоза, и ихъ выгнали въ роты къ конницѣ и гнали ихъ, какъ животину, до Воскресенскаго монастыря, и въ монастырѣ ихъ посадили по разнымъ кельямъ за каруломъ.

А бояринъ пошелъ въ соборную церковь и слушалъ молебенъ, и послѣ молебнаго пѣнія кушалъ по позыву у архимандрита.

И съ тѣмъ отъ себя бояринъ послалъ сеунчимъ Михаила Приклонскаго.

И послѣ того стрѣльцовъ разбиралъ и смотрѣлъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ и спрашивалъ у тѣхъ полковъ у стрѣльцовъ: кто воры и кто добрые люди? и которые были на Москвѣ и бунтъ заводили? И ихъ о томъ о всемъ распрашивали и пытали; и послѣ распроса и пытки напередъ казнили бѣглецовъ, которые приходили къ Москвѣ, двадцать четыре человѣка.

И послѣ той казни, Іюля въ 27 день, въ воскресенье, присланъ съ Москвы окольничій князь Ѳедоръ Ивановичъ Шаховской.

И того же числа онъ боярина и воеводу Алексѣя Семеновича спрашивалъ о здоровьѣ и службу его милостиво похвалялъ, такъ же товарищей и его полка полчанъ, стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и начальныхъ людей солдатскихъ полковъ. И того же числа стрѣляли изъ пушекъ про Государское здоровье.

И послѣ того были розыски великіе и пытки имъ стрѣльцамъ жестокія; и по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены въ ихъ Стрѣлецкомъ обозѣ, гдѣ они чинили противность; а иные вѣшены по дорогѣ. А въ обозѣ ихъ побито и ранено всего сто семь человѣкъ; а казнено пятьдесятъ семь человѣкъ.

Іюля въ 3 день, въ воскресенье, въ Воскресенскомъ по указу Великаго Государя и по грамотѣ съ Москвы изъ Стрѣлецкаго приказа большаго полка боярина и воеводы Алексѣя Семеновича всѣхъ ратныхъ людей его полка ему боярину Алексѣю Семеновичу велѣно ихъ ратныхъ людей роспустить, пересмотря всѣхъ на лицо по своему разсмотрѣнію. И того же числа всѣ ратные люди по указу распущены. А достальныхъ стрѣльцовъ разослали въ ссылку по разнымъ городамъ; у всякаго человѣка забито на ногѣ по деревянной колодкѣ. А подводы были подъ тѣхъ стрѣльцовъ монастырскія: Тройцы Сергіева монастыря и иныхъ разныхъ монастырей.

И послѣ того по указу Великаго Государя, изъ Преображенскаго посланы были грамоты въ разные города по стрѣльцовъ, которые были посланы изъ Воскресенскаго монастыря для взятія тѣхъ стрѣльцовъ къ розыску.

И потому Великаго Государя указу тѣ стрѣльцы изъ разныхъ городовъ привезены были къ Москвѣ въ Преображенское. И въ Преображенскѣ тѣ стрѣльцы распрашиваны порознь; а послѣ распросовъ пытаны въ разныхъ застѣнкахъ, и розыски были непрестанные. А всѣхъ было 20 застѣнковъ, а въ тѣхъ разныхъ застѣнкахъ были у всякаго застѣнка бояре, и окольничіе и думные дворяне. И съ пытокъ тѣ стрѣльцы винились, и говорили про свое воровство и про умыслъ на многихъ людей. И потому ихъ оговору тѣ люди браты въ Преображенскомъ, и

давано имъ съ тѣми людьми въ застѣнкѣ очныя ставки, и съ очныхъ ставокъ пытаны-жъ.

Также брали изъ дѣвичья монастыря боярынь, и дѣвокъ и старицъ въ Преображенское, и въ Преображенскомъ онѣ распрашиваны, а по распросамъ пытаны...

И по розыску тѣ стрѣльцы казнены разными казнями. И по всѣмъ дорогамъ тѣхъ стрѣльцовъ тѣла кладены на колеса были по десяти человѣкъ, а сквозь колеса въ ступицы проткнуты въ колья ихъ стрѣлецкія головы. А иные повѣшены были по всему земляному городу, у всѣхъ воротъ по обѣ стороны. Также и у Бѣлаго города, за городомъ у всѣхъ воротъ; по обѣ-жъ стороны сквозь зубцовъ городовыхъ стѣнъ просунуты были бревна и концы тѣхъ бревенъ загвождены были изнутри Бѣлаго города, а другіе концы тѣхъ бревенъ выпущены были за городъ, и на тѣхъ концахъ вѣшаны стрѣльцы, а иные вѣшаны на дѣвичьемъ полѣ предъ монастыремъ и въ руки воткнуты ихъ челобитныя, а въ тѣхъ челобитныхъ написаны противъ ихъ повинки. Также у ихъ стрѣлецкихъ съѣзжихъ избъ они стрѣльцы вѣшаны человѣкъ по двадцати и по сороку и больше; а пуще изъ нихъ воры и заводчики: у нихъ за ихъ воровство ломаны руки и ноги колесами. И тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья и, тѣ стрѣльцы за свое воровство ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали.

И по указу Великаго Государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи, а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меньшиковъ.

А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ Тіунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, а тѣло его положено было на колесо также, что и стрѣльцы.

А въ Преображенскѣ у того розыска были и тѣхъ стрѣльцовъ казнили бояре и всѣ палатные люди сами топорами и палашами.

А женъ ихъ стрѣлецкихъ всѣхъ распускали, кто куда хочетъ, только-бъ онѣ на Москвѣ не были. И тѣхъ стрѣльчихъ брали къ себѣ по деревнямъ всякихъ чиновъ люди. А которые стрѣльцы были на службѣ по разнымъ городамъ, и къ нимъ сосланы жены

ихъ съ дѣтьми на вѣчное житье. А дворовое ихъ строенье велѣно имъ стрѣльчихамъ продавать: и онѣ то строенье продавали всякихъ чиновъ людямъ. А тѣ ихъ стрѣлецкія мѣста дворовыя, раздаваны всякихъ же чиновъ людямъ.

Да по оговору-жъ и по распросу пытаны верховые пѣвчіе, которые были вверху у Царевны въ разныхъ комнатахъ. И послѣ пытокъ тѣ пѣвчіе розданы разныхъ чиновъ людямъ съ росписками...

Февраля въ 3 день, по указу Великаго Государя, казнили на Красной площади стрѣльцовъ, которые явились въ измѣнѣ въ Воскресенскомъ, а казнили ихъ Преображенскаго полка прапорщикъ Андрей Михайловъ сынъ Новокщеной, да палачи Петрушка съ товарищами.

У казни былъ самъ Великій Государь, да бояринъ князь Михайло Никитичъ Львовъ, такъ же и иные прочіе.

Того-жъ числа на болотѣ казнены стрѣльцы; всего казнено на болотѣ 49 человѣкъ.

Февраля въ 4 день кликали кличъ Преображенскіе солдаты на площади, передъ Николою Гостунскимъ, чтобъ ѣхали въ Преображенское стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе и всякихъ чиновъ люди, кто хочетъ смотрѣть разныхъ казней, какъ станутъ казнить стрѣльцовъ и козаковъ Яицкихъ, а ѣхалибъ въ Преображенское безъ опасенія. И того же числа въ Преображенскомъ казнены стрѣльцы, а иные четвертованы; всего ихъ казнено 192 человѣка.

И. Желябужскій.

2.

Петръ I-й, бывшій тогда въ Вѣнѣ, получивъ извѣстіе объ этомъ мятежѣ, отправился, какъ можно скорѣе назадъ въ Москву черезъ Польшу, однако-жъ прибылъ бы очень поздно и, можетъ быть, приведенъ бы былъ въ очень затруднительное положеніе, если бы генералъ Гордонъ не нагналъ мятежниковъ и не потушилъ мятежа, прежде нежели онъ вспыхнулъ. Этотъ храбрый человѣкъ, которому Петръ при отъѣздѣ ввѣрилъ начальство надъ своими новыми полками, съ невѣроятной быстротой стянулъ ихъ, двинулся съ ними потомъ на путь мятежниковъ, прежде чѣмъ они соединились, разбилъ и разсѣялъ ихъ малые

отряды, и напослѣдокъ такъ окружилъ ихъ главное войско, что оно должно было сдаться на милость и немилость.

И такъ Петръ I-й нашелъ все успокоеннымъ при своемъ возвращеніи, однако-жъ не счелъ благоразумнымъ миловать мятежниковъ, а напротивъ воспользовался этимъ случаемъ для рѣшительнаго уничтоженія всего войска стрѣльцовъ, безъ различія правыхъ и виновныхъ. Какъ велико должно быть число казненныхъ стрѣльцовъ при совершеніи этого приговора, можно заключить изъ того, что не только изо всѣхъ бойницъ трехъ стѣнъ, окружающихъ городъ Москву, выставлены были бревна, и на каждомъ изъ нихъ висѣло по 3 и по 4 стрѣльца, но и вся торговая площадь въ Москвѣ устлана была сплошь плахами, на которыхъ ложились рядомъ осужденные на смерть мятежники и протягивали шею для удара Царю, который не только собственной высокой особой потѣшалъ себя этой работой, но побуждалъ еще къ тому и своихъ Бояръ.

Съ этой казни или лучше побоища до самой своей смерти Петръ I-й пользовался самой полной самодержавной властью въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, безъ малѣйшаго противорѣчія, и подлинно заставилъ своихъ дворянъ почувствовать иго рабства: совсѣмъ отмѣнилъ всѣ родовыя отличія, присуждалъ къ самымъ позорнымъ наказаніямъ, вѣшалъ на общенародныхъ висѣлицахъ самыхъ Князей Царскаго рода, упрятывалъ дѣтей ихъ въ самыя низкія должности, даже дѣлалъ слугами въ каютахъ (Kajûten jungen), всѣхъ безъ исключенія дворянъ принуждалъ къ военной службѣ подъ страхомъ тяжкаго наказанія, не давалъ значенія никакой другой чести или преимуществамъ, кромѣ такихъ, какія присваивалъ каждому чинъ его, пріобрѣтенный службой; однимъ словомъ, располагалъ ихъ жизнью и имуществомъ безъ малѣйшаго уваженія, по собственной волѣ и произволу.

Никогда, однако-жъ, не оказывалось никакого тайнаго общества, или заговора, противъ его особы, или самодержавія, несмотря на то, что онъ и потомъ проживалъ по цѣлымъ годамъ въ иноземныхъ краяхъ и употреблялъ большую часть своего войска за границей, хотя несчастное начало Шведской войны, и смуты, отъ времени до времени поднимаемыя Казанскими Татарами, Донскими Казаками и жителями Астрахани, а особливо недоразумѣнія у него съ его наслѣдникомъ Царе-

вичемъ, подавали безпокойнымъ умамъ довольно случаевъ къ волненіямъ. У вышеупомянутаго наслѣдника никогда не было ни намѣренья, ни духа на составленіе замысла противъ правленія, или жизни отца. Онъ никогда ничего и не искалъ больше того, какъ бы ему привести себя въ безопасность отъ ненависти и гоненія отца, какъ бы при томъ пользоваться тою свободой, чтобы каждый день бражничать съ своими Попами да съ прочими любимцами, обыкновенно негодными и недостойными людьми и вовсе не утруждать себя никакими дѣлами.

I. Фоккеродтъ.

ПЕТРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Сентября 2, 3, 4 (1698 г.)... Вечеромъ прибылъ въ Москву его Царское Величество съ двумя своими Послами Генераломъ Лефортомъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, а также съ нѣсколькими другими лицами, выдающимися своимъ достоинствомъ или вліяніемъ. Пресвѣтлѣйшій Польскій Король далъ въ провожатые Царю Генерала Начальника стражи Карловича и нѣкоего знатнаго Польскаго юношу, вліятельнаго при Королевскомъ Дворѣ; его Царское Величество всемилостивѣйше пожелалъ, чтобы эти лица прослѣдовали, сопутствуя ему, вплоть до Столицы. По возвращеніи Государь не пожелалъ остановиться въ обширнѣйшей Резиденціи Царей, Кремлевскомъ Замкѣ, но, посѣтивъ съ необычною въ другое время для его Величія любезностью нѣсколько домовъ, которые онъ отличалъ передъ прочими неоднократными знаками своей Милости, онъ удалился въ Преображенское и предался тамъ отдохновенію и сну среди своихъ солдатъ въ черепичномъ домѣ.

5-го. Между тѣмъ по городу пронесся слухъ, что пріѣхалъ Царь. Бояре и главные изъ Москвитянъ въ огромномъ количествѣ стекаются въ назначенное для представленія время туда, гдѣ, какъ было извѣстно, отдыхалъ Царь. Велико было число поздравителей, желавшихъ этой быстрой угодливостію выразить своему Государю постоянную и незапятнанную вѣрность. Первый Посолъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ не допускалъ въ этотъ день къ себѣ никого изъ своихъ кліентовъ,

подъ предлогомъ усталости, которую причинили ему невзгоды столь продолжительнаго и непрерывнаго путешествія; между тѣмъ его Царское Величество принималъ каждаго изъ приходящихъ съ такою бодростью, что, казалось, хотѣлъ предупредить усердіе своихъ подданныхъ; тѣхъ, которые, желая по своему обычаю почтить его Величество, падали передъ нимъ ницъ, онъ благосклонно поднималъ, и, наклонившись, какъ только могъ, цѣловалъ ихъ, какъ своихъ близкихъ друзей. Если только можетъ быть забыта ненависть отъ обиды, которая причинялась ножницами, безъ разбору свирѣпствовавшими противъ бородъ присутствующихъ, то, разумѣется, Московиты должны считать разсвѣтъ этого дня среди моментовъ своего счастія. Князь Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, Воевода Царской службы, первымъ подставилъ подъ ножницы препону своей слишкомъ длинной бороды. Да имъ и нѣтъ основанія считать это безчестіемъ, разъ виновникомъ этого является Государь, а они считаютъ священнымъ долгомъ пожертвовать самою жизнію по его произволу или распоряженію. И никто не подвергался насмѣшкамъ со стороны прочихъ, такъ какъ всѣхъ постигла одинаковая участь. Избавлены были только Патріархъ по суевѣрной святости къ его сану, Князь (Михаилъ) Алегуковичъ Черкасскій изъ уваженія къ его преклоннымъ лѣтамъ и Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ по почетной должности Царскаго оберегателя. Всѣмъ прочимъ пришлось перейти къ обычаю иноземныхъ народовъ, причемъ ножницы уничтожали у нихъ древнее обыкновеніе. Среди бесѣдъ объ иностранныхъ Государяхъ, которыхъ онъ посѣтилъ, Царь съ особымъ уваженіемъ упомянулъ о Королѣ Польскомъ. «Вы всѣ и каждый въ отдѣльности» (такъ говорилъ онъ предстоящимъ Боярамъ и Вельможамъ) «не стоите для меня его одного, не по высотѣ его Королевскаго достоинства, чѣмъ онъ выходитъ за предѣлы вашего жребія, но исключительно изъ любви къ нему, а это очень часто соединяетъ и сердца частныхъ лицъ». Такое вліяніе имѣло трехдневное свиданіе, во время котораго Царь наслаждался дружескимъ обхожденіемъ Короля. И доселѣ еще онъ хвастливо носилъ то оружіе, которымъ обмѣнялся съ Королемъ, желая указать, что заключенный съ нимъ дружескій союзъ тѣснѣе и крѣпче Гордіева узла и не можетъ быть никогда расторгнутъ никакимъ мечемъ.

6-го. Царь смотрѣлъ на воинскія упражненія своихъ полковъ; какъ только онъ убѣдился, насколько далеки эти полчища отъ настоящихъ воиновъ, онъ показывалъ имъ различные жесты и движенія на самомъ себѣ, уча наклоненіемъ собственнаго тѣла, какую тѣлесную выправку должны стараться имѣть эти безпорядочныя массы; наконецъ, когда ему надоѣло это грубое сборище, онъ отправился съ толпою бояръ на пиршество, которое по его желанію устроилъ его Посолъ Лефортъ. Ликованіе при заздравныхъ чашахъ усиливалось радостными звуками пушечныхъ выстрѣловъ, и веселое пиршество затянулось до поздняго вечера. Подъ покровомъ ночной тишины Царь съ очень немногими изъ самыхъ вѣрныхъ приближенныхъ поѣхалъ въ Кремль, гдѣ далъ волю своимъ Отцовскимъ чувствамъ по отношенію къ своему сыну Царевичу, очень милому ребенку, трижды поцѣловалъ его и осыпалъ многими другими доказательствами отцовской любви; послѣ этого онъ вернулся въ свой черепичный дворецъ въ Преображенскомъ, избѣгая видѣться съ Царицей, своей супругой; она ему противна, и это отвращеніе усилилось отъ давности времени...

14-го... Пиръ не былъ оконченъ, какъ его Царское Величество, полный ярости послѣ горячаго разговора со своимъ Воеводой Шеинымъ, оставилъ свое мѣсто. Сначала никто не зналъ его намѣренія, а потомъ открылось, что онъ ушелъ для разспросовъ солдатъ, чтобы освѣдомиться, сколько Полковниковъ и другихъ полковыхъ офицеровъ произвелъ выше названный Воевода за однѣ только деньги, не обращая вниманія на ихъ заслуги. Немного спустя онъ вернулся, и гнѣвъ его усилился до такой степени, что онъ обнажилъ мечъ и ударилъ имъ по столу предъ глазами Воеводы со слѣдующей угрозой: «Такъ поражу и истреблю я твой полкъ»! Въ пылу справедливаго негодованія онъ отходитъ къ князю Ромодановскому и Думному Никитѣ Моисеевичу; но, замѣтивъ, что они пытаются оправдать Воеводу, Царь распалился такъ, что, нанося обнаженнымъ мечемъ безъ разбору удары, привелъ въ ужасъ всѣхъ собесѣдниковъ: Князь Ромодановскій получилъ легкую рану въ палецъ, другой въ голову; у Никиты Моисеевича, при движеніи меча наотмашь, была повреждена рука; гораздо болѣе гибельный ударъ готовился Воеводѣ, который несомнѣнно упалъ бы отъ Царской Десницы, обливаясь собственной кровью, но Генералъ

Лефортъ (которому почти одному это позволялось), обнявъ Царя, отвелъ его руку отъ удара. Царь, однако, пришелъ въ сильное негодованіе отъ того, что нашлось лицо, дерзнувшее помѣшать послѣдствіямъ его вполнѣ справедливаго гнѣва, тотчасъ обернулся и поразилъ неумѣстно вмѣшавшагося тяжелымъ ударомъ въ спину; поправить дѣло могло одно только лицо, занимающее первое мѣсто среди Москвитянъ по привязанности къ нему Царя. Говорятъ, что этотъ человѣкъ вознесенъ до верха всѣмъ завиднаго могущества изъ низшей среди людей участи *). Онъ успѣлъ такъ смягчить Царское сердце, что тотъ удержался отъ убійства, ограничившись однѣми угрозами. Эту жестокую бурю смѣнила пріятная и ясная погода. Его Царское Величество съ веселымъ выраженіемъ лица принялъ участіе въ танцахъ и въ доказательство особенной любезности велѣлъ музыкантамъ играть тѣ пьесы, подъ которыя (какъ говорилъ онъ) «онъ танцовалъ у любезнѣйшаго Государя, своего брата», т.-е., во время пріема Августѣйшимъ Хозяиномъ своихъ Пресвѣтлѣйшихъ гостей. Двѣ жившія въ домѣ дѣвушки, пробравшіяся украдкой, были по приказанію Царя выведены солдатами. Снова 25 пушекъ привѣтствовали заздравныя чаши, и пріятное пиршество затянулось до половины шестого часа утра.

I. Корбъ.

И по указу государеву изъ всѣхъ городовъ велѣно быть воеводамъ къ Москвѣ къ смотру; также которые были въ посылкахъ Декабря въ 1 числу, и о томъ въ города посланы грамоты. И всѣхъ воеводъ и посыльныхъ людей изволилъ смотрѣть самъ Государь, въ Преображенскомъ на генеральномъ дворѣ, а кликали ихъ по одному имени.

Кликалъ разрядный дьякъ Ѳедоръ Замятнинъ, а Государь изволилъ смотрѣть по тетради и ставить крыжи надъ именами.

Иванъ Даниловъ сынъ Наумовъ на смотрѣ битъ батоги нещадно за то, что у него борода и усъ невыбриты.

И послѣ смотра имъ воеводамъ была сказка, чтобъ у нихъ впредь бородъ и усовъ не было, а у кого будетъ, и тѣмъ будетъ гнѣвъ, а съ Москвы имъ безъ указа ѣздить не велѣно.

И. Желябужскій.

---

*) Очевидно, имѣется въ виду Меньшиковъ. (*Сост.*).

Августа въ 26 день (1700 г.) прибиты по градскимъ воротамъ указы о платьѣ Французскомъ и Венгерскомъ и для образца повѣшены были чучелы, сирѣчь образцы платью...

И. Желябужскій.

Его величество, отмѣняя старинные обряды, изъявляющіе униженности человѣчества, въ 1701 году, декабря 30-го дня, запретилъ, чтобъ не писать и не называть уменьшительными именами вмѣсто полнаго имени Дмитрія Митькой или Ивашкою, чтобъ не падать предъ нимъ на колѣни, и чтобъ зимою, когда морозно, не снимать шляпъ и шапокъ съ головы, проходя мимо того дворца, гдѣ обитаетъ государь, говоря о сихъ обычаяхъ такъ великодушно: «Какое различіе между Бога и Царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Колѣнопреклонное моленіе принадлежитъ Единому Творцу за тѣ благости, какими Онъ насъ наградилъ. [Къ чему] уничтожать званіе, безобразить достоинство человѣческое, а въ жестокіе морозы почесть дѣлать дому моему безплодную съ обнаженною главою, вредить здоровье свое, которое милѣе и надобнѣе мнѣ въ каждомъ подданномъ паче всякихъ безполезныхъ поклоновъ? Менѣе низкости, болѣе усердія въ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія-то почесть свойственна царю».

А. Нартовъ.

Примѣчаніе. Указъ Петра о неупотребленіи уменьшительныхъ именъ см. въ П. Собр. Закон., № 1184. Распоряженіе объ отмѣнѣ колѣнопреклоненія послѣдовало позже: по словамъ Штелина (Анекдоты, стр. 121), оно было вызвано тѣмъ, что въ первые годы по основаніи Петербурга улицы не были въ немъ вымощены; мощеніе ихъ началось не ранѣе 1714 года.

Того года (1698 г.) началась въ нашемъ государствѣ кавалерія святаго Андрея; и первая одна Ѳедору Головину, другому — гетману Мазепѣ...

Того же года состоялся указъ носить платье венгерское; и потомъ, спустя съ полгода, состоялся указъ носить всѣмъ платье, мужское и женское, нѣмецкое. И для того были выбраны по воротамъ цѣловальники, чтобъ смотрѣть того, и съ

противниковъ указу брали пошлину деньгами; и также платье рѣзали и драли. Однако-жъ чрезъ три года насилу уставились.

Того года начались прибыли. Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Бориса Шереметева Алексѣемъ Курбатовымъ, который нынѣ во дьякахъ и реентомъ въ бурмиской палатѣ, или въ ратушѣ, а прежде того сидѣлъ въ оружейной палатѣ, которой вымыслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за разными величествомъ гербами, и всякія приказныя письма между челобитчиковъ и крѣпости писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того сбора сбиралося во всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почали умножаться прибыли.

И того года въ Москвѣ ночью ворота стали запирать часть (часъ) ночи, а отпирать за часъ до свѣту, также и въ набатъ бить всегда непремѣнно за часъ до свѣту, а съ вечера часъ ночи, а не такъ какъ старой обычай былъ: въ малыя ночи — часъ ночи, а въ большія — два часа ночи. А будетъ, кто ночью похочетъ пройти, съ человѣка и съ лошади по копѣйкѣ.

Того же года былъ пожаръ на Москвѣ великой, какъ вошли послы шведскіе, такъ что весь Китай выгорѣлъ и другія мѣста въ Бѣломъ городѣ по Неглинку...

Кн. Б. И. Куракинъ.

Время произвело великія перемѣны въ этомъ Государствѣ, въ особенности со времени возвращенія Царя изъ путешествія. Прежде всего онъ повелѣлъ измѣнить родъ одежды, какъ мужской, такъ и женской, и особенно распоряженіе это касалось до придворныхъ лицъ, которыя исправляли тамъ различныя должности, кто бы они ни были, даже самыя дѣти. Такимъ же образомъ стали одѣваться и Русскіе купцы и другіе Русскіе люди, такъ что по одеждѣ ихъ нельзя отличить отъ нашихъ соотечественниковъ. Въ тотъ же годъ обнародованъ былъ Указъ, воспрещавшій всѣмъ Русскимъ выходить за городскія ворота не въ Польскомъ кафтанѣ, или не въ нашей (Голландской) одеждѣ, чулкахъ и башмакахъ. Иностранные слуги первые обязаны были исполнять этотъ Указъ, за нарушеніе коего стража срывала ихъ съ запятокъ саней и взыскивала съ нихъ извѣстную пеню, послѣ чего и отпускала ихъ;

но Указъ этотъ не касался ни крестьянъ, ни сельскихъ жителей вообще...

Кромѣ описанной перемѣны въ одеждѣ, Русскимъ приказано было брить бороды; но усы носить дозволяется, хотя придворные чины и другія лица не носятъ уже и усовъ. Для того же, чтобы приказаніе это исполнялось въ точности, заведены были особые бородобрѣи, чтобы они брили бороды безъ различія всѣмъ тѣмъ, кого встрѣтятъ съ бородою. Многимъ изъ Русскихъ распоряженіе это казалось до того горькимъ, что они старались подкупить деньгами тѣхъ бородобрѣевъ, которымъ поручено было брить всѣхъ; но это не помогало, по тому что въ слѣдъ за тѣмъ они попадали на другого бородобрѣя, который не соглашался ни на какой подкупъ. Такое бритье совершалось даже за столомъ Царя, и вездѣ въ другомъ мѣстѣ, даже надъ самыми знатными вельможами. Не возможно выразить скорби, какую причиняло это бритье многимъ Русскимъ, не могшимъ утѣшиться отъ того, что они потеряли бороду, которую они такъ долго носили и которую считали признакомъ почета и знатности. Есть и теперь еще много такихъ, которые дали бы Богъ знаетъ что за то, чтобы отбыть такого несчастія.

Перемѣны въ одеждѣ не такъ значительны между женщинами, за исключеніемъ знатныхъ особъ, которыя носятъ вообще наряды и платья, употребляемые и у насъ.

Въ началѣ для приведенія распоряженія объ одеждѣ въ исполненіе, нужно было выписывать изъ-за границы шляпы, башмаки и другія необходимыя вещи. Но такъ какъ это было неудобно и дорого, то Русскіе сами стали было дѣлать шляпы. Сначала это самодѣлье шло довольно плохо, но потомъ они усовершенствовались, когда выписали иностранныхъ мастеровъ и стали учиться у нихъ; я уже упоминалъ, что Русскіе искусные подражатели и любятъ поучиться.

Корнилій де-Бруинъ.

Русскіе имѣли обыкновеніе, на подобіе древнихъ Патріарховъ, носить длинную бороду, спускавшуюся на грудь; они гордились бородами, расчесывали ихъ, приглаживали, заботились о красотѣ ихъ, и старались сохранить въ цѣлости каждый волосъ.

Усы они отпускали до такой длины, что каждый разъ, когда имъ приходилось пить, они обмакивали оные въ чашку, такъ что потомъ надо было обтирать ихъ; а въ то же время волосы на головѣ стригли очень коротко, только у однихъ Священниковъ или Поповъ, для различія отъ прочихъ людей, было обыкновеніе отпускать на головѣ длинные волосы, спускающіеся на спину. Царь, желая преобразовать этотъ глупый обычай и привести ихъ къ тому, чтобы они съ виду походили на прочихъ Европейцевъ, повелѣлъ обложить податью всѣхъ дворянъ, купцовъ и другихъ подданныхъ своихъ (за исключеніемъ Священниковъ и простыхъ крестьянъ или рабовъ), чтобы каждый изъ нихъ за право носить бороду платилъ ежегодно 10 рублей; также и простолюдины въ Россіи обязаны были платить по одной копѣйкѣ, каждый разъ, когда проходили черезъ ворота какого города, гдѣ приставлено было лицо для сбора пошлины. Это распоряженіе считали въ то время почти грѣхомъ со стороны Царя и покушеніемъ на религію, и смотрѣли на то, какъ на великое притѣсненіе, приписывая его вліянію иностранцевъ. Но такъ какъ женщины предпочитаютъ въ этомъ видѣ мужей и возлюбленныхъ своихъ (безъ бороды), то они уже почти примирились съ этимъ обычаемъ.

Русскіе положительно питали нѣкотораго рода религіозное уваженіе къ своимъ бородамъ, тѣмъ болѣе, что это ставило различіе между ними и иностранцами; а Священники поддерживали ихъ въ этомъ обычаѣ, приводя въ примѣръ то, что всѣ благочестивые мужи въ древности носили бороду, согласно тому, какъ на иконахъ изображаютъ Святыхъ. Ничто не можетъ заставить Русскихъ разстаться съ своими бородами, кромѣ самовластія Царя и страха, что (въ минуту веселаго расположенія духа) онъ прикажетъ вырвать бороды ихъ съ корнемъ, и уничтожить ихъ такимъ грубымъ способомъ, что вмѣстѣ съ волосами оторвется и кожа. По этому случаю на улицахъ подбрасывались запечатанныя письма на имя Царя, въ которыхъ Его Величество упрекали въ тиранствѣ и язычествѣ за то, что онъ заставлялъ разстаться съ бородами.

Около этого времени Царь пріѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ я тогда находился на службѣ, и многіе изъ моихъ работниковъ, носившіе всю свою жизнь бороды, были обязаны разстаться съ ними; въ томъ числѣ одинъ изъ первыхъ, котораго я встрѣ-

тилъ возвращающимся отъ цырюльника, былъ старый Русскій плотникъ, бывшій со мною въ Камышинкѣ, отлично работавшій топоромъ и котораго я всегда особенно любилъ. Я слегка пошутилъ надъ нимъ по этому случаю, увѣряя его, что онъ сталъ молодымъ человѣкомъ, и спрашивалъ его, что онъ сдѣлалъ съ своей бородой? На это онъ сунулъ руку за пазуху и вытащилъ бороду, показалъ мнѣ ее и сказалъ, что когда прійдетъ домой, то спрячетъ ее, чтобы впослѣдствіи положили ее съ нимъ въ гробъ и похоронили вмѣстѣ съ нимъ, для того, чтобы, явившись на тотъ свѣтъ, онъ могъ дать отчетъ о ней Св. Николаю. Онъ прибавилъ, что всѣ его братья (подразумѣвая подъ этимъ товарищей работниковъ), которыхъ въ этотъ день тоже выбрили, какъ его, также объ этомъ позаботились.

Что касается до одежды ихъ, то платье, которое обыкновенно носили Русскіе, состояло изъ длиннаго одѣянія, спускавшагося до половины икръ ихъ, на бокахъ оно было собрано складками и съ вида мало отличалось отъ женскихъ юбокъ.

Вслѣдствіе этого Царь рѣшилъ измѣнить этотъ нарядъ, и сначала отдалъ приказаніе, чтобъ всѣ его Бояре и всѣ приближенные ко Двору и получавшіе отъ него жалованіе, обязаны были, подъ страхомъ попасть въ немилость, одѣться по Англійской модѣ въ кафтаны изъ тонкаго сукна, обшитые серебромъ, или золотомъ, смотря по средствамъ каждаго. Затѣмъ онъ приказалъ вывѣсить на всѣхъ воротахъ города Москвы образецъ этого Англійскаго сукна и объявить, что всѣ (кромѣ простыхъ крестьянъ, приносившихъ въ городъ товары и съѣстные припасы) обязываются шить себѣ платье по такому образцу, и что всякій, кто ослушается этого приказанія и пройдетъ черезъ городскія ворота въ длинномъ кафтанѣ, будетъ обязанъ заплатить двѣ гривны, что составляетъ 20 пенсовъ, или стать на колѣни у городскихъ воротъ, чтобъ кафтанъ его обрѣзали въ уровень съ землею и окоротили на всю ту длину, которая окажется лишнею противъ его роста, когда онъ стоитъ такимъ образомъ на колѣняхъ. Подобнымъ способомъ окорочено было нѣсколько сотенъ кафтановъ. Такъ какъ все это дѣлалось добродушно, то и вызывало веселость въ народѣ и вскорѣ уничтожило обычай носить длинные кафтаны, особенно въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ Москвою, и въ другихъ городахъ, гдѣ проѣзжалъ Царь.

Также и женщинамъ, преимущественно придворнымъ госпожамъ, приказано было измѣнить одѣяніе по Англійской модѣ, но онѣ съ этимъ вскорѣ примирились по слѣдующей причинѣ: въ Россіи всегда существовалъ обычай во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ не допускать женщинъ до разговоровъ съ мужчинами; онѣ даже не должны были показываться имъ; жилища всѣхъ знатныхъ почетныхъ людей строились съ особымъ входомъ для женщинъ, которыя содержались отдѣльно въ своихъ отдѣленіяхъ. Въ видѣ исключенія существовалъ обычай, по которому хозяинъ дома, если пріѣзжалъ къ нему гость, котораго онъ хотѣлъ особенно почтить, выводилъ жену свою изъ этихъ покоевъ черезъ заднее крыльцо; она появлялась, въ сопровожденіи своихъ служанокъ, привѣтствовала гостя и подносила ему и всему обществу чарку водки; послѣ чего женщины обыкновенно удалялись снова въ свои покои и ихъ уже больше не видали. Такъ какъ Царь не только желалъ ввести въ употребленіе Англійское платье, но и заботился объ томъ, чтобъ это было пріятно Русскимъ госпожамъ, то онъ издалъ Указъ, постановляющій, чтобъ съ этого времени на всѣ свадьбы и другія общественныя увеселенія женщины приглашались также, какъ и мужчины, но исключительно по Англійской модѣ. Во время этихъ увеселеній Русскія госпожи скоро примирились съ Англійскимъ платьемъ, такъ какъ замѣтили, что оно дѣлало ихъ тѣмъ болѣе пріятными и привлекательными...

Высшіе Бояре имѣли обыкновеніе, для большей пышности и важности, содержать около своей особы дворню, состоящую изъ множества безполезныхъ слугъ. Когда Бояре появлялись на улицахъ Москвы, то нѣкоторые изъ этихъ людей предшествовали имъ съ непокрытой головой, а другіе слѣдовали за ними въ длинномъ ходѣ, одѣтые въ разнородныя платья всѣхъ цвѣтовъ; когда же ихъ Бояре или господа ѣхали по Москвѣ верхомъ, либо въ каретѣ и въ саняхъ, то, для большей важности, обыкновенно ѣздили весьма медленно, даже и въ самую холодную погоду, чтобъ эти люди могли слѣдовать за ними пѣшкомъ. Боярскія госпожи также имѣли многочисленныхъ прислужниковъ.

Но Царь, который обыкновенно ѣздитъ очень скоро, подаетъ имъ совершенно противоположный примѣръ: онъ выѣзжаетъ только съ нѣсколькими слугами, которые сопровождаютъ его

верхомъ и одѣты въ красивыя мундирныя ливреи. Царедворцы дѣлаютъ то же, и примѣру этому обязаны слѣдовать всѣ Бояре и значительныя лица. Чтобъ еще успѣшнѣе достигнуть этого, Царь, по возвращеніи своемъ изъ путешествій, приказалъ составить списокъ всѣхъ лицъ, находящихся безъ должности около Боярскихъ домовъ, и велѣлъ отправить ихъ въ войско. Это было имъ весьма не по нутру, и они стали сильно ходатайствовать объ измѣненіи этого закона; за многихъ изъ людей этихъ вносили значительныя деньги, чтобы избавить ихъ отъ службы; преимущественно же дѣлалось это въ отношеніи тѣхъ лицъ изъ дворни ихъ, которыя сами были настоящіе дворяне и находились при этихъ господахъ единственно въ ожиданіи повышенія. Но какъ бы то ни было, Царскимъ законамъ необходимо было покориться. Составленъ былъ списокъ нѣсколькихъ тысячъ безполезныхъ и лишнихъ служителей, которые и отправлены были въ войско.

Дж. Перри.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ПРАЗДНОВАНІЯ НОВАГО ГОДА НА 1 ЯНВАРЯ.

7208 Декабря въ 15 день *), Великій Государь, Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ сказать: «извѣстно ему Великому Государю стало не только что во многихъ Европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ Славянскихъ, которые съ восточною православною нашей церковію во всемъ согласны, какъ Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые его Великаго Государя подданные Черкесы и всѣ Греки, отъ которыхъ Вѣра наша православная принята, всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова въ восьмой день спустя, тоесть Генваря съ 1 числа, не отъ созданія міра, за многую разнь и считаніе въ тѣхъ лѣтахъ и нынѣ отъ Рождества Христова, доходитъ 1699 годъ; а будущаго Генваря съ 1 числа настанетъ новый годъ 1700 купно новый и столѣтній вѣкъ. И для того добраго и полезнаго дѣла указалъ Великій Государь впредь лѣта вычислять въ приказахъ и во всякихъ дѣлахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшняго Генваря

*) Указъ былъ данъ 20 дек. 1699 г. (*Сост.*).

съ 1 числа отъ Рождества Христова 1700 года; а въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго вѣка въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому случится и въ домѣ своемъ и по большимъ и проѣзжимъ и знатнымъ улицамъ знатнымъ людямъ, и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мирскаго чина впредь на воротахъ учинить нѣкоторое украшеніе отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостиномъ дворѣ у нижней аптеки, или кому удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ учинить возможно; и людямъ скуднымъ комуждо хотя по древу или вѣтви надъ воротами или надъ хороминою своею поставить, и чтобъ то поспѣло будущаго Генваря къ 1 числу 1700 сего года а стоять тому украшенію Генваря по 7 число того-жъ года. Да Января-жъ въ 1 день, въ знакъ веселія, другъ друга поздравляемъ съ новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ. Чинить сіе когда на большой Красной площади огневыя потѣхи зачнутъ и стрѣльба будетъ, по знатнымъ домамъ боярскимъ, и окольническимъ, и думнымъ, и ближнимъ и знатныхъ людей палатнаго, воинскаго и купеческаго чина знаменитымъ людямъ, кійждо на своемъ дворѣ, изъ небольшихъ пушекъ, у кого есть, и изъ мелкаго ружья учинить трижды стрѣльбу, и выпустить нѣсколько ракетъ, сколько у кого случится; а по улицамъ большимъ, гдѣ пристойно есть, Января съ 5 числа по 7 число, по ночамъ, огни зажигать изъ дровъ или изъ хвороста или соломы, а гдѣ мелкіе дворы собрався пять или шесть дворовъ, тако-жъ огонь класть, или кто похочетъ на столбкахъ по одной, или по двѣ, или по три смоленыя и худыя бочки, наполняя соломою или хворостомъ, зажигать; а передъ Бурмистрскою ратушею стрѣльбѣ и такимъ огнямъ украшеніе по ихъ разсмотрѣнію быть же».

И. Желябужскій.

АПТЕКА ВЪ МОСКВѢ.

(1703 г.). Полагаю не лишнимъ, прежде отъѣзда моего изъ Москвы сказать здѣсь о тѣхъ новыхъ зданіяхъ, которыя были возведены въ этомъ городѣ во время моего путешествія въ Персію. Самое значительное было громадное каменное зданіе, начатое

постройкою лѣтъ 7 уже тому назадъ и предназначавшееся для помѣщенія въ немъ Монетнаго Двора, но потомъ года съ полтора тому назадъ назначенное для большой Аптеки. Это прекрасное зданіе, довольно высокое и съ красивою башнею на передней сторонѣ. Оно находится на востокъ отъ Кремля, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ куриный и чертовскій (?) торгъ (de Hoender en Duivermarkt). Передъ входомъ въ это зданіе есть обширный дворъ, пройдя который, всходятъ на большую лѣстницу, ведущую въ первую аптечную комнату, со сводами и весьма высокую, имѣющую въ длину 15 шаговъ и въ ширину до 20 шаговъ. Въ то время, когда я осматривалъ это зданіе, сказанную комнату росписывали водяными красками (in Fresko). Боковыя стѣны расписаны высокими блестящими окошками, а верхняя часть ихъ красивыми Китайскими горками, на верху которыхъ помѣщалось, по Китайскому способу, изображеніе герба Его Царскаго Величества. Въ описанной комнатѣ двѣ двери, одна ведетъ въ кладовую травъ, а другая въ Приказъ (Prikaes) или Канцелярію. Этѣ двѣ послѣднія тоже большія прекрасныя залы, со сводами и вообще очень изящны. Кромѣ того есть въ домѣ еще двѣ подобныя же комнаты, изъ коихъ одна назначена для лабораторіи, а другая для библіотеки, вмѣщающей въ себѣ и замѣчательныя растенія и рѣдкихъ животныхъ. Наконецъ, есть здѣсь еще много комнатъ и между прочимъ помѣщеніе Президента или Доктора, Аптекаря и разной прислуги... Всѣ они находятся на одной сторонѣ зданія, а подъ ними различные, очень большіе и красивые погреба. Приказомъ или Канцеляріей завѣдываетъ Докторъ, а подъ его начальствомъ состоятъ нѣсколько писцовъ и его Вице-Канцлеръ, который имѣетъ власть и наказывать ихъ. Всѣ Лѣкаря, Хирурги и составители разныхъ лѣкарствъ получаютъ свое жалованье изъ этого приказа. Въ этой Аптекѣ служатъ 8 Аптекарей, имѣющихъ при себѣ 5 подмастеровъ и болѣе 40 работниковъ. Такимъ образомъ отсюда получаются всѣ лѣкарства и медицинскія средства для войскъ и флота Его Величества.

Докторомъ или Управляющимъ (Директоромъ) этого дома состоитъ теперь одинъ Англичанинъ, по имени Робертъ Арескинъ (Robbert Areskine), главный врачъ (Lyfarts), Его Величества, получающій ежегоднаго жалованья 1500 червонцевъ и экипажъ. Онъ четыре года какъ уже пришелъ сюда, пользуется

большимъ вниманіемъ всѣхъ за его отличное знаніе своего дѣла и личныя достоинства, равно какъ любезное обращеніе и вѣжливость. Его Величество подарилъ ему 2000 риксдалеровъ, склоняя его взять на себя эту громадную и тягостную обязанность, т.-е., устройство Аптеки. Когда я уѣзжалъ изъ Москвы, Арескинъ надѣялся, что въ теченіе года окончитъ вполнѣ это дѣло, и онъ занятъ былъ собираніемъ со всѣхъ сторонъ и укладкой въ бумагу, съ удивительною чистотою, всѣхъ главнѣйшихъ травъ и цвѣтовъ, употребляемыхъ въ Медицинѣ, которыми онъ уже и наполнилъ одну книгу. Онъ показывалъ мнѣ также кусокъ чернаго окаменѣлаго хлѣба, а также и другія подобныя окаменѣлости, и говорилъ, что намѣренъ послать въ Сибирь (Siberie) кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ для собиранія тамъ всѣхъ лѣкарственныхъ травъ, цвѣтковъ и растеній вообще. При Аптекѣ находятся два сада.

Я нашелъ также въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ изъ Персіи, вновь выстроенный Страннопріимный домъ (Gasthuis) для больныхъ и изувѣченныхъ. Это деревянное зданіе, возведенное на берегу Яузы (Jouse), на сѣверо-востокѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ. Эта больница раздѣлена на 2 части, изъ коихъ въ одной стоитъ 7 постелей, каждая для 2-хъ, по срединѣ девять, каждая для одного человѣка, а на свѣтовой сторонѣ 10, тоже каждая для 2-хъ. То же самое и въ другой части. Въ томъ и другомъ изъ сихъ отдѣленій или частей по 3 печи или очага; анатомическій покой находится посрединѣ между этими 2-мя отдѣленіями. Въ верхнемъ ярусѣ много небольшихъ комнатъ, въ которыхъ живутъ: больничный Медикъ, Аптекарь и Хирургъ. Самая Аптека занимаетъ здѣсь 3 комнаты, двѣ для разныхъ лѣкарственныхъ составовъ и 3-я для травъ, изъ которыхъ составляютъ сказанныя лѣкарства.

Корнилій де Брунъ.

РОЖДЕСТВО ВЪ МОСКВѢ.

1699 г. Января 13. Во время Рождества нашего Спасителя устраивается пышная комедія. Знатные Московиты, по выбору Царя, облекаются въ разныя почетныя должности, заимствованныя отъ Церкви. Одинъ изображаетъ Патріарха, другіе Митрополитовъ, Архимандритовъ, Поповъ, Дьяконовъ, Иподья-

коновъ и т. д. Какое кто получитъ имя по Царскому усмотрѣнію, тотъ необходимо долженъ облечься въ соотвѣтствующее одѣяніе. Его Царское Величество изображалъ роль Дьякона. Театральный Патріархъ со своими мнимыми Митрополитами и другими лицами, выдѣляясь посохомъ, митрой и другими отличіями присвоеннаго ему сана, разъѣзжалъ по городу Москвѣ и Нѣмецкой Слободѣ на восьмидесяти саняхъ, въ количествѣ двухсотъ человѣкъ. Всѣ они заѣзжаютъ къ болѣе богатымъ Москвитянамъ, Нѣмецкимъ Офицерамъ и купцамъ и поютъ хвалу родившемуся Богу, причемъ хозяева должны платить за эту музыку дорогой цѣной. Когда они пропѣли славословіе въ честь родившагося Бога у Генерала Лефорта, онъ угостилъ всѣхъ болѣе пріятной музыкой, пиршествомъ и танцами.

14-го. Очень богатый Московскій купецъ, по прозвищу Филадиловъ (Filadilow), далъ Царю и его Боярамъ, славившимъ у него Рождество Христово, всего двѣнадцать рублей и этимъ такъ оскорбилъ Царя, что тотъ немедленно послалъ къ дому упомянутаго купца 100 мужиковъ съ требованіемъ тотчасъ заплатить каждому по рублю. Чужая опасность сдѣлала болѣе осторожнымъ Князя Черкасскаго, котораго величаютъ именемъ богатѣйшаго мужика: не желая навлекать на себя негодованія Царя, онъ предложилъ толпѣ поющихъ тысячу рублей. То же самое усердіе надлежитъ выказывать и Нѣмцамъ. Они повсюду держатъ наготовѣ накрытые столы, заставленные холодными кушаньями, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ.

I. Корбъ.

ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ЧЕСТЬ ВАКХА И МАСЛЕНИЦА.

1699 г. Февраль 21. Мнимый Патріархъ со всей толпой своего веселаго клира освятилъ съ торжественнымъ празднествомъ въ честь Вакха дворецъ, выстроенный на Царскій счетъ, который покамѣстъ обыкновенно именуется Лефортовымъ; шествіе въ этотъ дворецъ направилось изъ дома Полковника Лима. Что Патріархъ присвоилъ себѣ именно этотъ почетный санъ, свидѣтельствовали его одѣянія, подобающія Первосвященнику; на его митрѣ красовался Вакхъ, своей полной наготой напоминавшій глазамъ о распутствѣ; украшеніями посоха служили Купидонъ и Венера, такъ что сразу было извѣстно, какое стадо у

этого Пастыря. За нимъ слѣдовали толпой остальные поклонники Вакха. Одни несли большія чаши, наполненныя виномъ, другіе — медъ, третьи — пиво и водку, верхъ славы пламеннаго Вакха. Такъ какъ въ силу зимней стужи они не могли увѣнчать чело свое лаврами, то несли чаши, наполненныя высушеннымъ на воздухѣ табакомъ. Зажегши его, они обошли всѣ углы дворца, испуская изъ дымящихся устъ весьма пріятный запахъ и угодное Вакху куреніе. Положивъ поперекъ одна на другую двѣ трубки, привычкой вытягивать дымъ изъ которыхъ тѣшится даже самое небогатое воображеніе, комидійный Архижрецъ совершалъ торжество освященія...

22-го. Вельможи Московскіе и иностранные Представители явились по приглашенію отъ имени его Царскаго Величества въ новый дворецъ, освященный вчерашними церемоніями въ честь Вакха, къ богатому Царскому столу на роскошный двухдневный пиръ. Князь Шереметевъ, выставляющій себя Мальтійскимъ Рыцаремъ, явился съ изображеніемъ креста на груди; нося нѣмецкую одежду, онъ очень удачно подражалъ и Нѣмецкимъ обычаямъ, въ силу чего былъ въ особой милости и почетѣ у Царя. Этимъ послѣднимъ онъ навелъ на себя ненависть Бояръ, опасавшихся, что, пользуясь Царскимъ Благоволеніемъ, онъ поднимется на высшую ступень могущества. Человѣческой природѣ врождено взирать завистливымъ окомъ на только что пріобрѣвшихъ себѣ счастіе, и они особенно стараются положить предѣлъ фортунѣ тѣхъ лицъ, у кого она достигаетъ апогея. Царь, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ его офицеровъ, стремясь къ новизнѣ, носятъ очень просторное платье, отрѣзалъ у нихъ слишкомъ широкіе рукава, замѣтивъ: «это— помѣха, вездѣ надо ждать какого-нибудь приключенія: то разобьешь стекло, то по небрежности попадешь въ похлебку; а изъ этого можешь сшить себѣ сапоги».

Недѣлю, предшествующую Четыредесятницѣ, Русскіе называютъ Масляницею, такъ какъ ѣсть мясо въ продолженіе ея запрещено, а масло при пищѣ разрѣшается. Правильнѣе я долженъ назвать эту недѣлю Вакханаліями, потому что во все время ея Московиты предаются сплошному разгулу... Тогда... пропадаетъ всякое уваженіе къ Высшимъ властямъ, повсюду царитъ самое вредное своеволіе, какъ будто преступленія, совершенныя въ это время, не подлежатъ никакому преслѣдованію ни со стороны суда,

ни со стороны безпристрастнаго закона. Разбойники пользуются такою безнаказанностью, что ни о чемъ почти и не слышно, какъ только объ убійствахъ да похоронахъ. Правда, въ опредѣленныхъ мѣстахъ разставлены караулы, чтобы предупредить подобныя бѣдствія, но часовые пьяны и заражены общими пороками, а потому ихъ не связываетъ никакая забота, никакой страхъ. Многіе Патріархи съ похвальнымъ стараніемъ стремились совершенно искоренить эту порчу нравовъ, но они могли добиться только того, что отняли у этого гибельнаго обычая, который продолжался прежде четырнадцать дней, восемь дней. Такимъ образомъ, если закоренѣлое заблужденіе не могло податься совершенному излѣченію, то позорное празднество сократилось, и причиняемыя имъ раны стали поэтому легче.

23-го. Пиршество продолжалось вплоть до настоящаго дня, причемъ не позволялось уходить спать въ собственныя жилища. Иностраннымъ Представителямъ отведены были особые покои, и назначенъ опредѣленный часъ для сна, по истеченіи котораго устраивалась смѣна, и отдохнувшимъ надо было въ свою очередь идти въ хороводы и прочіе танцы...

Марта 2. Насколько прошлая недѣля была шумной и разгульной, настолько эта тиха и скромна, или въ силу раскаянія отъ столькихъ расходовъ, или въ силу угрызеній совѣсти отъ преступленій, а, можетъ быть, и торжественная святость времени столь сильно обуздала и принудила къ послушанію людей, только что не знавшихъ удержу и готовыхъ на всякую дерзкую похоть и преступный произволъ. Лавки не открывались, торги на рынкахъ были закрыты, присутственныя мѣста прекратили свои занятія, судьи не исполняли своихъ обязанностей; нельзя было вкушать ни льняного масла, ни рыбы; постъ былъ въ высшей степени строгимъ, они умерщвляли плоть только хлѣбомъ и земными плодами. Во всякомъ случаѣ подобная метаморфоза явилась неожиданной и почти невѣроятной.

I. Корбъ.

ПЕРВЫЙ ПИРЪ СЪ УЧАСТІЕМЪ ЖЕНЩИНЪ.

1699 г. Мартъ 1. Бранденбургскій посолъ былъ торжественно отвезенъ къ прощальной аудіенціи въ Царской колымагѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми; Посолъ ѣхалъ вмѣстѣ съ

Приставомъ; чиновники слѣдовали вмѣстѣ верхами; число свиты увеличивалось двѣнадцатью слугами съ Царской конюшни. Эта торжественная церемонія имѣла мѣсто въ неоднократно уже названномъ Лефортовомъ дворцѣ. Въ то же время и при тѣхъ же обстоятельствахъ Господинъ де Задора Кесельскій (de Zadora Kiesielski), доселѣ Маршалъ Посольства, былъ утвержденъ и принятъ въ качествѣ Резидента, замѣнивъ собою Господина Посла, которому Царь велѣлъ остаться обѣдать. На этотъ обѣдъ, устроенный съ большою роскошью, собрались Послы иностранныхъ Государей и первые изъ Бояръ. По окончаніи Пиршества Думный Моисеевичъ *), изображавшій изъ себя, по волѣ Царя, Патріарха, началъ предлагать пить за здравіе. Пьющему надлежало, преклонивъ смѣхотворно колѣна, чтить за здравіе лицедѣя Церковнаго сана и испрашивать у него благодать благословенія, которое тотъ даровалъ двумя табачными трубками... Отъ этого уклонился тайно только тотъ Посолъ, который не одобрялъ этихъ шутокъ, свято чтя древнѣйшую Христіанскую религію. Тотъ-же Патріархъ въ своемъ пастырскомъ сдѣяніи и съ посохомъ соблаговолилъ открыть начало танцевъ. Комнату, сосѣднюю со столовой, гдѣ веселились гости, вторично заняли Царевичъ и Принцесса Наталія и смотрѣли оттуда на танцы и всѣ шумныя забавы, раздвинувъ немного занавѣси, пышно украшавшія комнату; пирующіе могли видѣть ихъ только въ щелку... Этотъ день сильно ослабилъ суровость обычаевъ Русскихъ, которые не допускали доселѣ женскій полъ на общественныя собранія и веселыя пиршества, теперь же нѣкоторымъ позволено было принять участіе не только въ пиршествѣ, но и въ послѣдовавшихъ затѣмъ танцахъ.

I. Корбъ.

СВАДЬБА ВЪ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДѢ.

(1702 г.). 26 числа праздновали свадьбу извѣстнаго любимца Царскаго Fielaet Prienewitz Jouskie, Московскаго дворянина, съ Maria Jurjovena Schorkofskaia, сестрою Князя Fedder Jurewits Schorkofskaia, также любимца Его Величества, какъ и женихъ. Князь

*) Вѣроятно, Никита Моисеевичъ Зотовъ. (*Сост.*).

этотъ пригласилъ на свадебное пиршество свое всѣхъ главныхъ Бояръ и Боярынь придворныхъ, Иностранныхъ Посланниковъ и большую часть нашихъ и иноземныхъ купцовъ съ ихъ женами. Всѣмъ приглашеннымъ гостямъ данъ былъ приказъ быть на свадьбѣ въ старинной одеждѣ этой страны болѣе, или менѣе богатой, по установленному на этотъ случай правилу. Свадьба самая праздновалась въ Нѣмецкой Слободѣ., въ домѣ Генерала Лефорта (la Fort), недавно умершаго. Это было громадное каменное зданіе въ Итальянскомъ вкусѣ, въ которое нужно было всходить по лѣстницѣ съ правой и лѣвой стороны, по причинѣ большого протяженія самаго зданія. Въ немъ были великолѣпныя комнаты и прекраснѣйшая зала, покрытая богатыми обоями, въ которой собственно и праздновалась свадьба. Для умноженія великолѣпія было принесено заблаговременно множество серебряныхъ сосудовъ, которые, и выставлены для зрѣнія на приличномъ имъ мѣстѣ. Такъ, стояли два громадные леопарда, на шейной цѣпи, съ распростертыми лапами, опиравшимися на щиты съ гербомъ, и все это было сдѣлано изъ литаго серебра. Потомъ большой серебряный глобусъ, лежащій на плечахъ Атласа изъ того же металла, и сверхъ того множество большихъ кружекъ и другой серебряной посуды, часть которой взята была изъ Царской казны. Мѣсто сбора приглашенныхъ на свадьбу, долженствовавшихъ составлять поѣздъ, было назначено въ городѣ, близь Кремля, въ двухъ большихъ домахъ, стоявшихъ другъ противъ друга. Царь и приглашенные собрались сюда рано утромъ, мужчины въ одномъ домѣ, а женщины въ другомъ. Отсюда двинулись въ 10 часовъ, чтобы направиться къ Кремлю, у котораго я и помѣстился, чтобы получше разсмотрѣть поѣздъ, который казался тѣмъ еще прекраснѣе, что и погода была отличная. Царь впереди всѣхъ ѣхалъ на величавомъ черномъ конѣ. Платье на немъ было изъ золотой парчи, самой великолѣпной: верхній кафтанъ испещренъ былъ множествомъ узоровъ различнаго цвѣта, а на головѣ у него была высокая красная шапка, на ногахъ же желтые сапоги. Конь его въ богатѣйшей упряжи, покрытъ былъ прекраснымъ золотымъ чапракомъ, а на переднихъ ногахъ его блестѣли серебряныя кольца шириною въ 4 пальца. Величавый видъ Государя, чрезвычайно красиво сидѣвшаго на лошади, составлялъ немалое украшеніе всего зрѣлища: всадникъ по истинѣ былъ вполнѣ Царственный.

По лѣвую руку его находился Господинъ Александръ Даниловичъ Меньшиковъ (Alexander Danielewits die Mensikof), одѣтый также въ платье изъ золотой парчи, на отличномъ же конѣ, богато убранномъ и имѣвшемъ на переднихъ ногахъ, какъ у Царскаго коня, серебряныя кольца. Главнѣйшіе Князья (Kneesen) слѣдовали затѣмъ по два въ рядъ, смотря по достоинству, всѣ верхами на лошадяхъ и одинаково одѣтые, числомъ 24 пары. Доѣхавши такимъ порядкомъ до дворца, Его Величество пріостановился, чтобъ подождать другихъ отставшихъ, и здѣсь, стоя на одномъ мѣстѣ четверть часа, онъ заставлялъ выдѣлывать своего коня разные прыжки... Когда Царь проѣзжалъ эти ворота, Княжны привѣтствовали его низкимъ поклономъ, и Государь отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Затѣмъ, когда и всѣ упомянутые выше знатные чины также проѣхали, по два въ рядъ, видно было, что несли нѣсколько факеловъ, окруженныхъ великимъ числомъ пѣшей прислуги. За ними ѣхали всѣ значительныя лица, по два же въ рядъ, всего 60 паръ, одѣтые также, какъ и впереди ихъ проѣхавшіе. За этимъ слѣдовали гости (Goosten), нашъ Резидентъ и иностранные купцы, которыхъ платье и шапки совершенно отличались отъ прочихъ. У всѣхъ у нихъ, впрочемъ, были желтые сапоги, но шапочки низкія и простыя, вовсе не такія великолѣпныя, какъ у всѣхъ другихъ. Ихъ было 17 паръ, а во всемъ поѣздѣ было такимъ образомъ 204 человѣка, большею частію богато разодѣтыхъ. У большей части лошадей были серебряныя удила, а у нѣкоторыхъ и серебряныя, шириною въ два пальца, или около того, и довольно толстыя цѣпи, которыя висѣли отъ маковки головы до узды и привязаны были къ лукѣ сѣдла; цѣпи эти издавали довольно пріятный звонъ. Были, впрочемъ, цѣпи и изъ бѣлаго листоваго желѣза. За всѣмъ этимъ ѣхало пять саней, изъ которыхъ въ первыхъ трехъ сидѣли три доктора Нѣмца, а въ остальныхъ двухъ самые старинные купцы изъ нашей земли. За тѣмъ слѣдовала большая повозка, покрытая краснымъ сукномъ и назначенная для двухъ Царицъ (Императрицъ): такъ Русскіе именуютъ тѣхъ Боярынь, которыхъ Его Царское Величество назначаетъ для присутствованія въ этомъ обрядѣ, какъ женъ Государства, и такое названіе принимаютъ онѣ, какъ скоро вступаютъ въ эту должность. Первая изъ этихъ Боярынь, супруга Князя Федора Юрьевича Ромодановскаго (Fudder Ieursewits

Romodanoski), который правилъ Москвою въ отсутствіе Его Величества, налицо не находилась, по случаю болѣзни, такъ что другая Боярыня, супруга Ивановича Бутурлина (Ivanowits Bouterlien), одна должна была отправлять свою обязанность. На головѣ у нея была маленькая изъ бѣлаго поярка шапочка, въ формѣ сахарной головы (конусообразная), съ небольшимъ околышемъ, и съ нею, впереди кареты сидѣли двѣ почетныя Госпожи. Карету везли 12 бѣлыхъ лошадей и вокругъ нея шло множество прислужниковъ, одѣтыхъ въ красныя платья. За этой каретой слѣдовали еще другія 25 каретъ, поменьше, но одинаково убранныя съ первыми, и каждую изъ нихъ везли 2 бѣлыя лошади; въ одной изъ этихъ малыхъ каретъ сидѣла невѣста, а въ остальныхъ Русскія Госпожи. Между этими каретами ѣхали обыкновенныя санки, влекомыя клячей, къ хвосту коей онѣ были привязаны, а въ санкахъ сидѣлъ маленькій человѣкъ, такой же невзрачной наружности, какъ его лошадка и санки, одѣтый по жидовски. Я подозрѣвалъ, что везли этого человѣка такимъ образомъ, какъ бы въ родѣ наказанія за какую-нибудь провинность его, за которую онъ долженъ былъ представлять изъ себя такую особу; и я не ошибся, какъ подтвердили мнѣ то многіе люди, знавшіе этого человѣка и сообщившіе мнѣ, что то былъ дѣйствительно Жидъ, только принявшій Христіанскую Вѣру. Затѣмъ ѣхали еще семь другихъ саней, наполненныхъ дѣвицами изъ соотечественницъ моихъ, а далѣе еще нѣсколько пустыхъ каретъ, которыя и замыкали собою поѣздъ. Такимъ образомъ поѣздъ этотъ проѣхалъ черезъ Кремль и часть города до церкви Богоявленія (Bogojastenja), гдѣ совершался обрядъ вѣнчанія въ присутствіи Царя и множества особъ этого блестящаго собранія. Удовлетворивъ свое любопытство, я отправился въ мою гостиницу подкрѣпить себя пищею, а потомъ пошелъ въ хорошее мѣстечко въ Слободѣ, чтобы опять увидѣть поѣзжанъ тамъ, гдѣ должна была играться свадьба. Все общество прибыло туда только въ 3 часа послѣ полудня въ количествѣ 500 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые размѣстились въ разныхъ покояхъ, такъ что мужчины и женщины не могли видѣть другъ друга. Княжна, сестра Его Величества, и Царица съ своими тремя молодыми Княжнами, помѣстились за особымъ столомъ съ нѣсколькими придворными госпожами. Новобрачная за другимъ столомъ съ другими гос-

пожами; а та, которая представляла Царицу (Императрицу), сидѣла одна, на возвышенномъ помѣщеніи, огороженномъ рѣшеткою. Остальныя госпожи, какъ Русскія, такъ и иностранныя, были въ другой комнатѣ; музыканты же помѣщены были на такомъ мѣстѣ, откуда всѣ могли ихъ хорошо слышать. Послѣ обѣда, чисто Царскаго, продолжавшагося весело нѣсколько часовъ, новобрачныхъ повели въ небольшой деревянный домъ, нарочно выстроенный. Большая часть общества разъѣхалась между 10-ю и 12-ю часами, но оставшіеся въ Слободѣ почивали по разнымъ домамъ, на воротахъ которыхъ было написано мѣломъ, кто гдѣ долженъ остаться. Они были нарочно приготовлены по приказанію Его Царскаго Величества, для того, чтобы Русскіе легче могли на завтра явиться къ мѣсту, гдѣ оставались новобрачные, а оттуда отправиться въ гости въ домъ Генералъ-Maiора Менезія (Menesius), гдѣ вдова его живетъ и въ настоящее время. Боярыня, представлявшая Царицу (Императрицу), и ночевала въ этомъ огромномъ каменномъ зданіи, по Царски устроенномъ и находящемся на большой улицѣ Слободы, а новобрачная явилась туда на другой день рано утромъ. Его Величество также прибылъ сюда въ 10 часовъ, но безъ сопровожденія иностранцами. Пробывши здѣсь часъ времени, онъ поѣхалъ въ надлежащемъ порядкѣ къ дому Г-на Лупа (Lup), который ожидалъ его у воротъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими нашими (Голландскими) купцами. Государь пріостановился немного, съ сопровождавшими его, не сходя съ лошади, и Г-нъ Лупъ угощалъ его Величество здѣсь разными напитками (сладкими водками)...

Вскорѣ затѣмъ увидѣлъ я Царевича, верхомъ на лошади въ сопровожденіи множества Боярскихъ дѣтей, а стремянной прислужникъ велъ подъ уздцы лошадь его. За нимъ слѣдовала карета новобрачной, какъ сказано выше, парой, а за этой большая карета въ 12 лошадей, въ которой сидѣла Боярыня, представлявшая Царицу (Императрицу); потомъ слѣдовало множество другихъ каретъ, наполненныхъ Русскими госпожами. Когда пріѣхали къ дому, въ которомъ праздновалась свадьба, и въ который я постарался пробраться другой дорогой, Его Величество вошелъ въ домъ, а за нимъ слѣдовала молодая, которая, впрочемъ, прошла въ другое зданіе отдѣльного помѣщенія, налѣво, гдѣ жилъ нѣкогда Генералъ Лефортъ, вдова

коего тамъ еще находилась... Названная Царица (Императрица) вышла изъ кареты и вошла въ домъ по лѣстницѣ съ правой стороны. Иностранные гости и жены ихъ отправились за ней туда же. Здѣсь оставались всѣ такъ же долго, какъ и передъ тѣмъ, пока это второе собраніе не кончилось. Но послѣдній день, т.-е., третій, рѣшено было праздновать въ Нѣмецкихъ платьяхъ, и всѣ одѣлись въ эти платья, кромѣ нѣсколькихъ Русскихъ Боярынь, оставшихся въ своихъ платьяхъ. И въ этотъ день еще разъ отправились всѣ къ новобрачнымъ, но уже не съ общимъ поѣздомъ, а порознь. За столомъ мужчины и женщины сидѣли вмѣстѣ, какъ это водится у насъ, и послѣ пира плясали и прыгали, для удовольствія Его Величества и всѣхъ гостей. Такимъ образомъ окончилось это свадебное торжество почти за полночь, на описаніе котораго, полагаю, читатель гнѣваться не будетъ, по причинѣ особенностей онаго.

Корнилій де Брунъ.

ПРАЗДНИКЪ КРЕЩЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ.

(1702 г.). Праздникъ, о которомъ я выше упомянулъ, совершается передъ появленіемъ Іисуса Христа, и я былъ самовидецъ этого торжества.

Въ столичномъ городѣ Москвѣ, на рѣкѣ Яузѣ (Iousa), подлѣ самой стѣны Кремля, во льду сдѣлана была четырехъ-угольная прорубь, каждая сторона которой была въ 13-ть футовъ, а всего, слѣдовательно, въ окружности прорубь эта имѣла 52 фута. Прорубь эта по окраинамъ своимъ обведена была чрезвычайно красивой деревянной постройкой, имѣвшей въ каждомъ углу такую же колонну, которую поддерживалъ родъ карниза, надъ которымъ видны были четыре филенки (дощечки), расписанныя дугами; въ каждомъ углу этой постройки имѣлось изображеніе одного изъ 4-хъ Евангелистовъ, а на верху два полусвода, посреди которыхъ водруженъ былъ большой крестъ. Сказанныя филенки, расписанныя извнутри, изображали Апостоловъ и другихъ Святыхъ. Самую красивую часть этой постройки, на востокѣ рѣки, составляло изображеніе Крещенія Господа нашего во Іордани Іоанномъ Крестителемъ, съ предстоящими по правую руку четырьмя Ангелами, безъ всякихъ

другихъ изображеній. Каждая же изъ наружныхъ филенокъ имѣла на себѣ изображенія Ангельскихъ головокъ съ крыльями, три внизу и двѣ сверху. На западной сторонѣ воды въ проруби сдѣланы были 4 ступеньки, на концѣ одной изъ коихъ прикрѣплена ступенька довольно значительнаго вѣсу, для того, чтобы можно было сойти внизъ къ водѣ. Патріархъ, или духовное лицо, совершавшее этотъ обрядъ, сошелъ по этимъ ступенькамъ къ самой водѣ, которая въ этомъ мѣстѣ была глубиною въ 8-мь футовъ. На полу разостланы были большіе красные покровы, обнесенные четвероугольною огородкой, имѣвшей въ ширину отъ одного угла къ другому по 45 шаговъ, а во всѣхъ кругомъ 180 шаговъ. Кромѣ этой были еще двѣ другія огородки, устроенныя въ родѣ перилъ, на разстояніи 4-хъ шаговъ одна отъ другой, вышиною въ 4 фута и также покрытыя красными покровами. На краяхъ самой воды или проруби съ западной стороны воздвигнуты были три деревянныхъ алтаря, изящно убранные, покрытые тоже изящными красными покровами. Четыре двери открывали входъ въ это зданіе, по одной съ каждой стороны, и главная дверь была къ югу отъ Кремля. Онѣ были также расписаны, но не такъ искусно, и представляли изображенія священныхъ предметовъ. Обозрѣвши все это хорошенько, я взошелъ на пригорокъ, находившійся около Кремля, между двумя воротами, именно по близости воротъ, называющихся Тайницкими (Tajniemske) или Тайными, черезъ которыя долженъ былъ проходить крестный ходъ. Онъ началъ приближаться въ 11 часовъ, вышедъ изъ церкви Соборной (Saboor), т.-е., изъ мѣста собранія Святыхъ, главнѣйшей изъ Московскихъ церквей въ Кремлѣ. Весь этотъ ходъ состоялъ единственно изъ духовенства, за исключеніемъ только нѣсколькихъ человѣкъ изъ мірянъ, въ свѣтскихъ платьяхъ, которые шли впереди и несли хоругви, укрѣпленныя на длинныхъ древкахъ. Духовенство все одѣто было въ свое церковное облаченіе, которое было великолѣпно. Священники низшаго чина и монахи, въ числѣ 200 человѣкъ, шли впереди, предшествуемые множествомъ пѣвчихъ и мальчиковъ, принадлежавшихъ къ хору, одѣтыхъ въ свѣтское платье, и каждый держалъ въ рукахъ книгу. По правую и лѣвую руку вооруженные солдаты и скороходы, имѣвшіе только трости, которыми они расчищали мѣсто, открывая путь шествію и сохраняя хорошій

порядокъ. Послѣ сказанныхъ Священниковъ шли тѣ, которые облечены были въ Епископскія одежды, человѣкъ до 300. Первые 12 человѣкъ изъ нихъ были митрополиты или Кардиналы, облаченные въ одежду, называемую обыкновенно саккосъ (Sackosse). Затѣмъ шли четыре Архіепископа, три Епископа и множество Архимандритовъ или монастырскихъ Настоятелей. Когда сихъ послѣднихъ прошло около 200, то появилось все то, что разные Священники несли въ ходѣ, а именно: большое древко съ фонаремъ, представляющимъ свѣтъ Слова Божія, въ честь образовъ, или для приданія имъ блеска; далѣе два позолоченныхъ херувима, называемые по Русски репидами (Lepiedi), тоже на двухъ древкахъ. Затѣмъ два креста; поясной образъ Іисуса Христа, почти въ натуральную величину; за нимъ чрезвычайно большая книга (Евангеліе?); наконецъ 20 золотыхъ и серебряныхъ шапокъ, богато усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и несомыхъ каждая особымъ человѣкомъ. По окончаніи хода, главнѣйшіе участники въ оной изъ духовенства, надѣли сказанныя шапки. Шапка митрополита была вся золотая, украшеная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Шапки эти называютъ митрами (Mietre), и онѣ составляютъ головное покрытіе высокаго духовенства. Митрополитъ, занимавшій мѣсто Патріарха, шелъ тотчасъ за большой книгой (Евангеліемъ), держа въ рукахъ большой золотой крестъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, и касаясь отъ времени до времени челомъ до этого креста, при чемъ Священники постоянно поддерживали его подъ руки съ обѣихъ сторонъ. Прибывъ въ такомъ порядкѣ на берегъ рѣки и закончивъ обрядъ, продолжавшійся добрые полчаса, Митрополитъ приблизился къ водѣ и погрузилъ троекратно въ оную крестъ, произнося, подобно тому, какъ дѣлаетъ это обыкновенно Патріархъ, слѣдующія слова: «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое!» (Spaci Gospodi ludi twoya, i blagoslovi dostoania twoya). Затѣмъ всѣ возвратились въ Кремль; но 200 Священниковъ, которые шли впереди крестнаго хода, не возвратились въ томъ же порядкѣ, а разсыпались почти всѣ въ разныя стороны. Тѣ же, которые облечены были въ торжественныя священнослужительскія ризы, продолжали обратное свое шествіе въ добромъ порядкѣ. Между прочимъ я замѣтилъ, что два человѣка, довольно плохо одѣтые, несли чанъ или котелъ, который я не могъ хорошенько разглядѣть,

покрытый холстомъ. За этой посудиной точно такимъ же образомъ несли другую такую же, съ оловянной чашей, наполненной водою, которую, какъ освященную (святую воду), несли во дворецъ для того, чтобы окропить ею покои и образа. Только что крестный ходъ вошелъ въ Кремль, тотчасъ же отнесены были туда и всѣ тѣ предметы, которые употреблялись при водосвятіи, и я видѣлъ при этомъ, какъ одинъ Русскій, окунувъ большую метлу въ воду, началъ ею кропить окружавшихъ его зрителей, которые, повидимому, не очень-то были довольны такимъ кропленіемъ. Мнѣ казалось даже, что такое дѣйствіе его было въ родѣ забавы. Описанный обрядъ, продолжавшійся до 2-хъ часовъ по полудни, привлекъ чрезвычайно огромную толпу народа, которую стоитъ посмотрѣть, и она представляла довольно пріятное зрѣлище на рѣкѣ. Такъ какъ Кремль стоитъ на нѣкоторой возвышенности, то отъ него видны были тысячи народа, мужчинъ и женщинъ, толпившихся до самыхъ стѣнъ и въ стѣнахъ его. Когда мы, возвращаясь назадъ, пришли къ Кремлевскимъ воротамъ, то встрѣтили тамъ такую давку, что насилу выбрались изъ оной. Такимъ образомъ любопытство наше обошлось намъ довольно дорого, не говоря уже о томъ, что было опасно оставаться на холодномъ снѣгу такое продолжительное время.

Праздникъ этотъ въ старину отправляли съ гораздо большею торжественностію, потому что Ихъ Царскія Величества и всѣ знатные Вельможи Государства присутствовали на немъ. Но нынѣ Царствующій Государь сдѣлалъ въ этомъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, большія перемѣны.

Корнилій де Бруинъ.

Бытъ и нравы до и послѣ реформъ.

МОСКВА И МОСКВИЧИ.

1698 г. Іюнь 16... На многолюдныхъ улицахъ были найдены два Москвича, которымъ безбожные злодѣи отрубили головы. Преимущественно по ночамъ рыщетъ здѣсь невѣроятное множество разбойниковъ...

Іюль 23. Нѣкоторые изъ слугъ Господина Посла затѣяли ссору съ Москвичами; сильный отрядъ солдатъ отвелъ слугъ подъ стражу, но стоявшіе на караулѣ Нѣмецкіе Офицеры, узнавъ званіе этихъ лицъ, отпустили всѣхъ, кромѣ одного, про котораго Москвичи громко кричали, что онъ зачинщикъ ссоры. Но и его освободилъ отъ ареста, обходя ночные караулы, Генералиссимусъ Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій и велѣлъ отвести его въ Посольскія палаты, давъ для безопасности охрану изъ солдатъ.

24-го. Хотя во вчерашней смутѣ дѣло не дошло еще до яростнаго примѣненія обнаженнаго оружія, однако нашлись люди, которые стали на это жаловаться. Одинъ изъ Москвитянъ показывалъ раны и, подкупивъ за небольшую плату лжесвидѣтелей, увѣрялъ, что у него остались рубцы отъ обнаженаго противъ него меча. Когда его обманъ былъ наглядно обнаруженъ болѣе правдивымъ свидѣтельствомъ, мы не могли достаточно надивиться на испорченность нравовъ этого народа и на полную безнаказанность у нихъ отвратительной привычки ко лжи и клятвопреступленію. Среди Москвитянъ всегда и вездѣ можно найти лжесвидѣтелей; ибо до такой степени извращены у нихъ

понятія, что умѣнье обманывать считается почти признакомъ высокаго ума.

Жена одного Дьяка (т.-е. Канцеляриста), случайно проходя мимо позорныхъ столбовъ, воздвигнутыхъ при послѣднемъ мятежѣ передъ Царской Крѣпостью — Кремлемъ, сжалилась надъ участью пригвожденныхъ и спроста со вздохомъ сказала: «Ахъ, кто изъ людей знаетъ, виновны вы были или невинны»! Эти слова, сказанныя ею себѣ самой, тотчасъ подхватило другое лицо и передало Боярамъ, какъ несомнѣнно подозрительное выраженіе, предвѣщавшее большую бѣду. Жалость женщины къ осужденнымъ государствомъ преступникамъ показалась опасной. Поэтому немедленно привлекли къ допросу какъ сказавшую, такъ и ея мужа; но когда оказалось, что это — простодушное и обычное у женщинъ состраданіе къ несчастнымъ, и тутъ нѣтъ никакихъ признаковъ преднамѣреннаго злоумышленія, то супруги были освобождены отъ смертной казни, но все-же отправлены въ ссылку. Такъ карается простодушная и невинная свобода рѣчи тамъ, гдѣ подданные держатся въ повиновеніи однимъ страхомъ. Подполковникъ Нарбековъ, обвиненный въ недавнемъ мятежѣ, былъ заключенъ съ 25 слугами въ темницу и подвергнутъ пыткамъ...

1699 г. Февраль 12. Одинъ иностранецъ, внушающій уваженіе народамъ священнымъ именемъ, такъ какъ онъ уполномоченъ ходатайствовать о дѣлахъ противоположной Сѣверной страны, пожелалъ освѣжиться на сильномъ холоду, будучи чрезмѣрно разогрѣтъ виномъ, и съ этой цѣлью объѣздилъ въ двуколкѣ всѣ городскія улицы. Вернулся онъ домой только тогда, когда его двуколка отъ частныхъ столкновеній и толчковъ почти развалилась и не могла болѣе выдерживать тяжести хозяина и возницы. Это лицо должно считать за особое счастье, что его не захватили Московскіе ночные грабители, которые могли поколотить или даже убить его, тѣмъ болѣе, что любимой утѣхой Московскаго простонародья является возможность проявить свое неистовство и безуміе противъ Нѣмцевъ. Весьма наглядное доказательство этому далъ и сегодняшній день. Одинъ изъ нашихъ скороходовъ, знающій Московскій языкъ, встрѣтился съ Русскимъ, изрыгавшимъ въ ярости многочисленныя ругательства противъ Нѣмцевъ. «Вы, Нѣмецкія собаки», говорилъ онъ, «вполнѣ свободно воровали и грабили до сихъ поръ, но довольно, пора

уже унять и наказать васъ»! Скороходъ, желая имѣть свидѣтеля этихъ оскорбительныхъ рѣчей, позвалъ солдата, который могъ слышать то же самое, и въ концѣ концовъ велѣлъ отдать этого человѣчишку подъ стражу; но, по приказу Господина Царскаго Посла, ничтожный человѣкъ былъ предоставленъ произволу солдатъ, которые совершенно раздѣли его и сильно побили палками...

18-го и 19-го... Въ Московіи имѣется большое количество разбойниковъ, а наглость ихъ еще больше. Жестокость ихъ занятія уничтожила въ ихъ сердцахъ всякую человѣчность и стыдъ, и они не боятся грабить даже при бѣломъ днѣ. Когда было еще совсѣмъ свѣтло, и сумерки только начинались, одинъ изъ толпы разбойниковъ напалъ на идущаго сзади своего господина слугу Царскаго Врача Цоппота и ограбилъ его; навѣрное, по своей звѣрской природѣ, онъ и убилъ бы его, но Врачъ замѣтилъ это и при помощи нѣсколькихъ лицъ, кстати попавшихся ему навстрѣчу, смутилъ планы разбойника быстрымъ и неожиданнымъ вмѣшательствомъ...

Апрѣль 23... Вообще, у солдатъ въ Московіи въ обычаѣ жестоко и вполнѣ произвольно, безъ уваженія къ лицамъ или обстоятельствамъ, бить задержанныхъ кулаками, ружьями и палками и, запихавъ ихъ въ самый скверный уголъ, всячески мучить. Особенно обращаются они такъ съ богатыми, которымъ безстыдно заявляютъ, что конца ударамъ не будетъ раньше, чѣмъ тѣ выплатятъ опредѣленную сумму; побоямъ подвергается всякій, идетъ ли онъ подъ стражу добровольно или насильно.

I. Корбъ.

ПАСХА ВЪ МОСКВѢ.

1698 г. Май 4. Русскіе и всѣ Нѣмцы, послѣдніе ради согласія съ Русскими, справляли праздникъ Пасхи. Смотритель дома, гдѣ мы жили, поднесъ Господину Послу черезъ Царскихъ солдатъ, приставленныхъ къ намъ для охраны, четыре блюда: первое съ мукой, второе съ масломъ, третье съ яйцами, четвертое съ жаренымъ гусемъ. Намъ указали, что это требуется обычаемъ Пасхальнаго празднества, но полнаго объясненія дать не могли. Равнымъ образомъ нѣкій Попъ, сильно путаясь въ церковномъ

пѣніи, неожиданно вошелъ въ комнату Господина Посла и далъ ему и присутствующимъ слугамъ поцѣловать крестъ. Если сильнѣйшій запахъ водки и почти невыносимая вонь отъ рѣпы обыкновенно не могутъ остаться незамѣтными для обонянія еще не ѣвшаго человѣка, то, несомнѣнно, желудокъ этого попа былъ наполненъ завтракомъ на русскій ладъ.

5-го. Господинъ Польскій Посолъ со всѣмъ своимъ дворомъ присутствовалъ у насъ за Богослуженіемъ.

Среди Русскихъ укрѣпился такой обычай, что встрѣчающіеся другъ съ другомъ въ періодъ времени отъ праздника Пасхи до дня Славнаго Вознесенія Господня, обмѣниваются во всякомъ мѣстѣ, даже на перекресткахъ и большихъ улицахъ, взаимнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе. Такъ-же тотчасъ отвѣчаютъ получившій или получившая привѣтствіе и, принявъ яйцо, которое обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ привѣтствующій, они обязаны дать поцѣлуй мира и принять его отъ привѣтствующаго. Этому обыкновенію научилъ насъ впервые Г. Менезіусъ, Полковникъ и Начальникъ Караула, сынъ покойнаго Генерала Менезіуса. Этотъ обычай привѣтствія и поцѣлуя не допускаетъ не только никакого различія въ сословіи или положеніи, но даже никакого воспоминанія объ этихъ различіяхъ. Ни одинъ Вельможа не откажетъ въ просимомъ у него поцѣлуѣ самому простому мужику, лишь-бы только тотъ предлагалъ ему красное яйцо. Никакая скромность не можетъ извинить замужнюю женщину, никакая стыдливость — незамужнюю; было бы равносильно преступленію или отвергнуть предложенное яйцо, или уклониться отъ поцѣлуя; съ самой низкой черни снято всякое къ ней презрѣніе; не существуетъ никакого опасенія за безразсудство. Наряду съ этимъ они справляютъ праздникъ Пасхи, которому предшествуетъ строгій и продолжительный постъ, непрерывнымъ разгуломъ. При этомъ женщины не отличаются большимъ воздержаніемъ сравнительно съ мужчинами; обыкновенно онѣ первыя начинаютъ безобразничать отъ неумѣреннаго употребленія водки, и почти на всѣхъ улицахъ можно встрѣтить ихъ...

6-го... Пожаръ, явившійся слѣдствіемъ непрерывнаго разгула черни, послужилъ для насъ причиной новаго страха. Чѣмъ большей торжественностью отличается какой-нибудь праздникъ, тѣмъ больше и поводовъ къ широкому пьянству. Смѣшно также,

что старики вперемежку съ мальчиками, находятъ удовольствіе въ тѣхъ-же самыхъ играхъ и забавахъ и справляютъ свои главные праздники тѣмъ, что безцѣльно качаются на непрерывно движущемся бревнѣ, то становясь на него, то садясь. Весь день слышенъ непрерывный звонъ Церковныхъ колоколовъ, хотя въ храмахъ нѣтъ никакой службы, какъ будто признается достаточнымъ знаменовать торжественность праздничныхъ дней одними только ударами о бездушную мѣдь. Врядъ-ли какой-нибудь болѣе торжественный годовой праздникъ обходится безъ того, чтобы въ продолженіе его не случилось ни одного пожара; они бываютъ тѣмъ печальнѣе, что обыкновенно начинаются въ ночное время и иногда обращаютъ въ пепелъ нѣсколько сотъ домовъ, сплошь выстроенныхъ изъ дерева. Для тушенія этого послѣдняго пожара (которымъ было уничтожено по сю сторону рѣки Неглинной шестьсотъ домовъ) прибѣжало нѣсколько Нѣмцевъ; ихъ по ложному обвиненію въ воровствѣ подвергли жесточайшимъ побоямъ и бросили въ огонь, принеся такимъ образомъ въ жертву какъ своей ярости, такъ и безпечности.

I. Корбъ.

РАЗБОИ И ГРАБЕЖИ ВЪ МОСКВѢ.

1711 г. 8 Февраля... Въ Москвѣ ужасные разбои и грабежи. Вечеромъ, одинъ изъ секретарей царской Нѣмецкой канцеляріи, г. Остерманъ, прибѣжалъ къ моему подворью безъ шапки и сталъ стучаться въ ворота. Въ это время я преспокойно сидѣлъ себѣ дома. Оказывается, онъ проходилъ невдалекѣ отъ моего двора съ морскимъ капитаномъ барономъ фонъ Willemorsky и съ двумя морскими солдатами, какъ вдругъ на нихъ напали разбойники. Остерманъ сказалъ, что оставилъ Виллемовскаго и солдатъ, окруженныхъ злодѣями. Тогда, по моему приказанію, всѣ мои люди, схвативъ оружіе, бросились на помощь къ Виллемовскому. Нашли они его полумертвымъ и раздѣтымъ. Солдаты были тоже въ такой степени изранены и избиты, что не могли стоять на ногахъ. Всѣхъ троихъ принесли ко мнѣ на подворье, гдѣ мой камердинеръ, фельдшеръ по ремеслу, сдѣлалъ имъ перевязку. Виллемовскій получилъ восемь смертельныхъ ранъ въ голову. Послѣ того, какъ ему сдѣлали перевязку, онъ все время находился въ забытьи и молчалъ.

Разбойники представляютъ въ Москвѣ истинное бѣдствіе. Выйти вечеромъ на улицу значитъ подвергнуть свою жизнь опасности. Зимою безъ уличныхъ убійствъ и грабежей не проходитъ ни одной ночи. Утромъ на улицахъ находятъ трупы ограбленныхъ. Возлѣ самаго моего подворья и въ ближайшихъ его окрестностяхъ, за время трехъ-мѣсячнаго пребыванія моего въ Москвѣ, убито 16 человѣкъ, несмотря на обходы моей стражи, которую я нерѣдко посылалъ въ дозоръ, чтобъ подстерегать этихъ злодѣевъ.

На другой день самъ Царь, прибывъ ко мнѣ на домъ, посѣтилъ умирающаго Виллемовскаго, которому въ то время было особенно плохо. Перенести его не представлялось возможности въ виду его состоянія и, спустя три дня, онъ умеръ у меня на подворьѣ.

Юстъ Юль.

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ.

1.

1702 г. 9-го числа этого мѣсяца (Января) совершили страшную казнь въ Москвѣ надъ 50-лѣтней женщиной, убившей своего мужа, которую присудили зарыть живою въ землю по самыя плечи. Я полюбопытствовалъ взглянуть на нее, и нашелъ ее на половину закопанной, и она показалась мнѣ очень еще свѣжею и пріятной наружности. Она была повязана вокругъ головы и шеи бѣлымъ полотенцемъ, которое она, впрочемъ, попросила развязать, потому что оно очень давило ее. Ее стерегли трое, или четверо солдатъ, которымъ приказано не дозволять давать ей ни ѣсть, ни пить, что могло бы продлить жизнь ея. Но дозволено было бросать въ яму, въ которой она была зарыта, нѣсколько копѣекъ (korykkes) или штиверовъ, за которыя она и благодарила наклоненіемъ головы. Деньги эти употребляютъ обыкновенно на покупку восковыхъ свѣчей, которыя и зажигаютъ передъ образами тѣхъ Святыхъ, къ которымъ взываютъ осужденные, частію же на покупку гроба. Не знаю, берутъ ли себѣ иногда часть изъ нихъ приставленные сторожа за то, чтобъ тайкомъ дать осужденнымъ поѣсть; ибо многіе довольно долго проживаютъ въ такомъ состояніи. Но видѣнная мною женщина умерла на другой же день послѣ того, какъ я ее видѣлъ. Въ тотъ же

день сожгли живымъ одного мужчину, преступленіе котораго мнѣ было не извѣстно...

Тяжелыя преступленія наказываются здѣсь сожженіемъ. Для исполненія этой казни устраиваютъ небольшой четырехъугольный деревянный сарай, который обкладываютъ снаружи и внутри соломою. Въ этотъ то сарай запираютъ преступника по произнесеніи надъ нимъ приговора, и затѣмъ зажигаютъ солому: отъ дыму и пламени несчастный сперва задыхается, а подъ конецъ сгораетъ. Кромѣ того: отсѣкаютъ топоромъ голову на плахѣ, иныхъ вѣшаютъ, другихъ зарываютъ живыхъ въ землю, по самыя плечи, какъ описано уже это выше. Но, несмотря на жестокость свою, эти казни совершаются тамъ такъ тихо и безъ шуму, что если онѣ исполняются въ одномъ концѣ города, то о нихъ и не знаютъ даже жители другого конца. Преступниковъ, не заслуживающихъ смертной казни, наказываютъ кнутомъ (knot): это длинная ременная плеть (бичъ), которой бьютъ по обнаженной спинѣ такъ сильно, что наказываемый можетъ умереть послѣ нѣсколькихъ ударовъ. Кара эта производится такъ: палачъ для этого выбираетъ изъ среды зрителей человѣка, по его мнѣнію, самаго здороваго и крѣпкаго, и кладетъ ему на спину преступника такимъ образомъ, что руки ему проходятъ черезъ плеча этого случайнаго помощника палача и придерживаются на груди у него. Ноги преступника связываютъ веревкой, а прислужникъ палача держитъ голову, за волосы; въ такомъ положеніи преступнику даютъ столько ударовъ кнутомъ, сколько присуждено, и удары эти, ревностно наносимые, немедленно срываютъ кожу съ обнаженной спины. Наказаніе батогами назначается за преступленія не столь значительныя. При этомъ наказаніи преступника кладутъ на землю ничкомъ, и два человѣка садятся ему, одинъ на голову, а другой на ноги, и держатъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока палачъ не исполнитъ назначеннаго числа ударовъ батогами по спинѣ. Когда дѣлаютъ преступнику допросъ (пытаютъ его), то его вздергиваютъ на воздухъ (на дыбы) и бьютъ сказаннымъ кнутомъ, потомъ раскаленнымъ желѣзомъ водятъ по ранамъ, происшедшимъ отъ ударовъ. Но самое мучительное наказаніе состоитъ въ томъ, что преступнику выбриваютъ маковку головы и каплятъ на нее по каплѣ холодной водой. Наказаніе несостоятельныхъ должниковъ или такихъ, которые отказываются

удовлетворить своихъ заимодавцевъ, состоитъ въ томъ, что ихъ выставляютъ предъ Приказомъ и въ нѣсколько пріемовъ даютъ имъ по три удара палкою по ногамъ. За долгъ во 100 рублей, равняющихся 500 нашихъ гульденовъ, наказываютъ такимъ образомъ ежедневно, въ теченіи цѣлаго мѣсяца; за долги больше, или меньше 100 рублей, наказываютъ, соразмѣряясь съ долгомъ, по тому же правилу. Когда и послѣ этого должникъ не можетъ расчитаться съ заимодавцемъ, то продаютъ все его имущество, и вырученными деньгами удовлетворяютъ заимодавца. Наконецъ, если и этого будетъ недостаточно для покрытія долговъ, то самаго должника, съ женою и дѣтьми, отдаютъ заимодавцу въ услуженіе, при чемъ службу эту оцѣниваютъ только въ 5 руб. въ годъ за мужчину и въ половину этого за службу женщины, и кромѣ того заимодавецъ обязанъ кормить и одѣвать служащихъ у него должниковъ своихъ. Въ такомъ служеніи должники находятся такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока долгъ ихъ не покроется вполнѣ.

Корнилій де Брунъ.

2.

1722 г. 2-го Октября. Послѣ обѣда я ѣздилъ съ обоими бригадирами, Негелейномъ и Тихомъ, за городъ посмотрѣть на трехъ колесованныхъ въ этотъ день утромъ, но еще живыхъ, убійцъ и дѣлателей фальшивой монеты. Зрѣлище было отвратительное. Они получили только по одному удару колесомъ по каждой ногѣ и рукѣ, и послѣ того были привязаны къ тремъ укрѣпленнымъ на шестахъ колесамъ. Одинъ изъ нихъ, старый и очень болѣзненный, былъ уже мертвъ; но оба другіе, еще молодые, вовсе не имѣли на лицѣ смертной блѣдности, напротивъ были очень румяны. Меня увѣряли, что люди въ такомъ положеніи жили иногда отъ четырехъ до пяти дней. Эти двое были такъ веселы, какъ будто съ ними ничего не случилось, преспокойно поглядывали на всѣхъ и даже не дѣлали кислой физіономіи. Но больше всего меня удивило то, что одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ поднялъ свою раздробленную руку, висѣвшую между зубцами колеса (они только туловищемъ были привязаны къ колесамъ), отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто; мало того, запачкавъ нѣсколькими кап-

лями крови колесо, на которомъ лежалъ лицомъ, онъ въ другой разъ, съ такимъ же усиліемъ, снова втащилъ ту же изувѣченную руку и рукавомъ обтеръ его. Я вспомнилъ при этомъ объ одномъ истинномъ происшествіи, случившемся здѣсь года четыре тому назадъ съ однимъ повѣшеннымъ за ребра; онъ въ первую ночь послѣ казни имѣлъ еще столько силы, что могъ приподняться кверху и вытащить изъ себя крюкъ. Упавъ на землю, несчастный на четверенькахъ проползъ нѣсколько сотъ шаговъ и спрятался; но его нашли и опять повѣсили точно такимъ же образомъ. О невообразимой жестокости Русскаго народа посланникъ Штамке разсказывалъ мнѣ еще одну исторію, которой за нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ самъ былъ очевидцемъ. Тамъ сожгли заживо одного человѣка, который, во время богослуженія, толстой палкой вышибъ у епископа изъ рукъ образъ какого-то святого и сказалъ, что по совѣсти убѣжденъ, что почитаніе иконъ есть идолопоклонство, которое не слѣдуетъ терпѣть. Императоръ, говорятъ, самъ нѣсколько разъ ходилъ къ нему, во время содержанія его подъ стражей и послѣ произнесенія приговора, и увѣрялъ его, что если онъ только скажетъ передъ судомъ, что заблуждался, ему будетъ дарована жизнь, даже не разъ отсрочивалъ исполненіе казни; но человѣкъ этотъ остался при томъ, что совѣсть не позволяетъ ему поступать такъ. Тогда его поставили на костеръ, сложенный изъ разныхъ горючихъ веществъ, и желѣзными цѣпями привязали къ устроенному на немъ столбу съ поперечной на правой сторонѣ планкой, къ которой прикрѣпили толстой желѣзной проволокой и потомъ плотно обвили насмоленнымъ холстомъ руку вмѣстѣ съ палкой, служившей орудіемъ преступленія. Сперва зажгли эту правую руку и дали ей одной горѣть до тѣхъ поръ, пока огонь не сталъ захватывать далѣе, и князь-кесарь, вмѣстѣ съ прочими вельможами, присутствовавшими при казни, не приказалъ поджечь костеръ. При такомъ страшномъ мученіи преступникъ не испустилъ ни одного крика и оставался съ совершенно спокойнымъ лицомъ, хотя рука его горѣла одна минутъ семь или восемь, пока наконецъ не зажгли всего возвышенія. Онъ неустрашимо смотрѣлъ все это время на пылавшую свою руку и только тогда отвернулся въ другую сторону, когда дымъ ужъ очень сталъ ѣсть ему глаза и у него начали горѣть волосы. Меня увѣряли, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ братъ этого

человѣка былъ сожженъ почти такимъ же образомъ и за подобный же поступокъ.

Ф. Берхгольцъ.

ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ.

1709 г. 3-го Октября... Мнѣ разсказывали, что очень многіе генералы въ Русской арміи уполномочены Царемъ назначать въ подвѣдомственныя имъ части оберъ-офицеровъ, капитановъ, маіоровъ и подполковниковъ. Послѣдствіемъ такого порядка вещей является большое послушаніе и покорность со стороны офицеровъ къ генераламъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся ихъ судьба. Поэтому, когда офицеры приходятъ къ генералу, то кланяются ему въ землю, наливаютъ ему вина и вообще служатъ ему, какъ лакеи. Относительно здѣшнихъ поклоновъ наблюдается слѣдующее. Когда Русскій хочетъ выказать какому-либо важному лицу наибольшую степень почтенія, то падаетъ передъ нимъ ницъ, т.-е. становится на правое колѣно, упирается руками въ землю и такъ сильно стукается лбомъ объ полъ, что можно явственно слышать удары. О такихъ поклонахъ часто упоминается въ Священномъ Писаніи: «молиться, падая на лице свое». При менѣе почтительномъ поклонѣ Русскіе становятся на правое колѣно и кладутъ на полъ правую ладонь. Вообще же, привѣтствуя какого-либо боярина, они кланяются такъ низко, что правою рукою дотрогиваются до земли...

1-го Ноября. Я замѣтилъ, что генералъ-адмиралъ и другіе Русскіе сановники всегда неровны въ соблюденіи своей чести и достоинства. Въ то самое время, какъ ихъ офицеры, до бригадировъ включительно, ухаживаютъ за ними, даже наливаютъ имъ вина и служатъ, какъ лакеи, они вдругъ, ни съ того, ни съ сего, становятся съ ними за панибрата, какъ съ товарищами. Удивительнѣе всего, что генералъ-адмиралъ и другіе сановники могутъ отъ обѣда до полуночи курить, пить и играть на деньги въ карты съ самыми младшими своими подчиненными—поведеніе, которое у насъ считалось бы неприличнымъ и для простого капрала. Такимъ образомъ, хотя въ настоящее время въ своемъ обращеніи Русскіе и стараются подражать, какъ обезьяны, другимъ націямъ, хотя они и одѣваются во Французскія платья,

хотя по наружному виду они немного и отесаны, тѣмъ не менѣе внутри ихъ попрежнему сидитъ мужикъ.

Юстъ Юль.

ЧИНОПОЧИТАНІЕ.

Къ начальству они питаютъ такое глубокое уваженіе, что считаютъ однимъ изъ членовъ Символа своей Вѣры, что воля ихъ Царя есть воля Божія, такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ чемъ сомнѣваются, они говорятъ: «Богъ знаетъ да нашъ Царь», котораго они также называютъ ключеносцемъ и слугой Бога, и что онъ исполнитель Божьяго слова; также что все, что онъ одобряетъ въ дѣлахъ Вѣры, то вѣрно и тому должно слѣдовать. Князья и Бояре, самые богатые, знатные и вліятельные, должны передъ самымъ малымъ изъ Царскихъ чиновниковъ, присланныхъ отъ Царя съ повелѣніемъ, бросаться на землю и въ этомъ положеніи выслушивать, безъ малѣйшаго противленія, самыя строгія приказанія, даже если-бы они касались собственной ихъ жизни, или дѣла, сопряженнаго съ опасностью жизни. Если Царь взглянетъ на кого-нибудь немилостиво, или покажетъ малѣйшій знакъ гнѣва, или неблаговоленія, то сейчасъ восклицаетъ: «Да здравствуетъ Его Царское Величество!.. Вотъ моя голова — дѣлай, что хочешь»! Но если пріемъ былъ милостивъ, то они хвалятся тѣмъ, что видѣли Царскія очи улыбающимися.

Г. Седербергъ.

ОБѢДЫ ВЪ НАРВѢ.

(1709 г.) 5-го Сентября я былъ званъ на обѣдъ къ коменданту. Обѣдъ происходилъ, согласно Русскому обычаю, слѣдующимъ образомъ. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, Русскіе много разъ перекрестились и поклонились на образа, висѣвшіе на стѣнѣ. Столъ, накрытый человѣкъ на 12, былъ уставленъ кругомъ блюдами; но блюда стояли возлѣ самыхъ тарелокъ, такъ что середина стола оставалась свободною; на этомъ свободномъ мѣстѣ находились уксусъ, соль, перецъ и большой жбанъ (Römer) съ крѣпкимъ пивомъ. На блюдахъ находились лишь холодныя яства, ветчина, копченый языкъ, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было очень солоно и сильно приправлено

перцемъ и чеснокомъ. За сею перемѣною послѣдовала другая—изъ различныхъ жаркихъ. Третья перемѣна состояла исключительно изъ суповъ. Такимъ образомъ порядокъ блюдъ за Русскимъ обѣдомъ совершенно обратенъ принятому въ Даніи. Заздравныя чаши пились такъ. Сначала комендантъ предложилъ мнѣ выпить здоровье Царя. Чашу эту, по Русскому обычаю, я пилъ лишь послѣ того, какъ она обошла кругомъ всѣхъ и была пита всѣми. То же произошло вслѣдъ за тѣмъ при чашѣ моего государя. Я разсказалъ коменданту, что въ чужихъ краяхъ за посольскими обѣдами, на которыхъ пьютъ чаши королей и государей, первую чашу называютъ patronanza, что̀ означаетъ, что чаша пьется вообще за здоровье всѣхъ царствующихъ государей, вторую — matronanza, т.-е. чашею королевъ и принцессъ; третья — filionanza, т.-е. чашею принцевъ; и что когда такимъ образомъ здоровье королей, королевъ и принцевъ пьется заразъ, никто изъ нихъ не умаленъ въ чести. Впрочемъ я прибавилъ, что разсказываю это лишь въ шутку, а не съ тѣмъ, чтобъ осуждать заведенный у нихъ порядокъ. Комендантъ принялъ это очень хорошо, сказавъ, что очень желалъ бы учиться и что несчастливъ тѣмъ, что не видалъ свѣта и чужихъ краевъ, какъ то удалось инымъ его землякамъ. Послѣ того, какъ мы встали изъ-за стола, и Русскіе снова перекрестились и поклонились на образа, прислуга внесла дессертъ, состоявшій изъ финиковъ, имбирнаго варенія, какихъ-то Персидскихъ плодовъ, соленыхъ огурцовъ, сырого зеленаго гороха въ стручкахъ и сырой моркови. Когда я уходилъ, комендантъ пошелъ впереди меня: у Русскихъ принято, что гости, приходя, вступаютъ первыми въ дверь; при уходѣ же ихъ впереди долженъ идти хозяинъ, дабы безопасно проводить ихъ изъ дому. Комендантъ приказалъ отвезти меня домой въ своемъ крытомъ возкѣ, въ которомъ передъ тѣмъ меня привезли къ нему...

1-го Декабря. По приказанію Царя я обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ у оберъ-коменданта, гдѣ, въ отвѣтъ на мой запросъ, мнѣ велѣно было спрятать мою вѣрительную грамоту съ тѣмъ, чтобы вручить ее только въ Москвѣ. Тамъ Царь обѣщалъ дать мнѣ аудіенцію и выслушать мое посольство, здѣсь же онъ не имѣлъ при себѣ никого изъ министровъ. По распоряженію Царя я долженъ былъ также приготовиться слѣдовать за нимъ съ двумя слугами въ Петербургъ; прочіе мои люди и вещи имѣли на-

правиться другимъ путемъ на Новгородъ, и тамъ ждать моего пріѣзда для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву. День мы провели въ попойкѣ; отговорки отъ питья помогали мало; попойка шла подъ оранье, крикъ, свистъ и пѣніе шутовъ, которыхъ называли на смѣхъ патріархами. Въ числѣ ихъ были два шутазаики, которыхъ Царь возилъ съ собою для развлеченія; они были весьма забавны, когда заикались, путались въ словахъ и никакъ не могли высказать другъ другу своихъ мыслей. Въ числѣ прочихъ шутовъ былъ одинъ, по имени князь Шаховской Jacobskoy); звали его кавалеромъ ордена Іуды, потому что онъ носилъ иногда на груди изображеніе Іуды на большой серебряной цѣпи, надѣвавшейся кругомъ шеи и вѣсившей 14 фунтовъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что шутъ этотъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, но обуянъ мятежнымъ духомъ: когда однажды Царь заговорилъ съ нимъ о томъ, какъ Іуда-предатель продалъ Спасителя за 30 сребренниковъ, Шаховской возразилъ, что этого мало, что за Христа Іуда долженъ былъ взять больше. Тогда въ насмѣшку Шаховскому и въ наказаніе за то, что онъ тоже, какъ усматривалось изъ его словъ, былъ бы не прочь продать Спасителя, только за бо̀льшую цѣну, Царь тотчасъ же приказалъ изготовить вышеупомянутый орденъ съ изображеніемъ Іуды, который собирается вѣшаться. Всѣ шуты сидѣли и ѣли за однимъ столомъ съ Царемъ. Послѣ обѣда случилось между прочимъ слѣдующее происшествіе. Со стола еще не было убрано. Царь, стоя, болталъ съ кѣмъ-то. Вдругъ къ нему подошелъ одинъ изъ шутовъ и намѣренно высморкался мимо самаго лица Царя въ лице другому шуту. Однако Царь не обратилъ на это вниманія. А другой шутъ, не долго думая, вытеръ себѣ лице, захватилъ съ блюда на столѣ цѣлую горсть миногъ и бросилъ ими въ перваго шута, впрочемъ, не попалъ— тотъ извернулся... Читателю конечно покажется удивительнымъ, что подобныя вещи происходятъ въ присутствіи такого великаго государя, какъ Царь, и остаются безъ наказанія, и даже безъ выговора. Но удивленіе пройдетъ, если примешь въ соображеніе, что Русскіе, будучи народомъ грубымъ и неотесаннымъ, не всегда умѣютъ отличать приличное отъ неприличнаго, и что поэтому Царю приходится быть съ ними терпѣливымъ въ ожиданіи того времени, когда, подобно прочимъ народамъ, они научатся извѣстной выдержкѣ. Царь охотно допускаетъ въ

свое общество разныхъ лицъ, и на обязанности шутовъ лежитъ напаивать въ его присутствіи офицеровъ и другихъ служащихъ съ тѣмъ, чтобы изъ ихъ пьяныхъ рѣчей и перебранки онъ могъ незамѣтно узнавать объ ихъ воровствѣ и потомъ отымать у нихъ возможность воровать, или наказывать ихъ.

Юстъ Юль.

БАНЯ, ЛѢЧЕНІЕ И ОБЫЧАИ.

1709 г. 13-го Ноября... За городомъ мнѣ случилось видѣть, какъ Русскіе пользуются своими банями. Несмотря на сильный морозъ, они выбѣгали изъ бани на дворъ совершенно голые, красные, какъ вареные раки, и прыгали въ протекавшую по близости рѣку. Затѣмъ, прохладившись вдоволь, вбѣгали обратно въ баню, но прежде чѣмъ одѣться, выскакивали еще и долго, играя, бѣгали нагишомъ по морозу и вѣтру. Въ баню Русскіе приносятъ березовые вѣники въ листахъ, скребутъ и царапаютъ себѣ тѣло, чтобы въ него лучше проникала теплота и шире отворялись бы поры. Въ Россіи ото всѣхъ болѣзней лѣчатъ три доктора, пользуя всѣхъ, какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ: первый докторъ — это Русская баня, о которой только что сказано, второй — водка, которую пьютъ, какъ воду или пиво всѣ тѣ, кому позволяютъ средства, и третій — чеснокъ, который Русскіе не только употребляютъ, какъ приправу ко всѣмъ яствамъ, но и ѣдятъ сырой среди дня. Вслѣдствіе этого отъ нихъ всегда дурно пахнетъ, и иностранецъ, пріѣзжающій въ Россію въ первый разъ и не привыкшій къ вони, рѣшительно не въ состояніи сидѣть у нихъ въ комнатѣ, особенно въ многочисленномъ обществѣ.

Въ Россіи въ простонародьѣ дѣвицы или желающія слыть за таковыхъ заплетаютъ себѣ волосы въ одну косу и на концѣ ея носятъ красную шелковую кисть, въ родѣ тѣхъ, что у насъ вѣшаютъ на голову лошадямъ. Это служитъ отличіемъ дѣвушекъ отъ замужнихъ женщинъ. При выходѣ замужъ дѣвушка остригаетъ волосы. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ или близкихъ, она расплетаетъ косу и въ теченіе извѣстнаго времени ходитъ съ распущенными волосами, что служитъ знакомъ печали.

Юстъ Юль.

СЛОНЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ повѣсти риторической о срѣтѣ въ Москвѣ слона персидскаго).

Посланіе Андреево съ Москвы въ общебратство.

Понеже любопотщательни есте, яко пчелы, по различнымъ цвѣтникомъ повѣстей облетаете, отъ многодѣйственныхъ цвѣтовъ пресладкій мудролюбія плодъ обсыпаете: откуду желательно и намъ лѣнивымъ повѣствовати вамъ, что новонародное и удивляемо услышимъ надѣющи и отсюда возмощи вамъ татьствовати душепитательный медъ, аще-ли же что и младенчески речемъ, уповаемъ, яко отцелюбно не грубость осудите, но усердіе и любовь воспріимите.

Бысть убо нынѣшняго (года) въ третій день октября, персидскаго посла со звѣрьми и птицами пріѣздъ въ Москву, ему же и честно славная стрѣча и многонародное зрѣніе, еже какъ бысть, въ кратцѣ ниже услышите.

Къ выше помянутому же дню обнощева посолъ близь Воробьевыхъ горъ, на загородномъ Долгорукова дворѣ (тамо преведенъ съ Володимерскаго пути); заутра же въ день той внезапу, яко вода воскипѣша московітіи народи: улицы востопташася, слободы проліяшася, переулки протекоша. Мужи и старцы съ юнотами текуще, жены спѣшащеся, мнози дѣтей на руку носяще, конники, колесничники ретящеся, вкупѣ наліяся людьми путь той, во градѣ и по каменному мосту, огустѣ народами калужскій путь, все поле до самога дворца на шесть верстъ многочеловѣчно возблеснѣ, лавки и дворы утѣснишася и кровы ихъ отъ многолюдства востужиша, на тынѣхъ, на стѣнахъ, на углахъ (и аще бы мощно внѣсти на воздухѣ)... поставлены же во градѣ по пути тому полцы пѣшихъ солдатъ... Съ таковымъ высокоявленіемъ проидоша, пріемше посла съ товарищи его на златосіяющія колесницы прежде же отпущены быша запасы посольскіе къ Москвѣ на ямскихъ подводахъ. По семъ съ вышеявленною славою двигнушася съ посломъ, предшествующимъ и послѣдующимъ конники съ военоначальники, воинамъ окружающимъ златоупестреннымъ юношамъ, по осыпану полю безчисленными народы, идущимъ съ ними прекраснымъ съ краснѣйшими провожатаи колесницамъ,

между колесницами же левъ и львица на особыхъ койждо телегахъ и жаръ нѣкая небывалая птица, и бобръ, многопестрый звѣрь и попугай различными цвѣты... Понеже узрѣся иже николиже въ Москвѣ видѣся, и увидѣся чудо не во океанскомъ, но въ Московскомъ народномъ мори, не бывалое зрителище — превелій слонъ звѣрь, всадника правяща его на шеи имѣя, при немъ на немъ узрѣти его, аки врабія; высоту бо звѣря сего глаголютъ и видится быти аршина съ полпята, имѣя нози длиною съ человѣка, толсты яко бревно, толстотѣлесенъ, недологъ по высотѣ, безшерстенъ, великоглавъ, черновиденъ, горбоспиненъ, задопокляпъ, ступаніемъ медвѣдоподобенъ, отъ верхнія губы имѣя (нарещи) носъ или губа или хоботъ, яко рукавъ платна висящъ до земли, имъ же яко рукою брашно и питье пріиметъ, и согнувъ въ уста своя отдаетъ. Отъ верхнихъ зубовъ два зуба велики внѣ торчатъ сюду и сюду, уши имѣя велики, яко заслоны печныя, рожки малы, подобны агнчимъ, хвостъ подобенъ воловьему; сѣдчи арапъ имѣетъ въ руцѣ не узду, но желѣзное орудіе согбенное, его же остротою за главу емля, удерживаетъ и управляетъ, не отъ ременія же и побивало, но желѣзо острое, аки чопалъ. Сицеву чуду со всадникомъ бредущу, народамъ же отъ... страну яко быстринамъ морскимъ окружающимъ, насмотрѣтися множайше усердствуютъ, и едва отъ многотиснѣнія путь дающимъ заднимъ приближнѣйшимъ быти ретящимся, предъ нимъ же отъ нихъ близь звѣря прибросаемымъ, отгоняющихъ имъ приставникомъ. Овогда же арапъ оный сѣдяй, аки глумяся, обратяше звѣря на народы, и звѣрь, аки глумяся, скоро поступаяй на десно или на шуее, или назадъ или на людей, бѣгство у людей учиняшеся. Диво же бѣ зрѣти: ниже бо народи далече убѣшати могуще, ниже звѣря потопта или досади кого, но абіе не вредя людей, обратяся водимъ всадникомъ, въ путь свой идяше. Тако сіе чудо, народы окружаемо, съ покрововъ и съ высотъ зрѣмо и удивляемо, въ Москву вниде. Сице съ славою и честію посолъ во уготованный ему домъ въ вечеръ глубокъ пріиде; народы же расходящеся носяху каждо во устѣхъ видѣніе звѣря, и бѣ слышати у всѣхъ количество и качество слона на языцѣ обносимо.

А. Денисовъ.

НАРОДНОЕ ГУЛЯНІЕ ПОДЪ МОСКВОЙ.

(1722 г.) 24-го Іюня. Мы скоро отправились къ рѣкѣ, и на трехъ шлюпкахъ, изъ которыхъ одну заняли четыре наши валторниста, а остальныя двѣ мы сами, поѣхали въ одно мѣсто, лежащее совсѣмъ за городомъ, гдѣ смотрѣли на большой праздникъ (гулянье) здѣшняго простого народа...

Взойдя на высокую гору, гдѣ простонародье справляло свой праздникъ, мы нашли тамъ страшную толпу: но намъ сказали, что большая часть народа уже разошлась еще до насъ, потому что мы пришли довольно поздно. На горѣ поставлены были разныя большія палатки, въ которыхъ продавали только водку и пиво, и народъ такъ тамъ веселился, что не только слышались его крики, но и запахъ вина поражалъ обоняніе на довольно значительномъ разстояніи. Больше всего выгоды отъ этого императору, потому что все пиво и вся водка, продающіяся въ Россіи, принадлежатъ ему. Такіе большіе праздники, говорятъ, приносятъ ему ежегодно значительный доходъ: простые люди въ эти дни разомъ опять спускаютъ и отдаютъ въ его казну все, что съ трудомъ зарабатываютъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Увеселенія, какія намъ удалось видѣть, состояли въ пьянствѣ и пляскахъ, или въ кулачныхъ бояхъ. Послѣдніе отвратительны. Люди, которые, подпивъ, для забавы выходятъ на кулачки, такъ медленны и умѣютъ дѣлать такіе прыжки, что смотрѣть на нихъ, конечно, смѣшно; но они притомъ и разбиваютъ другъ другу до крови носы и рты. Страннѣе всего, что то, что̀ записные кулачные бойцы показываютъ за деньги, или изъ тщеславія, они дѣлаютъ даромъ, изъ простого удовольствія, иногда въ трезвомъ видѣ и даже съ лучшими своими пріятелями; а потому вовсе не сердятся, когда разбиваютъ себѣ въ кровь носы и физіономіи и рвутъ одинъ на другомъ рубашки. Для полнаго удовольствія они даже снимаютъ съ себя поддевки и рубахи и надѣляютъ другъ друга ударами по голому тѣлу, которое тѣмъ громче шлепаютъ, такъ что со стороны можетъ показаться, что драка идетъ не на животъ, а на смерть. Бойцы, когда бьютъ разомъ и руками, и ногами, готовы, кажется, съѣсть одинъ другого,

такъ свирѣпо выраженіе ихъ лицъ; а все-таки остаются лучшими друзьями, когда дѣло кончено. Смотря по числу, они раздѣляются на двѣ половины и выступаютъ такимъ образомъ на бой, при чемъ та партія, которой удастся прогнать противную, считается побѣдившею; но если кто-нибудь изъ участвующихъ въ бою упадетъ, никто не смѣетъ его трогать, пока онъ опять не встанетъ. Къ подобнымъ упражненіямъ они пріучаются съ юныхъ лѣтъ, и мы видѣли такіе бои и между самыми маленькими ребятами. Въ то время, какъ мы смотрѣли на все это, пріѣхали ген. Ягужинскій, ген. Чернышовъ и многіе другіе, которые присоединились къ намъ и начали все болѣе и болѣе подстрекать бойцовъ.

Ф. Верхгольцъ.

Придворная жизнь.

ПРАЗДНОВАНІЕ ПОБѢДЫ НАДЪ ШВЕДАМИ ВЪ 1702 Г.

11-го Генваря праздновали великую радость по случаю побѣды, одержанной надъ Шведами оружіемъ Его Величества, о которой упомянуто было выше. Были потѣшные огни, близь Кремля, посреди базара или рынка, который довольно низменъ и довольно широкъ; въ срединѣ находились потѣшные огни, простираясь отъ одного конца площади до другого. Подлѣ Кремля сдѣланы были изъ досокъ большіе хоромы, съ стеклянными окнами, въ которыхъ Его Величество угощалъ знатнѣйшихъ придворныхъ сановниковъ своихъ, иностранныхъ Посланниковъ, находившихся въ это время въ Москвѣ, и между другими Датскаго Посла и Резидента Голландскаго, разныхъ Офицеровъ и нѣкоторыхъ нашихъ иноземныхъ купцовъ. Чтобы придать тѣни этимъ хоромамъ и украсить ихъ, впереди поразставили въ три ряда молодыя деревья *). Обѣдъ начался въ два часа по полудни, а около 6 часовъ вечера зажгли потѣшные огни, продолжавшіеся до 9-ти часовъ. Изображеніе поставлено было на 3-хъ огромныхъ деревянныхъ станкахъ, весьма высокихъ, и на нихъ установлено множество фигуръ, прибитыхъ гвоздями къ доскамъ и расписанныхъ темною краскою. Рисунокъ этого потѣшнаго огненнаго увеселенія былъ вновь изобрѣтенный, совсѣмъ непохожій на всѣ тѣ, которые я до сихъ поръ видѣлъ. По серединѣ, съ правой стороны, было изображено Время, вдвое болѣе натуральнаго росту человѣка; въ

*) Вѣроятно, хвойныя. (*Сост.*).

правой рукѣ оно держало песочные часы, а въ лѣвой пальмовую вѣтвь, которую также держала и Фортуна, изображенная съ другой стороны, съ слѣдующею надписью на Русскомъ языкѣ: «Напредъ поблагодаримъ Бога»! На лѣвой сторонѣ, къ ложѣ Его Величества, представлено было изображеніе бобра, грызущаго древесный пень, съ надписью: «Грызя постоянно, онъ искоренитъ пень»! На 3-мъ станкѣ, опять съ другой стороны, представленъ еще древесный стволъ, изъ котораго выходитъ молодая вѣтвь, а подлѣ этого изображенія совершенно спокойное море и надъ нимъ полусолнце, которое, будучи освѣщено, казалось красноватымъ, и было съ слѣдующею надписью: «Надежда возрождается». Между этими станками устроены были малые четырехъугольные потѣшные огни, постоянно горѣвшіе и также съ надписями. Второй изъ нихъ, около котораго я случайно находился и который первый былъ зажженъ Его Царскимъ Величествомъ, представлялъ четырехъугольный крестъ. Третій изображалъ виноградную лозу, а четвертый клѣтку съ птицей, съ различными надписями. Такъ какъ эти послѣдніе были всѣ освѣщены, подобно какъ это бываетъ въ нашихъ Нидерландахъ, то видно было все, что они изображали. Кромѣ того, посреди этой площади представленъ былъ огромный Нептунъ, сидящій на дельфинѣ, и около него множество разныхъ родовъ потѣшныхъ огней на землѣ, окруженныхъ колышками съ ракетами, которыя производили прекрасное зрѣлище, частію разсыпаясь золотымъ дождемъ, частію взлетая вверхъ яркими искрами. Когда настало время зажигать потѣшные огни, многіе духовные и другіе Господа вышли изъ упомянутыхъ хоромъ, сопровождая Его Царское Величество, и стали подъ крытое мѣсто (навѣсъ), устроенное посреди всѣхъ поименованныхъ приготовленій, для совершенія тамъ нѣкоторыхъ обрядностей. Надъ входомъ въ это крытое мѣсто, украшенное множествомъ разныхъ знаменъ, помѣщена была воинская стража. Невозможно было бы перечесть несмѣтное множество народа, собравшагося на это зрѣлище со всѣхъ сторонъ. Сестра Царя, со множествомъ Боярынь, помѣстилась для того, чтобъ поглядѣть на все, въ одной башнѣ, въ концѣ этой площади *). Другая значительнѣйшая башня, быв-

*) Эта башня находится около Спасскихъ воротъ Кремля. (*Сост.*).

шая тамъ, освѣщена была огнями съ верху до низу; большіе столы съ потѣшными огнями, о которыхъ я говорилъ выше, горѣли сыпавшимся съ нихъ огнемъ, каждый болѣе четверти часа. Въ то же время раздавались и пушечные выстрѣлы, которые были и передъ обѣдомъ. Когда потѣшные огни сгорѣли, столы накрыли вторично; но тогда я возвратился въ Слободу, гдѣ услышалъ еще 90 пушечныхъ выстрѣловъ въ 10 часовъ, а потомъ еще нѣсколько выстрѣловъ и позднѣе. Самымъ необычайнымъ въ этомъ случаѣ и при подобномъ стеченіи народа показалось мнѣ то, что не произошло никакого безпорядка, благодаря тому, что со всѣхъ сторонъ разставлены были солдаты и стража. Только предъ самымъ окончаніемъ этого собранія, вскорѣ за полночь нѣсколько Французскихъ Офицеровъ, поспорившихъ о чемъ-то между собою, обнажили шпаги и надѣлали шуму подлѣ хоромъ Его Царскаго Величества. Для отвращенія подобныхъ случаевъ на будущее время, черезъ нѣсколько дней выставили въ Нѣмецкой Слободѣ, близь Голландской Церкви, столбъ, на которомъ привязанъ былъ топоръ и шпага, съ 3-мя объявленіями, на Русскомъ, Латинскомъ и Верхне-Нѣмецкомъ языкахъ, воспрещающими всякому, подъ смертною казнью, обнажать шпагу и биться на поединкѣ.

Корнилій де Брунъ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ ПО ПОВОДУ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.

(1710 г.), 1-го Января... Когда все было готово для въѣзда, съ городскихъ стѣнъ и валовъ выпалили изо всѣхъ орудій, въ церквахъ затрезвонили во всѣ колокола, и шествіе тронулось въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Впереди выступалъ хоръ музыки изъ трубачей и литаврщиковъ въ красивомъ убранствѣ. Командиръ Семеновской гвардіи, ген.-лейтенантъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, велъ одну часть этого полка, посаженную на коней, хотя самый полкъ исключительно пѣхотный. Заводныхъ лошадей Голицына, покрытыхъ великолѣпными попонами, вели впереди.

2) Полевая артилерія, отнятая у Шведовъ въ битвѣ съ ген. Левенгауптомъ.

3) Знамена и штандарты, взятые въ той же битвѣ.
4) Плѣненные тогда же оберъ и унтеръ-офицеры.
5) Замыкала остальная часть Семеновской гвардіи.

6) Потомъ, въ саняхъ на сѣверныхъ оленяхъ и съ Самоѣдомъ на запяткахъ, ѣхалъ французъ Wimeni; за нимъ слѣдовало 19 самоѣдскихъ саней, запряженныхъ парою или тремя сѣверными оленями. Самоѣды эти, низкорослые, коротконогіе, съ большими головами и широкими лицами, были съ ногъ до головы облечены въ шкуры сѣверныхъ оленей, мѣхомъ наружу; у каждаго къ поясу прикрѣпленъ мѣховой куколь *). Понятно, какое производилъ впечатлѣніе и какой хохотъ возбуждалъ ихъ поѣздъ. Смѣхотворное зрѣлище это было вставлено Царемъ, вслѣдствіе его обычной склонности къ шуткамъ. Царь одаренъ такимъ широкимъ умомъ, что, какъ ни важны и заботливы дѣла, которыми онъ въ данную минуту занятъ, онъ никогда всецѣло ими не поглощенъ, и среди нихъ ему приходятъ въ голову разныя забавныя шутки и затѣи. Безъ сомнѣнія Шведамъ было весьма больно, что въ столь важную трагедію введена была такая смѣшная комедія.

Французъ Wimeni принадлежалъ къ хорошему роду, въ отечествѣ своемъ испыталъ много превратностей и долгое время содержался въ заключеніи въ Бастиліи, что отразилось на немъ періодическимъ умопомѣшательствомъ. Впрочемъ, онъ много видалъ на своемъ вѣку, немало путешествовалъ и порою разговаривалъ такъ разумно, что рѣчи его, въ которыхъ сказывалась тонкая его наблюдательность, по занимательности не уступали бесѣдѣ самаго умнаго человѣка. Царь встрѣтилъ его у короля Польскаго. Wimeni понравился ему своими идеями, то сумасбродными, то благоразумными, и король уступилъ его Царю. Послѣ того Царь поставилъ Wimeni царемъ надъ особымъ народомъ въ Россіи — самоѣдами, и вмѣсто маршаловъ, камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и другихъ чиновъ двора, назначилъ къ нему придворный штатъ изъ самоѣдовъ.

7) Часть Преображенской гвардіи, представляющей самую почетную царскую охрану. Они ѣхали верхомъ, хотя полкъ этотъ пѣхотный.

---

*) Чепецъ или колпакъ. (*Сост.*).

8) Затѣмъ плѣнники и прочіе трофеи, взятые въ битвѣ подъ Полтавою, унтеръ-офицеры, прапорщики, поручики, капитанъ-поручики, капитаны и ротмистры.

9) Артиллерійскіе офицеры и прислуга.

10) Шведская артиллерія, въ количествѣ 80 слишкомъ желѣзныхъ и металлическихъ пушекъ и мортиръ.

11) 9 мѣдныхъ и 1 серебряныя литавры (послѣднія, говорятъ, взяты шведами у насъ за много лѣтъ тому назадъ въ одной битвѣ, происходившей въ Даніи), и около 300 знаменъ и штандартовъ.

12) Майоры, генералъ-адъютанты, подполковники и полковники.

13) Королевско-Шведскіе придворные, маршалы, и при нихъ носилки, на которыхъ, въ Полтавскомъ бою, носили короля, раненаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ ногу, до той минуты, пока онъ не былъ вынужденъ промѣнять ихъ на коня и пуститься въ бѣгство.

14) Шведская канцелярія.

15) Одинъ за другимъ всѣ генералы, взятые въ плѣнъ подъ Полтавою; изъ нихъ послѣднимъ шелъ ген.-фельдмаршалъ Рейншильдъ.

16) Тайный совѣтникъ и главнѣйшій изъ совѣтниковъ короля шведскаго графъ Пиперъ, носящій званіе перваго походнаго министра.

17) Самъ Царь на красивомъ гнѣдомъ конѣ, бывшемъ подъ нимъ въ Полтавскомъ бою. Справа отъ него ѣхалъ верхомъ генер.-фельдмаршалъ князь Александръ Дан. Меньшиковъ, слѣва — ген.-м. и подполковникъ Преображенскаго полка, кавалеръ Св. Андрея, князь Долгорукій.

18) Часть Преображенской гвардіи, и въ заключеніе слишкомъ 60 шведскихъ обозныхъ повозокъ.

Весь поѣздъ прошелъ подъ семью тріумфальными воротами, нарочно для этого воздвигнутыми въ разныхъ мѣстахъ. Вышину и пышность ихъ невозможно описать. Ихъ покрывало множество красивыхъ аллегорій и своеобразныхъ каррикатуръ, писанныхъ красками и имѣвшихъ цѣлью осмѣяніе Шведовъ. Ворота стоили большихъ денегъ; но самъ Царь ничего на нихъ не израсходовалъ, такъ какъ по его приказанію ихъ возвели на свой счетъ нѣкоторые богатые бояре. Самые большіе изъ во-

ротъ со всѣми ихъ аллегоріями воспроизведены и описаны въ печати; какъ полагаютъ, въ скоромъ времени будетъ равнымъ образомъ издано и описаніе всѣхъ остальныхъ. Въ воротахъ играла прекрасная духовая музыка и раздавалось стройное пѣніе. Молодежь, толпами встрѣчавшая Царя на улицахъ и площадяхъ, бросала къ его ногамъ вѣтки и вѣнки. Стеченіе народа и черни было ужасное: всѣ хотѣли видѣть Царя и пышный поѣздъ. Чуть не черезъ домъ, изъ дверей выходили бояре и купцы и подносили Царю напитки. Такимъ образомъ Царь и его свита изобильно ѣли и пили. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ, по всему городу возлѣ дверей домовъ были поставлены сосны и вѣнки изъ сосновыхъ вѣтокъ. У знатныхъ бояръ и важныхъ купцовъ ворота были расписаны красивыми аллегоріями и рисунками разнообразнаго содержанія, по большей части направленными къ осмѣянію Шведовъ. Рисунки изображали: Орла, который молніею свергаетъ Льва съ горы, Льва въ темницѣ, Геркулеса въ львиной шкурѣ, убивающаго Льва и т. п. Словомъ pictores atque poetae соединились вмѣстѣ, чтобы съ помощью своего искусства общими силами покрыть Шведовъ позоромъ. Смотрѣть на торжественный въѣздъ мнѣ и Датскому посланнику Грунту, котораго я пріѣхалъ замѣстить, отвели, по нашей просьбѣ, особый домъ. При проѣздѣ Царя я сошелъ внизъ поздравить его и, подобно другимъ, поднесъ ему стаканъ вина, провозгласивъ его здоровье. Вино онъ отъ меня принялъ, обнялъ меня съ большимъ добродушіемъ и знаками милостиваго вниманія и въ концѣ концовъ поцѣловалъ. Какъ Царь, такъ и всѣ окружающія его лица были пьяны и нагружены, какъ нельзя лучше. Затѣмъ я и посланникъ Грунтъ поѣхали къ однимъ изъ тріумфальныхъ воротъ, чтобы на болѣе близкомъ разстояніи увидать подробности. Здѣсь въ густой толпѣ народа Грунтъ замѣтилъ царскаго государственнаго канцлера, графа Гаврила Ивановича Головкина, и представилъ меня ему. Встрѣчался я съ Головкинымъ въ первый разъ; хотя я и ранѣе искалъ случая съ нимъ видѣться, но онъ былъ такъ заваленъ дѣлами, что не могъ меня принять. Канцлеръ былъ совершенно пьянъ. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ, проявляя величайшую любезность и добродушіе. Но такъ какъ онъ не зналъ иного языка, кромѣ русскаго, то ничего не говорилъ, а выражалъ свои чувства исключительно знаками. Онъ взялъ меня за руку, под-

велъ къ своей каретѣ, поставленной на русскій манеръ на полозья, затѣмъ усадилъ въ нее, и мы поѣхали. Въ каретѣ между нами произошелъ многообразный обмѣнъ вѣжливостей и завѣреній въ дружбѣ, проявлявшихся, впрочемъ, какъ съ моей, такъ и съ его стороны, въ однихъ знакахъ и минахъ. Мы проѣхали порядочный конецъ, какъ вдругъ мимо насъ во весь опоръ проскакалъ Царь. Лице его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо; онъ дѣлалъ различныя страшныя движенія головою, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями.

Оба мы вышли изъ кареты. Тутъ мы увидали, какъ Царь, подъѣхавъ къ одному солдату, несшему Шведское знамя, сталъ безжалостно рубить его мечомъ, быть можетъ за то, что тотъ шелъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Далѣе Царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать описанныя страшныя движенія, вертѣлъ головой, кривилъ ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами и дрыгалъ взадъ и впередъ ногами. Въ ту минуту его окружали важнѣйшіе его сановники. Всѣ они были испуганы, и никто не смѣлъ къ нему подойти; они видѣли, что Царь чѣмъ-то раздосадованъ и сердитъ. Наконецъ, къ нему подъѣхалъ и заговорилъ съ нимъ его поваръ Іоганнъ фонъ-Фельтенъ. Какъ мнѣ послѣ передавали, вспышка и гнѣвъ Царя имѣли причиною то обстоятельство, что въ это самое время его возлюбленная Екатерина Алексѣевна *) ожидала рожденія ребенка и была такъ плоха, что боялись за ея жизнь.

Послѣ описаннаго случая канцлеръ простился со мною легкимъ кивкомъ, привѣтливымъ движеніемъ и немногими словами, причемъ попрежнему ни онъ, ни я не поняли другъ друга. Онъ сѣлъ въ свою карету и оставилъ меня одного среди улицы, позабывъ,что увезъ меня отъ моего возка и отъ всѣхъ моихъ людей. День клонился къ вечеру; одинъ, въ незнакомой толпѣ, не понимая мѣстнаго языка, я не зналъ, что предпринять; до моего дома оставалось добрыхъ полмили, и я вѣроятно погибъ бы среди этого множества людей, почти поголовно пьяныхъ, или былъ бы ограбленъ и убитъ уличными разбойниками, которыми полонъ городъ, еслибъ на меня случайно не наткнулся мой дворецкій и толмачъ Христіанъ Эйзентраутъ. Онъ нанялъ для меня

*) Съ 1712 г. его жена и царица. (*Сост.*).

простого саннаго извозчика изъ тѣхъ, что за копейку—за двѣ развозятъ по Москвѣ сѣдоковъ, и я поѣхалъ домой, вознося благодаренія Богу за избавленіе отъ гибели...

31 Января. Царь Самоѣдовъ, Французъ Вимени, опившись во время «славы», скончался. Царь, всегда заботливо относящійся къ своимъ придворнымъ и обыкновенно провожающій до могилы прахъ послѣдняго изъ своихъ слугъ, приказалъ устроить ему замѣчательныя похороны. Самъ Царь, князь Меншиковъ, Апраксинъ, его братъ, Казанскій губернаторъ, канцлеръ и вице-канцлеръ, Московскій комендантъ и много другихъ важныхъ лицъ, одѣтые поверхъ платья въ черные плащи, провожали покойнаго, сидя на Самоѣдскихъ саняхъ, запряженныхъ Сѣверными оленями и съ Самоѣдомъ на запяткахъ. Сани эти сбиты изъ двухъ долгихъ кусковъ дерева и нѣсколькихъ поперечныхъ перекладинъ, на которыхъ лежитъ доска, слегка устланная сѣномъ. На Царѣ поверхъ той коричневой одежды, которую онъ носитъ всякій день, былъ черный плащъ. А всегдашняя его шапка была повязана чернымъ флеромъ. Отпѣвали его Іезуиты. Католическая церковь, весьма красивая, каменная, находится въ Нѣмецкой Слободѣ. Трудно описать, до чего былъ смѣшонъ этотъ похоронный поѣздъ, какъ на пути въ церковь, такъ и обратно.

Юстъ Юль.

ПРАЗДНОВАНІЕ СВАДЬБЫ АННЫ ІОАННОВНЫ СЪ ГЕРЦОГОМЪ КУРЛЯНДСКИМЪ.

(1710 г.) 12 Ноября. Вчерашніе гости снова приглашены на домъ къ князю Меншикову; но на этотъ разъ пиръ задалъ онъ самъ, тогда какъ наканунѣ пировали на счетъ Царя. Сошлись мы въ 2 ч. пополудни; обѣдали по вчерашнему, съ соблюденіемъ того же порядка, при маршалѣ, дворецкихъ и пр. Выпито было 17 заздравныхъ чашъ, изъ коихъ каждая привѣтствовалась 13-ю пушечными выстрѣлами. Чаши эти Царь напередъ записалъ на особый лоскутокъ бумаги (таковъ обычай при подобныхъ случаяхъ). По окончаніи обѣда въ залу внесли два пирога; одинъ поставили на столѣ, за которымъ сидѣлъ я, другой къ новобрачнымъ. Когда пироги взрѣзали, въ каждомъ изъ нихъ оказалось по карлицѣ. Обѣ были затянуты во Фран-

цузское платье и имѣли самую модную высокую прическу. Та, что лежала въ пирогѣ на столѣ новобрачныхъ, поднялась на ноги и, стоя въ пирогѣ, сказала по-русски рѣчь въ стихахъ. Декламировала она такъ же смѣло, какъ самая привычная и лучшая актриса. Затѣмъ, вылѣзши изъ пирога, она начала здороваться съ новобрачными и съ прочими лицами, сидѣвшими за ихъ столомъ. Другую карлицу (изъ пирога на нашемъ столѣ) Царь самъ перенесъ и поставилъ на столъ къ молодымъ. Тутъ раздались звуки менуэта, и карлицы весьма изящно исполнили для новобрачныхъ этотъ танецъ на обѣденномъ столѣ. Каждая изъ нихъ была ростомъ въ локоть. Послѣ трапезы сожгли фейерверкъ, установленный на плотахъ на Невѣ. Сперва на двухъ колоннахъ загорѣлось два княжескихъ вѣнца; подъ однимъ стояла буква F,, подъ другимъ A., а посрединѣ, между вѣнцами, буква P. Потомъ появились двѣ пальмы, со сплетшимися вершинами; надъ ними сіяли слова: «*любовь соединяетъ*». Далѣе показался Купидонъ въ ростъ человѣческій, съ крыльями и колчаномъ на раменахъ; онъ стоялъ передъ наковальнею, замахнувшись большимъ кузнечнымъ молотомъ, и сковывалъ вмѣстѣ два сердца, лежавшія на наковальнѣ. Надъ этимъ изображеніемъ горѣла надпись: «*изъ двухъ едино сочиняю*». Царь, будучи капитаномъ фейерверкеровъ, самъ устроилъ этотъ фейерверкъ. Стоя среди общества, онъ объяснялъ окружающимъ значеніе каждой аллегорической картины, пока она горѣла. Наконецъ, было пущено большое множество ракетъ, шумихъ, баллоновъ и разныхъ водяныхъ швермеровъ. Вообще фейерверкъ отличался великолѣпіемъ и стоилъ большихъ денегъ. Вечеръ заключился танцами, продлившимися въ этотъ разъ до полуночи.

Юстъ Юлъ.

ДОСТОПАМЯТНАЯ СВАДЬБА КАРЛИКОВЪ.

По изволенію Его Царскаго Величества разсуждено было устроить свадьбу карликовъ, которая и назначена на 24/13 Ноября *) 1710 г., слѣдственно, вскорѣ послѣ бракосочетанія Герцога (Курляндскаго, *см. выше*).

*) Въ „Юрналѣ“ 1710 г. написано: „въ 14-й день (ноября) свадьба была карла Екима Волкова публичная... и для той свадьбы карлы всѣ съ Москвы были привезены мужеска и женска полу, которыхъ числомъ было всѣхъ близко 100.

Наканунѣ два статные, богато наряженные карлика въ маленькой одноколкѣ о трехъ колесахъ, запряженной доброю, убранною пестрыми лентами, лошадкою, разъѣзжали по городу, въ предшествіи двухъ вершниковъ, съ свадебными приглашеніями. Въ назначенный день, утромъ, опредѣленная пара была обвѣнчана въ русской крѣпостной церкви по русскому обряду. Впереди шелъ нарядно одѣтый карликъ, въ качествѣ маршала, съ жезломъ, на которомъ висѣла длинная, по соразмѣрности, кисть изъ пестрыхъ лентъ. За нимъ слѣдовали: женихъ съ невѣстою, тоже въ особенномъ нарядѣ, Его Царское Величество съ нѣсколькими министрами, князьями, боярами, офицерами и пр. и наконецъ 72 карлика обоего пола, проживающіе у Царя, вдовствующей Царицы, князя и княгини Меншиковыхъ и другихъ господъ, но большею частію нарочно выписанные, для настоящей церемоніи, изъ разныхъ краевъ Россіи, иные миль за двѣсти и болѣе. Шествіе заключалося множествомъ сторонних зрителей. Всѣ эти карлики заняли середину церкви и женихъ на вопросъ священника: хочетъ ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко произнесъ по-русски: «на ней и ни на какой другой»; невѣста же на вопросъ: хочетъ ли она выйти за своего жениха и не обѣщалась ли уже другому, отвѣчала: «вотъ бы была штука!» но ея «да», чуть можно было разслышать, что возбудило единодушный смѣхъ. Вѣнецъ надъ невѣстою держалъ самъ Царь, въ знакъ особой своей милости. Послѣ вѣнчанія, всѣ поѣхали водою къ князю Меншикову и сѣли тамъ за столъ, накрытый въ той же большой залѣ, гдѣ происходило пиршество по случаю бракосочетанія Герцога Курляндскаго. Молодые и вся прочая компанія карликовъ, щегольски и богато одѣтыхъ по нѣмецки, заняли нѣсколько маленькихъ столовъ посерединѣ залы. Надъ женихомъ и невѣстою, сидѣвшими за разными столами, возвышались два небольшіе шелковые балдахина и сверхъ того надъ ними, и надъ обѣими невѣстиными подружками, висѣли лавровые вѣнки. Угощали, какъ и при бракосочетаніи Герцога, маршалъ и восемь шаферовъ, имѣвшихъ кокарды изъ кружевъ и пестрыхъ лентъ на правой рукѣ, и всѣ они такъ заботливо и важно расхаживали вокругъ столовъ, потчуя гостей, какъ будто кромѣ нихъ никого тутъ не было. Невѣстины подружки подарили сидѣвшему между ними крохотному форшнейдеру кокарду, за

что онъ отплатилъ каждой поцѣлуемъ. По четыремъ сторонамъ залы тянулись длинные узкіе столы, за которыми сидѣли Царь съ Герцогомъ Курляндскимъ, русскіе и чужестранные министры, генералы, Герцогиня Курляндская съ своими сестрами и знатнѣйшими русскими дамами, а потомъ остальные князья, бояре и русскіе и нѣмецкіе офицеры, но всѣ спиною къ стѣнѣ, для того чтобы имъ можно было удобнѣе видѣть суетню карликовъ.

Первое здоровье провозгласилъ маленькій маршалъ, который, подойдя, вмѣстѣ съ восемью дружками, къ столу Его Величества, поклонился ему до земли; при чемъ всѣ они, подъ звуки трубъ и литавръ, къ общему удивленію, осушили свои кубки до дна, какъ бы самые великорослые люди.

Позади дома поставлено было нѣсколько небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ однако же не палили, потому что молодой сынъ князя Меншикова лежалъ въ тяжкой болѣзни, отъ которой въ тотъ самый день и умеръ. Послѣ стола всѣ карлики очень весело танцовали по русски, часовъ до 11-ти. Какіе были тутъ прыжки, кривлянья и гримасы, вообразить себѣ нельзя! Всѣ гости, въ особенности же Царь, не могли довольно тѣмъ навеселиться и, смотря на коверканье и ужимки этихъ 72-хъ уродцовъ, хохотали до упада. У иного были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другого — большое брюхо, у третьяго — ноги кривыя и вывернутыя, какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинныя уши, или маленькіе глазки и расплывшееся отъ жира лице и т. д.

Вечеромъ молодыхъ отвезли въ царскія палаты... Прочихъ же гостей распустили по домамъ. Такимъ образомъ окончилась эта миніатюрная свадьба, представившая, на общую потѣху, рѣдкій примѣръ соединенія въ одномъ мѣстѣ болѣе 70-ти карликовъ.

Неизвѣстный авторъ „Описанія Санктпетербурга въ 1710—11 г.“

БОЛЬШОЙ МАСКАРАДЪ И СВАДЬБА КНЯЗЯ-ПАПЫ.

(1721 г.), Сентября 10. Начался большой маскарадъ, который долженъ былъ продолжаться цѣлую недѣлю, и въ этотъ же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предмѣстника, которая цѣлый годъ не соглашалась выходить за него, но теперь должна была повиноваться

волѣ Царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, всѣ маски собрались по ту сторону рѣки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что мѣсто тамъ очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится передъ Сенатомъ и церковью Св. Троицы, имѣя съ одной стороны зданія художествъ, съ другой — крѣпость, съ третьей — зданія всѣхъ Коллегій, а съ четвертой — Неву. Посрединѣ ея стоитъ упомянутая церковь Св. Троицы, а передъ Сенатомъ возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая въ память отнятія у Шведовъ, въ 1714 году, четырехъ фрегатовъ *), въ которомъ царь самъ участвовалъ, за что и былъ произведенъ княземъ-кесаремъ въ вице-адмиралы. Она украшена разнаго рода девизами. Въ 8 часовъ утра послѣдовалъ сказанный сигналъ, и его высочество съ своими кавалерами отправился на баркѣ къ сборному мѣсту, но покамѣстъ въ плащахъ. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи, съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили, въ знакъ торжества, изъ пушекъ, какъ и на галерахъ, стоявшихъ по рѣкѣ. Между тѣмъ всѣ маски, въ плащахъ, съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества, его высочество и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершилось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ карабельнаго барабанщика, и ужъ конечно не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 100 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить по большой

*) Это было въ 1720 г., а не въ 1714 г.

площади процессіей, по порядку номеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, Голландскимъ матросомъ или Французскимъ крестьяниномъ и въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ, перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые Арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, именно ген.-л. Бутурлинъ, ген.-м. Чернышовъ и гвардіи маіоръ Мамоновъ, изъ которыхъ оба первые были одѣты, какъ его величество. За ними слѣдовалъ князь-кесарь (Ромодановскій), въ костюмѣ древнихъ царей, т.-е. въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной Русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта Голландскою или Фризскою крестьянкой, въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ Голландскаго полотна, и держала подъ рукою небольшую корзинку. Этотъ костюмъ ей очень шелъ. Передъ нею шли ея гобоисты и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ 8 арабовъ, въ Индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ большими цвѣтами на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ, какъ она, а за ними всѣ дамы, именно сперва придворныя, также въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыхъ красными, зелеными и желтыми лентами; потомъ остальныя, переодѣтыя пастушками, нимфами, Негритянками, монахинями, арлекинами, скарамушами; нѣкоторыя имѣли старинный Русскій костюмъ, Испанскій и другіе, и всѣ были очень милы. Все шествіе заключалъ большой толстый Францисканецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою царицы, какъ за царемъ, шла княгиня-кесарша Ромодановская въ костюмѣ древнихъ царицъ, т.-е. въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты имѣли также старинную Русскую одежду. Его королевское высочество, нашъ герцогъ (Голштинскій),

былъ со своею группою въ костюмѣ Французскихъ виноградарей, въ шелковыхъ фуфайкахъ, и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами. Шляпы у нихъ были обтянуты тафтою и обвиты вокругъ тульи лозами съ виноградными кистями изъ воска. Его высочество, въ костюмѣ розоваго цвѣта, шелъ одинъ впереди, отличаясь отъ своей группы тѣмъ, что имѣлъ подъ тафтяной фуфайкой короткій парчевой камзолъ, входившій въ панталоны, и что вмѣсто шнурковъ и лентъ, платье его было обшито серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ виноградный серпъ. За нимъ шла его свита въ три ряда, по три человѣка въ каждомъ, именно первый рядъ въ зеленыхъ костюмахъ, второй въ желтыхъ, третій въ голубыхъ. Ленты на тафтяныхъ фуфайкахъ были у нихъ также разноцвѣтныя, но нашиты у всѣхъ одинаково, шляпы же одного цвѣта...

Группа его высочества была одною изъ лучшихъ. Маски, слѣдовавшія за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одѣты, какъ Гамбургскіе бургомистры въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ); другіе, именно гвардейскіе офицеры, какъ Римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи, какъ Турки, Индѣйцы, Испанцы (въ числѣ ихъ былъ крещеный Жидъ и шутъ царя Ля-Коста), Персіяне, Китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, іезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ, или какъ Венеціанскіе nobili; наконецъ многіе были наряжены Жидами (здѣшніе купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самыми странными были князь-папа, изъ рода Бутурлиныхъ, и коллегія кардиналовъ, въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе и развратнѣйшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый, князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ и должны всякій день напиваться до-пьяна пивомъ, водкой и виномъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ, со многими церемоніями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слишкомъ распространившійся между его поддан-

ными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять, и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми, менѣе ихъ знатными, и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ разсказываютъ, не щадитъ и своего духовенства, приказывая ежегодно, передъ постомъ, исполнять одну смѣшную церемонію.

Въ прежнія времена въ Москвѣ всякій годъ, въ Вербное Воскресенье бывала особенная процессія, въ которой патріархъ ѣхалъ верхомъ, а царь велъ лошадь его за поводья черезъ весь городъ. Вмѣсто всего этого бываетъ теперь совершенно другая церемонія: въ тотъ же день князь-папа съ своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ и ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей, или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я было забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ при томъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время праздненствъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ.

Но возвращаюсь къ маскараду. Кромѣ названныхъ масокъ, были еще въ разныхъ уморительныхъ нарядахъ сотни другихъ, бѣгавшихъ съ бичами, пузырями, наполненными горохомъ, погремушками и свистками и дѣлавшихъ множество шалостей. Были нѣкоторыя и отдѣльныя смѣшныя маски, какъ напр., Турецкій муфти въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, Бахусъ въ тигровой кожѣ и увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно толстый и съ распухшимъ лицомъ. Говорятъ, его передъ тѣмъ цѣлые три дня постоянно поили, при чемъ ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма не-

дурные были Нептунъ и другіе боги; но особенно хорошъ и чрезвычайно натураленъ былъ Сатиръ (танцмейстеръ князя Меншикова), дѣлавшій на ходу искусные и трудные прыжки. Многіе очень искусно представляли журавлей. Огромный Французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты, какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмахъ прежнихъ бояръ, т.-е. имѣли длинныя бороды, высокія собольи шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охабнями, и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ называемый виташій или тайный кухмистеръ *) былъ весь зашитъ въ медвѣжью шкуру и превосходно представлялъ медвѣдя; сначала онъ нѣсколько времени вертѣлся въ какой-то машинѣ, похожей на клѣтки, въ которыхъ прыгаютъ бѣлки, но потомъ долженъ былъ ѣздить верхомъ на медвѣдѣ. Кто-то представлялъ Индійскаго жреца, увѣшеннаго бубенчиками и въ шляпѣ съ огромными полями. Нѣсколько человѣкъ были наряжены, какъ Индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ, и т. д.

Погулявъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски, въ томъ же порядкѣ, отправились въ зданія Сената и Коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ 60-ти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами, онъ съ царемъ и господами кардиналами, а она съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Впродолженіе всего обѣда, человѣкъ, представлявшій на маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и громко принуждалъ пить папу и кардиналовъ; онъ вливалъ вино въ какой-то боченокъ, причемъ они постоянно должны были отвѣчать ему...

Послѣ обѣда (11-го числа), всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрач-

---

*) Въ другихъ мѣстахъ своего дневника Берхгольцъ называетъ его тайнымъ кнутмейстеромъ, т. е. палачемъ. Что̀ за слово *виташій*—неизвѣстно.

ныхъ черезъ рѣку въ Почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, отправились въ собственный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей, и по своему обычаю, благословлялъ гостей (по способу Русскаго духовенства), давая такимъ образомъ въ одно и тоже время и папское и патріаршее свое благословеніе. Всякій, прежде чѣмъ проходилъ далѣе, выпивалъ при входѣ по деревянной ложкѣ водки изъ большой чаши, потомъ поздравлялъ папу и цѣловался съ нимъ. Послѣ того молодые присоединились къ процессіи масокъ, которыя, обойдя раза два вокругъ пирамиды, сѣли на суда и переѣхали, подъ разную музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и Адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ Почтовый домъ, назначенный для угощенья.

Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, была особеннаго, страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ извѣстномъ разстояніи однѣ отъ другихъ, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены посрединѣ еще бочки поменьше или ушаты, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ они плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ большой пивной котелъ съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держался на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ, и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзанное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ являвшійся на маскарадѣ Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, не мало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки,

большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, причемъ кардиналы производили страшный шумъ коровьими рогами, въ которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно разсердился и немилосердно бранилъ царя, которому не оставлялъ ни на грошъ совѣсти, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ Почтовый домъ, гдѣ пили и пировали до поздняго вечера...

Сегодня (17-го числа) окончился маскарадъ, и хотя въ продолженіе 8-ми дней наряженные не постоянно собирались, однако-жъ никто, подъ штрафомъ 50 рублей, не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ. Поэтому всѣ радовались, что удовольствія на первый разъ кончились.

Ф. Берхгольцъ.

СВАДЬБА КНЯЗЯ-ПАПЫ.

Тогожъ (1720) году князь-папа, Петръ Ивановичъ сынъ Бутурлинъ, женился. Свадьба его была курьезная: въ машкарадскомъ были платьѣ. Государь, въ томъ машкарадѣ, былъ въ черномъ бархатномъ матросскомъ платьѣ и Голандская шляпа, а шелъ съ барабаномъ, изволилъ бить бой барабанный. Въ такомъ уборѣ и съ барабаномъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ шелъ. Въ оной свадьбѣ выбраны были трое скороходовъ, весьма претолстые люди: Петръ Павловичъ Шафировъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Бутурлинъ, Иванъ Степановъ сынъ Собакинъ, офицеръ Семеновскаго полку. И все убранство было весьма странное: черезъ рѣку шлюбки обвиты были зеленымъ хвощемъ; плотъ, сдѣланный изъ бочекъ и обвитой хвощемъ же, былъ буксированъ, на которомъ князь-папа ѣхалъ. А подклетъ молодыхъ былъ въ перемидѣ, сдѣланной на площади, что̀, какъ выше было упомянуто, сдѣлана была для торжества счастливаго взятья четырехъ фрегатовъ. На берегъ вышедъ, ѣздили поѣзды цугами на медвѣдяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ, и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на звѣряхъ и на

скотѣ ѣздятъ, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили.

В. Нащокинъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЛѢТНЕМЪ САДУ.

1721 г. Іюня 28... Въ 5 часовъ я со многими изъ нашихъ отправился въ садъ. Подойдя къ мѣсту, гдѣ утромъ была стрѣльба, мы опять нашли тамъ, въ томъ же порядкѣ, оба гвардейскіе полка, но только съ нижнимъ оружіемъ; верхнее они оставили въ лагерѣ. Когда я спросилъ, для чего они здѣсь собрались, мнѣ отвѣчали, что царь обыкновенно въ такіе праздники угощаетъ ихъ пивомъ и виномъ, которое самъ имъ подноситъ въ деревянныхъ чашкахъ величиной въ большой стаканъ. Его величество именно этимъ и былъ занятъ, когда мы пришли... Войдя въ садъ и осмотрѣвъ его немного, я до того былъ удивленъ перемѣнами въ немъ въ послѣднія семь лѣтъ, что едва узналъ его. Мы сперва отправились туда, гдѣ думали найти лучшее, то-есть, царскій дворъ, который очень желали видѣть, и пришли наконецъ въ среднюю широкую аллею. Тамъ, у прекраснаго фонтана, сидѣла ея величество царица въ богатѣйшемъ нарядѣ. Взоры наши тотчасъ обратились на старшую принцессу (Анну Петровну), брюнетку и прекрасную, какъ ангелъ. Цвѣтъ лица, руки и станъ у нея чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ. По лѣвую сторону царицы стояла вторая принцесса (Елизавета Петровна), бѣлокурая и очень нѣжная; лицо у нея, какъ и у старшей, чрезвычайно доброе и пріятное. Она годами двумя моложе и меньше ростомъ, но гораздо живѣе и полнѣе старшей, которая немного худа. Въ этотъ разъ онѣ были одѣты одинаково, но младшая имѣла еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрѣзаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сдѣланы эти крылышки прекрасно. Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой двухцвѣтной матеріи, а головы убраны драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, по новѣйшей Французской модѣ и съ изяществомъ, которое бы сдѣлало честь лучшему Парижскому парикмахеру. Вблизи ея величества царицы стояли еще маленькій великій князь и его сестра, (великій князь Петръ Алексѣевичъ, впослѣдствіи Петръ II, и великая

княжна Наталья Алексѣевна), дѣти покойныхъ принцессы Вольфенбюттельской и наслѣднаго принца; они какъ вылитые изъ воску и ангельской красоты. Великому князю, говорятъ, только шестой годъ, а сестрѣ его осьмой, но они ужъ довольно велики для своихъ лѣтъ. Они имѣютъ свой особенный столъ такъ же, какъ и обѣ старшія принцессы. У царицы есть еще маленькая принцесса (Наталья Петровна), лѣтъ четырехъ, которую еще носятъ на рукахъ; она также прехорошенькій ребенокъ. Здѣсь же была вдовствующая царица (вдова царя Іоанна Алексѣевича) съ дочерью своею, принцессою Прасковіею, находящейся еще при ней...

Между бывшими здѣсь другими дамами мнѣ особенно понравилась княгиня Черкасская, которая, какъ меня увѣряли, считается при дворѣ первою красавицей. Но я насчиталъ еще до тридцати хорошенькихъ дамъ, изъ которыхъ многія мало уступали нашимъ дамамъ въ привѣтливости, хорошихъ манерахъ и красотѣ. Признаюсь, я вовсе не ожидалъ, что здѣшній дворъ такъ великолѣпенъ. У ея величества четыре камеръюнкера, все красивые и статные молодые люди; изъ нихъ двое Русскіе, Шепелевъ и Чевкинъ, и двое Нѣмцы, Балкъ и Монсъ — двоюродный братъ госпожи Балкъ, очень, говорятъ, любимый царицею... Пажи ея величества имѣютъ зеленые мундиры съ красными отворотами и золотыми галунами на всѣхъ швахъ, какъ и трубачи и валторнисты; но лакеи и конюхи, которыхъ у ея величества множество, не имѣютъ этихъ галуновъ; однако-жъ все-таки одѣты прекрасно. Въ оркестрѣ государыни много хорошихъ Нѣмецкихъ музыкантовъ, обязанныхъ также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любятъ). Однимъ словомъ, дворъ царицы такъ хорошъ и блестящъ, какъ почти всѣ дворы Германскіе. У царя же, напротивъ, онъ чрезвычайно простъ: почти вся его свита состоитъ изъ нѣсколькихъ денщиковъ (такъ называются Русскіе слуги), изъ которыхъ только немногіе хорошихъ фамилій, большая же часть незнатнаго происхожденія. Однако-жъ, почти всѣ они величайшіе фавориты и имѣютъ большой вѣсъ. Теперь особенно въ милости три или четыре... Вскорѣ послѣ нашего прихода въ садъ, его величество оставилъ гвардейцевъ и пошелъ къ ея величеству царицѣ, которая осыпала его ласками. Побывъ у нея нѣсколько времени, онъ подошелъ къ вельможамъ, сидѣв-

шимъ за столами вокругъ прекраснаго водомета, а государыня между тѣмъ пошла съ своими дамами гулять по саду. Послѣ этого я сталъ разсматривать мѣстоположеніе сада и, между прочимъ, увидѣлъ прелестную молодую дубовую рощицу, насаженную большею частію собственными руками царя и находящуюся прямо противъ оконъ царскаго лѣтняго дворца. Такъ какъ здѣшнее духовенство обыкновенно также принимаетъ участіе во всѣхъ празднествахъ, то оно и въ этотъ день собралось въ большомъ числѣ и для своего удовольствія выбрало самое живописное и пріятное мѣсто, именно эту рощу. Я нарочно оставался тамъ нѣсколько времени, чтобы отчасти полюбоваться на многія молодыя и чрезвычайно прямыя деревья, отчасти посмотрѣть хорошенько на духовенство, сидѣвшее за круглымъ столомъ со многими кушаньями. Духовныя лица носятъ здѣсь одежду всѣхъ цвѣтовъ, но знатнѣйшія изъ нихъ имѣютъ обыкновенно черную, въ видѣ длиннаго кафтана, и на головѣ длинныя монашескія покрывала, закрывающія плеча и спину. Многіе своими бородами и почтеннымъ видомъ внушаютъ къ себѣ какое-то особенное уваженіе. Наконецъ я очутился опять на томъ мѣстѣ, гдѣ остался царь, и нашелъ его тамъ сидящимъ за столомъ, за который онъ помѣстился съ самаго начала... Вскорѣ послѣ того появились дурные предвѣстники, вселившіе во всѣхъ страхъ и трепетъ, а именно человѣкъ шесть гвардейскихъ гренадеръ, которые несли на носилкахъ большія чаши съ самымъ простымъ хлѣбнымъ виномъ; запахъ его былъ такъ силенъ, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шаговъ на сто и поворотили въ другую аллею. Замѣтивъ, что вдругъ очень многіе стали ускользать, какъ будто завидѣли самого дьявола, я спросилъ одного изъ моихъ пріятелей, тутъ же стоявшаго, что сдѣлалось съ этими людьми и отчего они такъ поспѣшно уходятъ. Но тотъ взялъ меня уже за руку и указалъ на прошедшихъ гренадеръ.

Тогда я понялъ въ чемъ дѣло и поскорѣе отошелъ съ нимъ прочь. Мы очень хорошо сдѣлали, потому что вслѣдъ за тѣмъ встрѣтили многихъ господъ, которые сильно жаловались на свое горе и никакъ не могли освободиться отъ непріятнаго виннаго вкуса въ горлѣ. Меня предувѣдомили, что здѣсь много шпіоновъ, которые должны узнавать, всѣ ли отвѣдали изъ горькой чаши; поэтому я никому не довѣрялъ и

притворился страдающимъ еще больше другихъ. Однако-жъ одинъ плутъ легко сумѣлъ узнать, пилъ я или нѣтъ: онъ просилъ меня дохнуть на него. Я отвѣчалъ, что все это напрасно, что я давно уже выполоскалъ ротъ водою; но онъ возразилъ, что этимъ его не увѣришь, что онъ самъ цѣлыя сутки и болѣе не могъ избавиться отъ этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь въ ротъ корицы и гвоздики, и что я долженъ также подвергнуться испытанію, чтобы имѣть понятіе о здѣшнихъ празднествахъ. Я всячески отговаривался, что не могу никакъ пить хлѣбнаго вина; но все это ни къ чему бы не повело, если-бъ мнимый шпіонъ не былъ хорошимъ моимъ пріятелемъ и не вздумалъ только пошутить надо мною. Если же случится попасться въ настоящія руки, то не помогаютъ ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самыя нѣжныя дамы не изъяты отъ этой обязанности, потому что сама царица иногда беретъ немного вина и пьетъ. За чашею съ виномъ всюду слѣдуютъ маіоры гвардіи, чтобы просить пить тѣхъ, которые не трогаются увѣщаніями простыхъ гренадеръ. Изъ ковша, величиною въ большой стаканъ (но не для всѣхъ однаково наполняемаго), который подноситъ одинъ изъ рядовыхъ, должно пить за здоровье царя или, какъ они говорятъ, ихъ полковника, что все равно. Когда я потомъ спрашивалъ, отчего они разносятъ такой дурной напитокъ, какъ хлѣбное вино, мнѣ отвѣчали, что Русскіе любятъ его болѣе всѣхъ возможныхъ Данцигскихъ аквавитъ и Французскихъ водокъ (которыя, однако-жъ, здѣшніе знатные очень цѣнятъ, тогда какъ простое вино они обыкновенно только берутъ въ ротъ и потомъ выплевываютъ), и что царь приказываетъ подавать именно это вино изъ любви къ гвардіи, которую онъ всячески старается тѣшить, часто говоря, что между гвардейцами нѣтъ ни одного, которому бы онъ смѣло не рѣшился поручить свою жизнь. Находясь въ постоянномъ страхѣ попасть въ руки господъ маіоровъ, я боялся всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ и всякую минуту думалъ, что меня ужъ хватаютъ. Поэтому я бродилъ по саду, какъ заблудшійся, пока наконецъ не очутился опять у рощицы близъ царскаго лѣтняго дворца. Но на этотъ разъ я былъ очень пораженъ, когда подошелъ къ ней поближе: прежняго пріятнаго запаха отъ деревьевъ, какъ не бывало, и воздухъ былъ тамъ сильно зараженъ вин-

нымъ испарсніемъ, очень развеселившимъ духовныхъ, такъ что я чуть самъ не заболѣлъ одною съ ними болѣзнію. Тутъ стоялъ одинъ до того полный, что, казалось, тотчасъ же лопнетъ; тамъ другой, который почти разставался съ легкими и печенью; отъ нѣкоторыхъ шаговъ за сто несло рѣдькой и лукомъ; тѣ же, которые были покрѣпче другихъ, превесело продолжали пировать. Однимъ словомъ, самые пьяные изъ гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворнаго проповѣдника Ремаріуса, который никакъ не воображалъ, что это дѣлается такъ грубо и открыто. Узнавъ, что въ открытой галлереѣ сада, стоящей у воды, танцуютъ, я отправился туда и имѣлъ наконецъ счастіе видѣть танцы обѣихъ принцессъ, въ которыхъ онѣ очень искусны. Мнѣ больше нравилось, какъ танцуетъ младшая принцесса; она отъ природы нѣсколько живѣе старшей. Когда стало смеркаться, принцессы удалились съ своими дамами. Такъ какъ царь и царица (оставившая, впрочемъ, своихъ дамъ) также въ это время отлучились, то насъ стали увѣрять, что мы возвратимся домой не прежде слѣдующаго утра; потому что царь, по своему обыкновенію, приказалъ садовымъ сторожамъ не выпускать никого безъ особаго дозволенія, а часовые, говорятъ, въ подобныхъ случаяхъ бываютъ такъ аккуратны, что не пропускаютъ рѣшительно никого, отъ перваго вельможи до послѣдняго простолюдина. Поэтому знатнѣйшіе господа и всѣ дамы должны были оставаться тамъ такъ же долго, какъ и мы. Все это бы ничего, еслибъ на бѣду, вдругъ не пошелъ проливной дождь, поставившій многихъ въ большое затрудненіе: вся знать поспѣшила къ галлереямъ, въ которыхъ заняла всѣ мѣста, такъ что нѣкоторые принуждены были стоять все время на дождѣ. Эта непріятность продолжалась часовъ до двѣнадцати, когда наконецъ пришелъ его величество царь, въ простомъ зеленомъ кафтанѣ, сдѣланномъ на подобіе тѣхъ, которые носятъ моряки въ дурную погоду (передъ тѣмъ же на немъ былъ коричневый съ серебряными пуговичками и петлицами); шляпу онъ почти никогда не надѣваетъ, приказывая носить ее за собою одному изъ своихъ денщиковъ. Войдя въ галлерею, гдѣ всѣ ждали его съ большимъ нетерпѣніемъ и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу, въ надеждѣ скоро освободиться, онъ поговорилъ немного съ нѣкоторыми изъ своихъ министровъ и потомъ отдалъ приказаніе часовымъ

выпускать. Но такъ какъ выходъ былъ только одинъ и притомъ довольно тѣсный, то прошло еще много времени, пока послѣдніе выбрались изъ сада. Кромѣ того надобно было также проходить недалеко отъ сада, черезъ небольшой подъемный мостъ на маломъ каналѣ, и только пройдя черезъ него всякій могъ безъ затрудненія спѣшить домой.

Ф. Берхгольцъ.

СПУСКЪ КОРАБЛЯ.

(1721 г.) Іюля 27... Послѣ обѣда, когда пушечнымъ выстрѣломъ возвѣстили о спускѣ корабля, о которомъ говорилъ царь во время послѣдней прогулки по рѣкѣ, его высочество сѣлъ въ свою барку и поѣхалъ въ Адмиралтейство. Царь былъ уже тамъ и прилежно трудился надъ приготовленіями къ спуску. Онъ всегда самъ смотритъ за всѣмъ, даже самъ строитъ корабли, потому что, какъ говорятъ, знаетъ это дѣло едва ли не лучше всѣхъ Русскихъ. Увидѣвъ герцога, онъ обнялъ его, отвелъ немного въ сторону и сталъ ему говорить что-то на ухо; его высочество отвѣчалъ такимъ же образомъ и потомъ, когда царь сказалъ еще нѣсколько словъ, подтверждая ихъ тѣлодвиженіями, радостно поцѣловалъ ему руку, а онъ взялъ его высочество за голову и поцѣловалъ, послѣ чего снова поспѣшилъ къ кораблю, чтобъ осмотрѣть, не забыто ли что-нибудь. Немного спустя, онъ возвратился и повелъ насъ на корабль, гдѣ съ герцогомъ и со всею его свитою проползъ подъ подмостки у киля, чтобы показать, какъ корабль сдѣланъ внизу и чѣмъ облегчается спускъ его на воду. Потомъ царь, одинъ, еще разъ обошелъ вокругъ корабля и осмотрѣлъ, все ли приготовлено, какъ нужно: его величество въ такихъ случаяхъ вѣритъ только собственнымъ глазамъ. Найдя, что все готово, онъ взошелъ на корабль и приказалъ начать его освященіе. Его высочество послѣдовалъ за царемъ. Обрядъ освященія совершалъ епископъ Новгородскій въ задней каютѣ, на верху, гдѣ послѣ кушала ея величество царица. Новый корабль получилъ имя «Пантелеймонъ», т.-е. Побѣда *). По окончаніи церемоніи, царь тотчасъ сошелъ съ него и повелъ его высочество къ тому мѣсту у воды, гдѣ можно было стоять и хорошо видѣть спускъ; но

*) Пантелеймонъ значитъ *Всемилостивый*, а не *Побѣда*.

самъ не остался тамъ, потому что долженъ былъ собственноручно сдѣлать первый ударъ при отнятіи подмостковъ. Такъ какъ это было лучшее мѣсто, то и князь Меншиковъ, съ нѣкоторыми другими вельможами, сталъ возлѣ его величества. Я былъ дежурнымъ и потому, не отходя отъ герцога, могъ все очень хорошо видѣть. Царица съ обѣими принцессами и со всею свитою вышла на берегъ на противоположной сторонѣ рѣки (которая въ томъ мѣстѣ очень узка), именно на Васильевскомъ островѣ, откуда смотрѣть было очень удобно. Рядомъ съ новымъ кораблемъ стоялъ, также на штампелѣ, большой старый Французскій корабль, вынутый изъ воды тѣмъ же мастеромъ, который строилъ новый и котораго нарочно для того выписали изъ Франціи, потому что никто изъ здѣшнихъ мастеровъ не рѣшался взяться за это дѣло. Французъ этотъ, знаменитый, весьма опытный корабельщикъ, и до сихъ поръ считается на Французской службѣ. Къ царю онъ отпущенъ королемъ только на нѣсколько лѣтъ, но ведетъ здѣсь такую разгульную жизнь, что постоянно бываетъ пьянъ съ утра до вечера. Такъ какъ для поднятія стараго корабля требовалось много времени и при томъ не всегда можно было приступить къ такой работѣ, то ему поручили выстроить между тѣмъ новый, который онъ сдѣлалъ по образцу того, только нѣсколько покороче. Теперь этотъ старый корабль былъ до того наполненъ народомъ, что изъ всѣхъ люковъ выглядывали головы. Я замѣтилъ тамъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ служителей. Корабль, назначенный къ спуску, былъ прикрѣпленъ большими желѣзными балками къ полозьямъ (Schlitten), намазаннымъ жиромъ, съ которыхъ онъ съѣзжаетъ на воду, когда поперечныя балки, держащія его съ обѣихъ сторонъ на штапелѣ, снизу вдругъ отнимаются и въ тоже время отдергиваются веревками. При отнятіи задней балки корабль медленно спустился со штапеля, но потомъ, какъ стрѣла, слетѣлъ на воду, при чемъ полозья сломались вдребезги и оставили на немъ нѣсколько балокъ, которыя уже потомъ были сбиты. Когда онъ пошелъ по водѣ, съ него раздались звуки литавръ и трубъ, смѣшавшіеся съ шумными восклицаніями народа, стоявшаго на старомъ кораблѣ и по берегу. Въ то же время началась пушечная пальба въ крѣпости и въ Адмиралтействѣ. Выплывъ на средину рѣки, корабль повернулся и шелъ нѣсколько времени по теченію

воды; потомъ остановился на якорѣ. Этотъ счастливый спускъ несказанно радовалъ царя, который, лишь только корабль сошелъ на воду, тотчасъ поѣхалъ на него въ своей шлюпкѣ и сталъ принимать всѣхъ гостей, спѣшившихъ туда одинъ за другимъ. Его королевское высочество, пробравшись черезъ толпу до своей барки, также спѣшилъ отплыть, потому что всѣ разомъ бросились къ лодкамъ и каждый хотѣлъ прежде другихъ поздравить государя на новомъ кораблѣ. Только что герцогъ взошелъ на палубу и поздравилъ его величество, пріѣхала и царица, которую царь встрѣтилъ и повелъ въ самую верхнюю каюту. Затѣмъ всѣ сѣли за столъ: дамы съ царицею на верху, а царь съ мущинами въ другой каютѣ, внизу. Столы были уже накрыты и установлены холодными кушаньями, когда корабль спустился со штапеля. Столъ, за которымъ сидѣлъ въ своей каютѣ царь вмѣстѣ съ его высочествомъ и другими знатными особами, былъ поставленъ покоемъ и занималъ всю комнату. Его высочество сидѣлъ возлѣ царя съ лѣвой стороны. При подобныхъ празднествахъ мало обращаютъ вниманія на этикетъ, и всѣ обыкновенно садятся, какъ придется... Передъ каютой стояло еще нѣсколько столовъ, за которые помѣстились всѣ прочіе находившіеся здѣсь гости. Царь, увидѣвъ, что позади его высочества стоятъ два кавалера, просилъ, чтобъ одному изъ нихъ позволено было сѣсть, послѣ чего герцогъ сказалъ намъ, что кто-нибудь изъ насъ можетъ идти. К.-ю. Геклау пошелъ и сѣлъ за одинъ изъ поставленныхъ передъ каютою столовъ, а я радовался, что могъ остаться на своемъ мѣстѣ позади его высочества. Въ то время я страшно боялся попоекъ, особенно зная, что здѣсь никогда такъ сильно не пьютъ, какъ при спускахъ кораблей. Товарищъ мой нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, не смѣнить ли ему меня, но я все отказывался. Когда царь начиналъ тосты, съ фрегата, стоявшаго впереди корабля, стрѣляли изъ пушекъ. Вечеромъ этотъ фрегатъ былъ иллюминованъ маленькими фонарями, развѣшенными по главнымъ снастямъ, по верхушкамъ большой и малой мачтъ и вокругъ по борту, что при темнотѣ было очень красиво. Его королевское высочество приказалъ привезти для себя на корабль свои напитки, именно красную и бѣлую хлѣбную водку, и пилъ за столомъ послѣднюю съ небольшою примѣсью вина; но царь, вѣроятно, замѣтилъ это,

потому что взялъ у его высочества стаканъ и, попробовавъ, возвратилъ съ словами: de Wien dogt niet (твое вино никуда не годится). Герцогъ отвѣчалъ, что употребляетъ его тогда только, когда чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Но царь возразилъ: de Wien is mehr schadlich, als min Wien (твое вино вреднѣе моего), и налилъ ему въ стаканъ изъ своей бутылки крѣпкаго и горькаго Венгерскаго, которое обыкновенно кушаетъ. Его высочество нашелъ его отличнымъ, но прибавилъ, что оно очень крѣпко, на что̀ государь сказалъ: dat is war, mar he is gesund (это правда, но за то оно и здорово). Онъ далъ послѣ того попробовать этого вина конф.-сов. Альфельду и т. с. Бассевичу. Послѣдній, будучи дома чѣмъ-то занятъ, только что пріѣхалъ на корабль; увидѣвъ его царь воскликнулъ: «о, Бассевичъ! штрафъ! штрафъ!». Тотъ старался извиниться, но напрасно: его величество приказалъ подать четыре большіе стакана Венгерскаго (изъ кубковъ государь кушаетъ рѣдко; обыкновенно онъ говоритъ, что если наливать ихъ до-полна, то глупо возиться понапрасну съ такою тяжелою посудою). Т. с. хотѣлъ взять одинъ изъ нихъ: но царь сказалъ, что они всѣ налиты для него, потому что въ его отсутствіе было провозглашено три тоста, за пропускъ которыхъ прибавленъ еще четвертый стаканъ, какъ штрафной. Г. Бассевичъ поспѣшилъ выпить ихъ одинъ за другимъ, и тогда только его величество позволилъ ему сѣсть за столъ. Послѣ царь спросилъ герцога, какого вина онъ желаетъ для себя и когда тотъ отвѣчалъ, что Бургонскаго, приказалъ своему маршалу подать бутылку этого вина, и затѣмъ, предложивъ изъ своихъ рукъ его высочеству небольшихъ стакана два Венгерскаго, предоставилъ ему свободу пить, что и сколько угодно. Его высочество шепнулъ мнѣ, чтобъ я въ такую же плетеную бутылку, въ какой было Бургонское, налилъ красной воды и смѣшалъ ее немного съ виномъ, что я и сдѣлалъ, спровадивъ потихоньку Бургонское и поставивъ на его мѣсто бутылку съ водой. До сихъ поръ пили еще немного, почему безпокойный князь-папа прилежно упрашивалъ царя пить, и если слова его не дѣйствовали, кричалъ, какъ сумасшедшій, требуя вина и водки. Но скоро многіе принуждены были пить болѣе, нежели думали: царь узналъ, что за столомъ, съ лѣвой стороны, гдѣ сидѣли министры, не всѣ тосты пили чистымъ виномъ или, по край-

ней мѣрѣ, не тѣми винами, какими онъ требовалъ (въ такіе дни о Французскомъ бѣломъ винѣ и о Рейнвейнѣ онъ и слышать не хочетъ; для каждаго вновь спускаемаго корабля онъ приказываетъ выдавать Адмиралтейству 1000 рублей на вино и кушанье; послѣднее обходится недорого, потому что бываетъ только холодное и не слишкомъ изысканное, но вино, котораго выпивается страшное количество, стоитъ очень много). Его величество сильно разсердился и приказалъ всѣмъ и каждому за столомъ выпить въ наказаніе, въ своемъ присутствіи, по огромному стакану Венгерскаго. Такъ какъ онъ велѣлъ наливать его изъ двухъ разныхъ бутылокъ, и всѣ пившіе тотчасъ опьянѣли, то я думаю, что въ вино подливали водку. Съ этой минуты царь ушелъ наверхъ къ царицѣ и болѣе не возвращался. Передъ тѣмъ онъ былъ очень милостивъ, нѣсколько разъ обнималъ его высочество и многократно увѣрялъ его въ своей дружбѣ и покровительствѣ; много говорилъ также съ сидѣвшимъ противъ него т.с. Бассевичемъ, который часто вставалъ съ своего мѣста и отвѣчалъ ему на ухо, послѣ чего его величество въ сильныхъ словахъ подтверждалъ, что будетъ заботиться о его высочествѣ и не пропуститъ случая оказать ему помощь, словомъ, устроитъ все такъ, что его высочество будетъ вполнѣ доволенъ и не найдетъ причинъ жаловаться. Герцогъ, послѣ всѣхъ этихъ увѣреній, поцѣловалъ ему руку, а т. с. Бассевичъ отъ души сказалъ: «Богъ щедро вознаградитъ за это ваше величество!» Царь, какъ сказано, не возвращался болѣе внизъ. Уходя въ неудовольствіи къ царицѣ, онъ поставилъ часовыхъ, чтобъ никто и ни подъ какимъ видомъ не могъ уѣхать съ корабля до его приказанія. Идти наверхъ къ нему и къ дамамъ не осмѣлился никто, не исключая и герцога. Однако-жъ его высочество велѣлъ конф.-совѣтнику спросить, при случаѣ, у кам.-юнкера Балка, можно ли кому-нибудь пройти туда? Но тотъ отвѣчалъ, что часовые, поставленные у лѣстницы, не пропускаютъ рѣшительно никого, и прибавилъ, что, кажется, и дамы должны были пить довольно много. Между тѣмъ внизу веселились на славу: почти всѣ были пьяны, но все еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ до того напился, что плакалъ, какъ ребенокъ, что обыкновенно съ нимъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Князь Меншиковъ такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво, и его

люди принуждены были послать за княгинею и ея сестрою, которыя, съ помощію разныхъ спиртовъ, привели его немного въ чувство и испросили у царя позволеніе ѣхать съ нимъ домой. Однимъ словомъ, не совершенно пьяныхъ было очень мало, и еслибъ я хотѣлъ описать всѣ дурачества, какія были дѣланы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то могъ бы наполнить разсказомъ объ нихъ не одинъ листъ. То князь Валашскій схватывался съ оберъ-полицеймейстеромъ, то начиналась какая-нибудь ссора, то слышалось чоканье бокаловъ на братство и вѣчную дружбу. Тѣ, которые были еще трезвы, нарочно притворялись пьяными, чтобъ не пить болѣе и смотрѣть на дурачества другихъ. Въ числѣ такихъ былъ въ особенности нашъ молодой графъ Пушкинъ, который, конечно, долженъ былъ воздерживаться отъ питья, потому что находился при герцогѣ, однако-жъ вовсе не имѣлъ надобности такъ страшно притворяться, какъ онъ это дѣлалъ. Другіе, совершенно пьяные, умничали и лѣзли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями, что для трезвыхъ, разумѣется, было очень непріятно. Много стоило труда охранять его высочество отъ этихъ нѣжностей. Но смѣшнѣе всего былъ баронъ Бюловъ, который со всѣми ссорился. Ген.-лейтенанту Бонне онъ, въ присутствіи его высочества, сказалъ въ глаза, что тотъ поступилъ съ нимъ нечестно, потому что, несмотря на обѣщаніе быть ему другомъ, не исполнилъ его просьбы и не провелъ его къ царю. Генералъ оправдывался, сколько могъ и сказалъ, что потолкуетъ съ нимъ о томъ завтра. Потомъ этотъ баронъ началъ превозносить свою честность и хвастать тѣмъ, что служитъ своему государю только изъ любви, а не изъ боязни батоговъ и кнута. Все это онъ говорилъ при его высочествѣ; и вскорѣ послѣ того сталъ вызывать на дуэль одного Русскаго подполковника, котораго обвинялъ, будто тотъ свѣдѣнія его въ разныхъ наукахъ выдаетъ за свои; но немного спустя, они отправились въ буфетъ и пили вмѣстѣ. Наконецъ, пришло извѣстіе, что царь и царица уже уѣхали, и что выходъ свободенъ. Радость была всеобщая, и тутъ мнимо-пьяный Пушкинъ оказался совершенно трезвымъ. Его высочество собрался было ѣхать, но передъ нимъ была такая толпа, что онъ опять воротился и взошелъ покамѣстъ на палубу, гдѣ находились дамы.

Ф. Верхгольцъ.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРѢЧА БОТИКА.

1.

(1723 г.). По отплытіи изъ Рогервика *) монархъ употребилъ остальное время на маневры своихъ кораблей. Онъ самъ командовалъ авангардомъ, адмиралъ Гордонъ—аріергардомъ, а великій адмиралъ Апраксинъ — центромъ. Постоянно заботясь о томъ, чтобъ подать своимъ подданнымъ примѣръ субординаціи по службѣ, онъ безпрестанно обращался за приказаніями къ великому адмиралу и безъ его позволенія не оставлялъ своего корабля. По возвращеніи флота въ Кронслотъ, совершено было 12-го августа торжественное освященіе паруснаго ботика, нѣкогда прибывшаго изъ Англіи и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ перевезеннаго изъ Архангельска въ Москву. На немъ государь впервые началъ учиться мореплаванію. Ботикъ снаружи обили мѣдью для предохраненія дерева его отъ гніенія, а маленькую мачту его украсили большимъ императорскимъ флагомъ. Великій адмиралъ стоялъ у руля, адмиралы, вице-и контръ-адмиралы были гребцами. Такимъ образомъ маленькое судно обошло вокругъ флота, для того, какъ говорилъ императоръ, чтобъ добрый дѣдушка могъ принять изъявленіе почтенія отъ всѣхъ прекрасныхъ внуковъ, обязанныхъ ему своимъ существованіемъ; и когда въ этомъ обходѣ оно подымалось вверхъ по рѣкѣ, монархъ гребъ самъ съ помощью одного лишь князя Меншикова. Во многихъ запискахъ того времени есть описаніе этого великолѣпнаго морскаго праздника, на которомъ одного пороха вышло слишкомъ на 12,000 рублей. Празднество окончилось помѣщеніемъ ботика въ гавани, въ углу почетнаго мѣста, назначеннаго для линейныхъ кораблей; а шесть недѣль спустя, его вытащили на сушу и торжественно перенесли въ крѣпость, гдѣ поставили на храненіе, какъ государственную святыню.

Г. Бассевичъ.

*) Бухта въ зап. части Финскаго залива. (*Сост*).

2.

Царь Петръ Алексѣевичъ въ малолѣтствѣ своемъ нашелъ въ селѣ Измайловѣ ботикъ, Голландцами при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ построенный, на которомъ въ Москвѣ на Просяномъ прудѣ, на Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ, а потомъ на Переяславскомъ озерѣ, плаваніемъ забавлялся. Сей-то внезапно обрѣтенный ботикъ, произвелъ въ юномъ государѣ, который прежде боялся воды, охоту къ построенію сперва малыхъ фрегатовъ, потомъ военныхъ кораблей, и былъ причиною возрожденія великаго флота въ Россіи.

1723 года его величество приказалъ тотъ ботикъ привезти въ Санктъ-Петербургъ, откуда отправленъ въ Кронштадтъ, гдѣ отъ всего флота прибытіе онаго пальбою и другими морскими почестями поздравлено и въ память величайшихъ отъ того ботика на морѣ успѣховъ торжествовано. Въ сіе время монархъ на немъ былъ кормчимъ, въ греблѣ находились генералъ-адмиралъ Апраксинъ, два адмирала и адмиралтейскій полковникъ Головкинъ, называемый Басъ. При семъ случаѣ, когда по возвращеніи въ гавань произведенъ былъ залпъ, то государь, выходя изъ ботика, къ встрѣчающей его императрицѣ и ко всѣмъ министрамъ и флотскимъ адмираламъ сказалъ: «Смотрите, какъ дѣдушку (такъ называлъ онъ ботикъ) внучаты веселятъ и поздравляютъ! Отъ него при помощи Божеской флотъ на югѣ и сѣверѣ, страхъ непріятелямъ, польза и оборона государству»! Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петръ Великій говорилъ: «Здравствуй, дѣдушка! Потомки твои по рѣкамъ и морямъ плаваютъ и чудеса творятъ; время покажетъ, явятся ли они и предъ Стамбуломъ».

Государь не токмо что самъ страстную охоту къ водяному плаванію имѣлъ, но желалъ также пріучить и фамилію свою. Сего ради въ 1708 году прибывшихъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ царицъ и царевенъ встрѣтилъ на буерахъ, на которыхъ оттуда въ новую свою столицу и приплылъ. И когда адмиралъ Апраксинъ, верстахъ въ четырехъ отъ Петербурга, на яхтѣ съ пушечной пальбой ихъ принялъ, то Петръ Великій въ присутствіи ихъ ему говорилъ: «Я пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобъ не боялись впредь моря, и чтобъ понравилось

имъ положеніе Петербурга, который окруженъ водами. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ». Его величество подлинно сіе чинилъ и многократно въ Петергофъ, Кронштадтъ и Кроншлотъ съ царскою фамиліею по морю ѣзжалъ, для чего и приказалъ для нихъ сдѣлать короткіе бострoки, юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшія изъ Москвы и въ вышепоказанномъ плаваніи находившіяся были: царица Прасковья Ѳеодоровна, супруга царя Іоанна Алексѣевича, и дщери его царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталія, Марія и Ѳеодосія Алексѣевны.

Но какъ водянаго плаванія по краткости лѣта казалось Петру Великому мало, то приказывалъ отъ дворца къ крѣпости на Невѣ ледъ разчищать, гдѣ на ботахъ и другихъ малыхъ судахъ, поставленныхъ на полоски и коньки, при вѣтрѣ подъ парусами съ флотскими офицерами и знатными господами, подобно какъ бы на водѣ, катался и проворно лавировалъ. Къ симъ забавамъ приглашалъ и чужестранныхъ министровъ и зимовавшихъ голландскихъ шкиперовъ. На сихъ забавахъ потчивалъ всѣхъ горячимъ пуншемъ и однажды шкиперамъ говорилъ: «Мы плаваемъ по льду, чтобы зимою не забыть морскихъ экзерсицій». На сіе одинъ голландскій шкиперъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, царь Петръ, ты не забудешь! Я чаю, ты и во снѣ все флотомъ командуешь».

А. Нартовъ.

ПРАЗДНОВАНІЕ МИРА СО ШВЕЦІЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

(1722 г.) Января 31... Опишу теперь въ немногихъ словахъ нашъ поѣздъ. Впереди всѣхъ ѣхала маска въ качествѣ маршала передовой забавной группы. За нею слѣдовалъ, такъ называемый, князь-папа, глава пьяной коллегіи, учрежденной императоромъ для своей забавы. Онъ сидѣлъ въ большихъ саняхъ, на возвышеніи въ видѣ трона, въ папскомъ своемъ одѣяніи, т.-е. въ длинной красной бархатной мантіи, подбитой горностаемъ. Въ ногахъ у него, верхомъ на бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ, держа въ правой рукѣ большой бокалъ (Römer), а въ лѣвой посудину съ виномъ. Этотъ молодецъ, отличавшійся въ той же роли на Петербургскомъ маскарадѣ, такъ натурально представлялъ Бахуса, какъ только было возможно. Потомъ ѣхала свита князя-папы, т.-е.

господа кардиналы, въ своихъ кардинальскихъ облаченіяхъ. Ихъ было на сей разъ только шесть, и они сидѣли верхомъ на осѣдланныхъ волахъ; но за ними, для большаго парада, вели еще трехъ такихъ коней безъ всадниковъ. Хотя между кардиналами находились знатные дворяне, князья и дѣйствительные губернаторы, получившіе это званіе въ наказаніе за дурное поведеніе; однако-жъ всѣ они должны были терпѣливо сносить свой позоръ, да не смѣли даже и смотрѣть косо. Послѣ нихъ четыре не очень большія пестрыя свиньи везли маленькія санки, въ которыхъ сидѣлъ также замѣчательный господинъ. Затѣмъ слѣдовалъ Нептунъ (котораго представлялъ одинъ придворный полу-шутъ), въ своей коронѣ, съ длинною бѣлою бородою и съ трезубцемъ въ правой рукѣ. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, сдѣланныхъ въ видѣ большой раковины, и имѣлъ передъ собою, въ ногахъ, двухъ сиренъ или морскихъ чудовищъ. За нимъ ѣхала въ гондолѣ мать г. Остермана(?), красивая моложавая дама, лѣтъ 50-ти или 60-ти, въ костюмѣ аббатиссы, съ прекраснымъ вызолоченнымъ жезломъ. Ее окружали монахини, но въ весьма небольшомъ числѣ. Послѣ нея ѣхалъ кн. Меншиковъ, въ качествѣ уже настоящаго маршала маскарада, въ такомъ же экипажѣ, какъ нашъ, съ тою только разницею, что у кормы у него стояла не Паллада, а Фортуна. Музыку его составляли стоявшіе спереди литаврщикъ и два трубача. Онъ самъ и вся его свита были наряжены аббатами, и сидѣли — князь отдѣльно у кормы, прочіе на скамьяхъ, по три на каждой. За нимъ слѣдовала, въ закрытой (съ окнами) баркѣ или гондолѣ княгиня, его супруга, съ своею сестрою и нѣкоторыми другими дамами; она была его нумеромъ и имѣла костюмъ благородныхъ Испанокъ. Потомъ ѣхалъ князь-кесарь Ромодановскій, въ мантіи, подбитой горностаемъ, имѣя съ собою кого-то въ курфиршеской мантіи и еще нѣсколько другихъ смѣшныхъ наперсниковъ. Онъ сидѣлъ въ большой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами, чрезвычайно похожими на живыхъ медвѣдей. Его нумеромъ были вдовствующая царица съ дочерью, — первая въ старинной Русской одеждѣ, вторая въ костюмѣ пастушки. Онѣ ѣхали также въ закрытой гондолѣ и имѣли при себѣ нѣкоторыхъ дамъ, въ томъ числѣ супругу князя-кесаря и другихъ. Далѣе слѣдовалъ великій адмиралъ Апраксинъ съ своею свитою. Онъ и

сидѣвшій съ нимъ братъ его были одѣты, какъ Гамбургскіе бургомистры; экипажъ у нихъ былъ — галера съ подтянутыми парусами, очень натуральная и имѣвшая перкрасный видъ. Ихъ нумеръ состоялъ изъ немногихъ придворныхъ дамъ вдовствующей царицы, которыя сидѣли въ старой, настоящей шлюпкѣ, поставленной на сани и ужъ, конечно, никогда не назначавшейся для маскарада. Послѣ того слѣдовала шлюпка съ лоцманами, прилежно бросавшими лотъ. Это были все морскіе офицеры. За ними шелъ большой корабль императора (длиною въ 30 футовъ), сдѣланный совершенно на подобіе линейнаго корабля «Фредемакеръ» тѣми же мастерами, которые строили послѣдній. На немъ было 8 или 10 настоящихъ небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ по временамъ палили, и еще множество деревянныхъ и слѣпыхъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ большую каюту съ окнами, три мачты со всѣми ихъ принадлежностями, паруса, однимъ словомъ, до того походилъ на настоящее большое судно, что можно было найти на немъ все до послѣдней бичевки, даже и маленькую карабельную лодку позади, гдѣ могли помѣститься человѣка два. Самъ императоръ командовалъ имъ въ качествѣ корабельщика и командира, имѣя при себѣ 8 или 9 маленькихъ мальчиковъ въ одинаковыхъ боцманскихъ костюмахъ и одного роста, нѣсколько генераловъ, одѣтыхъ барабанщиками, и нѣкоторыхъ изъ своихъ денщиковъ и фаворитовъ. Его величество веселился истинно по царски. Не имѣя здѣсь въ Москвѣ возможности носиться такъ по водамъ, какъ въ Петербургѣ, и несмотря на зиму, онъ дѣлалъ однако-жъ съ своими маленькими ловкими боцманами на сухомъ пути всѣ маневры, возможные только на морѣ. При наступленіи темноты, его величество приказывалъ, какъ это дѣлается на корабляхъ — собирать верхніе паруса, и самъ, съ тремя или четырьмя находившимися при немъ генералами, билъ зорю (онъ имѣлъ костюмъ корабельнаго барабанщика и барабанилъ съ большимъ искусствомъ). Нельзя было безъ истиннаго удовольствія смотрѣть, какъ его маленькіе юнги лазили по мачтамъ и по канатамъ. Они дѣлали это съ такою ловкостью, какой можно было ожидать только отъ лучшихъ и опытнѣйшихъ матросовъ. За кораблемъ государя ѣхала императрица съ своими придворными дамами, въ великолѣпной вызолоченной баркѣ или гондолѣ, имѣвшей небольшую печь

и обитой внутри краснымъ бархатомъ и широкими галунами. Везли ее восемь хорошихъ каретныхъ лошадей. Форейторы и кучеръ были въ зеленыхъ матросскихъ костюмахъ съ золотою оторочкою и имѣли на шапкахъ небольшіе плюмажи. Спереди сидѣли придворные кавалеры ея величества, одѣтые въ первый день арапами, потомъ матросами, а позади стояли и трубили два валторниста въ охотничьихъ костюмахъ. Кромѣ того, у кормы стоялъ мундшенкъ императрицы, представлявшій квартирмейстера барки (такъ называютъ здѣсь кормчаго) и одѣтый въ великолѣпный красный бархатный костюмъ съ золотыми галунами. Ея величество императрица, сидѣвшая въ закрытой со всѣхъ сторонъ баркѣ такъ же хорошо и покойно, какъ и въ комнатѣ, въ первый день была одѣта простою Голландкою, а потомъ со всѣми своими дамами имѣла костюмъ Амазонокъ, и оба эти наряда чрезвычайно ей шли. Она нѣсколько разъ мѣняла платья, являясь то въ красномъ бархатномъ, богато обложенномъ серебромъ, то въ голубомъ съ разными камзолами и другими принадлежностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ ея величество надѣвала осыпанную брилліантами шпагу и обыкновенный свой орденъ (низко спущенный, какъ у орденскихъ кавалеровъ) съ прекрасною брилліантовою звѣздою на груди, держала въ рукахъ копье и имѣла на головѣ бѣлокурый парикъ и шляпу съ бѣлымъ перомъ, которое взяла у нашего герцога, потому что другого не могла здѣсь достать. За государынею ѣхалъ, въ чемъ-то въ родѣ буера, ея маршалъ со многими другими кавалерами. Затѣмъ слѣдовалъ, такъ называемый, безпокойный монастырь*), принадлежавшій на маскарадѣ собственно къ обществу императора. Сани его — громадная машина — были устроены особеннымъ образомъ, а именно со скамьями, которыя сначала, спереди, шли равно, потомъ поднимались все выше и выше, въ видѣ амфитеатра, такъ что сидѣвшіе вверху были ногами наравнѣ съ головами сидѣвшихъ внизу. Позади этой машины, изображавшей нѣчто въ родѣ головы дракона, стояло нѣсколько смѣшныхъ масокъ. За нею тянулось болѣе 20-ти маленькихъ саней, привязанныхъ одни къ другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прицѣпленныхъ къ большимъ санямъ. Всѣ они были обиты полотномъ и имѣли фута на

*) Что это былъ за безпокойный монастырь—неизвѣстно.

два отъ земли скамьи для сидѣнья и для ногъ, вмѣщая въ себѣ каждыя по одному человѣку. Такъ какъ большія сани были наполнены всевозможными уморительными масками, какъ напр., разнаго рода драконами, арлекинами, скарамушами, даже людьми, переодѣтыми въ журавлей, то трудно разсказать, какъ необыкновенно странно и смѣшно было все это. Сюда же принадлежали еще два очень забавные цуга, а именно, во-первыхъ, сани, запряженныя шестернею одинакихъ медвѣдей, которыми правилъ человѣкъ, весь зашитый въ медвѣжью шкуру и чрезвычайно похожій на настоящаго медвѣдя и, во-вторыхъ, длинныя, очень легкія Сибирскія санки, которыя везли 10 собакъ и на которыхъ сидѣлъ старый Сибирякъ въ своемъ національномъ костюмѣ; иногда съ нимъ садился еще другой, одѣтый, какъ Сибирячка. Послѣ того слѣдовали наши сани. Передъ ними ѣхали верхомъ два драгуна, состоящіе, кромѣ гвардейскаго караула, ежедневно въ ординарцахъ у его королевскаго высочества, гофъ-фурьеръ и четыре лакея, потому что передъ санями императрицы были также передовые. Тотчасъ за нами ѣхалъ сперва нашъ нумеръ; т.-е. княгиня Валашская; но послѣ, когда присоединились къ маскараду иностранные министры (они сначала были немного недовольны, что имъ вовсе не назначили нумера), было приказано, чтобы непосредственно за нами слѣдовали они. Такимъ образомъ эти господа попали между нами и нашимъ нумеромъ. Ихъ было семеро — всѣ въ голубыхъ шелковыхъ домино! Лодка ихъ, передъ которою ѣхали верхомъ четыре лакея также въ домино, была въ родѣ нашей и имѣла позади большой вымпелъ изъ голубой тафты, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ золотыхъ виноградныхъ кистей, въ серединѣ большихъ, по угламъ поменьше. За ними ѣхали наши пріятныя дамы въ большой лодкѣ съ палаткой изъ краснаго сукна. Онѣ большею частію были одѣты скарамушами, но походили на ангеловъ. Подлѣ нихъ ѣхалъ верхомъ одинъ изъ ихъ людей, одѣтый Туркомъ, котораго онѣ, какъ и его королевское высочество своихъ пажей, употребляли для разсылокъ; а въ важныхъ депешахъ съ обѣихъ сторонъ, конечно, не было недостатка, потому что во все время маскарада мы жили съ своимъ нумеромъ весьма дружно. Позади ихъ слѣдовалъ князь Валашскій на Турецкомъ суднѣ, имѣвшемъ пять небольшихъ пушекъ, изъ

которыхъ онъ всякій разъ отвѣчалъ, когда палили съ императорскаго корабля. На заднемъ концѣ этого судна было устроено возвышеніе, уложенное множествомъ подушекъ, на которыхъ князь возсѣдалъ по-турецки, подъ балдахиномъ изъ бѣлой тафты. Вымпелъ у него былъ также изъ бѣлой тафты, съ изображеніемъ золотого полумѣсяца, потому что въ первые дни онъ представлялъ муфти, и вся его свита имѣла Турецкій костюмъ. Самъ онъ былъ одѣтъ великолѣпно, имѣлъ большую бороду, прекрасную чалму на головѣ, а, какъ человѣкъ долго жившій въ Турціи и хорошо знающій ея языкъ и обычаи, исполнялъ вообще отлично свою роль. Окружавшіе его были также одѣты очень хорошо, и одинъ изъ нихъ ѣхалъ подлѣ его саней на маленькомъ ослѣ. Въ оба послѣдніе дня маскарада князь Валашскій, съ гораздо многочисленнѣйшею свитой, чѣмъ въ первые дни, представлялъ великаго визиря и разъѣзжалъ верхомъ на превосходномъ Турецкомъ жеребцѣ, котораго (на большомъ гуляньѣ, гдѣ мы подъ конецъ собирались), въ присутствіи его королевскаго высочества и ихъ величествъ, заставлялъ дѣлать быстрѣйшіе повороты и потомъ остановки на всемъ скаку, какихъ я съ роду не видывалъ. Онъ съ необыкновенною ловкостью представлялъ также, какъ Турки бросаютъ копье, при чемъ, скача во весь галопъ, вдругъ останавливалъ и поворачивалъ лошадь, и многіе другія штуки.

Разсказавъ о замѣчательнѣйшемъ въ нашемъ поѣздѣ и боясь, чтобы разсказъ мой не показался слишкомъ длиннымъ, даже, наконецъ, скучнымъ, удовольствуюсь упомянуть еще вкратцѣ, что, по моему счету, весь поѣздъ состоялъ изъ 25 большихъ женскихъ и 36 такихъ же мужскихъ саней. Передъ самыми небольшими было, по крайней мѣрѣ, по шести лошадей. Рядъ, слѣдовательно, выходилъ порядочно длинный, почему и приказано было десяти унт.-офицерамъ гвардіи, посаженнымъ на коней, разъѣзжать постоянно для наблюденія за порядкомъ. Остальныя сани, о которыхъ я не упомянулъ, были устроены, какъ наши и большая часть названныхъ выше, только были одни больше, другія меньше. (Всѣхъ лучше расписанъ и вообще красивѣе другихъ былъ ботикъ ген.-фельдцейхмейстера Брюса). Они ѣхали позади насъ въ томъ же порядкѣ, разумѣется, пока доставало женскихъ саней. Сперва слѣдовали всегда мужскія, потомъ женскія сани, и такъ далѣе.

Маски въ тѣхъ и въ другихъ были очень разнообразны и нѣкоторыя изъ нихъ особенно хороши; такъ, напр., офицеры гвардіи, одѣтые латниками, здѣшніе Англійскіе купцы въ костюмѣ Англійскихъ скаковыхъ ѣздоковъ, Нѣмецкіе купцы, переодѣтые Остъ-Индскими мореходами, и многіе другіе. Молодыя дамы, большею частію, были одѣты Испанками, скарамушами, крестьянами, пастушками и т. п., пожилыя же преимущественно имѣли старинные Русскій и Польскій костюмы, какъ болѣе теплые и покойные для нихъ. Самыя послѣднія большія сани поѣзда были сдѣланы, какъ обыкновенныя колбасныя повозки (Wurstwagen); въ нихъ сидѣло 8 или 10 слугъ князя-папы, которыхъ императоръ содержитъ и одѣваетъ для него и которые всѣ до того заикаются, что иногда въ четверть часа едва могутъ выговорить одно слово. Несмотря на то, папа ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ замѣнять ихъ другими, и это одно изъ величайшихъ его мученій. Они носятъ длинные красные кафтаны и высокія, къ верху совершенно заостренныя шапки. Послѣ этихъ почтенныхъ господъ ѣхалъ, одинъ и въ очень маленькихъ санкахъ, г.-м. Матюшкинъ, который, въ качествѣ вице-маршала маскарада, заключалъ поѣздъ. Онъ былъ одѣтъ Гамбургскимъ бургомистромъ и дѣлалъ свое дѣло очень хорошо. Въ такомъ порядкѣ мы ѣхали до первыхъ Тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ, какъ сказано, однимъ богатымъ Русскимъ, по имени Строгановымъ, который и угощалъ въ особо построенномъ тамъ домѣ, пока снимали верхнія мачты и паруса съ императорскаго корабля (онъ иначе не проходилъ въ аркѣ, почему и въ однихъ изъ городскихъ воротъ, черезъ которыя намъ непремѣнно слѣдовало ѣхать, срыли землю слишкомъ на три локтя). Такъ какъ комнаты въ этомъ домѣ были очень малы, то туда, кромѣ придворныхъ и нашей группы, попали немногіе или почти никто; остальные должны были между тѣмъ мерзнуть. Отсюда мы проѣхали на большую площадь (Красную), гдѣ оставались нѣсколько времени, потомъ сдѣлали конца два по Кремлю, но корабль императора остановился на площади, потому что по величинѣ своей не могъ пройти въ ворота. Эта прогулка продолжалась почти до 5-ти часовъ вечера, послѣ чего всѣ получили позволеніе отправиться по домамъ.

Ф. Берхгольцъ.

АССАМБЛЕЯ У ГР. МАТВѢЕВА.

(1722 г.) Февраля 18. Часовъ въ пять послѣ обѣда мы поѣхали на одно изъ вновь учрежденныхъ собраній, назначенное на сей разъ у т. с. Матвѣева, бывшаго посломъ въ Гаагѣ, человѣка весьма любезнаго. Гостей было еще немного, они скоро мало-по-малу съѣхались. Пока ихъ не собралось еще столько, чтобы начать танцы, гр. Матвѣевъ и дочь его, Румянцева, водили насъ въ свою небольшую домовую часовню, которая необыкновенно хороша и богата образами, серебряными вещами и другими украшеніями. Потомъ они провели насъ въ залу, гдѣ должно было танцевать; она также необыкновенно хороша, украшена разными любопытными картинами и притомъ очень велика. Между многими рѣдкими и замѣчательными картинами графъ показывалъ намъ портреты умершей жены своей, которая въ молодости слыла совершенною красавицею, и дочери своей, теперешней г-жи Румянцевой, когда ей было не болѣе года или двухъ лѣтъ; она изображена почти нагою, но сдѣлана прекрасно. Въ срединѣ залы висѣла превосходная люстра, на которой было зажжено по крайней мѣрѣ 20 толстыхъ свѣчей, дававшихъ, вмѣстѣ съ другими свѣчами, разставленными пирамидально на нижнихъ окнахъ, большой свѣтъ. Когда гостей съѣхалось уже довольно, г-жа Румянцева пригласила его высочество танцевать съ нею, чѣмъ и начался балъ. Послѣ того герцогъ танцевалъ съ ея сестрою (очень милою дѣвочкою лѣтъ 12 или 13). Въ этотъ вечеръ наши кавалеры и я танцевали очень много, потому что Румянцева, какъ женщина весьма любезная и образованная, выбирала насъ преимущественно передъ другими и всячески отличала. Скажу здѣсь вкратцѣ, что такое эти ассамблеи и какія при нихъ соблюдаются правила. Онѣ устроены на манеръ Петербургскихъ, которыя, по именному повелѣнію императора, бываютъ ежегодно зимою. Во-первыхъ, онѣ распредѣляются между всѣми вельможами, но безъ соблюденія особеннаго порядка или послѣдовательности; здѣшній комендантъ спрашиваетъ или его величество императора (когда онъ бываетъ здѣсь), у кого онъ прикажетъ быть собранію, или самихъ вельможъ, когда и какъ имъ удобнѣе, и затѣмъ, прежде нежели общество разойдется, объявляетъ гостямъ, гдѣ имъ собираться

въ слѣдующій разъ. Въ Петербургѣ это дѣлаетъ обыкновенно генералъ-полицеймейстеръ. Придти на ассамблею имѣетъ право всякій. Во-вторыхъ, хозяинъ не долженъ никого ни встрѣчать внѣ комнаты, ни провожать, хотя бы то былъ и самъ императоръ. Въ-третьихъ, въ комнатѣ, гдѣ танцуютъ (если есть мѣсто, или въ ближайшей къ ней) должны быть приготовлены: столъ съ трубками, табакомъ и деревянными лучинками (которыя употребляются здѣсь вмѣсто бумажекъ, для закуриванія трубокъ) и еще нѣсколько другихъ столовъ для игры въ шахматы и шашки; но карты на ассамблеяхъ не терпятся и не подаются. Въ-четвертыхъ, хозяинъ, хозяйка или кто-нибудь изъ домашнихъ открываютъ танцы, послѣ чего, смотря по мѣсту, одна или двѣ пары могутъ танцевать менуэтъ, Англезъ или Польскій, по желанію; въ менуэтѣ однако-жъ соблюдается правило, что его можетъ начинать не всякій, а только тотъ кавалеръ или та дама, которые, протанцевавъ менуэтъ, снова танцуютъ его, выбирая уже кого хотятъ, и такъ идетъ по порядку, все равно, танцевала ли одна пара или нѣсколько паръ. Если же танцующіе хотятъ послѣ менуэта танцевать Англезъ или Польскій, то объявляютъ объ этомъ, и тогда кавалеры, желающіе участвовать въ танцѣ, выбираютъ себѣ дамъ; но дамы не выбираютъ кавалеровъ, предоставляя это обыкновенно послѣднимъ. Въ-пятыхъ, всякій имѣетъ свободу дѣлать, что хочетъ, т.-е. можетъ или танцевать, или курить табакъ, или играть, или разговаривать, или смотрѣть на другихъ; равнымъ образомъ всякій можетъ спросить себѣ, по желанію, вина, пива, водки, чаю, кофе, и сейчасъ получаетъ требуемое. Но хозяинъ не обязанъ, да даже и не смѣетъ, принуждать гостей пить или ѣсть, а только можетъ сказать, что̀ имѣетъ для угощенія, и затѣмъ предоставляетъ имъ полную свободу. Въ-шестыхъ и въ послѣднихъ, собранія эти, начинающіяся около 5 часовъ, продолжаются не далѣе 10, и тогда всѣ должны разъѣзжаться по домамъ. Что мнѣ не нравится въ этихъ ассамблеяхъ, такъ это, во-первыхъ, то, что въ комнатѣ, гдѣ дамы и гдѣ танцуютъ, курятъ табакъ и играютъ въ шашки, отчего бываютъ вонь и стукотня, вовсе неумѣстныя при дамахъ и при музыкѣ, и во-вторыхъ, то, что дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мущинъ, такъ что съ ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и

слова: когда не танцуютъ—всѣ сидятъ, какъ нѣмыя, и только смотрятъ другъ на друга.

Ф. Берхгольцъ.

СВАДЬБА ГР. ГОЛОВКИНА.

(1722 г.) Апрѣля 8. Герцогъ въ назначенное время, именно въ 9 час. утра, отправился къ Краснымъ воротамъ, гдѣ во время маскарада бывало обыкновенно сборное мѣсто, и тамъ до 11 часовъ ждалъ маршала свадьбы, которому, по настоящему, слѣдовало бы явиться туда прежде всѣхъ, чтобы принимать гостей. Но на сей разъ должность маршала исправляло лицо, котораго ужъ надобно было ждать безъ ропота, а именно самъ императоръ. Всѣ мы дома ничего не ѣли, въ надеждѣ, что на свадьбѣ будемъ обѣдать рано (здѣсь обыкновенно обѣдаютъ въ 11 часовъ); между тѣмъ время приближалось къ 11 часамъ, а императоръ все не ѣхалъ; насъ стали даже увѣрять, что онъ сперва покушаетъ дома, отдохнетъ, и тогда только пріѣдетъ, чтобъ тѣмъ ловче и свободнѣе исправлять должность маршала. Поэтому его высочество рѣшился отправиться къ гр. Кинскому (который живетъ недалеко оттуда) и позавтракать немного у него. Но только что мы подъѣхали къ его дому, за нами прискакалъ посланный, съ извѣстіемъ, что его величество сейчасъ будетъ. Мы немедленно поворотили назадъ, и едва успѣли выйти изъ каретъ, какъ подъѣхалъ императоръ съ своимъ большимъ маршальскимъ жезломъ. Онъ вошелъ сперва въ домъ и потомъ отвезъ жениха въ церковь, съ слѣдующею церемоніею: впереди ѣхали верхомъ два трубача; за ними, также верхомъ, 12 шаферовъ и затѣмъ самъ государь, какъ маршалъ, шестернею, въ открытомъ кабріолетѣ, принадлежащемъ ген. Ягужинскому (бѣдный императоръ не имѣетъ своего собственнаго цуга; онъ всегда ѣздитъ на плохой парѣ и въ кабріолетѣ подъ стать лошадямъ, въ какомъ даже не всякій изъ здѣшнихъ гражданъ рѣшился бы ѣхать). За нимъ слѣдовали женихъ, въ каретѣ шестернею, и всѣ прочіе, какъ кому пришлось. Отвезя жениха въ церковь, которая была недалеко отъ дома князя-кесаря, императоръ отправился за невѣстою и скоро возвратился съ нею въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди опять ѣхали верхомъ тѣ же трубачи, но съ тою разницею, что въ

этотъ разъ они трубили; за ними 12 шаферовъ (которыми были все капитаны гвардіи) на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатыхъ чапракахъ и сбруяхъ; потомъ его величество, также верхомъ на превосходномъ гнѣдомъ конѣ, съ своимъ большимъ маршальскимъ жезломъ въ правой рукѣ. Я, признаюсь, немало удивился, когда увидѣлъ его въ такомъ парадѣ, потому что на его лошади были прекрасный чапракъ изъ зеленаго бархата, весь шитый золотомъ, и въ томъ же родѣ вышитое сѣдло, чего никто не привыкъ у него видѣть. Послѣ того ѣхала карета въ шесть красивыхъ лошадей, въ которой сидѣла невѣста, имѣя передъ собою двухъ своихъ подругъ или ближнихъ дѣвицъ, именно старшую Нарышкину и младшую Головкину, которыя обѣ также скоро выходятъ замужъ. Вслѣдъ затѣмъ ѣхали нѣкоторыя дамы, принадлежавшія къ свадебной роднѣ; но императрицы, какъ посаженной матери невѣсты, не было между ними. Когда невѣста подъѣхала къ церкви, императоръ проворно спрыгнулъ съ лошади и отворилъ дверцу у кареты; послѣ чего посаженные отцы приняли ее и повели къ алтарю, гдѣ разостланъ былъ коверъ. Женихъ сталъ на немъ по лѣвую, а невѣста по правую сторону, и оба подали свои кольца священнику, который началъ съ того, что благословилъ брачущихся и каждому изъ нихъ далъ въ руку по зажженной восковой свѣчѣ. Потомъ онъ нѣсколько времени пѣлъ, то одинъ, то вмѣстѣ со всѣмъ хоромъ императорскихъ пѣвчихъ, прочелъ что-то и сдѣлалъ молодымъ нѣсколько вопросовъ, въ томъ числѣ: желаютъ ли они вступить другъ съ другомъ въ бракъ, и добровольно ли согласились на него? При послѣднемъ вопросѣ по всей церкви раздался громкій смѣхъ. На разспросы мои о причинѣ его, мнѣ сказали, что будто женихъ оба раза отвѣчалъ и за себя, и за невѣсту. Но такой смѣхъ слышали не одинъ разъ, и я никакъ не думалъ, что у Русскихъ такъ мало благоговѣнія при вѣнчаньи; какъ женихъ, такъ и присутствовавшіе въ церкви постоянно болтали и смѣялись. Священникъ былъ до того старъ и плохъ, что каждую минуту ошибался; притомъ говорилъ такъ неясно, что изъ словъ его ничего нельзя было разобрать, кромѣ Господи помилуй, которое при здѣшнемъ богослуженіи повторяется почти безпрестанно. Позади его стоялъ еще другой священнослужитель, помогавшій ему, когда онъ сбивался. Въ числѣ прочихъ вѣнчальныхъ це-

ремоній я замѣтилъ, что жениху и невѣстѣ надѣвали на голову большіе серебряные вѣнцы, въ которыхъ они стояли довольно долго. Но такъ какъ на головѣ невѣсты было столько брилліантовъ и жемчугу, что вѣнецъ не надѣвался, какъ слѣдуетъ, то одинъ изъ шаферовъ все время держалъ его надъ нею. Когда весь процессъ вѣнчанія, слишкомъ продолжительный, чтобъ описывать его здѣсь подробно, окончился, посаженные отцы посадили новобрачную опять въ карету и въ прежнемъ порядкѣ отвезли домой, куда послѣдовали за нею и всѣ прочіе. По пріѣздѣ въ домъ, императоръ, какъ маршалъ, разсадилъ гостей по мѣстамъ и оставилъ къ комнатѣ только тѣхъ, которые должны были сидѣть за столомъ, за исключеніемъ, впрочемъ, камеръ-юнкера императрицы Балка, одного изъ ея пажей, двухъ своихъ денщиковъ, шаферовъ и меня; всѣ прочіе принуждены были выйти вонъ во избѣжаніе тѣсноты. Выславъ уже большую часть лишнихъ и замѣтивъ, что подлѣ меня стоитъ одинъ изъ пажей его высочества, государь сказалъ мнѣ: Als man een von jü hier blift, so saud ett genog wesen, denn sonst blift da ken Platz (достаточно остаться здѣсь одному изъ васъ, потому что иначе остается мало мѣста), послѣ чего пажъ, разумѣется, тотчасъ же удалился. Въ комнатѣ оставался еще пажъ гр. Кинскаго (спрашивавшій своего господина, выйти ему, или нѣтъ, и получившій отъ него въ отвѣтъ, что можетъ оставаться, если ему никто ничего не скажетъ); но одинъ изъ шаферовъ, который говорилъ по-нѣмецки, взялъ его за руку и просилъ уйти, потому что иначе императору это могло не понравиться. Тогда тотъ также немедленно выщелъ вонъ. За столомъ всѣ опять сидѣли такъ, какъ обыкновенно принято на здѣшнихъ свадьбахъ, т.-е. дамы съ невѣстою, а мущины съ женихомъ, отцы, матери, сестры и братья на первыхъ мѣстахъ, а остальные по чинамъ... За обѣдомъ провозглашены были обыкновенные на здѣшнихъ свадьбахъ заздравные тосты, и во всемъ соблюдался большой порядокъ. Императоръ, въ качествѣ маршала, во все время самъ всѣмъ распоряжался и вообще такъ превосходно исправлялъ свою должность, какъ будто уже сто разъ занималъ ее, да и былъ при томъ въ отличномъ расположеніи духа. Когда императрица приказала своему камеръюнкеру отнести ему молодого жаренаго голубя, онъ отошелъ къ буфету и началъ кушать съ большимъ апетитомъ, стоя и

прямо изъ рукъ. Въ это время оберъ-кухмистеръ вошелъ съ кушаньемъ, именно съ другою, горячею перемѣною, потому что первая, по всегдашнему здѣшнему обыкновенію, состояла изъ однихъ холодныхъ блюдъ. Увидѣвъ, что онъ нести кушанья далъ гренадерамъ (какъ это принято на всѣхъ другихъ праздненствахъ), его величество проворно подбѣжалъ къ нему и, ударивъ его по спинѣ своимъ большимъ маршальскимъ жезломъ, сказалъ: «кто тебѣ велѣлъ заставлять гренадеръ нести кушанья»? Потомъ тотчасъ же приказалъ блюда (которыя тотъ было уже поставилъ) опять вынести и снова принять у дверей шаферамъ, т.-е. капитанамъ гвардіи, которые и должны были подносить ихъ къ столу и передавать кухмистеру. При тостахъ императоръ, какъ маршалъ, собственноручно подавалъ бокалы съ виномъ свадебнымъ чинамъ, его королевскому высочеству и нѣкоторымъ изъ иностранныхъ министровъ. Прочимъ подносили ихъ шаферы. Будучи, какъ сказано, въ прекрасномъ расположеніи духа, государь шутилъ съ однимъ изъ своихъ денщиковъ, именно съ молодымъ Бутурлинымъ, и давалъ ему свой большой маршальскій жезлъ поднимать за одинъ конецъ вытянутою рукою; но тотъ не могъ этого сдѣлать. Тогда его величество, зная, какъ сильна рука у императрицы, подалъ ей черезъ столъ свой жезлъ. Она привстала и съ необыкновенной ловкостью нѣсколько разъ подняла его надъ столомъ прямо рукою, что всѣхъ не мало удивило. Гр. Кинскому также захотѣлось попробовать свою силу, и императоръ далъ ему жезлъ; но и онъ не могъ его держать такъ прямо, какъ императрица. Послѣ обѣда начались танцы, сперва церемоніальные, точно такъ, какъ я уже говорилъ при описаніи прежнихъ свадебъ. По окончаніи ихъ, его высочество танцевалъ Польскій съ императрицею, потомъ Польскій же съ невѣстою. Затѣмъ, когда протанцевали еще нѣсколько Польскихъ, женихъ началъ съ невѣстою менуэтъ, послѣ котораго она опять танцевала его съ его высочествомъ, и такъ далѣе, потому что танцевали поперемѣнно то Польскій, то англезы, то менуэты. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока совершенно не стемнѣло и не зажгли фейерверкъ, устроенный передъ домомъ по приказанію императора. Онъ состоялъ изъ щита, на которомъ горѣли двѣ соединенныя буквы Р. и С., первая изъ бѣлаго, а вторая изъ голубого огня, съ надписью Vivat, также бѣлаго

огня, и изъ множества ракетъ и швермеровъ. Я старался разузнать, что означали Vivat и соединенныя P. и C., и мнѣ отвѣчали, что они значатъ да здравствуетъ принцесса (княжна) Катерина (имя новобрачной). Одинъ только т. с. Толстой положительно увѣрялъ, что это Vivat Petrus Caesar (да здравствуетъ Петръ императоръ); но онъ ошибался. Его величество императоръ, отъ начала до конца фейерверка, былъ внизу на площадкѣ и, по обыкновенію своему, самъ всѣмъ распоряжался. Невозможно себѣ представить, до какой степени онъ любилъ фейерверки и какъ охотно всегда готовъ всюду помогать своими руками. Сегодня я видѣлъ этому любопытный примѣръ, о которомъ считаю нелишнимъ разсказать здѣсь. Когда его величество, съ невѣстою и со всѣми прочими дамами, вошелъ въ залу, гдѣ должны были танцевать, онъ нашелъ, что тамъ жарко, и захотѣлъ открыть окно. Но это оказалось невозможнымъ, потому что всѣ окна были заколочены снаружи гвоздями. Тогда онъ поставилъ свой маршальскій жезлъ, велѣлъ подать себѣ большой топоръ и работалъ самъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, при помощи двухъ маленькихъ своихъ денщиковъ, таки добился, что могъ вынуть раму. Однако-жъ, такъ какъ окно было очень крѣпко задѣлано, то все это продолжалось болѣе получаса. Его величество выходилъ даже на дворъ, чтобы снаружи тщательно разсмотрѣть, какъ и чѣмъ оно заколочено, и потомъ дѣйствовать сообразно тому. Онъ сильно вспотѣлъ отъ этой работы, но все-таки остался не мало доволенъ, что справился съ нею. Между тѣмъ всѣ, даже сама императрица, должны были стоять и не танцевать, пока окно окончательно не выставили. Оно потомъ очень безпокоило многихъ дамъ, потому что въ него по временамъ врывался сильный вѣтеръ. — По окончаніи фейерверка начался прощальный танецъ невѣсты. Императоръ, какъ маршалъ, весело прыгалъ впереди съ своимъ большимъ жезломъ.

Ф. Берхгольцъ.

ШУТОВСКІЯ ПОХОРОНЫ КАРЛИКА.

1724 г. Февраля 1. Послѣ обѣда его высочество узналъ, что въ этотъ день назначены похороны маленькаго императорскаго карлика, недавно умершаго, и отправился со мною къ бар.

Штремфельду, чтобъ посмотрѣть на печальную процессію, которая должна была пройти мимо его дома. Она показалась тамъ въ 6 часовъ. Впереди всѣхъ шли попарно тридцать пѣвчихъ, все маленькіе мальчики. За ними слѣдовалъ, въ полномъ облаченіи, крошечный попъ, котораго изъ всѣхъ здѣшнихъ священниковъ нарочно выбрали для этой процессіи по причинѣ его малаго роста. Затѣмъ ѣхали маленькія, совершенно особаго устройства сани, на которыхъ помѣщалось тѣло. Ихъ везли 6 крошечныхъ лошадей, принадлежащихъ отчасти великому князю, отчасти маленькому кн. Меншикову. Они были покрыты до самой земли черными попонами и ведены маленькими дворянами, между которыми находилось нѣсколько придворныхъ пажей. На саняхъ стоялъ маленькій гробъ подъ бархатнымъ покровомъ. Тотчасъ позади ихъ шелъ маленькій карло, фаворитъ императора, въ качествѣ маршала, съ большимъ маршальскимъ жезломъ, который былъ обтянутъ чернымъ и отъ котораго до земли спускался бѣлый флеръ. На этомъ карлѣ, какъ и на всѣхъ прочихъ его товарищахъ, была длинная черная мантія; онъ шелъ во главѣ другихъ карликовъ, слѣдовавшихъ за нимъ попарно, именно меньшіе впереди, большіе позади, и въ числѣ ихъ было не мало безобразныхъ лицъ и толстыхъ головъ. Потомъ выступалъ такой же другой маленькій маршалъ во главѣ карлицъ. Изъ нихъ первая принадлежала принцессамъ, и ее, какъ первую траурную даму, по здѣшнему обычаю, вели двое изъ самыхъ рослыхъ карлъ. Лицо ея было совершенно завѣшено чернымъ флеромъ. За нею слѣдовала маленькая карлица герцогини Мекленбургской, какъ вторая траурная дама, и ее также вели подъ руки два карла. Позади ихъ шло еще нѣсколько паръ карлицъ. По обѣимъ сторонамъ процессіи двигались съ факелами огромные гвардейскіе солдаты, въ числѣ по крайней мѣрѣ 50-ти человѣкъ, а возлѣ обѣихъ траурныхъ дамъ шли четыре громадныхъ придворныхъ гайдука въ черныхъ костюмахъ и также съ факелами. Такую странную процессію не въ Россіи едва ли гдѣ-нибудь придется увидѣть. Отъ дома императора до проспекта карлы шли пѣшкомъ, но тамъ всѣ они должны были сѣсть въ большія сани, въ которыя запрягли шесть лошадей, и ѣхать за тѣломъ въ Ямскую (Слободу), т.-е. до самаго мѣста погребенія. Послѣ похоронъ всѣхъ карлъ и карлицъ угощали въ домѣ императора, а по этому слу-

чаю для нихъ сдѣланы были совершенно особаго рода и соразмѣрной величины столы и стулья. Императоръ вмѣстѣ съ кн. Меншиковымъ шелъ за процессіею пѣшкомъ (но не въ траурномъ одѣяніи) отъ самаго своего дома до проспекта. Когда карлъ сажали тамъ въ сани, онъ, говорятъ, многихъ изъ нихъ бросалъ туда собственными руками. Его величество присутствовалъ и при обѣдѣ карлъ. Умершій карло былъ тотъ самый, для котораго въ 1710 году устроена была большая и знаменитая свадьба сорока карлъ и карлицъ, собранныхъ, по приказанію императора, изо всего государства.

Ф. Верхгольцъ.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ.

(1724 г.). Кромѣ дѣтей покойнаго царевича Алексѣя, все семейство и всѣ родственники Петра Великаго послѣдовали за нимъ въ Москву, даже герцогиня Курляндская, нарочно вызванная изъ Митавы. Императоръ имѣлъ обыкновеніе посѣщать значительныхъ негоціантовъ и извѣстныхъ артистовъ и часто проводить съ ними часа по два; такъ и наканунѣ коронаціи онъ зашелъ съ нѣсколькими сопровождавшими его сенаторами къ одному англійскому купцу, гдѣ нашелъ многихъ знатныхъ духовныхъ особъ, между прочимъ духовника своего, архіепископа Новгородскаго и ученаго и краснорѣчиваго архіепископа Ѳеофана Псковскаго. Великій канцлеръ также пришелъ туда. Среди угощеній хозяина разговоръ оживился, и императоръ сказалъ обществу, что назначенная на слѣдующій день церемонія гораздо важнѣе, нежели думаютъ, что онъ коронуетъ Екатерину для того, чтобъ дать ей право на управленіе государствомъ, что спасши имперію, едва не сдѣлавшуюся добычею Турокъ на берегахъ Прута, она достойна царствовать въ ней послѣ его кончины; что она поддержитъ его учрежденія и сдѣлаетъ монархію счастливою. Ясно было, что онъ говорилъ все это для того, чтобъ видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ его слова. Но всѣ присутствовавшіе такъ держали себя, что онъ остался въ убѣжденіи, что никто не порицаетъ его намѣренія. Онъ назвалъ себя капитаномъ новой роты кавалергардовъ императрицы Екатерины, состоявшей изъ 60-ти человѣкъ, которые всѣ

были армейскими капитанами или поручиками, а генералъ-лейтенанту и генералъ-прокурору Ягужинскому (пожаловавъ ему передъ тѣмъ орденъ св. Андрея) поручилъ командованіе этой ротой въ качествѣ ея капитанъ-лейтенанта. Кавалергарды эти открывали и заключали шествіе, когда Екатерина, ведомая герцогомъ Голштинскимъ и предшествуемая своимъ супругомъ, по сторонамъ котораго находились фельдмаршалы, князья Меншиковъ и Репнинъ, явилась съ своею великолѣпною свитою въ церковь, гдѣ назначено было ея коронованіе. Слезы потекли у нея изъ глазъ, когда Петръ Великій возложилъ на нее корону; принимая правою рукою державу, она лѣвою сдѣлала движеніе, чтобъ обнять и поцѣловать его колѣна. Впродолженіе всей церемоніи онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, но такъ какъ потомъ онъ не слѣдовалъ за нею въ обѣ церкви, гдѣ она должна была, облеченная въ императорскую порфиру, прикладываться къ иконамъ, то велѣлъ скипетръ и державу нести передъ нею. Этикетъ этого дня обязывалъ ихъ сидѣть за торжественнымъ обѣдомъ однихъ, даже безъ своего семейства. Императоръ, сказавъ, что хочетъ взглянуть на толкотню народа, для котораго выставлены были вино и жаренные быки, начиненные разной птицей, подошелъ къ окну. Приближенные его, сидѣвшіе за другими столами, разставленными въ залѣ, спѣшили присоединиться къ нему, и онъ разговаривалъ съ ними впродолженіе получаса; когда же ему доложили, что подана новая перемѣна, онъ сказалъ имъ: «ступайте, садитесь и смѣйтесь надъ вашими государями». Только коварствомъ придворныхъ могло быть внушено государямъ суетнымъ и неразумнымъ, что величіе состоитъ въ лишеніи себя удовольствія общества и въ выставкѣ своихъ особъ, какъ маріонетокъ на потѣху другимъ.

На другой день Екатерина на тронѣ принимала поздравленія. Императоръ также поздравилъ ее вмѣстѣ съ другими, какъ адмиралъ и генералъ, и по его желанію она пожаловала графское достоинство тайному совѣтнику Толстому. Множествомъ значительныхъ повышеній ознаменовалось это высокое торжество, которое заключилось прекраснѣйшимъ фейерверкомъ, какого еще не видали въ Москвѣ, хотя при всякомъ празднествѣ императоръ устраивалъ великолѣпныя огненныя потѣхи и употреблялъ на это огромныя суммы. Изображеніе

ленты и девиза ордена св. Екатерины составляло одну изъ главныхъ частей въ этомъ фейерверкѣ.

Г. Бассевичъ.

СЛАВЛЕНІЕ ХРИСТА.

1722 г. Въ то время какъ я былъ у майора Эдера, императоръ подъѣхалъ съ большою свитою и вошелъ, прямо насупротивъ, къ одному аптекарю, по фамиліи Грегори, имѣвшему когда-то красавицу-сестру, которая умерла нареченною невѣстою князя Меншикова еще прежде, чѣмъ онъ женился на теперешней княгинѣ. На мой вопросъ, зачѣмъ императоръ пріѣхалъ къ этому человѣку? мнѣ отвѣчали, что онъ всегда въ это время, т.-е. съ Рождества до Крещенія, ѣздитъ по разнымъ домамъ и иногда въ одинъ день побываетъ въ четырехъ или пяти и болѣе, кушаетъ тамъ и пьетъ, что у Русскихъ называется славить. У простонародья обычай этотъ существуетъ изстари, но въ высшемъ кругу онъ введенъ только нынѣшнимъ императоромъ, который еще усилилъ его учрежденіемъ коллегіи кардиналовъ. Князь-папа дѣлается на это время однимъ изъ первыхъ лицъ; онъ является со всѣми своими кардиналами, въ полномъ костюмѣ, и получаетъ, какъ меня увѣряли, подарки отъ всѣхъ, къ кому пріѣзжаетъ, потому что, получивъ приказаніе отъ императора, всегда наканунѣ, черезъ одного изъ кардиналовъ, даетъ знать, у кого его величество будетъ славить. Государь присоединяется тогда къ обществу князя-папы и носитъ, подобно прочимъ кардиналамъ, небольшой воротникъ, который въ этотъ день, какъ мнѣ разсказывали за вѣрное, приказалъ занять у здѣшняго Голландскаго пастора. Иногда онъ является и въ полномъ кардинальскомъ костюмѣ, въ длинной мантіи, и общество увеличивается всѣми императорскими пѣвчими, съ которыми онъ почти вездѣ самъ поетъ славу Новому году. Я на сей разъ не видалъ императора; но мнѣ говорили, что онъ пріѣхалъ въ точно такихъ же саняхъ, какія я видѣлъ у другихъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, т.-е. довольно плохихъ и только немного побольше обыкновенныхъ. Съ обѣихъ сторонъ въ нихъ устроены были скамьи, такъ что сидѣть, какъ въ линейкахъ, могли многіе. Въ каждыя сани было запряжено отъ 6 до 8 и менѣе дрянныхъ извощичьихъ лошадей. Почти всѣ извозчики были такъ же навеселѣ, какъ

и господа, потому что побывали уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Обѣдало все общество у князя Меншикова. Такое славленіе бываетъ не только у вельможъ, но и у иностранныхъ купцовъ. — Одинъ Шведскій офицеръ разсказывалъ герцогу, что встрѣтилъ вчера на улицѣ сани, запряженныя шестью медвѣдями, которыхъ, вѣроятно, готовятъ къ предстоящему маскараду.

Ф. Берхгольцъ.

КАТАНЬЕ.

(1710 г.) 5 Февраля. Царь катался по Нѣмецкой Слободѣ. Онъ велѣлъ привязать другъ къ другу 50 слишкомъ саней и въ переднія запречь десять лошадей. Самъ онъ сѣлъ въ переднія; въ остальныхъ размѣстились важнѣйшіе русскіе сановники. Забавно было видѣть, какъ на поворотахъ, огибая угловые дома, сани раскатывались, опрокидывались и роняли сѣдоковъ. Едва успѣютъ подобрать упавшихъ, какъ у слѣдующаго поворота опять вывалятся человѣкъ 10—12, а то и больше. Царь любитъ устраивать подобнаго рода шутки, даже когда занятъ самыми важными дѣлами. Между тѣмъ, всѣ дѣла онъ вѣдаетъ одинъ, ибо, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, долженъ самъ всѣмъ распоряжаться и притомъ рѣшать текущіе вопросы. Что же касается его невѣжественныхъ, грубыхъ подданныхъ, то отъ нихъ царь имѣетъ мало помощи, за то лично одаренъ совершеннымъ и высокимъ умомъ и такими широкими познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ.

Юстъ Юль.

СОЖЖЕНІЕ ДВОРЦА.

1723 г. Сенаторъ князь Голицынъ *), замѣшанный въ дѣлѣ несчастнаго Шафирова, былъ присужденъ, какъ и многіе другіе, къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Но по прошествіи четырехъ дней наступила годовщина бракосочетанія императрицы, и такъ какъ она удостоила просить за него, то

*) Кн.Дмитрій Михайловичъ, который въ это время былъ президентомъ каммеръ-коллегіи.

императоръ возвратилъ ему свободу и чинъ,ославъ его выразить свою благодарность у ногъ Екатерины, когда она вышла въ залу собранія для принятія привѣтствій и поздравленій. Вечеромъ передъ ея окнами сожженъ былъ фейерверкъ, изобрѣтенный ея супругомъ. Онъ изображалъ соединенный именной шифръ ихъ въ сердцѣ, украшенномъ короною и окруженномъ эмблемами нѣжности. Фигура, изображавшая Купидона со всѣми его атрибутами, кромѣ повязки, пущенная рукою самого государя, казалось, летѣла на крыльяхъ и зажгла все своимъ факеломъ. Нѣсколько дней спустя, наканунѣ отъѣзда двора въ Петербургъ (25 февраля) императоръ устроилъ другого рода огненную потѣху, менѣе любезную, но весьма странную. Онъ собственноручно зажегъ свой старый деревянный дворецъ въ Преображенскомъ, построенный въ 1690 г. Такъ какъ его обложили фейерверочными матеріалами, то зданіе это долго горѣло разноцвѣтными огнями, которые обнаруживали его архитектуру и дѣлали прекраснѣйшій эффектъ; но когда матеріалы сгорѣли, глазамъ представилось одно безобразное пожарище, и монархъ сказалъ герцогу Голштинскому: «Вотъ образъ войны; блестящіе подвиги, за которыми слѣдуетъ разрушеніе. Да исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ домомъ, въ которомъ выработались мои первые замыслы противъ Швеціи, всякая мысль, могущая когда-нибудь снова вооружить мою руку противъ этого государства, и да будетъ оно наивѣрнѣйшимъ союзникомъ моей имперіи!».

Ф. Берхгольцъ.

ШУТКИ ПЕТРА.

1723 г. Апрѣля 30... Послѣ полуночи мы увидѣли позади императорскаго сада большое пламя и въ то же время услышали колокольный звонъ, бой барабановъ и усердную трескотню, производимую на улицахъ трещотками ночныхъ сторожей. Почти весь городъ пришелъ въ движеніе, и вдругъ оказалось, что огонь этотъ развели нарочно, чтобъ подшутить надъ многими тысячами жителей по случаю послѣдняго дня Апрѣля. Когда они сбѣжались на мнимый пожаръ, вокругъ огня уже разставлены были часовые, которымъ велѣно было говорить всѣмъ, что это *послѣднее Апрѣля*. Но такъ какъ никто не хотѣлъ показать дру-

гимъ, что попался на удочку, то толпы спѣшили за толпами, желая взглянуть на опустошительное дѣйствіе огня. Все это не мало потѣшало императора. Онъ, говорятъ, ежегодно объ эту пору придумываетъ что-нибудь подобное. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ одинъ силачъ, и ему велѣли публиковать, что такъ какъ ихъ величества со всѣмъ дворомъ намѣрены осчастливить его представленіе своимъ присутствіемъ, то онъ приложитъ все стараніе, чтобъ отличиться, и покажетъ такіе опыты, силы, какихъ въ Петербургѣ еще не видывали. При дворѣ всѣ показывали видъ, что императорская фамилія дѣйствительно поѣдетъ смотрѣть его, а потому пріѣздъ къ нему знати былъ необычайный, хотя онъ въ этотъ день удвоилъ цѣну, подъ предлогомъ, что иначе будетъ слишкомъ тѣсно; но каковъ же былъ ужасъ многочисленныхъ зрителей, когда кто-то вышелъ и объявилъ, что такъ какъ сегодня *первое Апрѣля*, то представленія, по особому повелѣнію его величества, не будетъ, и всѣ могутъ отправляться по домамъ.

Ф. Берхгольцъ.

ПЕТРЪ — ЛѢКАРЬ.

1723 г. Января 26... Императоръ обѣдалъ въ этотъ день у брата вдовствующей царицы, графа Салтыкова, и отъ него проѣхалъ въ Измайлово, гдѣ пировалъ со своею свитой. Послѣ онъ явился еще въ Слободу, чтобы продолжать пированье у аптекаря Грегори, у котораго, впрочемъ, остался не болѣе четверти часа, потому что прежде много пилъ, да и пріѣхалъ уже около 9-ти часовъ. Вечеромъ здѣшній купецъ Тамсенъ разсказывалъ намъ, что его величество былъ вчера у него и при этомъ случаѣ, по всѣмъ правиламъ и своими собственными инструментами, выдернулъ зубъ его долговязой Голландской дѣвкѣ, потому что считаетъ себя хорошимъ зубнымъ врачемъ и всегда охотно берется вырвать кому-нибудь зубъ. Онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ (услышавъ, что дѣвка жалуется на зубную боль) обѣщалъ ей пріѣхать сегодня и избавить ее отъ страданія...

Апрѣль 27... Проѣзжая мимо дома купца Борсте, онъ (герцогъ) увидѣлъ стоявшій тамъ передъ крыльцомъ кабріолетъ императора, и послѣ узналъ, что его величество уговорилъ, на-

конецъ, г-жу Борсте, одержимую водяною болѣзнію, позволить ему въ этотъ день выпустить изъ нея воду. Государь будто бы употребилъ для этого родъ насилія и немало гордился, что ему посчастливилось выпустить изъ больной болѣе 20-ти фунтовъ воды, тогда какъ при попыткѣ какого-то Англійскаго оператора показалась только кровь. Императрица, говорятъ, сказала въ шутку его величеству, что его за эту операцію слѣдовало бы сдѣлать докторомъ, на что онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, не докторомъ, а хирургомъ, пожалуй»...

Май 1... Въ этотъ же день, утромъ, послѣ тяжкой болѣзни, умерла купчиха Борсте, надъ которой императоръ за нѣсколько дней дѣлалъ операцію, желая вылечить ее отъ водяной. Ее не будутъ хоронить до его возвращенія, потому что онъ самъ хочетъ быть при вскрытіи трупа, чего доктора и хирурги ждутъ съ любопытствомъ, тѣмъ болѣе, что одни находили у нея водянку, другіе нѣтъ...

Ноябрь 4... Герцогиня Мекленбургская находится въ большомъ страхѣ, что императоръ скоро примется за ея больную ногу: извѣстно, что онъ считаетъ себя великимъ хирургомъ и охотно самъ берется за всякаго рода операціи надъ больными. Такъ въ прошломъ году, онъ собственноручно и вполнѣ удачно сдѣлалъ вышеупомянутому Тамсену большую операцію въ паху, при чемъ паціентъ былъ въ смертельномъ страхѣ, потому что операцію эту представляли ему весьма опасной.

Ф. В. Берхгольцъ.

ПРИДВОРНЫЙ ТЕАТРЪ ГЕРЦОГИНИ МЕКЛЕНБУРГСКОЙ.

(1722 г.) Ноября 15. Послѣ обѣда его высочество, въ полномъ парадѣ, отправился въ путь, и за нимъ послѣдовала большая часть кавалеровъ, исключая только тайнаго совѣтника Бассевича (который былъ нездоровъ) и нѣкоторыхъ немногихъ другихъ. Этотъ визитъ не мало обрадовалъ герцогиню, которая не знала, какъ принять ласковѣе его высочество. Между тѣмъ, прежде чѣмъ вести насъ въ залу, она много извинялась передъ нимъ относительно комедіи, называя ее дѣтскою игрушкою, недостойною его вниманія. Когда въ комнату, гдѣ мы находились, явилась вдовствующая царица, чтобы также отправиться въ залу спектакля, его высочество поцѣловалъ ей руку и потомъ скоро послѣдовалъ за

нею вмѣстѣ съ герцогинею и принцессою Прасковіею. Въ залѣ возлѣ царицы, съ правой стороны, сѣла принцесса Прасковія; рядомъ съ нею помѣстился его высочество, а рядомъ съ нимъ заняла мѣсто герцогиня Мекленбургская, такъ что ему пришлось сидѣть между двумя сестрами. Герцогиня, впрочемъ, почти все время была за кулисами, чтобъ дирижировать спектаклемъ, который безъ нея часто останавливался. По лѣвую сторону вдовствующей царицы сидѣли ея братъ, нѣсколько дамъ и нѣкоторые изъ нашихъ кавалеровъ; но бригадиръ Плате, я, подполковникъ Брюммеръ и гофъ-юнкеръ Тихъ во все представленіе стояли позади его высочества. Старая царица была такъ милостива, что сейчасъ же подозвала къ себѣ одного изъ своихъ кавалеровъ и приказала ему достать намъ стульевъ, что тотъ и сдѣлалъ; мы однако-жъ не воспользовались ими и продолжали стоять. У герцогини Мекленбургской, женщины чрезвычайно веселой, и въ этотъ разъ не обошлось безъ множества забавныхъ приключеній. Она сама разсказывала его высочеству, что актеръ, исполнявшій роль короля, вчера получилъ около 200 батоговъ за то, что съ однимъ изъ своихъ товарищей вздумалъ безбожно разносить по городу афишки ея комедіи и тѣмъ собирать, какъ бы милостыню, что ей было очень непріятно и принудило ее, вдобавокъ, этого товарища, по полученіи имъ ударовъ, совсѣмъ прогнать. Все это я слышалъ еще по-утру отъ капита Бергера, который, во что бы то ни стало, хотѣлъ мнѣ навязать 30 или не знаю сколько копѣекъ, выпрошенныхъ нищенствующими комедіантами въ прошедшее воскресенье у гр. Бонде, когда онъ садился въ карету. Но хотя капитанъ клялся мнѣ, что герцогиня наистрожайше приказала возвратить эти деньги и что онъ уже отдалъ обоимъ Остерманамъ то, что они дали мошенникамъ, я не согласился принять ихъ и просилъ его, подъ благовиднымъ предлогомъ, отнестись съ ними къ самому гр. Бонде. Между тѣмъ для меня было странно, что человѣкъ, наказанный вчера батогами, нынче опять играетъ съ княжнами и благородными дѣвицами: въ комедіи роль королевскаго генерала исполняла настоящая княжна, а роль супруги батогированнаго короля — родная дочь маршала вдовствующей царицы; но здѣсь это ни по чемъ и считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Комедія была далеко не такъ продолжительна, какъ въ первый разъ, потому что многое выпустили,

вѣроятно, чтобъ не наскучить его высочеству, да и вообще я нашелъ ее во многихъ отношеніяхъ улучшенною. Когда она кончилась, всѣ опять отправились въ комнаты герцогини Мекленбургской, гдѣ его высочество остался еще нѣсколько времени, шутилъ съ герцогинею и потомъ, прежде нежели собрался домой, выпилъ нѣсколько стакановъ вина. Во время представленія меня забавлялъ подполковникъ Брюммеръ, которому спектакль рѣшительно не нравился. Онъ не былъ еще такъ знакомъ съ здѣшнею жизнью, какъ мы. Въ особенности его сердило, что занавѣсъ безпрестанно опускался и оставлялъ всѣхъ зрителей въ темнотѣ, а потому онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ на ухо: «какая же это, чортъ, комедія!» (welch ein Hund von Comödie ist das»), и я съ большимъ трудомъ удерживался отъ смѣха. Какъ въ Воскресенье, во время самой комедіи, у меня украли изъ камзола табакерку, такъ въ этотъ разъ у г. фонъ-Альфельда и у капитана фонъ-Ильгена вытащили изъ кармановъ по шелковому носовому платку.

Ф. Берхгольцъ.

ТЕАТРЪ.

Въ то время въ Москвѣ былъ театръ, но варварскій, какой только можно себѣ вообразить, и посѣщаемый поэтому только простымъ народомъ и вообще людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на двѣнадцать дѣйствій, которыя еще подраздѣляли на столько же *явленій* (такъ на русскомъ языкѣ называются сцены), а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіе цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разыгрывали не болѣе третьей или четвертой ея части. Принцесса Наталія, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни, двѣ-три пьесы довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ они не были поставлены на сцену. Царь находилъ, что въ большомъ городѣ зрѣлища полезны, и потому старался пріохотить къ нимъ свой дворъ. Когда пріѣхала труппа нѣмецкихъ комедіантовъ, онъ велѣлъ выстроить для нея прекрасный и просторный театръ со всѣми удобствами для зри-

телей. Но она не стоила этихъ хлопотъ. Несмотря на пренебреженіе, оказываемое теперь великосвѣтскими людьми въ Германіи къ своему языку, языку очень богатому и звучному, по крайней мѣрѣ, въ такой же мѣрѣ какъ и англійскій, театръ въ этой странѣ въ послѣдніе годы идетъ быстрыми шагами къ совершенству; но въ то время онъ былъ не болѣе, какъ сборъ плоскихъ фарсовъ, тамъ кое-какія наивныя черты и острые сатирическіе намеки совершенно исчезали въ безднѣ грубыхъ выходокъ, чудовищныхъ трагедій, нелѣпаго смѣшенія романическихъ и изысканныхъ чувствъ, высказываемыхъ королями или рыцарями, и шутовскихъ продѣлокъ какого-нибудь Jean-Potage, ихъ наперсника. Императоръ, вкусъ котораго во всѣхъ искусствахъ, даже въ тѣхъ, къ которымъ у него вовсе не было расположенія, отличался вѣрностью и точностью, пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ пьесу, трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, и веселый фарсъ безъ шутовства. Разумѣется, они плохо выполнили эту задачу, но чтобъ ихъ поощрить, государь велѣлъ выдать имъ обѣщанную сумму.

Г. Бассевичъ.

КОМЕДІЯ ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ.

(1723 г.) Января 4. Когда мы пріѣхали въ домъ, гдѣ начался спектакль, насъ провели въ какую-то конуру, не просторнѣе и не лучше балагана маріонетокъ въ Германіи; тамъ было только нѣсколько дамъ-иностранокъ и весьма немного порядочныхъ кавалеровъ. Комедію представляли молодые люди, которые учатся въ гошпиталѣ хирургіи и анатоміи у доктора Бидлоо и которые, конечно, никогда не видали настоящей комедіи. Они разыгрывали въ лицахъ «Исторію царя Александра и царя Дарія», раздѣленную ими на 18 дѣйствій, изъ которыхъ 9 давались въ первый день, а 9 на слѣдующій. Послѣ каждаго дѣйствія слѣдовала веселая интермедія. Но всѣ эти интермедіи были изъ рукъ вонъ плохи и всегда оканчивались потасовкою. Комедія, сама по себѣ хоть и серьезная, разыгрывалась также, какъ нельзя хуже; однимъ словомъ, все было дурно. Его высочество далъ молодымъ людямъ 20 рублей, а императоръ, какъ говорили, пожаловалъ имъ намедни 30...

Августа 21. Такъ какъ въ этотъ день было объявлено, что будетъ представленіе комедіи, и мы часовъ въ 5 узнали, что принцессы уже поѣхали смотрѣть ее, то его высочество не медлилъ и отправился со всѣми нами въ баркѣ до дома Брюса, а оттуда въ каретахъ до мѣста спектакля, на который, кромѣ императорскихъ принцессъ, собралось лишь очень небольшое общество. Хотя до пріѣзда нашего, одно дѣйствіе пьесы подъ названіемъ «Возможность сдѣланная невозможною» (die unmöglich gemachte Möglichkeit) было уже сыграно, однако-жъ намъ все-таки досталось увидѣть ее всю сполна, потому что императоръ прислалъ сказать, что онъ пріѣдетъ и чтобъ его подождали. Его величество пріѣхалъ только въ семь часовъ; но герцогъ тѣмъ не менѣе провелъ время съ прекрасными принцессами очень пріятно, усердно разговаривая съ ними и сидя, по приглашенію, подлѣ нихъ съ правой стороны. Рядомъ съ ними съ лѣвой стороны сидѣлъ маленькій великій князь со своею сестрою. Тутъ же были Гессенъ-Гомбургскіе принцы, но ни слова не сказали съ принцессами и потому скучали. Тотчасъ по пріѣздѣ императора началось представленіе, и его величество, сидя между обѣими принцессами, имѣлъ терпѣніе смотрѣть на него почти полтора часа. Между тѣмъ, такъ какъ комедія тянулась очень долго, то, еще до окончанія ея, явился одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ гвардіи, котораго императрица прислала, чтобъ проводить принцессъ домой. Поэтому онѣ, по окончаніи собственно комедіи, тотчасъ же уѣхали, не дожидаясь слѣдующей пьесы. Его высочество проводилъ ихъ сперва до кареты, а потомъ до самаго дома. Комедія была очень дурно снабжена актерами. Впрочемъ, къ лучшимъ здѣсь и не привыкли. Представленія больше всего посѣщаются дворомъ, и безъ него актеры умерли бы съ голоду, потому что изъ Русскихъ никто не ходитъ смотрѣть ихъ, а изъ иностранцевъ также бываютъ у нихъ немногіе. Можетъ быть, когда будетъ готовъ новый театръ (Comödienhaus), строющійся, по приказанію императора, (въ нашемъ сосѣдствѣ), иностранцы станутъ и чаще бывать на представленіяхъ, тѣмъ болѣе, что теперешній слишкомъ отдаленъ, а между тѣмъ за самое послѣднее мѣсто надобно все-таки платить 40 копѣекъ. Труппа здѣшнихъ актеровъ состоитъ изъ 10 или 11 человѣкъ и еще очень плохо снабжена костюмами.

Ф. Берхгольцъ.

Новая столица и провинція.

ПЕТЕРБУРГЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ ВЪ 1710 Г.

Что касается почвы новаго города и его окрестностей, то она вообще очень холодная, какъ отъ множества воды, болотъ и пустырей, такъ и отъ самой сѣверной широты, на которой онъ лежитъ. На Ингерманландской сторонѣ земля, однако же, нѣсколько плодороднѣе, чѣмъ на Финляндской.

До основанія С.-Петербурга, на мѣстѣ имъ занимаемомъ, жилъ шведскій помѣщикъ, съ немногими финскими крестьянами и рыбаками, которые довольно, по своему, порядочно обработывали эту землю, такъ что еще и теперь, на пустыряхъ въ городѣ и вокругъ его, остались слѣды бороздъ, поднятыхъ ихъ сохами.

Впрочемъ за городомъ не растетъ почти ничего, кромѣ моркови, да и той немного, бѣлой капусты и травы для скота.

Домашнюю скотину, какъ-то рогатый скотъ, овецъ, свиней и проч., прежде можно было покупать за бездѣлицу, но теперь, когда, при большомъ стеченіи народа въ С.-Петербургъ, потребленіе чрезвычайно увеличилось, бѣднымъ людямъ очень трудно пропитываться, такъ что они употребляютъ въ пищу больше коренья и капусту, хлѣба же почти въ глаза не видятъ. Поэтому легко себѣ представить, сколь тяжело ихъ существованіе, и если бы не подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Ладоги, Новгорода, Пскова и другихъ мѣстъ, то всѣ скоро перемерли бы съ голода. А между тѣмъ, какъ почти всѣ жизненные припасы доставляются сюда издалека, въ зимнее время

иногда за двѣсти и триста миль, на тысячахъ подводахъ, то и цѣны на все нынѣ очень высоки.

Въ здѣшнихъ садахъ, несмотря на стараніе, прилагаемое въ особенности Голландцами, тоже немного чего разводится, частію по причинѣ холоднаго грунта, частію же потому, что зима продолжительнѣе лѣта. Что природа въ силахъ произвести, то должно поспѣть въ два мѣсяца: іюнь и іюль, да развѣ еще въ августѣ, а что въ это время не созрѣетъ, то должно считать погибшимъ. Фруктовъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ и хотя осенью приходятъ изъ Новгорода цѣлыя барки съ яблоками, но съ очень незавидными; о сливахъ же и грушахъ, и даже о вишняхъ, и слухомъ не слыхать. Но зато дичь водится въ большомъ количествѣ, кромѣ зайцевъ, которыхъ, по неимѣнію обширныхъ пахатныхъ полей, мало, и то все только бѣлые. Дикихъ свиней и козъ, равно и оленей совсѣмъ не видать, но въ медвѣдяхъ, волкахъ, лисицахъ, рысяхъ и тому подобномъ недостатка нѣтъ. Тетеревей, куропатокъ, куликовъ, бекасовъ и т. п. такъ много, что крестьяне, ловящіе этихъ птицъ большею частію силками, предлагаютъ ихъ часто почти за ничто. Между тетеревами и куропатками есть нѣкоторые ростомъ съ курицу; послѣднія большею частію совершенно бѣлыя и очень вкусныя, отыскиваютъ себѣ кормъ на землѣ и въ снѣгу, для чего, въ защиту отъ холода, природа обула ихъ въ родъ шершавыхъ сапожковъ, и мнѣ ни въ Германіи, ни въ Голландіи, ни въ Брабантѣ нигдѣ не случалось видѣть птицъ такой породы.

Рѣки здѣсь обилуютъ всякою рыбою; при всемъ томъ, какъ у русскихъ нѣтъ никакихъ порядочныхъ снастей для рыболовства, а, при множествѣ установленныхъ постовъ, они тотчасъ съ жадностью скупаютъ весь уловъ, то рыба вообще довольно дорога. Зато вонючей соленой рыбы бездна; ее привозятъ цѣлыми бочками и барками изъ Ладоги и другихъ мѣстъ и хотя отъ нея уже издалека доносится такой запахъ, что надо затыкать носъ, однако русскіе, въ особенности же простолюдины, ѣдятъ ее съ невѣроятною алчностью и такъ же охотно, какъ свѣжую.

Дрова еще можно доставать съ нуждою, хотя постепенно все тоньше и мельче, но и тѣ сплавляются водою изъ дальнихъ мѣстъ, потому что Царемъ запрещено подъ тѣлеснымъ наказаніемъ и лишеніемъ живота, рубить въ С.-Петербургѣ, особенно

же на островѣ Ретусари, хоть бы одинъ сучекъ, уже не говоря о цѣлыхъ деревьяхъ. По островамъ и вообще въ тамошнихъ лѣсахъ растутъ многоразличные хорошіе злаки; въ гербаріумѣ покойнаго флотскаго пастора Вильгельма Толле я нашелъ ихъ свыше 300 видовъ, собранныхъ имъ въ этихъ мѣстахъ. Обыкновенный лѣсъ здѣсь ель, сосна, пихта, береза и орѣшникъ; снимаемые съ послѣдняго орѣхи крестьяне приносятъ на рынокъ цѣлыми кулями. Дубъ и букъ попадались мнѣ очень рѣдко, или, лучше сказать, не встрѣчались никогда, кромѣ тѣхъ двухъ дубовъ, которые, какъ я выше упомянулъ, растутъ у взморья на Ретусари. Оттого и суда здѣсь строятся всѣ изъ еловаго и сосноваго лѣса, очень недолго держащагося въ водѣ.

Климатъ въ этомъ краѣ и зимою и лѣтомъ очень суровъ и холоденъ; вслѣдствіе частыхъ вѣтровъ, тумановъ и дождей или снѣга, а также болотистой мѣстности, онъ притомъ и очень нездоровъ. Обыкновенно болѣе полугода продолжается лютая зима (нѣмецкая зима показалась бы здѣсь лѣтомъ), а все прочее время, за исключеніемъ іюня и іюля, стоитъ апрѣльская или осенняя погода. Оттого жителямъ необходимо запасаться шубами, теплымъ платьемъ и такою же обувью.

Когда одинъ только день идетъ дождикъ, то уже нигдѣ нѣтъ прохода и на всякомъ шагу вязнешь въ грязи. Въ прошломъ 1710 году, по распоряженію Его Царскаго Величества, начали мостить камнемъ улицу на Финляндской сторонѣ, подъ руководствомъ нѣмецкихъ мостовщиковъ; но чтобы вездѣ настлать такую мостовую, потребуется не мало времени, да и много камня, котораго здѣсь не въ изобиліи...

Что касается мѣстныхъ жителей, то они, большею частію, здоровый и отъ природы дюжій народъ, говорящій особымъ, финскимъ языкомъ, очень труднымъ и едва ли имѣющимъ сродство съ какимъ-нибудь другимъ. Къ тому же они говорятъ такъ скоро, что чужому невозможно ихъ понять.

Одѣваются они почти, какъ Лифляндцы, и носятъ такую же лыковую обувь, плоскія шапки и за поясомъ небольшой топоръ, но переселившіеся въ города ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

Живущіе въ Финляндіи почти всѣ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и въ богослуженіи, церковномъ пѣніи и молитвахъ слѣдуютъ шведскому обычаю; однако мнѣ часто ка-

залось, что между ними таится еще много привязанности къ прежнимъ суевѣрнымъ языческимъ обычаямъ и колдовству.

Жители Ингерманландіи частію исповѣдуютъ еще евангелическую вѣру, частію уже русскую.

Хозяйство у нихъ всѣхъ очень скудное и дурное, такъ что оно не можетъ быть сравниваемо съ бытомъ даже бѣднѣйшаго нѣмецкаго крестьянина. Избы въ деревняхъ срублены всѣ на русскій ладъ, изъ брусьевъ, крестообразно одинъ на другой положенныхъ, и состоятъ большею частію изъ одной комнатки, въ которой и печь для варева.

Вмѣсто оконъ — маленькое четыреугольное отверстіе съ задвижною дощечкою. У тѣхъ, которые позажиточнѣе, встрѣчается, впрочемъ, иногда и крошечное окошечко, ладони въ двѣ изъ слюды (замѣняющей нерѣдко стекло и у самихъ бояръ и другихъ знатныхъ господъ), или бумажное, или же изъ пропитанной масломъ холстины. Постели въ деревняхъ совсѣмъ не извѣстны и жители покрываются, вмѣсто одѣялъ, какою-нибудь старою рухлядью или лохмотьями; большею же частію, точно такъ же, какъ и русское простонародье, жарко натопивъ комнату, ложатся, совсѣмъ нагими, на печь, похожую на хлѣбенную, или на доски (скамьи), придѣланныя къ стѣнамъ, или же прикрѣпленныя къ потолку (полати), нисколько не обращая вниманія на то, что такимъ образомъ лежатъ вмѣстѣ вповалку мужъ и жена, работникъ и дѣвка, дѣти, собаки, кошки, свиньи, куры и пр. Можно однако себѣ представить, какое ощущеніе эта гадость и вонь должна производить въ непривыкшемъ къ ней путешественникѣ, тѣмъ болѣе, что изба обыкновенно наполнена чадомъ, за которымъ, если стать прямо, не видно верхней части тѣла. Ночью для проѣзжаго присоединяется еще другая мука отъ множества гадинъ, особенно клоповъ, сидящихъ въ невѣроятномъ множествѣ между брусьями и въ щеляхъ деревянныхъ стѣнъ и мѣшающихъ часто закрыть глаза хоть бы на минуту. Комаровъ въ этихъ мѣстахъ тоже несчетное число и мнѣ не разъ случалось, переѣзжая черезъ Неву, зачерпывать полную шляпу ихъ труповъ, плывшихъ изъ Ладожскаго озера.

Вмѣсто свѣчей жители употребляютъ тонко-наколотыя еловыя лучины, которыя втыкаютъ, одну за другою, въ желѣзный свѣтецъ, подставляя подъ него ведро съ водою; иногда же они суютъ такія горящія лучины прямо въ деревянную стѣну,

нисколько не заботясь о томъ, что отъ этого можетъ сгорѣть вся изба.

Ихъ дѣтскія зыбки тоже мудреныя. Къ гибкому шесту, укрѣпленному, какъ у токарей, въ потолокъ, привязываютъ тесьмою или веревкою продолговатую корзину, въ которую кладутъ младенца, обложивъ его старымъ лохмотьемъ, какими-нибудь общипанными перьями, или соломою; потомъ корзинку то тянутъ внизъ, то отпускаютъ вверхъ, приводя ее такимъ образомъ въ качательное движеніе; когда же мать хочетъ дать ребенку груди, то она, не вынимая его, наклоняется для этого надъ корзиною.

При постройкѣ своихъ избъ они довольствуются небольшимъ топоромъ съ прибавкою развѣ еще угломѣра, а вмѣсто скобеля употребляютъ кривой крюкъ, какимъ въ Германіи мясники очищаютъ и соскребаютъ чурбанъ, на которомъ рубится мясо или готовятся колбасы. Этихъ орудій имъ, какъ и русскимъ, стаетъ на все, и избы ихъ поспѣваютъ въ самое короткое время. Двери въ послѣднихъ обыкновенно такъ невысоки, что входящему надо очень низко наклоняться, и когда ихъ отворяютъ, изъ избы валитъ такой дымъ и чадъ, что можно упасть въ обморокъ, или задохнуться; но жителямъ ни до этого, ни вообще до какой-нибудь чистоплотности, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Изъ всего сказаннаго легко себѣ представить, какой жалости достойны эти бѣдняки, когда Промыслъ насылаетъ на нихъ голодъ, войну и повальныя болѣзни, особливо же чуму.

Въ проѣздъ мой этими краями къ С.-Петербургу, я находилъ еще кое-кого по деревнямъ; но на возвратномъ пути, на какихъ-нибудь 30, 40, 60 и болѣе миль, уже не было ни одной живой души; все погибло и перемерло, и если бы Царь, овладѣвъ Лифляндіей, не устроилъ по дорогѣ изъ Нарвы черезъ Дерптъ (теперь этотъ городъ — одна груда камней) до Риги, т.-е. на разстояніи почти 100 миль, для собственнаго своего удобства и для порядочныхъ путешественниковъ, нѣсколькихъ почтовыхъ домовъ, черезъ каждыя 3 или 6 миль, то проѣзжему въ суровое зимнее время пришлось бы погибнуть отъ стужи и голода.

Война и моровая язва въ конецъ разорили плодоносную и богатую Лифляндію и Курляндію. Въ деревняхъ почти не видать жителей, хлѣбъ стоитъ на поляхъ несжатый, скотъ разбрелся и съѣденъ волками, дома въ совершенномъ запустѣніи; помѣ-

щичьи имѣнія и большія общины, въ которыхъ было по нѣсколько тысячъ крестьянъ, такъ вымерли, что мѣстами осталось не болѣе трехъ, четырехъ или шести душъ...

Упомяну также, что чума хотя доходила до Нарвы и, какъ говорятъ, до Копорья, однако въ С.-Петербургъ не проникла; но такъ какъ и здѣсь недостатокъ продовольствія имѣлъ слѣдствіемъ большую смертность, то вывели заключеніе, будто бы въ этомъ городѣ тоже чума, вслѣдствіе чего были приняты разныя мѣры предосторожности.

Съ умирающими изъ бѣдныхъ классовъ здѣсь не много, впрочемъ, церемонятся: трупъ, завернувъ въ рогожу, привяжутъ веревками къ шесту и такимъ образомъ несутъ его два человѣка, а много что везутъ на дровняхъ (какъ мнѣ самому случалось видѣть) совсѣмъ нагой на кладбище, гдѣ зарываютъ его въ землю безъ всякаго дальнѣйшаго обряда.

Неизвѣстный авторъ „Описанія С.-Петербурга въ 1710 и 1711 г.г."

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1720 ГОДУ.

Около Петербурга царь укрѣпилъ берега рѣки, устроилъ плотины и шлюзы, прорылъ каналы, для того, чтобы лишняя вода, нагоняемая бурею съ моря, нашла, куда расходиться: — еслибы этого не было, волны залили бы строенія. Шлюзы сверху покрыты досками, такъ что по нимъ можно ѣздить на лошади. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе широкимъ русломъ течетъ Нева и раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые расходятся въ разныя стороны. По берегамъ этихъ рукавовъ вколачиваютъ теперь сваи, въ иныхъ мѣстахъ берега ровняютъ; чтобы могли подходить суда, расширяютъ, поднимаютъ и углубляютъ дно, гдѣ понадобится.

Городъ этотъ раскинутъ на громадное пространство, гдѣ всякій сенаторъ, министръ и бояринъ долженъ имѣть дворецъ; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливъ былъ тотъ, кому отведено сухое мѣсто; но, кому попалось болото и топь, тотъ порядкомъ нагрѣлъ себѣ лобъ, пока установилъ фундаментъ, вырылъ лѣсъ, такъ какъ чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ почва низменнѣе и болѣе болотиста. Еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около нихъ проѣзжаетъ экипажъ, а это — вслѣдствіе непрочнаго фунда-

мента. Эта часть уже имѣетъ видъ города: есть тамъ дома, шлюзы и громадныя строенія съ флигелями и всѣми удобствами. Далѣе по направленію къ Кронштадту не мало еще мѣста, гдѣ уже начинаютъ строить, и гдѣ уже поселилось нѣсколько тысячъ мѣщанъ у самаго моря.

Есть здѣсь церкви, коллегіи, дворцы и такъ называемыя лавки, гдѣ можно все получить — это четыреугольное строеніе, въ которомъ, какъ по одну, такъ и по другую сторону, живутъ купцы. Дворцы — громадные каменные, съ флигелями, кухнями и удобствами; только они наскоро построены зимою, такъ какъ здѣсь лѣто непродолжительно. Еще половина этого города не выстроена.

На этой сторонѣ Невы по берегамъ рѣки расположены дома, тянущіеся до царскихъ дворцовъ, которыхъ три: два лѣтнихъ и одинъ зимній. Сады красивы. Я слыхалъ отъ самого царя, который сказалъ: «Если проживу еще три года, буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля». И въ самомъ дѣлѣ, сюда привезена моремъ изъ Венеціи, Италіи, Англіи и Голландіи масса мраморныхъ статуй, колоннъ; даже цѣлая бесѣдка, изъ алебастра и мрамора, привезена изъ Венеціи для сада, расположеннаго у самой рѣки, между каналами. Здѣсь множество замѣчательныхъ вещей, бесѣдокъ, галлерей, насосовъ и удивительно красивыхъ деревьевъ. Со стороны рѣки около сада подведена каменная стѣна; къ рѣкѣ вдутъ галлереи, гдѣ можно сѣсть на ботикъ, галеру, яхту или буеръ, чтобы ѣхать на море или гулять по каналамъ и большой широкой рѣкѣ. На рѣкѣ находится островъ, на которомъ строятъ дома, куда переведутъ Анатомію (Кунсткамеру).

На другомъ островѣ находится пороховой заводъ; на третьемъ, который называется «Васильевскій островъ», расположены дворцы, лѣтній и зимній князя Меншикова, а также и другіе дома до самаго моря. Есть также мѣста, гдѣ строятъ корабли,— преимущественно въ адмиралтействѣ; тутъ находятся башни съ пушками, равно, какъ и дома, въ которыхъ живутъ англичане и голландцы, строящіе корабли. Далѣе мѣсто, гдѣ стоятъ галеры. Я слыхалъ отъ царя: «у меня много кораблей, но я уменьшу число судовъ, и останется ихъ 30, на каждомъ по 100 пушекъ, да 200 галеръ, на каждой по 40 пушекъ». И въ самомъ дѣлѣ этого у него уже слишкомъ много. Имѣются здѣсь большія

четыреугольныя суда, на которыхъ перевозятъ корабли въ море, такъ какъ по этой рѣкѣ, а даже и по здѣшнему морю, не вездѣ могутъ ходить корабли, потому что во время бурь море засыпаетъ рѣки пескомъ. Съ этою цѣлью миль на 7 отсюда построена крѣпость, гдѣ останавливаются военные корабли. Галеры мнѣ нравятся, такъ какъ на нихъ можно ѣздить по водамъ, и безопасно, какъ у берега, такъ и по самому глубокому морю; притомъ ими можно управлять, какъ угодно, и въ какую угодно сторону, а также стрѣлять въ непріятеля, вращаясь на мѣстѣ.

На другомъ берегу рѣки, противъ царскихъ дворцовъ, строятъ большой укрѣпленный замокъ. Посединѣ его находится церковь съ башнею, на которой помѣщены часы, играющіе французскіе куранты; здѣсь вообще во дворцахъ и коллегіяхъ много такихъ часовъ, которые разыгрываютъ псалмы. Въ упомянутомъ замкѣ множество пушекъ, и со стороны моря постоянно развѣвается красно-бѣлый флагъ. Здѣсь есть такой обычай: когда адмиральскій фрегатъ выйдетъ на воду подъ особеннымъ флагомъ, то должны выходить всѣ фрегаты — подъ страхомъ штрафа. Адмиральскій фрегатъ идетъ впереди, а всѣ прочіе идутъ за нимъ, не опережая его. На фрегатахъ обыкновенно находятся сенаторы, министры и другіе баре, которые веселятся при звукахъ музыки. Минуя одинъ другого, пьютъ здоровье, стрѣляютъ изъ пушекъ и обязаны быть на водѣ до тѣхъ поръ, пока адмиралъ не причалитъ къ берегу. Въ этомъ мѣстѣ живетъ много ремесленниковъ — французовъ, англичанъ, голландцевъ и мануфактуристовъ другихъ національностей, которыхъ царь выписалъ для того, чтобы они учили русскихъ людей; для работъ у нихъ свой домъ.

Также много зданій для корабельнаго провіанту, соленой рыбы, ветчины, муки; есть зданія съ конюшнями, гдѣ останавливаются конные полки, а также для пѣхоты, со всѣми удобствами. Есть зданія, гдѣ останавливаются гости, а для ихъ удобства и трактиры. По берегамъ, куда привозятъ хлѣбъ или провіантъ, устроены амбары; сюда немедля переносятъ привезенное съ кораблей. Выстроены также каменныя солодовни для пива— для кораблей; пока пиво свѣжее, его не пьютъ—такъ оно горько; а горько потому, чтобы могло дольше стоять, не скиснувъ.

Неподалеку отъ царскихъ дворцовъ находятся зданія, выстроенныя въ квадратъ для ремесленниковъ, которые строятъ

фрегаты и яхты. Внутри сдѣланъ каналъ, куда на зиму приводятъ суда, чтобы ихъ не испортилъ ледоходъ. Въ другихъ зданіяхъ выдѣлываютъ пушки, колокола, чугунныя и желѣзныя мортиры; въ третьихъ — колесники дѣлаютъ лафеты и колеса для пушекъ.

На другой сторонѣ рѣки, за дворцомъ князя Меншикова, находится Французская улица, гдѣ живутъ одни ремесленники, какъ то: скульпторы, плотники, рабочіе, дѣлающіе фонтаны, а также и тѣ, которые выдѣлываютъ разныя вещи изъ олова и другихъ металловъ; но все это — для Царя. Въ лавкахъ есть такса, по которой продаютъ всѣ предметы. Есть здѣсь также мѣха и товары изъ мѣди и желѣза; здѣсь много полотна, но оно узко, а между тѣмъ его здѣсь нужно много, такъ какъ стѣны и потолки обиваютъ полотномъ, мѣстами даже восченымъ; обиваютъ также полотномъ балконы и башни въ италіанскихъ садахъ, и даже заборы вокругъ садовъ. Ткани, даже весьма красивыя, привозятъ изъ Москвы.

На берегу Невки есть длинный, двухъ-этажный каменный домъ, въ которомъ шесть комнатъ внизу и столько же наверху. Съ одного берега до самаго дома проложенъ мостъ, на которомъ находится избушка и балконъ столярной работы. Въ каждой нижней комнатѣ этого дома есть 5 станковъ для выдѣлыванія полотна; въ угловыхъ же комнатахъ работаютъ столяры и токари, которые приготовляютъ станки, мычки, веретена, прялки, мотальницы, утки, челноки и другіе снаряды. Въ комнатахъ верхняго этажа много женщинъ, подъ присмотромъ англичанки, которая наблюдаетъ за ихъ работами. Въ однѣхъ комнатахъ прядутъ, въ другихъ разматываютъ; здѣсь множество людей, есть и смотритель, который всѣмъ управляетъ.

На противоположной сторонѣ, на той же рѣкѣ, есть другое зданіе, гдѣ выдѣлываютъ крахмалъ; есть здѣсь мочильные чаны, а также нѣсколько втулокъ, по вынутіи которыхъ вытекаетъ вода; вода, и при томъ весьма хорошая, проведена трубами и посредствомъ трубъ же отводится. На другой сторонѣ рѣки находится большая и широкая бѣлильня; здѣсь вырыты каналы, въ которыхъ мочатъ и поливаютъ полотно.

Есть здѣсь также два стрѣльбища, одно за Невою, за каменными солодовнями, другое за дворомъ г. Головкина; тамъ учатъ стрѣлять изъ пушекъ, которыхъ въ каждомъ по десяти.

Рѣка Нева укрѣплена плотинами, особенно одинъ берегъ, на разстояніи 12 миль до Шлиссельбурга, такъ что суда вездѣ могутъ причаливать къ берегу и сейчасъ выгружать то, что желаютъ. Деревьевъ сплавляютъ этою рѣкою громадное количество, какъ въ городъ, такъ и на море, къ различнымъ крѣпостямъ. Около города нельзя и розги срѣзать, хотя тамъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль растетъ множество березы, пихты и сосенъ, но это мелкое дерево. Дубъ, необходимый для постройки кораблей, яхтъ, фрегатовъ, галеръ, буеровъ, шлюпокъ и гондолъ, привозятъ рѣкою частію изъ Москвы. Все это царь имѣетъ, такъ что можетъ обойтись безъ вывоза изъ чужихъ странъ, и если еще найдетъ минералы, для чего уже выписалъ въ нынѣшнемъ году изъ Саксоніи рудокоповъ, то справедливо его можно будетъ назвать: «Владыка земли и моря».

За городомъ, по направленію къ монастырю, стоитъ надъ Невою дворецъ, въ которомъ его величество царь показывалъ намъ Кунсткамеру, которую купилъ гдѣ-то за Голландіею, у какого-то славнаго заморскаго доктора. Докторъ собиралъ эти рѣдкости въ продолженіе 50-ти лѣтъ, а когда у него царь купилъ это собраніе за 12000 червонцевъ, то ему уже было 72 года. Такъ какъ у него былъ одинъ сынъ, пьяница, который не умѣлъ цѣнить этихъ рѣдкостей, то онъ предпочелъ продать тому, который этимъ воспользуется и сумѣетъ сохранить. Дворецъ этотъ, изъ котораго далеко видно, расположенъ на красивой равнинѣ. Черезъ сѣни съ балкономъ входишь въ комнату, въ которой множество склянокъ, разставленныхъ по шкафамъ. Въ этихъ склянкахъ сохраняются головки маленькихъ дѣтей, отъ одного до двухъ лѣтъ, и такъ хорошо сохраняются, что кажутся живыми. Иная смотритъ живыми глазами, какъ будто ничто не разрушило ихъ зрѣнія, хотя она стоитъ уже нѣсколько лѣтъ. Съ иныхъ чуть не брызжетъ живая кровь; гдѣ отрѣзана голова, тамъ кажется — будто кожа съ тѣломъ вчера отрѣзана. Въ другихъ склянкахъ сохраняются руки и ноги, на которыхъ видны жилы черезъ кожу, какъ будто живую. Въ слѣдующей комнатѣ склянки съ образцами развитія человѣческаго плода, отъ перваго зародыша до полной зрѣлости плода. Есть здѣсь различныя чудовища, какъ человѣческія, такъ и животныя, и другія рѣдкости; также чучела раз-

ныхъ животныхъ — слоновъ, ящерицъ, рыбъ, и высушенныя рыбы съ удивительными ртами. Не мало здѣсь морского тростника, также громадное количество слоновой кости, которую привезли изъ греческаго государства, гдѣ нѣкогда воевалъ Александръ Великій, который, щадя людей, подвергалъ опасности слоновъ, которыхъ тамъ не мало погибло.

Въ трехъ другихъ комнатахъ устроена весьма красивая библіотека; въ ней находятся старыя книги, имѣющія полторы тысячи лѣтъ, какъ высчитали отцы іезуиты; болѣе всего греческихъ. Есть также много книгъ, написанныхъ на славянскомъ языкѣ; другія сочиненія относятся къ военному искусству и содержатъ описаніе новыхъ изобрѣтеній, — какъ осаждать города, замки и крѣпости; много такихъ сочиненій царь приказалъ напечатать для молодыхъ людей. Кромѣ того здѣсь находятся нѣмецкія библіи и много книгъ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ на нѣсколько тысячъ...

Есть также большіе дворцы, называемые коллегіями: въ одномъ принимаютъ заграничныхъ пословъ, — другой — это сенатъ, третій — для совѣщаній по иностраннымъ дѣламъ, четвертый — Collegium justitiae, пятый — военная судебная коллегія; также коллегія сельская. При каждой коллегіи находятся еще отдѣльныя канцеляріи.

За царскими дворцами есть зданіе, гдѣ останавливается почта, тамъ же есть зданіе для птицъ, гдѣ продаютъ тетеревовъ, рябчиковъ, бѣлыхъ глухарей, большихъ и малыхъ утокъ, чирковъ; о названіяхъ другихъ не доспросишься; есть также въ клѣткахъ щегленки, дрозды пѣвчіе.

На одной равнинѣ, которую нарочно оставили среди города, стоитъ одно зданіе, назначенное для упражненія молодыхъ людей. Въ первыхъ числахъ іюня, по русскому календарю, собралось тамъ мальчиковъ тысячъ семь; угощали ихъ водкою и пивомъ; потомъ они дрались тамъ на-кулачки; бьются они за государево здоровье; иногда кой-кого и убьютъ. Въ томъ же зданіи помѣщена пара львовъ, отдѣльно самецъ и отдѣльно самка; есть также пантеры, рысь, леопардъ, морскіе коты, бѣлыя и сѣрыя обезьяны; въ другомъ мѣстѣ — бѣлые и черные медвѣди и выдѣланная слоновая шкура...

14-го іюня (1720 г.) пригласили насъ въ адмиралтейство, гдѣ насъ ожидалъ царь. Пройдя мостъ на каналѣ и ворота, мы

ѣошли черезъ сѣни въ громадное помѣщеніе, гдѣ строятся корабли. Осматривали мы нововыстроенный большой красивый корабль, который въ будущее воскресенье будутъ спускать; отправились мы въ кузницу, выстроенную въ углу. Въ этой кузницѣ было 15 горновъ, и при каждомъ работало 15 кузнецовъ съ мастеромъ. Пять человѣкъ дѣлали брусы для кораблей; кромѣ обыкновенныхъ кузнечныхъ мѣховъ, были и такіе, въ которые дуютъ мѣдными и желѣзными трубами. Оттуда мы прошли черезъ другой каналъ къ большому трехъ-этажному дому, выстроенному въ видѣ треугольника на прусскій манеръ. Царь ходилъ съ нами по разнымъ магазинамъ, находящимся въ этомъ зданіи; мы осматривали всѣ корабельныя принадлежности...

Передъ этими зданіями стоятъ большіе ящики, въ которыхъ много зарядовъ, гранатъ, желѣзныхъ ядеръ; въ другихъ мѣстахъ масса разноцвѣтной матеріи для хоругвей, значковъ, корабельныхъ флаговъ и т. п. Краска была собрана въ большомъ количествѣ бочекъ, а именно: лазуревая, красная и разныя другія, которыя добываютъ здѣсь въ Ингріи. Въ третьемъ этажѣ было приготовлено на восемьдесятъ тысячъ рублей парусовъ. Не всякій этому повѣритъ, но мы видѣли это своими глазами. Затѣмъ мы отправились въ галлерею, находящуюся въ среднемъ этажѣ, гдѣ адмиралъ Апраксинъ, — а это было въ пятницу — потчивалъ насъ одними корабельными блюдами, т.-е., копченой говядиной, сосисками, окороками, языками, морскими рыбами, а также масломъ, сыромъ, селедками, вареньемъ, солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, сухарями, осетрами; было нѣсколько блюдъ раковъ, но мелкихъ. Давали пиво и полпиво холодное, такъ какъ здѣсь всюду много льда; на башнѣ въ это время играла музыка.

Посидѣвъ немного, мы отправились въ коллегіи, гдѣ было много молодежи. Столы покрыты зеленымъ сукномъ, на стѣнахъ развѣшены зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель объяснялъ военное искусство: какъ стрѣлять на корабляхъ, какъ управлять парусомъ, когда вода въ волненіи, и другія этого же рода искусства. Нельзя было объ этомъ подробно разспрашивать потому, что мы только проходили, я едва услыхалъ о томъ, что здѣсь дѣлаютъ. Отсюда мы сошли къ каналу, въ которомъ стояло нѣсколько судовъ съ насосами, кото-

рые вгоняютъ воду въ длинный кожанный рукавъ, длиною въ нѣсколько саженъ, и снабженный, на концѣ, металлическимъ шприцемъ, изъ котораго вода брызжетъ въ сторону, въ какую его направлять. Примѣненіе этихъ судовъ тушить огонь, если бы такой — Боже упаси — занялся. Въ одной комнатѣ находится библіотека, въ которой содержатся книги, относящіяся исключительно къ искусству мореплаванія. Здѣсь были большіе запасы разнаго рода бумаги — бѣлой, сѣрой, черной, и также бумага для чертежей. Нѣсколько комнатъ были заняты постелями, назначенными для кораблей; готоваго платья разнаго цвѣта было на 24,000 человѣкъ, а также платье для 4000 матросовъ.

Неизвѣстный авторъ „Краткаго описанія Петербурга и совершавшагося въ немъ въ 1720 г.“.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

(1721 г.) Іюня 23. Около вечера прибыли мы благополучно въ Петербургъ, который, со времени моего отъѣзда оттуда, такъ измѣнился, что я вовсе не узналъ его. Съ самаго начала мы въѣхали въ длинную и широкую аллею, вымощенную камнемъ и, по справедливости, названную проспектомъ, потому что конца ея почти не видно. Она проложена только за нѣсколько лѣтъ и исключительно руками плѣнныхъ шведовъ. Несмотря на то, что деревья, посаженныя по обѣимъ ея сторонамъ въ три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяженію и чистотѣ, въ которой ее содержатъ (плѣнные Шведы должны каждую субботу чистить ее) и дѣлаетъ чудесный видъ, какого я нигдѣ не встрѣчалъ. На адмиралтействѣ, красивомъ и огромномъ зданіи, устроенъ прекрасный и довольно высокій шпицъ, который выходитъ прямо противъ проспекта. Миновавъ эту аллею, я проѣхалъ черезъ подъемный мостъ, по лѣвую сторону котораго стоитъ новая биржа, четыреугольный и также очень красивый домъ. Отсюда я велѣлъ везти себя къ дому, отведенному для его королевскаго высочества; онъ находится недалеко отъ царскаго лѣтняго дворца и возлѣ самаго Почтамта.

Ф. Берхгольцъ.

ЛѢТНІЙ САДЪ.

(1721 г.) Іюля 9. Садъ этотъ (Лѣтній) имѣетъ продолговатую форму; съ восточной стороны къ нему примыкаетъ лѣтній дворецъ царя, съ южной—оранжерея, съ западной—большой красивый лугъ (на которомъ, при всѣхъ празднествахъ, обыкновенно стоитъ въ строю гвардія и о которомъ было уже говорено выше), а съ сѣверной онъ омывается Невою, въ этомъ мѣстѣ довольно широкою. Разскажу по порядку все, что тамъ есть замѣчательнаго. Съ сѣверной стороны у воды стоятъ три длинныя открытыя галлереи, изъ которыхъ длиннѣйшая средняя, гдѣ всегда, при большихъ торжествахъ, пока еще не начались танцы, ставится столъ со сластями (mit Confect). Въ обѣихъ другихъ помѣщаются столы съ холоднымъ кушаньемъ, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардіи. Въ средней галлереѣ находится мраморная статуя Венеры, которою царь до того дорожитъ, что приказываетъ ставить къ ней, для охраненія, часового. Она въ самомъ дѣлѣ превосходна, хотя и попорчена немного отъ долгаго лежанія въ землѣ. Противъ этой галлереи аллея, самая широкая во всемъ саду: въ ней устроены красивые фонтаны, бьющіе довольно высоко. Вода для нихъ проводится въ бассейны изъ канала, съ помощью большой колесной машины, отъ чего въ ней никогда не можетъ быть недостатка. У перваго фонтана мѣсто, гдѣ обыкновенно царица бываетъ съ своими дамами, а далѣе, у другого, стоятъ три или четыре стола, за которыми пьютъ и курятъ табакъ,— это мѣсто царя. Вправо отъ этой круглой и раздѣленной четырьмя аллеями площадки съ одной стороны стоитъ прекрасная статуя съ покрытымъ лицемъ, у подножія которой течетъ, или, лучше сказать, бьетъ вода со всѣхъ концовъ, а съ другой находится большой птичникъ, гдѣ многія птицы частію свободно расхаживаютъ, частію заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. Тамъ есть орлы, черные аисты, журавли и многія другія рѣдкія птицы. Тутъ же содержатся, впрочемъ, и нѣкоторыя четвероногія животныя, какъ напр., очень большой ежъ, имѣющій множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до 11-ти дюймовъ длиною. Въ день празднованія Полтавскаго сраженія царь, показывая этого ежа его высо-

честву, приказалъ вынуть нѣсколько такихъ иглъ, которыя уже слабо держались. Изъ нихъ одну я сберегъ для себя. Кромѣ того тамъ есть еще синяя лисица, нѣсколько соболей и проч. Въ высокомъ домикѣ съ восточной стороны множество прекрасныхъ и рѣдкихъ голубей. На другой сторонѣ фонтана, противъ упомянутой статуи, устроена въ кущѣ деревьевъ небольшая бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, гдѣ обыкновенно проводитъ время царь, когда желаетъ быть одинъ, или когда хочетъ кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйдти оттуда нѣтъ никакой возможности, какъ скоро отчалитъ стоящій вблизи ботикъ, на которомъ переправляются къ бесѣдкѣ. На водѣ плаваетъ здѣсь большое количество самыхъ рѣдкихъ утокъ и гусей, которые до того ручны, что позволяютъ кормить себя изъ рукъ. По берегу, вокругъ, разставлены маленькіе домики, всѣ они, вѣроятно, запираются на ночь. Здѣсь же красуется вполнѣ снаряженный корабликъ, на которомъ иногда потѣшается карла царя. Противъ большаго птичника устроенъ еще, въ видѣ водопада, красиво вызолоченный мраморный фонтанъ, украшенный многими позолоченными сосудами. Это мѣсто (гдѣ находится также и оранжерея), безспорно одно изъ лучшихъ въ саду; все оно обсажено кустарникомъ и окружено рѣшеткою, которая запирается. Далѣе отсюда, вправо, стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летаютъ и садятся на посаженныя внутри ея деревца. Еще далѣе, налѣво, строится новый гротъ, который снаружи уже почти совсѣмъ готовъ, но внутри не сдѣлано еще и половины того, что предположено сдѣлать. Онъ будетъ очень красивъ и великолѣпенъ, потому что для покрытія его стѣнъ и потолка назначается безчисленное множество разныхъ превосходныхъ раковинъ, пріобрѣтеніе которыхъ стоило большихъ издержекъ. Кромѣ того, въ этомъ саду находится пріятная рощица, о которой я уже прежде не разъ говорилъ, и устроено еще нѣсколько фонтановъ; однимъ словомъ, тамъ есть все, чего только можно желать для увеселительнаго сада. Особенно украшаютъ его драгоцѣнные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2000 лѣтъ и которая, какъ говорятъ, куплена у папы за 3000 скуди и подарена царю. Когда мы пересмо-

трѣли все и роспили нѣсколько бутылокъ хорошаго Венгерскаго вина, герцогъ поѣхалъ домой, потому что становилось уже поздно. При отъѣздѣ его высочество приказалъ вручить нѣсколько червонцевъ кунстмейстеру, который всюду водилъ насъ и открывалъ фонтаны. Онъ сначала отказывался принять ихъ, но наконецъ взялъ съ радостью. Такимъ образомъ мы пріятно окончили день, по крайней мѣрѣ для меня: я всегда особенно радуюсь, когда успѣю разсмотрѣть что-нибудь любопытное. Уже прежде я нѣсколько разъ собирался въ этотъ садъ, но намѣреніе мое все оставалось безъ исполненія, потому что туда пускаютъ только по Воскресеньямъ, и то не всѣхъ.

Ф. Берхгольцъ.

АДМИРАЛТЕЙСТВО И ЦЕРКВИ.

(1721 г.) Іюля 24. Я съ придворнымъ проповѣдникомъ и съ Дювалемъ ходилъ въ Адмиралтейство смотрѣть новый корабль, который, какъ говорилъ вчера его величество царь, назначался къ спуску со штапеля 27-го числа. Корабль этотъ 64-хъ пушечный и построенъ Французскимъ мастеромъ, присланнымъ царю на нѣсколько лѣтъ изъ Франціи. Мы застали тамъ переводчика этого мастера, съ которымъ Дюваль былъ знакомъ, и онъ водилъ насъ по всему кораблю. Послѣ того мы осмотрѣли нѣсколько и самое Адмиралтейство. Оно имѣетъ внутри большое, почти совершенно четыреугольное мѣсто (которое съ трехъ сторонъ застроено, а съ четвертой открыто на Неву), гдѣ корабли строятся и потомъ спускаются на воду. Противъ открытой стороны находится большой въѣздъ или главные адмиралтейскіе ворота; надъ ними устроены комнаты для засѣданій Адмиралтействъ-Коллегіи и поднимается довольно высокая башня, выходящая, какъ я говорилъ уже прежде, прямо противъ аллеи, называемой проспектомъ, черезъ который въѣзжаютъ въ Петербургъ и который въ серединѣ вымощенъ камнемъ, а съ боковъ имѣетъ красивыя рощицы и лужайки. Обѣ стороны адмиралтейскаго зданія, идущія флигелями къ водѣ и окаймляющія вышеупомянутое четыреугольное мѣсто, наполнены огромнымъ количествомъ корабельныхъ снарядовъ — парусовъ и канатовъ, хранящихся въ большомъ порядкѣ. По мѣрѣ того, какъ ихъ употребляютъ въ дѣло, комнаты, ими

занимаемыя, наполняются новыми. Тамъ же живутъ и работаютъ всѣ принадлежащіе къ Адмиралтейству мастеровые. Подлѣ зданія стоятъ большія кузницы. Въ одномъ изъ флигелей устроена обширная зала, гдѣ рисуютъ и, если нужно, перерисовываютъ мѣломъ видъ и устройство всѣхъ кораблей, назначаемыхъ къ стройкѣ. Внѣ и внутри адмиралтейскаго зданія наложено множество всякаго рода корабельнаго лѣса; но еще большее его количество лежитъ въ ближайшихъ каналахъ, откуда его берутъ по мѣрѣ надобности. Онъ пригоняется большими плотами изъ дальнихъ мѣстъ Россіи и обходится царю несравненно дешевле, нежели въ другихъ государствахъ. Все это огромное Адмиралтейство обведено снаружи валомъ (съ бастіонами со стороны рѣки), который окруженъ довольно широкимъ и глубокимъ каналомъ, а съ внутренней стороны обрытъ небольшимъ рвомъ. Близъ зданія Адмиралтейства, по направленію къ галерной гавани, строится прекрасная каменная церковь, которая будетъ принадлежать къ нему; послѣ крѣпостной церкви она, говорятъ, будетъ лучшею въ Петербургѣ, потому что всѣ прочія, исключая церкви князя (Меншикова), плохія деревянныя. Кромѣ этихъ двухъ церквей, т.-е. крѣпостной и адмиралтейской, самыя красивыя здѣсь — церковь Св. Троицы и та, которую выстроилъ князь Меншиковъ на Васильевскомъ острову, недалеко отъ своего дома. Послѣдняя каменная; но первая, находящаяся по ту сторону рѣки, у зданія Коллегій, деревянная, съ широкою открытою колокольнею, на которой много колоколовъ и небольшіе куранты, играющіе сами собою черезъ каждую четверть часа «Господи помилуй». Ее обыкновенно посѣщаетъ царь во время богослуженій. На церкви князя Меншикова, внутри хорошо расписанной и вызолоченной, есть также небольшая красивая башня съ порядочными курантами. Крѣпостная церковь, какъ я уже сказалъ, самая большая и красивая въ Петербургѣ; при ней высокая колокольня въ новомъ стилѣ, крытая мѣдными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при солнечномъ освѣщеніи. Но внутри этотъ храмъ еще несовсѣмъ отдѣланъ. Куранты на его колокольнѣ также велики и хороши, какъ Амстердамскіе, и стоили, говорятъ, 55,000 рублей. На нихъ играютъ каждое утро отъ 11-ти до 12-ти часовъ; кромѣ того, каждые полчаса и часъ они играютъ еще сами собою, приводимые въ движеніе боль-

шою желѣзною машиною съ мѣднымъ валомъ. Эта прекрасная церковь построена вся изъ камня и не въ Византійскомъ, а въ новомъ вкусѣ, внутри съ крѣпкими сводами и колоннами, снаружи съ великолѣпнымъ портикомъ, находящимся подъ колокольнею. Но кромѣ сводовъ, колоннъ и оконъ, въ ней еще ничего не готово.

Ф. Берхгольцъ.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ.

(1721 г.) Августа 7. Въ 12 час. утра, всѣ мы, оставшіеся дома, цѣлымъ обществомъ всходили на колокольню въ крѣпости, чтобы послушать игру курантовъ, положенную въ это время, и посмотрѣть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая въ городѣ. Чрезвычайно любопытно поглядѣть тамъ на игру музыканта, особенно тому, кто не видывалъ ничего подобнаго. Я, впрочемъ, не избралъ бы себѣ его ремесла, потому что для него нужны трудныя и сильныя тѣлодвиженія. Не успѣлъ онъ исполнить одной пьесы, какъ уже потъ градомъ катился съ его лица. Онъ заставлялъ также играть двухъ Русскихъ учениковъ, занимающихся у него не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но играющихъ уже сносно. Большіе часы играютъ сами собою, каждые четверть и полчаса. Когда мы взошли на самый верхъ, подъ колокола, музыкантъ далъ намъ большую зрительную трубку, съ помощью которой можно было видѣть оттуда Петергофъ, Кронслотъ и Ораніенбаумъ. Петербургъ имѣетъ видъ овала и занимаетъ огромное пространство. Во многихъ мѣстахъ онъ еще неплотно застроенъ; но эти промежутки не замедлятъ пополниться, если царь еще долго будетъ живъ. Крѣпость С.-Петербургъ, гдѣ находится колокольня, построена у самой Невы и имѣетъ нѣсколько толстыхъ и высокихъ каменныхъ бастіоновъ, уставленныхъ большимъ числомъ пушекъ. Говорятъ, что сооруженіе ея, которымъ очень спѣшили, стоило множества народа, что при тогдашней необыкновенной дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и недостаткѣ въ одеждѣ, люди, какъ мухи, умирали отъ голода и холода, и тамъ же хоронились. Со стороны твердой земли она не такъ красива и далеко не такъ укрѣплена, какъ со стороны рѣки, потому что обнесена только валомъ и рвомъ; однако-жъ защищаться можетъ доволь-

но долго. Она есть въ то же время родъ Парижской Бастильи: въ ней содержатся всѣ государственные преступники и нерѣдко исполняются тайныя пытки. Многіе плѣнные Шведскіе офицеры содержались тамъ въ казармахъ, находящихся подъ валомъ. Покойный царевичъ, впавшій въ немилость у государя и судебнымъ порядкомъ приговоренный къ смерти, подъ конецъ также заключенъ былъ въ эту крѣпость и въ ней умеръ. Она имѣетъ своего особеннаго коменданта и туда ежедневно назначается большой караулъ отъ здѣшнихъ полковъ.

Ф. Берхгольцъ.

НАВОДНЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(1721 г.) Ноября 5. Кто-то вошелъ въ залу и сказалъ, что вода сильно поднимается. Я вышелъ на крыльцо и не мало удивился, увидѣвъ, что она уже выступаетъ изъ канала, находящагося передъ нашимъ домомъ, и все болѣе и болѣе затопляетъ лежащій по ту сторону лугъ. Это тотчасъ возбудило опасенія тѣхъ, которые уже испытали опасность отъ наводненія, въ особенности г.-м. Штенфлихта и полковн. Бонде, живущихъ такъ низко, что вода, при малѣйшемъ повышеніи, всегда заливаетъ ихъ дворъ. Ближайшій ихъ сосѣдъ, посланникъ Штамке, также терпитъ не мало отъ наводненій; въ прошедшее лѣто по его двору не разъ можно было ѣздить на лодкахъ, на которыхъ перевозили къ нему и кушанья изъ кухни, находящейся на задней половинѣ дома. Такъ какъ этимъ господамъ очень хотѣлось знать, что происходитъ у нихъ дома, то и я послѣдовалъ за ними; но уже не было возможности попасть на мостъ, черезъ который имъ слѣдовало идти; поэтому мы скоро воротились, и я отправился къ каммеррату Негелейну, не являвшемуся къ проповѣди, чтобы извѣстить его о наводненіи. Безъ того ему пришлось бы, можетъ быть (какъ это случилось съ г. Альфельдомъ), просидѣть цѣлый день на чердакѣ: онъ сначала не хотѣлъ выходить со двора, а послѣ и не могъ бы, потому что вскорѣ вода вдругъ съ необыкновенною силою стала проникать въ улицы и дома. Отъ него я пошелъ немного далѣе къ ближайшимъ каналамъ, чтобы посмотрѣть, какъ поднимается вода. На маленькомъ каналѣ (между Почтовымъ домомъ и до-

момъ нашего герцога), гдѣ обыкновенно, до востребованія, стоятъ небольшія суда, я увидѣлъ прекрасную барку, которую совершенно затопило: привязанная слишкомъ коротко, она не могла отъ напора волнъ подняться вверхъ. Здѣсь въ эту минуту старались вытащить изъ воды одного изъ слугъ маіора Румянцева, который, желая спасти судно своего господина, также слишкомъ коротко привязанное, нечаянно упалъ въ воду и утонулъ. Это было для меня первое печальное зрѣлище, слѣдствіе несчастнаго наводненія. Пройдя еще нѣсколько далѣе, я былъ пораженъ опасностью, какую увидѣлъ по ту сторону рѣки; тамъ вода доходила уже до оконъ кофейнаго дома, стоящаго близко отъ берега. Съ ужасомъ смотрѣлъ я на разныя суда, оторванныя вѣтромъ и уносимыя бурными волнами. Однако-жъ мнѣ нельзя было долго оставаться: вода, какъ скоро выступила изъ каналовъ, начала преслѣдовать меня со всѣхъ сторонъ и принудила сойти съ улицы, откуда я поспѣшилъ опять въ домъ герцога, чтобы взглянуть, что тамъ дѣлается. Къ счастію, я утромъ надѣлъ сапоги (что дѣлаю весьма рѣдко), иначе не дошелъ бы, не промочивши ногъ. При входѣ на герцогскій дворъ, я нашелъ всѣхъ людей за работой: вытаскивали изъ погребовъ все, что было можно, потому что вода уже лилась туда со всею силою; но скоро она поднялась до того, что никто, изъ боязни утонуть, не рѣшался болѣе спускаться въ погреба. Въ подземныхъ комнатахъ въ то же время начало поднимать кверху полы: а какъ всѣ лакеи, кухонный писецъ, мундшенкъ и многіе другіе имѣли свои комнаты подъ землею, откуда большею частію не успѣли вынести своего имущества, то всюду раздавались вопли и жалобы. Несмотря на все это, его королевское высочество все-таки приказалъ закладывать лошадей (ѣхать, водою, по причинѣ сильной бури, не было возможности), чтобы отправиться, по обѣщанію, къ Кинскому. Всѣ представленія, что туда доѣхать невозможно при наводненіи, когда и въ хорошую погоду дорога къ графу дурна, какъ нельзя больше, что если и доѣдешь, то воротиться оттуда можно только при скоромъ пониженіи воды, что его высочество, въ противномъ случаѣ, рискуетъ остаться у Кинскаго и довольствоваться на ночь плохою постелью, что обстоятельства достаточно извиняютъ его высочество, все это ничего не помогло: герцогъ отвѣчалъ, что если не доѣдетъ, то воротится,

и отправился съ тайнымъ совѣтникомъ Геспеномъ, полковник. Лорхомъ и подполковн. Сальдерномъ въ своей большой каретѣ шестернею. Тайный совѣтникъ Бассевичъ былъ дома, предувѣдомивъ герцога еще до наводненія, что будетъ ожидать проѣзда его высочества мимо своей квартиры, и тогда послѣдуетъ за нимъ, что и исполнилъ. Его высочество однако-жъ скоро принужденъ былъ воротиться, потому что на проспектѣ снесло уже небольшіе мосты; но такъ какъ онъ не могъ опять доѣхать до своего дома, то отправился вмѣстѣ съ Голландскимъ резидентомъ Вильде, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, къ т. с. Бассевичу, гдѣ они рѣшились ждать уменьшенія воды. Между тѣмъ, покамѣстъ его высочество находился у тайн. сов., съ женою Голландскаго резидента случилось странное происшествіе. Когда мужъ ея уѣхалъ къ Кинскому, она стояла у окна и смотрѣла, какъ подымается вода; въ это время вдругъ возлѣ ихъ дома обрушился заборъ. Бѣдная женщина, увидѣвъ это, вообразила, что тотчасъ развалится и весь домъ; въ испугѣ она начала звать своего кучера и кричать, чтобы онъ подвелъ одну изъ каретныхъ ея лошадей, на которую и спустилась изъ окна. Такъ какъ домъ ихъ очень близко отъ нашего, то т. с. Бассевичъ видѣлъ издали весь этотъ процессъ, но не могъ хорошенько разглядѣть, кто именно выходилъ изъ окна; наконецъ, бригадиръ Ранцау первый узналъ резидентшу, побѣжалъ ей навстрѣчу, снялъ ее съ лошади и полумертвую отъ страха и холода принесъ въ домъ тайнаго совѣтника, откуда она потомъ послала за чистымъ бѣльемъ, чтобъ переодѣться. Презабавно разсказывала она на своемъ Голландскомъ языкѣ, какъ рѣшилась выйти изъ дому, какимъ образомъ очутилась на лошади и какъ глубоко была въ водѣ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ она имѣла несчастіе лишиться единственнаго сына, грудного младенца, котораго сама кормила; потому надобно было опасаться, что это холодное купанье ей очень повредитъ; однако-жъ до сихъ поръ она какъ ни въ чемъ не бывало, весела и здорова. Г-жа Вильде, молодая веселая женщина, и недурна собою.

Но возвращаюсь къ водѣ, чтобы разсказать вкратцѣ, что еще случилось замѣчательнаго въ этотъ день. Послѣ отъѣзда его высочества въ половинѣ 12-го, вода все продолжала подыматься, и мы немало безпокоились о герцогѣ, пока, нако-

нецъ, не получили извѣстія, что онъ у т. с. Бассевича. Между тѣмъ, такъ какъ вода проникла въ конюшни и опасались, что она еще болѣе поднимется (что и случилось), отчего обѣ остальныя каретныя и три верховыя лошади его высочества могли утонуть въ стойлахъ, то мы, хоть и не безъ труда, поспѣшили провести ихъ наверхъ, сдѣлавъ наскоро изъ двухъ комнатъ конюшню. Изъ дома его высочества можно было видѣть все, что происходило на рѣкѣ. Невозможно описать, какое страшное зрѣлище представляло множество оторванныхъ судовъ, частію пустыхъ, частію наполненныхъ людьми; они неслись по водѣ, гонимыя бурею, навстрѣчу почти неминуемой гибели. Со всѣхъ сторонъ плыло такое огромное количество дровъ, что можно было бы въ одинъ этотъ день наловить ихъ на цѣлую зиму; вѣроятно, многіе и сдѣлали это, потому что, сколько я знаю, Русскіе не щадятъ ничего, если идетъ дѣло о какой-нибудь прибыли. На дворѣ герцога вода, при самомъ большомъ ея возвышеніи, доходила лошадямъ по брюхо; на улицахъ же почти вездѣ можно было ѣздить на лодкахъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ, отчего мундшенкъ Кей Сиверсъ едва не лишился жизни. Когда онъ стоялъ около двери, въ квартирѣ каммеррата Негелейна, одна изъ такихъ черепицъ упала ему прямо на голову и непремѣнно убила бы его до смерти, еслибъ на немъ не было большой мѣховой шапки; однако-жъ ему все-таки пробило на головѣ большую дыру, отъ которой онъ упалъ безъ чувствъ. Около половины второго часа вода начала, наконецъ, уменьшаться, а въ половинѣ третьяго его королевское высочество благополучно возвратился домой, но, чтобы попасть въ свою комнату, долженъ былъ пройти черезъ новоустроенную конюшню...

Послѣ обѣда (10-го Ноября) вода опять начала подниматься и хотя около шести часовъ вечера получено было отъ посланника Штамке (у котораго его высочество хотѣлъ ужинать) извѣстіе, что каналъ у его дома почти полонъ и что весь городъ (по причинѣ предсказанія нѣкоторыхъ крестьянъ, что вода вскорѣ поднимается еще на три локтя) принимаетъ, какъ въ прошедшее воскресенье, всѣ возможныя мѣры противъ наводненія, однако-жъ его королевское высочество все-таки въ половинѣ седьмого отправился въ своей каретѣ къ Штамке, взявъ съ

собою графа Бонде и меня, потому что камеръ-юнкеръ былъ не совсѣмъ здоровъ. Когда мы пріѣхали къ посланнику, вода уже проникла въ его дворъ и потомъ стала такъ сильно подниматься, что его высочество принужденъ былъ карету и лошадей (которыхъ сначала думалъ оставить) отослать домой и приказать привести себѣ барку. Посланникъ всячески старался убѣдить герцога уѣхать, какъ можно скорѣе, представляя, что вода поднимается болѣе обыкновеннаго и что въ его домѣ, если она еще прибавится, для его высочества будетъ небезопасно, потому что, какъ скоро погребъ наполнится ею, полы начинаетъ подымать вверхъ, и тогда уже никто не можетъ оставаться въ комнатахъ. Онъ испыталъ это въ прошедшее воскресенье, когда вода во всѣхъ его комнатахъ стояла фута на два. Въ этотъ день одинъ изъ слугъ сосѣда его, г.-м. Штенфлихта, едва не утонулъ въ квартирѣ своего господина: выходя изъ спальни, откуда ему хотѣлось что-то спасти, онъ чуть-чуть не упалъ въ погребъ, надъ которымъ вода подняла полъ; пройти ему не было никакой возможности, такъ что, наконецъ, товарищи должны были съ чердака вынуть нѣсколько потолочныхъ досокъ и втащить его туда на веревкахъ. Посланникъ прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ доводамъ: то говорилъ, что вечеромъ не будетъ въ состояніи позаботиться объ ужинѣ для его высочества, потому что не имѣетъ сообщенія съ своею кухнею, находящеюся на другомъ концѣ двора и уже залитою водой; то сожалѣлъ, что единственная въ его домѣ комната на верху, куда въ крайнемъ случаѣ можно было бы удалиться, не имѣетъ печи; то разсказывалъ, съ какимъ трудомъ, въ прошедшее воскресенье, во время самаго разлива, проѣхалъ подъ мостомъ на своей верейкѣ. Но его высочество отвѣчалъ все одно: что вода еще далеко не такъ высока, какъ въ прошлый разъ, и что пока она дойдетъ до той степени, онъ успѣетъ уѣхать домой. Дѣлать нечего, посланникъ Штамке долженъ былъ хлопотать о переноскѣ кушаній изъ кухни. Люди высоко поднимали ихъ и ходили въ водѣ выше колѣнъ. Мы преспокойно усѣлись ужинать; но посланникъ безпрестанно спрашивалъ, перестала ли вода подниматься? Наконецъ, спустя нѣсколько времени, пришло отрадное извѣстіе, что она начала уменьшаться, почему мы съ часъ или съ полтора просидѣли за столомъ долѣе, нежели предполагали...

Прошедшею ночью, часа въ два, былъ сильный вѣтеръ, и вода начинала опять очень подниматься. Поэтому, вслѣдствіе недавно обнародованнаго императорскаго указа, многіе изъ жителей, удалились съ своею скотиною въ лѣсъ, куда отвели также всѣхъ лошадей изъ императорской конюшни, а за ними и лошадей его высочества и т. с. Бассевича. Однако-жъ сегодня въ 9 часовъ утра ихъ привели назадъ, потому что вода уменьшилась и опасности уже не было. Легко себѣ вообразить, сколько тревоги надѣлало жителямъ города это вторичное наводненіе, тѣмъ болѣе, что среди ночи вдругъ ударили еще въ набатъ (по причинѣ пожара вспыхнувшаго недалеко отъ графа Кинскаго), который многіе приняли за сигналъ спасать всѣми мѣрами домашнюю скотину...

Ф. Берхгольцъ.

ВРАЖДЕБНОЕ ОТНОШЕНІЕ РУССКИХЪ КЪ ПЕТЕРБУРГУ.

Москва, хотя и рѣдко удостоивалась присутствія государя, однако-жъ тѣмъ не менѣе носила уже отпечатокъ его реформъ. Нравы ея жителей умягчались, ремесла и искусства въ ней совершенствовались. Прекрасная полотняная фабрика, устроенная купцомъ Тамсеномъ, производила уже полотна, которыя могли состязаться съ лучшими голландскими. Пастырскими попеченіями Синода, въ которомъ самъ императоръ былъ первымъ президентомъ, народъ начиналъ освобождаться отъ суевѣрій своихъ предковъ, или по крайней мѣрѣ, привыкалъ спокойно смотрѣть на ихъ охужденіе. При погребеніи молдавскаго князя Кантакузена не было вовсе видно духовенства съ образами, какъ водилось въ старину, а вскорѣ послѣ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, былъ обнародованъ указъ — не держать ихъ на улицахъ и въ маленькихъ часовняхъ, стоявшихъ на всѣхъ перекресткахъ, гдѣ они давали грубой черни поводъ къ идолопоклонству. Черезъ два года то же самое сдѣлано было и въ С.-Петербургѣ...

Императоръ отмѣнилъ постановленіе, много лѣтъ остававшееся въ силѣ, которымъ запрещалось вельможамъ строить въ Москвѣ новые дворцы. Несмотря на то онъ, казалось, выѣхалъ изъ этой столицы съ намѣреніемъ долго туда не возвращаться, потому что приказалъ всѣмъ знатнымъ лицамъ,

не состоявшимъ въ Москвѣ на службѣ, даже дамамъ и дѣвицамъ, которыя тамъ поселились, слѣдовать за дворомъ въ С.-Петербургъ. Московскому коменданту предписано было принуждать ихъ къ выѣзду изъ этого города, что онъ и исполнялъ во всей точности.

Г. Бассевичъ.

2.

Между прочими причинами, я долженъ упомянуть объ одной изъ главныхъ, вызывающей неудовольствіе большей части дворянства. Это то, что противъ ихъ воли заставляютъ ихъ переселяться на житье съ женами и семействами въ Петербургъ, гдѣ они обязаны строить себѣ новые дома, и гдѣ всѣ съѣстные припасы дороже, чѣмъ въ Москвѣ, а кормъ для лошадей въ 6, или 8 разъ цѣннѣе, такъ какъ въ Петербургѣ на него весьма большія требованія, а страна эта производитъ его весьма малое количество; ибо болѣе чѣмъ $^{2}/_{3}$ ея состоитъ изъ лѣсовъ и болота. Не только одни дворяне, но купцы и всякаго рода торговцы обязаны туда переселяться и торговать, чѣмъ имъ прикажутъ; все это стеченіе народа возвышаетъ цѣну на съѣстные припасы и приводитъ въ стѣсненное положеніе тѣхъ, которые поставлены въ необходимость жить тутъ для сухопутной, или морской службы, для построекъ и для всѣхъ тѣхъ работъ, которыя Царь уже привелъ въ исполненіе и еще намѣревается исполнить. Тогда какъ въ Москвѣ всѣ господа и почетные люди имѣютъ для жилищъ своихъ не только огромныя зданія въ самомъ городѣ, но также дачи и деревни, гдѣ устроены у нихъ рыбные пруды и сады, со множествомъ разнородныхъ плодовитыхъ деревьевъ, и всякія увеселительныя мѣста. Петербургъ же, лежащій подъ 60°, 15' с. ш. не можетъ производить ничего подобнаго. Кромѣ того Москва, — ихъ родина и самое любимое мѣсто; тутъ они окружены друзьями и знакомыми, живутъ недалеко отъ деревень своихъ, легко и дешево могутъ получать оттуда съѣстные припасы, привозимые крестьянами ихъ...

Москва находится почти въ серединѣ Россіи, на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Оку, и занимаетъ большое пространство земли, гдѣ даже и въ самой серединѣ города каждый

значительный человѣкъ имѣетъ свой садъ и внѣшній дворъ, принадлежащій къ его дому. Когда путешественникъ подъѣзжаетъ къ городу, то этотъ послѣдній представляется ему со множествомъ церквей, монастырей, боярскихъ и дворянскихъ домовъ, колоколенъ, куполовъ, крестовъ надъ церквами, позолоченными и раскрашенными, и все это заставляетъ думать, что это самый богатый и красивый городъ въ мірѣ. Такъ показалось и мнѣ съ перваго взгляда, подъѣзжая по Новгородской дорогѣ, съ которой видъ всего красивѣй; но когда разглядишь все это поближе, то является разочарованіе и обманутыя ожиданія. Проѣзжая по улицамъ, замѣчаешь, что дома, за исключеніемъ домовъ боярскихъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ богатымъ людямъ, всѣ построены изъ дерева, преимущественно же лицевая сторона, выходящая на улицу, и очень не представительны съ виду. Стѣны и изгороди между улицами и домами также деревянныя, и сами улицы, вмѣсто того, чтобъ быть вымощены камнемъ, выложены деревомъ, посредствомъ сосновыхъ балокъ, длиною въ 15 и 16 футовъ, положенныхъ одна подлѣ другой поперекъ улицы, и лежатъ на другихъ нижнихъ балкахъ, расположенныхъ вдоль улицы; они ихъ обыкновенно возвышаютъ надъ грязью, покрывающей улицу и находящейся по бокамъ ихъ такъ, что съ обѣихъ сторонъ сырость стекаетъ съ нихъ и они большею частію остаются сухи. Это даетъ мнѣ случай упомянуть о частыхъ и разрушительныхъ пожарахъ, случающихся въ этой странѣ, такъ какъ не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ Россіи, всѣ зданія строятся такимъ же образомъ, и это часто причиняетъ такіе страшные пожары, какіе не встрѣчаются ни въ какой другой странѣ въ мірѣ... Достовѣрно, что въ теченіе времени, проведеннаго мною въ Россіи, собственно городъ Москва, отъ этихъ случайныхъ пожаровъ пострадалъ въ пять разъ болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ налоговъ и военныхъ издержекъ.

Дж. Перри.

АРХАНГЕЛЬСКЪ ВЪ 1701 ГОДУ.

Что до города Архангельска, то онъ лежитъ на сѣверо-западъ отъ Москвы, на сѣверо-востокъ отъ р. Двины, впадающей въ Бѣлое море, въ 6-ти часахъ отъ него. Городъ распо-

ложенъ вдоль берега рѣки на 3, или 4 часа ходьбы, а въ ширину не свыше четверти часа. Главное зданіе въ немъ есть палата (Palaet) или дворъ, построенный изъ тесанаго камня и раздѣляющійся на три части. Иностранные купцы помѣщаютъ свои товары, и сами имѣютъ для помѣщенія нѣсколько комнатъ, въ первомъ отдѣленіи, находящемся налѣво отъ рѣки. Здѣсь же помѣщаются и купцы, ежегодно пріѣзжающіе сюда изъ Москвы и выжидающіе отъѣзда послѣднихъ кораблей, возвращающихся въ свое отечество. Иностранцы, которые пріѣзжаютъ сюда каждый годъ, останавливаются тамъ же; но спустя нѣкоторое время послѣ отплытія ихъ кораблей, бывающаго обыкновенно въ октябрѣ мѣсяцѣ, они помѣщаются въ другихъ мѣстахъ гдѣ-нибудь, до времени возвращенія ихъ въ Москву, въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, когда дороги сдѣлаются удобными для ѣзды по снѣгу на саняхъ и ледъ окрѣпнетъ до того, что можно переѣзжать по немъ рѣки.

Входя въ эти палаты, проходишь большими воротами въ четыреугольный дворъ, гдѣ по правую и лѣвую сторону расположены магазины. Наверху длинная галлерея, на которую ведутъ съ обѣихъ сторонъ лѣстницы; здѣсь по лѣвую сторону находятся покои, о которыхъ было говорено сейчасъ. Во второе отдѣленіе входъ черезъ подобныя же ворота, гдѣ находится другая палата, въ концѣ которой дума (Raethuis), со множествомъ покоевъ. Нѣсколькими ступенями восходишь на длинную галлерею, гдѣ на лѣвой рукѣ помѣщается Приказъ или Судъ, а внизу его дверь, выходящая на улицу. Судебные приговоры исполняются въ этой же палатѣ, за исключеніемъ приговоровъ надъ лицами, осужденными на смерть, исполненіе коихъ производится въ различныхъ мѣстахъ, указываемыхъ въ самыхъ приговорахъ. Въ этомъ дворѣ хранятся вещи, принадлежащіе Его Царскому Величеству, сложенныя во множествѣ деревянныхъ и отчасти каменныхъ магазиновъ, собственно для того и устроенныхъ, но которыми пользуются и иностранные купцы. Третьи ворота ведутъ опять въ особую палату, назначенную для товаровъ Русскихъ людей, въ которой и купцы, хозяева этихъ товаровъ, также имѣютъ помѣщенія для себя, но не такъ удобныя, какъ покои нашихъ купцовъ. Улица передъ палатою довольно просторная и доходитъ до рѣки. Лѣтомъ, когда сюда приходятъ корабли, строятся два большіе

бревенчатые моста, продвигающіеся въ эту рѣку, для удобства переноски товаровъ, выгружаемыхъ и нагружаемыхъ во всякаго рода судна. Барки, служащія для перевозки хлѣба на корабли, довольно большія.

Кремль, въ которомъ живетъ Правитель (Воевода), содержитъ въ себѣ лавки, въ которыхъ Русскіе во время ярмарки выставляютъ свои товары. Кремль окруженъ бревенчатою стѣною, простирающеюся одною частью до самой рѣки.

Что до зданіи, всѣ дома этого города, построены изъ дерева, или лучше сказать изъ бревенъ, необыкновенно на видъ толстыхъ, что кажется чрезвычайно страннымъ снаружи для зрителя. Однако же, есть и хорошіе дома внутри, снабженные порядочными покоями, въ особенности принадлежащіе иностраннымъ купцамъ. Стѣны въ этихъ зданіяхъ гладкія, обшитыя красиво тоненькими дощечками, и бревна въ нихъ служатъ отчасти лишь поддержкою строенія. Гладкая сторона всегда находится потому внутри, а неровная,—внѣ. Въ каждой комнатѣ обыкновенно одна печь, затапливаемая снаружи. Печи эти большею частію очень большія и устроены такимъ образомъ, что онѣ не только не безобразятъ, напротивъ, составляютъ украшеніе комнаты, такъ какъ онѣ изящно сдѣланы. Купцы заморскіе, какъ называютъ обыкновенно иностранныхъ христіанъ, проживающихъ здѣсь, содержатъ въ домахъ своихъ такую чистоту и опрятность, какую находимъ мы у нашихъ значительнѣйшихъ людей, и комнаты ихъ наполнены картинами и рухлядью, очень хорошею.

Улицы здѣсь покрыты ломаными бревнами и такъ опасны для проходящихъ по нимъ, что постоянно находишься въ опасности упасть. Вдобавокъ, въ городѣ находятся безпорядочно разбросанныя развалины домовъ и бревна послѣ пожара. Но снѣгъ, выпадающій зимою, уравниваетъ и сглаживаетъ все.

Въ этомъ городѣ есть двѣ церкви для богослуженія, одна Реформатская, а другая Лютеранская, въ которыхъ два раза по воскресеньямъ говорятся проповѣди. Онѣ отстоятъ недалеко другъ отъ друга, на берегу рѣки. Проповѣдникъ (Пасторъ) живетъ тутъ же, подлѣ церкви, и кладбище, на которомъ хоронятъ покойниковъ, такъ же, какъ и у насъ, расположено между жилищемъ и церковью. Въ продолженіи зимы въ церквахъ этихъ служеніе не совершается, по причинѣ весьма жестокаго холода

въ нихъ, а справляютъ службу въ одномъ изъ покоевъ Пастора, назначенномъ для этого и хорошо отапливаемомъ.

Что до главнаго управленія, то прежде Начальникъ имѣлъ въ этомъ городѣ во всемъ неограниченную власть, но въ прошломъ году управленіе здѣсь измѣнено и установлены четыре выборныхъ Бургомистра, изъ коихъ 1-й живетъ въ городѣ, 2-й— въ Колмогорахъ (Kolmegra), и двое послѣднихъ въ мѣстахъ окрестныхъ. Такимъ образомъ теперь власть Правителя простирается только на войско. Бургомистры же вѣдаютъ управленіе гражданскими дѣлами. Сюда ежегодно пріѣзжаетъ Главный Таможенный Смотритель ко времени прибытія товаровъ, для охраненія доходовъ, извлекаемыхъ Его Царскимъ Величествомъ изъ торговли, а также и для закупки вещей, потребныхъ для двора его. Этотъ Таможенный Начальникъ имѣетъ 4-хъ посадниковъ или помощниковъ, отправляющихъ службу его въ его отсутствіе и называющихся «Гостинныя Сотни» (Gostieny Sotni), т.-е., выборные, изъ которыхъ избирается и самый Таможенный Начальникъ. Кромѣ того, изъ народонаселенія берутъ нѣсколько человѣкъ, число которыхъ не опредѣляется, и размѣщаютъ ихъ по городамъ и селеніямъ. Люди эти обязаны трудиться въ продолженіе года безъ всякаго вознагражденія, и повиноваться приказаніямъ Таможенныхъ Начальниковъ и ихъ помощниковъ, по отношенію ко всему тому, что касается доходовъ Великаго Князя. Для этого ихъ разсылаютъ по всѣмъ мѣстамъ, и даютъ имъ войско, на случай надобности, чтобы препятствовать тайному провозу запрещенныхъ товаровъ и задерживать тѣхъ, которые производятъ оный. По прошествіи года ихъ смѣняютъ другими...

Пиво здѣсь очень хорошее, но продать и даже варить его воспрещается безъ особаго разрѣшенія Великаго Князя, которое дается за извѣстную ежегодную плату. Жители, однако-жъ, могутъ варить пиво въ количествѣ, потребномъ для ихъ только семьи, уплачивая по 50 штиверовъ за $1^{3}/_{4}$ мѣры (бочку) солода. Есть, впрочемъ, довольно такихъ, кто изъятъ отъ такой платы.

Сюда привозятъ вино и водку изъ Франціи моремъ; но послѣдняя очень дорога, по причинѣ большой пошлины, которою она обложена. Но въ этой сторонѣ гонится своя водка изъ хлѣба, которая очень хороша и цѣны умѣренной. Иностранцы не пьютъ, кромѣ этой послѣдней, никакой другой водки.

Царь ежегодно получаетъ значительный доходъ отъ пошлинъ, установленныхъ въ этомъ городѣ. Говорили прежде, что доходы эти простирались до 300,000 рублей, но это невѣрно. Я нашелъ по точнымъ справкамъ, что въ прошлое время они не восходили за 180 или 190 тысячъ рублей, считая рубль въ 5 серебряныхъ Голландскихъ гульденовъ. Ежегодно сюда приходитъ отъ 30 до 35 нашихъ кораблей; но въ настоящій годъ ихъ сюда прибыло 50 и 33 Англійскихъ; а прибавивъ къ нимъ Гамбургскіе, Датскіе и Бременскіе, число всѣхъ ихъ простирается до 103 купеческихъ кораблей. Причина этому та, что туземные купцы привозили обыкновенно въ мирное время множество товаровъ въ Ригу, Нарву, Ревель, и даже въ Королевецъ и Гданскъ, и что большая часть торговли здѣсь прервана войною съ Швеціей, такъ что вся она теперь перешла въ Архангельскъ. Считаютъ также, что Его Царское Величество въ нынѣшній годъ получитъ пошлинъ, наложенныхъ на эти товары, съ прибытія первыхъ кораблей до отплытія послѣднихъ изъ нихъ, до 130 тысячъ рублей, или 260 тысячъ риксдалеровъ. Въ это число по договору слѣдуетъ половину уплатить риксдалерами, а другую хорошимъ золотомъ (червонцами); когда же хотѣли было вносить всѣ червонцами, Русскіе не согласились на то, потому что они предпочитаютъ имъ риксдалеры. Все это, разумѣется, относится до товаровъ заграничныхъ. Главные изъ этихъ товаровъ, привозимыхъ сюда, суть: золото, шелкъ, сукна, саржа, золотые и серебряные предметы роскоши и т. п., также кружева, золотыя нитки (канитель), индиго и другія краски. Говоря о пошлинахъ, которыми облагались товары, замѣтимъ здѣсь, что съ 1667 по 1699 годъ платили по 90 риксдалеровъ съ боченка вина, вмѣсто 5 риксдалеровъ, которые платятся только въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ. Однако-жъ, и теперь еще платятъ по 36 риксдалеровъ съ боченка водки и 40 риксдалеровъ съ пипы Испанскаго вина, содержащей въ себѣ два боченка.

Изъ Россіи вывозятъ въ иностранныя земли поташъ, вайду*), юфть, пеньку, сало, лосиную кожу и многіе другіе роды пушныхъ товаровъ, все произведенія страны. Мнѣ сказывали также, что въ рѣкахъ Колѣ, Варзухѣ (Warsigha), Ваймугѣ (Wusma) и Солзѣ (Solia) находятся раковины, въ которыхъ есть доста-

*) Красильное растеніе. (*Сост.*).

точно и жемчугу. Есть такія, которыя стоятъ по 25 гульденовъ жемчужина и вдвое болѣе этого, особливо въ окрестностяхъ Омфала (de plaets Ombacy).

Корнилій де Брунъ.

ПО РОССІИ.

Отъ Архангельска до Вологды.

Я выѣхалъ изъ Архангельска 21 Декабря, въ три часа полуночи, съ Г. Аврамомъ Кинзіусомъ (Kinsius), котораго сопровождали два солдата и который снабженъ былъ подводою (Podwoden), т.-е., приказаніемъ, чтобы ему давались лошади безплатно; но ямщики все-таки не преминули и при этомъ извлечь для себя малую толику...

Для подобныхъ поѣздокъ санями нужно запасаться въ Архангельскѣ; ибо ямщики доставляютъ однихъ только лошадей. Сани эти дѣлаются такъ, что одинъ человѣкъ можетъ удобно улечься въ нихъ. Нужно имѣть также свою постель, шубы и добрыя одѣяла, чтобы защититься отъ сильнаго холода. Задокъ саней покрываютъ рогожею, а все остальное обиваютъ сукномъ, или кожею. Сверху сани покрываются мѣхомъ или кожей, подбитымъ сукномъ, или одной кожей, для защиты себя отъ дождя и снѣгу. Лежа на такой постели, не чувствуешь ни малѣйшаго холода. Такимъ образомъ мы ѣхали день и ночь, запрягая въ каждыя сани по парѣ лошадей, которыхъ перемѣняютъ черезъ 15 верстъ, коихъ пять полагается на одинъ часъ. Въ концѣ каждой версты у Русскихъ стоитъ знакъ съ надписью верстъ. Въ настоящее время верста содержитъ въ себѣ 100 саженъ, а каждая сажень 3 аршина (Arsiene) или Голландскихъ локтя...

Городъ этотъ довольно великъ, и лежитъ на юго-западъ отъ Двины, одной изъ величайшихъ и знатнѣйшихъ рѣкъ цѣлой Россіи. Рѣка эта имѣетъ источникъ свой въ южной части Вологодской области и, протекая довольно значительное пространство, принимаетъ въ себя множество другихъ рѣкъ и впадаетъ двумя рукавами въ Бѣлое море, какъ было сказано уже

прежде, нѣсколько ниже Архангельска. Такъ какъ Г. Кинзіусъ знакомъ былъ съ Архіепископомъ этого города, называемымъ по-русски Владыкой (Vladika), который есть духовная особа, завѣдывающая Епископіей, то мы пошли посѣтить его. Онъ весьма благосклонно принялъ насъ и угостилъ коричневою водкою, краснымъ Французскимъ виномъ и прекраснымъ пивомъ — напиткомъ, обыкновеннымъ въ этой странѣ, какъ замѣчено нами выше. Онъ предложилъ также намъ блюдо Египетскихъ фиников и другія освѣжающія лакомства. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, по имени Аѳанасій (Affanassy). Онъ жилъ въ своемъ подворьѣ, довольно обширномъ и соединенномъ съ монастыремъ. Проведши весьма пріятно часа два времени въ разговорѣ съ нимъ, человѣкомъ умнымъ и любителемъ искусствъ, мы пошли съ нимъ внизъ, въ одинъ покой, наполненный оружіями. Между прочимъ здѣсь были двѣ небольшія мѣдныя пушки собственной его отливки, и двѣ желѣзныя, захваченныя со Шведскихъ судовъ на рѣкѣ у Архангельска, о которыхъ говорено было выше. Когда мы готовы были уже удалиться и благодарили его за хорошій пріемъ, онъ велѣлъ проводить насъ въ нашу гостиницу пятерымъ духовнымъ лицамъ, изъ которыхъ одинъ несъ намъ пять хлѣбовъ, а остальные сушеную рыбу и другіе съѣстные припасы. Мы выѣхали вновь въ дальнѣйшій путь, въ 10 часовъ вечера, на свѣжихъ лошадяхъ, которыхъ ночью впередъ получили съ большимъ трудомъ, потому что незадолго передъ нами прослѣдовало много проѣзжихъ, также какъ и мы, снабженныхъ подорожными, которые поразобрали большую часть лошадей, находившихся въ городѣ.

23-го числа была благопріятная погода, и мы проѣхали нѣсколько лѣсовъ, изобиловавшихъ пихтовыми деревьями двухъ родовъ, елью и сосной, изъ коихъ однѣ простирали свои вѣтви вдоль всего ствола, другія имѣли ихъ только на вершинѣ. Попадались также ольховыя деревья и береза... Проѣхавъ еще 15 верстъ, мы прибыли въ Филинское (Fielenska), затѣмъ, переѣхали большой лѣсъ, Каменевъ (Komenaf), который въ ширину имѣетъ добрыхъ 20 верстъ, а черезъ 25 верстъ пріѣхали въ Двиницу (Dwinctse), на рѣкѣ того же имени, гдѣ мы узнали, что недавно еще трое Русскихъ купцовъ, ѣхавшихъ тоже изъ Архангельска, были ограблены 26-ю человѣками разбойниковъ, и что одинъ изъ этихъ грабителей снялъ съ главнаго изъ куп-

цовъ, мнѣ знакомаго, серебряный крестъ, который носятъ обыкновенно въ этой землѣ на груди, хотя товарищи грабителя отговаривали его отъ этого, потому что крестъ вообще весьма уважается, негодяй этотъ, самъ имѣвшій на себѣ крестъ, снялъ его съ своей шеи и, надѣвъ на шею купца, сказалъ ему: «Ну, теперь мы братья съ тобою, помѣнявшись крестами»! Извѣстіе это встревожило было насъ; впрочемъ, пораздумавъ хорошенько, мы все-таки рѣшились продолжать наше путешествіе, не дожидаясь общества купцовъ, которые могли проѣзжать изъ Архангельска, и приготовили наше оружіе для защиты въ случаѣ надобности. Итакъ мы, проѣхавъ 25 верстъ, прибыли 29-го числа, безъ всякаго приключенія, въ Рабангу (Rabanga, Рабанское), на рѣкѣ Сухнѣ (Saegue), а оттуда, въ 3 часа пополудни, пріѣхали въ Вологду (Wologda). Городъ этотъ, какъ извѣстно, составляетъ украшеніе этой страны...

На другой день я пошелъ прогуляться по городу, и видѣлъ главную церковь, называемую Соборомъ (Soboor), построенную тѣмъ же Итальянскимъ зодчимъ, который строилъ подобное зданіе въ Московскомъ Кремлѣ. Эта церковь была о 5-ти башняхъ, покрытыхъ жестью, которыя Русскіе называютъ главами (Glasa), т.-е. головками церкви, и на каждой изъ нихъ водружено по большому кресту. Въ этомъ городѣ есть еще другія каменныя церкви, числомъ 21, изъ которыхъ у большей части главы также покрыты жестью съ позолоченными крестами, что производитъ прекрасное впечатлѣніе, когда солнце играетъ на этихъ главахъ и крестахъ. Кромѣ того есть еще 43 деревянныхъ церкви, 3 мужскихъ монастыря и одинъ женскій, главнымъ украшеніемъ котораго является каменная церковь, построенная посреди и окруженная деревянными кельями монахинь, въ особомъ мѣстѣ, въ которое ведутъ небольшія ворота. Обозрѣвши хорошенько эти зданія, я пошелъ посмотрѣть лавки и торжище, наполненное всякими товарами, и я замѣтилъ, что разные товары продаются въ особомъ мѣстѣ, отдѣльно, т.-е. говядина, наприм., въ одномъ отдѣленіи, сѣно, лѣсъ, пушные товары, сало и проч. въ другихъ. Оттуда я прошелъ большими воротами въ другое зданіе, недоконченное еще, и которое начато было Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, съ цѣлію сдѣлать изъ него крѣпость; но его не достроили по причинѣ страха, наведеннаго въ то время Татарами, которые заста-

вили этого Князя удалиться изъ Москвы. Затѣмъ я пошелъ прогуляться вдоль рѣки Вологды, протекающей черезъ городъ. Другая часть на западномъ берегу не такъ важна и называется Dofresene (?), хотя эта часть того же города, имѣющая, впрочемъ, особаго Градоначальника. Длина города составляетъ добрый часъ, ширина же около четверти часа, но мѣстами болѣе, или менѣе, немного. Это есть мѣсто, черезъ которое приходятъ всѣ товары, идущіе изъ Архангельска, для отправки за предѣлы этой страны. Въ настоящее время здѣсь находится три, или четыре, склада для товаровъ нашихъ Голландскихъ купцовъ.

Корнилій де Бруинъ.

Воронежъ.

(1702 г.). Городъ Воронежъ лежитъ подъ 52½ градусомъ широты, на вершинѣ одной горы: онъ окруженъ деревянной стѣной, которая вся сгнила, и раздѣляется на 3 части. Важнѣйшіе Русскіе купцы населяютъ одну часть города, которая называется Акатовъ (Iakatof). Въ городѣ находится большое канатное заведеніе, а пороховые склады помѣщаются въ погребахъ внѣ городскихъ стѣнъ. На склонѣ города, вдоль рѣки, тѣснится множество домовъ, занимающихъ собою пространство шаговъ въ 400. Въ лучшихъ изъ этихъ домовъ живутъ: Адмиралъ Головинъ, Начальникъ Адмиралтейства Апраксинъ, Бояринъ Левъ Кирилловичъ (Lof Krielowitz), Александръ Даниловичъ и другіе знатные Русскіе. Эти дома расположены насупротивъ крѣпости, а далѣе дома Контръ-Адмирала и другихъ морскихъ Офицеровъ, позади же ихъ тянутся улицы, населенныя разными мастерами и рабочими по постройкѣ кораблей. Городъ Воронежъ находится на западъ отъ рѣки Воронежа, отъ которой и получилъ свое имя. Крѣпость стоитъ по другой сторонѣ этой рѣки, и сообщеніе съ нею совершается черезъ большой мостъ. Крѣпостные рвы наполнены водой изъ старой рѣки. Самая крѣпость есть четырехъугольное зданіе, съ башнями на 4-хъ своихъ углахъ и множествомъ большихъ покоевъ, и снаружи зданіе это обѣщаетъ многое. Пески дюнъ занесли новую рѣку до такой степени, что она стала несудоходной, и корабли поэтому должны проходить по старой рѣкѣ. Крѣпость составляетъ въ то же время и главный магазинъ, да ее собственно такъ и называютъ магазиномъ.

Внутри ея находится болѣе 150 пушекъ, дѣйствительно, самаго лучшаго качества, безъ лафетовъ, но это для того, чтобы ихъ можно было переносить, смотря по надобности. Крѣпость защищена во многихъ мѣстахъ частоколомъ и снабжена довольно хорошимъ войскомъ (гарнизономъ), которое размѣщено также и въ окрестностяхъ города, для отраженія набѣговъ Татаръ. Верфи для постройки кораблей находятся теперь подлѣ крѣпости, а прежде постройкою ихъ занимались вездѣ, по всѣмъ мѣстамъ. Собственно магазинъ стоитъ по другой сторонѣ. Это огромное зданіе въ 3 яруса, изъ коихъ 2 нижніе каменные, а 3-й, верхній, деревянный. Въ немъ множество покоевъ, наполненныхъ всевозможными предметами и принадлежностями, необходимыми для морскаго дѣла, распредѣленными по отдѣльнымъ мѣстамъ, до самой одежды и всего, что нужно для матроса. Заведеніе, гдѣ изготовляютъ паруса, находится подлѣ этого магазина. Насчитываютъ въ этомъ городѣ и окрестностяхъ до 10 тысячъ жителей. На поляхъ изъ города видны два, или 3 окрестныя селенія.

Корнилій де Брунъ.

Нижній-Новгородъ.

(1703 г.). Вечеромъ вѣтеръ подулъ съ такою яростію и волны поднялись такія сильныя, что мы принуждены были остановиться у лѣваго берега рѣки, но 5-го числа вѣтеръ стихъ, и мы до свѣту еще пустились снова въ путь, и, миновавъ нѣсколько селеній, прибыли, наконецъ, къ верфи, которая тянется вдоль рѣки до самаго предмѣстья Нижняго, въ которомъ первымъ представился намъ прекрасный большой каменный монастырь, окруженный такою же стѣною; каменная церковь посрединѣ, тоже окруженная каменными и деревянными домами, простирающимся до самой рѣки; другая каменная церковь, довольно большая и изящная, построенная напротивъ горы, тоже окруженная со всѣхъ сторонъ домами. Затѣмъ показался городъ, который Русскіе называютъ просто Нижній (Niesna, Nisen), другіе зовутъ его Нижній Новгородъ (Niso en Novogorod), или Малый Новгородъ (Rleen Novogorod), еще другіе Нижній Новгородъ (Nisen Nieugarten). Эта небольшая область или Княжество, съ большимъ городомъ и кремлемъ на скалѣ, при сліяніи Оки съ Волгою. Го-

родъ обнесенъ прочною, каменною стѣною, и нужно прежде пройти большую, длинную улицу или базаръ, чтобы очутиться у Ивановскихъ (Iwanofskie) воротъ, которыя находятся на берегу рѣки. Ворота эти построены изъ большихъ и толстыхъ камней и сами по себѣ чрезвычайно толсты и низки для прохода. Черезъ эти ворота, поднимаясь постоянно въ гору, проходишь по большой улицѣ, покрытой деревянными мостами, до другихъ воротъ Димитровскихъ (Deamietrofskie). Близъ сихъ воротъ стоитъ лучшая каменная церковь, называемая Соборъ (Soboor), съ пятью главами, окрашенными зеленою краской и украшенными сверху красивыми крестами; подлѣ церкви большой каменный, отлично сооруженный, дворецъ Митрополита, въ срединѣ котораго изящная небольшая церковь съ колокольнею, а затѣмъ еще двѣ церкви, одна деревянная, а другая каменная. Приказъ или Канцелярія также находится подлѣ этихъ воротъ: онъ деревянный, равно какъ и домъ Губернатора. Въ остальномъ городъ самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго, что̀ бы заслуживало обозрѣнія, такъ какъ онъ невеликъ и всѣ дома въ немъ деревянные. Въ немъ только двое описанныхъ выше воротъ; страна же въ окрестности его довольно пріятна на глазъ и покрыта деревьями и множествомъ разсыпанныхъ тамъ и сямъ домовъ. Стѣны его защищены башнями, круглыми и четырехъугольными, и между ними есть одна башня, чрезвычайно большая и высокая, которая видна на далекое разстояніе. У воротъ со стороны материка, въ помѣщеніи охранительной стражи, на вышкѣ стоятъ 4 пушки. Предмѣстья очень обширныя, особенно то, которое выходитъ къ сторонѣ рѣки и въ которомъ находится нѣсколько каменныхъ церквей, и гдѣ гора, раздѣленная на нѣсколько холмовъ, застроенныхъ церквами и домами, представляетъ очень красивое зрѣлище. Всего мѣстоположенія, впрочемъ, нельзя и обозрѣть сразу, по причинѣ холмовъ и отлогостей, которыя ограничиваютъ видъ. Рѣка вдѣсь постоянно заставлена множествомъ судовъ, приходящихъ или уже пришедшихъ сюда со всѣхъ сторонъ. На другомъ берегу этой рѣки лежитъ большое село, принадлежащее Григорію Дмитріевичу Строганову (Grigori Demitri Strogenof), съ прекрасною каменною церковью и близъ нея съ каменнымъ же господскимъ домомъ, гдѣ живетъ по временамъ онъ самъ. Симъ вечеромъ отсюда отплыло 48 боль-

шихъ 10-ти весельныхъ барокъ, на которыхъ въ каждой было человѣкъ по 40, для нагрузки этихъ барокъ, замерзшихъ во льду, лѣсомъ. Всѣ эти барки, находившіяся въ семъ городѣ, принадлежатъ этому купцу, котораго считаютъ, какъ сказано выше, самымъ богатымъ въ Россіи. Онъ платитъ по 3 риксдалера каждому, котораго онъ нанимаетъ для нагрузки его лѣсу. Вечеромъ же стали звонить, по случаю праздника Вознесенія Господня, имѣющаго быть на слѣдующій день. Мы накупили здѣсь потребное для насъ продовольствіе, и въ особенности водки, которая здѣсь очень хороша, почему Армяне и не упустили случая закупить ее, сколько имъ было нужно, заплативъ за 4 штофа только 2 гульдена. Съѣстныхъ припасовъ здѣсь также въ изобиліи. Ягненокъ или простой баранъ стоитъ отъ 13 до 14 штиверовъ *); двѣ небольшихъ утки 1 штиверъ; хорошая курица 3 штивера; 20 яицъ 1 штиверъ; два бѣлыхъ хлѣба порядочной величины 1 штиверъ; черный хлѣбъ въ 7, или 8 фунтовъ, также одинъ штиверъ. Пиво также здѣсь очень вкусно и дешево. Полагаютъ, что городъ Нижній отстоитъ отъ Москвы на 800 верстъ или въ 160 часахъ; но сухимъ путемъ не болѣе 100 часовъ. Онъ стоитъ на южной сторонѣ р. Оки, по которой мы плыли, начиная отъ Коломны, какъ уже сказано выше, и эта рѣка впадаетъ здѣсь въ р. Волгу, называвшуюся въ древности Ра (Rha). Обѣ эти рѣки при соединеніи своемъ, имѣютъ въ ширину 400 футовъ, если только можно вѣрить въ этомъ тѣмъ, которые измѣряли ихъ зимою, по льду. Городъ Нижній населенъ только Русскими, и Татаръ болѣе въ немъ не видно. Онъ весьма многолюденъ и лежитъ на высотѣ 56°, 28'' широты. Я очень желалъ снять видъ этого города со стороны рѣки, но никакъ нельзя было склонить къ тому Русскихъ, по случаю праздничнаго дня; ибо они въ такіе дни ничего не дѣлаютъ, какъ только пируютъ. Я видѣлъ даже многихъ изъ нихъ въ пьяномъ состояніи валяющимися по улицамъ. Забавно глядѣть, какъ эти жалкіе люди всякій день безъ исключенія бродятъ около кабаковъ или питейныхъ домовъ. Я оставался нѣсколько часовъ въ одномъ изъ этихъ домовъ, гдѣ мы купили водку для себя, чтобъ полюбоваться на проказы и странныя движенія выпившихъ, когда вино на-

*) Штиверъ—прежняя голландская монета, $=\frac{1}{20}$ гульдена. (*Сост.*).

чинаетъ отуманивать ихъ головы. При этомъ они должны были оставаться на улицѣ, потому что имъ не дозволяется входить въ домъ продажи питей; они стоятъ у дверей, гдѣ находится столъ, на который желающіе выпить кладутъ свои деньги, послѣ чего имъ отмѣриваютъ извѣстное количество желаемой водки, которую черпаютъ изъ большаго котла деревянной ложкой и наливаютъ въ деревянную же чару или ковшъ. Самая малая мѣра водки стоитъ полштивера (двѣ полушки). Прислуживаетъ пьющимъ, такимъ образомъ, особый человѣкъ, который только тѣмъ и занимается цѣлый день, что разливаетъ и подаетъ водку, другой же помогаетъ ему тѣмъ, что получаетъ съ пьющихъ деньги. Женщины приходятъ сюда такъ же, какъ и мужчины, и выпиваютъ ничѣмъ не меньше и не хуже ихъ. Я видѣлъ такъ же, какъ совершали подобное шествіе и въ такой кабакъ, въ которомъ продавалось только пиво и въ который дозволялось уже входить всѣмъ, желающимъ выпить пива. 6-го числа мы взошли на наше судно и намѣреваясь отправиться, старались людей нашихъ собрать всѣхъ на оное, ночь же провели не въ дальнемъ разстояніи на рѣкѣ.

Корнилій де Брунъ.

Дорога отъ Петербурга до Москвы.

(1709 г.) 19-го Декабря. Въ Новгородѣ я сначала остановился у своего знакомаго, подполковника Манштейна, но потомъ мнѣ отвели квартиру въ домѣ купца Михаила Ивановича Zarticho. Калмыкъ по происхожденію, купецъ этотъ нѣкогда былъ проданъ одному купцу, а по смерти сего послѣдняго женился на его дочери и такимъ образомъ сталъ собственникомъ всего его имущества. Какъ только я пришелъ къ нему, онъ поднесъ мнѣ огромный каравай ржаного хлѣба, тарелку варенья, жбанъ меду и жбанъ пива. Хотя на новой квартирѣ мнѣ было очень тѣсно, зато въ ней было тепло и сухо. Царь, привѣтствуемый пальбой изъ орудій, пріѣхалъ въ Новгородъ въ 9 часовъ вечера, пробылъ тамъ всего нѣсколько часовъ и отправился далѣе на Москву. Любопытно, что, путешествуя по Россіи, Царь, въ виду малочисленности свиты, ѣздитъ не въ качествѣ царя, а въ качествѣ генералъ-лейтенанта, и на этотъ конецъ беретъ

у князя Меншикова особую подорожную. Такъ какъ по всей Россіи приказанія князя исполняются наравнѣ съ царскими, то Царь съ этой подорожной ѣдетъ день и ночь безъ малѣйшей задержки. Дорогой изъ Петербурга въ Новгородъ я сдѣлалъ наблюденіе, что дома по всей Ингерманландіи весьма грязны, плохи и построены въ одинъ ярусъ; за русскою границею они становятся чище, красивѣе и вырастаютъ въ два яруса, изъ которыхъ верхній служитъ для жилыхъ помѣщеній, а нижній — для кладовыхъ и погребовъ.

20-го Декабря. Прождалъ въ Новгородѣ моихъ людей и вещей, которые должны были прибыть изъ Нарвы. Ѣздилъ по городу верхомъ и осматривалъ его. Состоитъ онъ изъ множества маленькихъ, плохо построенныхъ и безпорядочно разбросанныхъ деревянныхъ домовъ, подобныхъ крестьянскимъ домамъ въ Норвегіи. Такіе дома продаются за два, за три, самое большее за 4 рубля каждый. Въ городѣ множество церквей и монастырей. Лучшимъ украшеніемъ церквей служатъ ихъ высокіе купола, весьма похожіе на тѣ, что въ архитектурѣ зовутся «des dômes». Они окружены многими маленькими вышками. Колокольни стоятъ по близости отъ церквей; на самихъ же церквахъ русскіе никогда колоколовъ не вѣшаютъ. Недавно въ Новгородѣ былъ большой пожаръ, при чемъ сгорѣло и попорчено огнемъ не мало церквей. Купола выведены дранью и покрыты свинцомъ. Иные позолочены, иные украшены изящною старинною живописью. Внутри города есть крѣпость со стѣнами и башнями, въ родѣ Ивангородскихъ. Кругомъ города также имѣется стѣна, но она завалилась, и черезъ нее почти всюду можно переѣхать въ повозкѣ. Улицы мощены бревнами вмѣсто камня...

24-го Декабря... По всей Россіи, на ямахъ и между ямами *), тамъ, гдѣ приходится кормить лошадей, Царь приказалъ выстроить для себя особенныя подворья. Въ каждомъ содержится на его счетъ дворецкій, обязанный смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, а также держать въ погребѣ пиво и небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, чтобы царю во время быстрыхъ переѣздовъ его, предпринимаемыхъ для не ожидающихъ ревизій губернаторовъ и комендантовъ, было что ѣсть и что пить...

*) Т. е. станціями. (*Сост.*).

27-го Декабря. Солдатъ и приставъ были для меня крайне полезны, и я бы не могъ безъ нихъ обойтись. Они собирали лошадей, смотрѣли за нашими санями и вещами; солдаты при этомъ прислуживали моимъ людямъ такъ же, какъ мнѣ самому, и послѣднимъ не надо было заботиться ни о чемъ: дорогою они спали себѣ въ своихъ закрытыхъ саняхъ, устроенныхъ на русскій ладъ.

Торжокъ — небольшая плохенькая крѣпость, окруженная слабою стѣною, впрочемъ имѣетъ многолюдные и обширные посады. Городъ прислалъ мнѣ въ подарокъ черезъ старшину ведро водки, ведро пива и нѣсколько пшеничныхъ хлѣбовъ.

Тверь — большой городъ, стоящій на Волгѣ и имѣющій маленькую крѣпость. Комендантъ Иванъ Михайловичъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать, прославъ за мною свои сани. Въ домѣ его въ мою честь было зажжено много люстръ и канделябръ съ восковыми свѣчами. Комната была кругомъ уставлена великолѣпнѣйшими образами; предъ каждымъ, согласно русскому обычаю, горѣла восковая свѣча. На видъ комендантъ былъ весьма добродушный и вѣжливый человѣкъ. Жена его тотчасъ же вышла къ намъ въ сопровожденіи многочисленной женской свиты и, по заведенному въ Россіи порядку, предложила мнѣ поцѣловаться съ нею, затѣмъ, какъ мнѣ, такъ и бывшимъ со мною лицамъ, сама поднесла водки, послѣ чего меня усадили за столъ. Давалось много разныхъ блюдъ. Во время обѣда, по распоряженію коменданта, въ горницу вошло 16 скомороховъ, которыхъ по его словамъ у него имѣется 60 человѣкъ. Они принялись свистать, щебетать, пѣть и куковать, каждый на свой ладъ, представляя разнообразное пѣнье птицъ въ лѣсу. Свистали они такъ громко, что стѣна отражала звукъ, и хотя всѣ эти люди стояли противъ меня, мнѣ казалось, что они одновременно находятся и спереди и сзади. Они щелкали также кастаньетами, сдѣланными изъ деревянныхъ ложекъ съ погремушками по краямъ, играли на волынкахъ и скрипкахъ, плясали, забавно ломались, бѣгали взадъ и впередъ на корачкахъ, щебетали и т. д. Шутки эти отличались своеобразіемъ, на нихъ весело было смотрѣть. Вставъ въ кругъ, они влѣзали также другъ къ другу на плечи и съ различными шутовскими повадками изображали собою подымающуюся башню. По моему

приказанію часть моихъ людей поѣхала впередъ съ вещами, меня же комендантъ все задерживалъ и, насилу вырвавшись отъ него въ 11 часовъ ночи, выѣхалъ я изъ Твери въ полночь.

28-го Декабря. Въ полдень прибылъ въ Завидово, а въ 5 часовъ вечера прибылъ я въ Москву.

29-го Декабря. Въ половинѣ 9-го утра для меня уже приготовлено было помѣщеніе въ одномъ изъ домовъ Нѣмецкой Слободы. У дома этого на часахъ стояло шесть человѣкъ. Это было небольшое кирпичное зданіе, комнаты со сводомъ, желѣзными дверьми и желѣзными рѣшетками у оконъ. Печи въ домѣ были не желѣзныя, а кафельныя, муравленыя, большія, высокія, хватающія отъ пола до потолка; изъ нихъ однѣ были круглыя, какъ башни, другія четвероугольныя.

Во время путешествія изъ Петербурга въ Москву я сдѣлалъ слѣдующія наблюденія. Обыкновенно меня помѣщали на царскихъ подворьяхъ; но тамъ, гдѣ ихъ не было, приставъ, всегда ѣхавшій съ нѣсколькими солдатами впереди, занималъ силою домъ, который ему больше нравился, приводилъ къ моему пріѣзду въ порядокъ, топилъ, выгонялъ изъ него хозяевъ и завладѣвалъ всѣмъ домашнимъ скарбомъ; ибо здѣсь нѣтъ гостиницъ, въ которыхъ можно останавливаться и кормить лошадей. Въ случаѣ поломки саней, или порчи сбруи, солдаты силою отымали у крестьянъ то, что было нужно, и мнѣ ни о чемъ не приходилось заботиться. Въ Россіи крестьяне повсюду привыкли къ подобнымъ порядкамъ, и такъ боятся солдатъ, что охотно готовы отдать все, лишь бы избѣжать ихъ побоевъ и брани. Въ саняхъ, несмотря ни на какой морозъ, мнѣ лежалось такъ хорошо и было такъ тепло, что лучшаго нельзя было желать. Когда по моему приказанію закрывали ихъ со всѣхъ сторонъ, то я скорѣе могъ жаловаться на жаръ, чѣмъ на холодъ. Люди мои тоже путешествовали самымъ удобнымъ образомъ: у каждаго изъ нихъ были свои сани, снабженныя прочными покрывалами и полостями. Все же передъ тѣмъ, какъ пускаться въ долгій путь, слѣдуетъ обзавестись своими хорошими новыми санями; ибо тѣ, которыя попадаются въ дорогѣ и которыя выбираешь на-спѣхъ, не такъ хороши и удобны, какъ заказываемыя въ большихъ городахъ. Всего отъ Петербурга до Москвы, на разстояніи 742 верстъ, 9 ямовъ.

Юстъ Юль.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОМѢЩИКЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА I.

Василій Гурьевичъ, отецъ мой, съ братомъ своимъ Иваномъ, записанъ былъ въ гвардіи Преображенской полкъ, въ солдаты, когда оный полкъ еще учрежденъ былъ отъ Петра Великаго вновѣ; меньшой братъ его Иванъ умеръ холостой. Отецъ мой служа въ гвардіи солдатомъ, былъ въ походахъ съ Государемъ, въ 1700 году, когда городъ Нарву у Шведовъ брали штурмомъ; при томъ штурмѣ онъ раненъ былъ тяжело: у лѣвой руки отстрѣлили у него картечью три пальца, по половинѣ каждаго, большой, указательный и средній, а остались два цѣлыхъ, мизинецъ да другой подлѣ мизинца. Государь, осматривая самъ персонально своего полку раненыхъ солдатъ, между которыми у отца моего висящіе на жилахъ отстрѣленные пальцы отрѣзалъ самъ ножницами, изволилъ сказать при томъ во утѣшеніе страждущему отъ раны: «трудно тебѣ было»! Наконецъ, при отставкѣ отъ службы, пожаловалъ его капраломъ. Отецъ мой, получа отставку и излечась отъ раны руки своей, жилъ въ Москвѣ, въ домѣ Милославскаго, по свойству, и по оному дому сдѣлался знакомъ многимъ знатнымъ господамъ, какъ-то: Долгорукимъ, Салтыковымъ и прочимъ. Милославской, Сергій Ивановичъ, бывъ въ Арзамасскихъ своихъ деревняхъ, взялъ къ себѣ близъ живущую дворянскую дочь небогатую, по фамиліи Аксентьеву и, не смотря на недостатокъ свойственника своего, а моего отца, женилъ его на Аксентьевой, дѣвицѣ Афимьѣ Ивановнѣ, которая произвела меня на свѣтъ. Отецъ мой, поживя нѣсколько времени съ моею матерью въ домѣ свойственника своего Милославскаго, въ Москвѣ, который не болѣе дѣлалъ ему одолженія, какъ дневною пищею при своемъ столѣ, наконецъ, взялъ намѣреніе отъѣхать въ домъ отца своего, въ деревню, куда и отправился съ молодою своею супругою, а моей матерью. По пріѣздѣ его въ свое отечество, открылось отъ большаго брата его Петра, который былъ также въ отставкѣ, ненависть, вражда и сущее гоненіе. Мать ихъ, а моя бабка, Афимья Павловна, была тогда уже вдовою; видя такое неустройство между дѣтьми своими, взяла свою четвертую, послѣ мужа своего, указную часть недвижимаго имѣнія и для жалкаго состоянія сына своего Василья,

а моего отца, отдала ему во владѣніе вѣчно одному. Петръ Гурьевичъ, видя, что мать его свою четвертую часть отдала только одному брату его Василью, созвавъ свойственниковъ и родственниковъ своихъ, между которыми былъ тогда человѣкъ самой худыя души въ нашей фамиліи, Михайла Артемьевъ сынъ Даниловъ (а сверхъ его фамиліи прозвался онъ Крюкъ), зазвали отца моего въ свое собраніе и принудили его волею или неволею дать на себя запись такову, чтобъ впредь ему Василью въ недвижимое отца своего имѣніе не вступаться и не бить челомъ, а быть довольному однимъ четвертымъ жеребьемъ матери своей, которое обязательство утвердили они неустоїкою: кто впредъ зачнетъ просить, тому заплатить сто рублевъ, а запись будетъ записью.

Отецъ мой, поселясь на отведенной ему усадьбѣ, перешелъ жить на новоселье, взялъ къ себѣ жить свою мать, а мою бабку, и живучи съ моею матерью, произвели они на свѣтъ дѣтей, которыхъ было отъ сихъ благословенныхъ супруговъ двѣнадцать человѣкъ... Наконецъ, принялъ отецъ мой намѣреніе, къ облегченію своего недостатка, искать помощи у своихъ прежнихъ повидимому казавшихся благодѣтелей, знатныхъ господъ, что онъ и получилъ. Семенъ Андреевичъ графъ Салтыковъ, кой тогда былъ правитель въ Москвѣ, опредѣлилъ его къ Троицы-Сергіеву монастырю, отъ котораго онъ получалъ отсыпной хлѣбъ и деньги; однако не долго онъ симъ правленіемъ пользовался. Свойственники его Даниловы, узнавъ о такомъ однофамильца своего опредѣленіи къ монастырю, почли своему роду въ безчестіе, да и отрѣшили его, по просьбѣ своей, отъ монастырскаго довольствія: положили между собою условіе, дабы содержать его на своемъ общемъ иждивеніи, изъ коихъ одинъ только поприлежнѣе сохранялъ нѣсколько времени данное обѣщаніе, Афанасій Денисовичъ Даниловъ; наконецъ, и онъ забылъ свое обѣщаніе, какъ и прочіе его товарищи, помогать моему отцу въ недостаткѣ, а награждалъ его изобильно однимъ сожалѣніемъ. Отецъ мой, обратясь на прежнее свое состояніе, жилъ съ помощію своихъ прочихъ благодѣтелей весьма умѣренно.

Въ 1722 году случилось ему ѣхать отъ свойственниковъ своихъ съ моею матерью, при коей и я находился въ младенчествѣ у грудей матери. Проѣхавъ городъ Веневъ, стали подъѣзжать къ рѣкѣ Осетру, разстояніемъ отъ дома своего не бо-

лѣе пяти верстъ; время тогда было зимнее, а день приклонился къ сумеркамъ; набѣжали на нихъ нѣсколько саней, въ коихъ человѣкъ съ десять или болѣе было разбойниковъ. Отецъ мой, сидя на облуку у той кибитки, въ которой мать моя со мною сидѣла, а человѣкъ правилъ (какъ я отъ отца моего оное приключеніе слышалъ), вооруженъ былъ только однимъ палашемъ; узнавъ онъ изъ той воровской шайки одного мужика изъ деревни Соколовки, одного къ церкви прихода, сказалъ ему, что по сосѣдству нехорошо такъ поступать и что онъ знаетъ ихъ. Оное слово не умягчило сихъ бездѣльниковъ, а можетъ быть и пьяныхъ; они закричали воровскимъ обыкновеніемъ: «атаманъ, потчивай, онъ знаетъ насъ». Послѣ сего слова кинулись разбойники съ дубьемъ на отца моего и начали бить. Отецъ мой противъ толикаго числа разбойниковъ не долго оборонялся, отбѣжалъ обороняясь отъ дороги нѣсколько сажень, гдѣ они сбили его съ ногъ на землю и били столь безчеловѣчно, что чуть жива оставили и, наконецъ, петлю на шею ему, потащили и бросили въ сани; потомъ, своротя съ дороги въ сторону, привезли къ рѣкѣ Осетру и при многомъ обыкновенномъ отъ разбойниковъ стращаньѣ и угрозахъ, то топить въ водѣ хотѣли, ограбя всѣхъ дочиста, объявляя притомъ, что они о младенцѣ (то-есть обо мнѣ) сожалѣніе имѣютъ: дабы не изнобили, дали нѣсколько самаго худѣйшаго одѣянія и одну безъ узды лошадь, сами ускакали возвратно. Слуга, который былъ при насъ, взявъ лошадь за гриву, повелъ ее за собою: повезли отца моего едва жива въ саняхъ положеннаго, а мать моя и при ней престарѣлая дѣвка шли пѣшкомъ, несли меня на рукахъ поперемѣнно, идучи и пробираясь домой полями, потому что разбойники завели насъ отъ дороги далеко. Наконецъ, дошедъ съ великою нуждою до села Исакова, изъ того села перевезенъ былъ отецъ мой въ свой домъ, гдѣ онъ чрезъ немалое время хотя и пришелъ, казалось, въ прежнее свое здоровье, однако календарь оный, данный ему отъ разбойниковъ, очень вѣренъ былъ: всегда чувствовалъ онъ къ перемѣнной въ воздухѣ погодѣ превеликую боль во всемъ своемъ тѣлѣ.

Мать наша кормилица всѣхъ дѣтей своихъ своею грудью, воспитывала насъ съ безпримѣрною материнскою горячностію и любовью. Она была весьма добронравна и незлобива, осо-

бливо къ своимъ домашнимъ служанкамъ, повелѣвала ими болѣе ласкою, нежели дворянскою обыкновенною властію. Она жила отъ роду своего слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ и скончалась въ 1759 году припадкомъ. Отецъ мой, за десять лѣтъ до своей кончины, получилъ себѣ по наслѣдству крестьянъ, послѣ родственника своего Анфиногена Антиповича Данилова, въ Веневскомъ уѣздѣ 30 душъ, коими онъ былъ къ пропитанію своему доволенъ. Нравъ отца моего былъ хотя вспыльчивъ, только скоро отходчивъ и немстителенъ. Онъ скончался наиболѣе отъ старости своихъ лѣтъ, а не отъ приключившейся ему какой болѣзни: ходилъ на ногахъ до своей кончины. Почувствовавъ въ себѣ изнеможеніе къ смерти, призвалъ священника и приказалъ ему при себѣ ночевать, а какъ конецъ жизни его сталъ уже приближаться, тогда онъ разбудилъ спящаго священника и велѣлъ ему читать отходную молитву, по окончаніи молитвы легъ на постелю и скончался. Онъ погребенъ возлѣ отца своего въ селѣ Харинѣ, жилъ слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду.

М. Даниловъ.

ПОМѢЩИКИ И КРЕСТЬЯНЕ.

Такъ какъ цари имѣютъ власть во всякое время, по усмотрѣннымъ обстоятельствамъ, отбирать имѣнья у бояръ своихъ, то поэтому и сіи послѣдніе возъимѣли ложное мнѣніе, будто они то же могутъ дѣлать съ своими крестьянами; отсюда и происходитъ, что всякое прилежаніе, всякое стремленіе къ пріобрѣтенію подавлены у крестьянъ и что крестьяне эти, изъ недовѣрія къ помѣщику своему, если и пріобрѣтаютъ кое-что тайкомъ, то зарываютъ въ навозъ и ничему не даютъ ходу.

Высасывая себѣ, такимъ образомъ, хитростью и властью сокъ и силу крестьянъ, дворяне не хотятъ въ то же время колоть глаза своими награбленными богатствами, и оттого, по примѣру крестьянъ, запираютъ свое золото въ ларцы, гдѣ оно и ржавѣетъ, или же (какъ разумно дѣлаютъ теперь нѣкоторые изъ нихъ) посылаютъ свое золото въ банки, въ Лондонъ, въ Венецію или Амстердамъ. Вслѣдствіе всего этого, такъ какъ деньги дворянъ и крестьянъ скрыты, то они и не могутъ быть въ обращеніи и не приносятъ странѣ никакой пользы; и хотя

царю не разъ совѣтовали отмѣнить рабство, пробудить и ободрить большинство своихъ подданныхъ дарованіемъ имъ нѣкоторой умѣренной свободы и тѣмъ доставить выгоду и себѣ; но царь, въ виду дикой натуры Русскихъ, а также и того, что безъ принужденія ихъ ни къ чему не поведешь, имѣлъ достаточныя причины отвергать до сихъ поръ эти совѣты и предложенія...

Кромѣ... податей, ни городскіе обыватели, ни поселяне, за земли свои и по имуществу, не обременяются никакими налогами. Налоги эти были бы очень легки тамъ, гдѣ земледѣлецъ умѣетъ пользоваться благословеніемъ, Богомъ ему ниспосылаемымъ, но они оказываются необыкновенно тягостными въ странѣ, гдѣ крестьянинъ не понимаетъ, какъ лучше извлечь пользу отъ земли своей и отъ собранныхъ имъ плодовъ, и гдѣ его постоянно высасываетъ помѣщикъ. Угнетеніе духа, проистекшее изъ рабства, до такой степени омрачило, повидимому, всякій смыслъ крестьянина, что еслибъ ему указана была выгода экономіи, и даже еслибъ онъ самъ ясно видѣлъ пользу ея, то все-таки не переставалъ бы держаться прежнихъ своихъ порядковъ, полагая, что предки его лучше разумѣли дѣло. Что можно было бы извлечь изъ плодородной земли его, можно видѣть въ особенности, когда изъ Россіи переѣдешь въ страну казаковъ: хотя почва тамошней земли гораздо хуже, и сами Русскіе, живущіе въ Украйнѣ, уже по натурѣ своей далеко не такъ прилежны и дѣятельны, какъ казаки; однако-жъ вслѣдствіе хозяйства, которое у нихъ ведется почти на Польскій образецъ, не взирая на расквартированіе войскъ и другія притѣсненія, они гораздо зажиточнѣе тѣхъ Русскихъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ господъ своихъ.

Ф. Веберъ.

Образованіе и церковь.

МѢРЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ОБРАЗОВАНІЯ.

Сначала думалъ онъ (Петръ) дать достаточное образованіе своему дворянству отправкой его въ чужіе края, какъ насмотрѣлся у другихъ Европейскихъ народовъ. А потому, только что воротился изъ перваго большаго путешествія, онъ отправилъ довольно значительное число очень грубыхъ и невѣжественныхъ молодыхъ людей, изъ самыхъ знатныхъ семействъ страны въ Англію, Голландію, Францію и Италію. Но такъ какъ они принесли оттуда немного больше способности, чѣмъ взяли ея съ собою, то, наконецъ, онъ замѣтилъ, что имъ недостаетъ и начальныхъ основаній, а потому и думалъ, какъ бы вознаградить этотъ недостатокъ заведеніемъ необходимыхъ Училищъ и Академій.

Почти около того времени началась у Петра связь съ бывшей потомъ Императрицею, Екатериной, находившейся въ услуженіи у Пробста въ Маріенбургѣ, Глюка (Glück); при покореніи этого мѣста она взята была, вмѣстѣ съ нимъ, въ плѣнъ Русскими и приведена въ Москву. Это подало Петру I случай познакомиться съ означеннымъ Пробстомъ и посовѣтоваться съ нимъ о заведеніи училищъ. Этотъ человѣкъ, имѣвшій не больше свѣдѣній, сколько обыкновенно можно найти у Шведскаго деревенскаго пастора, но со всѣмъ тѣмъ, по знанію Русскаго языка, считавшійся въ глазахъ Петра I свѣтиломъ міра, былъ, по своимъ воззрѣніямъ, не въ состояніи подать ему никакой другой мысли, кромѣ той только, чтобы завести такія же училища, какія обыкновенны въ Ливоніи, и дѣти тамъ

должны учиться Катихизису, Латинскому языку и другимъ школьнымъ предметамъ. Петръ I одобрилъ этотъ совѣтъ, и поручилъ привести его въ исполненіе тому же Пробсту, назначивъ ему нужныя для того деньги и просторный домъ въ Москвѣ. Пробстъ выписалъ потомъ себѣ Лютеранскихъ студентовъ Богословія и устроилъ свое училище совершенно по правиламъ Шведскаго церковнаго устава; а чтобы тутъ не было ни въ чемъ недостатка, перевелъ плохими стихами по Русски разныя Лютеранскія пѣсни, которыя должны были дѣти благоговѣйно пѣть передъ уроками и послѣ нихъ.

Смѣшная сторона этихъ заведеній и плохіе успѣхи такого обученія у Русскаго юношества до того бросались въ глаза, что эти училища не могли просуществовать долго. Такъ Петръ I скоро и закрылъ ихъ и предоставилъ на попеченіе родителей сообщать дѣтямъ начальныя научныя свѣдѣнія либо съ помощью частныхъ учителей, либо въ Лютеранскихъ училищахъ въ Москвѣ, либо же посредствомъ тамошнихъ Католическихъ Священниковъ. Вмѣсто того обратилъ исключительно свои заботы на то, какъ бы сдѣлать свое дворянство свѣдущимъ въ инженерной наукѣ и мореплаваніи, и для этой цѣли завелъ разныя Академіи въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ бы обучать можно было юношество въ этихъ обѣихъ наукахъ, а также и въ математикѣ.

На томъ нѣсколько времени и оставалось его рвеніе къ наукамъ; если же онъ и предпринималъ еще что-нибудь для ихъ успѣшности, то это относилось только къ однимъ физическимъ и хирургическимъ опытамъ, въ которыхъ находилъ онъ особенное удовольствіе.

Но послѣ того, какъ въ 1717 году Французская Академія Наукъ приняла его въ свои члены, это возбудило въ немъ сильное желаніе основать такую же Академію и въ своемъ Царствѣ. Его понятія о наукахъ были не довольно ясны, чтобы онъ самъ собой могъ выбрать изъ нихъ, какія полезны для его страны, и какія нѣтъ. Еще сбивчивѣе стали его понятія, благодаря совѣщаніямъ, какія велъ онъ по этому предмету съ нѣкоторыми учеными, вовсе незнакомыми съ природными свойствами Россіи. Напослѣдокъ, въ 1724 году, онъ рѣшился сдѣлать Французскую Академію совершеннымъ образцомъ для своей, и для приданія ей блеска въ самомъ началѣ, старался, съ по-

мощью большаго жалованья, набрать туда нѣсколько ученыхъ съ большою извѣстностью, какъ напримѣръ, Вольфа, Германа, Делиля и Бернулли, и на расходы для того назначилъ доходы съ таможенъ Нарвы, Дерпта и Пернова, доходившіе ежегодно до 25 тысячъ рублей. Впрочемъ, онъ жилъ послѣ того такъ недолго, что не могъ имѣть удовольствія видѣть въ ходу это учрежденіе. Но придворный Врачъ его Блументростъ, который долженъ быть тутъ Предсѣдателемъ, съ 3,000 рублей жалованья, пользуясь довѣріемъ къ нему Императрицы, такъ подвинулъ впередъ это дѣло, что Екатерина утвердила Академію; онъ умѣлъ постоянно поддерживать ее и при Петрѣ II, несмотря на большинство Сенаторовъ, которые считали ее безполезнымъ и плохо обдуманнымъ дѣломъ, не приносившимъ никакой пользы странѣ, и, слѣдовательно, охотно бы поберегли издержки на это.

I. Фокkeродтъ.

ПАТРІАРШІЯ ШКОЛЫ.

1711 г. 26 Мая... Мною собраны подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ и положеніи большой Московской патріаршей школы или гимназіи. Школа эта находится возлѣ одного монастыря, въ который допускаются только православные монахи Польскаго происхожденія. Архимандритъ, или игуменъ этого монастаря, Ѳеофилактъ Лопатинскій, состоитъ въ то же время ректоромъ школы. Въ его классѣ считается 17 учениковъ; онъ преподаетъ имъ богословіе. Получаетъ онъ отъ Царя 300 руб. ежегоднаго жалованья. Субректоръ, professor philosophiae Ioakim Bogomodlewskij, старшее послѣ Лопатинскаго лицо, преподаетъ философію 16-ти ученикамъ. Затѣмъ слѣдуютъ: Professor rhetorices и преподаватель другихъ менѣе важныхъ предметовъ, Іоасафъ Томиловичъ, имѣетъ 15 учениковъ; professor poeseos Гавріилъ Theodorowitz, имѣетъ 10 учениковъ; professor sintaxeos Ѳеодосій Turkiewitz, съ 21-мъ ученикомъ; magister grammatices Инокентій Kulcyijckiy, съ 20-ю учениками; magister infimae grammatices, anologiae et lingvae germanicae, Ѳеофилъ Кроликъ, съ 84-мя учениками professor Lijchudes, didascalus lingvae graecae, oriundus ex insula Cephalonia, съ 8-ю учениками. Кромѣ того, при школѣ находится двое проповѣдниковъ: Степанъ

Прибыловичъ и Barnabus Wołostowskij. Каждый изъ профессоровъ и преподавателей получаетъ отъ Царя по 150 рублей въ годъ. Жалованье аккуратно производится имъ изъ Печатнаго Приказа; ученики въ двухъ высшихъ классахъ theologiae et philosophiae studiosi, получаютъ на содержаніе по 4 коп. въ день, остальные по 3. Архимандритъ Лопатинскій говоритъ, что еслибъ первые основатели школы живо приняли къ сердцу ея процвѣтаніе и развитіе, то имъ не трудно было бы настоять на опредѣленіи ученикамъ втрое большаго содержанія противъ нынѣшняго; чрезъ это наплывъ учениковъ безъ сомнѣнія значительно увеличился бы.

Кромѣ этой Патріаршей школы, Царь основалъ въ Москвѣ еще одно учебное заведеніе, въ которомъ первоначально ректоромъ былъ Германскій уроженецъ Бидловъ, а преподавателями десять чужеземцевъ: Нѣмцевъ, Шведовъ, Французовъ и Итальянцевъ. Но профессора Патріаршей школы, изъ зависти, постоянно преслѣдовали ихъ, а Русскіе князья и бояре ненавидѣли ихъ и, въ концѣ-концовъ, ректоръ и бо̀льшая часть учителей сказаннаго заведенія были отставлены отъ должностей. Теперь заведеніе это почти уничтожено; въ немъ осталось всего четыре наставника: преподаватели Нѣмецкаго, Латинскаго, Шведскаго и Итальянскаго языковъ. Въ Москвѣ Царь учредилъ также школу математики, но и она пустуетъ, вслѣдствіе ухода учителей.

Юстъ Юль.

НОВИКИ.

1.

(1721 г.). Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа. Разстояніе отъ Риги 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 501 верста. Во весь вышеписанный воя̀жъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

На завтра, собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присут-

ствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво разспрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобы мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ, и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За таковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣченному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Зміевъ, человѣкъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи и, сколько примѣтить можно, Кайсарова и моими отвѣтами былъ довольнѣе.

На завтра пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложитъ, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣ-бъ шли по домамъ.

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались, изъ коихъ генералъ-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ: «Я васъ теперь государю представлю». А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ то же, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ и милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ, и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ожидали; потому мы и не имѣли счастія путь его видѣть. Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату.

Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ въ поясъ. Онъ, будучи или немощенъ, или не веселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ аттестаты, и всѣ-ль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее: «Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотѣ гардемаринами». Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству: «Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей больше отлученные отъ своихъ родственниковъ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли». Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать: «Я ихъ награжу; пусть только одну кампанію прослужатъ!» «Но легко-ль, государь, гардемаринами служить», сказалъ Григорій Петровичъ, «такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою»? Государь спросилъ его: «Кто-жъ бы такіе были, кто-бъ такъ достоинъ»? Онъ ни мало не мѣшкавъ: «Кайсаровъ и Неплюевъ». Сіи слова наполнили меня благодарностью, радостію и страхомъ, и такъ меня замѣшало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ; а потомъ насъ вонъ выслали...

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, чрезъ нѣкоторое время впустили насъ въ асамблею, и генералъ-адмиралъ приказалъ Зміевичу напредь разспрашивать порознь, что

кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ»? На что я отвѣтствовалъ: «Всемилостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: «Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ». И по окончаніи у всѣхъ разспросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно, и всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ — Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: «Государь де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ». Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ: «То де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ де больше разсердится, буде что солжешь». Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но, вспомянувъ тотъ отеческій моего благо-

дѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Я уже, мой другъ, здѣсь»! Я ему отвѣчалъ: «Виноватъ, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ». Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулся, думалъ, что прогнѣвался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто бабѣ не внукъ! А теперь поѣдемъ со мной на родины».

И. Неплюевъ.

2.

Ивана Михайловича Головина государь весьма любилъ и жаловалъ и послалъ его въ Венецію, чтобъ онъ тамъ научился кораблестроенію и узналъ конструкцію галеръ, равно и италіанскому языку. Головинъ жилъ тамъ четыре года. По возвращеніи оттуда, монархъ, желая знать, чему онъ выучился, взялъ его съ собой въ адмиралтейство, повелъ на корабельное строеніе и въ мастерскія и, показывая, распрашивалъ обо всемъ; но отвѣты показали, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ, Петръ Великій спросилъ: «Выучился ли хотя по италіански»? Головинъ признался, что очень мало и сего. «Ну, такъ что-жъ ты дѣлалъ?» спросилъ его государь. «Всемилостивѣйшій государь», отвѣчалъ ему Головинъ; — «я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился и учился играть на басу и рѣдко выходилъ съ двора». Какъ вспыльчивъ государь ни былъ, однако чистосердечнымъ и откровеннымъ признаніемъ былъ такъ доволенъ, что лѣность его ознаменовалъ только титломъ: «князь баса», и велѣлъ нарисовать его на картинѣ съ курительною трубкою, сидящаго за столомъ, веселящагося и окруженнаго подлѣ музыкальными инструментами, а математическіе и прочіе инструменты брошенными вдали, въ знакъ того, что науки ему не понравились, и что выучился онъ только играть на басу. Сію картину видѣлъ я самъ у государя, и которою его величество любовался. При всемъ томъ Головинъ находился въ службѣ при адмиралтействѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Петръ Великій любилъ его за прямодушіе, за вѣрность, и за природные таланты. Въ бесѣдахъ, гдѣ бывалъ государь, бывалъ и Головинъ, то между ближними своими называлъ его въ шуткахъ ученымъ человѣкомъ и знатокомъ корабельнаго искусства или Басомъ.

А. Нартовъ.

ПОПЫТКИ ПЕРЕВОСПИТАТЬ ДВОРЯНСТВО.

Всего труднѣе, казалось, было уничтожить мечту дворянства о преимуществахъ его рожденія и тотъ предразсудокъ, что позорно находиться подъ начальствомъ человѣка низшаго происхожденія. Онъ (Петръ) выдумалъ для того слѣдующій способъ: составилъ отрядъ въ 50 человѣкъ изъ молодыхъ дворянъ, которые воспитывались, по старинному обычаю, вмѣстѣ съ нимъ и называлъ ихъ потѣшными (Spielgesellen). Онъ велѣлъ ихъ одѣть и упражнять въ военномъ дѣлѣ по Европейскому образцу, и при томъ объявилъ, что самъ онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ другими, а, подобно своимъ товарищамъ съ ружья, даже съ барабана, и будетъ выслуживаться постепенно: для такой цѣли онъ въ этомъ случаѣ слагалъ самодержавную власть въ руки Князя Ромодановскаго, который долженъ былъ повышать его въ чины наравнѣ съ другими солдатами, по его заслугамъ и безъ малѣйшаго потворства. Такъ, пока живъ былъ вышеупомянутый Князь, именно до 1718 года, Петръ разыгрывалъ такую комедію, что получилъ отъ него повышеніе въ Генералы и Адмиралы, которыя должности ему угодно было возложить на себя. Это объявленіе имѣло то дѣйствіе, что дворяне изъ самыхъ знатныхъ фамилій, хотя и не покидая предразсудка о достоинствѣ своего происхожденія, сохранивъ его даже до настоящаго дня, однако-жъ оставались съ нимъ на службѣ и стыдились заявлять такія притязанія, которыя могли показать, будто бы они думаютъ быть лучше ихъ Государя. Оттого то впослѣдствіи никто больше и не отваживался говорить о преимуществахъ своего рожденія, если дѣло шло о начальственныхъ должностяхъ; когда же кто-нибудь до такой степени забывался, старикъ Ромодановскій, человѣкъ правдивый, но неумолимый, котораго Царь Петръ сдѣлалъ верховнымъ уголовнымъ судьей, умѣлъ находить средства для наказанія такого ослушанія подъ другими предлогами.

Послѣ того, какъ эти затрудненія уладились и дѣти знатнѣйшихъ дворянъ привыкли служить простыми солдатами въ полкахъ, размножившихся изъ такъ называемыхъ потѣшныхъ, и въ этомъ качествѣ давать себя наказывать, Петръ I не считалъ уже больше за нужное ласкать свое дворянство: доведя

его до того, что оно не могло пошевелиться, онъ отнялъ у всѣхъ дворянъ, отъ высшаго до низшаго, и самую малѣйшую тѣнь ихъ старыхъ преимуществъ и отмѣнилъ старинный образецъ, по которому въ законахъ и указахъ упоминалось о согласіи Бояръ и который его предки все же постоянно считали полезнымъ сохранять, хотя и очень тоже урѣзали иныя уже дворянскія преимущества. Затѣмъ онъ не скрывалъ дальше своихъ мыслей о преобразованіяхъ, обходился съ иностранцами съ особенной пріязнью, безъ различія ихъ званія и нрава, но зато не упускалъ и никакого случая къ язвительной насмѣшкѣ надъ своимъ народомъ, его нравами и обычаями; если же старые Бояре хотѣли отклонить его отъ того, онъ поступалъ съ ними самымъ позорнымъ и обиднымъ образомъ, да и всегда его любимцы поднимали ихъ на смѣхъ, какъ дураковъ.

І. Фокке родтъ.

НАЗНАЧЕНІЕ НОВИКА НА СЛУЖБУ.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактоментъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ италіянскимъ языкомъ — послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда. «Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой»? Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: «Вотъ онъ за тобою стоитъ». «Да ихъ стоитъ за мною много», сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: «Твой хваленый, что у галернаго строенія». Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: «Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю.

Я упалъ ему, государю, въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: «Не кланяйся, братецъ! Я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя — смотрѣть того, чтобы недостойному не быть, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не менѣе, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я — истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить». Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: «Кого-жъ возьму на его мѣсто»? И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную, и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова.

25-го генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки резидентомъ ко двору султана Турскаго въ Константинополь.

26-го генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ государь тысячу рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнной милостью, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: «Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться»! О разговорахъ, при томъ бывшихъ, не описую, потому что запамятовалъ, съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ такимъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ, съ нимъ, государемъ, прощаясь. Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ. Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Змієвича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ

жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: «Дуракъ»! Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то же слово: «Дуракъ»! На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: «Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья»? Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: «Потому-то ты и дуракъ! Да добро, помиримся и простимся съ тобою! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то-бъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. «Ну, такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генералъ-адмиралъ; я всякую ей помощь сдѣлаю». Простясь я съ нимъ, для того-жъ пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію: «А прежде де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать». А сверхъ того и такое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень его замосковныхъ Ерополецъ былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка могу во всемъ положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

И. Неплюевъ.

РАЗГОВОРЪ ПЕТРА СЪ ТАТИЩЕВЫМЪ О ШКОЛАХЪ.

Воистинно мы и наслѣдники наши за учрежденіе школъ вѣчнодостойныя памяти Его Императорскому Величеству Петру Великому и нынѣ благополучно царствующей Государынѣ Императрицѣ достойно возблагодарить не можемъ. И хотя сіи всѣ учрежденныя школы недовольны или не въ состояніи все россійское юношество и всему нужному научить; однакожъ для перваго случая въ такое краткое время устроенныхъ и плодъ приносящихъ, не малой похвалы достойны. Чтоже недостатка оныхъ касается, то вы можете сами изъ обстоятельствъ видѣть, что не иное какъ время токмо намѣренію и возможности препятствуетъ, на что есть пословица: вдругъ кривули не исправишь, и паки и Римъ не въ одинъ годъ построенъ, тѣ со времянемъ отъ часу могутъ распространиться, и всѣ по всему способными и довольными быть, для котораго вамъ изрядный прикладъ скажу. 1724 г., какъ я отправился въ Швецію, случилось мнѣ быть у Его Величества въ лѣтнемъ домѣ; тогда лейбъ-медикусъ Блюментростъ, яко президентъ академіи наукъ, говоритъ мнѣ, чтобъ въ Швеціи искать ученыхъ людей и призывать въ учреждающуюся академію въ профессоры. На что я, разсмѣявся, ему сказалъ: ты хочешь сдѣлать Архимедову машину очень сильную, да подымать нéчего и гдѣ поставить мѣста нѣтъ. Его Величество изволилъ спросить, что я сказалъ; и я донесъ, что ищетъ учителей, а учить некого: ибо безъ нижнихъ школъ, академія оная, съ великимъ расходомъ, будетъ безполезна. На сіе Его Величество изволилъ сказать: я имѣю жать скирды велікія, токмо мельницы нѣтъ, да и построить водяную и воды довольно въ близости нѣтъ, а есть воды довольно въ отдаленіи, токмо каналъ дѣлать мнѣ уже не успѣть, для того что долгота жизни нашея ненадежна; и для того зачалъ перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудитъ къ построенной мельницѣ воду привести; зачало же того я довольно учинилъ, что многія школы маѳематическія устроены. А для языковъ велѣлъ по епархіямъ и губерніямъ школы учинить, и надѣяся, хотя плода я не увижу, но оныя въ томъ моемъ отечеству полезномъ намѣреніи не ослабѣютъ.

В. Татищевъ.

ПЕТРЪ И ДУХОВЕНСТВО.

1.

Несмотря на то, что Русскіе Цари, благодаря долгому упражненію, уже изучили искусство такъ сдерживать патріаршескую власть, что она не могла причинить никакого ущерба Государевой, Петръ I, во избѣжаніе разныхъ случаевъ, считалъ гораздо вѣрнѣе и выгоднѣе для своихъ намѣреній уничтожить совсѣмъ этотъ санъ и такъ направить духовенство, чтобы оно никого не признавало своимъ верховнымъ епископомъ, кромѣ своего Государя. Выгоды, которыя вышли бы тогда для него, были такъ явны, что ему нечего было колебаться долго. И такъ это рѣшено скоро. Затрудненіе состояло лишь въ томъ, какъ начать дѣло. Духовные приступали къ нему всѣми силами, все просили занять патріаршій престолъ, и дѣлали ему страшное описаніе несчастія, могущаго произойти въ странѣ отъ мѣшкотности въ этомъ дѣлѣ. Петръ, хотя и замѣчалъ, что опасность не такъ ужъ велика, и что духовенство придаетъ излишнюю важность этому дѣлу, однако-жъ не зналъ, какъ отвязаться, и жадно искалъ человѣка, который вывелъ бы его изъ затрудненія и принялъ на себя управленіе духовными дѣлами.

Незадолго передъ тѣмъ одинъ Русскій изъ простого званія, Талицкій, изучившій въ Москвѣ книгопечатаніе, тайно завелъ въ деревнѣ печатню и обнародовалъ книжечку, въ которой доказывалъ, что Петръ — Антихристъ, потому что стриженіемъ бородъ позоритъ образъ Божій, приказываетъ рѣзать и распластывать людей по ихъ смерти, попираетъ Церковные уставы, и другіе, какіе только есть, вводитъ нелѣпости. Талицкаго скоро открыли и, въ награду за его трудъ, сжили съ бѣла свѣта. А твореніе его взялся опровергнуть одинъ монахъ, Львовскій уроженецъ, по имени Стефанъ Яворскій, незадолго передъ тѣмъ пришедшій въ Россію поискать себѣ счастья. Трудъ его, правда, вышелъ такъ плохъ, что онъ сталъ бы посмѣшищемъ для всей Европы. Одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ, почему Петръ не Антихристъ, выводилось изъ того, что Антихристово число 666 никакой кабалой нельзя было составить изъ имени Петра.

Но въ странѣ слѣпыхъ и кривой — царь: это произведеніе такъ понравилось Петру I, что онъ велѣлъ распространить его посредствомъ печати, а Яворскаго назначилъ Рязанскимъ Епископомъ *). А такъ какъ Яворскій сверхъ того имѣлъ свободный даръ слова, въ состояніи былъ написать проповѣдь на іезуитскій ладъ, при томъ умѣлъ и поддѣлываться, заявляя притворно слѣпое повиновеніе всѣмъ приказаніямъ Петра, то этотъ и подумалъ, что нашелъ въ немъ не только способнаго человѣка, но и такое орудіе, которое безъ противорѣчія позволитъ употребить себя для исполненія его намѣреній, и въ такой увѣренности объявилъ его Екзархомъ или Намѣстникомъ Патріаршества.

Однако-жъ Петръ скоро замѣтилъ, какъ обманулся онъ въ этомъ человѣкѣ. Да и дѣйствительно ученость его простиралась не дальше того, какъ обыкновенно доходитъ она въ Папистскихъ монастыряхъ въ Польшѣ. Но зато въ іезуитскихъ училищахъ онъ такъ крѣпко вбилъ себѣ въ голову Папистскія правила о преимуществахъ духовенства и его независимости, что всего меньше могъ помочь Петру въ исполненіи его намѣреній, которыя совершенно противоположны были вышесказаннымъ правиламъ. На самомъ дѣлѣ онъ не прямо, но сильно, перечилъ его намѣреніямъ, особенно касательно намѣренія убавить лишняго богатства у церквей и возвратить духовныхъ къ умѣренности, требуемой ихъ званіемъ, такъ что пока онъ былъ живъ, это дѣло не состоялось; однако-жъ поступалъ при томъ такъ осторожно, что нельзя было сдѣлать ему никакого упрека въ этомъ случаѣ. Несмотря, что этотъ образъ его дѣйствій для Петра I не остался тайной, Царь все-таки давалъ ему это почувствовать тѣмъ только, что холоднѣе прежняго обходился съ нимъ: эту необычайную мягкость нельзя приписать ничему другому, кромѣ нежеланія Петра обнаруживать преждевременно свои намѣренія немилостью къ Яворскому, въ отраду и утѣшеніе старинным Православнымъ Русскимъ сердцамъ: онъ оставилъ его на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ въ совершенную

*) Стефанъ Яворскій былъ назначенъ въ мартѣ 1700 г. не епископомъ, а митрополитомъ Рязанскимъ и Муромскимъ. Онъ былъ уроженецъ польскаго мѣстечка Явора, а во Львовѣ только учился. (*Сост.*).

зрѣлость новый порядокъ церковнаго управленія, надъ которымъ онъ между тѣмъ трудился съ Прокоповичемъ.

I. Фоккеродтъ.

2.

Петръ Алексѣевичъ не хотѣлъ признавать главою своей церкви никого кромѣ себя. Отважиться на такое предпріятіе и сумѣть привести его въ исполненіе было, конечно, дѣломъ весьма не легкимъ и требовавшимъ большой смѣлости. Почести, оказываемыя въ прежнія времена патріарху, доходили почти до обожанія. Ежегодно, въ память вшествія Мессіи въ Іерусалимъ, онъ въ сопровожденіи всего духовенства торжественно проѣзжалъ по улицамъ Москвы на богато убранной лошади, смиренно ведомой самимъ царемъ, который передъ тѣмъ держалъ и стремя, когда патріархъ садился на нее.

Русскіе, еще грубые, способны были поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ гораздо болѣе, чѣмъ вліянію разсудка. Зная это, царь старался дѣлать смѣшнымъ то, къ чему хотѣлъ ослабить привязанность и уваженіе. По кончинѣ послѣдняго патріарха, онъ создалъ потѣшнаго патріарха, который по вторникамъ на первой недѣлѣ поста обязанъ былъ съ своею свитою разъѣзжать, въ шутовской процессіи, верхомъ на волахъ и ослахъ, или сидя въ саняхъ, запряженныхъ медвѣдями, свиньями и козлами, нарочно для того приспособленными. Патріарху этому онъ придалъ титулъ князя-папы и назначилъ штатъ изъ двѣнадцати пьяницъ-дворянъ, которыхъ называли кардиналами. Эта новая коллегія получила особый забавный статутъ, гдѣ прежде всего требовалось, чтобы никто изъ ея членовъ не ложился спать, не напившись пьянымъ. Такимъ образомъ, эксцентричность поведенія князя-папы и всей его обстановки, выставляемая при всякаго рода празднествахъ на показъ народу, доставляя послѣднему случай позабавиться, пріучала его вмѣстѣ съ тѣмъ и соединять съ презрѣніемъ къ грязному разгулу презрѣніе къ предразсудкамъ. Чтобы не пострадали достоинство и священныя права религіи, царь не ограничился тѣмъ, что провозгласилъ себя верховнымъ главою церкви и въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнялъ обязанности, сопряженныя съ этимъ саномъ: онъ уважалъ и обряды своего вѣроисповѣданія. Такъ, напр., онъ обыкновенно становился предъ алта-

ремъ, съ непокрытою головою, въ ряды пѣвчихъ; даже часто, обладая сильнымъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ, самъ принималъ на себя управленіе ихъ хоромъ. Распоряженіе, сдѣланное имъ въ то же время о переводѣ Библіи на русскій языкъ, окончательно убѣдило, что онъ никогда не думалъ касаться самой религіи, а имѣлъ въ виду только чрезмѣрность богатства и власти духовенства, которое злоупотребляло какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ оказывалъ даже нѣчто въ родѣ уваженія къ духовной юрисдикціи. Такъ, по его указу, приговоръ надъ епископомъ Досифеемъ состоялся тогда только, когда Синодъ лишилъ его духовнаго сана и отдалъ въ руки свѣтскаго правосудія подъ именемъ Демида.

Г. Бассевичъ.

ДИСПУТЪ О ВѢРѢ.

(1724 г.) Май 26. На третій день праздника, къ оберъ-каммергеру поутру приходили два студента для приглашенія его высочества на диспутъ, который долженъ былъ происходить послѣ обѣда между Русскими и нѣкоторыми иновѣрными духовными лицами. Нашъ придворный проповѣдникъ былъ приглашенъ въ оппоненты. Его королевское высочество съ большею частію своей свиты отправился въ большое училище, которое въ то же время и монастырь для лицъ Греческаго исповѣданія (ein Kloster von National-Griechen), чтобъ послушать этотъ диспутъ, назначенный въ честь коронованія императрицы; но тамъ не было никого изъ царской фамиліи, потому что императоръ узналъ, что спорить будутъ на Латинскомъ языкѣ. Мы были приняты ректоромъ, отцемъ Гедеономъ, всѣми архіепископами, епископами и многими архимандритами, и проведены въ аудиторію, которая хотя и находилась въ старомъ зданіи, однако-жъ внутри была довольно хороша и украшалась обоями и живописью. Надъ каѳедрой висѣлъ портретъ императрицы, убранный множествомъ лентъ. Пріѣздъ нашъ привѣтствованъ былъ звуками трубъ и литавръ, и когда всѣ присутствовавшіе сѣли по своимъ мѣстамъ, респондентъ (?), монахъ и профессоръ богословія, началъ говорить рѣчь на Русскомъ языкѣ, по окончаніи которой позади каѳедры заиграла довольно хорошая музыка. Затѣмъ, когда она умолкла, выступили два педеля и стали при-

глашать обоихъ оппонентовъ, именно нашего придворнаго проповѣдника и одного монаха-Капуцина, начать диспутъ или, лучше сказать возраженіе. Начался диспутъ. Нашъ придворный проповѣдникъ опровергалъ ученіе объ исхожденіи Святаго Духа только отъ Отца (de processione Spiritus Sancti a solo Patre), извѣстный догматъ Греческой церкви. Ректоръ, отецъ Гедеонъ, президентъ диспута, не стоялъ на каѳедрѣ, а сидѣлъ подлѣ нея на стулѣ. По окончаніи диспута, внизу, у ректора, его королевское высочество угощали виномъ и сластями, и онъ пробылъ еще часа два въ обществѣ духовенства.

Ф. Берхгольцъ.

ГОНЕНІЕ НА РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Одинъ Русскій священникъ, по имени Ѳома, дерзнулъ въ Москвѣ открыто проповѣдывать противъ Русской религіи, противъ чествованія иконъ и прочихъ подобныхъ вещей. Въ началѣ духовенство увѣщевало его отказаться отъ своего лжеученія; но когда онъ все-таки не обращался на истинный путь и даже въ праздникъ Св. Алексія вторгся въ церковь во время общественнаго богослуженія, изрубилъ топоромъ въ щепы иконы сказаннаго святого и Божіей Матери и при этомъ началъ было еще сильнѣе объяснять народу нелѣпости Русской вѣры, его схватили, посадили въ тюрьму и, послѣ наряженнаго совѣщанія и суда надъ нимъ въ началѣ этого мѣсяца, сожгли въ Москвѣ живого, при чемъ онъ, держа въ огнѣ руку съ топоромъ, согласно приговору, обнаружилъ непоколебимую твердость во все время, пока пламя пожирало его тѣло и до послѣдняго издыханія не переставалъ проповѣдывать народу. Разсказывали, что онъ былъ изъ раскольниковъ, изъ той секты, которая совершенно отдѣлилась отъ Русской церкви, удержавъ только нѣкоторую обрядность и адіафору (adiaphora), и скрывается въ лѣсахъ и другихъ уединенныхъ мѣстахъ. Эти сектанты впрочемъ сполна уплачиваютъ свои подати, только не желаютъ находиться въ такомъ рабскомъ повиновеніи, какъ Русскіе, и въ остальномъ во всемъ ведутъ жизнь безукоризненную. Ихъ часто преслѣдовали, съ цѣлью искоренить ихъ; но до сихъ поръ это оказывалось невозможнымъ, и такъ какъ недавно еще настигли триста человѣкъ этихъ раскольниковъ

и загнали ихъ кучею въ одну церковь, чтобы позабрать ихъ, то они не сдались въ руки, а зажгли церковь и сами всѣ побросались въ пламя. Послѣ этого царь уже приказалъ оставить ихъ въ лѣсахъ, и, пока они не будутъ распространять свое ученье между Русскими, не преслѣдовать ихъ.

Ф. Веберъ.

ПУСТЫННИКИ.

(1702 г.). Въ началѣ іюля я ходилъ съ однимъ моимъ пріятелемъ въ Преображенское (Probrosensko) посмотрѣть на 3-хъ пустынниковъ, сидѣвшихъ тамъ въ заключеніи уже дня 4, или 5. Проживали они близъ Азова, у небольшой рѣчки, впадающей въ Донъ (Donau). Я былъ пораженъ ихъ видомъ, одеждой и приборомъ. Самый старшій былъ мущина за 70 лѣтъ, двое другихъ за 50. Первый жилъ въ сказанномъ мѣстѣ лѣтъ 40, въ пещерѣ, гдѣ и былъ однажды захваченъ Татарами, проданъ Туркамъ, отъ которыхъ скоро бѣжалъ и возвратился опять въ свое пустынное жительство, въ которомъ и оставался съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени. Какъ полагаютъ, ихъ обвиняли въ томъ, что они уклонились отъ Русской Вѣры, но они не сознались въ этомъ, просили, чтобъ ихъ испытали, заявляя, что они готовы подвергнуться тягчайшимъ наказаніямъ, во славу Іисуса Христа, въ случаѣ, если они окажутся отступниками, хотя они не умѣютъ ни читать, ни писать. На нихъ были только одни кафтаны изъ грубой шерстяной ткани: волосы спускались у нихъ до поясницы, точно у дикарей, нечесаные и закрывавшіе имъ лицо до того, что нельзя было и видѣть его, если не отстранить волосъ рукою. На груди у нихъ большой желѣзный крестъ, вѣсомъ добрыхъ фунта 4, прикрѣпленный къ желѣзной же полосѣ, перекинутой черезъ плеча и ниспадавшей на спину, гдѣ она прикрѣплялась къ другой желѣзной же полосѣ, служившей вмѣсто пояса и соединявшейся на переди съ нижнимъ концомъ того же креста на груди. Двое младшихъ оказывали большое уваженіе старѣйшему, котораго они поддерживали подъ руки всякій разъ, когда онъ вставалъ на ноги, что онъ сдѣлалъ и въ то время, когда мы подошли къ нему. Они должны были оставаться въ заключеніи до возвращенія Его Величества. Однако-жъ, ихъ посадили вмѣстѣ, не

заковывая уже въ желѣза, въ помѣщеніи безъ кровли, гдѣ они и сидѣли на рогожахъ въ одномъ углу, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Заключенные, бывшіе тутъ кромѣ этихъ отшельниковъ, большею частію закованы были по ногамъ въ желѣза, и оковы эти были такъ коротки, что они съ трудомъ могли двигаться. Сверхъ того при каждомъ было по сторожу, а также и внѣ темницы находились сторожа, для того, чтобъ заключенные отнюдь не могли уйти. Эта темница высока и сдѣлана изъ брусьевъ съ отверстіемъ вверху (но внутри съ разными прикрытіями), и спереди образуетъ небольшой четвероугольникъ. Любопытство заставило меня посѣтить сихъ отшельниковъ и въ другой разъ, но я узналъ, что ихъ перевели уже въ другую, сосѣднюю темницу, въ которой они и должны были оставаться впредь до новаго о нихъ распоряженія. Эта милость послѣдовала имъ, благодаря чьему-то ходатайству.

Корнилій де Бруинъ.

Военныя мѣропріятія.

УСТРОЙСТВО ВОЙСКА.

И того-жъ числа стольники, которые были на Москвѣ, явились къ генералу Автамону Михайловичу Головину и былъ смотръ, а послѣ смотра генералъ сказалъ: «Которые явились на смотръ, чтобъ они учились пѣхотному строю на житномъ дворѣ, а у кого есть свое ружье, фузеи, или пищали, а у кого нѣтъ, тѣ-бъ брали въ Преображенскомъ государево ружье и явились на потѣшномъ дворѣ къ генералу Автамону Михайловичу мая въ 6 день; а которые въ деревняхъ и по тѣхъ бы посылали свойственники ихъ, чтобъ были они изъ деревень не мѣшкавъ, не дожидаясь о томъ впредь иного указа.

И мая въ 6 день стольники явились на потѣшномъ дворѣ, и генералъ всѣхъ пересмотрѣлъ и велѣлъ всѣхъ становить шеренгами, и проучилъ по артикулу сначала 2 темпа, и велѣлъ сказать, чтобъ къ ученію были на житномъ дворѣ мая въ 7 день. И съ того числа начали на житномъ дворѣ стольниковъ учить.

А изъ Воронежа Великій Государь изволилъ придти къ Москвѣ мая въ 11 день; а 13 числа по указу великаго государя были стольники въ Преображенскомъ на ученіи. Мая въ 17 день, велѣно быть стольникамъ къ ученію въ старое Семеновское, а тамъ было ученіе, и въ то время тутъ изволилъ быть Великій Государь. И съ того числа почали учиться всѣ въ старомъ Семеновскомъ...

Іюня въ 25 день, въ старомъ Семеновскомъ, по указу Великаго Государя, пріѣзжали генералы: Автамонъ Михайловичъ

Головинъ, да Адамъ Адамовичъ Вейде, да князь Никита Ивановичъ Репнинъ и смотрѣли стольниковъ, которые были въ ученіи пѣхотнаго строя, и разбирали на три стороны; а тѣ три доли по распискѣ именъ ихъ досталось всякому по семидесяти человѣкъ, и всякой генералъ своимъ государевъ указъ сказалъ, гдѣ кто написанъ, тутъ и быть...

Іюня въ 29 день гибло солнце рано утромъ.

И того-жъ числа была на Красномъ пруду потѣха: сдѣлано было три городка на водѣ, и съ тѣхъ городковъ была пальба, также и пушечная стрѣльба, также и пѣхотная изъ мелкаго; а кругомъ пруда была пѣхота. А около того пруда были шатры государевы, и въ тѣхъ шатрахъ были столы, и въ тѣхъ шатрахъ Великій Государь изволилъ кушать и бояре и всѣ палатные люди...

А пріѣзжихъ стольниковъ, и стряпчихъ и жильцовъ, которые высланы по грамотамъ къ Москвѣ, и тѣмъ на постельномъ крыльцѣ смотрѣли генералы, молодыхъ отбирали въ сѣни передъ грановитою, а старыхъ ставили особой статьею. И старикамъ, которые по смотру не годились, велѣно имъ ѣхать по деревнямъ. А выбраннымъ велѣно приносить сказки въ разряды сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ; и отданы по генеральству въ ученіе... А хлѣбные всѣ запасы, а отпуски хлѣбные и пріемъ провіанта царедворцамъ приказано было окольничему Семену Ивановичу Языкову.

И въ то-жъ время стольники, которые написаны были въ пѣхоту, дачи давали ему великія за то, чтобъ ихъ имена изъ пѣхоты взять и послать къ хлѣбнымъ запасамъ для пріема, и по ихъ дачѣ и по ходьбѣ то все сдѣлано... А даточныхъ велѣно брать со всего государства въ военной приказъ, съ служивыхъ пятаго, изъ дворовыхъ съ шести седьмого...

Въ томъ же году и мѣсяцѣ была встрѣча турецкому посланнику; пѣхоты было три полка, да недоросли встрѣчали въ уборѣ нѣмецкой конницы. У посланника въ приставахъ были Иванъ Никитинъ сынъ Глѣбовъ, да Ѳедоръ Васильевъ сынъ Протасьевъ, да шли по Каменному мосту. А послѣ встрѣчи недорослей изволилъ смотрѣть самъ Государь; и по смотру, которые годились въ службу, писали всѣхъ въ солдаты, а которые не явились, по всѣмъ городамъ къ воеводамъ по-

сланы грамоты, велѣно ихъ выслать къ Москвѣ къ смотру, въ разрядъ...

А недорослей на Москву изъ городовъ всѣхъ большихъ и малолѣтнихъ приводили къ Преображенской къ государю царевичу Алексѣю Петровичу.

Такъ и людей изъ боярскихъ изо всякихъ домовъ проводили передъ царевича въ Преображенской; ихъ брали въ солдаты.

А. Желябужскій.

ФЛОТЪ.

Страсть вообще къ флоту брала у него (у Петра) верхъ надъ всѣми другими желаніями и склонностями. Сколько ни давалъ онъ замѣтить въ другихъ случаяхъ свою осторожность, чуть не похожую на боязливость, однако-жъ отваживался на все, какъ скоро дѣло шло о флотѣ...

Въ дѣтскіе годы Петръ I обнаруживалъ чрезвычайное отвращеніе къ водѣ, такъ что если приводилось ему переѣзжать только мельничную плотину, коляска его ѣхала въ объѣздъ ея, чтобы ему не видать было этой страшной стихіи. И такъ никто тогда не помышлялъ, чтобы вода стала когда-нибудь предметомъ его господствующей страсти. Маленькій ботъ произвелъ эту изумительную перемѣну. Въ то время, когда Петръ началъ водиться съ иностранцами, онъ нашелъ полусогнившее судно въ Измайловскомъ загородномъ домѣ, очень недалеко отъ Москвы. Голландецъ, съ которымъ Петръ I иногда разговаривалъ, поправилъ этотъ ботъ и показалъ ему на Измайловскомъ прудѣ, какъ можно плавать на немъ по вѣтру и противъ вѣтра. Петръ I, имѣвшій природную склонность къ механическимъ искусствамъ (какъ впослѣдствіи, до конца его жизни самымъ пріятнымъ его занятіемъ было точеніе, дерганье зубовъ, выпусканіе воды у больныхъ водянкой и другіе подобные фокусы), нашелъ особенное удовольствіе въ этомъ упражненіи, и велѣлъ построить себѣ нѣсколько судовъ побольше на Переяславскомъ озерѣ, лежавшемъ недалеко отъ Москвы. На нихъ и забавлялся плаваніемъ въ обществѣ нѣсколькихъ Англійскихъ и Голландскихъ купцовъ. Вслѣдъ затѣмъ желаніе видѣть суда еще большія привело его въ Архангельскъ и было, вѣроятно, самою сильною побудитель-

ною причиной, заставившей его рѣшиться на извѣстныя большія путешествія въ Голландію и Англію...

При отъѣздѣ своемъ изъ Голландіи онъ нанялъ въ службу большое число морскихъ Офицеровъ, матросовъ, корабельныхъ плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, нужныхъ при кораблестроеніи и отослалъ ихъ въ Россію. Какъ скоро вернулся въ Москву, со всѣми этими людьми онъ сдѣлалъ поѣздку на Донъ и учредилъ въ Воронежѣ Адмиралтейство, обязалъ всѣхъ богатыхъ людей въ своемъ краю построить ему на свой счетъ корабли и, благодаря этому средству, спустилъ въ воду порядочное число большихъ и малыхъ судовъ, посадилъ на нихъ тѣхъ иноземныхъ матросовъ, подчинивъ имъ для обученія своихъ Русскихъ, призванныхъ имъ на морскую службу изъ приморскихъ областей, а между тѣмъ послалъ множество молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ родовъ для обученія мореплаванію въ Англію, Голландію и Италію.

Такъ какъ Донъ при своемъ истокѣ такъ мелокъ, что не можетъ совсѣмъ носить большихъ кораблей съ грузомъ, то онъ завелъ невдалекѣ оттуда, при Таганрогѣ, на Азовскомъ морѣ, очень дорого стоющую пристань, которую назвалъ Троицкой; тутъ всѣ суда, прошедши устье Дона безъ грузовъ, совсѣмъ разснащивались и могли стоять въ полной безопасности. Хотя наставшая потомъ Шведская война немало охладила то рвеніе, съ какимъ онъ занимался до сихъ поръ умноженіемъ своего флота на Черномъ морѣ и обратила его вниманіе на другіе предметы, однако-жъ онъ никакъ не давалъ приходить въ упадокъ заведеннымъ тамъ учрежденіямъ, но каждую зиму дѣлалъ поѣздки въ Воронежъ, такъ часто, какъ только имѣлъ возможность, и если находился въ Россіи: тамъ, по случаю близкаго подвоза лѣса, онъ оставилъ главный магазинъ своего тамошняго Адмиралтейства.

Но какъ Петру I довольно было извѣстно по опыту, какая сильная опора для монархическаго правленія обученное войско, то онъ особенно и со всею ревностью старался улучшать свои военныя силы... Самымъ его любимымъ и пріятнымъ занятіемъ было кораблестроеніе и другія дѣла, относящіяся къ мореходству. Оно развлекало его каждый день, и ему должны были уступить и самыя важныя государственныя дѣла. Даже если Петръ задумывалъ заложить новый корабль, то не было

нисколько новостью, что на нѣсколько недѣль онъ запирался въ саду и проводилъ время въ чертежахъ и вычисленіяхъ соразмѣрности мачтъ и парусовъ, а между тѣмъ никого не пускалъ къ себѣ изъ Министровъ. О внутреннихъ улучшеніяхъ въ Государствѣ, судопроизводствѣ, хозяйствѣ, доходахъ и торговлѣ, онъ мало, или вовсе не заботился въ первыя 30 лѣтъ *) своего царствованія, и бывалъ доволенъ, если только его Адмиралтейство и войско достаточнымъ образомъ снабжались деньгами, дровами, рекрутами, матросами, съѣстнымъ и одеждой, а это случалось тѣмъ легче, что его войска много лѣтъ сряду находили случай содержать себя на чужой счетъ, безъ отягощенія Государства.

I. Фоккеродтъ.

РЕКРУТЧИНА.

Самую большую выгоду извлекаетъ Царь изъ рекрутовъ, которыхъ обязана доставлять ему страна въ такомъ количествѣ, какое ему будетъ угодно, безъ всякихъ пособій съ его стороны.

Прежде, еще до устройства полковъ, призывъ рекрутъ былъ довольно безпорядоченъ. За короткое время передъ выступленіемъ въ поле, изъ воинской канцеляріи выдавался полковникамъ списокъ, съ спеціальнымъ поименованіемъ тѣхъ селеній, изъ которыхъ слѣдовало набирать рекрутъ, при чемъ полковники имѣли въ виду царскій интересъ гораздо менѣе, чѣмъ собственный свой и, чтобы набить свой карманъ, поставляли въ поле самый горестный народъ. Это было тѣмъ легче, съ одной стороны природное отвращеніе Русскаго простонародья къ войнѣ давало достаточный поводъ къ выжиманью денегъ изъ людей трусливыхъ, а съ другой — не было никого, кто бы захотѣлъ обратить вниманіе на такія злоупотребленія, а тѣмъ болѣе преслѣдовать ихъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ военному управленію въ Россіи дана новая форма, большая часть этихъ злоупотребленій уничтожена, и такъ какъ въ Русскомъ простомъ народѣ нѣтъ добровольныхъ охотниковъ поступать въ солдаты, то въ призывѣ рекрутъ установленъ слѣдующій порядокъ. Какъ только пополнится армія и рекрутъ останется всего какихъ-нибудь нѣ-

---

*) Петръ единолично царствовалъ всего 30 лѣтъ (*Сост.*).

сколько тысячъ, дѣлается представленіе въ Сенатъ, что потребно такое-то количество новыхъ рекрутъ. Сенатъ распредѣляетъ это требованіе по губерніямъ и предписываетъ каждому мѣстному губернатору, сколько именно онъ долженъ выставить рекрутъ, сообразно съ управляемою имъ областью. Губернаторы дѣлаютъ уже распоряженіе по находящимся въ ихъ вѣдомствѣ крестьянскимъ дворамъ; ибо каждые 40, 45, а иногда только 20 дворовъ, обязаны на свои средства поставить одного рекрута и доставить его въ Москву, или иное сборное мѣсто, а оттуда уже, вмѣстѣ съ остальными собранными тамъ, отправляютъ ихъ въ Петербургъ или въ армію. По такому порядку исчислено, что обыкновенно предписывается набирать 2000 ординарныхъ рекрутъ въ годъ, что по громадности земель, обладаемыхъ царемъ, почти невѣроятно какъ мало, особенно если принять въ соображеніе дурное продовольствіе, которымъ прокармливаютъ этихъ людей по общему Русскому обычаю, и то, что большинство ихъ, еще въ учебные годы, гибнетъ больше отъ холоду и голоду, чѣмъ отъ непріятеля. Описанный наборъ въ настоящее время, когда армія не терпитъ уже значительной убыли, дѣлается съ крестьянскихъ дворовъ; но въ началѣ текущей войны, когда Русскія войска понесли важныя пораженія при Нарвѣ и въ другихъ мѣстахъ, наборъ производимъ былъ нѣсколько разъ и изъ домовъ вельможъ, державшихъ при себѣ, по древнерусскому обычаю, отъ 4 до 5 сотъ прислуги, изъ коей 3-й, или 4-й человѣкъ долженъ былъ стать подъ ружье, что, впрочемъ, дѣлалось только временно, по приведенной выше причинѣ, но никакимъ закономъ, или указомъ установлено не было. Почти подобное обстоятельство было и съ матросами, которые въ началѣ набирались только изъ областей, лежащихъ на большихъ рѣкахъ, какъ, напримѣръ, въ Архангелогородской и Казанской губерніяхъ.

Ф. Веберъ.

НАБОРЪ ВОЙСКА.

Въ войскѣ долго бы еще не было недостатка, если-бъ, по моему ничтожнѣйшему мнѣнію, призывъ на войну, какъ, однако-жъ, должно называть наборъ (вербовку), производился не такъ безтолково и не съ такимъ вредомъ для края: этотъ

наборъ всегда падаетъ только на деревни и земледѣльческій народъ, отчего очень убываетъ пашенъ и хлѣбопашества; господа каждый годъ должны ставить съ своихъ помѣстьевъ соразмѣрно порядочное число народа съ одеждою, лошадьми и содержаніемъ, отчего, во-первыхъ, крестьяне выводятся изъ страны и часто гибнутъ съ голода въ полѣ, по случаю плохаго распоряженія содержаніемъ для нихъ; во-вторыхъ, отъ страха будущаго такого же набора, скрываются въ лѣсахъ, или бѣгутъ въ самыя дальныя страны, и покидаютъ пашни не обработанными, потому и налоги, которые должно платить уменьшенное такимъ образомъ число народа, все становятся тяжеле: съѣстные припасы съ каждымъ годомъ поднимаются въ цѣнѣ; хлѣба не такъ много, возовыя лошади, которыхъ должно употреблять для разной перевозки припасовъ, становятся рѣже, потому что на нихъ надобно отправлять подводы и военныя повозки въ военный станъ, а назадъ ихъ приходитъ оттуда немного: въ дорогѣ изнуряются и падаютъ отъ плохого присмотра; торговля въ странѣ приходитъ въ дурное положеніе. Къ тому же у нихъ есть означающій большое чванство, обычай варварскихъ и Восточныхъ языческихъ народовъ, также и старинныхъ Русскихъ, который Царь въ началѣ этой войны старался было отмѣнить, однако-жъ опять бросилъ это по великому и знатному ходатайству Бояръ; эти послѣдніе содержатъ у себя по разнымъ деревнямъ большую толпу безполезныхъ обжоръ, въ качествѣ многочисленныхъ слугъ и рабовъ мужескаго и женскаго пола, до 500 и болѣе душъ; каждому изъ нихъ Бояринъ даетъ по 3 и по 4 рубля, инымъ же и по 5 рублей, съ нѣкоторыми еще подачами мясомъ, саломъ, мукой, солью, крупой, горохомъ, масломъ, водкой и другимъ чѣмъ, а дѣтямъ ихъ по половинной долѣ противъ того, и, однако-жъ, больше 10-ти человѣкъ ихъ разомъ не имѣетъ на глазахъ у себя, или не употребляетъ для услуженія себѣ. Такое огромное число людей разоряетъ Боярина; но хотя оно и стоитъ ему въ годъ значительно дорого, если онъ подведетъ итогъ всему этому вмѣстѣ — содержанію, жалованью и пайкамъ, — однако-жъ, все же служители не могутъ содержать на это своихъ женъ и дѣтей, какъ бы требовала надобность: вотъ они и входятъ въ кумовство и въ родню къ дядькамъ своихъ Бояръ, дворецкимъ и ключникамъ, да, вмѣстѣ съ ними, еще больше стригутъ и высасываютъ бѣдныхъ кре-

стьянъ; такъ они только что обворовываютъ своихъ господъ, да къ тому же еще люди праздношатающіеся и ни у какихъ господъ не занимаются службой, а только сидятъ, пьянствуютъ, играютъ въ кабакахъ и полпивныхъ; когда же не хватаетъ на это средствъ, пускаются въ грабежи и убійства, дѣлаютъ все небезопаснѣе улицы и дороги. Между тѣмъ эти люди были бы пригоднѣе бѣднаго крестьянина для войны и солдатства; тогда бы Царь развелъ больше и народа, и хлѣба на пашняхъ, и обработанной земли; подати платили бы лучше; хлѣбъ и другіе припасы подешевѣли бы, и торговля пришла бы въ лучшее положеніе. По тѣмъ же причинамъ въ Россіи стали гораздо рѣже и деньги, несмотря на все новыя выдумки доставлять ихъ; но такъ какъ только тѣ, кто поставленъ для такихъ денежныхъ вымогательствъ, получаютъ отъ того больше прибыли, а Царь меньше, то краю отъ того еще больше вреда. Впрочемъ, Князь Меншиковъ и у этихъ людей умѣетъ выжимать деньги и класть себѣ въ карманъ. Это его лучшія дойныя коровы. При всей доброкачественности войска, устраиваемаго вышесказаннымъ образомъ (потому что крестьяне хоть и неспособный народъ, но, размѣщенные между другими старыми и опытными солдатами, послѣ нѣсколькихъ перенятыхъ воинскихъ упражненій, да и при ихъ еще подчиненности, въ короткое время дѣлаются хорошими солдатами), многіе чужеземцы, видавшіе войска, сознаются, что въ Россіи, однако-жъ, мало думаютъ о сохраненіи солдата, такъ какъ плохое устройство и присмотръ за необходимыми магазинами почти единственный, впрочемъ, главный недостатокъ, отъ котораго войско чуть не съ каждымъ годомъ разстраивается больше, чѣмъ отъ самыхъ жаркихъ сраженій; иностранные Офицеры и Генералы въ состояніи были внушить Русскимъ много другихъ воинскихъ началъ и правилъ, только надъ этимъ однимъ они до сихъ поръ еще трудятся напрасно.

О. Плейеръ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПОВИННЫЯ РАБОТЫ.

(1709 г.) 13-го сентября... Любопытно, что когда въ той или другой крѣпости производятся какія-либо особенныя работы, или предпринимается походъ, всѣмъ окрестнымъ крестьянамъ,

живущимъ какъ за 50, такъ и за 150 миль въ окружности, велятъ выѣзжать съ подводами на работу; при этомъ за свои труды они ничего другого не получаютъ, кромѣ хлѣба, и довольствуются имъ. Вообще крестьяне, равно какъ и солдаты, считаютъ себя удовлетворенными, когда имѣютъ хлѣбъ и чеснокъ, да порою немного муки, разведенной въ горячей водѣ. Если у крестьянина падетъ лошадь, самъ онъ все же остается на работѣ, впредъ до ея окончанія или до смѣны его другимъ крестьяниномъ, чего ему иногда приходится ждать въ теченіе цѣлаго года. Если умретъ крестьянинъ, то и тогда бѣда не велика; край населенъ густо; парни вступаютъ въ бракъ 16-ти, а дѣвушки 14, иногда и 12 лѣтъ, и въ 50 лѣтъ человѣку нерѣдко случается видѣть своихъ правнуковъ. Такимъ образомъ, когда крестьянинъ умираетъ, всегда есть кому замѣнить его въ хозяйствѣ...

30 октября. Въ лагерѣ, подъ городомъ, положеніе дѣлъ было незавидное: одна треть крестьянскихъ лошадей пала, часть крестьянъ умерла отъ голода, а 400 человѣкъ разбѣжалось; остальныхъ распредѣлили по полкамъ. Въ началѣ лошадей подъ прибывшими подводами насчитывалось тысячъ восемь. Причиною смертности среди крестьянъ послужило то обстоятельство, что имъ велѣно было взять съ собою хлѣба всего на два мѣсяца; на самомъ же дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они покинули свои дома, прошло четыре мѣсяца, такъ что ни для людей, ни для лошадей, корма не осталось; между тѣмъ въ походѣ крестьянамъ не выдавалось отъ правительства ни хлѣба, ни воды.

Юстъ Юль.

ЗАКЛАДКА ГАВАНИ ВЪ РЕГЕРВИКѢ.

1723 г. Іюля 14... Въ 10 часовъ утра у насъ началось богослуженіе. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, всѣ флагманы сигналомъ приглашены были на корабль великаго адмирала, а около 6 часовъ пріѣхалъ отъ императора г.-ад. Нарышкинъ, которому поручено было пригласить герцога на твердую землю, куда его высочество тотчасъ же и отправился. У того мѣста, гдѣ мы вышли на берегъ, насъ ждалъ Василій Петровичъ съ кабріолетомъ императора, въ которомъ герцогъ и поѣхалъ съ нимъ къ его величеству. У государя были всѣ флагманы и капитаны,

и онъ очень долго ждалъ старшаго флотскаго священника, которому, по его приказанію, назначено было освятить то мѣсто, гдѣ мы находились, и положить начало работамъ по устройству гавани. Но такъ какъ тотъ всячески искалъ уклониться отъ этого, то мѣсто его долженъ былъ заступить другой. По совершеніи молитвъ, всякій, отъ императора до послѣдняго изъ присутствующихъ, обязанъ былъ донести до конца берега отъ 4-хъ до 5-ти камней и бросить ихъ въ воду, причемъ многіе, которымъ хотѣлось имѣть честь тащить самые большіе камни, таки порядочно попотѣли; очень многіе также, бросая эти камни въ воду, сильно забрызгались. Въ то время, какъ мы таскали камни, изъ разставленныхъ по берегу пушекъ сдѣланъ былъ 21 выстрѣлъ, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили, что его величество императоръ, когда брошенъ былъ первый камень, возвелъ глаза къ небу и испустилъ глубокій вздохъ. По окончаніи нашей работы, каждый долженъ былъ давать по полтинѣ великому адмиралу, который собиралъ эти деньги для солдатъ, занимавшихся здѣсь ломкою камня; императоръ, впрочемъ, пожаловалъ 10 червонцевъ, его высочество и вельможи дали также по нѣскольку золотыхъ монетъ. Послѣ сбора всякій получилъ за свои деньги по нѣскольку стакановъ вина. Со временемъ мы можемъ говорить съ гордостью, что участвовали въ первоначальной закладкѣ гавани, которая, если только Богъ продлитъ жизнь императора и дастъ ему привести все въ исполненіе, конечно, будетъ одною изъ важнѣйшихъ въ мірѣ. Уже теперь наложено изъ скалъ 130000 саженъ камня; но количества этого еще далеко недостаточно, потому что здѣсь предположено все, отъ самаго основанія, сдѣлать изъ камня. Невозможно было бы привести это въ исполненіе, еслибъ не было при томъ того удобства, что камни, сколько бы ихъ ни понадобилось, можно брать у самой воды, ибо гавань большею частію вся окружена скалами, отъ которыхъ они могутъ быть отдѣляемы посредствомъ ломки или взрывовъ. Когда все общество роспило по нѣскольку стакановъ вина въ честь освященія гавани, императоръ простился съ нами и, прежде нежели отправиться на корабль, пошелъ еще въ домъ, гдѣ помѣщались больные и гдѣ въ этотъ день должны были отнимать ногу одному матросу; но его высочество и прочіе отправились прямо на свои корабли.

Ф. Берхгольцъ.

ПРОРЫТІЕ ЛАДОЖСКАГО КАНАЛА.

(Письмо Флемингу 22 авг. 1724 г.). Обращаю вниманіе вашего сіятельства на то, что я прибылъ вчера сюда по новой дорогѣ на Ладогу и Шлиссельбургъ (по прилагаемому при семъ плану дороги). Я предпочелъ эту дорогу, уступивъ доводамъ графа Матвѣева, котораго я встрѣтилъ за Бронницами, ѣхавъ въ Москву изъ Новгорода, и такъ какъ онъ меня увѣрялъ, что отъ этого я выгадаю тринадцать дней, проѣхавъ 130 верстъ или 25 лье, я рѣшился предпочесть эту дорогу, тѣмъ болѣе, что Ихъ Величества и многіе другіе ѣхали по той же дорогѣ и, кромѣ того я надѣялся увидѣть генералъ-лейтенанта Миниха, который наблюдаетъ за работами знаменитаго Ладожскаго канала, что какъ нельзя лучше мнѣ удалось. Такъ какъ я пріѣхалъ утромъ въ Новую Ладогу, городъ, построенный лѣтъ двадцать тому назадъ Его Величествомъ Царемъ, при впаденіи рѣки Волхова въ Ладожское озеро, я нашелъ его тамъ со всѣмъ семействомъ, такъ какъ это было воскресенье, день, въ который онъ пріѣзжалъ въ городъ и въ этотъ же вечеръ возвращался назадъ, чтобы цѣлую недѣлю проводить при работахъ. Освѣдомившись объ успѣхѣ работъ канала, я узналъ отъ него, что они идутъ такъ, какъ лучше и ожидать нельзя. Онъ предложилъ мнѣ пройти на работы, но не имѣя возможности самому проводить, такъ какъ занятія задерживали его въ городѣ, онъ далъ мнѣ проводника, и мы отправились въ городъ на маленькомъ ботѣ, который тянули три лошади. Мы проѣхали двѣнадцать верстъ по каналу, вырытому еще предшественниками Миниха. При взглядѣ на эту работу можно сказать, что ничего не можетъ быть хуже ея. Плотина разрушилась и обваливается во многихъ мѣстахъ; вынутая изъ канала земля шага на два отъ края смывается дождемъ и засыпаетъ каналъ, однимъ словомъ работа такъ дурна, что долго не просуществуетъ. Пройдя 12 верстъ, гдѣ вода остановлена, я увидѣлъ работу Миниха, рѣзко отличающуюся отъ предыдущей: каналъ въ 6 футовъ ширины и въ $1^1/_2$ глубины, вмѣщающій на восемь футовъ воды, окаймленный очень красивою и плотною тесовою работою, конечно, сдѣланною не для вида, а для прочности, наверху которой хорошая щебеночная насыпь съ устланными краями, вообще нельзя не уди-

вляться трудамъ Миниха, и его старанію усовершенствовать свою работу. Мнѣ бы очень хотѣлось послать вамъ планъ этого канала, чтобы дать болѣе ясное понятіе о немъ.

При Минихѣ было вырыто пять верстъ и надѣются, что въ этомъ году до зимы успѣютъ вырыть еще семь. Въ сравненіи съ предыдущею эта работа гораздо успѣшнѣе, потому что въ продолженіе пяти лѣтъ было вырыто только 12 верстъ, хотя и рыли на пространствѣ ста верстъ до самаго Шлиссельбурга, отъ 2-хъ до 20 и 25 тысячъ человѣкъ. Минихъ же началъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ 60-ю долею того числа свободныхъ людей, набранныхъ имъ по призыву черезъ публикацію, распространенную имъ повсюду съ цѣлью привлечь предпринимателей, такъ что теперь рабочихъ около пяти тысячъ, которые переносятъ землю, за что получаютъ каждый вечеръ жалованье. Кромѣ того, у него въ распоряженіи еще 2900 человѣкъ регулярнаго войска, несмотря на то, что ему было обѣщано 15-ть тысячъ человѣкъ. Когда Его Величество Царь проѣзжалъ черезъ Ладогу, онъ не осматривалъ работъ Миниха самъ, а съ этою цѣлью послалъ туда трехъ сенаторовъ, именно: генералъ-адмирала, графовъ Брюса и Толстого и Ягужинскаго. Они были такъ довольны этими работами, что послѣ представленныхъ ими Его Величеству рапортовъ, онъ собственноручно написалъ Миниху очень милостивое письмо, въ которомъ одобрялъ его усердіе и обѣщалъ пріѣхать въ томъ же мѣсяцѣ посмотрѣть на каналъ. Все благопріятствуетъ Миниху въ этомъ предпріятіи. Кромѣ того, что его работа хороша, крѣпка и успѣшна, она стоитъ менѣе той, которая была начата и развалилась прежде, чѣмъ была окончена. Напримѣръ, чтобы вырыть кубическую сажень земли, прежде стоило 1 руб. 50 коп., а у Миниха — 60 коп. (Что касается до деревянной постройки, выходитъ, что балка въ три сажени длины и около фута въ діаметрѣ, стоющая отъ 6 до 7 коп., можетъ замѣнить 15 фашинъ, которыя стоятъ 7 коп. каждая, что составляетъ разницу. Машины водоподъемныя стоили 150 руб. въ мѣсяцъ, а теперь обходятся только въ 90 руб. Введеніемъ кювета, которымъ опускаютъ на дно балки и снаряды, онъ сберегаетъ большія суммы). Однимъ словомъ работа, обходившаяся Его Величеству въ 10 тысячъ съ версты, и то при однихъ земляныхъ насыпяхъ, Минихъ ее представляетъ за 7500 руб. совершенно оконченную

т.-е. окаймленную и выстланную. Онъ говоритъ, что если ему дадутъ зимою восемь тысячъ человѣкъ, а къ веснѣ 24 тысячи, то къ осени будущаго года суда уже могутъ пойти по каналу. Онъ имѣетъ причины думать, что Его Величество будетъ доволенъ этимъ началомъ. Онъ въ надеждѣ уничтожить своихъ враговъ и вознаградить себя за невѣроятные труды.

I. Лефортъ.

ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ *).

1725 г. Съ 27—30 Сентября его королевское высочество съ своею свитою осматривалъ крѣпость Шлиссельбургъ и Ладожскій каналъ.

27-го. Поутру мы увидѣли крѣпость Шлиссельбургъ и въ полдень въѣхали въ ея посадъ, расположенный по ту сторону Невы, при истокѣ послѣдней изъ Ладожскаго озера и прямо противъ крѣпости. Тамъ, отсалютовавъ напередъ крѣпости 5-ю пушечными выстрѣлами, на которые она съ своей стороны отвѣчала также нѣсколькими выстрѣлами, яхта наша бросила якорь противъ стоящаго у воды императорскаго дома, послѣ чего ихъ высочества поспѣшили сѣсть за столъ въ своей каютѣ, чтобъ успѣть еще во время осмотрѣть крѣпость. Коменданту дали знать изъ Петербурга о нашемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписали показать намъ крѣпость, потому что туда, какъ въ мѣсто заключенія государственныхъ преступниковъ, безъ особаго повелѣнія никого не пускаютъ. Комендантъ этотъ, полковникъ Бужениновъ, который прежде былъ капитаномъ гвардіи, скоро явился представиться ихъ высочествамъ и просить ихъ со свитою удостоить его въ крѣпости своимъ посѣщеніемъ, что ему и было обѣщано, и ихъ высочества вскорѣ послѣ того отправился туда съ нами. Въ домѣ коменданта, куда ихъ прежде всего провели, они оставались недолго и тотчасъ же приступили къ осмотру крѣпости, которую обошли вокругъ. Комендантъ повелъ ихъ сперва въ церковь, которая хотя и деревянная, но содержится хорошо и еще недавно была по-

*) Этотъ отрывокъ помѣщается здѣсь, п. ч. хотя онъ хронологически и относится ко времени послѣ смерти Петра I, но по смыслу тѣсно связанъ съ предыдущимъ. (*Сост.*).

правлена. На ея мѣстѣ во времена Шведскаго владычества стояла церковь, позади которой находился (и до сихъ поръ уцѣлѣлъ) большой старый каменный сводъ, бывшій прежде гробницею, а теперь служащій вмѣсто ризницы (Sakristey). Изъ церкви мы отправились сначала осматривать внутреннее расположеніе крѣпости и пришли къ большой деревянной башнѣ, съ которой видна вся окрестность. Покойный императоръ нарочно для того и построилъ ее, чтобъ имѣть возможность разомъ обозрѣвать крѣпость и окружающія ее мѣста. Мы также взошли наверхъ взглянуть на нихъ. Видъ оттуда, какъ на Ладожское озеро, такъ и во всѣ другія стороны, удивительный... Сойдя съ башни, ихъ высочества обошли всю эту окруженную водою крѣпость по стѣнѣ, которая стала уже немного ветшать, особенно въ деревянныхъ своихъ частяхъ... За то внутри самой крѣпости покойный императоръ приказалъ возвести много каменныхъ казармъ вмѣсто находившихся тамъ деревянныхъ, разрушенныхъ въ прежнія времена непріятельскими бомбами; да впрочемъ и снаружи все это мѣсто снабжено 5-ю бастіонами, которые хорошо установлены пушками... Послѣ прогулки по стѣнѣ вокругъ крѣпости, мы всходили еще на всѣ пять внѣшнихъ бастіоновъ, такъ что ихъ высочества два раза обошли всю крѣпость, что можетъ равняться верстамъ двумъ. На каждомъ бастіонѣ комендантъ угощалъ насъ виномъ и медомъ, говоря, что такъ всегда дѣлалось при жизни покойнаго императора... Въ крѣпости, кромѣ многихъ каменныхъ казармъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ, находятся только четыре деревянные дома, а именно: императорскій дворецъ, домъ князя Меншикова, домъ коменданта и домъ, въ которомъ содержится бывшая царица. При отъѣздѣ ихъ высочествъ, въ крѣпости послѣдовало опять 37 пушечныхъ выстрѣловъ. Мы проѣхали потомъ мимо того мѣста, гдѣ долженъ выйти новый каналъ, который будетъ проведенъ черезъ Шлиссельбургское предмѣстье. Этотъ такъ-называемый Ладожскій каналъ, который ужъ и прорытъ здѣсь, устранитъ такимъ образомъ совершенно надобность въ плаваніи черезъ Ладожское озеро. По возвращеніи домой, мы скоро сѣли ужинать, и ихъ высочества затѣмъ довольно рано легли опочивать.

28-го. Ихъ высочества въ 8 час. утра отправились изъ Шлиссельбурга и ѣхали сухимъ путемъ до Назіи (до которой считается оттуда около двадцати верстъ), гдѣ мы кормили и куда

частію по причинѣ плохихъ лошадей, частію по причинѣ очень песчаной дороги, прибыли только къ 2-мъ часамъ пополудни. Для этой поѣздки генералъ Минихъ прислалъ съ канала 50 рабочихъ лошадей, но такъ какъ намъ нужно было бо́льшее число, то мы немало хлопотали, чтобъ добыть еще хоть трехъ, тѣмъ болѣе, что окрестные поселяне не занимаются хлѣбопашествомъ, а живутъ исключительно рыбною ловлею. Въ Назіи, гдѣ мы обѣдали и пробыли часа два, устроена переправа черезъ рѣку того же имени, протекающую по срединѣ деревни, и у самаго моста расположено небольшое укрѣпленіе, снабженное нѣсколькими маленькими пушками. Оттуда мы поѣхали въ Лаву, находящуюся отъ Назіи верстахъ въ четырнадцати, и миновали на половинѣ дороги деревню Шелдигу, отъ которой начинается участокъ канала, состоящій подъ вѣдѣніемъ полковника Витвера. На протяженіи 14-ти верстъ онъ былъ уже готовъ и наполненъ водою, которая однако-жъ, какъ говорятъ, не вездѣ надлежащей глубины, потому что этотъ каналъ отъ Шелдиги до Лавы далеко еще не достаточно глубокъ. Тамъ, гдѣ каналъ начинается у Шелдиги, онъ проходитъ черезъ рѣку Шелдигу, и рѣка эта съ обѣихъ сторонъ обложена фашинами, которыя хотя и подперты сваями, но вообще утверждены непрочно, да и надъ водою возвышаются только на нѣсколько футовъ. Такъ какъ въ Лаву мы пріѣхали поздно вечеромъ и по причинѣ усталости лошадей не могли отправиться дальше, то ихъ высочества остановились тамъ въ крестьянской избѣ, а мы, прочіе, размѣстились по сосѣднимъ избамъ, какъ кому пришлось. Между тѣмъ повара наши уѣхали уже 12 верстъ дальше, въ Леднову, куда мы также разсчитывали пріѣхать вечеромъ для перваго ночлега; почему ихъ высочествамъ, вмѣсто всякаго ужина, пришлось удовольствоваться кое-какимъ холоднымъ кушаньемъ, которое къ счастію мы еще захватили съ собою... Такъ какъ въ домѣ, гдѣ остановились ихъ высочества, и въ другихъ занятыхъ нами избахъ было множество дѣтей, въ особенности дѣвочекъ, то ея императорское высочество, наша всемилостивѣйшая герцогиня, которая дѣтей очень любитъ, приказала почти отовсюду собрать ихъ, и не только забавлялась съ ними, но и одарила всѣхъ ихъ деньгами, такъ что съ удовольствіемъ провела остатокъ вечера въ этомъ непріютномъ мѣстѣ. Вообще ея высочество легко умѣетъ мириться со всякимъ положеніемъ, а потому была совершенно довольна и здѣсь.

29-го. Поутру ихъ высочества отправились на находившуюся недалеко отъ нихъ квартиру своей гофмейстерины, гдѣ кушали со всѣми нами кофе и чай. Когда вчерашнія дѣти, еще въ большемъ числѣ, явились и туда, чтобъ посмотрѣть на высокихъ путешественниковъ, ея высочество приказала позвать ихъ въ избу, гдѣ дѣвочки должны были пѣть пѣсни. Въ этотъ разъ онѣ были уже смѣлѣе и не заставили долго себя принуждать. Тѣ изъ нихъ, которыхъ недоставало вчера, были также одарены деньгами. Какъ скоро все было готово къ отъѣзду, ихъ высочества, въ 8 часовъ утра, отправились въ Леднову, деревню, находившуюся, какъ я уже сказалъ, въ 12 верстахъ отъ Лавы; но дурная дорога и плохія лошади были причиною, что мы пріѣхали туда только около полудня. Тутъ нашли мы своихъ поваровъ, у которыхъ все уже готово было для обѣда и которые наканунѣ тщетно поджидали насъ къ ужину. Послѣ обѣда (во время котораго заложили лошадей), когда ихъ высочества хотѣли уже садиться въ экипажи, пріѣхалъ генералъ Минихъ, который дня два прождалъ насъ въ Ижорѣ или Шорѣ, въ 7-ми верстахъ отъ Ледновой. Онъ увѣрялъ, что въ Ижорѣ мы нашли бы уже черезчуръ дурное помѣщеніе для ночлега и что въ этотъ день, хотя и отдано имъ приказаніе держать наготовѣ свѣжихъ лошадей, нѣтъ возможности своевременно доѣхать до Дубны, тѣмъ болѣе, что ихъ высочествамъ угодно осмотрѣть его работы по проведенію канала; да и лошади его, какъ онъ говорилъ, отъ ежедневныхъ работъ при каналѣ всѣ точно такъ же истощены, какъ тѣ, которыми мы до сихъ поръ кое-какъ пробавлялись. Вслѣдствіе всего этого ихъ высочества, по совѣту генерала, рѣшились остаться ночевать въ Ледновой и ѣхать дальше на другой день съ разсвѣтомъ. Лошадей послѣ того опять отпрягли и отдано было приказаніе для отъѣзда приготовить все къ слѣдующему утру. Генералъ Минихъ пробылъ у насъ часа два, поѣхалъ верхомъ назадъ въ Ижору (мѣсто, которое нѣкоторые называютъ и Шорой). На прощанье онъ просилъ ихъ высочества выѣхать на другой день пораньше, что ему и было обѣщано. Въ деревнѣ Ледновой жители, по своему, весьма зажиточные люди, хотя вовсе не занимаются земледѣліемъ, а исключительно живутъ рыболовствомъ и услугами, которыя оказываютъ кораблямъ и баркамъ, часто подвергающимся здѣсь крушенію. Послѣднее въ прежнее время

приносило имъ большой доходъ, потому что продовольственные припасы и другіе необходимые предметы, привозимые изъ внутреннихъ областей Россіи, отправлялись въ Петербургъ по опасному Ладожскому озеру на плохихъ судахъ и съ неопытными людьми, которые часто простирали свою смѣлость до того, что пускались черезъ все широкое озеро съ здѣшними крестьянами на маленькихъ судахъ или ботахъ, называемыхъ ими лодками (Lodkens) и могущихъ вмѣстить въ себѣ не болѣе трехъ человѣкъ при самомъ незначительномъ грузѣ. Въ хорошую погоду перевозчики совершали этотъ переѣздъ, взадъ и впередъ, въ три дня; но за то въ бурю нерѣдко поплачивались жизнью. Въ настоящее время такіе переѣзды запрещены подъ строгимъ наказаніемъ, и пускаться въ открытое озеро дозволяется почти исключительно только на галіотахъ и широкихъ баркахъ. Деревня Леднова принадлежитъ великому князю. Въ числѣ ея жителей есть одинъ крестьянинъ, въ домѣ котораго мы видѣли весьма недурно меблированную комнату.

Ф. Берхгольцъ.

Иностранцы въ Россіи.

ПРИВЛЕЧЕНІЕ ИНОСТРАНЦЕВЪ НА СЛУЖБУ.

Петру I все еще недоставало лучшаго — способныхъ и свѣдущихъ офицеровъ для войска. Его собственный народъ не могъ ему доставить такихъ людей. Большая часть иностранцевъ, которыхъ онъ нашелъ въ своемъ краѣ, родились въ Россіи отъ иностранныхъ родителей, никогда не бывшихъ за предѣлами этой страны, никогда не видавшихъ непріятеля, и по тому они немного лучше природныхъ Русскихъ смыслили въ военной службѣ. Тѣ, которыхъ привлекли потомъ въ Россію слухи о перемѣнахъ въ Русскомъ войскѣ и которые, какъ явились, такъ всѣ и забраны цѣликомъ въ службу безъ дальнѣйшаго разбора, тоже были немного лучше и также мало знали ремесло, потому что Россія считалась тогда еще совсѣмъ варварской страной и на службу туда не отваживался никто, умѣвшій достать себѣ хлѣбъ въ другомъ мѣстѣ. Если же между послѣдними и встрѣчался человѣкъ достойный, то не понималъ языка, и могъ тѣмъ менѣе дѣлать успѣхи, что Русскіе иноземцы, снискавшіе себѣ расположеніе Петра I самыми низкими и постыдными средствами, старались такимъ же образомъ и сохранить его, всячески удалять отъ Царя заслуженныхъ людей и тѣснить ихъ.

I. Фоккеродтъ.

ПЛѢННЫЕ ШВЕДЫ ВЪ МОСКВѢ.

(1702 г.) 14-го сентября, привезли въ Москву около 800 шведскихъ плѣнныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Сначала продавали многихъ изъ нихъ по 3 и 4 гульдена за голову; но спустя нѣсколько дней цѣна на нихъ возвысилась до 20 и даже 30 гульденовъ. При такой дешевизнѣ иностранцы охотно покупали плѣнныхъ, къ великому удовольствію сихъ послѣднихъ; ибо иностранцы покупали ихъ для услугъ своихъ только на время войны, послѣ которой возвращали имъ свободу. Русскіе также купили многихъ изъ этихъ плѣнныхъ; но несчастнѣйшіе изъ нихъ были тѣ, которые попали въ руки Татаръ, которые уводили ихъ къ себѣ въ рабы въ неволю: положеніе самое плачевное.

Корнилій де Брунъ.

НА РУССКОЙ СЛУЖБѢ.

Вскорѣ послѣ заключенія со мною договора, Царь, который отправлялся изъ Англіи въ Голландію, взялъ меня съ собой, и когда я тамъ изучилъ все то, что имѣлъ случай видѣть, то былъ отправленъ прямо въ Москву съ приказаніемъ ѣхать оттуда немедленно въ Астраханскую губернію около тысячи верстъ (т.-е. Русскихъ миль) за Москвою, чтобъ надсматривать за работой, которая производилась подъ вѣдѣніемъ другого лица, назначеннаго Его Царскимъ Величествомъ для открытія сообщенія для военныхъ кораблей, а также и судовъ съ тяжестями отъ Каспійскаго моря до Чернаго по означеннымъ великимъ рѣкамъ, Волгѣ и Дону...

Сообщеніе между двумя названными большими рѣками, на пространствѣ около 140 Русскихъ миль, возможно посредствомъ двухъ меньшихъ рѣкъ, изъ коихъ одна называется Илавла и впадаетъ въ Донъ, а другая Камышинка впадаетъ въ Волгу; на этихъ малыхъ рѣкахъ предполагалось устроить шлюзы, чтобы сдѣлать эти рѣки судоходными, а также предполагалось, на протяженіи около 4-хъ Русскихъ миль, по твердой землѣ прокопать каналъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти двѣ рѣчки протекаютъ на болѣе близкомъ разстояніи одна отъ другой. Такая работа, если-бъ она пришла къ окончанію, была бы весьма

выгодною для владѣній Царя, особенно въ случаѣ войны съ Турками, Крымскими Татарами, Персіей, или съ одной изъ странъ, прибрежныхъ къ Каспійскому морю....

Этой работою я занимался три года сряду, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, и потребовалъ 30,000 человѣкъ работниковъ, но никогда не могъ получить и половины этого числа, а въ послѣдній годъ не было прислано въ мое распоряженіе даже и 10,000 человѣкъ, не говоря о томъ, что всегда чувствовался недостатокъ въ хорошихъ мастерахъ и необходимомъ количествѣ матеріала. Касательно этого послѣдняго обстоятельства, я каждую зиму, во время поѣздокъ моихъ въ Москву, собственноручно подавалъ Царю списокъ требуемаго матеріала, особенно для постройки шлюзовъ; но въ это время Царь потерпѣлъ пораженіе подъ Нарвой, и война съ Шведами грозила на долго затянуться. Все это требовало и людей и денегъ. Въ концѣ 1701 года я получилъ приказаніе прекратить на время работу и оставить на мѣстѣ одного изъ моихъ помощниковъ, поручивъ ему наблюдать за тѣмъ, чтобы время и случайности не разрушили уже сдѣланнаго (нѣкоторые шлюзы были почти окончены и каналъ въ половину прокопанъ), а самому, съ прочими моими помощниками, явиться въ Москву. Оттуда я былъ отправленъ для новыхъ работъ въ Воронежъ, а князь Алексѣевичъ Голицынъ, который былъ Губернаторомъ въ Царствѣ Астраханскомъ, гдѣ производились вышесказанныя работы, лишился своего мѣста за то, что задерживалъ работу, не отпуская мнѣ необходимаго числа людей, и требуемаго мною матеріала. За это князь, подпавшій подъ немилость Царя, сдѣлался моимъ непримиримымъ врагомъ и, пользуясь связями своими (онъ былъ въ родствѣ съ самыми знатными фамиліями), вліялъ на вельможу, подъ вѣдѣніемъ котораго я продолжалъ мое служеніе, занимаясь новой работой, и внушилъ ему противъ меня предубѣжденіе, которое всѣ старые Бояре питали къ новымъ предпріятіямъ, начатымъ Царемъ по совѣту иностранцевъ...

Это случилось во время путешествія Царя за границу, и по возвращеніи своемъ онъ упрекалъ за это князя, какъ не оправдавшаго его довѣрія; князь съ этой минуты сталъ непримиримымъ противникомъ воднаго сообщенія...

Окончивъ мою послѣднюю работу въ Воронежѣ, я оставался въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ безъ новыхъ порученій;

по истеченіи же этого времени Его Величество пожелалъ привести въ исполненіе предначертаніе мое, о которомъ упоминалось выше, для предохраненія кораблей отъ порчи и разрушенія въ мирное время, т.-е., о поставленіи ихъ подъ навѣсъ, въ особо къ тому приноровленныхъ сухихъ пристаняхъ, устроенныхъ такимъ образомъ, что посредствомъ шлюза уровень воды могъ быть поднятъ настолько, насколько необходимо было, чтобы провести корабли въ такія сухія пристани, и затѣмъ, такимъ же способомъ выпуская воду, оставить суда на сушѣ. Я предполагалъ устроить особыя отдѣленія, гдѣ бы корабли Его Величества размѣщались соотвѣтственно своимъ рангамъ, отъ 10 до 20 въ каждомъ отдѣленіи, по усмотрѣнію Его Величества, и оснащивались бы на блокахъ, какъ то дѣлается у насъ, въ Англіи...

Царь вполнѣ постигъ мою мысль и одобрилъ ее; мнѣ приказано было ожидать въ Москвѣ возвращенія Его Величества, гдѣ я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго занятія, а затѣмъ изъ Польши получилъ отъ Царя приказаніе отправиться къ рѣкѣ Дону, чтобъ пріискать тамъ удобное мѣсто для работъ.

Вслѣдствіе этого я осмотрѣлъ устья пяти небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Донъ и означенныхъ въ данномъ мнѣ предписаніи, а затѣмъ возвратился въ Москву къ Лорду Апраксину съ отчетомъ о томъ, какую мѣстность считаю я болѣе удобною для производства работъ, и съ означеніемъ необходимаго числа работниковъ и матеріала. Отчетъ этотъ и списокъ Его Вельможность взялъ съ собою въ Петербургъ, куда отправился для встрѣчи Царя. Его Величество благоволилъ отдать приказаніе для срубки лѣса и приготовленія его для работы, но работу приказалъ не начинать, покуда самъ онъ не найдетъ удобнаго времени, чтобъ лично осмотрѣть мѣстность, избранную мною, и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Между тѣмъ Его Вельможность, возвратившись опять въ Москву, увѣрилъ меня, что онъ получилъ отъ Царя повелѣніе уплатить мнѣ задержанное мое жалованіе, и уже отдалъ приказаніе своему помощнику представить счетъ, что мнѣ приходилось. Такимъ образомъ я съ полной увѣренностію могъ ожидать полученія слѣдуемыхъ мнѣ денегъ; но въ первый же разъ, когда мнѣ пришлось послѣ этого представиться Его

Вельможности, онъ въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что Царь въ настоящую минуту былъ такъ поглащенъ военными дѣлами въ Польшѣ, что, вѣроятно, не такъ скоро еще найдетъ возможность возвратиться въ Москву, а оттуда проѣхать осмотрѣть мѣстность и сдѣлать распоряженіе на счетъ работъ. Затѣмъ Лордъ Апраксинъ привѣтливо спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать въ промежутокъ этого времени? Я отвѣчалъ, что такъ какъ начало работъ должно отложить до возвращенія Царя изъ арміи, и для меня не предвидится въ настоящее время занятій, то я просилъ бы Его Вельможность дать мнѣ непродолжительный отпускъ въ Англію для свиданія съ родственниками и друзьями, обѣщаясь, по возвращеніи моемъ, служить Его Величеству съ полнымъ усердіемъ. Я предполагалъ провести въ Англіи не болѣе осьми или десяти мѣсяцевъ. Въ первую минуту Его Вельможность одобрилъ мое намѣреніе, приказавъ мнѣ подать прошеніе, а съ своей стороны обѣщалъ писать Царю насчетъ моего отпуска.

Впослѣдствіи, однако-жъ, эта невинная просьба моя оказалась для меня западней; вмѣсто того, чтобъ говорить объ отпускѣ, онъ представилъ Царю, что я имѣлъ намѣреніе оставить службу его, и съ этой цѣлью обращался къ Англійскому Посланнику, который будто бы писалъ обо мнѣ въ Англію, представляя меня, какъ человѣка способнаго примѣнить въ пользу Англійскаго флота то самое предложеніе, которое я имѣлъ въ виду для сохраненія Царскихъ кораблей, гнившихъ тогда въ Воронежѣ, и что, вслѣдствіе этого, онъ, Лордъ Апраксинъ, пріостановилъ выдачу мнѣ моихъ денегъ...

Наконецъ, Его Вельможность объявилъ мнѣ, что получилъ отвѣтъ отъ Царя, и уже отдалъ приказаніе объ отправленіи меня на службу, но онъ не желалъ сообщить мнѣ, куда именно меня пошлетъ, а только сказалъ, что я долженъ подписать новый договоръ съ обязательствомъ на будущее время служить Его Величеству, гдѣ и какъ мнѣ будетъ приказано, и что безъ этого я не могу получить не только всѣхъ недоплаченныхъ денегъ, но даже и какой бы то ни было части ихъ. Къ довершенію всѣхъ моихъ невзгодъ слѣдуетъ замѣтить, что, получая деньги нововычеканной Русской монетой, мнѣ приходилось при размѣнѣ, по тогдашнему курсу, потерпѣть убытку около 38 процентовъ... Скажу только, что я не могъ дать своего согласія на это условіе, не

чувствуя никакого расположенія согласиться на новыя неразумныя и безчестныя требованія, и тѣмъ самымъ закабалить себя въ странѣ, гдѣ со мною, въ теченіе долгаго времени, такъ дурно поступали.

Вслѣдствіе моего отказа Его Вельможность, который опять отправлялся въ Петербургъ, отдалъ приказаніе своему помощнику удержать у меня деньги, выдаваемыя мнѣ на содержаніе, а также и деньщиковъ или солдатъ, которые до того времени были назначаемы для моей прислуги, надѣясь этимъ принудить меня къ уступчивости, и въ то же время обвинялъ меня въ упорномъ неповиновеніи Царской волѣ и приказаніямъ. Тогда я изложилъ въ письменномъ докладѣ всѣ затрудненія, которыми я былъ обставленъ, и ходатайствовалъ о моемъ увольненіи, съ твердымъ намѣреніемъ выѣхать изъ этой страны, оставивъ въ ней мои деньги; но мнѣ отказали въ увольненіи, и опять-таки я долженъ былъ, оставаясь въ Москвѣ, дожидаться возвращенія Царя изъ арміи...

Онъ возвратился въ Москву съ торжествомъ, окруженный множествомъ Генераловъ и прочихъ плѣнниковъ. По этому случаю воздвигнуты были великолѣпныя побѣдныя ворота и пущены блестящіе потѣшные огни. Вездѣ видно было изъявленіе радости и праздничное торжество. Послѣ этого знаменательнаго поворота судьбы въ пользу Царя, ему оставалось только направить свои завоеванія въ самое сердце Швеціи и основать морскую силу на Балтикѣ.

Для этого дѣла Его Величество благоволилъ вспомнить обо мнѣ, и употребить меня въ этомъ краѣ для устройства сообщенія отъ великой рѣки Волги черезъ Ладожское озеро до Петербурга, такъ, чтобы прямо можно было плыть отъ Волги, которая протекаетъ по самой плодородной части Россіи, до любимой новой столицы...

Его Величество, убѣдившись въ великомъ преимуществѣ, заключавшемся въ морской силѣ, объявилъ своимъ Боярамъ, что онъ рѣшился основать флотъ въ азовскомъ краѣ, чтобъ имѣть возможность удержать за собою эту крѣпость (Азовъ) и при случаѣ тѣмъ успѣшнѣе сразиться съ Турками въ Черномъ морѣ. Онъ немедленно выписалъ строителей и мастеровъ изъ Голландіи, для построенія кораблей, а изъ Италіи и Венеціи таковыхъ же для построенія галеръ, и рѣшилъ соорудить 40

военныхъ судовъ, 10 перевозныхъ судовъ и бомбардирскихъ лодокъ, 20 большихъ галеръ и 30 меньшихъ, и всѣ ихъ оснастить и вооружить въ трехлѣтній срокъ. Согласно съ этимъ составленъ былъ списокъ всего необходимаго; списокъ этотъ представленъ былъ на утвержденіе въ совѣтъ, нарочно для сего созванный Царемъ. Вслѣдствіе этого, многіе изъ знатныхъ Бояръ (владѣвшихъ большими помѣстьями и имѣвшихъ въ распоряженіи своемъ значительное количество рабовъ, числомъ коихъ и опредѣлялось ихъ имущество) обязывались построить на свой счетъ одно военное судно, съ предоставленіемъ имъ права назвать его собственнымъ своимъ именемъ. Таковымъ же образомъ монастыри, города, купцы и дворяне, проживавшіе въ своихъ владѣніяхъ, обязывались платить соразмѣрную съ этими послѣдними часть въ пользу новаго предпріятія, помимо обыкновенныхъ сборовъ на содержаніе войска и покрытіе издержекъ предстоящей войны. Въ приказѣ сказано было, что если корабли и лодки не будутъ готовы въ теченіе означеннаго трехлѣтняго срока, то количество ихъ тѣмъ самымъ удваивается. Тѣмъ лицамъ, обществамъ и сословіямъ, на деньги которыхъ строились корабли, дозволено было назначить своихъ повѣренныхъ для производства работы, съ правомъ нанимать рабочихъ, дѣлать условія и распоряжаться, какъ они сами пожелаютъ. Нѣсколько Голландцевъ и другихъ мастеровъ назначены были агентами въ этомъ предпріятіи, и привели его къ окончанію съ должной быстротой и согласно приказанію. Въ то же время Его Величество объявилъ о своемъ намѣреніи путешествовать, пока будутъ строить и приготовлять вышеозначенный флотъ, и назначилъ нѣкоторыхъ молодыхъ дворянъ изъ страны своей ѣхать съ нимъ для изученія нововведеній у другихъ народовъ; нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ онъ приказалъ отправиться въ одно мѣсто, а другимъ въ другое, чтобы, по возможности, дѣлать наблюденія во всѣхъ частяхъ Европы.

Дж. Перри.

ПРИТѢСНЕНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

(1711 г.) 27-го марта. Нѣсколько важнѣйшихъ Нѣмецкихъ купцовъ въ Москвѣ были арестованы въ Лютеранской церкви, вѣроятно по навѣтамъ недоброжелателей. Схватили ихъ солдаты

при оружіи и увели въ заключеніе въ Приказъ. Поводомъ къ ихъ аресту послужило заявленіе одного мальчика Поляка о томъ, будто бы они вступили въ сношеніе съ однимъ плѣннымъ Шведскимъ генераломъ, снабдили его деньгами и способствовали его бѣгству. Впослѣдствіи, обвиненіе это оказалось ложнымъ, и купцы выпущены на свободу; но лица, навлекшія на нихъ таковой позоръ, наказанія не понесли. Положеніе несчастныхъ купцовъ было тѣмъ ужаснѣе, что арестовали ихъ неожиданно, въ церкви, не сказавъ за что, опечатали ихъ движимое имущество и отвезли въ Приказъ. Здѣшніе иностранные купцы то и дѣло испытываютъ такое обращеніе, и для меня совсѣмъ непостижимо, какъ они рѣшаются жить въ Россіи и довѣрять тутъ кому бы то ни было, когда они ежедневно, безо всякой вины, рискуютъ подвергнуться подобнаго рода непріятностямъ, убыткамъ и позору.

Бывшій королевско-Датскій комиссаръ въ Москвѣ, Boutenant-de-Rosenbusk, котораго блаженной памяти король Христіанъ V пожаловалъ въ дворяне, равнымъ образомъ сталъ жертвою жестокаго насилія. Отецъ его, родомъ Голландецъ, нашелъ подъ Олонецкомъ желѣзную и мѣдную руду и, получивъ надлежащую привилегію, открылъ тамъ, въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи, два завода, чугунный и мѣдный. На устройство ихъ онъ произвелъ большія затраты; дѣло пошло хорошо и стало давать значительные барыши. Но Rosenbusk-отецъ вскорѣ умеръ; тогда привилегія на заводы была возобновлена на имя его сына Бутенанта-де-Розенбуска, притомъ самымъ формальнымъ образомъ, за подписью самого Царя и за большою государственною печатью. Однако, такъ какъ оба завода приносили большую прибыль, то алчный князь Меншиковъ рѣшилъ завладѣть ими: во-первыхъ, они находились въ подвѣдомственной ему губерніи; во-вторыхъ, у Розенбуска недоставало средствъ на ихъ содержаніе, а заводы должны были изготовлять разныя военныя принадлежности. И вотъ, основываясь на этихъ предлогахъ, князь Меншиковъ отобралъ заводы себѣ, отказавшись даже уплатить разоренному Бутенанту-де-Розенбуску тѣ 20000 рублей за поставки съ заводовъ, которыя задолжала ему казна. Розенбускъ многократно обращался къ Царю съ ходатайствомъ о возвращеніи ему заводовъ, содержаніе которыхъ было бы обезпечено, еслибъ ему отдали сказанный долгъ въ

20000 руб. Отлично понимая, какая великая несправедливость совершена относительно Розенбуска, Царь не находилъ возраженій противъ его законныхъ требованій; но съ другой стороны онъ не хотѣлъ отнять у князя пріобрѣтенныхъ имъ выгодъ, а потому, не зная, какъ извернуться и къ какой уловкѣ прибѣгнуть, не переставалъ обнадеживать Розенбуска обѣщаніями, которыхъ никогда не исполнилъ, т.-е. не возвратилъ ему ни заводовъ, ни долга. Одинъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ, изъ состраданія, оказалъ ему незначительную денежную помощь. Розенбускъ умеръ въ бѣдности, удрученный горемъ. Очень можетъ быть, что доходами съ этихъ заводовъ, равно какъ и съ имущества, отнятаго княземъ Меншиковымъ у многихъ другихъ лицъ, пользуется самъ Царь. Вообще, Его Величество только прикидывается сторонникомъ законности. Когда совершается какая-нибудь несправедливость, неудовольствіе пострадавшихъ долженъ отвлечь на себя князь. Если бы князь Меншиковъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ всѣмъ, что считается его собственностью, то доходы его достигли бы нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Но возможно ли допустить, чтобы такой правитель, какъ Царь, крайне нуждающійся въ средствахъ для веденія войны и столь же разсчетливый для самого себя, какъ какой-нибудь бѣднякъ-простолюдинъ, рѣшился одарить кого-либо подобнымъ богатствомъ? На вопросъ: кто пользуется тою или другою монополіею, правомъ торговать царскою рожью и всевозможными товарами, вывозимыми моремъ изъ Архангельска и проч., всегда слышишь тотъ же отвѣтъ: «князь Меншиковъ». Словомъ, все принадлежитъ ему, такъ что онъ властенъ дѣлать, что ему угодно. И вотъ складывается убѣжденіе, что самъ Царь справедливъ, виноватъ же во всемъ одинъ князь; но, на самомъ дѣлѣ, хотя князь и отличается несправедливостью, а во всемъ, что относится до почестей и до наживы, является ненасытнѣйшимъ изъ существъ, когда-либо рожденныхъ женщиною; тѣмъ не менѣе онъ неповиненъ во многомъ изъ того, въ чемъ его обвиняютъ. Когда Царь не хочетъ заплатить содержанія какому-либо офицеру или не хочетъ оказать ему защиты, то говоритъ, что самъ онъ всего генералъ-лейтенантъ, и направляетъ офицеровъ къ фельдмаршалу, князю Меншикову; но когда проситель является къ князю, послѣдній обо всемъ предупрежденъ и поступаетъ такъ, какъ ему кажется

выгодиѣе. Если бѣдняга снова идетъ къ Царю, то его Величество обѣщается поговорить съ Меншиковымъ, дѣлаетъ даже видъ, что гнѣвается на князя за то, что онъ не удовлетворилъ ходатайства офицера, но всѣ такія дѣйствія — одно притворство. Порокъ этотъ весьма затемняетъ добрую славу Его Величества. Въ остальныхъ отношеніяхъ Царь достоинъ безчисленныхъ похвалъ; можно про него сказать, что онъ храбръ, разсудителенъ, благочестивъ, поклонникъ наукъ, трудолюбивъ, прилеженъ и поистинѣ неутомимъ. Но когда выдается случай нажить деньги, онъ забываетъ все. Испыталъ это на себѣ Бутенантъ-де-Розенбускъ, испыталъ одинъ полковникъ — Нѣмецъ von Velsen, безъ вины посаженный подъ арестъ и хотя впослѣдствіи оправданный военнымъ судомъ, тѣмъ не менѣе никогда не добившійся ни возвращенія ему полка, ни уплаты заслуженнаго содержанія, такъ что для выѣзда изъ Россіи ему пришлось чуть не побираться; испыталъ это и мой приставъ, Яковъ Андреевичъ, у котораго князь, безъ всякой причины, основываясь только на «sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas», — отобралъ большое имѣніе и ничѣмъ не возмѣстилъ ему такой потери. Старшій попечитель Лютеранской церкви въ Москвѣ былъ жертвою подобнаго же рода насилія. Вновь избранный Шведскій священникъ Штаффенбергъ, человѣкъ нехорошій и безпокойный, легкомысленно проповѣдывалъ съ каѳедры о варварскомъ будто бы обращеніи въ Москвѣ со Шведскими плѣнными. И вотъ упомянутаго попечителя схватили, сослали въ Казань и безъ суда конфисковали его имущество, достигавшее 60000 рублей, за то лишь, что онъ не сдѣлалъ выговора священнику и не донесъ о его проповѣдяхъ Московскому правительству. Самого же Штаффенберга за его слова безъ суда посадили въ тюрьму и впослѣдствіи сослали въ Сибирь. А у общины, которая до тѣхъ поръ самостоятельно управляла своими церковными дѣлами, не испрашивая у Царя разрѣшенія на ту или другую мѣру, свобода эта отнята, и старшимъ блюстителемъ обѣихъ Лютеранскихъ церквей назначенъ вице-канцлеръ Шафировъ, имѣющій отнынѣ наблюдать за правильнымъ теченіемъ общинныхъ дѣлъ, а равно и за тѣмъ, чтобы въ церквахъ не говорилось проповѣдей, направленныхъ противъ царскаго величества. Шафировъ долженъ также разсмотрѣть споры, возникшіе благодаря безпокойному Шведскому священ-

нику, и на будущее время предупреждать несогласія. Въ Россіи законъ обходятъ на каждомъ шагу и рѣшаютъ дѣла безъ суда. Если на какое-либо должностное лицо, уже успѣвшее нажиться, донесутъ его враги или попрекнутъ ему во хмѣлю его беззаконіями, либо воровствомъ по должности, то имущество его конфискуется безъ суда, и онъ еще счастливъ, если избѣжалъ кнута и ссылки въ Сибирь. Когда такому лицу удается отвратить опалу, сдѣлавъ подарокъ князю Меншикову въ размѣрѣ 10, 20, 30 тысячъ или болѣе рублей, то оно спасено, ибо тогда уже дѣло вовѣки не дойдетъ до слѣдствія и суда. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорятъ: «князь взялъ взятку», — что въ сущности правда; но изъ этой взятки Царь тоже получилъ свою часть, только дѣйствовалъ скрытно, чтобъ общая ненависть падала не на него, а на князя Меншикова. Вообще мнѣ сообщали столько примѣровъ беззаконій и насилій, совершенныхъ въ Россіи въ отношеніи иностранцевъ и Русскихъ, что на исчисленіе и пересказъ ихъ не достало бы многихъ дестей бумаги. Впрочемъ, можно ли ожидать лучшихъ порядковъ въ странѣ, гдѣ важнѣйшіе сановники то и дѣло повторяютъ слѣдующее твердо установленное правило государственной мудрости: «пускай весь міръ говоритъ, что хочетъ, а мы все-таки будемъ поступать по своему».

Юстъ Юль.

ГОЛЛАНДЦЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго ко флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же, за какими-либо дѣлами, не могъ побывать тамо, то забавлялся зрѣніемъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и увидѣвъ идущіе голландскіе корабли, государынѣ съ восторгомъ говорилъ: «Ахъ, Катенька, плывутъ къ намъ голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерство ученика ихъ. Думаю, не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ». Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобъ прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привезть къ себѣ; между тѣмъ

ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостію. Часу въ десятомъ ввечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились прямо къ государю и по пріятельски ему говорили: «Здравствуй, императоръ Питеръ»! «Добро пожаловать, шкипера»! «Здорово-ли ты живешь»? «Да, благодарю Бога»! «Это намъ пріятно». «Слушай, императоръ Питеръ! Сыръ для тебя, полотно жены наши прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну». «Я благодарю васъ; сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники». «Пускай кушаетъ твоя супруга».

Его величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ. Они пили здоровье ихъ величествъ: «Да здравствуетъ много лѣтъ императоръ Петръ и императрица, супруга его! Слава Богу, мы теперь какъ дома! Есть что попить и поѣсть. Пріѣзжай къ намъ, государь Петръ! Мы хорошо тебя попотчуемъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ». «Вѣрю, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ».

При семъ спрашивалъ его величество: сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штурмовъ, какіе товары привезли и что намѣрены изъ Петербурга обратно взять? И такъ, пробывъ съ ними часа съ два, съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ паки въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи: «Завтра я вашъ гость».

Такимъ то образомъ императоръ обходился съ голландцами и тако пріохочивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, чтобъ установить въ Россіи коммерцію моремъ.

А. Нартовъ.

Итоги царетвованія.

НЕУДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

(1714 г.). Въ этомъ мѣсяцѣ (Декабрѣ) обнаружилась, наконецъ, причина печальнаго настроенія царя, въ которомъ онъ находился уже нѣсколько недѣль. Онъ открылъ теперь злоупотребленія, вкоренившіяся въ его государствѣ еще съ 1706 года и узналъ, почему войска получаютъ плохое жалованіе и терпятъ великую нужду, почему уходятъ Нѣмецкіе офицеры, отчего тысячи рабочихъ людей погибли самымъ плачевнымъ образомъ, отчего настала такая дороговизна въ его странѣ, внутренняя торговля упала и особенно финансы находятся въ столь дурномъ состояніи. Царь принялъ твердое рѣшеніе исправить все это, если не вполнѣ, то насколько возможно, для чего и приказалъ произвести въ этомъ году общее разслѣдованіе.

Изъ опыта извѣстно, что царь, несмотря на всѣ расходы по устройству арміи и флота и всевозможныя сооруженія и постройки, никогда не былъ въ необходимости прибѣгать къ займамъ, но всякій разъ находилъ для исполненія своихъ предпріятій новыя вспомогательныя средства въ своемъ государствѣ. Россія чрезвычайно богата товаромъ и продуктами, но въ чистыхъ деньгахъ избытка далеко въ ней нѣтъ, и если взглянуть на огромное пространство этого государства, то становится удивительнымъ, что между обширностію его и доходами оказывается такая громадная несоразмѣрность; ибо въ немъ есть много провинцій, которыя, въ плодородіи и въ богатствѣ произведеній, служащихъ къ удовлетворенію потреб-

ностей человѣка, не уступятъ никакой другой странѣ въ свѣтѣ. Хотя царь и открылъ большую часть причинъ этого неудовлетворительнаго состоянія и многія уже устранилъ; но иныя въ настоящее время ему еще невозможно уничтожить; а объ остальныхъ онъ и самъ не имѣлъ еще ни времени, ни случая собрать вполнѣ достаточныя свѣдѣнія.

Нельзя отрицать, что въ Россіи мало городовъ, а много лѣсовъ и степи; что большая часть земли ея безплодна или, лучше сказать, остается необработанною; но одна изъ важнѣйшихъ причинъ такого явленія заключается въ томъ, что страна обезсилена убылью народа отъ теперешней войны; остальное населеніе, вслѣдствіе тираніи чиновниковъ и дворянъ, не имѣетъ ни охоты, ни расположенія приложить къ чему-нибудь руки и помышляетъ только о своемъ ежедневномъ скудномъ пропитаніи.

Ф. Веберъ.

БОРЬБА СЪ КАЗНОКРАДСТВОМЪ.

(1721 г.) Іюля 18... Въ тотъ же день, послѣ обѣда, я ѣздилъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ въ Русскую Слободу смотрѣть князя Гагарина, повѣшеннаго недалеко отъ большой новой Биржи. Онъ былъ прежде губернаторомъ всей Сибири и дѣлалъ, говорятъ, очень много добра сосланнымъ туда плѣннымъ Шведамъ, для которыхъ, въ первые три года своего управленія, истратилъ будто бы до 15,000 рублей собственныхъ денегъ. Его вызвали сюда, какъ говорятъ, за страшное расхищеніе царской казны. Онъ не хотѣлъ признаваться въ своихъ проступкахъ, и потому нѣсколько разъ былъ жестоко наказываемъ кнутомъ. Кнутъ есть родъ плети, состоящей изъ короткой палки и очень длиннаго ремня. Преступнику обыкновенно связываютъ руки назадъ и поднимаютъ ихъ кверху, такъ что онѣ придутся надъ головой и вовсе выйдутъ изъ суставовъ; послѣ этого палачъ беретъ кнутъ въ обѣ руки, отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ и потомъ, съ разбѣгу и припрыгнувъ, ударяетъ между плечъ, вдоль спины, и если ударъ бываетъ силенъ, то пробиваетъ до костей... Царь, говорятъ, прежде очень часто приказывалъ наказывать кнутомъ. Года полтора или два тому назадъ здѣсь публично наказывали такимъ образомъ одного капитана гвардіи, который, будучи въ нетрезвомъ видѣ, дурно говорилъ о его величествѣ. Мнѣ разсказывали это очевидцы. Когда князь

Гагаринъ былъ уже приговоренъ къ висѣлицѣ и казнь должна была совершиться, царь, за день передъ тѣмъ, словесно приказывалъ увѣрить его, что не только даруетъ ему жизнь, но и все прошлое предастъ забвенію, если онъ признается въ своихъ, ясно доказанныхъ, преступленіяхъ. Но несмотря на то, что многіе свидѣтели, и въ томъ числѣ родной его сынъ, на очныхъ ставкахъ, убѣждали въ нихъ болѣе, нежели сколько было нужно, виновный не признался ни въ чемъ. Тогда въ самый день отъѣзда царя въ нынѣшнемъ году въ Ригу, онъ былъ повѣшенъ передъ окнами Юстицъ-Коллегіи, въ присутствіи государя и всѣхъ своихъ здѣшнихъ знатныхъ родственниковъ. Спустя нѣсколько времени, его перевезли на то мѣсто, гдѣ я видѣлъ его висящимъ на другой, большой висѣлицѣ. Тамъ на обширной площади, стояло много шестовъ съ воткнутыми на нихъ головами, между которыми, на особо устроенномъ эшафотѣ, виднѣлись головы брата вдовствующей царицы и еще четырехъ знатныхъ господъ. Говорятъ, что тѣло этого князя Гагарина, для большаго устрашенія, будетъ повѣшено въ третій разъ по ту сторону рѣки и потомъ отошлется въ Сибирь, гдѣ должно сгнить на висѣлицѣ; но я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что оно теперь уже почти сгнило. Лицо преступника, по здѣшнему обычаю, закрыто платкомъ, а одежда его состоитъ изъ камзола и исподняго платья коричневаго цвѣта, сверхъ которыхъ надѣта бѣлая рубашка. На ногахъ у него маленькіе круглые Русскіе сапоги. Росту онъ очень небольшаго. Онъ былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ въ Россіи; оставшійся послѣ него сынъ женатъ на родной дочери вице-канцлера Шафирова... Этотъ молодой Гагаринъ теперь далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ былъ въ Германіи: послѣ смерти отца, его разжаловали въ матросы, и онъ, какъ говорятъ, находится на дѣйствительной службѣ при Адмиралтействѣ. Онъ лишился также всего состоянія, потому что всѣ большія помѣстья и вообще все имущество его отца было конфисковано. Исторія несчастнаго Гагарина можетъ для многихъ служить примѣромъ; она показываетъ всему свѣту власть царя и строгость его наказаній, которая не отличаетъ знатнаго отъ незнатнаго...

(1723 г.) Февраля 15. Около 7 час. утра я поѣхалъ верхомъ въ Кремль посмотрѣть на объявленную наканунѣ казнь бар. Шафирова. Вокругъ эшафота стояло безчисленное множество на-

рода, самое же мѣсто казни окружали солдаты. Когда виновнаго, на простыхъ саняхъ и подъ карауломъ, привезли изъ Преображенскаго Приказа, ему прочли его приговоръ и преступленія. Послѣднія заключались преимущественно въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ и состояли: 1) въ томъ, что онъ воспользовался многими драгоцѣнными вещами и деньгами, принадлежавшими несчастному Гагарину (сынъ котораго женатъ на дочери Шафирова) и найденными у него въ домѣ; что 2) велѣлъ одному писцу поддѣлать въ сенатскомъ протоколѣ подписи сенаторовъ, съ цѣлью увеличить жалованье своего брата; 3) что не сознавался въ этомъ поступкѣ, почему писецъ два раза невинно былъ истязаемъ кнутомъ; 4) что въ бытность свою генералъ-почтмейстеромъ по собственному произволу возвысилъ почтовыя таксы и употреблялъ ихъ во зло. Въ заключеніе приведено было еще пункта два съ изложеніемъ другихъ проступковъ, за которыми слѣдовало объявленіе приговора, присуждавшаго его къ отсѣченію головы посредствомъ топора. Послѣ того съ него сняли парикъ и старую шубу и взвели его на возвышенный эшафотъ, гдѣ онъ по Русскому обычаю, обратился лицомъ къ церкви и нѣсколько разъ перекрестился, потомъ сталъ на колѣна и положилъ голову на плаху; но прислужники палача вытянули его ноги, такъ что ему пришлось лежать на своемъ толстомъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ поднялъ вверхъ большой топоръ, но ударилъ имъ возлѣ, по плахѣ, — и тутъ Макаровъ, отъ имени императора, объявилъ, что преступнику, во уваженіе его заслугъ, даруется жизнь, но съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда оставался въ заключеніи и былъ сосланъ въ Сибирь. Тогда Шафировъ поднялся опять на ноги и сошелъ съ эшафота со слезами на глазахъ. Его повели въ зданіе Сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же, по причинѣ испытаннаго имъ сильнаго потрясенія, императорскій лейбъ-хирургъ Хови пустилъ ему кровь, онъ сказалъ будто бы, что лучше бы уже открыть большую жилу, чтобы разомъ избавить его отъ мученія. Многіе, въ особенности нашъ дворъ и всѣ иностранные министры, искренно сожалѣютъ объ немъ, потому что онъ честный человѣкъ. Какъ скоро его увели, писцу, который по приказанію Шафирова поддѣлывалъ подписи сенаторовъ въ сенатскомъ протоколѣ, дано было, внизу у эшафота, 14 ударовъ кнутомъ и сказана ссылка на галеры.

Въ верхнихъ комнатахъ Сената оберъ-прокуроръ и майоръ гвардіи Писаревъ былъ разжалованъ въ мушкетеры, а сенатскій оберъ-секретарь въ копіисты. Съ послѣдняго, сверхъ того, присуждено было взыскать 300 руб. въ пользу бѣдныхъ. Говорили также, что въ этотъ день сенаторамъ кн. Долгорукову и бывшему камеръ-президенту, вслѣдствіе того же дѣла, объявлено запрещеніе ѣздить въ Сенатъ, а нѣкоторые даже утверждали, что они и взяты подъ арестъ; однако-жъ я видѣлъ, какъ они одни, безъ всякаго караула, вышли изъ Сената и уѣхали...

(1724 г.) Января 23. Поутру возвѣщено было съ барабаннымъ боемъ, что на другой день на противоположной сторонѣ Невы, противъ биржи (Kaufhaus), будутъ совершены разныя казни. Говорятъ, что одна изъ нихъ ожидаетъ оберъ-фискала Нестерова, который уже давно сидѣлъ въ тюрьмѣ...

24-го. Въ 9 часовъ утра я отправился на ту сторону рѣки, чтобы посмотрѣть на назначенныя тамъ казни. Подъ высокой висѣлицей (на которой за нѣсколько лѣтъ сначала повѣсили кн. Гагарина) устроенъ былъ эшафотъ, а позади его поставлены четыре высокихъ шеста съ колесами, спицы которыхъ на поларшина были обиты желѣзомъ. Шесты эти назначались для воткнутія головъ преступниковъ, когда тѣла ихъ будутъ привязаны къ колесамъ. Первый, которому отрубили голову, былъ одинъ фискалъ, клевретъ оберъ-фискала Нестерова, служившій послѣднему орудіемъ для многихъ обмановъ. Когда ему прочли его приговоръ, онъ обратился лицомъ къ церкви въ Петропавловской крѣпости и нѣсколько разъ перекрестился, потомъ повернулся къ окнамъ Ревизіонъ-Коллегіи, откуда императоръ со многими вельможами смотрѣлъ на казни, и нѣсколько разъ поклонился; наконецъ одинъ, въ сопровожденіи двухъ прислужниковъ палача, взошелъ на эшафотъ, снялъ съ себя верхнюю одежду, поцѣловалъ палача, поклонился стоявшему вокругъ народу, сталъ на колѣни и бодро положилъ на плаху голову, которая отсѣчена была топоромъ. Послѣ него точно такимъ же образомъ обезглавлены были два старика. За ними слѣдовалъ оберъ-фискалъ Нестеровъ, который, говорятъ, позволялъ себѣ страшныя злоупотребленія и плутни, но ни въ чемъ не сознался, сколько его ни пытали и ни уличали посредствомъ свидѣтелей и даже собственныхъ его писемъ. Это былъ дородный и видный мужчина съ сѣдыми волосами.

Прежде онъ имѣлъ большое значеніе и былъ въ большой милости у императора, который, говорятъ, еще недавно отдавалъ ему справедливость и отзывался о немъ какъ объ одномъ изъ лучшихъ своихъ стариковъ-докладчиковъ и дѣльцовъ. Давая ему мѣсто оберъ-фискала, государь въ то же время даже наградилъ его большимъ числомъ крестьянъ, чтобъ онъ могъ прилично жить и не имѣлъ надобности прибѣгать къ воровству. Тѣмъ не менѣе однако-жъ онъ неимовѣрно обворовывалъ его величество и страшно обманывалъ подданныхъ, такъ что сдѣлалъ казнѣ ущербу всего, по крайней мѣрѣ, до 300,000 рублей. Передъ казнью онъ также посмотрѣлъ на крѣпостную церковь и перекрестился, потомъ обратился лицомъ къ императору, поклонился и будто бы, по внушенію священниковъ, сказалъ: я виновенъ. Его заживо колесовали и именно такъ, что сперва раздробили ему одну руку и одну ногу, потомъ другую руку и другую ногу. Послѣ того къ нему подошелъ одинъ изъ священниковъ и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ сознался въ своей винѣ; то же самое, отъ имени императора, сдѣлалъ и майоръ Мамоновъ, обѣщая несчастному, что въ такомъ случаѣ ему окажутъ милость и немедленно отрубятъ голову. Но онъ свободно отвѣчалъ, что все уже высказалъ, что зналъ, и затѣмъ, какъ и до колесованья, не произнесъ болѣе ни слова. Наконецъ его, все еще живого, повлекли къ тому мѣсту, гдѣ отрублены были головы тремъ другимъ, положили лицомъ въ ихъ кровь и также обезглавили. Девять человѣкъ получили каждый по 50-ти ударовъ кнутомъ; кромѣ того, четыремъ приговореннымъ къ вѣчной ссылкѣ на галеры, были щипцами вырваны ноздри. Между этими 13-ю наказанными находилось только два молодыхъ; остальные были сѣдые старики, бывшіе совѣтниками, фискалы и писцы изъ коллегій, отчасти хорошихъ фамилій и богатые, такъ что отъ конфискаціи ихъ имущества составилась значительная выручка. Ихъ обвиняли въ расхищеніи императорской казны, взяткахъ и другихъ преступленіяхъ. Наказаны были еще пятеро другихъ писцовъ и служителей, и всѣхъ канцелярскихъ и приказныхъ чиновниковъ обязали присутствовать при этой казни для ихъ собственнаго предостереженія. Въ заключеніе всего, тѣла четырехъ казненныхъ были навязаны на колеса, а головы ихъ воткнуты на шесты.

Ф. Берхгольцъ.

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

(Изъ письма Флемингу 1 января 1713 г.). Мнѣ кажется, насъ скоро постигнетъ несчастіе. Бѣдность увеличивается съ каждымъ днемъ. Улицы полны народомъ, готовымъ продать своихъ дѣтей. Запрещено подавать милостыню нищимъ: чѣмъ они станутъ, какъ не разбойниками на большой дорогѣ? И такъ уже по дорогѣ въ Петербургъ разбойники нападаютъ на жителей. Во всей Россіи нѣтъ ни одного запаснаго магазина, скупили хлѣбъ въ Пруссіи и Данцигѣ за 200,000 рублей, но что это значитъ для такой обширной страны? Въ Астрахани же продовольственныхъ запасовъ болѣе чѣмъ на годъ для арміи въ 80,000 человѣкъ.

(Ему же, 10 апрѣля 1724 г.). Употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы поднять финансы государства. Духовенство, которое, какъ говорятъ, должно выплатить два милліона, сильно стѣснено, ему грозили даже жестокими наказаніями, если оно не поможетъ нуждамъ государства. Духовенство, пріобрѣтя вѣковую опытность и не обращая особаго вниманія на эти огромныя требованія, старается только доказать въ этомъ дѣлѣ свое безсиліе. Между тѣмъ въ этой помощи чувствуется сильная нужда, ибо всѣ кошельки страны поражены, какъ будто громомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что скоро будетъ выпущена монета новаго чекана, всѣ прячутъ старую, поджидая времени, когда можно будетъ ею съ выгодою воспользоваться, такъ какъ безъ всякаго труда можно будетъ получить за одинъ старый рубль пять новыхъ. Меня весьма интересуютъ будущія колебанія курса; уже вслѣдствіе *одного слуха* о выпускѣ новой монеты, онъ дошелъ до 54%.

(Ему же, 2 сентября 1724 г.). P. S. Я не могу понять положенія этого государства. Царь шестой день не выходитъ изъ комнаты и очень нездоровъ отъ кутежа, случившагося въ Царской мызѣ, по поводу закладки церкви, при чемъ было выпито *три тысячи* бутылокъ вина. Это задерживаетъ поѣздку въ Кронштадтъ. Уже близки маскарады и здѣсь ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ объ удовольствіяхъ, тогда какъ народъ чуть не плачетъ. Истощаютъ суммы, назначенныя для войска и флота.. Такъ поступаетъ не

одинъ царь, но онъ обязываетъ къ тому и своихъ подданныхъ. Постройки, предпринятыя на Васильевскомъ острову, должны быть въ этомъ году окончены, если нѣтъ, то послѣдуетъ конфискація имѣній и земель, и вопреки всему этому не платили ни войскамъ, ни флоту, ни коллегіямъ, ни кому бы то ни было. Всѣ ужасно ропщутъ. Принуждаютъ жителей Москвы переселиться въ Петербургъ, что нельзя сдѣлать безъ большихъ издержекъ. Но почти извѣстно, что они возвращаются въ Москву. Есть основаніе, руководящее имъ, именно судебное слѣдствіе синода, который долженъ два милліона и сверхъ того пропало изъ казны патріарха *1.2000,000 рублей*, въ которыхъ синодъ не можетъ дать отчета.

(Ему же, 21 октября 1724 г.). На-дняхъ объявленъ указъ, по которому каждый въ продолженіи года долженъ платить свои долги *новой монетой* для удовлетворенія своихъ кредиторовъ, чтобы никто не имѣлъ повода жаловаться. Мнѣ хотѣлось подать въ судъ жалобу на Царя, чтобы онъ уплатилъ мнѣ 3,500 рублей жалованья, весьма заслуженнаго, которое онъ мнѣ долженъ. Но когда я увидѣлъ, что еще всѣ войска и флотъ не получали жалованія, домогаясь по шестнадцати и восемнадцати мѣсяцевъ, я полагалъ, что моя просьба останется безъ успѣха. Еще не такъ денегъ, какъ не достаетъ пайковъ въ Кронштадтѣ и другихъ мѣстахъ, и это причиной тому, что 200,000 человѣкъ, которые должны бы отправиться въ Ладогу, еще не ушли.

I. Лефортъ.

ПЕТРЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ПРОВИНЦІАЛА.

Отецъ мой родился при Петрѣ и видѣлъ его, когда былъ мальчишкой, лѣтъ пятнадцати, и былъ на его похоронахъ. Потомъ отецъ мой живалъ то въ Сѣвскѣ, то въ Брянскѣ, то въ Ельцѣ, а урывками бывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, и уже всѣ происшествія послѣ Петра I помнилъ ясно и разсказывалъ много. Отецъ мой, между прочимъ, разсказывалъ, что ему удалось два раза быть на похоронахъ Петра, великаго государя: въ первый разъ 10 марта 1725 года, похороны были весьма торжественны, но когда архіепископъ Ѳеофанъ началъ свою проповѣдь, знаменитыми словами: «Что се есть? До

чего мы дожили? О, Россіяне, что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ?»... То въ слѣдъ за этими словами вся церковь зарыдала и что послѣ этого, отецъ мой не помнилъ, говоря, что вѣроятно и никто не помнитъ и не видѣлъ: до того была скорбь всеобщая и непритворная. Гробъ съ тѣломъ великаго Государя оставался среди церкви лѣтъ шесть, и тогда окончательно предали землѣ; отцу моему пришлось быть свидѣтелемъ и этихъ похоронъ.

Трудное было житье, не то, что теперь! Ну хоть возьмемъ объ одеждѣ; знаете ли сколько разъ перемѣняли форму одежды, да не военную или чиновную, а такъ всей Руси православной? Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вышелъ указъ, запрещавшій подстригивать волосы и носить кафтаны по нѣмецкому образцу; потомъ при Петрѣ I приказано носить платье венгерское и нижній кафтанъ чтобъ былъ короче верхняго, а черезъ годъ приказано носить платье нѣмецкое, саксонское, французское и сѣдла имѣть нѣмецкія. Потомъ, лѣтъ черезъ двадцать, съ бородачей, кромѣ крестьянъ, за право носить кафтаны стараго покроя, но съ краснымъ козыремъ (стоячій воротникъ), взималось 50 руб. штрафу.

Петръ Великій часто бывалъ въ Ельцѣ и останавливался у Петра Степановича Россихина. Однажды, онъ пріѣхалъ очень веселый и, объявивъ, что очень доволенъ работами въ Воронежѣ и въ Тавровѣ, приказалъ подать себѣ кочережной браги. Россихинъ поднесъ, и царь сказалъ ему: «у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ». Выпилъ Россихинъ, потомъ жена его, а потомъ царь, и стаканъ хрустальный раздавилъ въ рукахъ, а за обѣдомъ шесть оловянныхъ тарелокъ свернулъ въ трубку, а потомъ пилъ кавардакъ изъ браги. У Россохиныхъ долго хранились эти тарелки и стаканъ склеенный, и грамота свободнаго винокуренія, но все сгорѣло; остался только стулъ, сдѣланный для Петра, потому что тогда всѣ сидѣли на лавкахъ.

Елецкій старожилъ.

ОТНОШЕНІЕ РУССКИХЪ КЪ ПЕТРУ И КЪ РЕФОРМАМЪ.

Преобразованіе въ одеждѣ и покроѣ введено только между дворянами, чиновниками и гражданами, а священникамъ и крестьянамъ дано на волю сохранить бороды и одѣваться по ста-

ринному покрою. Борода еще понынѣ у поповъ составляетъ существенную часть внѣшности. Перемѣна одежды немного стоила трудовъ для Петра I. Всѣ съ охотой уступили его волѣ, и находили тутъ только тотъ одинъ порокъ, что Нѣмецкій сюртукъ, особливо въ такомъ холодномъ климатѣ, не такъ хорошо прикрываетъ, какъ Русскій, но все же столько же требуетъ сукна...

Весь остальной народъ такъ вовсе отсталъ отъ прежней привычки къ своему платью и бородѣ, что если бы когда-нибудь онъ взялъ опять прежнюю волю и возстановилъ свой старинный образъ правленія, то ужъ навѣрное не выбралъ бы опять своего прежняго покроя...

Потомъ нельзя также предполагать, чтобы женщины, которыя по старинной Русской обрядности, должны были вести жизнь чрезвычайно уединенную, и не смѣли почти ни съ кѣмъ говорить, охотно лишились бы той свободы, какую получили въ правленіе Петра I, хотя она еще и нынѣ очень стѣснена и далеко не доходитъ до той, какая во Франціи и Польшѣ, или даже только въ Германіи...

Наконецъ, и значительные люди обоего пола, даже многіе изъ гражданъ усвоили себѣ, отъ обхожденія съ иностранцами, больше вѣжливости и болѣе точнаго соблюденія введенныхъ въ Европѣ правилъ благоприличія. Впрочемъ, этого у нихъ не очень то вдоволь, и слишкомъ странно видѣть, что первостепенные люди очень грубо нарушаютъ эти правила. Во всѣхъ прочихъ статьяхъ: въ ѣдѣ, питьѣ, убранствѣ комнатъ и прочемъ Русскій и нынѣ старинный Русакъ: молодой русскій дворянинъ, какъ бы ни долго жилъ въ чужихъ краяхъ и усвоилъ себѣ очень приличное и вѣжливое обращеніе, по возвращеніи въ отечество и въ рукахъ своей семьи, все же опять втягивается въ свою прежнюю животную жизнь, такъ что видѣвшіе его годъ назадъ въ другомъ мѣстѣ, больше ужъ и не узнаютъ его.

Но что всего меньше могутъ сбросить съ себя Русскіе, это неодолимое отвращеніе къ тѣмъ правиламъ, которыя при Петрѣ I введены въ Государственное Управленіе и пламенное желаніе освободиться отъ карательнаго бича иноземцевъ и видѣть возстановленіе у себя образа правленія на прежнихъ основаніяхъ. Память Петра I въ почтеніи только у простоватыхъ и низшаго званія людей, да у солдатъ, особливо у гвардейцевъ, которые не могутъ еще позабыть того значенія и отличія, какими

они пользовались въ его царствованіе. Прочіе, хоть и дѣлаютъ ему пышныя похвалы въ общественныхъ бесѣдахъ, но если имѣешь счастіе коротко познакомиться съ ними и снискать ихъ довѣренность, они поютъ уже другую пѣсню. Тѣ еще умѣреннѣе всѣхъ, которые не укоряютъ его больше ни въ чемъ, кромѣ того, что приводитъ противъ Петра Штраленбергъ, въ описаніи Сѣверной и Восточной части Европы и Азіи, съ 229 по 258 страницы, и это стоило бы прочитать; большинство ихъ идетъ гораздо дальше, и не только взваливаетъ на него самыя гнусныя распутства, которыя стыдно даже и ввѣрить перу, и самыя ужасныя жестокости, но даже утверждаетъ, что онъ не настоящій сынъ Царя Алексѣя, а дитя Нѣмецкаго хирурга, которое якобы тайно подмѣнила Царица Наталья вмѣсто рожденной ею дочери, и умѣютъ разсказывать о томъ много подробностей. Этой причинѣ они приписываютъ не только его склонность къ иноземнымъ нравамъ и обычаямъ, но и къ разнымъ хирургическимъ операціямъ, каковы: дерганье зубовъ и другое подобное, также и то, что онъ стѣснялся въ знатномъ обществѣ, обходился тамъ не лучше, чѣмъ съ простыми ремесленниками, наконецъ, нежеланіе его имѣть себѣ помощницей Русскую, или иностранную Княжну и выборъ въ жены простой крестьянской дѣвки изъ Ливоніи... Объ его храбрости и прочихъ, приписываемыхъ ему, качествахъ, у нихъ совсѣмъ другое понятіе, нежели какое составили о томъ за границей, и большей части его дѣлъ они даютъ очень странныя, не слишкомъ-то для него почетныя, причины. Всѣ его новыя распоряженія и учрежденія они умѣютъ превосходно обращать въ смѣшную сторону; кромѣ того Петербургъ и флотъ въ ихъ глазахъ мерзость, и уже тутъ не бываетъ у нихъ недостатка въ доказательствахъ для подтвержденія этого положенія. Да и заведеніе правильнаго (регулярнаго) войска, считаемое всѣмъ свѣтомъ за величайшую пользу, доставленную Царству Петромъ I, для нихъ безполезно и вредно; безполезно, по ихъ твердой увѣренности, что только бы они сами сидѣли смирно и не мѣшались безъ надобности въ ссоры, а то никто не нападетъ на нихъ изъ сосѣдей, и что во всякомъ случаѣ довольно съ нихъ и старыхъ военныхъ порядковъ для удаленія врага отъ своихъ предѣловъ; вредно, потому что считаютъ правильно обученное войско новыми узами, которыя вполнѣ подчиняютъ

ихъ самовластному произволу Государя, какъ бы ни былъ онъ несправедливъ и странен, лишаютъ ихъ всякаго покоя и удовольствія, какими они могли бы наслаждаться на родинѣ, и принуждаютъ ихъ служить на войнѣ, которая въ подобномъ случаѣ, по мнѣнію ихъ, великая бѣда, а для тѣхъ, которые служатъ тутъ по доброй волѣ — большая глупость.

Ихъ разсужденія объ этомъ предметѣ своеобразны. Если приведешь имъ на умъ примѣръ другихъ Европейскихъ народовъ, у которыхъ дворянство ставитъ себѣ въ величайшую почесть отличаться военными заслугами, они отвѣчаютъ: «Много примѣровъ такого рода доказываютъ только то одно, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ разсудительныхъ людей. Коли вы, чужеземцы, можете жить для себя, а со всѣмъ тѣмъ подвергаетесь изъ пустой чести потерѣ здоровья и жизни, и въ этомъ только и ставите такую честь, такъ покажите намъ разумную причину такого поведенія. Вотъ коли вы изъ нужды служите, тогда можно извинить васъ, да и пожалѣть. Богъ и природа поставили насъ въ гораздо выгоднѣйшія обстоятельства, только бы не мутили нашего благоденствія иноземныя затѣи. Земля наша такая обширная, а нивы такія плодородныя, что ни одному дворянину не съ чего голодать: сиди онъ только дома, да смотри за своимъ хозяйствомъ. Какъ ни маловато его имѣніе, хотя бы и самъ онъ долженъ былъ ходить за сохой, ему все же лучше, чѣмъ солдату. Ну, а кто мало-мальски зажиточенъ, тотъ пользуется всѣми утѣхами, какихъ можетъ желать съ разсудкомъ: вдоволь у него и пищи и питья, одежи, челяди, повозокъ; тѣшится онъ, сколько душѣ угодно, охотой и всѣми другими забавами, какія бывали у его прадѣдовъ. Коли нѣтъ у него вышитаго золотомъ и серебромъ платья, ни пышныхъ колымагъ, ни дорогого убранства покоевъ, не пьетъ онъ никакихъ нѣжныхъ винъ, не ѣстъ заморскаго лакомаго куска, такъ за то онъ тѣмъ счастливъ, что и не знаетъ всѣхъ этихъ вещей, не чувствуетъ и никакой охоты къ нимъ, а живетъ себѣ на своихъ природныхъ харчахъ и напиткахъ такъ же довольно и здорово, какъ и чужеземецъ на своихъ высокопрославленныхъ сластяхъ. Да при такихъ-то обстоятельствахъ, что насъ заставитъ бросать свой покой и прохладу, подвергать себя тысячѣ трудностей и опасностей, изъ-за того только, чтобы достать себѣ какой-нибудь чинъ или отличіе, которое такъ мало помо-

гаетъ нашему благополучію, что даже еще идетъ наперекоръ ему? Вотъ когда недругъ нападетъ на наше отечество, и придетъ наше благосостояніе отъ того въ опасность, тогда мы обязаны собраться вмѣстѣ и, подвергнувъ себя всякимъ невзгодамъ, помогать своему Государю оборонять наши предѣлы. Это всегда мы и дѣлали честно, безъ иноземной помощи и предводительства, и съ такимъ успѣхомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ успокоились смуты, надѣланныя у насъ сто лѣтъ тому назадъ иноземцами же, ни одинъ врагъ не добылъ у насъ ни пядени земли, мы же еще взяли назадъ всѣ области, какія отхватили у насъ, по случаю тѣхъ смутъ, сосѣди, кромѣ только неплодородной Ингерманландіи: все это сдѣлали мы по доброй волѣ, со всѣмъ удовольствіемъ, потому что знали, что деремся за свое собственное благо, и что какъ выдержимъ опасность, такъ пожнемъ въ мирѣ плоды нашихъ усилій у себя, на родинѣ. А теперь послѣ того, какъ вы то, иностранцы, внушили нашему Государю такія правила, что войско слѣдуетъ держать всегда, въ мирную и военную пору, намъ ужъ нечего и помышлять о такомъ покоѣ. Ни одинъ врагъ не намѣренъ насъ обижать. Напротивъ того, наше положеніе дѣлаетъ насъ достаточно безопасными. А тутъ только что замирились, думаютъ ужъ опять о новой войнѣ, у которой зачастую и причины-то другой нѣтъ, кромѣ самолюбія Государя, да еще его близкихъ слугъ. Въ угоду имъ не только разоряютъ не на животъ, а на смерть, нашихъ крестьянъ, да и мы то сами должны служить, да и не такъ еще, какъ въ старину, пока идетъ война, а многіе годы кряду жить вдалекѣ отъ своихъ домовъ и семействъ, входить въ долги, между тѣмъ отдавать свои помѣстья въ варварскія руки нашихъ чиновниковъ, которые заурядъ такъ ихъ доймутъ, что когда, наконецъ, придетъ такое благополучіе, что насъ по старости, али по болѣзни, уволятъ, намъ и всю жизнь не поправить своего хозяйства. Словомъ, постоянное содержаніе войска и все, что слѣдуетъ къ нему, до того разоряетъ насъ и ограбляетъ, что хоть опустоши все наше Царство самый лютый врагъ, намъ онъ и въ половину не надѣлаетъ столько вреда. Вотъ какъ теперь у насъ насильно отняли не по праву всѣ наши старинныя льготы, а мы не смѣй и пикнуть, пускай, де, творится надъ нами, что угодно Государю, кто же поставитъ намъ въ вину, если мы идемъ противъ насилія происками и

принимаемся за все, что только можно, чтобы хоть насъ-то самихъ освободить отъ несносной и неправедной тягости»?

Если возразятъ имъ на то, что, положимъ, при своихъ старыхъ порядкахъ, они въ состояніи были защищать свои предѣлы, однако-жъ распространеніе этихъ предѣловъ не могло бы быть безъ обученнаго войска, они отвѣчаютъ: «Земля наша довольно велика, и потому распространять ее не для чего, а развѣ только населять. Завоеванія, сдѣланныя Петромъ I, не даютъ Россіи ничего такого, чего бы не имѣла она прежде, не умножаютъ и нашу казну, но еще стоятъ намъ гораздо дороже, чѣмъ приносятъ дохода. Они не прибавляютъ безопасности нашему Царству, а еще впередъ, пожалуй, сдѣлаютъ то, что мы станемъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, мѣшаться въ чужія ссоры, и никогда не останемся въ барышахъ отъ того. Потому-то Петръ I навѣрное ужъ поступилъ бы гораздо умнѣе, если бы милліоны людей, которыхъ стоила Шведская война и основаніе Петербурга, оставилъ за сохою дома, гдѣ недостатокъ въ нихъ слишкомъ ощутителенъ. Старинные Цари хоть и дѣлали завоеванія, да только такихъ земель, владѣніе которыми необходимо для Царства, или откуда насъ безпокоили разбои. Кромѣ того, они давали намъ пользоваться плодами нашихъ трудовъ, поступали съ побѣжденными, какъ съ побѣжденными, дѣлили между дворянствомъ ихъ земли: а на мѣсто того Ливонцы чуть у насъ на головахъ не пляшутъ и пользуются большими льготами, чѣмъ мы сами, такъ что изо всего этого завоеванія не выходитъ намъ никакой другой прибыли, кромѣ чести оберегать чужой народъ на свой счетъ, да защищать его своею же кровью».

Если же, напослѣдокъ, захотятъ затронуть честь ихъ и представятъ славу и великое имя, какое пріобрѣлъ ихъ народъ этими завоеваніями у всѣхъ Европейскихъ народовъ, для которыхъ онъ прежде былъ неизвѣстенъ совсѣмъ, они обыкновенно говорятъ съ улыбкой: «На диво намъ, что образованные люди за существенное зло, котораго дѣйствія ощутительны для нихъ ежедневно, причитаютъ имъ въ вознагражденіе мнимую выгоду, отъ которой намъ ни чуточку не сдѣлается лучше». Коли не знали объ нихъ другіе Европейскіе народы, такъ это для нихъ же было хуже. Невѣдѣніе иноземцевъ не дѣлало ничѣмъ несчастливѣе ихъ, Русскихъ, и такъ же мало безпо-

коило, какъ если бы они не знакомы были съ жителями на мѣсяцѣ (лунѣ). Чуть ли еще не такъ, что знакомство-то съ иноземцами принесло за спиной у себя проклятіе, потому что съ тѣхъ поръ, какъ они удостоились этого знакомства, пропало все ихъ благосостояніе.

І. Фоккеродтъ.

МНѢНІЯ О ПЕТРѢ I И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

1.

Егда же благоволи Богъ изъ тьмы возсіяти свѣту и возсіяти въ сердцахъ сыновъ Россійскихъ, даровалъ свѣту Петра Великаго, посади на престолѣ блаженной Россіи, на престолѣ отецъ его, вѣнча славою и честію, разумомъ просвѣщеннымъ, премудростію, вѣдѣніемъ, помаза муромъ, милостію и щедротами, запечатлѣвъ печатію дара Духа Святаго, Царя Великаго въ Царяхъ честныхъ, посади того по имени и величеству блаженныхъ дѣлъ перваго въ Царяхъ Великаго Россійскаго, въ вѣкъ обѣща ему милость свою: ненавидящихъ уничтожить, враговъ истребить, злые ихъ совѣты аки прахъ возмести, да видятъ вси живущіи на земли, яко самъ Вышній благословилъ Россію. И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ.

Той отецъ нашъ Петръ Великій Вышняго святою волею положилъ основаніе всѣхъ благъ блаженной Россіи, на томъ основаніи Вышняго строителя зиждется и исполняетъ, еже жела сердца Петра Великаго. Той отецъ нашъ Петръ Великій всякое невѣдѣніе и неразумѣніе просвѣти, и всякое суевѣріе истреби, надѣли премудрымъ знаніемъ, здравымъ совѣтомъ, политическимъ обхожденіемъ, кроткимъ нравомъ, воскреси Россію полумертвую, воздвиже спящую, слабую въ силѣ, малочувственную по имени своему сотвори камени подобную, возведя отъ тьмы ко свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ. Бысть на землѣ колеблима сила наша, а нынѣ она и на морѣ крѣпка, аки стѣна. Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго. Сей Великій Императоръ многое, чудное и великое руками своими создалъ на четырехъ моряхъ флоты великіе кораблей и галеры, состроилъ великія гавани, создалъ каналы, аки рѣки великія и много-

полезныя, содѣлалъ чины, и степени и порядки, и благочиніе семейнаго обхожденія, и благопріятные обычаи въ Россіи насадилъ, и прочими безчисленными благодѣяніями обогатилъ и прославилъ.

И еще мы толикое его къ Россіи явленное благодѣяніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ облеченію каменносердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и данные намъ отъ него таланты на ѳеатронъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго.

Чуждіе народы и не суть присніи рабы, и тіи блаженныя дѣла его, елико возмогли собрать, печати предали, и тіи блаженныя дѣла его прославляютъ и преславнымъ дѣяніямъ его удивляются; мы же, по отеческою къ намъ щедротою сыны любезные нареченные быхомъ, а благодарствія сыновня не воздахомъ. Съ воздыханіемъ сердецъ возглаголимъ: «отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи, и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничтоже имущи, ничтоже знающи, ничтоже вѣдущи, кромѣ истинныя Вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ, мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше муро благовонное, облагоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи».

Не въ насъ ли всѣ дѣянія его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженные труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ Царскій короною Императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся—всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего Петра Великаго. Аще въ насъ и предъ очію нашу Великій Петръ основа и созда, то для чего благодѣтелю своему за благодѣяніе благодаренія не возда. Или хощемъ уподобиться роду Іудейскому, не возблагодарившему благодѣтеля своего? Гдѣ не скажутъ, что дотолѣ Россія толикаго Государя не имѣла? Гдѣ не засвидѣтельствуютъ, что отъ того славный и высокоименитый сдѣлался народъ Россійскій? Богъ, дивный судьбами своими, благословилъ державнымъ Петромъ Россію и просвѣти разумомъ просвѣщен-

нымъ, знаніемъ премудрости, мужествомъ, крѣпостію, регулами, и прочими блаженствами.

Малыя капли дождя наводняютъ великія рѣки, а рѣки великія моря, тако и сношеніемъ дѣлъ Петра Великаго самое море великое преславныхъ дѣлъ его собратися можетъ. Азъ рабъ сего благочестиваго Императора, мній всѣхъ, по милости его на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, и что могъ собрать отъ дня рожденія его, то-есть отъ 1672 по 1696 годъ, та блаженныя дѣла его, то въ сей первый томъ къ общему сношенію написахъ. Прошу не вмѣнить мнѣ сіе въ продерзость, яко сіе по долгу рабства воздаю...

Егда волею Всевышняго угасе свѣтъ славы Россійскія, умре отецъ нашъ Петръ Великій, съ нимъ умроша разумъ и вся чувствія, и память наша отступи, пріиде мракъ печалей и бысть дождь слезный на лице всей Россіи. Всюду слышаны быша гласы рыданій и сердецъ стонанія, ястіе и питіе съ плачемъ растворяхъ, жизнію небрегохъ, сѣтуя хождахъ, плача и хождахъ о лишеніи отца нашего, Петра Великаго. Много времени уже минувши, дни и нощи едва не едина тьма бысть, по мнозѣ времени и плачѣ, узрѣлъ свѣтъ блаженную Екатерину, супругу блаженнаго Петра на престолѣ Петра Великаго Императрицею. И егда въ истинное разсмотрѣніе пріидохъ, то узрѣли, что Державная Екатерина, наша радость, готовитъ вновь Россіи печаль, яко цвѣтъ увядаетъ, не увеселяетъ и престолъ Императорскій, ни вѣнецъ славы, ниже честь, ни любезныхъ сыновъ поздравленіе, ни пословъ поклоненіе, ниже любезныхъ чадъ зрѣніе, но обрѣтши единое желаніе совокупиться въ оной жизни съ любезнымъ супругомъ, Петромъ Великимъ, въ сѣтованіи и рыданіи жизнь сконча.

Уже не сумракъ, но тьма найде и нечувствіе, разумъ отступи, день и ночь едина тьма зрѣлась, забывахомъ на долзѣ снѣсти хлѣбъ въ печаляхъ нашихъ. Тѣ бѣдственныя злострадания кто изречетъ? Мнозіи печалію жизнь скончаша. По многовременной тьмѣ и печалей и скорбей узрѣхомъ утро являющее, день свѣтомъ озаренъ, видѣхомъ цвѣтъ, готовящій плодъ богатый, узрѣхомъ цвѣтъ Россійскій, Петра Втораго на престолѣ Великихъ Императоровъ, Петра и Екатерины, Императоромъ. Радостныя слезы ліяхомъ, припадали и молили человѣколюбіе Божіе, да умножитъ его лѣта. Но за беззаконія наши отъя

Всевышній и сіе веселіе: взя смертію Петра Втораго. Съ нимъ умроша всѣ чувствія, умъ и память отступи отъ насъ, и невѣдуще: что дѣюще и камо грядуще, что право и что нѣсть? Во тьмѣ невѣдѣнія забыхомъ, что на отцѣ наслѣдитъ стяжаніе дщерь, избраша законную, достойную и праведную наслѣдницу, возведоша на престолъ дщерь Царя Іоанна Алексѣевича, Анну Іоанновну Императрицею.

Но потомъ Богъ благослови дщерь Петра Великаго, Елизавету и возведе на державный престолъ почившихъ родителей ея, сотвори ю Императрицею, вѣнча славою и честію, обѣща во вѣкъ милость свою. Сихъ ради реченій укоснѣхомъ о явленіи дѣлъ Петра Великаго. Прошу не вмѣнить мнѣ въ безуміе неукрашеніе слога; не знаемо ми.

П. Крекшинъ.

2.

1725 годъ началомъ своимъ зѣло неблагополучіе Россіи оказалъ: 28 текущаго Генваря, по волѣ всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій и Самодержавецъ Всероссійскій, отецъ отечества, Государь всемилостивѣйшій, Петръ Великій, чрезъ двѣнадцатидневную жестокую болѣзнь, отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отыде. Я не могу, отъ неисскуства пера моего, описать, какъ, при толикомъ общенародномъ неблагополучіи, видимъ былъ общій плачь: старые сѣтуютъ, по что Петра Великаго пережили; молодые говорили: блаженны отцы наши, что жили во дни Петра Великаго, а мы только его видѣли, чтобъ о немъ плакать. Домашніе его рыдали день и нощь. По погребеніи его приходили великимъ множествомъ на гробъ его: всякъ хотѣлъ образъ его помнить. Вездѣ неутѣшная печаль въ Россіи на лицахъ всѣхъ изобразуетъ. Но распространяться о толикой печали недостатокъ моего сложенія прекращаетъ; ибо о томъ печальномъ времени свидѣтельствуютъ исторіи на разныхъ языкахъ, а на Россійскомъ діалектѣ отъ проповѣдниковъ говорено въ день погребенія Его Петра Великаго, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, епископомъ Псковскимъ, въ день же годичнаго препоминовенія въ Петропавловской церкви, гдѣ его Величества гробъ, отъ архимандрита Троицы Сергіева монастыря Гавріила, которыя проповѣди въ печать преданы, изъ чего довольно видно, какова была тогда ужасная печаль Россіи.

В. Нащокинъ.

3.

1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый. Да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!

И. Неплюевъ.

4.

По дошедшимъ слухамъ къ государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосердымъ, говорилъ его величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: «Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ не знающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возышаю и награждаю я, а непокорныхъ и зловредныхъ исправляю по небходимости. Пускай злость клевещетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ судія мой! Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ аки вихрь преходный».

Читающій сіе примѣтить можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій государь. Имѣвшимъ счастіе быть близъ лица монарха сего извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ, и хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако

скороотходчивъ и непамятозлобивъ. Ахъ, еслибъ знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха.

А. Нартовъ.

5.

Петръ наипаче то все нечестіе еще злѣе напомнилъ, а благочестіе до конца искоренилъ, возвышаяся противъ Господа Нашего Іисуса Христа, самъ главою церкви учинился и, какъ писано, времена и законъ и паки измѣнилъ и беззаконнующій завѣтъ весь исполнилъ *папежевъ* Петра Гунгливаго, Ѳармоса и царя Константина Ковалина еретика, иконоборца и другихъ такихъ же еретиковъ, яко же святіи отцы показаша Епифаній кипрскій чюдо съ прочими, еже евтихскую ересь богоненавидимое брадъ бритіе всенародно въ Русіи, дьявольскій, мерзкій, блудолюбный образъ людямъ носить на себѣ заставилъ, еже въ книгѣ бесѣды евангельскія 36 въ толку св. Іоанна Златоустаго напечатано на Матѳѣя евангелиста, юнымъ космы и состарѣвшагося бритвою отъятіе власовъ явлено, яко брадобритіе дьявольскій образъ есть; а космы солдатамъ носить указалъ. Въ ту же прелесть платье и шапки и обувеніе все немѣцкое сдѣлалъ носить эллинскихъ богоотступныхъ людей обычаи, а христіанскаго обычая долгое платіе и прочее все оставилъ. И учинилъ по еретическимъ книгамъ школы маѳематическія и академіи богомерзкихъ наукъ, въ которыхъ уставилъ отъ звѣздочетія погодно печать зловѣрующіе календари. И по нихъ паче привели русскій народъ въ планеты и въ прочіе знаки, яко въ Бога вѣровати, понеже что въ нихъ напечатано того всякъ и смотритъ, и впредь тому вѣруютъ быти, а на Бога имѣти въ томъ упованіе свое отложи. А о тѣхъ отреченныхъ книгахъ пишетъ въ книгѣ Алѳавитѣ азбучномъ и блаженный Максимъ грекъ, еже маѳематическія отреченныя книги Златоструй Марасонъ, сирѣчь черныя, ихъ же суть четыре: арѳиматикіи, мусикіи, геометріи, астрономіи, еже есть звѣздочетія; то же маѳематикою наречетъ. Онъ же, Максимъ грекъ, о зодіи и планетъ глаголетъ: еже всякъ вѣруяй звѣздочетію и планетамъ и всякому чернокнижію проклятъ есть...

По тому же онъ, льстецъ, чинилъ явной своей прелести мушкараты и комедіи производилъ. Еще-жъ и демонскія рожи человѣка, аки демоны, рядилъ и парики съ такими же хвостами воинству своему пристроилъ. И другія всякія коби (по польски kobieciarstivo — женолюбіе) въ томъ своемъ мушкаратѣ, собравъ всѣхъ земель платіемъ людей и птицъ, и звѣрей, и гадъ окружно во всѣй Москвѣ ходилъ и явилъ...

И тѣмъ богомерзкимъ мушкаратомъ стоящей въ большомъ соборѣ древней всякой святынѣ руганіе и насмѣшество творилъ, иже съ такимъ собраннымъ вавилонскимъ содомомъ, при исходѣ дни и кругъ того собору игрищески, богопротивно по трижды, непристойно съ великимъ звономъ объѣзжалъ (съ боку: святки сквернилъ). А во святки по вся годы также славленіе заводилъ такимъ же нарядным приборомъ и всякимъ... и бѣсовскими пѣсни бѣшеніемъ и шутѣйшихъ своихъ со всескверньйшими словами. Тоже чинилъ и въ нарядныхъ свадьбахъ, и бывшій въ Русіи законъ христіанскій такими руганіи токмо посмѣшествовалъ, чего бы такова злаго поруганія на славленіяхъ и на свадьбахъ никому отъ человѣкъ творити такъ невозможно. Еще и паче при такихъ своихъ славленіяхъ и свадьбахъ потѣхамъ всяко помраченнымъ и насильнымъ пьянствомъ многихъ людей поморилъ *)...

Еще-жъ наипаче всего онъ, хульникъ и богопротивникъ, самъ себя повелевалъ въ народѣ лживымъ своимъ учителемъ со удивленіемъ, аки Бога, прославляти, и на такія хвалы, ежебы для побѣды враговъ по устроеннымъ воротамъ на встрѣчахъ своихъ въ прибытіяхъ въ Москву, еже тогда къ такимъ его прославленіямъ малыхъ отрочатъ наряжали въ бѣлые подстихяри, которые у нихъ при тѣхъ воротѣхъ и при Спасскомъ монастырѣ шествію его, что съ ваіями и вѣтми прилично велегласно пѣвали, како божіимъ изволеніемъ дѣти еврейскіе на входъ во Іерусалимъ хвалу Господу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію съ ваіями и вѣтми пѣли: благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ и проч...

---

*) А что тѣмъ же мушкаратомъ стоящей въ большомъ соборѣ древней святынѣ руганіе и посмѣшество творилъ, написалъ же онъ, Иванъ, къ тому, что нарядясь въ мушкаратъ, ѣздилъ округъ собору съ великимъ звономъ, подобно ходу съ кресты, и то все Богу противно жъ и не малый грѣхъ. (Объясненія И. Павлова).

А изъ Спасскагожъ монастыря выходя неоднократно, якобы терновъ вѣнецъ на главѣ своей нося, казалъ, тако и на монетахъ своихъ (1724 г.) печати приказалъ. Тако же и до скрытія времени своего года за полъчетверта титлами своими превознесся паче всякаго глаголемаго Бога, еже въ книгѣ Кириллы іерусалимскаго видимо о немъ напечатано, яко антихристъ во имени Симона Петра въ Римѣ имать царствовати; что же онъ въ третьемъ Римѣ, сирѣчь въ Русіи, тѣмъ именемъ и показался и по себѣ впредь всякимъ своимъ уставомъ указалъ быть тому же. Понеже и въ канунѣ о полтавской надъ шведами побѣдѣ въ сѣдальнѣ напечатали его не толико антихристомъ, но и Христомъ и Русія, еже ему вручена въ жительство, чего такой гордости его и таковаго необычайнаго дѣйствія у насъ въ Русіи до него явившагося ни отъ кого прежнихъ благочестивыхъ великихъ князей и царей, и еже, кои были до св. крещенія Русіи въ нечестіи, нѣсть того явственно никакъ не бывало. И потому его всякому богопротивному творенію по объявленнымъ божественнымъ писаніемъ въ нынѣшнія явственно показанныя послѣднія времена всякъ человѣкъ имуще отъ Бога данный разумъ по испытаніи божественнаго писанія можетъ и умомъ своимъ познати, еже оный въ Русіи, рекше въ третьемъ Римѣ, си по римскимъ здѣсь многимъ опредѣленіямъ любовнымъ ему и явился сынъ погибели, хульникъ и противникъ божій, еже есть антихристъ.

И. Павловъ.

6.

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщался ввести познанія наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣренія являющіяся ему грубые, древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кавтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогрен, бострги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто

подкалковъ, фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ, и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что должны прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыто столь колючими бородами. А съ другой стороны пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ, вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей своихъ, женивались. — Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніяхъ. О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборица для волосовъ женскихъ и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ должны были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть, сему не повѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ столь важныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться недолжно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, немогла она неимѣть дѣйствія и надъ мущинами, хотящими имъ угодными быть, то тщаніе украшеній, туже роскошь раждала. И уже перестали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ голунами, съ шитьемъ и съ пондесланами (?) дѣлать начали.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемые въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пивалъ. То-есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были къ двору; да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть; ибо Государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для Государя не сдѣлаетъ? Правда сіе не токмо было для него угодно, но напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удовольствія, до того ими незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія: вина не токмо старинныя, о коихъ выше помянуто, но также ермитажъ, венгерское и другія. Правда, что еще сначала ихъ довольно бережливо подавали и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились принести четвертную, запечатанную и наливъ изъ нее по рюмкѣ, опять запечатавъ на погребъ отослать.

Однако хотя Петръ Великій самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему кн. Меншикову, который часто оныя, какъ въ торжественныя дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее; ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что Государь, видя изъ дворца своего торжество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: «вотъ какъ Данилычъ веселится». Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники Имперіи, такоже имѣли открытые столы, какъ Генералъ-Адмиралъ Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Б. П. Шереметевъ, Канцлеръ Графъ Гаврилъ Ивановичъ Головкинъ, и Бояринъ Тихонъ Никитичъ

Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ Имперіи, во время отсутствія въ чужіе краи Императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже въ многихъ домахъ открытые столы завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, то-есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись; но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ.

И конечно въ такомъ народѣ, въ которомъ гостепріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, нетрудно было ввести въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу; но хотѣлъ, чтобы оно безубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошъ, и тягость высшихъ принимать; ибо общество ни въ опиваніи и обжираніи состоитъ и неможетъ оно быть пріятно гдѣ нѣтъ равности. Самъ часто Государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное самолюбіе и роскошъ стараются поставленную преграду разрушить; и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность.

Въ присутствіи Государевомъ, учиненныя имъ предписанія сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьи роскошъ и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе домы упадать, и упадающіе ожидать отъ милости Государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ, мнѣ случалось слышать объ домѣ Князя Ивана Васильевича Одоевскаго...

Я, сказалъ о семъ Князь Одоевскій, яко о раззорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе естли не въ раззореніи отъ сей

перемѣны жизни пришли, то по крайней мѣрѣ чувствовали немалую нужду.

Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостью монаршею, принужденъ однако былъ впередъ Государево жалованье забирать и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуетъ сіе самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо Государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ раззорѣніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни сначала первосановниковъ Государства, а въ подражаніе имъ и другихъ дворянъ, и расходы: достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ Государю и вельможамъ, яко къ источникамъ богатства и награжденій...

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и хамствомъ наполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе Государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ вельможей возгнѣздились.

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошъ могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другіе причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искореняли. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родомъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удасться прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ носили на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинились начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. Рода дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцовъ своихъ и вѣкъ не увидитъ.

То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? Которые иначе какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однодворцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ ибо въ самомъ дѣлѣ не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе: ибо прописывать Богу неприличныя дѣянія сіе есть богохулить.

Въ Россіи бороду образомъ Божіимъ почитали, и за грѣхъ считали ее брить, а черезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣріе богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священно-служителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить; указами повелѣлъ брить бороды, и духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословленіемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ Патріарховъ учинилъ позволено есть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутинѣ подвержены, повелѣвая самоохотно жертвующихъ жизнію своею, таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся отъ болѣзней, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? когда народъ былъ еще не просвѣщенъ, и тако отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному отнималъ. И сіе дѣйствіе Петра Великаго, можно примѣнить къ дѣйствію неискустнаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзываніе учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзами сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодовитыхъ вѣтвей непроизвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ содѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ

урѣзанье суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра; изчезла рабская боязнь ада, но изчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; и нравы за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемыя вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Итакъ, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего Государя пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныхъ области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались Россіяне — изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. Но тогда же искренная привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошъ и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), вразсужденія нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго Государя.

М. Щербатовъ.

Часть II.

1725—1761 гг.

Дворцовые перевороты.

СМЕРТЬ ПЕТРА II И ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ АННЫ.

(1730 г.) Января 17, по старому стилю, день Крещенія, было водоосвященіе по обыкновенію, на которомъ Царь присутствовалъ лично.

Въ сей день Его Величество пожаловалъ своего фаворита въ майоры гвардіи: это была послѣдняя милость, оказанная симъ добрымъ Государемъ.

Января 18, поутру, Его Величество почувствовалъ въ себѣ лихорадку и не выходилъ изъ комнаты, а какъ болѣзнь не уменьшилась и въ слѣдующіе два дня, то стали догадываться, что она должна быть очень сильна.

Января 21 узнали, что Царь занемогъ оспою...

Съ 23 по 28 число оспа выступала сильно, такъ что всѣ считали, что Его Величество вышелъ изъ опасности; но вечеромъ 28, напала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, а какъ она не уменьшалась, то 29 числа его причастили Св. Таинъ.

Между тѣмъ Долгорукіе уже составили духовное завѣщаніе, по которому Царь долженъ былъ назначить своимъ преемникомъ на престолъ Княжну, его обрученную невѣсту; но когда бумагу эту поднесли Царю для подписанія, то у него не было уже ни языка, ни силъ; и, наконецъ, онъ испустилъ послѣднее дыханіе, послѣ долгой агоніи, 30 числа, въ 1 часъ и 25 минутъ пополуночи...

Такъ кончилъ жизнь свою Петръ II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ, 3 мѣсяца и 7 дней, владѣвъ Россіею 2 года, 8 мѣсяцевъ и 13 дней... Онъ хорошо говорилъ по-нѣмецки, по-латыни и по-

французски, и имѣлъ хорошія понятія въ наукахъ; но, сдѣлавшись Государемъ въ 11 лѣтъ, оставилъ совсѣмъ науки, а окружавшіе его Русскіе старались отводить его отъ чтенія, чтобы онъ не научился. Онъ не имѣлъ еще столько твердости духа, чтобы дѣйствовать по собственному побужденію, чѣмъ воспользовавшись князь Алексѣй Долгорукій, его гофмейстеръ, и сынъ его, фаворитъ, дѣлали все по своей волѣ и съ такимъ деспотизмомъ, что прочіе не слишкомъ много сокрушались о кончинѣ сего юнаго Государя. Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, его заставляли безпрестанно ѣздить на охоту, чтобы удалить его отъ всѣхъ, и держали всегда въ своихъ рукахъ. Наконецъ, заставили его согласиться на бракъ съ княжною Екатериною Долгорукою; но это согласіе было принужденное, и многіе были такого мнѣнія, что свадьбѣ никогда не бывать. Правду сказать и то, что онъ ни мало не уважалъ ее, и я самъ былъ свидѣтелемъ, что онъ едва на нее взглядывалъ. Замѣчательно было, что съ самаго того дня, какъ онъ объявилъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ, онъ впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что умретъ скоро, и что жизнь ему уже наскучила...

Лишь только министры Верховнаго Совѣта увидѣли, что Государь скончается непремѣнно, то собрались во дворцѣ съ знатнѣйшими вельможами и стали разсуждать о наслѣдованіи престола. Мнѣнія раздѣлились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгорукихъ, которымъ хотѣлось возвести на престолъ обрученную невѣсту Царскую, для чего они и составили было духовную, что однако же имъ не удалось, какъ сказано выше, и потому, увидѣвъ, что противники сильнѣе ихъ, они отказались отъ своего намѣренія.

Вторая сторона была Царицы, бабки покойнаго Царя, которой, дѣйствительно, предлагали корону; но она отказалась подъ предлогомъ глубокой своей старости и болѣзней.

Третья сторона желала видѣть на престолѣ Принцессу Елисавету, дочь Петра I.

Наконецъ, четвертая старалась о Герцогѣ Голштинскомъ, мать котораго была старшею сестрою Принцессы Елисаветы.

Но обѣ послѣднія стороны были такъ слабы, что о предложеніи ихъ даже и не разсуждали.

Тутъ домъ Голицыныхъ, упавшій было во время владычества Долгорукихъ, поднялъ голову и захотѣлъ осуществить мысль, всегда имъ лелѣянную, связать руки своимъ Государямъ, до того времени очень деспотичнымъ, введя образъ правленія, подобный Англійскому. Князь Дмитрій Голицынъ, членъ Верховнаго Совѣта, заговорилъ первый, и къ нему пристали: братъ его фельдмаршалъ, Долгорукіе и большая часть бывшихъ въ собраніи, и такимъ образомъ положили избрать на престолъ Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, дочь Царя Іоанна, старшаго брата Петра I; но съ тѣмъ, чтобы она подписала условія, на которыхъ ее избрали.

Уговорившись въ этомъ, они ожидали кончины Государя, которая и послѣдовала 30 Января, какъ я уже сказалъ, въ 1 часъ по утру, а въ 5 часовъ Верховный Совѣтъ, Сенатъ, коллегіи, весь генералитетъ и полковники, бывшіе тогда въ Москвѣ, собрались во дворцѣ.

Собраніе открылъ, за отсутствіемъ государственнаго канцлера, страдавшаго простудою, князь Дмитрій Голицынъ, рѣчью, въ которой сказалъ, что поелику Богу угодно отозвать къ Себѣ Государя Петра II, надлежитъ подумать о избраніи верховнаго главы для всей Россійской Имперіи, а какъ вдовствующая Герцогиня Курляндская одарена всѣми добрыми качествами, то, кажется, нельзя сдѣлать лучшаго выбора.

Это предложеніе принято было всѣми съ громкимъ одобреніемъ, и тутъ же было приказано генераламъ объявить о семъ войску.

Вмѣстѣ съ симъ были назначены три депутата для поѣздки въ Митаву, гдѣ они объявятъ Герцогинѣ о избраніи ея на царство и проводятъ ее до Москвы. Депутатами были назначены: отъ Верховнаго Совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукій; отъ Сената князь Михаилъ Голицынъ, сенаторъ и братъ князя Дмитрія Голицына, а отъ войска генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ.

Послѣ сего общаго собранія, Верховный Совѣтъ собрался одинъ и составилъ статьи, кои Царица должна была подписать прежде, нежели приметъ престолъ. Сіи статьи были вручены депутатамъ, съ приказаніемъ объявить ей, что ежели она не приметъ ихъ и не подпишетъ, то избраніе уничтожается.

Условія были таковы:

1) Верховный Совѣтъ будетъ состоять изъ восьми членовъ, которые будутъ управлять монархіею.

2) Царица не можетъ выйти замужъ и назначить себѣ наслѣдника.

3) Она не можетъ объявить войну или заключить миръ по своему усмотрѣнію.

4) Она не можетъ раздавать чиновъ выше чина полковника.

5) Гвардія и вся армія всецѣло зависятъ отъ Верховнаго Совѣта.

6) Царица не можетъ раздавать имѣнія, принадлежащія государству и не можетъ тратить деньги изъ царской казны.

7) Царица не можетъ давать никакой должности при Дворѣ, ни Русскому, ни иностранцу, не посовѣтовавшись предварительно съ Верховнымъ Совѣтомъ.

8) Она не можетъ лишать дворянство преимуществъ и владѣній безъ законной причины.

9) Она не можетъ учреждать новые налоги.

10) Она должна соглашаться на все, что̀ будетъ служить къ полному благу народа.

Вотъ условія, которыя послали къ царицѣ, къ которымъ она должна была (что̀ и сдѣлала) приписать собственноручно: «если я не буду поступать согласно этимъ условіямъ, я объявляю себя лишенной царской короны».

Депутаты отправились того же вечера, а Верховный Совѣтъ принялъ въ свои руки правленіе государствомъ и собственною властью назначилъ въ свои члены фельдмаршаловъ, князей Голицына и Долгорукаго.

Объявленіе во всенародное извѣстіе о избраніи Курляндской Герцогини на престолъ и моленіе о ней въ церквахъ были отложены до тѣхъ поръ, пока получится извѣстіе, что она подписала статьи...

Февраля 10, прискакалъ изъ Митавы курьеръ съ извѣстіемъ, что депутаты пріѣхали туда 5 числа и что Царица не только приняла престолъ, но и подписала статьи, ей предложенныя и своеручно прибавила послѣднее обязательство, которое ей было предписано...

Февраля 12, пріѣхалъ также изъ Митавы генералъ Леонтьевъ и былъ у всѣхъ первыхъ министровъ, послѣ чего было назначено собраніе Верховнаго Совѣта на слѣдующее утро. Въ

это собраніе были приглашены первѣйшіе чиновники военные и гражданскіе, такъ что въ немъ находилось человѣкъ до 80.

Собраніе открылось чтеніемъ подписанныхъ Царицею статей, коихъ до того не сообщали никому. Послѣ сего князь Дмитрій Голицынъ сказалъ, что каждый изъ присутствующихъ можетъ свободно объявить свое мнѣніе, и тутъ же, обратясь къ генералу Ягужинскому, (который въ ту пору стоялъ подлѣ самаго стола), сказалъ ему, чтобы онъ взялъ статьи, прочелъ ихъ, подумавъ, сказалъ то, что онъ думаетъ о нихъ. Ягужинскій смутился отъ сего предложенія и не зналъ, что дѣлать, а Голицынъ, замѣтивъ это, велѣлъ ему не выходить изъ комнаты. Отъ сего Ягужинскій поблѣднѣлъ, и тутъ Голицынъ, подозвавъ къ себѣ статсъ-секетаря Степанова, велѣлъ ему поговорить яснѣе съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда, черезъ нѣсколько минутъ, пришелъ фельдмаршалъ князь Долгорукій съ однимъ майоромъ гвардіи, которому велѣлъ взять у генерала шпагу и отвести его въ дворцовую караульню, гдѣ не выпускать изъ глазъ. Послѣ сего министры Верховнаго Совѣта объявили дворянству, что ежели кто изъ присутствующихъ желаетъ предложить что-либо для лучшаго образа правленія, то можетъ изложить это письменно и мнѣніе его будетъ разсмотрѣно послѣ...

Февраля 15, князь Черкасскій, вслѣдствіе дозволенія, даннаго въ собраніи 13 числа, подалъ Верховному Совѣту мнѣніе, подписанное слишкомъ 30 человѣками. Генералъ Матюшкинъ подалъ также свое подписанное не болѣе, какъ 25 человѣками. Князь Черкасскій подалъ свое мнѣніе для того только, чтобы, пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ пользу Царицы. Мнѣніе Матюшкина состояло въ томъ, чтобы всю власть вручить Верховному Совѣту; оно было составлено тѣми, кои держали сторону Долгорукихъ.

Февраля 20 явилось третье мнѣніе, подписанное 15 человѣками; говорили, что оно было написано княземъ Куракинымъ. Но всѣ сіи три мнѣнія остались безъ разрѣшенія отъ Верховнаго Совѣта, который заботился только о томъ, чтобы въ немъ было не болѣе осьми человѣкъ, кои распоряжались бы всѣмъ, т.-е., Долгорукіе и Голицыны. Въ ожиданіи пріѣзда Царицы, Верховный Совѣтъ и дворянство собирались каждый

день, но никакъ не могли согласиться на новую систему правленія.

Наконецъ, 21 февраля, Царица пріѣхала и остановилась въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ вознамѣрилась остаться до торжественнаго своего въѣзда въ Москву.

Февраля 22 тѣло покойнаго Царя предали землѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ... Новая Государыня жила во Всесвятскомъ, казалось, была довольна, что взошла на престолъ; она даже повелѣла, чтобы всѣ дѣла шли такъ точно, какъ она подписала въ Митавѣ. Но 23 числа сдѣлалось такое дѣло, которое заставило всѣхъ призадуматься. Вышедъ въ переднюю комнату, она велѣла позвать къ себѣ всѣхъ офицеровъ гвардіи Преображенскаго полка, кои тутъ случились, и сказала имъ, что поелику Богу угодно было призвать ее на престолъ, то она желаетъ быть ихъ полковникомъ, подобно своимъ предшественникамъ, и дала уже повелѣніе объявить о томъ. Всѣ офицеры пришли въ восторгъ отъ сихъ словъ и бросились лобызать руки новаго своего полковника, орошая ихъ слезами. Тотчасъ за симъ, Ея Величество велѣла призвать къ себѣ кавалергардовъ и сказала имъ то же, послѣ чего была провозглашена полковникомъ гвардіи Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Такая рѣшимость удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною: ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ былъ и тотъ, чтобы Царица не имѣла никакой власти надъ гвардіею; но когда она сдѣлала это, то всѣ замолкли и даже восхваляли ее за это.

Февраля 25, прибыли во Всесвятское Верховный Совѣтъ, Сенатъ, генералитетъ и дворянство. Князь Дмитрій Голицынъ говорилъ за всѣхъ и просилъ Ея Величество удостоить принятіемъ ордена Св. Андрея и быть гросмейстеромъ онаго, подобно своимъ предшественникамъ. Она приняла это милостиво, послѣ чего государственный канцлеръ, какъ старшій изъ кавалеровъ, взявъ знаки сего ордена, поднесъ ихъ Ея Величеству.

Февраля 26, я пріѣхалъ къ Ея Величеству съ поздравленіемъ, но какъ частный человѣкъ, и она приняла меня весьма милостиво. Послѣ того, какъ я откланялся, Ея Величество изволила отправиться для торжественнаго вшествія въ Москву. Духовенство, въ полномъ облаченіи, встрѣтило и привѣтствовало

ее у городскихъ воротъ, а во время шествія стрѣляли три раза изъ всей городской артиллеріи. Ея Величество проѣхала черезъ трое тріумфальныхъ воротъ, нарочно для сего устроенныхъ съ величайшимъ великолѣпіемъ: на нихъ было множество надписей и іероглифическихъ изображеній.

Марта 1, Царица принимала всѣхъ министровъ, и мы принесли ей поздравленіе съ благополучнымъ пришествіемъ ея въ Москву.

Марта 3, всѣ войска и дворянство собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ и присягали. Главнѣйшая статья присяги состояла въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ Государынѣ и отечеству. Верховный Совѣтъ составилъ было двѣ формы присяги, одну обыкновенную а другую съ тѣмъ, чтобы быть вѣрнымъ Государынѣ и Верховному Совѣту; но сочинители послѣдней не осмѣлились предъявить ее.

Власть Верховнаго Совѣта, который вздумалъ было дерзновенно управлять по своей волѣ не только государствомъ Русскимъ, но и самою Государынею, кончилась 8 Марта, и къ счастію очень спокойно, хотя и надлежало бы опасаться какого-либо смятенія. Я считаю небезполезнымъ описать подробно это великое событіе.

Князь Черкасскій всегда думалъ возвратить Царицѣ самодержавіе, съ которымъ царствовали ея предшественники. По сему дѣлу былъ онъ въ согласіи съ Ягужинскимъ, и когда послѣдняго арестовали, то онъ сильно вступился за него. Черкасскій считался человѣкомъ совѣстливымъ и большихъ способностей, въ чемъ, дѣйствительно, отдавали ему справедливость. Мало-по-малу онъ приготовилъ многихъ для исполненія своего намѣренія, несмотря на Верховный Совѣтъ, который всячески старался привлечь его на свою сторону; но сей честный человѣкъ никогда не хотѣлъ согласиться на дѣлаемыя ему предложенія, такъ что Совѣтъ принялъ было намѣреніе арестовать его и сослать въ Сибирь; но Черкасскій, узнавъ о томъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ. Вслѣдствіе сего, 7 числа, онъ, переговоря съ приверженными къ нему, коихъ было слишкомъ 300 человѣкъ дворянъ, да сверхъ того офицеры гвардіи, велѣлъ имъ собраться 8 числа безъ шума, въ пріемныя дворцовыя комнаты. Они исполнили это, и Черкасскій, пріѣхавъ, велѣлъ доложить Государынѣ, что онъ про-

ситъ дозволенія предстать предъ нею. Царица уже знала о намѣреніи Черкасскаго, посредствомъ жены его. Ея Величество велѣла позвать къ себѣ Верховный Совѣтъ, чтобы въ присутствіи онаго принять дворянство, и когда послѣднее было введено, то Черкасскій подалъ слѣдующее прошеніе, которое Царица приказала ему прочесть вслухъ.

«Высочайшая и Всемилостивѣйшая Государыня Императрица.

Хотя ваше Императорское Величество возсѣли на престолъ Россіи по волѣ Высочайшаго Царя Царей и по желанію всего народа; но Вашему Императорскому Величеству угодно было подписать условія, предложенныя Верховнымъ Совѣтомъ, чѣмъ засвидѣтельствовали Ваше благоволеніе къ сему Государству. Мы приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за таковую великую милость, и не токмо мы, но и дѣти наши, будемъ навсегда сохранять чистосердечную признательность и чтить имя Вашего Величества.

Несмотря однако же на это, Всемилостивѣйшая Государыня, въ сказанныхъ условіяхъ находятся нѣкоторыя статьи, кои заставляютъ народъ Вашъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, изъ которыхъ враги нашего отечества могутъ извлечь величайшую для себя пользу. Разсмотрѣвъ внимательно условія, мы изложили въ письмѣ мнѣнія наши, и съ достодолжнымъ почтеніемъ представили ихъ Верховному Тайному Совѣту на разсмотрѣніе, и просили, чтобы послѣ сего, для блага и спокойствія всей Имперіи, была установлена, по большинству голосовъ, форма правленія надежная и твердая. Но, Всемилостивѣйшая Государыня, Верховный Тайный Совѣтъ не только не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ различныхъ предположеній, но объявилъ намъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія Вашего Императорскаго Величества.

По сему, зная врожденное милосердіе Вашего Величества и желаніе удостовѣрить всю свою Имперію въ своемъ благорасположеніи, мы дерзаемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить, дабы Вы соизволили повелѣть, чтобы представленныя нами различныя мнѣнія были разсмотрѣны генералитетомъ и дворянствомъ, назначивъ для сего по одному или по два человѣка изъ каждаго семейства и чтобы, по обсужденіи всѣхъ статей, была установлена такая форма правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ, и послѣ сего представлена на Высо-

чайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Мы обѣщаемъ Вашему Величеству всевозможную вѣрность и употребимъ всѣ усилія для утвержденія благоденствія Вашего, почитая Васъ, какъ мать отечества, и хотя это прошеніе подписано немногими, потому что мы боимся собираться во множествѣ для подписанія онаго, однако же большая часть Вашего дворянства изъявила на то согласіе, въ доказательство чего многіе подписали уже высказанныя мнѣнія.

Москва, 25 Февраля 1730 года».

По прочтеніи сего прошенія, министры Верховнаго Совѣта просили Ея Величество войти въ кабинетъ для разсужденія; но герцогиня Мекленбургская, сестра ея, подошедъ къ ней, сказала, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надобно подписать. Вдругъ въ залѣ поднялся большой шумъ, и Государыня, призвавъ къ себѣ караульнаго капитана, сказала ему, что, находясь не въ безопасности, она приказываетъ ему, чтобы онъ не повиновался никому, кромѣ генералъ-лейтенанта Салтыкова, подполковника гвардіи и родственника Ея Величества. Послѣ этого она, взявъ перо, подписала прошеніе дворянства, которое, поцѣловавъ ей руку, вышло въ другую комнату. Тамъ единогласно положили облечь Государыню самодержавіемъ, и затѣмъ, возвратясь, просили новой аудіенціи. Государыня назначила ее послѣ полудня, и тогда, по собраніи всего дворянства, было представлено Ея Величеству слѣдующее прошеніе, которое она велѣла прочесть вслухъ князю Кантемиру.

«Высочайшая и Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, для величайшаго блага отечества, подписать наше прошеніе, и мы не находимъ словъ для выраженія Вашему Величеству благодарности нашей за сей знакъ Высочайшаго ея благоволенія. Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, требуетъ отъ насъ не оставаться неблагодарными, и посему мы являемся предъ Ваше Величество, съ величайшимъ благоговѣніемъ, для изъявленія нашей признательности, и всенижайше просимъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали Ваши предшественники, и уничтожить условія, присланныя Вашему Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанныя Вами. Всеподданнѣйше просимъ Ваше Императорское Величество соизволить, вмѣсто Верховнаго

Тайнаго Совѣта и Высокаго Сената учредить Правительствующій Сенатъ такъ, какъ онъ былъ учрежденъ Петромъ I, дядею Вашего Величества, составивъ его изъ 21 члена, и чтобы теперь и впредь убылыя мѣста въ этомъ Правительствующемъ Сенатѣ, также губернаторы въ губерніяхъ и президенты въ коллегіяхъ, были замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ по жребію, какъ то было установлено Петромъ I. Всеподданнѣйше просимъ, чтобы Ваше Величество, вслѣдствіе того, что подписать изволили, благоволили теперь же составить правленіе такъ, какъ оно должно оставаться на будущее время.

Наконецъ, мы, всенижайшіе подданные Вашего Императорскаго Величества, надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ, по врожденному Вашего Величества милосердію, и можемъ спокойно кончить жизнь свою у ногъ Вашихъ.

Москва, 25 Февраля 1730 года».

Министры Верховнаго Совѣта, при чтеніи сего прошенія, стояли, какъ пораженные громомъ, и никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

Тотчасъ за симъ Царица велѣла государственному канцлеру, который хотя и былъ членомъ Совѣта, но держался стороны дворянства, принести всѣ бумаги, подписанныя ею, какъ въ Митавѣ, такъ и въ Москвѣ, и когда онъ принесъ ихъ, то Ея Величество изорвала ихъ въ присутствіи всѣхъ, и тутъ дворянство и военные, съ громкимъ кликомъ радости, стали цѣловать руки Государыни, своей самодержицы.

Немедленно за симъ Ея Величество приказала освободить изъ-подъ стражи генерала Ягужинскаго, а фельдмаршалъ Долгорукій отдалъ ему шпагу и орденъ Св. Андрея при входѣ въ залу собранія, гдѣ Государыня всемилостивѣйше допустила его къ своей рукѣ, изъявляя ему знаки своего благоволенія.

Послѣ сего Царица велѣла князю Василію Долгорукому оставаться у себя дома, опредѣливъ на его мѣсто оберъ-гофмейстера вышесказаннаго генерала Салтыкова. Долгорукій занималъ это мѣсто съ выѣзда изъ Митавы и обращался съ Царицею, какъ съ плѣнницею, чтобы достичь цѣли собственныхъ своихъ намѣреній. Онъ то воспламенилъ Верховный Совѣтъ, котораго былъ членомъ, къ ограниченію власти Государыни, такъ что Ея Величество сдѣлалась бы не болѣе, какъ

невольницею въ золотыхъ цѣпяхъ. Но мы скоро увидимъ, что неограниченное его высокомѣріе было наказано по достоинству.

Въ тотъ же самый день государственный канцлеръ послалъ ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ объявленіе о томъ, что̀ случилось, приглашая ихъ пріѣхать завтра во дворецъ для принесенія поздравленія Ея Величеству.

Такъ кончились всѣ замыслы министровъ Верховнаго Совѣта.

Дюкъ Лирійскій.

ПЕРЕВОРОТЫ 1740—41 ГГ.

Какъ теперь помню, что тотъ-то былъ день тогдашнихъ счастливыхъ поведеній послѣдній, въ который я заблагоразсудя, чтобъ прежде формальной въ кабинетъ къ министрамъ онаго моего доклада подачи приватно его высочеству герцогу Бирону, какъ моему патрону представить къ аппробаціи, пріѣхалъ во дворецъ, въ покои герцога Бирона передъ вечеромъ, когда онъ обыкновенно одинъ или съ немногими своими пріятелями нѣсколько часовъ препровождалъ. И хотя, какъ и я выше описалъ, имѣлъ дозволеніе къ нему во внутренній его покой безъ доклада всегда ходить; но однако спросилъ у камердинера, который готовъ былъ двери отворить, кто у его свѣтлости? Онъ съ почтеніемъ отвѣчалъ, что тутъ сидятъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ и камеръ-коллегіи президентъ, его свойственникъ, баронъ Менгденъ, съ которыми, какъ я зналъ, онъ особливое пріятство имѣлъ. Я тогда, не разсудя за благо съ такимъ моимъ дѣломъ къ нимъ войти, поѣхалъ домой, ибо тогда было уже не рано.

Я всю ту ночь долго не спалъ, дѣлая въ мысляхъ своихъ расположенія, какъ бы мнѣ на утріе прежде, нежели герцогъ пойдетъ въ министерское собраніе въ кабинетъ, оный мой докладъ къ аппробаціи представить и изъяснить.

Сія ночь, въ кою я, какъ выше описалъ, о многихъ моихъ по должности предпріятіяхъ и скоромъ опытѣ исполненіи размышлялъ и сочиненный докладъ подать изъяснить къ утрему приуготовлялся, какъ помнится мнѣ, было 1740 году въ ноябрѣ, которая не только мои поведенія, но и все государственное правленіе инаково обратила. Я поздно въ оную заснулъ, но еще прежде разсвѣта пріѣзжимъ ко мнѣ полицейскимъ офице-

ромъ былъ разбуженъ, который мнѣ объявилъ, что во дворецъ теперь множество людей съѣзжаются, гвардіи полки туда же идутъ, и что принцесса Анна, мать малолѣтняго наслѣдника приняла правленіе государственное, а регентъ герцогъ Бирон съ своею фамиліею, и кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ взяты фельдмаршаломъ Минихомъ подъ караулъ, и въ особливыхъ мѣстахъ порознь посажены.

Вы сами узнаете, благосклонный читатель, ни малаго воображенія о томъ въ мысляхъ прежде не имѣя, въ какомъ смятеніи я тогда былъ.

Итакъ спѣшно одѣлся и ко дворцу пріѣхалъ; увидѣлъ множество разнаго званія военныхъ и гражданскихъ (городскихъ) жителей, въ безчисленныхъ толпахъ окружающихъ дворецъ, такъ что карета моя, до крыльца невозмогши проѣхать, далеко остановилась, а я, выскоча изъ оной, съ однимъ провожающимъ моей команды офицеромъ, спѣшно продирался сквозь людей на крыльцо, гдѣ былъ великій шумъ и громкіе разговоры между онымъ народомъ; но я того не внимая, бѣжалъ вверхъ по лѣстницамъ въ палаты, и какъ начала, такъ и окончанія, кто былъ въ такомъ великомъ и рѣдкомъ дѣлѣ начинателемъ, и кто производитель и исполнитель не зная, не могъ себѣ въ мысль вообразить, куда мнѣ далѣе идти, и какъ и къ кому пристать. Чего ради слѣдовалъ за другими, спѣшно меня обѣгающими. Но, большею частію, гвардіи офицеры съ унтеръ-офицерами и солдатами, толпами смѣшиваясь смѣло, въ веселыхъ видахъ и не уступая никому мѣста ходили, почему я вообразить могъ, что сіи-то были производители онаго дѣла.

Въ такихъ сомнѣніяхъ вошелъ я въ дворцовую залу, и въ первомъ взглядѣ увидѣлъ въ великомъ множествѣ разныхъ чиновъ, и по большей части, статскихъ, тѣснящихся въ дверяхъ и проходахъ къ придворной церкви, которая также была наполнена людьми и освѣщена множествомъ горящихъ свѣчъ. Я нѣсколько поостановился, чтобъ подумать, какъ-бы и въ которую сторону подвинуться и найти кого изъ моихъ пріятелей, отъ коихъ бы обстоятельства узнать, и по тѣмъ бы поступку мою удобнѣе употребить могъ; но въ тотъ же мигъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, гвардіи офицеръ, съ радостнымъ восторгомъ ухватилъ меня за руку и началъ поздравлять съ новою нашею Правительницею, и примѣтя, что я сіе пріемлю,

какъ человѣкъ ничего того незнающій, кратко мнѣ объ ономъ происшествіи разсказывалъ и проговорилъ, чтобъ я ни мало не останавливаясь протѣснился въ церковь, тамъ-де принцесса и всѣ знатные господа учинили ей уже въ вѣрности присягу, и видите-ль, что всѣ прочіе тоже исполнить туда спѣшатъ.

Сіе его обстоятельное увѣдомленіе, во-первыхъ поразило мысль мою, и я самъ себѣ сказалъ: «вотъ теперь регентова ко мнѣ отмѣнно предъ прочими милостивая склонность сдѣлаетъ мнѣ похоже, какъ и послѣ Волынскаго толчокъ; но чтобъ только не худшимъ окончилось. Всевидящій, защити меня»!

Въ томъ же размышленіи дошелъ я близъ дверей церковныхъ; тутъ уже отъ тѣсноты продраться въ церковь скоро не могъ и увидѣлъ многихъ моихъ знакомыхъ въ разныхъ маскахъ являющихся. Одни носятъ листы бумаги и кричатъ: «изволите, истинные дѣти отечества, въ вѣрности нашей всемилостивѣйшей Правительницѣ подписываться и идти въ церковь, въ томъ Евангеліе и крестъ цѣловать»; другіе, протѣсняясь къ тѣмъ по два и по три человѣка, каждый только спѣшитъ, жадно спрашивая одинъ другого, какъ и что писать, и вырывая одинъ у другого чернилицу и перья, подписывались и тѣснились войти въ церковь присягать и поклониться стоящей тамъ Правительницѣ въ окружности знатныхъ и довѣренныхъ господъ.

Такимъ способомъ скоро усчастливился и я на одной изъ таковыхъ разносимыхъ бумагъ подписаться, и продравшись въ церковь, поцѣловавъ Евангеліе и крестъ, учиня пристойный поклонъ Правительницѣ, сталъ позади окружающихъ ее господъ, воображая себѣ, что я въ такомъ чинѣ, коему теперь отдаляться не надлежитъ, и могутъ мнѣ быть о касающихся по полиціи въ теперешнихъ обстоятельствахъ потребныхъ дѣлахъ повелѣнія.

Но, увы! вскорѣ потомъ инаковую пріемность почувствовалъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ господъ, кои въ томъ дѣлѣ послужить усчастливились, весьма презрѣнные взгляды мнѣ оказали, а другіе съ язвительными усмѣшками спрашивали: каковъ я въ своемъ здоровьѣ и все-ль благополученъ? нѣкоторые-жъ изъ нашихъ площадныхъ звонарей неподалеку за спиною моей разсказывали о моемъ у регента случаѣ и что я былъ его любимецъ. Съ такими-то глазамъ и ушамъ моимъ пораженіями,

не имѣя ни отъ Правительницы, ниже отъ ея министровъ уже во многія вновь довѣренности вступившихъ, никакихъ привѣтствій, ниже по моей должности какихъ повелѣній, съ прискорбными воображеніями, почти весь день таскавшись во дворцѣ между людьми, поѣхалъ въ домъ свой въ смятеніи моего духа...

Такимъ образомъ я въ великомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ, что я уже господинъ сенаторъ между стариками въ первѣйшихъ чинахъ находящимися обращаюсь и, будучи такого многомогущаго министра любимецъ, день ото дня лучшія пріятности себѣ ожидать, и притомъ ласкать себя могу надолго счастливымъ и отъ всякихъ злоключеній быть безопаснымъ, пріѣхалъ въ домъ свой и забывъ въ мысль себѣ приводить, чтобъ на будущихъ гаданія не утверждаться, а помнить, что отъ счастія къ несчастію всегда только одинъ шагъ находится, легъ спать; но только лишь уснулъ, какъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни и громкій голосъ сенатскаго экзекутора Дурнова меня разбудилъ. Онъ громко кричалъ, чтобъ я какъ наискорѣе ѣхалъ въ цасаревинскій дворецъ, — ибо де она изволила принять престолъ россійскаго правленія, и я-де съ тѣмъ объявленіемъ теперь бѣгу къ прочимъ сенаторамъ. Я, вскоча съ постели, подбѣжалъ къ окну, чтобъ его нѣсколько о томъ для свѣдѣнія моего спросить, но онъ уже удалился.

Вы, благосклонный читатель, можете вообразить, въ какомъ смятеніи духъ мой тогда находился. Не мало о такихъ предпріятіяхъ не только свѣдѣнія, но ниже видовъ къ примѣчанію не имѣя, я сперва подумалъ, что не сошелъ ли господинъ экзекуторъ съ ума, что такъ меня встревожилъ и въ мигъ удалился; но вскорѣ потомъ увидѣлъ многихъ на улицѣ мимо оконъ моихъ бѣгущихъ людей необыкновенными толпами въ ту сторону, гдѣ дворецъ былъ, куда и я немедленно поѣхалъ, чтобъ скорѣе узнать точность такого чрезвычайнаго происхожденія. Не было мнѣ надобности размышлять, въ который дворецъ ѣхать, ибо хотя ночь была тогда темная и морозъ великій, но улицы были наполнены людьми идущими къ Цесаревинскому дворцу, а гвардіи полки съ ружьемъ шеренгами стояли уже вокругъ онаго въ ближнихъ улицахъ, и для облегченія отъ

стужи во многихъ мѣстахъ раскладывали огни; а другіе поднося другъ другу пили вино, чтобъ отъ стужи согрѣться, причемъ шумъ разговоровъ и громкое восклицаніе многихъ голосовъ: «здравствуй наша матушка императрица Елисавета Петровна», воздухъ наполняли. И тако я до онаго дворца въ моей каретѣ сквозь тѣсноту проѣхать не могши, вышедъ изъ оной, пошелъ пѣшкомъ сквозь множество людей съ учтивымъ молчаніемъ продираясь, и не столько ласковыхъ, сколько грубыхъ словъ слыша, взошелъ на первую съ крыльца лѣстницу и слѣдовалъ за спѣшащими туда же въ палаты людьми, но еще прежде входа близъ уже дверей, увидѣлъ въ оной тѣснотѣ моего сотоварища, сенатора князя Алексѣя Дмитріевича Голицына; мы содвинувся поближе, спросили тихо другъ друга, какъ это сдѣлалось, но и онъ, также, какъ и я, ничего не зналъ. Мы протѣснились сквозь первую и вторую палату и, вошедъ въ третью, увидя многихъ господъ знатныхъ чиновъ, остановились и лишь только успѣли предстоящимъ поклониться, какъ встрѣтилъ насъ ласковымъ привѣтствіемъ тогда бывшій при дворѣ ея величества между прочими камергеромъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, который послѣ былъ уже... знатный господинъ и великія дѣла въ государствѣ производилъ. Онъ, въ знакъ великой всеобщей радости, веселообразно поцѣловалъ насъ и разсказалъ намъ о семъ съ помощью Всемогущаго начатомъ и благополучно оконченномъ дѣлѣ, и что главнѣйшіе донынѣ бывшіе министры, а именно генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, тайные дѣйствительные совѣтники и кабинетъ-министры графы Остерманъ и Головкинъ уже всѣ изъ домовъ своихъ взяты и подъ арестомъ сидятъ здѣсь же въ домѣ. Лишь только онъ окончивъ свою рѣчь отошелъ, то увидѣли мы въ смѣломъ и весьма веселомъ видѣ бѣгущаго изъ другой палаты бывшаго прежде господина генералъ-полицеймейстера, а послѣ уже въ отставкѣ отъ службы находящагося генералъ-шефа Василія Ѳедоровича Салтыкова, о которомъ намъ уже Шуваловъ сказалъ, что и онъ съ своею супругою Марьею Алексѣевною въ ономъ дѣлѣ много послужили...

Вскорѣ послѣ того повелѣно было всѣмъ идти (ибо ѣхать было за тѣснотою находящихся по улицамъ солдатъ и прочихъ людей не можно) въ зимній императорскій дворецъ, куда и ея величество въ открытой большой линейкѣ съ благонадежнѣйшими ей изволила ѣхать сквозь гвардіи солдатъ, стоявшихъ до большого дворца шеренгами, въ препровожденіи не-

малаго числа преображенскаго полка гренадеръ, кои въ томъ дѣлѣ ея императорскому величеству наипервѣйшими услужниками были, и по прибытіи во дворецъ въ придворной церкви началась ея императорскому величеству въ вѣрности, по надлежащему учрежденію, присяга.

Кн. Я. Шаховской.

ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЛИЗАВЕТЫ.

1.

(Реляція о переворотѣ 6 Декабря 1741 г.). Хотя и невозможно еще передать вѣрно всѣ обстоятельства, сопровождавшія важное событіе, которое произошло въ Петербургѣ 6 Декабря (по н. с.), однако вотъ подробности, на счетъ которыхъ въ общихъ чертахъ всѣ извѣстія довольно согласны.

Съ одной стороны нѣжный возрастъ послѣдняго государя, зависть между министрами и особенно между Остерманомъ и Головкинымъ, недостатокъ согласія между герцогинею-правительницею и герцогомъ, ея супругомъ, возбуждали всеобщее недовольство; съ другой стороны, принцесса Елизавета привлекала сердца всѣхъ русскихъ, сколько происхожденіемъ, столько и другими высокими достоинствами своими.

Эта принцесса, казалось, не имѣла большой партіи при дворѣ: ни одно значительное лицо не смѣло посѣщать ее, и изъ всѣхъ своихъ приближенныхъ она довѣрила тайну только своему камеръ-юнкеру Воронцову, хирургу Лестоку и одному нѣмцу, по имени Шварцу, который въ прежнее время служилъ музыкантомъ, пользовался небольшимъ пенсіономъ отъ императорской академіи наукъ и при томъ имѣлъ свободный доступъ ко двору принцессы, которая отъ времени до времени выдавала ему значительныя пособія. Эти три лица и особенно двое послѣднихъ, при помощи значительныхъ денегъ, давно пріобрѣли множество повѣренныхъ лицъ, какъ при дворѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и особенно большое число гвардейскихъ гренадеровъ, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Исполненіе предпріятія назначалось на слѣдующей недѣлѣ; но несмотря на всѣ предосторожности, дворъ и министры начали что-то подозрѣвать, и правительница, 5 декабря

(по н. с.), въ частномъ разговорѣ съ принцессою въ собраніи во дворцѣ, сказала, что ее предупреждаютъ въ письмѣ изъ Бреславля быть осторожною съ принцессою Елизаветою и особенно совѣтуютъ немедленно арестовать хирурга Лестока; что она по истинѣ не вѣритъ этому письму, но надѣется, что еслибы означенный Лестокъ признанъ былъ виновнымъ, то, конечно, принцесса не найдетъ дурнымъ, когда его задержатъ. Принцесса Елизавета отвѣчала на это довольно спокойно увѣреніями въ вѣрности и возвратилась къ игрѣ. Однако, сильное волненіе, замѣченное на лицахъ этихъ двухъ особъ, подало случай къ подозрѣнію, что разговоръ долженъ былъ касаться важныхъ предметовъ.

Въ тотъ же вечеръ, 5 декабря, четыре тысячи гвардейцевъ получили вдругъ приказаніе выступить къ Выборгу въ 24 часа...

Но какъ партія Елизаветы считала этотъ слухъ распространеннымъ съ намѣреніемъ, чтобы имѣть случай удалить гвардейцевъ, которыхъ приверженность къ принцессѣ была извѣстна, то сторонники ея сколько своими настояніями, столько же и вслѣдствіе извѣстія, что дворъ намѣренъ арестовать самую принцессу, убѣдили ее рѣшиться исполнить свое намѣреніе въ ту же ночь, съ 5 на 6 число.

Тогда она сначала помолилась Богу въ присутствіи трехъ вышеозначенныхъ лицъ и надѣла кирасу на свое обыкновенное платье. Между тѣмъ ея повѣренные убѣдили десятка два изъ подкупленныхъ гренадеровъ ходить вокругъ казармъ преображенскаго полка подъ предлогомъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Немного спустя, принцесса, въ сопровожденіи трехъ своихъ приверженцевъ и 7 гренадеръ, въ часъ пополуночи сѣла въ сани и прямо отправилась въ названныя казармы. Тотчасъ же по прибытіи туда, она явилась къ солдатамъ съ тростью въ рукѣ (un esponton à la main), сказала имъ въ нѣсколькихъ словахъ, что они видятъ въ ней законную императрицу, и что тѣ, которые ее любятъ, должны тотчасъ же слѣдовать за ней. При этой рѣчи вдругъ явилось 200 гренадеровъ. Они всѣ поклялись защищать ее до послѣдней капли крови. Приняли предосторожность запастись десятками двумя осѣдланныхъ лошадей для объявленія о такомъ счастливомъ окончаніи въ казармахъ другихъ гвардейцевъ и по отдѣльнымъ отрядамъ, что

и произвело, что менѣе чѣмъ въ часъ, всѣ полки собрались предъ дворцомъ принцессы.

Между тѣмъ она отправилась во дворецъ (au chateau) и объявила караулу о своемъ намѣреніи. Солдаты приняли предложеніе съ радостью, но четыре офицера отвѣчали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, почему и были заперты въ комнатѣ, а принцесса, проходя въ покои герцогини-правительницы, не встрѣтила никакого затрудненія отъ прочихъ караульныхъ, кромѣ одного унтеръ-офицера, который было сопротивлялся, но его тотчасъ же арестовали. Найдя герцогиню еще въ постели и дѣвицу Менгденъ, лежавшую около нея, она объявила первой объ ея арестѣ. Герцогиня тотчасъ же повиновалась ея приказаніямъ, умоляя только не дѣлать насилія ни ей съ семействомъ, ни дѣвицѣ Менгденъ, которую бы она очень желала сохранить при себѣ. Новая императрица обѣщала ей это и, для большей безопасности, приказала присягнуть и цѣловать крестъ гренадерамъ, которые за ней слѣдовали, что они будутъ повиноваться ея приказаніямъ и не станутъ проливать крови. Послѣ этого, она посадила герцогиню въ свои сани и отвезла ее во дворецъ, который занимала до того времени.

За этими санями слѣдовали двое другихъ съ семействомъ герцогини, именно: младенецъ императоръ и новорожденная принцесса...

Въ то же время арестовали герцога, генералисимуса войскъ, который былъ отвезенъ въ тотъ же дворецъ съ дѣвицею Менгденъ, тамъ разставили повсюду часовыхъ...

Еще приказано было арестовать и перевезти въ прежній дворецъ императрицы гр. Остермана и фельдмаршала Миниха, съ которыми солдаты обошлись жестоко: съ первымъ за то, что онъ оборонялся противъ нихъ, а со вторымъ — изъ давнишней ненависти, которую питала къ нему армія. Президентъ баронъ Менгденъ съ женою были ужасно оскорблены по случаю сопротивленія ихъ гренадерамъ. Ихъ отвезли въ тотъ же дворецъ...

Все это происходило безъ шума и въ такомъ порядкѣ, что въ 8 часовъ утра немногіе изъ обывателей города знали о чрезвычайной перемѣнѣ, происшедшей въ минувшую ночь.

Императрица сама дала знать о случившемся знатнѣйшимъ семействамъ въ городѣ, и въ короткое время дворецъ напол-

нился толпою знатныхъ лицъ обоего пола, которые представлялись новой государынѣ.

Сначала она созвала совѣтъ... Тамъ составлена новая форма присяги, ее подписала императрица и отправила съ курьерами во всѣ области государства...

(Изъ письма отъ 17-го Декабря). Войска и народъ, къ которымъ она показалась съ балкона, выразили такую радость, что лица, жившія въ Петербургѣ лѣтъ съ тридцать, признаются, что подобной не видали ни при какомъ другомъ случаѣ. Гвардейцы, по рядамъ которыхъ она хотѣла пройтись, несмотря на жестокую стужу, выразили за то свою признательность тысячью радостныхъ восклицаній. Этотъ восторгъ, который былъ всеобщимъ, увеличивался еще отъ надежды на скорое заключеніе мира, надежды, возбужденной чтеніемъ гвардейцамъ манифеста, который недавно былъ распространенъ шведами. Тотчасъ, по возвращеніи въ свои покои, царица начала принимать дамъ. Было около двухъ часовъ, какъ онѣ удалились. Фрейлины царскаго величества, по ея приказанію, служили до той поры принцессѣ брауншвейгской и проводили съ нею время. Такъ какъ онѣ были обязаны слѣдовать за царицей, то принцесса брауншвейгская велѣла напомнить ей, что она обѣщала оставить при ней для утѣшенія дѣвицу Менгденъ, почему и просила не разлучать ее болѣе съ нею. Царица велѣла сказать, что принцесса совершенно вольна въ этомъ и даже можетъ назначить число лицъ, которыхъ пожелаетъ оставить при себѣ для услугъ; при чемъ просила быть увѣренною, что ей не будетъ отказано ни въ чемъ, что бы могло служить для ея успокоенія. Послѣ того царица тотчасъ же отправилась въ зимній дворецъ. Войска окаймляли улицы, воздухъ повсюду наполнялся криками виватъ; гренадеры, товарищи ея подвига, окружали ея сани съ гордою увѣренностью и съ неописаннымъ восторгомъ. Всѣ окна были наполнены множествомъ народа.

Какъ только царица прибыла во дворецъ, тѣ же гренадеры наперерывъ одинъ передъ другимъ заняли всѣ его входы. Тѣ, которые стояли на караулѣ, никакъ не допускали потомъ смѣнять себя. Послѣ короткаго отдохновенія, царица отправилась въ церковь для присутствованія на молебнѣ. При отъѣздѣ туда, къ ней пристали всѣ Преображенскіе гренадеры: «Ты матушка, говорили они, видѣла, съ какимъ усердіемъ мы по-

могали твоему справедливому дѣлу: за это мы просимъ только одной награды — объяви себя капитаномъ нашей роты, и пускай мы первые присягнемъ тебѣ на вѣчную вѣрность». На эту просьбу было тотчасъ же соизволено и вызвало у гренадеръ полное одобреніе (un applaudissement général)!..

Фельдмаршалъ Минихъ, гр. Остерманъ и баронъ Менгденъ, какъ болѣе преступные и виновные, въ 6 часовъ переведены были въ крѣпость. Предъ тѣмъ лишили ихъ всѣхъ орденовъ, которыми были они награждены..

I. де-ла-Шетарди.

2.

(Изъ донесеній) 9Декабря...Всѣ мы чужеземцы, живемъ здѣсь постоянно между страхомъ и надеждою, такъ какъ отъ солдатъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе наглыми, слышны только угрозы, и надобно приписать Провидѣнію, что до сихъ поръ не обнаружились ихъ злыя намѣренія. 12 Декабря: многіе офицеры и знатные показываютъ тайно полное недовольство. Все дѣло было начато чернью, и не достаточно цѣлой тетради для описанія наглости ея, и потому мы, бѣдные иноземцы, трепещемъ и дрожимъ здѣсь, особенно когда извѣстно, что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвышенные. 23 Декабря: гвардейцы, и въ особенности гренадеры, которые еще не отрезвились почти отъ сильнаго пьянства, предаются множеству крайностей. Подъ предлогомъ поздравленій съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, ходятъ они по домамъ и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ, или въ томъ, чего они пожелаютъ. Одинъ солдатъ, смѣненный съ караула и хотѣвшій на возвратномъ пути купить въ рынкѣ деревянную посуду, застрѣлилъ на мѣстѣ русскаго продавца, который медлилъ уступить ему ее за предложенную цѣну. Не говорю уже о другихъ насиліяхъ, въ особенности противъ нѣмцевъ.

Пецольдъ.

СОЛДАТЫ ВО ДВОРЦѢ 25 НОЯБРЯ 1741 ГОДА.

Испросивъ разрѣшеніе отъ генералъ-аншефа де-Любраса отправиться въ Петербургъ, я, въ сопровожденіи четырехъ надежныхъ матросовъ, добрался по нетвердому льду, пѣшкомъ, перекидывая доски черезъ трещины, до Ораніенбаума. Когда я отъѣхалъ отъ Петергофа, то послышалась пальба въ Петербургѣ, прекратившаяся лишь при приближеніи къ Калинкиной (sic). Подъѣхавъ къ императорскому дворцу, я былъ пораженъ звуками флейтъ и барабановъ. Я приписалъ эту музыку военнымъ забавамъ генералиссимуса, но скоро убѣдился въ своей ошибкѣ. Вошедъ въ квартиру моего зятя, я засталъ тамъ съ дюжину Преображенскихъ гренадеръ, стоявшихъ на колѣнахъ (tous á jenoux). Одинъ изъ нихъ, назвавъ меня братомъ, сказалъ: выпьемъ-ка за здоровье нашей матушки-императрицы Елизаветы! Догадываясь о совершившемся переворотѣ и не желая возбуждать подозрѣнія, я также опустился на колѣна и, дѣлая видъ, что пью, сталъ кричать за одно съ компаніей: да здравствуетъ Елизавета! Осушивъ до 20 бутылокъ вина и проглотивъ по большому стакану водки, Преображенцы поднялись и стали просить денегъ на угощеніе ихъ женъ и дѣтей за здоровье матушки-императрицы. Мой зять далъ имъ 5 рублей, но они потребовали больше. Тогда я рѣшительнымъ тономъ объявилъ имъ, что у интенданта нѣтъ времени, что я пришелъ отъ императрицы съ приказаніемъ ему тотчасъ же явиться къ ея величеству. Они повѣрили моей выходкѣ и удалились. Мои мать и зять, узнавъ, что я только что прибылъ изъ Кронштадта, сообщили мнѣ, что принцесса Елизавета, не болѣе какъ часъ назадъ, вступила на престолъ, и пригласили меня идти съ ними во дворецъ, чтобы взглянуть, что́ тамъ происходитъ. Большой залъ дворца былъ полонъ Преображенскими гренадерами. Большая часть ихъ были пьяны; одни, прохаживаясь, пѣли пѣсни (не гимны въ честь Государыни, но неблагопристойные куплеты); другіе, держа въ рукахъ ружья и растянувшись на полу, спали. Царскіе апартаменты были наполнены простымъ народомъ обоего пола. Не мало удивило меня встрѣтить здѣсь Лестока, врача, находившагося на жалованьѣ при моемъ отцѣ, фамиліярно разговаривавшимъ съ ея величествомъ. Императрица

сидѣла въ креслѣ, и всѣ, кто желалъ, даже простые бурлаки и женщины съ ихъ дѣтьми, подходили цѣловать у нея руку...

Моя сестра замѣтила мнѣ, что гг. гренадеры не забыли взять съ собою изъ дворца золотые часы, висѣвшіе около зеркала, два серебряныхъ шандала и золотой футляръ (etui).

Неизвѣстный авторъ „Превратностей судьбы“.

ПРИГОВОРЪ ВРАГАМЪ ЕЛИЗАВЕТЫ.

(Донесеніе). Уже рано утромъ 29 Января (н. с. 1742 г.) заключенные были привезены изъ крѣпости въ одно изъ боковыхъ зданій сената. Около 10 час. ихъ начали выводить одного за другимъ. Впереди и позади каждаго шли гренадеры съ примкнутыми штыками. Прежде всѣхъ везли на крестьянскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, Остермана, потому что онъ, по слабости, много лѣтъ не владѣлъ ногами. Голова его поверхъ парика была прикрыта подбитою снизу дорожною шапкою, тѣло завернуто въ старую, до ногъ доходившую красную шубу на лисьемъ мѣху — это была его обычная одежда, въ какой его видали всегда въ рабочей комнатѣ. За нимъ пѣшкомъ слѣдовалъ фельдмаршалъ Минихъ, вице-канцлеръ гр. Головкинъ, баронъ Менгденъ, оберъ гофмаршалъ гр. Левенвольдъ и недалеко за ними недавно пожалованный въ (дѣйствительные) статскіе совѣтники, русскій Темирязевъ...

Когда государственныхъ преступниковъ собрали въ кружокъ, то Остермана повели четыре солдата на эшафотъ, и посадили на плохой деревянный стулъ. Остерманъ обнажилъ голову и секретарь сената прочелъ приговоръ (обвиненные узнаютъ содержаніе его только на лобномъ мѣстѣ). Тамъ значилось, что Остерманъ лишается головы и будетъ колесованъ. Съ хладнокровнымъ выраженіемъ въ лицѣ слушалъ онъ это; только при чтеніи по временамъ онъ взглядывалъ на небо и тихимъ движеніемъ головы давалъ знать о своемъ изумленіи. Потомъ солдаты повалили его на землю внизъ лицомъ, а палачъ обнажилъ шею и положилъ на плаху. Между тѣмъ, какъ одинъ держалъ голову за волоса, другой вынималъ изъ мѣшка топоръ. Остерманъ протянулъ обѣ руки передъ собою, но по окрику одного солдата долженъ былъ ихъ поджать подъ себя

крестообразно. Когда уже былъ онъ готовъ къ смертному удару, то сенатскій секретарь вынулъ другую бумагу и прочелъ въ короткихъ словахъ: «Богъ и императрица дарятъ тебѣ жизнь»! Солдаты и палачи снова подняли его, снесли съ эшафота и положили на сани.

Близъ стоявшіе не замѣтили въ продолженіи этого страшнаго зрѣлища никакой перемѣны въ посѣдѣвшемъ государственномъ мужѣ, только въ то мгновеніе, когда его клали на плаху, у него тряслись нѣсколько руки. Его до тѣхъ поръ держали въ кругу, пока прочимъ, которыхъ не взводили на подмостки, прочитали приговоры.

Гр. Головкинъ и баронъ Менгденъ, боязливо закрывшіе верхнею одеждею лицо до глазъ, выказали много малодушія. Графъ Левенвольдъ, несмотря на внутреннюю скорбь и видимые слѣды едва сносимой болѣзни, поддерживалъ свое обычное хладнокровіе и любезность. Фельдмаршалъ Минихъ выказывалъ достойное удивленія безстрашіе, твердость и гордую осанку. Его перваго вывели изъ круга и въ императорскомъ придворномъ возкѣ, въ сопровожденіи четырехъ гренадеръ, отвезли въ крѣпость. За нимъ слѣдовалъ въ своихъ извощичьихъ саняхъ Остерманъ, а потомъ въ такихъ же — наиболѣе убитый гр. Головкинъ. Гр. Левенвольдъ, баронъ Менгденъ и Темирязевъ были сначала препровождены въ сенатъ.

Солдаты, сопровождавшіе Остермана, Миниха, Головкина и Левенвольда, не были въ состояніи скрывать чувства горести. Чтобы выказать имъ свое почтеніе, они по народному обычаю называли, обращаясь къ нимъ, «батюшкою» и старались выразить имъ свое состраданіе утѣшительными словами.

Пецольдъ.

Придворная жизнь.

ШУТКА ЕКАТЕРИНЫ I.

1725 г. Апрѣля 1. На разсвѣтѣ, ея величество императрица, для шутки, приказала ударить въ набатъ, который многихъ жителей города ввелъ въ обманъ и познакомилъ съ первымъ Апрѣля. Но я не хвалю такія шутки, потому что это не обходится безъ сильнаго испуга для иныхъ, которые пробуждаются отъ сна и не могутъ знать, близко или далеко отъ нихъ мнимый пожаръ.

Ф. Берхгольцъ.

ПРАЗДНИКИ ПРИ ДВОРѢ АННЫ ІОАННОВНЫ.

(Изъ писемъ). С.-Петербургъ, 1733 г... Теперь у меня есть время и случай описать вамъ Дворъ; начну съ Царицы: она почти моего росту, но нѣсколько толще, съ стройнымъ станомъ, смуглымъ, веселымъ и пріятнымъ лицомъ, черными волосами и голубыми глазами. Въ тѣлодвиженіяхъ показываетъ какую-то торжественность, которая васъ поразитъ при первомъ взглядѣ; но когда Она говоритъ, на устахъ играетъ улыбка, которая чрезвычайно пріятна. Она говоритъ много со всѣми и съ такою ласковостію, что кажется, будто вы говорите съ кѣмъ-то равнымъ. Впрочемъ она ни на одну минуту не теряетъ достоинства Монархини; кажется, что Она очень милостива и думаю, что Ее бы назвали пріятною и тонкою женщиною, еслибъ она была частнымъ лицомъ.

Китайцы по очертанію лица весьма походятъ на Татаръ. Въ тотъ день, какъ имъ давали аудіенцію (это было поутру)

при дворѣ былъ балъ. Когда собрались гости, то они, вошедши въ залъ съ своими переводчиками, казалось, замѣчали всякую бездѣлицу съ любопытствомъ явныхъ невѣждъ. Ея Величество спросила у главнаго изъ нихъ (ихъ было тутъ трое): «какая дама здѣсь прелестнѣе всѣхъ»? Онъ отвѣчалъ: «смотря на небо въ звѣздную ночь, можно ли сказать, которая звѣзда болѣе блеститъ?» Но видя, что Императрица желаетъ рѣшительно знать, кого онъ предпочтетъ, онъ вѣжливо поклонился Великой Княжнѣ Елизаветѣ и сказалъ: «изъ числа всѣхъ этихъ прелестныхъ дамъ, я почитаю эту прекраснѣйшею, и еслибъ только у нея были не такъ велики глаза, то никто бы не могъ взглянуть на нее, и послѣ жить». Во всякой странѣ свои понятія о красотѣ; по нашему вкусу у Великой Княжны прекраснѣйшіе глаза. Ея Величество спросила Посла: «изъ всего того, что ты здѣсь видишь, что болѣе всего поражаетъ тебя несходствомъ съ обыкновеніями твоей страны?»—«Видѣть женщину на престолѣ», отвѣчалъ онъ. Послѣ этого они введены въ придворный маскарадъ, и когда спросили ихъ, не кажется ли имъ это страннымъ? они отвѣчали: «Нѣтъ, потому что для насъ здѣсь все маскарадъ».

С.-Петербургъ, 1734 г. Недавно былъ день рожденія Императрицы; въ этотъ день дворецъ украшается ежегодно всѣмъ, что производитъ природа. Нынче торжество происходило въ новой залѣ, которая гораздо шире Виндзорской залы Св. Георгія. Такъ какъ въ этотъ день было холодно, то залу натопили, потомъ украсили миртовыми и померанцевыми деревьями, на которыхъ лишь вполнѣ распустились цвѣты. Деревья разставлены были рядами и образовали съ двухъ сторонъ аллеи; средина залы оставлена была для танцевъ. Утомленные гости часто уходили въ густоту деревъ, садились кругами, не бывъ безпокоимы взорами Государыни; красота, благовоніе и прохладная теплота этого удивительнаго сада, возникшаго вдругъ среди снѣга и льда, казалась волшебствомъ и располагала душу къ какой-то мечтательности; въ уединенныхъ аллеяхъ мы пили кофе, чай и другіе прохладительные напитки. Воротившись въ средину залы мы были поражены музыкою; начались танцы, аллеи наполнились красивыми юношами и прелестными женщинами. Во время всего праздника вмѣсто пастушковъ и нимфъ

Аркадскихъ, я воображала себѣ сцены изъ «Подземнаго царства» и «Мечты лѣтней ночи» Шекспира, да представятся и вамъ эти поэтическіе образы, какъ представлялись мнѣ.

С.-Петербургъ, 1734 г. Вы... требуете, чтобъ я описала вамъ праздники по случаю взятія Данцига, несмотря на то, что они прошли весьма давно; въ самомъ дѣлѣ теперь уже на дворѣ очень холодно, тогда было еще жарко; потому торжество происходило въ лѣтнемъ саду. Дамы одѣты были въ накрахмаленныя бѣлыя газовыя платья, вышитыя цвѣтами, но чехлы были всевозможныхъ цвѣтовъ, кому какой нравился; я съ удовольствіемъ вспоминаю описаніе одной дѣвицы, сдѣланное мнѣ молодымъ человѣкомъ; не зная, какъ назвать его по имени, онъ сказалъ мнѣ: «celle-là avec le cotillon rouge». Волосы были у всѣхъ естественные, только немного подстрижены и завиты въ большіе локоны и съ букетами цвѣтовъ. Императрица и Императорская фамилія кушала въ гротѣ противу длинной аллеи, оканчивающейся фонтаномъ и заключенной съ обѣихъ сторонъ изгородью изъ высокаго Голландскаго вяза; во всю длину аллеи, отъ самаго грота, тянулись столы; надъ ними возвышалась палатка изъ зеленой шелковой матеріи, которая опиралась на пилястры, обвитые и увѣшанные цвѣтами. Между пилястрами въ нишахъ загородки по обѣимъ сторонамъ столовъ помѣщался буфетъ, съ одной стороны тарелки, съ другой фарфоръ. Кто-нибудь изъ кавалеровъ получалъ билеты, потомъ мужчины садились съ дамами за столъ безъ порядка такъ, что кавалеры и дамы сидѣли по обѣимъ сторонамъ. За столомъ было до 300 человѣкъ, 600 тарелокъ нужно было для одной перемѣны, перемѣнъ было двѣ и десертъ. Послѣ обѣда общество раздѣлилось; всѣ разошлись гулять по саду; и собрались уже тогда, когда подъ вечеръ стало холодно и садъ запылалъ огнями иллюминаціи; балъ открытъ былъ въ той же палаткѣ, въ которой обѣдали. Иллюминованныя пилястры представляли прекрасную картину. Музыканты стояли позади изгороди; можно было подумать, что богиня этой рощи принимала участіе въ нашемъ веселіи.

С.-Петербургъ, 1735 г. Вы весьма любопытны и такъ любите странности, что мнѣ никогда бы не простили, еслибъ я не

описала вамъ новой забавы, занимавшей Дворъ нынѣшнею зимою. Это ледяная гора, построенная съ верхняго дворцоваго этажа на дворъ. Она довольно широка, такъ что по ней можетъ спуститься коляска, и имѣетъ по обѣимъ сторонамъ небольшіе борты. Ея устройство слѣдующее: сначала сколочены были доски, которыя поливали водою, пока, наконецъ, вся отлогость не покрылась льдомъ значительной толщины. Придворныя дамы и кавалеры садятся въ санки, спускаются съ верху горы и несутся внизъ съ быстротою птицы. Иногда санки случайно сталкиваются одни съ другими, тогда катающіеся опрокидываются и это всѣмъ, какъ можете представить, доставляетъ смѣхъ. Всякій, кто имѣетъ входъ ко двору, долженъ *кататься*— такъ они называютъ забаву, и къ счастію никто еще не сломалъ себѣ шеи. Я была объята ужасомъ, когда мнѣ должно было итти на это опасное увеселеніе, потому, что боялась сломать себѣ шею... Пришедъ къ горѣ я стояла нѣсколько времени въ надеждѣ, что кто-нибудь сломалъ бы себѣ руку и тѣмъ остановилъ бы забаву, но, наконецъ, дошла очередь и до меня. Кто-то сказалъ: «Вы еще ни однажды не катились», вдругъ всѣ мои знакомые явились ко мнѣ съ своими услугами. Я едва не умерла, услышавъ такое предложеніе, но Ея Величество сказала, что теперь она (т.-е. я) не можетъ и такимъ образомъ меня обошли.

С.-Петербургъ, 1737 г. Я уже описала вамъ людей, управляющихъ внутренними и внѣшними дѣлами государства; остальное есть ничто иное, какъ дополненіе, и состоитъ, какъ и при всѣхъ дворахъ, изъ военныхъ и собственно придворныхъ чиновниковъ, хотя здѣсь существуетъ большее различіе между этими двумя классами, нежели при другихъ дворахъ. Первые вообще дики и грубы, всегда во фронтѣ, безъ ласковости во взорахъ и пріятности въ пріемахъ; всё это рождаетъ понятіе объ ужасномъ ремеслѣ ихъ званія. Они, кажется, назначены составлять мебель для залы; хотя надобно имъ отдать справедливость, они своими поступками никогда не оправдывали того, къ чему ихъ назначаютъ. Другой классъ напротивъ состоитъ изъ тѣхъ *отличныхъ людей*, которые весьма обыкновенны и хорошо одѣты. Въ одномъ письмѣ я описывала вамъ одну забаву, и именно катанье съ горы, отъ которой, какъ вы

можетъ быть, думаете, мы сдѣлались канатными танцовщицами и шутихами. Теперь мы сдѣлались, кажется, драгунами, именно съ тѣхъ поръ, какъ при дворѣ главною забавою сдѣлалось стрѣлянье въ цѣль и бѣганье. Отъ этого я уже не могла отговориться, какъ отъ катанья; когда я выстрѣлила, мнѣ сказали, что я попала въ цѣль, тогда какъ я дрожала всѣмъ тѣломъ и не смотрѣла впередъ. Но при всей своей трусости, я еще могу увѣрить, что нѣкоторые изъ тѣхъ отличныхъ людей, о которыхъ я выше говорила, кажется, боялись больше меня, и я смѣю сказать, что, еслибъ дамы исключены были отъ этой забавы, то они съ радостію отдали бы свои сюртуки первой женщинѣ, которая бы захотѣла помѣняться съ ними своимъ платьемъ.

Леди Рондо.

ДЕНЬ ВО ДВОРЦѢ ПРИ АННѢ ІОАННОВНѢ.

1738 г., іюня 16 дня Мануила, Савелія и Измаила.

Божіею милостію и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы и повеленіемъ ея императорскаго величества приведена была во дворецъ лѣтній и привели меня въ дежурную къ Андрею Ивановичу Ушакову, а его превосходительство велѣлъ меня проводить черезъ садъ въ покои, гдѣ живетъ княгиня Аграѳена Александровна Щербатая, и, какъ шла садомъ, стоялъ лакей на дорогѣ и спросилъ: не вы ли Филатовна? И я о себѣ сказала: я. И взялъ меня лакей и довелъ меня до крыльца передъ опочивальнею и привелъ къ княгинѣ. Княгиня пошла и доложила обо мнѣ, и изволила ея императорское величество прислать Анну Ѳедоровну Юшкову: «не скучно-ль тебѣ, Филатовна, посиди», и посадила со мною отъ скуки говорить Анну Ѳедоровну Волкову, полковницу. А какъ пришло время обѣдать, посадили меня за столъ съ княгинею Голицыною, съ полковницею Анною Васильевною, съ Прасковьею Дмитріевною Колышкиною, съ Акулиною Васильевною, съ Марьею Михайловною Возницыною, съ каморъ-юнфорою Матреною Евтифѣевною, съ Маргаритою Ѳедоровною, съ матерью Александрою Григорьевною,—а иныхъ и не упомню.

А какъ пришелъ часъ вечерни, изволила ея величество прислать Анну Ѳедоровну Юшакову: «ночуй де у меня, Филатовна!»

И я сказала: «воля ея императорскаго величества». А какъ изволила откушать ввечеру и изволила раздѣться, то меня княгиня привела въ почивальную предъ ея величество, и изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшилась: взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было. И изволила привесть меня къ окну и изволила глядѣть мнѣ въ глаза, сказала: «старая очень, никакъ какъ была, Филатовна— только пожелтѣла». И я сказала: «уже, матушка, запустила себя: прежде пачкавалась бѣлилами; брови марала, румянилась». И ея величество изволила говорить: «румяниться ненадобно, а брови марай». И много тѣшилась и изволила про свое величество спросить: «старая я стала, Филатовна»? И я сказала: «никакъ, матушка, ни маленькой старинки въ вашемъ величествѣ»! — «Какова же я толщиною съ Авдотью Ивановну»? И я сказала: «нельзя, матушка, смѣнить ваше величество съ нею, она вдвое толще». Только изволила сказать: «вотъ, вотъ, видишь ли»! А какъ замолчу, что изволитъ сказать: «ну, говори, Филатовна»! И я скажу: «не знаю что, матушка, говорить; душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть». И ея величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться: «поди ко мнѣ поближе». И мнѣ стала ея величества милость и страшна и мила, упала передъ ножками въ землю и цѣлую юпочку. А ея величество тѣшится: «подымите ее». А княгиня меня тащитъ за рукавъ кверху, я и пуще не умѣю встать. И такъ моя матушка свѣтла была, что отъ радости ночью плакала и спать не могла. «Ну, Филатовна, говори»! «Не знаю, матушка, что говорить». — «Разсказывай про разбойниковъ»! Меня уже горе взяло: «я, молъ, съ разбойниками не живала». И изволила приказывать, что я дѣлаю, скажи Авдотьѣ Ивановнѣ. И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла къ себѣ, а княгиня живетъ передъ почивальнею. А поутру опять меня привели въ почивальную предъ ея величество въ десятомъ часу, и первое слово изволила сказать: «чаю, тебѣ не мягко спать было»? И опять упала въ землю предъ ея величество, и изволила тѣшиться: «подымите ее; ну, Филатовна, разсказывай»! И я стала говорить: «вчерася, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась: сердце все во мнѣ трепетало». И ея величество тѣшилась: «а нынѣча что»? «А сегодня, матушка, къ причастью готовилась». И такъ изволила моя матушка свѣтла быть, что

сказать не умѣю. «Ну, Филатовна, говори»! И я скажу: «не знаю уже что говорить, всемилостивая». — «Гдѣ твой мужъ и у какихъ дѣлъ»? И я сказала: «въ селѣ Дѣдиновѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ, управителемъ». Матушка изволила вспамятовать: «вы де были въ новогордскихъ»? — «Тѣ молъ, волости, государыня, отданы въ Невской монастырь». «Гдѣ жъ де вамъ лучше въ новгородскихъ или въ коломенскихъ»? И я сказала: «въ новгородскихъ лучше было, государыня». И ея величество изволила сказать: «да, для тебя не отъимать ихъ стать. А гдѣ вы живете, богаты-ли мужики»? — «Богаты, матушка». — «Для чего жъ вы отъ нихъ не богаты»? — «У меня, молъ, мужъ говоритъ, всемилостивѣйшая государыня, какъ я лягу спать ничего не боюся, и подушка въ головахъ не вертится». И ея величество изволила сказать: «эдакъ лучше, Филатовна: не пользуетъ имѣнія въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти». И я въ землю поклонилася. А какъ замолчу, изволитъ сказать: «Ну, Филатовна, говори»! И я скажу: «матушка, уже все высказала». — «Еще не все: скажи-тко стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ»? — «Видѣла я, государыня, князь Алексѣй Михайловичъ учитъ княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ». — «Попадаетъ ли она»? — «Иное, матушка, попадаетъ, а иное кривенько». — А птицъ стрѣляетъ ли»? — «Видѣла, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрѣлила въ крыло, и голубь ходилъ на кривобокъ, а въ другой разъ уже пристрѣлила». — «А другія дамы стрѣляютъ ли»? — «Не могу, матушка, донесть, не видывала». Изволила мать моя милостиво разспрашивать, покамѣстъ кушать изволила. А какъ убраться изволила, то пожаловала меня къ ручкѣ: «прости, Филатовна, а я опять по тебя пришлю: поклонись Григорью Петровичу, Авдотьѣ Ивановнѣ». И изволила приказать Аннѣ Ѳеодоровнѣ Юшковой: «вели отвесть Филатовну на верейкѣ лакеямъ, да и проводить». И пожаловала мнѣ сто рублевъ; изволила сказать: «А де помню село Дѣдиново: съ матушкою ѣздила молиться къ Миколѣ». А я молвила: «нутко молъ, матушка, нынѣ пожалуй къ Миколѣ-та чудотворцу помолиться». И ея величество изволила сказать: «молись Богу, Филатовна, какъ миръ будетъ». И изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: «и погляди, Филатовна, моихъ птицъ». И какъ привели меня въ садъ, и ходятъ двѣ птицы величиною и отъ копытъ

вышиною съ большую лошадь, копыты коровьи, колѣнки лошадиныя, бедры лошадиныя, а какъ подымешь крыло — бедры голы, какъ тѣло птичье, а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или восемь, длинняя лебяжьей; головка гусиная и носокъ меньше гусинаго; а перье на ней такое, что на шляпахъ носятъ. И какъ я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: какъ та ихъ зовутъ, то остановилъ меня лакей: «постой». И побѣжалъ отъ меня во дворецъ и прибѣжа ко мнѣ возвратно: «изволила государыня сказать: эту птицу зовутъ строкофамиль; она де яицы тѣ несетъ, что въ церквахъ по паникадиламъ привѣшиваютъ».

Н. Шестакова.

СВАДЬБА ВЪ ЛЕДЯНОМЪ ДОМѢ.

(Письмо $\frac{\text{1-го Марта}}{\text{19-го Февраля}}$ 1740 года). Только въ этой одной странѣ можно увидѣть такую забаву, какую доставила царица 17 Февраля. Одинъ князь Голицынъ, пажъ ея величества, подалъ къ тому поводъ, хотѣвъ вступить въ неравный бракъ. Дѣло шло о преданіи осмѣянію подобной свадьбы. Съ этою цѣлью выписали лапландцевъ, самоѣдовъ, калмыковъ, казаковъ. Всѣ они въ маскарадномъ платьѣ, въ поѣздѣ изъ 200 лицъ, предшествовали или слѣдовали за молодыми, которые сидѣли въ клѣткѣ на слонѣ. Одни ѣхали въ телѣгахъ, запряженныхъ волами, другіе въ одноколкахъ на кабанахъ, свиньяхъ, козахъ и собакахъ. Лапландцы и самоѣды отличались своими одеждами изъ оленьихъ кожъ и санями, заложенными оленями. Манежъ герцога былъ устланъ досками, и здѣсь-то былъ приготовленъ ужинъ для всего поѣзда. Новобрачные сидѣли на отдѣльныхъ столахъ съ ихъ посаженными отцами и матерями. За угощеніемъ слѣдовалъ балъ, на которомъ каждое племя танцевало отдѣльно. Потомъ повели молодыхъ въ ледяной домъ, воздвигнутый около дворца. Въ немъ была передняя, налѣво спальня, въ которой постель, занавѣсы, туалетъ, туфли и чепцы супруговъ были также изъ льда; направо — пріемная комната съ ледяными: столомъ, стульями, шкафами, стѣнными часами и картами... Куски льда и по своей величинѣ, и по способу, которымъ соединялись между собою, походили на самый лучшій обтесанный камень.

Всего удивительнѣе то, что фасадъ дома былъ украшенъ восемью ледяными пушками на лафетахъ и, при стрѣльбѣ изъ нихъ, онѣ выдерживали заряды въ три четверти фунта пороха. Большею частью этого зрѣлища я могъ наслаждаться изъ моихъ оконъ, около которыхъ проходилъ этотъ поѣздъ. Царица присутствовала на ужинѣ и балѣ — это было малѣйшее вознагражденіе, которое она могла себѣ доставить, издержавъ на такое развлеченіе около 30 тыс. рублей. Волынскій, министръ кабинета, былъ его учредителемъ...

Забава, которую я сейчасъ описалъ, вызвана не столько желаніемъ тѣшиться, сколько несчастною для дворянства политикою, которой всегда слѣдовалъ этотъ дворъ... Подобными дѣйствіями напоминаютъ отъ времени до времени знатнымъ этого государства, что ихъ происхожденіе, достояніе, почести и званія, которыми ихъ удостоиваетъ государь, ни подъ какимъ видомъ не защищаютъ ихъ отъ малѣйшаго произвола властителя, а онъ, чтобы заставить себя любить, бояться и опасаться, въ правѣ повергать своихъ подданныхъ въ ничтожество, которое имъ никогда не было извѣстно прежде.

марк. *I. де-ла-Шетарди.*

2.

До тогожъ 1740 году была куріозная свадьба. Женился князь Голицынъ, который тогда имѣлъ новую фамилію *Квасникъ*, для которой свадьбы собраны были всего государства разночинцы и разноязычники, самаго подлаго народа, то-есть: Вотяки, Мордва, Черемисы, Татары, Калмыки, Самоѣды и ихъ жены, и прочіе народы съ Украины и слѣдующіе стопамъ Бахусовымъ и Венериным, въ подобномъ тому убранствѣ, и съ крикомъ для увеселенія той свадьбы. А ѣхали мимо дворца. Женихъ съ невѣстой сидѣли въ сдѣланной нарочно клѣткѣ, поставленной на слонѣ, а прочій свадебной поѣздъ вышеописанныхъ народовъ, съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, слѣдовалъ на оленяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ. Такожъ куріозныя были сдѣланы сани, на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторыя во образѣ птицъ странныхъ. А подклѣтъ молодыхъ былъ въ вышеупомянутомъ ледяномъ домѣ, которой сдѣланъ былъ въ знакъ отмѣнной отъ другихъ зимъ весьма студеной зимы; но при томъ ледяномъ

домѣ, для оной свадьбы и молодого съ молодою, сдѣлана была льдяная баня. На подобіе бревенъ оточенъ былъ ледъ и съ углами, какъ бревенчатому быть надлежитъ; внутри печь съ каменкою; вмѣсто каменья, оточеной ледъ; полки и лавки, и принадлежащая къ банѣ посуда, все льдяное... Баню затопили соломою. Однимъ словомъ, оная свадьба была убрана великимъ куріозомъ, что̀ было всѣмъ во удивленіе. Поѣздъ страннымъ убранствомъ ѣхалъ такъ, что весь народъ могъ видѣть и веселиться довольно, а поѣзжане каждой показывалъ свое веселье, гдѣ у котораго народа какія веселья употребляются, въ томъ числѣ города Твери ямщики оказывали весну разными высвистами по птичью. И весьма то было во удивленіе, что въ поѣзду, при великомъ отъ поѣзжанъ крикѣ, слонъ, верблюды и весь упоминаемый выше сего необыкновенной къ ѣздѣ звѣрь и скотъ, такъ хорошо служили той свадьбѣ, что нимало во установленномъ порядкѣ помѣшательства не было.

В. Нащокинъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГВАРДІИ ИЗЪ ПОХОДА.

Въ началѣ 1740 года, Генваря 26 дня, лейбъ-гвардія, по прибытіи изъ Турецкихъ походовъ, имѣла походъ въ С.-Петербургъ, которую велъ гвардіи подполковникъ Густавъ фонъ-Бирон. Штабъ и оберъ-офицеры, такъ какъ были въ войнѣ, шли съ ружьемъ, со примкнутыми штыками; шарфы имѣли подпоясаны; у шляпъ, сверхъ бантовъ, за поля были замкнуты кукарды лавроваго листа, чего ради было прислано изъ дворца довольно лавроваго листа, для дѣланія кукардовъ къ шляпамъ: ибо въ древнія времена Римляне, съ побѣды, входили въ Римъ съ лавровыми вѣнками! И было учинено въ знакъ того древняго обыкновенія, что съ знатною побѣдою надъ Турками возвратились. А солдаты такія-жъ за полями примкнутыя кукарды имѣли, изъ ельника связанныя, чтобы зелень была.

Маршъ начался отъ Московской Ямской ко дворцу. Тогда, во весь маршъ, съ начала зимы, чрезвычайные морозы были, паче обыкновенныхъ зимъ, и тотъ день, какъ былъ входъ, былъ морозъ и зѣло съ жестоко-проницательнымъ вѣтромъ. И оной маршъ продолжался мимо дворца; а противъ дворца, къ Адмиралтейству, сдѣланъ былъ, въ знакъ студеной зимы, ле-

дяной домъ высокою работою и съ преизрядными въ немъ фигурами, и около онаго поставлены были пушки, мортиры, все ледяное, и сдѣланъ былъ льдяной слонъ, что весьма была куріозная фигура. И мимо того дома походная гвардія маршировала и, обшедъ по берегу Невы рѣки кругомъ дворца, у дворцовыхъ воротъ свернули знамена и распустили по квартирамъ, а штабъ и оберъ-офицеры позваны ко двору, и какъ пришли во дворецъ, при зажженіи свѣчъ, ибо цѣлой день въ той церемоніи продолжались, тогда Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, въ срединѣ галлереи изволила ожидать. И какъ подполковникъ со всѣми въ галлерею вошедъ, нижайшій поклонъ учинили, Ея Императорское Величество изволила говорить сими словами: «Удовольствіе имѣю благодарить лейбъ-гвардію, что будучи въ Турецкой войнѣ, въ надлежащихъ диспозиціяхъ, господа штабъ и оберъ-офицеры тверды и прилежны находились, о чемъ я чрезъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха и подполковника Густава Бирона извѣстна, и будете за свои службы не оставлены».

Выслушавъ то монаршеское слово, паки нижайше поклонились и жалованы къ рукѣ, и Государыня изъ рукъ своихъ изволила жаловать каждаго Венгерскимъ виномъ по бокалу, и съ тѣмъ высокомонаршескимъ пожалованіемъ отпущены. И тогожъ Генваря 27 дня объявленъ былъ, къ вечеру, Турецкой миръ, и палили изъ пушекъ; а 28 и 29 чиселъ, всѣ походные штабъ и оберъ-офицеры трактованы во дворцѣ богато за убранными столами, и по два дни обѣдали и потчиваны довольно; въ 30 же число соизволила Государыня всемилостивѣйше указать всѣмъ прибывшимъ изъ похода Турецкаго гвардіи унтеръ-офицерамъ и капраламъ ко двору быть, и жалованы къ рукѣ, и оные, за тоё военную службу отъ своего Государя Монарха получили благодареніе и указано оныхъ потчивать гофмаршалу Шепелеву.

В. Нащокинъ.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

(Письмо $\frac{\text{1-го Марта}}{\text{19-го Февраля}}$ 1740 года). 22-го числа я былъ и ѣздилъ верхомъ въ манежъ, въ мундирѣ, о которомъ царица сдѣлала мнѣ честь говорить. Лишь только она меня увидѣла, то выразила свое удовольствіе за такую внимательность. По-

томъ она меня спросила, не хочу ли я, если не видалъ пляски разныхъ племенъ, придти въ полдень во дворецъ, такъ какъ они соберутся тамъ, чтобы проститься съ нею? Мнѣ оставалось только выполнить такое любезное приглашеніе. И такъ я былъ свидѣтелемъ плясокъ и музыки, столько же странныхъ, сколько и новыхъ для меня, при чемъ не могъ довольно надивиться легкости и силѣ, съ которою пляшутъ жители Украйны.

25-го, я былъ при дворѣ и здѣсь оберъ-гофмаршалъ ввелъ меня въ комнату, въ ожиданіи, что кн. Черкасскій, съ фельдмаршаломъ Минихомъ по правую и фельдмаршаломъ Ласси по лѣвую руку, поздравитъ отъ имени государственныхъ чиновъ царицу, что сдѣлаетъ также и духовенство. Потомъ оберъгофмаршалъ пригласилъ меня. Я увѣрилъ царицу, что желаніе королемъ мира и искреннія старанія, которыя онъ прилагалъ, не могутъ возбуждать никакого сомнѣнія въ радости его величества, когда онъ узнаетъ о событіи, празднуемомъ въ настоящій день. Царица приказала мнѣ сказать черезъ оберъгофмаршала, что это самое событіе тѣмъ болѣе для нея пріятно, что оно напоминаетъ ей объ одолженіяхъ, оказанныхъ ей королемъ. Иностранные министры, дамы и придворные принимали участіе въ церемоніи этого дня, подходя къ рукѣ царицы. Какъ только это кончилось, она отвѣчала съ удовольствіемъ и чрезвычайнымъ достоинствомъ... Царица, находившаяся все время въ галлереѣ, вошла въ свои покои. Тогда два герольда на превосходныхъ лошадяхъ, предшествуемые цимбальщиками и трубачами, сопровождаемые отрядомъ конногвардейцевъ, отправились въ разныя части города объявлять о мирѣ. Находившіеся при нихъ два секретаря читали манифестъ, а четыре унтеръ-офицера бросали въ народъ деньги.

Послѣ обѣда вернулись во дворецъ; по обыкновенію тамъ играли, а вечеромъ, сверхъ того, была музыка.

Маскарадъ начался 26, въ 4 часа по полудни, и продолжался до 5 часовъ утра, хотя царица и удалилась въ 11 часовъ. Я былъ въ маскѣ не болѣе четверти часа...

Третьяго дня съѣхались во дворецъ въ три съ половиною часа...

Между тѣмъ, царица прошла въ большіе покои, куда и я отправился. Она была такъ милостива, что тотчасъ же вручила

мнѣ золотую медаль, выбитую по случаю заключенія мира; потомъ она раздавала ихъ двумъ фельдмаршаламъ, иностраннымъ министрамъ, придворнымъ дамамъ, знатнѣйшимъ чинамъ, камергерамъ, генераламъ и другимъ особамъ...

Нѣсколько минутъ спустя послѣ раздачи медалей, царица перешла въ покои принцессы Анны, которые выходятъ на площадь, и оттуда сама бросала деньги въ народъ. Толпѣ дали потомъ хлѣба и говядины, которые выставлены были на уступахъ двухъ возвышеній, увѣнчанныхъ двумя жареными быками. За этимъ зрѣлищемъ послѣдовало другое: народъ кинулся къ фонтану изъ вина, которымъ наполнился бассейнъ, возвышавшійся отъ земли на 8 ступеней и устроенный между двумя помянутыми возвышеніями. Царица потомъ возвратилась въ свои покои, гдѣ она до 7½ часовъ разговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ.

Тогда стали вызывать по нумерамъ, и фигурный столъ, приготовленный въ большой пріемной залѣ, очень быстро былъ занятъ лицами, которыя должны были за нимъ ужинать. Царица, давъ время всѣмъ усѣсться, вышла туда же. Герцогъ курляндскій велъ ее подъ руку, а я имѣлъ честь ее сопровождать. Она обошла кругомъ стола, я все время слѣдовалъ за ней, и невозможно описать, какъ хорошъ былъ видъ залы. Царица, удовлетворивъ такимъ образомъ своему любопытству, и, поручивъ кн. Куракину не покидать меня и смотрѣть за тѣмъ, что мнѣ понадобится, удалилась, вмѣстѣ съ герцогомъ курляндскимъ, ужинать въ собственные покои...

Ужинъ былъ дологъ. Послѣ него былъ сожженъ фейерверкъ, великолѣпный и совершенно удавшійся. Во время его, большая пріемная зала была такъ скоро очищена, что можно было тамъ начать балъ тотчасъ же по окончаніи фейерверка. По заведенному обычаю, я открылъ балъ съ принцессою Елизаветою. Царица и принцессы остались тамъ до полуночи. Желанія ея величества были такъ удачно выполнены, что балъ продолжался до 5 час. утра.

марк. I. де-ла-Шетарди.

АННА ІОАННОВНА И ЕЯ ДВОРЪ.

1.

Несмотря на заботы по кровопролитной войнѣ*), императрица рѣшилась, наконецъ, заключить давно задуманный бракъ ея племянницы, принцессы Анны Мекленбургской, съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, который жилъ при дворѣ съ 1733 года...

14-го іюля происходила свадьба со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Болѣе года работали надъ экипажами и платьями, которые должны были появиться на этой церемоніи. Вѣнчалъ архіепископъ новгородскій въ Казанскомъ соборѣ...

По поводу этой свадьбы, я скажу нѣсколько словъ о роскоши двора и объ обыденномъ образѣ жизни императрицы.

Говоря о герцогѣ курляндскомъ, я сказалъ, что онъ былъ большой охотникъ до роскоши и великолѣпія; этого было довольно, чтобы внушить императрицѣ желаніе сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ. Употреблены были на это большія суммы денегъ, но все-таки желаніе императрицы не скоро исполнилось. Часто, при богатѣйшемъ кафтанѣ, парикъ бывалъ прегадко вычесанъ; прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ; или, если туалетъ былъ безукоризненъ, то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили одры.

Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ: съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ; на одинъ изящный женскій туалетъ встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ. Впрочемъ, вообще женскій полъ Россіи хорошо сложенъ; есть прекрасныя лица, но мало тонкихъ талій.

Это несоотвѣтствіе одного съ другимъ было почти общее; мало было домовъ, особенно въ первые годы, которые составляли бы исключеніе; мало-по-малу стали подражать тѣмъ,

---

*) Очевидно, имѣется ввиду война съ Турціей. (*Сост.*).

у которыхъ было болѣе вкуса. Даже дворъ и Бирономъ не сразу успѣли привести все въ тотъ порядокъ, ту правильность, которую видишь въ другихъ странахъ; на это понадобились годы; но должно признаться, что, наконецъ, все было хорошо устроено.

Роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромныхъ денегъ. Невѣроятно, сколько черезъ это ушло денегъ за границу. Придворный, который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи рублей на свой гардеробъ, т.-е. 10 или 15 тыс. франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ. Здѣсь кстати было повторить замѣчаніе, сдѣланное однимъ саксонцемъ покойному Августу II, королю польскому: что слѣдовало бы расширить городскія ворота для выпуска дворянъ, напялившихъ на себя цѣлыя деревни, потому что всѣ особы, имѣвшія честь служить при дворѣ, разстраивали свое состояніе на наряды; жалованьемъ нельзя было покрыть эти расходы, оно было недостаточно. Довольно было торговцу модъ прожить въ Петербургѣ два года, чтобы составить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ взятъ на кредитъ.

Обыденная жизнь императрицы была очень правильная. Она всегда была на ногахъ еще до 8-ми часовъ. Въ 9 она начинала заниматься съ своимъ секретаремъ и съ министрами; обѣдала въ полдень, у себя въ комнатахъ, только съ семействомъ Бирона. Только въ большіе торжественные дни она кушала въ публикѣ; когда это случалось, она садилась на тронъ подъ балдахиномъ, имѣя около себя обѣихъ царевенъ, Елисавету, нынѣ императрицу, и Анну Мекленбургскую. Въ такихъ случаяхъ ей прислуживалъ оберъ-камергеръ. Обыкновенно въ той же залѣ накрывался большой столъ для первыхъ чиновъ имперіи, для придворныхъ дамъ, духовенства и иностраннаго посольства.

Въ послѣдніе годы, императрица не кушала въ публикѣ, и иностранные послы не были угощаемы при дворѣ. Въ большіе праздники имъ давалъ обѣдъ графъ Остерманъ.

Лѣтомъ императрица любила гулять пѣшкомъ; зимою же упражнялась на биллiардѣ. Слегка поужинавъ, она постоянно ложилась спать въ 12-мъ часу.

Большую часть лѣта дворъ проводилъ въ загородномъ дворцѣ, выстроенномъ Петромъ I, въ 7 лье отъ Петербурга, и названномъ Петергофомъ. Мѣстность этого дворца самая прелестная, на берегу моря: слѣва видѣнъ Кронштадтъ и весь

флотъ, напротивъ берега Финляндіи, а направо видъ на Петербургъ. При дворцѣ большой садъ съ великолѣпными фонтанами; собственно строеніе не важное, комнаты малы и низки.

Остальное лѣто императрица проводила въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ; домъ довольно плохой постройки на берегу Невы, при немъ большой садъ, изрядно содержавшійся. Принцесса Анна начала было строить новый домъ (старый пришелъ въ ветхость), но она не успѣла его кончить. Нынѣ царствующая императрица уже достроила его.

При дворѣ играли въ большую игру, которая многихъ обогатила въ Россіи, но въ то же время многихъ и разорила. Я видѣлъ, какъ проигрывали до 20 тыс. рублей въ одинъ присѣстъ за квинтичемъ или за банкомъ. Императрица не была охотница до игры; если она играла, то не иначе, какъ съ цѣлью проиграть. Она тогда держала банкъ, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, но такъ какъ игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денегъ отъ тѣхъ, кто ей проигрывалъ.

Она любила театръ и музыку, и выписала то и другое изъ Италіи. Итальянская и нѣмецкая комедія чрезвычайно понравились. Въ 1736 г. поставлена первая опера въ Петербургѣ; она была очень хорошо исполнена, но не такъ понравилась, какъ комедія и итальянское интермеццо.

При Петрѣ I такъ же, какъ и въ слѣдующія царствованія, при дворѣ сильно пили; не то было при Аннѣ. Она видѣть не могла пьянаго человѣка. Одному князю Куракину дозволено было пить вволю; но чтобы вообще не совсѣмъ потеряли привычку пить, то 29-го января (ст. стиля), день восшествія на престолъ императрицы, было положено праздновать Бахуса; на этой церемоніи каждый гость обязанъ былъ выпить по большому кубку венгерскаго вина, ставъ на одно колѣно передъ ея величествомъ.

Я припоминаю тутъ другую оригинальную церемонію. Наканунѣ большихъ праздниковъ придворныя особы и гвардейскіе офицеры имѣли честь поздравлять императрицу и цѣловать ей руку, а ея величество подносила каждому изъ нихъ на большой тарелкѣ по рюмкѣ вина.

Х. Манштейнъ.

2.

Воззримъ-же теперь, какъ при правленіи сея Императрицы наивяцше упала твердость въ сердцахъ, и какъ роскошь наиболѣе стала вкореняться; а для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во-первыхъ, обычаи самой сей Императрицы, второе, обычаи ея любимца Бирона, послѣ бывшаго Герцогомъ Курляндскимъ, и его могущество и третіе состояніе двора и какія были сдѣланы при сей Государынѣ учрежденія въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы — нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо Императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою Императрицу Анну. Грубой ея природой обычай несмягченъ былъ, ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она нещадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала; а можетъ статься еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, она старалась старое, учрежденное, въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины, прилежна къ дѣламъ и любительница была порядку и благоустройства; ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства неначинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе Императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства...

Сей любимецъ ея, Бирон, возведенный ею въ Герцоги Курляндскіе, при россійскомъ дворѣ, имѣющій чинъ оберъ-камергера, былъ человѣкъ, рожденный въ низкомъ состояніи въ Курляндіи, и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность къ лошадямъ до смерти сохранялась. Впрочемъ былъ человѣкъ одаренный здравымъ разсудкомъ, но безъ ма-

лѣйшаго просвѣщенія, гордъ, золъ, кровожаждущъ и непримирительный злодѣй своимъ непріятелямъ. Однако касающее до Россіи, онъ никогда не старался, во время жизни Императрицы Анны, что либо въ ней пріобрѣсти, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами россійскими, однако зная, что онъ тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ инако, какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержать, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ яко свидѣтельствуетъ единый его поступокъ, что ѣздивъ на малое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвавъ сенаторовъ, сказалъ, что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ, для исправленія мостовъ, положить. Сіе первые правительства присутствующіе, къ которымъ Петръ Великой, толикое почтеніе имѣлъ принуждены были отъ любимца чужестранца востерпѣть безмолвственно.—Толико уже упала твердость въ сердцахъ Россіянъ.

Правленіе Императрицы Анны было строгое, а иногда и тираническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ Тайную Канцелярію, и въ стѣнѣ сдѣланныя казармы Петербургской крѣпости недовольны были вмѣстить сихъ нещастныхъ; казни были частыя, яко Долгорукіе бывъ прежде за тщаніе ихъ ограничить власть монаршу сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири перевезены и переказнены въ Шлюссельбургѣ...

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ

На пышные верхи громъ чаще ударяетъ.

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона нездалъ себѣ несчастія; но народъ было порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности, страшилися вельможи подать какую-либо причину къ несчастію своему, а небывъ ими защищаемы, страшились ее судьи, что не правое сдѣлать, мздоимству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости единъ другому каждый мысли свои изъяснялъ, и осмѣливался самой Государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ покрайней мѣрѣ месть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей;

ибо просто наслѣдуя законамъ дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей неоставляли время — что другое предпріимать. Чины и милости всѣ по совѣту или лучше сказать по изволенію Бирона, Герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно: Княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ привязана была; Анну Федоровну Юшкову и Мельгариту Федоровну Манахину, которыхъ еще Императрица знала въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ и были при ней Кн. Никита Федоровичь Волконскій, Балакиревъ и Кн. Михайло Голицынъ, которые иногда и... шутками ее веселили. Се вящій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди, въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ее, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ; единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ; но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и мести мѣста давалъ; однако были нѣкоторые преданные, то-есть Графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и уважалъ его по дѣламъ, принимая отъ него совѣты, и Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-Шталмейстеръ угождалъ ему лошадьми, яко умный человѣкъ льстилъ ему словами и яко веселый веселилъ иногда и Государыню своими шутками, и часто сдѣланныя имъ въ пьянствѣ продерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались; Петръ Ѳеодоровичь Балкъ шутками своими веселилъ Государыню и льстилъ Герцогу, но ни въ какія дѣла впущенъ не былъ.

Сказалъ уже я выше, что Императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, сребро и злато на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская сребромъ была покровенна; установлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возымѣли. Италіанская опера была выписана, и спектакли начались, такъ какъ оркестра и камерная музыка. При дворѣ учинились порядочные и многолюдные собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышеписанное и показуетъ, какіе шаги, обстоятельствами правленія и примѣрами двора, злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками, но дакальщиками Государевыми — и его любимцевъ, во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить, любовь къ отечеству убавилась и самство и желаніе награжденій возросло. Великолѣпіе введенное у Двора понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить; такъ что самою Императрицею Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе, и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны.

Кн. М. Щербатовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О БИРОНѢ.

Матушка моя жила у Бирона въ послѣдніе годы его силы и власти; при ней казнили Волынскаго, Хрущева, Еропкина, а Мусинъ-Пушкину отрѣзали языкъ. Разсказывала матушка, что была однажды свидѣтельницею большой охоты въ Петергофѣ, на которой императрица Анна Іоанновна собственноручно застрѣлила волка, кабана, оленя и нѣсколькихъ зайцевъ. Бироны жили очень роскошно; однихъ брилліантовъ у его жены было болѣе, чѣмъ на 2.000,000 руб., да передъ самымъ сверженіемъ она заказала платье, унизанное жемчугомъ, цѣною въ 100,000 руб.

Про самое сверженіе Бирона, матушка разсказывала, что ночью услыхала страшный шумъ въ спальнѣ, вбѣжала туда и увидала, какъ Бирона въ одной рубашкѣ тащили солдаты на улицу, а когда посадили въ карету и увезли, то жену его отыскали на снѣгу; потомъ и ее увезли, и съ тѣхъ поръ она оставила Петербургъ.

Про время Бирона страшно было слушать разсказы стариковъ и старушекъ. За неплатежъ недоимокъ ставили на правежъ и начальниковъ и неплательщиковъ, и ихъ сосѣдей. Бывало, пріѣдетъ команда, и выводятъ на правежъ виноватыхъ и правыхъ, и поставятъ ихъ рядомъ голыми ногами на снѣгъ,

бьютъ палками, и морятъ по темницамъ. По городу только и слышны были палочные удары, звукъ цѣпей и стоны несчастныхъ бѣдняковъ, ихъ женъ и дѣтей.

Лазутчиковъ было множество вездѣ и повсюду; бывало, мужъ съ женою, братъ съ братомъ, отецъ съ сыномъ боялись громко говорить, а когда прощались, то прощались навсегда, потому что никто не зналъ, увидятся ли завтра. Я была маленькая, и помню, какъ по Ельцу ходила одна страшная старуха, ее звали *Настька-докащица*. Я ее помню бѣдною, а старушки разсказывали, что, бывало, ее всѣ боялись, угощали, и она была богатая, ходила въ жемчугахъ.

Близъ винныхъ подваловъ, гдѣ теперь стоитъ голубецъ съ иконою, стояла висѣлица; тутъ же вѣшали, тутъ и хоронили. Старушки помнили и разсказывали мнѣ, какъ, бывало, на этомъ мѣстѣ зарывали живыхъ въ землю почти по шею; несчастные живали дней по шести; бывало, пойдетъ дождикъ, а они и ловятъ языкомъ воду. Страшное было время! Настьку-докащицу всѣ уважали, всѣ боялись, а находились и такіе люди, которые и этой славѣ завидовали, и тоже старались страхомъ вселять къ себѣ уваженіе.

Елецкій старожилъ.

МАЛОРОССЫ НА КОРОНАЦІИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

(1742 г.) Генваря 7. Глуховъ. Послѣ обѣда были мы съ полковникомъ Лубенскимъ у генерала и откланялись ему, собираясь въ путь нашъ до двора монаршаго въ С.-Петербургъ депутатами для поздравленія. Простясь потомъ съ п. Михайломъ и Якубовичемъ, отъѣхалъ въ Сварковъ...

9-го. Послѣ обѣда отъѣхали въ путь свой...

29-го. Съ Ямской слободы поѣхали и, пріѣхавши рано въ С.-Петербургъ, стали на дворѣ Амплія Степановича Шепелева, за которымъ сестра Марьи Андреевны Румянцевой. Дворъ нанятъ намъ по 14 руб. на мѣсяцъ. Палатъ каменныхъ пять на горѣ (т.-е. на верхнемъ этажѣ)...

Февраля 1... Договорили ямщика съ двумя лошадьми ѣздить на саняхъ моихъ, купленныхъ, и хомутахъ нашихъ по 40 алт. на день...

4-го. Послѣ обѣда были во дворцѣ государевомъ и имѣли аудіенцію у Ея Императорскаго Величества. Государыня изволила стоять, въ присутствіи дамъ и господъ. Привѣтъ говорилъ п. полковникъ Лубенскій Апостолъ; на привѣтъ отвѣтствовалъ намъ тайный совѣтникъ баронъ Минихъ, обнадеживая милостію монаршею весь народъ, и партикулярно насъ. Послѣ того допущены были къ ручкѣ Ея Величества. По окончаніи церемоніи, когда мы вышли изъ той аудіенцъ-камеры, то и Ея Величество изволила выйти и войти въ салю меньшую, гдѣ былъ балъ въ великой фреквенціи дамъ и господъ, который до десятаго часа продолжался. По окончаніи того заходили мы до Игната Кирилловича Полтавцева и, у него покàловъ по нѣсколько вина выпивши, подъ шумомъ въ свою квартиру пріѣхали...

8-го Были во дворцѣ на операхъ, гдѣ дѣвки итальянки пѣли съ музикою.

10-го. Рано были у гессенъ-гомбургскаго, а послѣ у ручки герцога голштинскаго, послѣ службы у ручки Ея Величества. Потомъ банкетъ былъ важный; ввечеру была преславная иллюминація и фейерверкъ.

11-го. Ввечеру были во дворцѣ и присутствовали операмъ и пѣнію дѣвокъ итальянокъ...

22-го. Ея Величество и придворные всѣ выѣхали послѣ обѣда, въ первомъ часу съ полдня, въ Москву.

23-го. Ѣздили до Англичанина покупать цѣніе (т.-е. оловянную посуду), а оттоль были въ академіи за покупкою книгъ и смотрѣли кунстъ-камеры, глобуса, библіотеки и другихъ диковинокъ...

Марта 1. Ѣздилъ въ Академію, гдѣ профессоръ физики Крафтъ многіе дѣлалъ при насъ опыты стеклами зажигательными, чрезъ микроскопіумъ композитумъ, чрезъ зажигательные планы, принзъ метальный и деревянный, чрезъ барометръ и гидрометръ, и проч.

3-го. Наняли извощиковъ паръ 7, по 12 рублей, а прежде паръ 4, по 10 руб., и послѣ полдня въ путь нашъ къ Москвѣ поѣхали...

25-го. Были у министровъ, съ поздравленіемъ праздникомъ.

Послѣ обѣда ѣздили во дворецъ, были у Алексѣя Григорьевича, гдѣ удостоились быть у ручки Ея Величества, и мило-

стивыя слова слышать, и подшяхомъ; а у отца духовника вечеряли...

Апрѣля 9. Писалъ до жены о присылкѣ вишневки, универсаловъ, а ей послалъ порошокъ красный сердечный, да миндальнаго масла, а п. полковнику Михайлу мандштучокъ...

25-го. Была коронація Ея Императорскаго Величества, счастливо нынѣ царствующей государыни Елизаветы Петровны. При сей церемоніи главнымъ маршаломъ былъ кн. Н. Ю. Трубецкой, а миропомазаніе совершалъ архіепископъ новгородскій Амвросій Юскевичь.

Малороссіяне шли позади слободскихъ, съ предпочтеніемъ отъ нихъ; за нашими шли Смоляне, за ними мы, четыре депутата малороссійскихъ, за нами депутаты лифляндскіе...

Мая 13. Чрезъ Забѣлу послалъ п. Михайлу рукавицы, и до жены писалъ прислать сюда мыла, чапракъ зеленый и чушокъ, пшена, сала, масла и мундштукъ, поле около Глухова спахать и сѣять все наймомъ, амбаръ и хату наймомъ же перевезть; гребли всѣ поправить добре, и проч.

15-го. Отецъ Моисей, пріѣхавшій въ Москву, подалъ мнѣ письмо изъ дому, сукно, карты и табакъ...

18-го. Ходили въ Кремль, были въ грановитой и смотрѣли регаліи императорскихъ, стульевъ трехъ серебряныхъ, державы, коронъ обѣихъ, съ которыхъ набольшій алмазъ внизу въ 25 тыс. рублей, а подъ крестомъ лалъ красный въ 60 тыс. рублей, скипетра, посуды серебряной и проч. Оттуда заходили до цвѣтниковъ, на верху съ садовымъ деревомъ посаженныхъ...

29-го. Суббота. Ввечеру ѣздили во дворецъ и были на оперѣ въ оперной залѣ, гдѣ, въ изъясненіе милосердныхъ комитетовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ римскомъ, и составленной на него конжюрацій чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ наущенія Вителліи, дочери убіеннаго Вителлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч., при презрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ. Опера продолжалась 4 часа, а народа было многое число...

31-го. Ѣздили ввечеру во дворецъ и до полночи пробыли въ маскарадѣ.

Пріѣхали люди мои изъ Глухова, съ запасомъ и 4 лошадьми; привезли: горѣлки перегонной 20 носатокъ и 42 кварты, го-

рѣлки анисовой 5 бариллъ, вишневки анталъ, масла 8 пуд. 36 фунт., воску 7 пуд. 12 фунт., тютюну турецкаго око, простаго 40 попушъ, сала, ветчины, крупъ, пшена, сухарей, свѣчей восковыхъ 200, сальныхъ 100, розы варенья, пряничковъ 60, сырцовъ гляганныхъ 24, спальню мою, сѣдло съ чапракомъ зеленымъ, фузію для дороги, и лоханки желтыя для обмѣны...

Іюля 22. Отправлены люди родительскіе, чрезъ которыхъ послалъ въ домъ: цугъ шоръ съ кантарами, безъ мундштуковъ и лѣецъ; насосъ деревянный со всѣмъ; до него свергловъ два, желѣза сибирскаго 5 пуд. 6 фунт.; горшковъ два съ гвоздиками и однимъ съ померанцевымъ деревомъ.

23-го. Писалъ чрезъ Лосева до п. Михайла и Делатура и газеты послалъ...

25-го. Ея Величество съ герцогомъ голштинскимъ и съ придворными изволили пѣшкомъ пойти въ ночи въ Троицкій Сергіевъ монастырь по обѣщанію.

28-го. Ея Величество изволила возвратиться съ половины дороги отъ Сергіевскаго монастыря.

29-го. Сполдня ѣздили оба во дворецъ, были у Разумовскаго также, и въ залѣ, гдѣ куртагъ былъ.

31-го. Ея Величество изволила поѣхать въ монастырю Сергіевскому оканчивать свой ходъ, начавъ съ того мѣста, откуда первый разъ возвратилась.

Я. Марковичъ.

УВЕСЕЛЕНІЯ ПРИ ДВОРѢ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Къ концу нашего пребыванія въ Кіевѣ, императрица отправилась съ нами въ одинъ монастырь, гдѣ должны были дать представленіе. Это представленіе началось около семи часовъ вечера. Въ театръ нужно было итти черезъ церковь. Это представленіе содержало нѣсколько піесъ. Были прологи, балеты, комедія, въ которой Маркъ Аврелій велѣлъ повѣсить своего любимца, сраженіе, въ которомъ казаки били поляковъ, рыбная ловля на Днѣпрѣ и хоры безъ числа. У императрицы хватило терпѣнія до двухъ часовъ утра; потомъ она послала спросить, скоро ли кончится; ей просили передать, что не дошли еще до половины, но что, если Ея Величество прикажетъ, они перестанутъ тотчасъ. Она велѣла сказать имъ, чтобы перестали;

они попросили тогда дозволенія зажечь фейерверкъ на сценѣ, которая была на открытомъ воздухѣ и противъ которой расположились императрица и весь дворъ въ большой палаткѣ, а позади нея стояли экипажи. Императрица разрѣшила имъ зажечь фейерверкъ, но что же случилось? Первыя ракеты, которыя были выпущены, полетѣли прямо въ палатку, на палатку и за палатку; лошади испугались; находившіеся въ палаткѣ не знали, куда дѣться, смятеніе стало полнымъ и могло имѣть опасныя послѣдствія; велѣли прекратить этотъ несчастный фейерверкъ и всѣ удалились не безъ того, чтобы порядкомъ напугаться, хотя я не слышала, чтобы кто-нибудь былъ раненъ.

Каждый вторникъ былъ при дворѣ родъ маскарада, который не всѣмъ нравился, но который мнѣ въ мои 15 лѣтъ былъ очень по душѣ. Императрица постановила, чтобы на этихъ маскарадахъ, гдѣ присутствовали только лица, назначенныя ею, всѣ мужчины одѣвались женщинами и всѣ женщины мужчинами; правда, что нѣтъ ничего безобразнѣе и въ то же время забавнѣе, какъ множество мужчинъ столь нескладно наряженныхъ, и ничего болѣе жалкаго, какъ фигуры женщинъ, одѣтыхъ мужчинами; вполнѣ хороша была только сама императрица, къ которой мужское платье отлично шло; она была очень хороша въ этихъ костюмахъ. На этихъ маскарадахъ мужчины были вообще злы, какъ собаки, и женщины постоянно рисковали тѣмъ, что ихъ опрокинутъ эти чудовищные колоссы, которые очень неловко справлялись со своими громадными фижмами и непрестанно васъ задѣвали, ибо стоило только немного забыться, чтобы очутиться между ними, такъ какъ по обыкновенію дамъ тянуло невольно къ фижмамъ. Мнѣ случилось разъ на одномъ изъ такихъ баловъ упасть очень забавно. Сиверсъ, тогда камеръ-юнкеръ, былъ довольно большого роста, и надѣлъ фижмы, которыя дала ему императрица; онъ танцевалъ со мною полонезъ, а сзади насъ танцевала графиня Гендрикова; она была опрокинута фижмами Сиверса, когда тотъ на поворотѣ подавалъ мнѣ руку; падая, она такъ меня толкнула, что я упала прямо подъ фижмы Сиверса, поднявшіяся въ мою сторону; онъ запутался въ своемъ длинномъ платьѣ, которое такъ раскачалось, и вотъ мы всѣ трое очутились на полу, и я именно у

него подъ юбкой; меня душилъ смѣхъ, и я старалась встать, но пришлось насъ поднять; до того трудно было намъ справиться, когда мы запутались въ платьѣ Сиверса, такъ что ни одинъ не могъ встать, не роняя двухъ другихъ...

Осенью и зимой того года (1745) было опредѣлено, что каждую недѣлю будутъ два маскированныхъ бала—одинъ при дворѣ, другой по очереди у главныхъ вельможъ въ городѣ. Дѣлали видъ, что на нихъ веселились, но въ сущности скучали смертельно на этихъ балахъ, которые, несмотря на маски, были однако церемонны и мало посѣщаемы, такъ что покои при дворѣ были пусты, а городскіе дома все же слишкомъ тѣсны, чтобы вмѣстить то небольшое количество народу, которое туда являлось.

Свадебныя празднества (Екатерины съ Герцогомъ Гольштинскимъ) длились десять дней; между прочимъ былъ маскарадъ съ кадрилями въ разноцвѣтныхъ домино, каждая состояла изъ двѣнадцати паръ. Первая кадриль была великаго князя въ розовомъ съ серебромъ; вторая въ бѣломъ съ золотомъ была моя, третья моей матери, въ блѣдно-голубомъ съ серебромъ; четвертая, въ желтомъ съ серебромъ, моего дяди, принца епископа Любекскаго. У входа въ залу мы нашли приказаніе каждой кадрили не смѣшиваться между собою, но каждой танцевать въ томъ углу залы, который ей былъ предназначенъ; моя кадриль очень затруднялась исполнить это приказаніе, потому что, когда захотѣли открыть балъ, не было ни одного танцующаго кавалера: все это были люди отъ шестидесяти до девяноста лѣтъ, во главѣ которыхъ находился фельдмаршалъ Ласси, бывшій со мной въ парѣ. Я чуть не плакала изъ-за этого приключенія, но, къ счастью, я встрѣтила гофмаршала, которому привела такіе сильные доводы, что онъ получилъ отмѣну приказанія и разрѣшеніе кадрилямъ смѣшиваться; тѣмъ не менѣе во всей жизни не видала я болѣе грустнаго и безвкуснаго удовольствія, какъ эти кадрили: было только сорокъ восемь паръ, по большей части хромые или подагрики, или разслабленные, въ громадной залѣ, а всѣ остальные были зрители, въ обыкновенномъ платьѣ, не смѣвшіе вмѣшиваться въ кадриль; но императрица нашла это настолько красивымъ,

что велѣла повторить кадриль еще разъ. Послѣ бала кадрили ужинали; у меня были почти слезы на глазахъ.

Во время масленицы этого года (1750) въ одной изъ залъ дворца построили по приказанію императрицы театръ, на которомъ кадеты стали представлять русскія трагедіи Сумарокова. Среди этихъ кадетовъ былъ одинъ, который отличался столько же своей игрой, сколько своей красивой наружностью: его голубые глаза на выкатѣ бросали взгляды, способные вскружить головы не малаго числа придворныхъ дамъ. Сама императрица, повидимому, занялась этой труппой и красивымъ Труворомъ—роль въ трагедіи «Синавъ». Ей вовсе не надоѣдало смотрѣть на представленіе этихъ трагедій, она сама заботилась о костюмахъ актеровъ; мы увидѣли, какъ на красивомъ Труворѣ появлялись одинъ за другимъ всѣ любимые ея цвѣта и всѣ наряды, которые ей нравились. Она собственноручно ихъ румянила, и можно было видѣть, какъ эта труппа, вся разодѣтая, выходила изъ внутреннихъ покоевъ Ея Величества, гдѣ они костюмировались, и выходила сейчасъ же на сцену. За послѣднюю недѣлю масленицы насъ заставили прослушать девять трагедій. Признаюсь, Мельпомена меня одолѣвала скукой, и я очень часто зѣвала.

Екатерина II.

ВЕСЕЛЬЕ И ЗАБОТЫ.

(Изъ донесеній 1755 г. Февраль—Апрѣль). Начиная съ прошлой среды у насъ не было менѣе трехъ маскарадныхъ баловъ и одной оперы, и нѣтъ ни одного дня на этой недѣлѣ, который бы не былъ отмѣченъ тѣмъ или инымъ развлеченіемъ. На будущей недѣлѣ начинается постъ, когда все будетъ молиться и поститься; а спустя недѣлю полгорода, по обыкновенію, будетъ больнымъ, отъ рѣзкаго перехода отъ жизни, полной удовольствій, къ полному воздержанію; такимъ образомъ, съ этого момента въ теченіе трехъ недѣль нельзя ожидать, что будетъ употреблено въ ходъ перо, бумага и чернила. Надѣюсь, что послѣ все пойдетъ лучше, такъ какъ не можетъ же государыня проводить свою жизнь на колѣняхъ, и на смѣну придутъ другія развлеченія.

Ничего не двигается. Это происходитъ отъ уменьшенія кредита главнаго канцлера, или отъ возрастающаго отвращенія къ дѣламъ у государыни или отъ того и другого, это вѣроятнѣе всего. Главный канцлеръ никогда не видитъ императрицу и никогда не говоритъ съ ней въ частности. Все дѣлается письменно: главный канцлеръ адресуетъ свои мемуары молодому фавориту Ивану Шувалову, который передаетъ ихъ государынѣ тогда, когда она въ настроеніи заниматься дѣлами...

Главный канцлеръ жалуется самъ на такое положеніе вещей и на остановку въ дѣлахъ. Поступая такимъ образомъ, говоритъ онъ, они въ глазахъ своихъ друзей и враговъ роняютъ свою репутацію и кредитъ, но онъ не знаетъ лѣкарства противъ этого; такъ послѣ моего послѣдняго донесенія молодой фаворитъ, черезъ руки котораго проходятъ теперь всѣ большія и малыя дѣла, былъ очень боленъ, слишкомъ переутомившись отъ этой вакхической жизни, которую вели здѣсь позапрошлую недѣлю. Такимъ образомъ пока онъ совершенно не оправится, нечего и ждать, что императрица будетъ думать о какихъ-нибудь дѣлахъ.

Нездоровье молодого фаворита перешло въ ревматизмъ, который всецѣло теперь занялъ всѣ заботы и мысли двора...

Правительство должно имѣть при этомъ дворѣ министра въ молодыхъ годахъ, такъ какъ по здѣшнему мнѣнію иностранный министръ не долженъ пропускать ни пріема при дворѣ, ни бала, ни маскарада, ни комедіи, ни оперы или какого-либо другого публичнаго развлеченія. По ихъ взглядамъ это главный предметъ его обязанностей. Въ моихъ годахъ я не могу вести подобный образъ жизни, и я все-таки признаю, что это необходимо.

Г. Дикенсъ.

БЕЗПОРЯДОЧНОСТЬ ЖИЗНИ ПРИ ДВОРѢ И СРЕДИ ДВОРЯНСТВА.

При дворѣ въ это время (1751 г.) былъ такой недостатокъ въ мебели, что тѣ же зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые намъ служили въ Зимнемъ дворцѣ, перевозились за нами въ Лѣтній дворецъ, а оттуда въ Петергофъ и даже слѣдовали за нами въ Москву. Билось и ломалось въ переѣздахъ не малое

количество этихъ вещей и въ такомъ поломанномъ видѣ намъ ихъ и давали, такъ что трудно было ими пользоваться; такъ какъ нужно было особое приказаніе императрицы на полученіе новыхъ вещей и большею частью трудно, а подчасъ и невозможно было до нея добраться, то я рѣшила мало-по-малу покупать себѣ комоды, столы и самую необходимую мебель на собственныя деньги, какъ для Зимняго, такъ и для Лѣтняго дворца, и, когда мы переѣзжали изъ одного въ другой, я находила у себя все, что мнѣ было нужно, безъ хлопотъ и потерь при перевозкѣ. Такой порядокъ полюбился великому князю; онъ завелъ такой же для своихъ покоевъ. Что касается Ораніенбаума, принадлежавшаго великому князю, мы тамъ имѣли за свой счетъ все, что намъ было нужно. Для своихъ комнатъ въ этомъ дворцѣ я все покупала на свои деньги, во избѣжаніе всякихъ споровъ и затрудненій, ибо Его Императорское Высочество, хотя и очень былъ мотоватъ на всѣ свои прихоти, но жалѣлъ денегъ на все, что меня касалось, и вообще вовсе не былъ щедрымъ; но такъ какъ то, что я дѣлала для своихъ комнатъ на собственный коштъ, служило къ украшенію дома, то онъ былъ очень этимъ доволенъ...

Намъ велѣли готовиться къ поѣздкѣ въ Москву, что мы и сдѣлали. Мы отправились изъ Петербурга 14 декабря 1752 г... Здѣсь насъ помѣстили въ деревянномъ флигелѣ, только что отстроенномъ въ эту осень, такъ что вода текла съ обшивокъ и всѣ комнаты были необычайно сыры. Въ этомъ флигелѣ было два ряда комнатъ, по пяти-шести въ каждомъ; изъ нихъ выходившія на улицу были моими, а находившіяся на другой сторонѣ — великаго князя. Въ той же комнатѣ, которая должна была быть моей уборной, помѣстили моихъ камеръ-юнгферъ и камеръ-фрау, съ ихъ служанками, такъ что ихъ было семнадцать дѣвушекъ и женщинъ въ одной комнатѣ, имѣвшей, правда, три большихъ окна, но никакого другого выхода, кромѣ моей спальной, черезъ которую онѣ должны были проходить за всякаго рода нуждою, что не было удобно ни имъ, ни мнѣ. Въ теченіе десяти первыхъ дней по моемъ прибытіи въ Москву онѣ со мною принуждены были терпѣть это неудобство, которому ничего подобнаго я не видѣла. Кромѣ того, ихъ столовой была одна изъ моихъ прихожихъ; я была больна по пріѣздѣ; чтобы отстранить это неудобство, я велѣла наставить въ моей

спальной большихъ ширмъ, съ помощью которыхъ раздѣлила ее на три части; но это почти нисколько не помогло, потому что двери постоянно открывались и закрывались, что было неизбѣжно. Наконецъ, на десятый день императрица пришла навѣстить меня и, видя это постоянное хожденіе, она вошла въ сосѣднюю комнату, и сказала моимъ женщинамъ: «Я велю сдѣлать вамъ другой выходъ, а не черезъ спальню великой княгини». Но что же она сдѣлала? Она приказала устроить перегородку, которая отняла одно окно у этой комнаты, гдѣ и безъ того съ трудомъ жило семнадцать человѣкъ; теперь комнату сузили, чтобы выгадать коридоръ; окно было пробито на улицу, къ нему придѣлали лѣстницу и мои женщины принуждены были выходить на улицу; когда онѣ шли обѣдать, имъ опять приходилось итти по улицѣ. Словомъ, все это устройство никуда не годилось, и я не знаю, какъ эти семнадцать женщинъ, жившія въ такой тѣснотѣ и подчасъ болѣвшія, не схватили какой-нибудь гнилой горячки въ этомъ жильѣ, и это рядомъ съ моей комнатой, которая, благодаря имъ, была полна всевозможными насѣкомыми до того, что они мѣшали спать.

Вообще все дворянство тогда еще болѣе чѣмъ теперь, съ величайшимъ трудомъ покидало Москву, это излюбленное ими всѣми мѣсто, гдѣ главнымъ ихъ занятіемъ является бездѣліе и праздность и гдѣ они охотно проводили бы всю жизнь въ томъ, чтобы таскаться цѣлый день въ каретѣ шестерикомъ, раззолоченной не въ мѣру и очень непрочно сработанной, этой эмблемѣ плохо понимаемой роскоши, которая тамъ царитъ и скрываетъ отъ глазъ толпы нечистоплотность хозяина, безпорядокъ его дома вообще и особенно его хозяйства. Нерѣдко можно видѣть, какъ изъ огромнаго двора, покрытаго грязью и всякими нечистотами и прилегающаго къ плохой лачугѣ изъ прогнившихъ бревенъ, выѣзжаетъ осыпанная драгоцѣнностями и роскошно одѣтая дама въ великолѣпномъ экипажѣ, который тащатъ шесть скверныхъ клячъ въ грязной упряжи, съ нечесанными лакеями въ очень красивой ливреѣ, которую они безобразятъ своей неуклюжею внѣшностью. Вообще и мужчины и женщины изнѣживаются въ этомъ большомъ городѣ; они тамъ видятъ (только пустяки) и занимаются лишь пустяками, которые могутъ опош-

лить и самаго выдающагося и геніальнаго человѣка. Повинуясь, такъ сказать, только своимъ капризамъ и фантазіямъ, они обходятъ всѣ законы или плохо ихъ исполняютъ, обрекая себя тѣмъ самымъ на то, чтобы никогда не выучиться повелѣвать или (на то), чтобы стать деспотами. Предрасположеніе къ деспотизму выращивается тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обитаемомъ мѣстѣ на землѣ; оно прививается съ самаго ранняго возраста къ дѣтямъ, которыя видятъ съ какой жестокостью ихъ родители обращаются со своими слугами; вѣдь нѣтъ дома, въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ инструментовъ для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія.

Екатерина II.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАБОТЫ ИМП. ЕЛИЗАВЕТЫ.

(Изъ записочекъ къ Храповицкому) *).

Прикажи немедленно закупить свежева мяса, а соленое, коли дома, сиречь на Смолномъ дворе имеется, то вели по темъ-же местамъ изътолко же числомъ, какъ въ светлое воскресение роздано было, а вкакия места, то самъ снаешь, чтобъ и они могли разговется; то вели сей вечер, сколко возможно, послать, а досталное хотя зафтре.

Помѣта: «Получено въ 24-е декабря 1745 г. въ 11-мъ часу передъ полуночію, противъ 25-го числа».

Надеюся, привезли на караблахъ грушъ и паргамутовъ (бергамотовъ), то самъ сесди (съѣзди) и купи по две бочки каждаго и осьтавь две въ Питербургхе, а две к намъ пришли; а ежели еще не привесли, то скоро надеюсь, что привесутъ и не медля к намъ пришли.

Помѣта: «Получено 22-го августа 1750 г.».

---

*) Любопытна орфографія этихъ записочекъ. (*Сост.*).

Немедленно отпусти прошлогоднишную всю провисию Матфею Михайловичю Ивенскому, и впредь на петь летъ, щитая сем сотъ втораго года *).

Роздай три тысечи рублей на каторжной дворъ, по тюрмамъ и по богоделнамъ, чтобъ каждому человеку по рублю досталося; ежели останется отъ трохъ тысечъ, то конечно принеси; а ежели не достанетъ, то сего ж дня мнѣ скажи, а въ расходъ не саписывай; после прасника изъ комнати то столько одадутъ; также хотрудися самъ сезди (съѣзди), нетъ ли такихъ, которыя в порукахъ или в ынихъ какихъ для выкупа, окроме смертно убивцовъ, сидятъ, мнѣ сей же день немедленно уведомь.

Помѣта: «1752 г. марта 28».

Имп. Елизавета.

ПОДАРОКЪ КУПЦОВЪ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Въ С.-Петербургѣ въ вѣдомостяхъ напечатано изъ Москвы, отъ 28 Генваря, что 23 числа Генваря Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ, именемъ всего Россійскаго купечества, за высочайшее Ея Императорскаго Величества къ вѣрноподданнымъ, особливо Всероссійскому купечеству оказанное высокомонаршее милосердіе, увольненіемъ отъ платежа внутри государства таможенныхъ сборовъ, какъ о томъ извѣстно изъ публикованнаго въ народѣ Ея Императорскаго Величества указу отъ 20 Декабря 1753 году, принесено всеподданнѣйшее и достодолжное благодареніе, при чемъ Ея Императорскому Величеству отъ всего купеческаго корпуса всенижайше поднесены въ даръ: камень алмазъ, вѣсомъ въ 56 кратъ безъ 32 доли, цѣною въ 53,000 рублей, на золотой тарелкѣ высокой работы, да 10,000 червонныхъ иностранныхъ на трехъ серебренныхъ блюдахъ, высокой же работы, и рублевою монетою 50,000 рублей, которой даръ отъ Ея Императорскаго Величества принятъ весьма милостиво.

В. Нащокинъ.

---

*) Описка, надо читать въ 1752 г.

БЛЕСКЪ ДВОРА ЕЛИЗАВЕТЫ.

Прежде чѣмъ воротиться къ моимъ собственнымъ дѣламъ, не могу не сдѣлать краткаго описанія великолѣпія двора покойной императрицы и увеселеній, которыя давались на масленицу и по случаю другихъ праздниковъ, въ особенности маскарадовъ. Въ маскарадахъ участвовали обыкновенно всѣ, кто только могъ достать билетъ на входъ; билетовъ же раздавалось отъ 100 до 1500. Маскарады эти были роскошны и давались въ императорскомъ дворцѣ, гдѣ, по этому случаю, раскрывались всѣ парадные покои, ведущіе въ большую залу, представляющую двойной кубъ во сто футовъ. Вся столярная работа выкрашена зеленымъ цвѣтомъ, а панели на обояхъ позолочены. Съ одной стороны находится двѣнадцать большихъ оконъ, соотвѣтствующихъ такому же числу зеркалъ изъ самыхъ огромныхъ, какія только можно имѣть; потолокъ исписанъ эмблематическими фигурами. Нелегко описать впечатлѣніе, которое зала эта производитъ съ перваго взгляда по своей громадности и великолѣпію; по ней двигалось безчисленное множество масокъ въ богатѣйшихъ костюмахъ, раздѣленныхъ на кадрили и на группы; всѣ покои бывали богато освѣщены: въ одну минуту зажигается не менѣе десяти тысячъ свѣчъ. Есть нѣсколько комнатъ для танцевъ, для игры, и общій эффектъ самый роскошный и величественный. Въ одной изъ комнатъ обыкновенно императрица играла въ фараонъ или въ пикетъ, а къ десяти часамъ она удалялась и появлялась въ маскарадной залѣ, гдѣ оставалась до пяти или шести часовъ утра, нѣсколько разъ перемѣняя маски. По окончаніи бала каждый удалялся. Въ обыкновенные дни давали четыре разныхъ представленія: французскую комедію, итальянскую оперу, нѣмецкую комедію и русскую комедію. Придворный театръ очень хорошъ, великолѣпно раззолоченъ. Каждое воскресенье бывали пріемъ и балъ, кромѣ большихъ праздниковъ. Нельзя ничего вообразить себѣ болѣе величественнаго, чѣмъ дворъ при подобныхъ случаяхъ: рѣдко бывало менѣе трехъ тысячъ гостей, въ томъ числѣ лучшая молодежь обоего пола. Придворныя дамы не мало способствовали блеску этихъ собраній, обладая въ высокой степени искусствомъ одѣваться къ лицу, сверхъ того онѣ умѣютъ до невозможности поддерживать свою

красоту. Всѣ женщины въ Россіи, какого бы онѣ ни были званія, начиная съ императрицы и кончая крестьянкой,—румянятся, полагая, что къ лицу имѣть красныя щеки. Наряды дамъ очень богаты, равно какъ и золотыя вещи ихъ; брильянтовъ придворныя дамы надѣваютъ изумительное множество. На дамахъ, сравнительно низшаго званія, бываетъ брильянтовъ на 10—12,000 рублей.

Онѣ даже въ частной жизни никогда не выѣзжаютъ, не увѣшанныя драгоцѣнными уборами, и я не думаю, чтобы изъ всѣхъ европейскихъ государынь была хоть одна, имѣвшая болѣе драгоцѣнныхъ уборовъ, чѣмъ русская императрица. Корона императрицы Елизаветы, стоящая чрезвычайно дорого, состоитъ такъ же, какъ и всѣ ея уборы, изъ самоцвѣтныхъ камней: изъ рубиновъ, изъ сапфировъ, изъ изумруда. Всѣ эти камни ни съ чѣмъ не сравнятся по своей величинѣ и красотѣ. Таково впечатлѣніе, вынесенное мною отъ этого двора, который я имѣлъ время изучить, проживъ при немъ около тридцати лѣтъ.

Е. Позье.

ПРИДВОРНЫЕ.

Всѣ сіи разныя награжденія получили, а недостаточные стали обогащены; и какъ не одно рожденіе, и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянія смѣшались, и что изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшій, обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный, благородный или заслуженный, но (не?) награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать. Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали ровняться; единые отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе имѣя токмо рожденіе и службу и не большой достатокъ, съ ними восхотѣли равны быть, тогда естественно роскошъ и сластолюбіе сверху внизъ стало переходить и разорять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи стали взыскивать умножить оное въ долгахъ своихъ.

Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая Императрицѣ, въ злототканныя одежды облекался, вельможи изыскивали въ

одѣяніи — все что есть богатѣе, въ столѣ — все что есть драгоцѣннѣе, въ питье — все что есть рѣже, въ услугѣ — возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышности въ одѣяніи ихъ. Екипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столь для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шолковыми обоями во всѣхъ комнатахъ дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самымъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало и человѣкъ дѣлался почтителенъ по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель, роду житья и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ имѣлъ толь великій погребъ, что онъ знатный капиталъ составилъ когда послѣ смерти его былъ проданъ Графомъ Орловымъ; палатки, которыя у него станавливались на его загородномъ дворѣ на каменномъ острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Федоровичъ Апраксинъ всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кавтановъ состоялъ, въ походѣ, когда онъ командовалъ россійскою арміею противу Прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богато убранныхъ лошадей. Графъ Петръ Борисовичь Шереметевъ, сперва Камеръ-Геръ, а потомъ Генералъ-Аншефъ и Генералъ-Адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, какъ по родителѣ своемъ Графѣ Борисъ Петровичѣ Шереметевѣ, такъ и по супругѣ своей Графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной Княжнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ Кн. Ан. Мих. Черкасскаго, человѣка также весьма богатова, человѣкъ весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, незнающъ въ дѣлахъ, и однимъ словомъ таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, все въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ. Одежды его наносили ему тягость отъ

злата и сребра и блистаніемъ ослѣпляли очи, екипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣлъ, окромѣ что лучшаго вкуса были наидрагоцѣннѣйшіе, столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его однимъ словомъ было таково, что не однажды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему Императрицу съ немалымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи, якобы изготовляясь могъ угощать; а сіе ему достоинствомъ служило и онъ во всякомъ случаѣ у двора, не взирая на разныя перемѣны, въ разсужденіи его особы былъ особливо уважаемъ. Графъ Ив. Гр. Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человѣкъ не столь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ нещастію Россіи, онъ не малое время путешествовалъ въ чужіе краи; видалъ все что сластолюбіе, роскошъ, при другихъ европейскихъ дворахъ, наипріятнѣйшаго имѣютъ; онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію, и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился. Одѣянія его были особливаго богатства и вкуса, и ихъ столь много, что онъ однажды вдругъ 12 кавтановъ выписалъ. Столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланный, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; екипажи его блистали златомъ, и самая ливрея его пажей была шита серебромъ; вина у него были на столѣ наилучшія и наидорожайшія; и подлинно онъ самъ нѣкоторое преимущество получалъ, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора, женился на богатой невѣстѣ Ефимовской, подлѣ государыни, и любимый ею, потомъ учинился другомъ фавориту Ив. Ив. Шувалову, чрезъ него прежде другихъ тогда въ почтеныи находящуюся ленту польскую бѣлаго орла получилъ, а симъ же защищеніемъ чрезъ сенатъ за малую цѣну, то-есть, неболѣе 90,000 рублей получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на 100 м. готовой мѣди было, и которые чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ разоренье, съ великимъ искомъ на нихъ за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Кн. М. Щербатовъ.

Изъ провинціи въ столицу.

ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ФАВОРИТА.

Наконецъ, въ началѣ іюля (1755 г.) доѣхали мы благополучно до Петербурга. Это было въ пятый разъ моей жизни, что я въ сей столичный городъ пріѣхалъ; но прежніе мои пріѣзды и пребыванія въ ономъ были весьма отличны предъ теперешнимъ: тогда находился я подъ какимъ-нибудь покровительствомъ, а нынѣ ни подъ какимъ. Не имѣя никого знакомыхъ, къ кому бы пристать было можно, принуждены мы были нанять для себя какую-нибудь хижинку. Мы и нашли небольшую, въ Морской, и наняли не за большую цѣну. Мое первое стараніе было узнать, нѣтъ ли въ Петербургѣ моего прежняго благодѣтеля и дяди, господина Арсеньева, дабы подъ его руководствомъ и предводительствомъ можно мнѣ было приступить къ дѣлу; но къ великому моему огорченію узналъ я, что онъ находился тогда въ Москвѣ. Что жъ касается до господина Рахманова и до Шепелева, то сіи давно уже были въ царствѣ мертвыхъ; слѣдовательно, и съ сей стороны не могъ я ласкаться ни малѣйшею надеждою.

При такихъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ иттить самому собою и ожидать всего отъ единаго вспоможенія божескаго. Я распровѣдалъ о жилищѣ графа Шувалова и приближался къ нему съ ощущеніемъ нѣкоего внутренняго ужасенія... Я зналъ, что мнѣ надлежало пакетъ мой подать въ его канцелярію, и для того спрашивалъ я, гдѣ оная находилась. Мнѣ сказали, чтобъ я шелъ въ домъ къ его любимцу, гдѣ тогда находилась графская канцелярія, и указали улицу, въ которую мнѣ иттить надлежало. Это былъ господинъ Яковлевъ, тогдашній

генеральсъ-адъютантъ и ближайшій фаворитъ графа Шувалова. Я наслышался уже прежде о немъ довольно, и зналъ, что онъ находился въ великой силѣ у графа и управлялъ всѣми дѣлами въ его военной канцеляріи. По пришествіи къ нему на дворъ, указали мнѣ канцелярію, но оттуда послали меня къ нему въ хоромы и велѣли подать самому ему пакетъ мой въ руки...

По счастію, засталъ я его еще дома и часовой, стоящій у дверей, обрадовалъ меня сказавъ, что не выходилъ онъ еще изъ спальни. Итакъ, имѣлъ я время собраться нѣсколько съ духомъ и отдохнуть отъ своего бѣга. Вошедъ въ залъ, нашелъ я его весь набитый народомъ. Я увидѣлъ тутъ множество всякаго рода людей. Были тутъ и знатныя особы, и низкаго состоянія люди, и всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія дожидающіеся выхода въ залъ любимца графскаго для принятія прошеній и выслушиванія просьбъ. Мое удивленіе еще увеличилось, когда увидѣлъ я, что самые генералы въ лентахъ и кавалеріяхъ пріѣхавшіе при мнѣ, не осмѣливались прямо и безъ спроса входить въ его предспальню, но съ нѣкоторымъ уничиженіемъ у стоящихъ подлѣ дверей лакеевъ спрашивали, можно ли имъ войтить и не помѣшаютъ ли Михайлѣ Александровичу, такъ называлась тогда сія столь знаменитая особа, не имѣющая хотя впрочемъ больше подполковничьяго чина. Но не чинъ тогда былъ важенъ, а власть его и сила, которая простиралась даже до того, что всѣ, кому бы ни хотѣлось о чемъ просить графа, долженствовали напередъ просить сего любимца и чрезъ него получать свое желаемое, по которому обстоятельству и бывало у него всякій день по множеству народа...

Мы прождали господина Яковлева еще съ добрую четверть часа, но, наконецъ, распахнулись двери и графскій фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей, и по большей части такихъ, кои чинами своими были гораздо его выше. Не успѣлъ онъ показаться, какъ всѣ сдѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и передъ самимъ графомъ учинили. Я стоялъ тогда посреди залы на самомъ проходѣ, дабы не пропустить случая и успѣть подать ему пакетъ свой, и по природной своей несмѣлости суетился уже въ мысляхъ, какъ мнѣ приступить къ своему дѣлу. Но по счастію такъ случилось, что онъ, окинувъ всѣхъ глазами, на перваго меня смотрѣть началъ. То ли, что онъ впервые меня

тутъ увидѣлъ, или иное что было тому причиной — не знаю, но по крайней мѣрѣ я счелъ, что тогда было самое наиспособнѣйшее время къ поданію ему пакета. Я подступилъ къ нему съ трепещущими ногами и, подавая письмо, трясся, чтобъ не узналъ онъ, что оно было припечатано... Прочитавъ представленіе, взглянулъ онъ на меня и окинулъ еще разъ съ головы до ногъ меня глазами; но тотчасъ опять развернувъ мою челобитную, сталъ продолжать читаніе.

Всѣ стояли тогда въ глубочайшемъ молчаніи и взглядывали на меня, видя господина Яковлева, читающаго бумаги мои съ величайшимъ вниманіемъ. Я стоялъ тогда внѣ себя и не зналъ, что̀ заключить изъ его поступковъ, и худое или доброе предвозвѣщать изъ его взглядовъ и прилежнаго читанія, по крайней мѣрѣ не имѣлъ я много причинъ ласкаться доброю надеждою... Господинъ Яковлевъ.. не прочтя до половины моей челобитной, спросилъ меня: «Не Тимоѳея-ли Петровича ты сынъ?»—«Его, милостивый государь», отвѣтствовалъ я ему.—«О!» сказалъ онъ тогда: «батюшка твой былъ мнѣ милостивецъ, и я никогда не забуду его къ себѣ пріятства».

Сказавъ сіе, сталъ онъ продолжать читать мою челобитную. По сихъ немногихъ словъ довольно уже было къ премѣненію всего моего внутренняго состоянія. Какъ солнце, выходя изъ-за тучи, освѣщаетъ вдругъ весь горизонтъ и прогоняетъ тьму, такъ слова сіи прогнали тогда весь мракъ моего сомнѣнія и освѣтили лучомъ пріятнѣйшей надежды всю мою душу. Однимъ словомъ, я не сомнѣвался уже почти тогда о полученіи всего мною желаемаго, и чаянію моему соотвѣтствовало послѣдствіе.

Господинъ Яковлевъ, прочтя челобитную, сказалъ мнѣ: «Хорошо, мой другъ, ходи только къ обѣдни, и чтобъ я тебя всякій день здѣсь видѣлъ». Я не зналъ, что-бъ такое слова сіи значили, а болѣе изъяснить ихъ не допустили его прочіе просители, приступившіе къ нему толпами. Однако, заключилъ я, что чему-нибудь доброму, а тутъ быть надобно и дождался уже съ спокойнѣйшимъ духомъ отъѣзда его къ обѣднѣ...

Господинъ Яковлевъ старался оказать себя тогда наинабожнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ не пропускалъ ни одной обѣдни, и маливался въ церквахъ наиприлежнѣйшимъ образомъ; а какъ онъ при томъ былъ весьма забавный человѣкъ, то не знаю что вздумалось ему со... съѣхавшимися изъ разныхъ полковъ

для таковой же просьбы сержантами вести шутку. Между тѣмъ, покуда дѣла ихъ производились въ канцеляріи, игралъ онъ со всѣми ими невиннымъ образомъ. Онъ заставлялъ ихъ всякій день ходить въ обѣднѣ, и симъ образомъ пріучалъ къ богомолью. А какъ они принуждены были ходить въ самую ту церковь, въ которую и онъ ѣзживалъ, то не упускалъ онъ примѣчать за ними, кто изъ нихъ былъ богомольнѣе и смирнѣе и кто вертопрашнѣе прочихъ. На-утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами и тутъ бывали обыкновенно инымъ похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе. Иной долженъ былъ за то иттить пѣшкомъ молиться въ Невскій монастырь, а другой класть опредѣленное число поклоновъ, или стоять въ церкви передъ нимъ и молиться наиприлежнѣйшимъ образомъ. Симъ и другимъ подобнымъ сему образомъ забавлялся тогда графскій любимецъ сими молодцами, и любилъ особливо тѣхъ, которые лучше прочихъ соотвѣтствовали его желаніямъ...

Сколь молодъ я тогда ни былъ, однако могъ заключить, что мнѣ необходимо надобно было всѣ его приказанія наиточнѣйшимъ образомъ исполнять стараться, чего ради не медля ничего болѣе, пошелъ я тотчасъ въ ту церковь, гдѣ онъ находился. Я сталъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бъ могъ онъ меня совершенно видѣть, и притворясь будто я его совсѣмъ не вижу, молился наиприлежнѣйшимъ образомъ, что мнѣ было и не трудно, потому что не въ похвальбу себѣ сказать, съ маленьку былъ къ Богу прилеженъ, а тогда и подавно должно было поблагодарить Бога за милостивое Его обо мнѣ попеченіе. Сіе возъимѣло хорошее дѣйствіе. Господинъ Яковлевъ примѣчалъ всѣ мои движенія до наималѣйшаго, и видя, что моленіе мое было непритворное, былъ поведеніемъ моимъ очень доволенъ. Самое сіе и произвело выгодныя для меня слѣдствія, ибо какъ я поутру на другой день пришелъ къ нему всѣхъ прежде и въ залѣ его любимое мѣсто себѣ занялъ, а на меня смотря пришло и нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей, и онъ, имѣя по счастію нашему тогда досугъ и вышедъ къ намъ еще въ шлафрокѣ, по обыкновенію своему, съ нами забавлялся, то похваливалъ онъ меня публично передъ всѣми и говорилъ, что я

хотя и моложе всѣхъ, однако и прилежнѣе всѣхъ молился Богу, и стыдилъ тѣмъ прочихъ моихъ сотоварищей. Потомъ спрашивалъ меня о моей матери, о полку, также и о томъ, гдѣ я учился, и какъ онъ говорилъ со мною ласково и пріятно, то и я не имѣлъ причины робѣть и отвѣтствовалъ ему такъ, что онъ былъ отвѣтами моими доволенъ. Совсѣмъ тѣмъ о настоящемъ моемъ дѣлѣ и о произвожденіи не упоминалъ онъ ни единымъ словомъ. Сіе меня уже нѣкоторымъ образомъ и безпокоило, а къ несчастію народъ, начавшій часъ отъ часу въ залѣ собираться, прогналъ его во внутренніе покои, гдѣ онъ обыкновенно одѣвался.

Совсѣмъ тѣмъ проводивъ его къ обѣднѣ, не упустили мы зайти въ канцелярію и справиться, нѣтъ ли какихъ вновь приказаній. Тутъ, къ крайнему моему удовольствію, услышалъ я, что господинъ Яковлевъ еще вчера челобитную мою въ канцелярію отдалъ и притомъ наистрожайше приказалъ спѣшить какъ возможно скорѣй нашимъ дѣломъ и готовить списокъ для нашего произвожденія. — «Вотъ, братецъ, закричали тогда мои товарищи, не правду ли мы говорили, что подлѣ тебя и намъ хорошо будетъ. Такого приказанія не было еще ни однажды. Ей! ей! самъ Христосъ тебя къ намъ послалъ».

Радость, чувствуемую отъ сего, не почитаю я за нужное описывать подробно; довольно она была чрезвычайна и столь же велика, сколь велика была сперва печаль моя. Совсѣмъ тѣмъ дѣло наше продлилось болѣе недѣли, но тому причиною былъ не господинъ Яковлевъ, а нѣчто другое. Списки наши поспѣли чрезъ три дня, ибо господинъ Яковлевъ, видая меня всякій день у себя поутру, ежедневно объ нихъ вновь подтверждалъ и приказывалъ; а остановку и медленность произвело то обстоятельство, что тогда самого графа Шувалова не случилось въ Петербургѣ. Поелику императорскій дворъ былъ тогда въ Сарскомъ-Селѣ, то и графъ около сего времени находился тамъ же, слѣдовательно за отсутствіемъ его и произвожденіе наше подписать было некому.

Со всѣмъ тѣмъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ и поелику была уже безсомнѣнная надежда, могъ уже я безъ скуки возвращенія графскаго въ Петербургъ дожидаться, и не тужилъ бы, хотя бы сіе и нѣсколько недѣль продолжалось. Я свелъ между тѣмъ лучшее знакомство съ моими товарищами, и мы

хаживали съ ними вмѣстѣ всякій день въ церковь и къ графскому любимцу. Онъ такъ ревностно за меня вступился, что желая скорѣй меня отправить, однимъ днемъ, какъ списки наши были уже готовы, публично изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что графъ долго не ѣдетъ и почти просьбою просилъ, чтобъ я на нѣсколько дней взялъ терпѣніе.

Такимъ образомъ продолжалъ я жить въ Петербургѣ, питаясь сладчайшею надеждою. Мнѣ не досадны уже были тогда мои позументы, но я часто самъ себѣ говаривалъ: «уже скоро, скоро вы съ обшлаговъ моихъ полетите». Совсѣмъ тѣмъ препровождалъ я время свое не совсѣмъ праздно, но какъ все послѣобѣденное время дѣлать мнѣ было нечего, то хаживалъ я по городу и осматривалъ мѣста, кои мнѣ видѣть еще не случалось. Мой первый выходъ былъ въ Академію, куда влекла меня охота моя къ книгамъ; могу сказать, что я съ малолѣтства получилъ къ нимъ превеликую склонность. Почему ѣдучи еще въ Петербургъ, за непремѣнное дѣло положилъ я, чтобъ побывать въ Академіи и купить себѣ какихъ-нибудь книжекъ, которыя въ одной ней тогда и продавались. Въ особливости же хотѣлось мнѣ достать «Аргениду», о которой дѣлаемая мнѣ еще въ деревнѣ старичкомъ моимъ учителемъ превеликая похвала не выходила у меня изъ памяти. Я тотчасъ ее первую и купилъ; но какъ въ самое то время увидѣлъ я впервые и «Жилблаза», которая книга тогда только что вышла и мнѣ ее расхвалили, то не разстался я и съ нею.

А. Болотовъ.

НАЧАЛО ДУХОВНОЙ КАРЬЕРЫ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА.

(Изъ автобіографіи).

По отбытіи изъ лавры въ Петербургъ благодѣтеля своего, Архимандріта Гедеона, Платонъ въ нѣкоторое впалъ уныніе и грусть, по обыкновеннымъ человѣческимъ искушеніямъ: что узнавъ Архимандритъ, дабы его ободрить, потребовалъ его къ себѣ въ Петербургъ на сырную недѣлю 1759 года, гдѣ пробылъ дней съ десять, возвратился, съ большею духа бодростію. Потомъ въ томъ же году паки потребованъ былъ въ Петербургъ, во время вакацій, и пробылъ тамъ недѣль шесть; да въ 1760 году на время вакацій туда же потребованъ къ 5-му

числу Іюля; и по случаю праздника Преподобнаго Сергія, въ оба года говорилъ проповѣди, въ принадлежавшей тогда къ Троицкой лаврѣ, и великимъ ея коштомъ вновь по всему, помянутымъ Архимандрітомъ Гедеономъ устроенной, Ново-Сергіевской, что по Петергофской дорогѣ, пустынѣ; принадлежащей нынѣ къ Петербургской епархіи, въ числѣ второкласныхъ монастырей.

Не умолчу нѣчто съ Платономъ въ сей пустынѣ случившееся. На праздникъ 5-го іюля 1760 г., званы были Архимандрітомъ изъ Петергофа, гдѣ тогда дворъ находился, знаменитые гости Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Они, увидѣвъ Платона, и полюбовавшись выгодною его наружностію, вступили съ нимъ въ разговоръ о разныхъ матеріяхъ. Платонъ былъ въ разговорахъ свободенъ и веселъ. Они столько его полюбили, что Г. Шуваловъ захотѣлъ его представить Императрицѣ, съ тѣмъ, чтобъ его отправить на своемъ коштѣ въ Парижъ въ Сорбону для усовершенствованія, и хотя младому монаху сего и желалось; но Архимандрітъ на то не согласился. Однако любовь Шувалова къ Платону отъ тогда продолжалась до самой кончины его, или любовными посѣщеніями, или дружескими переписками. А Графъ Разумовскій, также его полюбя, узнавъ его еще искусна въ пѣніи, и съ нимъ поя, влекъ съ собою въ Петергофъ и хотѣлъ представить Императрицѣ, говоря, что она будетъ довольна сего монаха узнать: однако до того по зависти не допустилъ, находившійся при немъ, яко дядька, кривой Шубской.

Бывъ Платонъ троекратно въ Петербургѣ, не только узналъ сей знаменитый градъ, но и имѣлъ счастіе благосклонно принятъ быть первенствующимъ тогда Архіереемъ, Митрополітомъ Новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ, который его съ того времени, по самую смерть, яко за друга почиталъ; о чемъ послѣ будетъ помянуто; также сталъ знаемъ и другимъ Архіереямъ... Въ проѣзды свои въ Петербургъ познакомился съ Новогородскими учителями, Симономъ, что нынѣ Архіепіскопъ Рязанскій; съ Тихономъ, первымъ Епіскопомъ Воронежскимъ, умершимъ тамъ на обѣщаніи; съ Парѳеніемъ, бывшимъ тамъ Ректоромъ, а послѣ Епіскопомъ Смоленскимъ, пастыремъ добрымъ, съ коимъ по блаженную кончину его имѣлъ дружескую переписку. Такимъ образомъ Платонъ, пребывая въ лаврѣ, и отправ-

ляя свои должности, былъ весьма доволенъ своимъ состояніемъ, и часто послѣ говаривалъ, что никогда онъ столь спокойно и щастливо не жилъ, какъ чрезъ пять лѣтъ своего учительства. Былъ отъ всѣхъ любимъ, особливо съ тогда бывшими властьми обходился дружески и почти неразлучно...

Особливо Платону нравилось, что все въ лаврѣ находилъ готовое, яко-то всегда довольный столъ, напитки и выѣздъ: и нимало о томъ не заботился. Должность была для него незатруднительна: всѣми любимъ, съ учителями другъ, ни чемъ неоскуденъ, здоровъ и веселъ, и лѣтомъ весьма часто, со властями и со учителями посѣщали превеселое и милое загородное мѣсто, называемое Корбуха, гдѣ и баня лѣтняя была. Тамъ прогуливался Платонъ съ товарищи по садамъ и лѣсамъ, плавалъ по прудамъ, пристойными играми веселился, и въ дружескихъ, не рѣдко ученыхъ разговорахъ, нечувствительно время проходило; при вкушеніи благовонныхъ испареній, и при оглашеніи пѣніемъ разныхъ птицъ. По истиннѣ, то время было райское, и весна лѣтъ Платоновыхъ. Всегда онъ о семъ времени съ воздыханіемъ воспоминалъ, яко наступившія потомъ разныя немалотрудныя должности и заботы, и мірскія суеты, а при томъ и болѣзни не рѣдкія, не дозволяли уже ему таковымъ удовольствіемъ наслаждаться.

Митр. Платонъ.

ВЪ ПОИСКАХЪ СЧАСТЬЯ.

Пришедши въ возрастъ девятаго года, въ деревнѣ Сольцѣ также имѣлъ въ паствѣ моей шестьдесятъ скотинъ, трудясь цѣлое лѣто за тридцать копѣекъ, чему свидѣтелемъ былъ бывшій въ послѣдствіи сторожъ Вознесенія Господня въ С.-Петербургѣ, Григорій Бочковъ, коего я во время жизни моей уже сколько могъ призиралъ. Потомъ, на одинадцатомъ году, въ селеніи Высоцкомъ и Негодяевскомъ взялъ стадо въ 120 скотинъ пасти за шестьдесятъ копѣекъ въ лѣто; зиму же, не имѣя никакого дѣла и не бывъ еще въ состояніи онаго исправлять, ходилъ за имя Христово испрашивать милостыни съ сестрами, равно мнѣ малолѣтними, Василисой и Евфиміей; но вторая моя сестра Матрона никакъ не могла себя принудить на оное, стыдясь, можетъ быть, просить отъ того, что уже въ состояніи была исправлять работу. Въ сей горемычной одинаковости жизни

занимался плетеніемъ лаптей съ столь сильнымъ прилежаніемъ, что уже нѣкоторымъ образомъ возмогалъ довольствовать семейство свое, и сей первый промыслъ собственныхъ трудовъ моихъ столь много поощрялъ меня къ дальнѣйшему предпріятію, что изъ послѣдствія жизни моей видно будетъ. Когда же которое лѣто не имѣлъ паствы, тогда занимался другими, по мѣрѣ силъ моихъ, трудами: иногда уходилъ до восхожденія солнечнаго изъ шалаша на пожню, и особливо во время сѣнокоса, и до пробужденія товарищей косилъ траву съ толь великимъ усиліемъ, что черезъ то пріобрѣлъ уваженіе и отъ самыхъ сотоварищей своихъ.

Въ семъ продолжительномъ времени пришедъ въ возрастъ пятнадцати лѣтъ, родительница моя рѣшилась меня отпустить въ столицу, на что̀ я получа благословеніе и сорокъ копѣекъ на дорогу, отправился въ путь. Съ сею-то суммою въ 1747 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, во время царствованія императрицы Елисаветы Петровны, пустился въ неизвѣстный мнѣ путь, безъ всякаго покровительства, не имѣлъ ничего вѣрнаго въ предметѣ моего предназначенія, съ единою вѣрою въ помощь Божію и съ истиннымъ упованіемъ на родительское благословеніе, продолжая дорогу на половину пѣшъ, а гдѣ могъ, находилъ и сострадательныхъ людей, то и на лошади по нѣскольку везли меня; и сохраняя столь драгоцѣнную для меня сумму, во всю дорогу на ночлегахъ истратилъ только двадцать копѣекъ, а остальныя двѣ гривны сохранилъ себѣ на разживу.

Вступя въ С.-Петербургъ, доискался пивоварни купца Зѣвакина; пришедъ, испрашивалъ позволенія у прикащика остаться и имѣть ночлегъ у нихъ; но сей безъ докладу хозяину онаго не дозволялъ. Увидя же меня, хозяинъ далъ на оное свое согласіе; то я и оставался у нихъ до пріисканія себѣ мѣста, что̀ и послѣдовало вскорѣ: ибо нанялся у нѣкоего секретаря на четыре года съ полнымъ содержаніемъ хозяйскимъ и сверхъ того пять рублей деньгами въ годъ каждой, а какъ у него былъ свой домикъ, то за исправленіе всей его домашней работы, какъ то: воду возить, дрова припасать, топить печи, башмаки и сапоги чистить, а сверхъ того и къ будкѣ ходить. Что̀ все исполнялъ съ полнымъ усердіемъ, а симъ заслужилъ отъ моего хозяина вниманіе и уже могъ оставшіяся отъ дороги у меня денегъ двадцать копѣекъ отослать матушкѣ обратно на соль,

которыя она получа, пролила источникъ радостныхъ слезъ и съ сердечнымъ уваженіемъ утѣшенія говорила къ окружающимъ ее: «Товарищи его въ дорогѣ по рублю издержали, а мое милое дитятко только двѣ гривны истратилъ!» Въ послѣдствіи времени она ко мнѣ въ С.-Петербургъ обратно прислала на разживу десять копѣекъ и свое благословеніе. Съ сими-то вѣрными залогами родительской любви я оставался въ надеждѣ на невидимую помощь Божію, въ чемъ и не обманулся, а присланная мнѣ гривна и до нынѣ хранится въ семействѣ нашемъ.

Таковымъ образомъ продолжая свою службу у помянутаго секретаря, всегда ходилъ съ нимъ въ церковь Божію, ибо онъ человѣкъ былъ благочестивый, набожный и благотворительный, и весьма часто раздавалъ изобильную милостыню, ввѣряя иногда мнѣ исправлять христіанскую обязанность, что и послужило мнѣ на цѣлый вѣкъ примѣромъ благотворенія и нравоученія. Непреодолимыя судьбы Всевышняго лишили меня сего почтеннаго хозяина: чахотка, кроющаяся въ бренномъ тѣлѣ его, обнаружила свою лютость; всѣ средства употреблены были ко спасенію его, но не имѣли уже своего дѣйствія. Но онъ и въ послѣдніе дни своей болѣзни не упустилъ, чтобы обо мнѣ не стараться, заставлялъ меня прочитывать молитвы и правила нравоученія изъ подаренной имъ мнѣ азбуки, которая, какъ залогъ его благотворенія ко мнѣ, хранится и теперь у дочери моей, а особливо видя мою къ нему привязанность, просилъ знакомыхъ своихъ товарищей и пріятелей, почтенныхъ и степенныхъ купцовъ, о принятіи меня къ купеческимъ торгамъ, а болѣе по замѣченной имъ во мнѣ честности и усердію. Но все его о мнѣ попеченіе не исполнилось, чему воспрепятствовала его кончина. Отдавъ послѣднюю ему память, жена покойнаго вскорѣ отпустила меня отъ себя изъ дому, заплатя, что слѣдовало. Итакъ, въ теченіе сей весны пустился я обратно на родину; засталъ матушку въ прежнемъ ея состояніи въ селѣ Еремейцовѣ. Изъ сохраняемыхъ же за службу у меня двѣнадцати рублей купилъ я новые срубы за шесть рублей и симъ моими трудами нажитымъ капиталомъ возмогъ уже семейству моему оказать услуги и утѣшить нѣкоторымъ образомъ въ усердіи своемъ и любовь къ родительницѣ доказать по мѣрѣ силъ своихъ опытомъ приверженности своей.

Проживъ дома малое время, вторично пустился въ С.-Петербургъ съ родительскимъ благословеніемъ, куда пріѣхавъ присталъ

къ купцу Краснощекову, который, по благорасположенію своему, на первый разъ хотѣлъ меня опредѣлить къ винной продажѣ, но я сего никакъ не пожелалъ, видя въ то время состояніе сихъ торговцевъ, основанное на зыблемой и непостоянной колеблемости Фортуны,—что̀ онъ видя, меня помѣстилъ въ мучную лавку по собственному моему желанію, и сей-то торгъ открылъ мнѣ путь новаго промысла, познанія купеческихъ оборотовъ и пользы отъ неусыпныхъ трудовъ почтеннаго сего званія. Итакъ заключилъ условіе на пять лѣтъ, что и случилось въ 1748 году, за 15 рублей въ годъ, а остальные годы по мѣрѣ выгодъ, а потому и плату съ барыша прибавлять въ число жалованья...

Итакъ, проживъ у него еще нѣсколько времени, нашелъ нужнымъ побывать опять въ отчизнѣ. Отшедъ отъ него, пустился въ путь сей, куда и пріѣхалъ 1-го декабря 1752 года, заплатилъ за себя отводныхъ въ міръ денегъ двадцать три рубля, на мнѣ причитающихся, и сею очисткою въ обществѣ сельскомъ освободилъ себя къ дальнимъ намѣреніямъ моимъ. Мнѣ совершилось уже двадцать четыре года, какъ я возвратясь въ столицу обратно, купилъ себѣ по Вознесенской улицѣ, у Измайловскаго моста, деревянный домъ, принадлежавшій до того купцу Капустину, за восемьсотъ рублей. Раченіемъ своимъ и невидимою помощью Божіею выстроилъ вскорѣ тутъ же на дворѣ пивоварню, что меня много и поддержало въ состояніи моемъ, и рѣшилъ записаться въ С.-Петербургское купечество во вторую гильдію. Твердое упованіе на всемогущество Божіе столь меня много подкрѣпило въ моемъ поприщѣ, что всесильная рука Его, извлекши меня изъ несостоянія въ состояніе, отверзла впослѣдствіи путь и къ служенію общества, что и случилось въ 1752 году. Когда я былъ во второй гильдіи, то отъ всего общества купеческаго выбранъ былъ къ должности по соленому (торгу?) въ С.-Петербургъ, ибо тогда изъ купечества выбирали къ сей службѣ. А въ 1760 году былъ я тридцати-двухъ лѣтъ, какъ вступилъ въ первую гильдію. А вскорѣ женился на купеческой дочери Дарьѣ Егоровнѣ Галактіоновой, что случилось въ царствованіе императора Петра Третьяго, съ коею и имѣлъ двухъ дочерей, выданныхъ по времени въ замужество: младшую — второй гильдіи за купца Петра Яковлевича Туфанова, а старшую за капитана Михаила Николаевича Ветошникова, господина архитектора.

А. Березинъ.

Въ провинціи.

СКИТАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ ПО РОССІИ.

Мы пробыли на морѣ шесть недѣль, при чемъ не обошлось безъ бурь, отъ которыхъ, однако, благодаря Провидѣнію, мы не погибли, и наконецъ, въ августѣ прибыли въ С.-Петербургъ въ самомъ жалкомъ положеніи и безъ копѣйки денегъ. Въ довершеніе всего, отецъ мой не засталъ тамъ своего брата, который былъ въ Москвѣ при дворѣ, т.-е. въ двухъ стахъ лье разстоянія. Въ эту критическую минуту онъ обратился къ нѣкоему Дюбюиссону, французу, который содержалъ гостиницу и зналъ его брата. Этотъ господинъ продержалъ насъ у себя въ теченіе двухъ недѣль, послѣ которыхъ отецъ мой, оправившись съ дороги, рѣшился продолжать путь до Москвы, чтобы тамъ пристать къ дядѣ. Для этого пришлось ему прибѣгнуть къ помощи одного знакомаго, отъ котораго съ большимъ трудомъ досталъ онъ взаймы десять экю *), чего едва достаточно было для такого дальняго путешествія, такъ что намъ пришлось сложить наши скудные пожитки на маленькую телѣжку, которая отправлялась въ Москву съ виномъ, а самимъ пѣшкомъ идти за русскимъ извозчикомъ, съ которымъ мы могли объясняться только знаками, питаться всю дорогу только хлѣбомъ и молокомъ и часто спать подъ открытымъ небомъ, гдѣ насъ заѣдали комары, которыхъ тамъ множество, потому что тамъ мѣстность болотистая; были сильныя жары, какія обыкновенно

---

*) Экю—серебряная монета стоимостью около 3 франковъ. (*Сост.*).

бываютъ въ Россіи лѣтомъ. Почти непостижимо, какимъ образомъ отецъ мой и я могли перенести все, что пришлось терпѣть въ эти шесть недѣль, но наконецъ мы дошли до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть отъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Но Провидѣніе распорядилось иначе. На наше несчастіе мы пришли въ эту столицу въ то время, когда половина ея погибла въ пожарѣ. Мы сами прошли восемь верстъ (2 лье) мѣстностью, опустошенной пожаромъ, розыскивая мѣсто, гдѣ нѣкогда находился домъ моего дяди, тоже сгорѣвшій до тла; дядѣ не удалось ничего спасти, и онъ долженъ былъ самъ выскочить изъ постели и спастись въ окно со всѣмъ семействомъ. Въ такомъ то печальномъ положеніи мы застали того, отъ котораго ждали себѣ помощи и облегченія всѣхъ бѣдъ, претерпѣнныхъ нами въ это безконечное путешествіе. Насилу у него нашлась квартира, гдѣ помѣститься; большіе господа присылали ему дровъ. Мы пробыли съ нимъ шесть мѣсяцевъ, тогда отецъ мой, не желая быть въ тягость брату, и встрѣтившись въ Москвѣ съ однимъ знакомымъ своимъ бригадиромъ, Роланомъ, которому императрица Анна только что ввѣрила за его долгую службу начальство надъ Архангельскомъ, рѣшился по его совѣту отправиться съ нимъ. Бригадиръ жилъ одинъ, былъ преклонныхъ лѣтъ, и обѣщалъ отцу моему всѣ удобства, какія самъ могъ доставить себѣ въ подобномъ захолустьѣ. Онъ захотѣлъ, чтобы отецъ взялъ меня съ собою, чтобы опредѣлить меня въ военную службу, въ которую и отдали меня съ чиномъ сержанта въ Вологодскій полкъ, обѣщая повышать меня впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ будутъ прибавляться мои годы, — такъ какъ мнѣ въ то время было одиннадцать лѣтъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали изъ Москвы, въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Архангельскъ, куда ѣхали четыре недѣли, хотя совершали путешествіе въ экипажѣ. Путешествіе это было довольно трудное до Вологды, гдѣ мы сѣли на барку и поплыли по рѣкѣ, называемой Двиною. Это плаваніе, хотя не особенно опасное, было весьма тяжело вслѣдствіе жаровъ и комаровъ, отъ которыхъ не было отбою, несмотря на то, что постоянно заставляли драгуновъ, служившихъ въ конвоѣ коменданта, курить и жгли дрова на баркѣ.

Наконецъ, мы прибыли въ Архангельскъ съ комендантомъ; всѣ офицеры вышли его встрѣчать. Для коменданта Ролана былъ приготовленъ большой деревянный домъ, потому что во

всемъ городѣ каменныхъ зданій были только губернаторскій домъ и магазины, куда складывались товары. Улицы вымощены бревнами, потому что почти весь городъ стоитъ на болотѣ.

Е. Позье.

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО МОСКВЫ.

(Изъ писемъ 1730 г.). Мы выѣхали изъ дому 5 марта въ саняхъ; это экипажъ, сдѣланный изъ дерева, наподобіе колыбели и обитый кожею; въ немъ можно лежать, какъ въ постели, одѣвшись одѣяломъ; жаль, что въ саняхъ не можетъ помѣститься болѣе одного человѣка, это лишаетъ удовольствія имѣть общество. Мы ѣхали днемъ и ночью и прибыли въ Москву 9-го числа. Вы скажете, мы очень скоро ѣхали? что на это отвѣчать? не находя для отдыха хорошаго помѣщенія въ дурныхъ комнатахъ, мы на станціяхъ перемѣняли только лошадей; кушаньемъ же на всю дорогу запаслись дома. Народъ весьма учтивъ, но такъ угнетенъ бѣдностію, что едва виденъ въ немъ образъ человѣческій. Если исключите хижины, расположенныя на нѣкоторомъ пространствѣ вокругъ почтовыхъ дворовъ, то вамъ представится страна пустынная, въ которой нѣтъ ни городовъ, ни гостиницъ. Густой лѣсъ, покрытый снѣгомъ, представляетъ какую-то очаровательную картину; я часто воображаю, что снѣгъ на древесныхъ пняхъ и вѣтвяхъ превращается въ многоразличныя фигуры! Между прочимъ я видѣла медвѣдей и волковъ, которые теперь царствуютъ въ лѣсахъ.

Леди Рондо.

СЛУЖБА ДВОРЯНИНА НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНѢ.

Прибылъ я, наконецъ, съ нею (женою) и съ дѣтьми моими, Анною и Николаемъ, въ Самару, въ которомъ, на Волгѣ лежащемъ городѣ, всѣ командиры той экспедиціи имѣли свое пребываніе, а граница оставалась вся неукрѣпленною, кромѣ нѣкотораго малаго числа крѣпостей по Самарской и Яицкой линіямъ, и главнѣйшая изъ тѣхъ крѣпость, именуемая Оренбургъ, а послѣ мною переименованная Орскою, на рѣкѣ Яикѣ, была окружена заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ земляным брустверомъ и снабженная малымъ числомъ гарнизона. Въ ту крѣпость Орскую по однажды

въ годъ ѣзжали командиры со многочисленнымъ конвоемъ, потому что по всей той линіи регулярныхъ командъ нигдѣ не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, названныхъ казаками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенныхъ, а въ зиму и вовсе коммуникація съ Яицкою линіею пресѣкалась.

Увѣдавъ о всемъ томъ, первою должностію почелъ осмотрѣть всѣ мѣста и положенія той линіи; почему того жъ 1742 году по онымъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ: заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и, отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточнымъ, снабдя всѣ тѣ мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ, артиллеріею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовавъ Орскою по близости рѣки того названія, укрѣпить валомъ съ бастіонами. Къ переименованію жъ имени сей крѣпости, и что я за главную къ торговлѣ ту не могъ назначить, были таковыя причины: 1-е) то мѣсто безлѣсно; 2-е) построена на поемномъ мѣстѣ и по сему къ житью нездорова; 3-е) для произведенія торговли, по отдаленности и по опасности въ проѣздахъ купцамъ россійскимъ, неспособная; 4-е) въ проѣздѣ къ той крѣпости по пустымъ мѣстамъ всегда подвержены были купеческіе капиталы грабленію отъ киргизцовъ, что̀ и ежегодно исполнялось. Для всѣхъ сихъ обстоятельствъ и болѣе для ближайшаго надзиранія надъ склоннымъ къ бунтамъ Башкирскимъ народомъ, внутри тѣхъ линій поселеннымъ, избралъ я мѣсто ниже по теченію рѣки Яика прежде означенной главной крѣпости 250 верстъ и основалъ тутъ крѣпость, которую и наименовалъ, слѣдуя первому названію, Оренбургомъ. О всемъ вышеописанномъ донесъ я какъ въ сенатъ, такъ и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ коихъ я получилъ во всемъ томъ аппробацію. Возъимѣвъ тоё, было мое стараніе привесть тотъ городъ въ порядокъ, какъ для безопасности жителей, назнача оный оградить рвомъ и валомъ съ каменною одеждою въ цирконференціи безъ мала 5 верстъ, и снабдить достаточнымъ гарнизономъ и поселянами, для коихъ, какъ и многія публичныя строенія, построилъ я изъ казны, приманивая купцовъ изъ Самары и изъ другихъ мѣстъ разными выгодами; а какъ во всякомъ случаѣ лучшій примѣръ къ снесенію труда можетъ подать командующій, то я самъ на томъ мѣстѣ жилъ

въ палаткахъ до ноября мѣсяца, имѣя только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у послѣдняго жителя были, и не прежде въ построенный камандирскій домъ вошелъ, какъ и всѣ жители — въ ихъ домы, а гарнизонъ — въ казармы, и болѣе уже (по прежнему обычаю командировъ) въ Самару, то-есть, въ Русь, не возвращался. Сіе исполнивъ, обратилъ я мое вниманіе на приманиваніе къ торговлѣ купцовъ изъ Россіи, также и азіатцевъ. О первыхъ писалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ; а для вторыхъ посылалъ я за границу грамоты, приглашая, какъ киргизцовъ, такъ хивинцевъ, ташкенцевъ, кашкарцевъ, трухменцевъ и бухарцевъ къ торговлѣ, обнадеживая и симъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, татаръ слободы Сентовой; и какъ сей народъ легко ослѣпленъ быть можетъ корыстію, то я сихъ татаръ и наградилъ изобильно и обнадежилъ, по исполненіи ихъ комиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе*), кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745 году знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30,000 руб. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ; а сверхъ того, ввезено торгомъ въ Россію вошедшаго въ объявленіи слишкомъ 5,000 руб. серебра, а болѣе того числа вошло, кое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50 тысячъ въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило. Въ 1743 году ѣздилъ я выше той Орской крѣпости, вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую, которое разстояніе отъ заложеннаго мною Оренбурга слишкомъ 700 верстъ, на коемъ, кромѣ Верхояицкой крѣпости, по всей линіи никакого не было укрѣпленія и селенія. По удобнымъ мѣстамъ назначилъ я созидать крѣпости и редуты и тѣ снабдилъ гарнизонами и всѣмъ потребнымъ; къ размноженію жь торга за полезное призналъ и на Уйской линіи построить одну крѣпость познатнѣе, для того, что къ

*) Слобода Сеитова подъ Оренбургомъ на рѣкахъ Сакмарѣ и Каргалѣ (нынѣ посадъ Сентовскій или Каргола) основана Неплюевымъ въ 1744 году и первоначально была заселена зажиточными торговыми людьми изъ Казанскихъ татаръ.

той рѣкѣ прилегаютъ киргизцы Средней Орды, коимъ въ Оренбургъ на торгъ ѣздить, за отдаленностью, не было удобно, а болѣе для обузданія башкирцевъ Ногайской дороги. Все сіе мое учрежденіе получило апробацію; а я, видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ коею въ сію экспедицію прибылъ. На возвратномъ моемъ пути съ верхней линіи превозмогла грусть жену мою, которая въ томъ же году, въ Орской крѣпости, преставилась. Я рѣшилъ удалиться съ сего мѣста, что̀ и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.

Въ 1745 году представилъ я о переименованіи сей экспедиціи въ губернію и о приписаніи ко оной отъ Казанской, Уфимской и отъ Сибирской Исецкой провинцій, что̀ также апробовано. Во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты; а по сему и желающіе явились заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ, всѣмъ уже извѣстна, почему я и описывать то оставлю.

И. Неплюевъ.

ПОМѢЩИКИ.

(1750 г.). Жизнь, которую я по пріѣздѣ моемъ въ деревню принужденъ былъ вести, была совсѣмъ отмѣнна отъ той, какую я велъ до того времени. До того жилъ я все съ мужчинами и посреди всегдашняго многолюдства, а тутъ долженъ былъ жить съ однѣми женщинами и наиболѣе старушками, и дни свои препровождалъ въ совершенномъ почти уединеніи... Но, правду сказать, и околотокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія. Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлыя старики, не могущіе болѣе нести службу, или за болѣзнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю оставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служа-

щихъ въ войскѣ дворянъ, и вели также уединенную жизнь. Итакъ, и знакомиться было не съ кѣмъ...

Мать моя пріѣздомъ моимъ чрезвычайно была обрадована, и какъ она меня уже давно не видала, и я между тѣмъ нѣсколько поболѣе выросъ, а притомъ, понаучившись кой-чему, сдѣлался предъ прежнимъ и поумнѣе, то не могла она на меня довольно насмотрѣться и мною налюбоваться, Желала-бъ она охотно узнать, чему и чему я выучился въ Петербургѣ; но какъ она ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакого свѣдѣнія не имѣла, то не могла въ томъ себя удовольствовать. Недостатокъ сей я старался замѣнить показаніемъ искусства своего въ рисованіи. На другой-же день пріѣзда своего, разобравшись съ своими красками, нарисовалъ я ей на цѣломъ листѣ Бову-королевича или древняго рыцаря на конѣ, въ полномъ его вооруженіи и воинскихъ доспѣхахъ. Рисунокъ сей былъ хотя весьма и весьма посредственъ, или, лучше сказать, ни къ чему не годился, потому что для вящаго оказанія своего искусства дѣлалъ его отъ руки; но для старушки моей былъ онъ въ превеличайшую диковинку. Всѣмъ-то былъ онъ показываемъ, всѣмъ-то расхваливанъ, всякое мое слово замѣчаемо, подтверждаемо, и я отъ всѣхъ осыпанъ былъ похвалами и ласками.

Но не однимъ симъ угодилъ я моей родительницѣ; но чтобъ доказать, что я не люблю праздности и не хочу забыть того, что я училъ, разобралъ я и всѣ мои французскія и нѣмецкія учебныя книги, и по нѣскольку часовъ въ день сталъ препровождать въ читаніи и выписываніи кой-чего изъ оныхъ для тверженія того, что я выучилъ. Сіе было для матери моей всего пріятнѣе, она то и дѣло сама твердила мнѣ, чтобъ я старался выученнаго не позабыть и была прилежностью моею весьма довольна. Но бѣдное было сіе ученіе самого себя, а особливо въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ былъ я, притомъ при неимѣніи никакихъ историческихъ иностранныхъ книгъ, которыя-бъ я читать могъ и каковое-бъ читаніе могло мнѣ всего болѣе пользовать.

Симъ образомъ, раздѣляя время свое между читаніемъ, писаніемъ и рисованіемъ, а временемъ и гуляніемъ, началъ я жить при родительницѣ моей. Всѣ сіи учебныя и увеселительныя работы производилъ я при глазахъ моей матери, на большомъ и предлинномъ дубовомъ столѣ, стоящемъ у насъ въ переднемъ

углу той комнаты, гдѣ мать моя жила и почивала. Что касается до моей спальни, то была она въ маленькомъ чуланчикѣ, отгороженномъ досками отъ комнатки, бывшей подлѣ спальни матери моей; въ сихъ обѣихъ комнатахъ состояли всѣ наши жилые покои. Происходило сіе не отъ того, чтобъ хоромы наши были маленькія: онѣ были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли онѣ по большей части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и заднія сѣни умѣстили-бъ въ себѣ также покойца два; но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а и въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія, чтобы комнаты подштукатуривать и обоями обивать, не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣлъ и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ сущая темнота, и въ ней никто и никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебенъ служивали. За сею слѣдовала другая угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиною, и столовою, и спальнею и жилою; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное, съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая, складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафелей печь снабжала тепломъ оную. Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: нескоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякій день превеликія

ноши хвороста и съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была тепла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ предъ киотомъ со крестомъ, съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а вверху сдѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ разныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты, но стычной дубовый полъ отъ частаго мытья нѣсколько побѣлѣе. Что касается до потолка, то онъ былъ неровный, но чрезъ доску одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

Что принадлежитъ до мёбелей, то нынѣшнихъ софъ, канапе, креселъ, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи. Гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много полдюжинки старинныхъ стульцевъ должны были отвѣтствовать вмѣсто всѣхъ креселъ и канапе, а длинный дубовый столъ и какой-нибудь маленькій складной вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ, въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутый длинный столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ, прежде-упоминаемая печь и подлѣ нея широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющій и такъ почернѣвшій шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножомъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе наилучшей и первѣйшей комнаты.

Вправо и сбоку подлѣ нея находился другой теплой покой или прежде-упоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего пріѣзда перегорожена она была на-двое досками, и сія отгородка была тогда моею спальнею и комнатою.

Наконецъ, кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, чрезъ сѣни и всторону къ саду. Но оба они были нежилые, а служили кладовыми. Одинъ занятъ былъ мелочными съѣстными припасами, а другой сундуками и былъ темный.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ живали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, покуда отстроилъ себѣ новыя и лучшія...

Каковы были хоромы, таково было и мѣсто, на которомъ онѣ стояли. Не извѣстно уже мнѣ, кто изъ предковъ моихъ выбралъ впервые оное, только то знаю, что оно было худшее изъ всей усадьбы, а наилучшія мѣста заняты были огородами и скотными дворами; но сему и дивиться не можно: встарину было у насъ и обыкновеніе такое, чтобъ дома нарочно прятать и становить ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобъ изъ нихъ никуда въ даль было не видно, а все зрѣніе простиралось на одни только житни, конюшни, скотные дворы и сараи. А точно въ такомъ мѣстѣ поставлены были и наши хоромы.

Но вотъ я, опять заговорившись о побочномъ, удалился отъ продолженія исторіи моей. Теперь, возвращаясь къ оной, скажу, что нѣсколько дней спустя послѣ моего пріѣзда, наступилъ нашъ хромовой праздникъ святого Николая. Мать моя имѣла обыкновеніе оный колико можно лучше праздновать. Она пригласила къ себѣ къ оному всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, какихъ только она имѣла. Они пріѣхали всѣ къ ней, и я имѣлъ тутъ случай всѣхъ ихъ узнать и со всѣми ими познакомиться.

Но о! какое это прекрасное общество и какая милая и любезная компанія! Первую особу составлялъ одинъ высокорослый старичекъ, по имени Яковъ Васильевичъ Писаревъ. Онъ былъ матери моей двоюродный братъ и человѣкъ недальней бойкости. Онъ служилъ въ войскѣ низкимъ чиномъ и поелику онъ не умѣлъ и громотѣ, то и отставленъ таковымъ же. Жилъ онъ отъ насъ верстъ десять, имѣлъ самый малый достатокъ, и мать моя, сколько по родству, столько и за то любила, что онъ былъ веселаго и шутливаго нрава и въ компаніи не скученъ. А впрочемъ ничего дальняго отъ него требовать было не можно. Жена его была старушка, человѣкъ препростой, но дочь имѣлъ онъ преизрядную и предорогую дѣвицу; ее звали Агаѳьею Яковлевною, и она была совершенная уже невѣста. Мать моя, по любви своей къ нимъ и по бѣдности ихъ, взяла ее жить къ себѣ, и она у насъ жила, какъ я пріѣхалъ, и дѣлала намъ компанію. Но сыномъ, котораго онъ имѣлъ, былъ онъ не таковъ

счастливъ: была самая неугомонная, вѣтренная и такая голова, что не рѣдко онъ его на цѣпь приковывалъ.

Другую особу составлялъ также весьма небогатый дворянинъ и матери моей родственникъ же, но не столь близкій, по имени Сила Борисьевичъ Бакѣевъ. Онъ жилъ верстъ 15 отъ насъ, и въ самой той деревнѣ, гдѣ мать моя родилась и воспитана, ибо она была фамиліи Бакѣевыхъ. Онъ служилъ также въ гвардіи и отставленъ офицерскимъ чиномъ. Мать моя его не только любила, но и почитала, потому что онъ былъ всѣхъ прочихъ умнѣе и притомъ знатокъ по гражданскимъ дѣламъ, и могъ въ нужныхъ случаяхъ подавать совѣты. Словомъ, онъ во всемъ тогдашнемъ нашемъ обществѣ почитался философомъ и наиразумнѣйшимъ человѣкомъ, хотя, въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ весьма и весьма посредственнаго знанія. Жена его была старушка смиренькая и простенькая.

Третью особу составлялъ также весьма бѣдный дворянинъ, по имени Максимъ Ивановичъ Картинъ. Мать моя въ особливости была дружна съ его женою, которая была родная сестра вышеупомянутому г. Бакѣеву, и называли ее Ѳедосьею Борисовною. Она и достойна была ея любви, ибо была всѣхъ прочихъ госпожъ и умнѣе и бойчѣе, и мать мою сама любила. Что касается до ея мужа, то былъ онъ напростѣйшій старичекъ и сущая курочка. Онъ служилъ въ гвардіи солдатомъ и отставленъ капраломъ, и помнилъ еще самую старинную службу. Мать моя любила его за простосердечіе и тихій нравъ, и была тѣмъ довольна, что они къ ней часто пріѣзжали и у нея по нѣскольку дней отъ скуки гащивали.

Въ сихъ-то трехъ семействахъ состояли тогда почти всѣ наши гости. Старинныя, странныя и простыя ихъ одѣянія и уборы, въ какихъ они къ намъ пріѣхали, показались мнѣ сначала весьма странны и удивительны. Я, привыкнувши быть посреди свѣтскихъ людей, не могъ довольно надивиться долгополымъ ихъ кафтанамъ, ужасной величины обшлагамъ и всему прочему. Они показались мнѣ сущими почти шутами. Однако, какъ увидѣлъ послѣ, что они были не безъ разума, а что одна бѣдность тому причиною, что они такъ были одѣты, а паче всего, что они всѣ были по-мнѣ, и я во многихъ вещахъ былъ всѣхъ ихъ знающѣе и умнѣе, и, сверхъ-того, какъ они всѣ ко мнѣ ласкались и осыпали меня похвалами, то и я ихъ всѣхъ полюбилъ и всегда былъ очень радъ, когда они къ намъ пріѣзжали.

Тогдашній праздникъ празднованъ былъ точно такъ, какъ праздновали праздники въ деревняхъ наши старики и предки: за обѣдами и за ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они по рукамъ и въ прочее время; старички наши вставали оттого изъ-за стола подгулявши; и они праздновали у насъ дня съ три и болѣе. Мать моя любила гостей угащивать, и всѣ гости во все сіе время были веселы и довольны. По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки; тамъ обѣды и за ними подчиваніе; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ повалкою, а поутру, проснувшись, принимались опять за ѣду и прочее тому подобное.

Дядя мой, будучи порядочный и степенный человѣкъ, жилъ, какъ говорится въ пословицѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Мотать онъ не моталъ, жилъ не слишкомъ роскошно, и въ домѣ у него все было хорошо и порядочно. Онъ имѣлъ у себя молодую тогда и вторую жену и маленькаго на рукахъ еще сына. Катерина Петровна—такъ звали его жену—была боярыня молодая и модная и великая щеголиха. Онъ любилъ ее чрезвычайно; однако она должна была во всемъ повиноваться его волѣ и ничего лишняго не затѣвать. Нѣсколько человѣкъ отборныхъ друзей, живущихъ такимъ же образомъ, какъ онъ, составляли наиболѣе ихъ компанію и дѣлили съ ними свое время. Въ особливости же друженъ съ нимъ былъ тогдашней конной-гвардіи секретарь, Дмитрій Михайловичъ Буткевичъ. Поелику и у сего офицера была также жена и притомъ такихъ же почти лѣтъ и свойствъ, какъ моя тетка, то обѣ сіи дамы связаны были неразрывною любовью и ѣзжали очень часто другъ къ другу. Во время сихъ съѣздовъ препровождали онѣ время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получила свое основаніе и начало. Все что хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ пре-

великую еще диковинку, и буде гдѣ такая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема.

Совсѣмъ тѣмъ, карточная игра не была еще въ такомъ ужасномъ употребленіи, какъ нынѣ, и не сиживали за картами и до обѣда и послѣ обѣда и во всю почти ночь не вставаючи. Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилучшія игры, да и въ тѣ игрывали только по вечерамъ. Въ прочее-жъ время упражнялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ-особливости за ужинами и за обѣдами. По цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ, что упражняясь въ разговорахъ...

Доволенъ я былъ однимъ, бывающимъ почти всякій день у дяди моего, гостемъ. Былъ онъ того-жъ полка офицеръ, по фамиліи Лихаревъ, но находился подъ какимъ-то слѣдствіемъ, и потому хаживалъ обыкновенно все въ тулупѣ. Поелику былъ онъ человѣкъ весьма разумный и въ компаніи веселый и шутливый, то любилъ его мой дядя, и онъ хаживалъ къ намъ почти всякій вечеръ. Сей человѣкъ, узнавъ, что я имѣю склонность къ наукамъ и читанію книгъ, отмѣнно меня за то полюбилъ и нерѣдко разговаривалъ со мною о разныхъ матеріяхъ. Онъ принесъ ко мнѣ однажды рукописную книгу и, отдавая для прочтенія, сказалъ, что онъ обо всемъ будетъ меня спрашивать, и чтобъ я читалъ со вниманіемъ. Но таковое напоминаніе было для меня не нужно. Книга сія была для меня очень любопытна, и какъ я сего рода книгъ никогда еще не читывалъ, то въ немногіе дни промололъ я ее всю, а не удовольствуясь однимъ разомъ, прочелъ и въ другой разъ и могъ ему пересказать все по пальцамъ. Г. Лихаревъ удивился, услышавъ о томъ, что я ее въ такое короткое время прочелъ уже два раза, и былъ охотою и вниманіемъ моимъ такъ доволенъ, что подарилъ меня сею книгою. Я обрадовался тому до чрезвычайности и не зналъ какъ возблагодарить ему за оную. Составляла она переводъ одного французскаго и прямо можно сказать любовнаго романа подъ заглавіемъ «Эпаменондъ и Целеріана» и произвела во мнѣ то дѣйствіе, что я получилъ понятіе о любовной страсти, но со стороны весьма нѣжной и прямо романтической, что послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу.

А. Болотовъ.

УСМИРЕНІЕ ВЗБУНТОВАВШИХСЯ ПРОТИВЪ ПОМѢЩИКА КРЕСТЬЯНЪ.

Въ бытность мою въ Данковѣ подалъ одинъ помѣщикъ (а фамиліи его не упомню) прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались непослушными. Воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсыльщиковъ, съ ружьями и копьями, послалъ подъячаго по инструкціи забрать крестьянъ-ослушниковъ въ канцелярію для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣе къ принятію таковыхъ незванныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя каменьями, полѣньями, дубьемъ и рогатинами, для своего защищенія. Притомъ они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговоритъ не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою, на своего предводителя и заговорщика отъ пуль уповая, выступили съ женами и дѣтьми своими противъ городской команды на драку. Городская команда, по малости своего числа, видя противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ орудіемъ народа, захватила для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не было обхваченной отъ бунтовщиковъ, кои неустрашимо шли прямо на посыльныхъ, и передъ ними предводитель и заговорщикъ ружья, человѣкъ молодой, роста великаго и стройнаго (я видѣлъ, когда его привезли въ канцелярію убитаго). Приближаясь бунтовщики пустили изъ рукъ своихъ каменья и полѣнья, какъ градъ, и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швыряньемъ они многихъ городовыхъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посыльные, защищая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья по самомъ предводителѣ и заговорщикѣ пуль, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвъ. Увидя бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и зачали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться; городскіе, видя такое смятеніе, не упустили сего случая и начали ловить бѣгущихъ и столько нахватали ихъ, сколько ихъ можно было взять съ собою. Привезли они передъ канцелярію воеводскую въ Данковъ, къ

наказанію, бунтовщиковъ на трехъ подводахъ однихъ побитыхъ до смерти, въ томъ числѣ ихъ предводителя, и человѣкъ 20 полону здоровыхъ и раненыхъ. Я видѣлъ, когда допрашивали въ канцеляріи привезенныхъ бунтовщиковъ; крестьяне были всѣ молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степенныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурлаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ.

М. Даниловъ.

ЖИЗНЬ ВАЖНАГО БАРИНА ВЪ ДЕРЕВНѢ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИЗАВЕТѢ.

Чтобы познакомиться съ характеромъ Василія Васильевича Головина, нужно описать обыкновенный порядокъ домашней его жизни въ деревнѣ и Москвѣ *).

Вставши рано по утру, еще до восхода солнечнаго, онъ прочитывалъ полунощницу и утреню, вмѣстѣ съ любимымъ своимъ дьячкомъ Яковомъ Дмитріевымъ. По окончаніи утреннихъ правилъ, являлись къ нему съ докладами и рапортами дворецкой, клюшникъ, выборной и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки, испытанной честности, Пелагеи Петровны Воробьевой **). Прежде всего она произносила: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, а предстоящіе отвѣчали: Аминь. Потомъ она уже говорила: входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и съ молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему Государю, кланяйтесь низко Его боярской милости, и помните-жъ, смотрите, накрѣпко! Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: слышимъ, матушка. Вошедши въ кабинетъ къ барину, они кланялись до земли и говорили: здравія желаемъ, Государь нашъ! — Здравствуйте, отвѣчалъ Баринъ, друзья мои испытанные и не мученные, не опытные и не наказанные. Эта была его

*) Исторія жизни Василія Васильевича Головина писана со словъ родственниковъ его и служителей, которые были очевидными свидѣтелями всѣхъ этихъ странностей.

**) Въ Новоспаскомъ (им. Головиныхъ) есть ризы, пожертвованныя К. П. Воробьевой, французской парчи лиловаго цвѣта, съ серебрянными разводами, чрезвычайно красивыя. а также и другія подобныя онымъ по голубой землѣ, поданныя къ Храмовому Спасову празднику, отъ усердія Анны Григорьевны Головиной.

всегдашняя поговорка. Ну! что? Все ли здорово, ребята, и благополучно ли у насъ? На этотъ вопросъ прежде всего отвѣчалъ, съ низкимъ поклономъ дворецкой: въ церкви святой, и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ Господскомъ, на конномъ дворѣ и скотномъ, въ павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, Государь нашъ, Богомъ хранимо, благополучно и здорово. Послѣ дворецкаго начиналъ свое донесеніе клюшникъ: въ барскихъ вашихъ погребахъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ и овинахъ, улишникахъ и птичникахъ, на витчинницахъ и сушильницахъ, милостію Господнею, находится, Государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности, свѣжую воду ключевую изъ святаго Григоровскаго колодца, по приказанію вашему Господскому, на пѣгой лошади привезли, въ стеклянную бутыль налили, въ деревянную кадку постановили, вокругъ льдомъ обложили, извнутри, кругомъ призакрыли, и сверху камень навалили. Выборный доносилъ такъ: во всю ночь, Государь нашъ, вокругъ вашего Боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли, въ рожокъ, Сударь, по очереди трубили, и всѣ четверо между собою громогласно говорили; ноцныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ Господъ не пугали, и барской замаски не клевали, на крыши не садились и на чердакѣ не возились. Въ заключеніе староста доносилъ: во всѣхъ четырехъ деревняхъ милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши Господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія неслыхали, и небеснаго явленія невидали; котъ Ванька *) и баба Зажигалка **) въ Ртищевѣ проживаютъ, и по приказу Вашему Боярскому невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ

*) Это былъ любимой котъ Барина. Однажды онъ влезъ въ вятеръ, съѣлъ въ немъ приготовленную для барскаго стола животрепещущую рыбу, и, увязши, тамъ удавился. Слуги, не сказавъ о смерти кота, сказали только о винѣ, и Баринъ сослалъ его въ ссылку.

**) Такъ названа та женщина, отъ неосторожности которой сгорѣло Новоспаское въ 1775 году. Василій Васильевичъ такъ былъ испуганъ этимъ пожаромъ, что всѣмъ дворовымъ людямъ велѣлъ стряпать въ одной особой комнатѣ, а дворовыхъ было у него болѣе трехъ сотъ человѣкъ; естественно, что приказанія никогда не было исполняемо.

ежедневно воздыхаютъ, и Васъ, Государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы Вы гнѣвъ боярской на милость положили, и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили. Выслушавъ донесеніе, Баринъ отпускалъ докладчиковъ, и ему приносили чай! Впереди обыкновенно шелъ одинъ служитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями, шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ для обмахиванія золы и пыли. Поставивши жаровню съ горячими угольями на желѣзный листъ, а на нее мѣдный чайникъ, и сотворивши молитву Іисусову, слуги тихо выходили. Баринъ посылалъ за старшимъ сыномъ своимъ Васильемъ, котораго поднимали съ постели. Напившись чаю, отправлялся къ Литургіи; въ церкви стоялъ на особенномъ мѣстѣ, и по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями, возвращался послѣ Литургіи домой. Тутъ подавали ему завтракъ, и, не много спустя онъ садился за обѣдъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Всегда приглашаемъ былъ священникъ благословить обѣдъ, который нерѣдко продолжался часа по три. Кушаньевъ считалось обыкновенно семь. Но число блюдъ доходило иногда до сорока и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ, и каждый изъ нихъ въ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ приносилъ свое кушанье. Сервизъ весь былъ оловянный; въ праздники серебряный, а иногда и фарфоровый. Поставивши первыя блюда, всѣ семь поваровъ снимали колпаки, и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись 12 офиціантовъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны кармазиннаго сукна съ напудренными волосами и предлинными на шеѣ бѣлыми косынками. Послѣ обѣда подавался десертъ, называемый заѣдками; потомъ самъ баринъ пилъ шоколадъ; обѣдъ кончался часу въ 4-мъ передъ вечеромъ; ужина не было. Вскорѣ послѣ обѣда, Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни; извнутри прочитывали молитву Іисусову: Господи Іисусе Христе Сыне, Боже нашъ! помилуй насъ!— Аминь! —отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ, съ ужаснымъ стукомъ, закрывали ставни и засовывали желѣзными болтами. Тутъ приходили дворецкой, клюшникъ выборный и староста. Въ кабинетъ къ Барину допускался одинъ дворецкой, и отдавалъ уже прочимъ приказанія. Приказъ вы-

борному былъ такой: слушайте приказъ боярской: смотрите, всю ночь не спите, кругомъ барскаго дома ходите, колотушками громко стучите, въ рожокъ трубите, въ доску звоните, въ трещетку трещите, въ ясакъ ударяйте, по сторонамъ не зѣвайте и помните накрѣпко; чтобы птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, малыхъ дѣтей не пугали, барской замаски не клевали, на крышѣ-бъ не садились, и по чердакамъ не возились; смотрите-жъ, ребята, помните накрѣпко! Слышимъ, былъ отвѣтъ. Старостѣ былъ приказъ такой «скажите сотскимъ и десятскимъ, чтобъ всѣ они, отъ мала до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей отъ огня неусыпно сберегали-бъ, и глядѣли-бъ и смотрѣли: нѣтъ ли гдѣ въ деревняхъ Целѣевѣ, Медвѣдкахъ и Голявинѣ смятенія, не будетъ ли на рѣкахъ Икшѣ, Яхромѣ и Волчушѣ волненія, не увидѣте ли на небесахъ какого нибудь страннаго явленія, не услышители ли подъ собою ужаснаго землетрясенія? Коли что такое случится, или диво какое приключится, о томъ бы сами не судили, и ничего-бъ такого не рядили, и въ ту-бъ пору къ Господину приходили, и все-бъ его милости боярской доносили, и помнили-бъ накрѣпко». Клюшнику отдавала приказъ дѣвица Воробьева: Баринъ Государь тебѣ приказалъ, чтобъ ты провизію наблюдалъ, въ Григорово *) лошадь отправлялъ, и святую воду принималъ, въ кадку поставьте, льдомъ окладите, кругомъ накройте и камнемъ навалите съ чистотою и молитвою, людей облегчайте и скотовъ наблюдайте, по сторонамъ не зѣвайте и пустаго не болтайте, и помните накрѣпко! Этимъ оканчивались приказанія. Двери комнатъ запирала и отпирала обыкновенно Воробьева; ключи она относила къ самому Барину, и, положа подъ изголовье, говорила: оставайтесь, Государь, съ Іисусомъ Христомъ, почивайте, Сударь, подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, Ангелъ хранитель пребудетъ надъ Вами, Государь мой. Потомъ отдавала приказъ чередным сѣннымъ дѣвицамъ: кошекъто **) смотрите, ничѣмъ не стучите, громко говорите, по ночамъ

*) Село Григорово отстоитъ отъ Деденева въ 3-хъ верстахъ, и издревле принадлежитъ Фамиліи Господъ Лужиныхъ. А сначала ежедневно привозили воду изъ деревни Черной, отстоящей въ 12-ти верстахъ на особенной парѣ пегихъ лошадей, подъ конецъ это было отмѣнено, за отдаленностію мѣста.

**) Въ комнатахъ у Василья Васильевича было семь кошекъ, которыя днемъ могли ходить вездѣ, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой

не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко! Прочитавши вечернее правило Василій Васильевичъ ложился въ постель и, крестясь, произносилъ: рабъ Божій ложится спать, на немъ печать Христова и утвержденіе, Богородицына нерушимая стѣна и защищеніе Крестителева благословенная десница хранителя моего ангела всесильный и всемощный животворящій крестъ, безплотныхъ силъ лики и всѣхъ святыхъ молитвы; крестомъ ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражію искореняю, всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь! Ночью въ Новоспасскомъ раздавался громъ, звонъ, стукъ, свистъ, гамъ и крикъ, трещаніе и бѣганіе отъ четырехъ чередовыхъ и столькихъ же караульныхъ. Если что нибудь помѣшаетъ заснуть Барину въ первое время, то онъ уже не ложился спать и разстроивался на всю ночь. Въ такомъ случаѣ онъ или начиналъ читать въ слухъ свою любимую книгу жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція, или садился въ большія кресла, начиналъ качаться въ нихъ, поправляя волосы руками на обоихъ вискахъ, закладывая ихъ за уши и перебирая четки, произносилъ слѣдующія слова, постепенно возвышая и понижая голосъ. Врагъ сатана отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя, идѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Божія! Врагъ сатана! отженись отъ меня, въ мѣста темныя, въ моря бездомныя, безлюдныя, идѣ же не присѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная, изыди отъ меня въ таръ тарары, изыде отъ меня окаянная рожа въ адъ кромѣшной и въ пекло трисподнее, и къ тому уже не вниди. Аминь! Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ, разсыпься, растрекляте, растрепогане, растреокаянне! дую на тебя и плюю! Окончивъ заклинаніе, онъ вставалъ со стула, и начиналъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ своимъ семи комнатамъ, постукивая колотушкою, или во всю ночь ходилъ съ гусинымъ крыломъ обмахивать мнимую нечистоту сначала около себя, потомъ по всѣмъ комнатамъ. И если, сверхъ чаянія, находилъ гдѣ нибудь пыль, то тотчасъ же курили роснымъ ладономъ и окропляли то мѣсто святою водою. Эти странности естественно поджигали любопытство, и многіе подсматривали въ щели, что дѣлаетъ Ба-

---

кошкой поручено было ходить особой дѣвкѣ. Если случалось, что которая изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошки и дѣвки подвергались наказанію.

ринъ. Но и на этотъ случай приняты были мѣры. Сѣнныя дѣвушки начинали крикъ съ различными прибаутками и приговорками, окачивали изъ верхняго окошка холодной водой подслушниковъ, и Баринъ одобрялъ всѣ эти поступки, приговаривая: по дѣломъ вору и мука, ништо имъ растреклятымъ! растрепоганымъ! растреокаяннымъ! непытаннымъ! немученнымъ! и ненаказаннымъ! топча обѣими ногами и повторяя неоднократно одно и тоже. По всему видно, что онъ не могъ забыть жестокія пытки безчеловѣчнаго Бирона *).

Во время зимы, отправляясь на жительство въ Москву, а лѣтомъ возвращаясь обратно въ Деденево, онъ былъ сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ въ которомъ находилось до семидесяти лошадей и около двадцати различныхъ экипажей. Впереди всего, въ золотой каретѣ везена была многочудесная икона Влахернскія Божія Матери, съ фонаремъ, внутри утвержденнымъ, и въ сопровожденіи крестоваго Священника. Баринъ и барыни въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадными цугами въ восемь лошадей. Барышни въ четверомѣстныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа въ открытыхъ коляскахъ или саняхъ въ четыре лошади; всѣ они сидѣли по одиночкѣ, исключая малолѣтнихъ ихъ дѣтей, которые находились вмѣстѣ съ матерью; барскія барыни и сѣнныя дѣвицы были въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня и прочія принадлежности, отправляемы были по обыкновенію въ особенныхъ фурахъ. Двѣнадцать верховыхъ оберегали затѣйливый сей поѣздъ.

Не смотря на всѣ странности домашней жизни Василія Васильевича Головина 1-го, должно замѣтить, что онъ былъ очень

*) Въ зимнее время, когда начинали топить печи, соблюдали ежедневно слѣдующій порядокъ: въ барскихъ комнатахъ было четыре печи, и къ каждой изъ нихъ былъ опредѣленъ особой истопникъ. Предъ чаемъ они обыкновенно приходили въ домъ; Воробьева, отворивъ двери въ сѣни, говорила: слушайте, смотрите: печи оглядите, хорошенько топите, отнюдь не отходите, сажей не марайте, дымомъ не воняйте, и помните накрѣпко, похаживайте, посматривайте, входите бережно и опасно, съ чистотою и съ молитвою; заворачивать правымъ, бокомъ потомъ снаравливать на лѣво, во имя Отца, и Сына и Святаго Духа. Аминь! отвѣчали истопники, и съ этимъ словомъ вдругъ снимали съ плечь дрова, ударяя ими громко объ полъ, потомъ двое уходили на чердакъ открывать трубы, гдѣ ожидали снизу команды, а другіе двое отворяли заслонки, произнося въ слухъ Іисусову молитву, клали дрова въ печь, и въ одно и тоже время затопляли.

умный и образованный человѣкъ. Получивъ начало своего образованія за границею, онъ довершилъ его въ Петербургѣ. Онъ зналъ хорошо Голландскій и Латинскій языки, учился Нѣмецкому и Французскому, его любимыя науки были Географія и Астрономія. Онъ былъ самыхъ строгихъ и честныхъ правилъ; имѣлъ характеръ стойкій и пылкій, взыскательный за малѣйшее опущеніе порядка, но онъ никогда не былъ жестокъ, и всегда любилъ дѣлать добро. Въ отношеніи къ религіи, онъ строго сохранялъ всѣ правила и постановленія Церкви; не начиналъ ни одного дѣла безъ молитвы и благословенія, любилъ пѣть и читать на клиросѣ, дома ежедневно исполнялъ скитское, монашеское келейное правило, любилъ читать Священное Писаніе; часто повторяя слова Псалмопѣвца: Отяготѣ на мнѣ рука твоя. Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя хлѣбъ мнѣ день и нощь; желаетъ и скончивается душа моя во дворы Господни. Онъ былъ малаго роста, сухощавъ, имѣлъ темные волосы, каріе глаза, широкій носъ. Достигши 85-ти лѣтъ, онъ не употреблялъ очковъ, и не потерялъ ни одного зуба, даже страстно любилъ грысть орѣхи, которые ему мочили въ кадкахъ на цѣлый годъ. На головѣ онъ всегда носилъ стеганную зеленую шапочку, сшитую изъ трехъ одинаковыхъ полосъ, въ видѣ креста, такъ что одна полоса обходила вокругъ головы, а изъ двухъ другихъ сдѣланъ вверху крестъ; и по завѣщанію своему, въ ней былъ и положенъ во гробъ.

Василій Васильевичъ скончался отъ апоплексическаго удара въ 1781 году, мая 1-го дня *).

Изъ семейной хроники.

*) В. В. вынесъ продолжительное заключеніе и ссылку при Биронѣ; въ началѣ царствованія Елизаветы былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Жизнь его, описанная выше, сложилась въ основныхъ своихъ чертахъ въ это царствованіе, что и даетъ основаніе помѣстить этотъ отрывокъ здѣсь. (*Сост.*).

Образованіе и воспитаніе.

ПРОСВѢЩЕНІЕ ЗА ВРЕМЯ ОТЪ ПЕТРА I ДО ЕЛИЗАВЕТЫ.

Говоря о новыхъ учрежденіяхъ, основанныхъ въ Россіи, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ успѣхахъ наукъ въ этой имперіи.

При вступленіи на престолъ Петръ I засталъ весь свой народъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ; даже священники едва умѣли писать; главнѣйшія качества, требуемыя въ то время отъ духовнаго лица, заключались въ томъ, чтобы онъ могъ бѣгло читать и зналъ хорошо всѣ церковные обряды; если при всемъ этомъ у него была густая борода и суровый видъ, то онъ считался уже великимъ человѣкомъ. Одно только украинское духовенство имѣло нѣкоторую тѣнь образованія, но и то въ весьма незначительной степени; тѣмъ не менѣе, этихъ людей пришлось употребить для просвѣщенія остальныхъ. Петръ I, желая, чтобы подданные его, въ особенности духовенство, были болѣе образованы, поручилъ рязанскому архіепископу Стефану Яворскому основать школы при московскихъ монастыряхъ и въ другихъ подходящихъ мѣстахъ. Архіепископъ вызвалъ наставниковъ изъ Кіева и Чернигова и началось обученіе юношества, подвигавшееся, впрочемъ, очень медленно.

Нѣсколько лѣтъ спустя, императоръ, считая себя въ правѣ быть недовольнымъ этимъ архіепископомъ за то, что онъ не соглашался на измѣненія, которыя этотъ государь желалъ ввести въ управленіе церковью, лишилъ его своего довѣрія. Въ 1709 г., послѣ счастливой полтавской битвы, онъ нашелъ въ кіевскомъ монастырѣ монаха, по имени Прокоповича, который

въ молодости не только обучался въ Польшѣ у іезуитовъ, но даже провелъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ и бывалъ въ различныхъ академіяхъ Италіи, гдѣ пріобрѣлъ большую ученость; императоръ думалъ, что это духовное лицо болѣе подходитъ къ его цѣлямъ, вызвалъ его въ Петербургъ, пожаловалъ въ настоятели вновь построеннаго близъ этой столицы Александро-Невскаго монастыря и поручилъ ему въ то же время основать въ Россіи хорошія школы и академіи.

Прокоповичъ началъ съ обученія нѣсколькихъ молодыхъ людей въ школѣ, устроенной въ его собственномъ домѣ; когда они оказали нѣкоторые успѣхи, то онъ отправилъ ихъ въ иностранныя академіи, гдѣ они могли бы пріобрѣсти столько свѣдѣній, чтобы, по возвращеніи на родину, занять должности профессоровъ или наставниковъ въ тѣхъ академіяхъ, которыя намѣревались основать въ Россіи. Въ ожиданіи этихъ новыхъ заведеній, онъ велѣлъ продолжать обученіе юношества въ монастыряхъ, гдѣ имъ преподавали латинскій языкъ и первыя основанія философіи.

Прокоповичу не удалось, однако, исполнить своего намѣренія; нѣкоторые молодые люди, посланные имъ за границу, вовсе не возвратились, тѣ же, которые пріѣхали назадъ, не пріобрѣли настолько свѣдѣній, чтобы имѣть возможность обучать другихъ; поэтому дѣло на этомъ и остановилось.

Петръ I полагалъ вначалѣ, что для образованія дворянства достаточно заставить его путешествовать; поэтому, возвратясь изъ своего перваго большого путешествія, онъ послалъ всѣхъ молодыхъ людей самыхъ знатныхъ семействъ имперіи во Францію, Англію, Голландію, Италію и Германію, для пріобрѣтенія тамъ познаній, но такъ какъ большая часть этихъ молодыхъ людей была очень дурно воспитана, то они возвратились почти такими же, какими уѣхали. Это доказало императору, что прежде чѣмъ посылать ихъ путешествовать, слѣдовало дать имъ сперва образованіе болѣе удовлетворительное...

Въ 1717 г., будучи во Франціи, Петръ I былъ принятъ въ число членовъ парижской академіи наукъ, что внушило ему желаніе основать подобную же академію въ Петербургѣ *)... Въ 1724 г. онъ рѣшилъ основать въ Петербургѣ академію, взявъ во всемъ за образецъ парижскую...

*) См. выше у Фоккеродта. (*Сост.*).

Императору не было суждено имѣть удовольствіе при жизни увидѣть осуществленіе этого намѣренія. Первый врачъ его Блументростъ, котораго онъ назначилъ президентомъ академіи съ ежегоднымъ жалованьемъ въ три тысячи рублей, имѣлъ настолько вліянія, что ему удалось открыть академію въ царствованіе Екатерины... Анна желала сохранить ее; мало того, она учредила за академіей ежегодное содержаніе въ двадцать пять тысячъ рублей, она уплатила еще всѣ ея долги, доходившіе до тридцати тысячъ рублей, и назначила президентомъ графа Кейзерлинга. Нѣсколько лѣтъ спустя, Кейзерлингъ былъ посланъ министромъ въ Польшу и мѣсто президента занялъ камергеръ баронъ Корфъ. Когда онъ былъ посланъ въ Копенгагенъ, то его замѣнилъ тайный совѣтникъ Бревернъ. Множество дѣлъ, которыя лежали на этомъ министрѣ, не дали ему возможности долго занимать эту должность; онъ отказался отъ нея и академія оставалась нѣсколько лѣтъ безъ президента, до тѣхъ поръ, покуда императрица Елизавета не назначила на эту должность графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, брата оберъ-егермейстера.

Хозяйственная часть академіи была постоянно въ весьма странномъ положеніи; мы видѣли выше, что императрица Анна, при восшествіи на престолъ, пожаловала тридцать тысячъ рублей для уплаты долговъ академіи; несмотря на это, когда Корфъ уѣхалъ въ Данію, на ней числилась та же самая сумма долгу и хотя императрица Елизавета ассигновала снова значительную сумму на уплату долговъ, однако дѣла отъ этого не пришли въ лучшій порядокъ.

Россія не извлекла до сихъ поръ никакой существенной пользы отъ этихъ большихъ учрежденій. Всѣ плоды, принесенные академіей взамѣнъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя она получила въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, заключаются въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь, составленный по петербургскому меридіану, что они могутъ читать газеты на своемъ языкѣ и что нѣсколько нѣмецкихъ адъюнктовъ, вызванныхъ въ Петербургъ, оказались свѣдующими въ математикѣ и философіи настолько, чтобы заслужить ежегодные оклады въ шестьсотъ и восемьсотъ рублей; между русскими найдется не болѣе одного или двухъ человѣкъ, способныхъ занять должность профессора. Наконецъ, академія эта не такъ устроена, чтобы

Россія могла когда-нибудь ожидать отъ нея хотя малѣйшей пользы, такъ какъ въ ней не занимаются преимущественно изученіемъ языковъ, нравственныхъ наукъ, гражданскаго права, исторіи или практической геометріи — единственныхъ наукъ, полезныхъ для Россіи; вмѣсто того разрабатываютъ болѣе всего алгебру, умозрительную геометрію и другія отрасли высшей математики, разрѣшаютъ критическія задачи о жилищахъ и языкѣ какого-нибудь древняго народа или дѣлаютъ анатомическія наблюденія надъ строеніемъ человѣка и животныхъ. Такъ какъ русскіе считаютъ всѣ эти науки пустыми и ненужными, то неудивительно, что они не имѣютъ никакого желанія обучать имъ своихъ дѣтей, хотя всѣ предметы преподаются безплатно. Это доходитъ до того, что въ академіи бывало часто болѣе профессоровъ, нежели учащихся, и ей приходилось вызывать изъ Москвы нѣсколько молодыхъ людей, которымъ давали жалованье для поощренія ихъ къ ученію и для того, чтобы хотя кто-нибудь присутствовалъ на лекціяхъ профессоровъ.

Изъ всего этого можно вывести то заключеніе, что нѣсколько хорошихъ школъ, учрежденныхъ въ Москвѣ, Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ преподавались бы обыкновенныя науки, были бы гораздо годнѣе и полезнѣе для Россіи, нежели академія наукъ, стоящая ей такихъ большихъ денегъ и не приносящая никакой существенной пользы.

Петръ I учредилъ еще въ Петербургѣ морскую академію, подъ руководствомъ двухъ англичанъ: Брадлея и Фергюсона; заведеніе это было однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ, но не продержалось долго и пришло въ упадокъ еще при жизни императора. Нѣсколько искусныхъ землемѣровъ, образованныхъ этой академіей—вотъ единственные плоды, ею принесенные. Инженерныя и артиллерійскія училища, основанныя въ Москвѣ и Петербургѣ, поддерживаются лучше всего, и такъ какъ русская нація болѣе склонна къ артиллеріи, нежели ко всякой иной наукѣ, то въ этихъ заведеніяхъ многіе пріобрѣли большія познанія.

Х. Манштейнъ.

АРТИЛЛЕРІЙСКАЯ ШКОЛА ВЪ МОСКВѢ.

Въ 1735 году публиковано было указомъ, дабы всѣ недоросли дворянскія дѣти явились въ Герольдію, при Сенатѣ, на смотръ; а по разсматриванію Сената, по желанію каждаго недоросля, отсылали записываться въ школы или въ службу, куда кто пожелаетъ. Тогда и братъ мой Василій, въ 1736 году, записался въ Артиллерійскую школу. Оная школа была еще учреждена вновь, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ Герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ по желанію, семьсотъ человѣкъ. А какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ записались; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться.

Но великой тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ было, для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ, былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатной ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству, гдѣ учитель долженъ своимъ добрымъ нравомъ, поведеніемъ и хорошими поступками во всемъ ученіи образцомъ быть; а онъ рѣдкой день приходилъ въ школу непьяный. Видно, что тогда былъ великой недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителемъ колодника и смертоубійцу.

Напослѣдокъ, для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ-юнкера Алабушева, капитанъ Гринковъ, у котораго не было лѣвой руки по локоть. Человѣкъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій занка, однако завелъ въ школѣ порядокъ получше Алабушева.

Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержентами и унтеръ-офицерами; изъ нихъ нынѣ есть при артиллеріи полковники и генералы...

Мы хаживали съ братомъ на полковой артиллерійскій дворъ, близъ Сухаревой башни: тамъ была учреждена наша школа, въ которой записано было дворянъ до 700 человѣкъ, и обучали безъ малѣйшаго порядка.

Я былъ охотникъ рисовать. Зная мою къ рисованію охоту, сидящій близъ меня ученикъ Жеребцовъ (который нынѣ имѣетъ честь быть въ артиллеріи полковникомъ), сыскавъ не знаю гдѣто рисунокъ на полулистѣ, принесъ съ собою въ школу показать мнѣ рисованье; а при учителѣ нашемъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда приватные незаписанные ученики князь Волконскій и князь Сибирской. Они, по большой части, бродя въ школѣ по всѣмъ покоямъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шалуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ съ великою скоростію, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцовъ ученикъ не учится, и вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ»... Алабушевъ велѣлъ привесть Жеребцова передъ себя и, не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, поваля его на полъ, велѣлъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ; помню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подкладкѣ. Оное странное награжденіе, за рисованіе оказанное, я видя, положилъ самъ себѣ обѣщаніе твердое, чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему Жеребцову совѣтовалъ тожъ всегда припоминать, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказаніе за рисованіе учреждено; однако не устрашило меня Жеребцова наказаніе, и я продолжалъ учиться рисовать, только не въ школѣ.

Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ; когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать, или по домамъ, тогда бывало учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно «шебашъ».

М. Даниловъ.

УЧРЕЖДЕНІЕ МОРСКОГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Октября 15 (1753 г.) въ С.-Петербургѣ, изъ сенатской конторы полученъ указъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку въ полковую канцелярію и при ономъ печатный штатъ, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки о учрежденіи Морскаго Кадетскаго Корпуса, которому быть въ С.-Петербургѣ по тому учрежденному штату; а въ Москвѣ, что была школа на Сухаревой башнѣ, которая учреждена въ 1701 году, оной не быть. На содержаніе же того Морского Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса положена сумма 46,561 руб. 75½ коп., и по тому штату, для онаго корпуса быть надлежитъ особливому дому, а содержаніе кадетовъ въ 360 человѣкъ положено быть. И сего 1753 году, вышеписаннаго 15 числа, о учрежденіи того корпуса во всѣ мѣста публиковано, чего ради и въ сей журналъ, яко знатнѣйшее то учрежденіе въ государствѣ, для достопамятства внесено, что въ царствованіе всемилостивѣйшей Великой Государыни Императрицы Елизаветы Петровны то преполезное дѣло къ распространенію морскаго флота учреждено на такомъ твердомъ основаніи, дабы ко флоту люди ученые всегда и всегда были готовы.

В. Нащокинъ.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Генваря 24 (1755 г.) выданнымъ указомъ публиковано о учиненіи университета и при томъ гимназіи въ Москвѣ, чего ради для достопамятнаго вѣдома впредъ, при семъ о томъ знатнѣйшемъ, по всевысочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, учрежденіи точной печатной указъ прилагается...

Въ публикованномъ изъ Правительствующаго Сената указѣ, между прочимъ въ нижеписанныхъ пунктахъ напечатано. Въ первомъ, для внесенія въ сей журналъ нужды не состоитъ. Во второмъ: которые изъ обучающихся въ Московскомъ университетѣ дѣйствительно въ воинской и гражданской службѣ записаны и впредъ будутъ записаныжъ, а лѣта и склонность ихъ дозволяютъ имъ обучаться наукамъ, такимъ для обученія дозволять при университетѣ остаться до вышесказанныхъ лѣтъ возраста ихъ; а чтобъ они не могли чрезъ то потерять свое произвожде-

ніе, оныхъ какъ въ воинской, такъ и въ гражданской командахъ, гдѣ они въ службу записаны, въ повышеніяхъ старшинствомъ не обходить и произвожденіе имъ чинить по указамъ. Въ третьемъ: а которые изъ оныхъ въ Московскомъ университетѣ, будучи въ 20 лѣтъ возраста ихъ, окажутся склонными и способными ко обученію высшихъ наукъ и для того нужно будетъ имъ остаться при университетѣ далѣе 20 лѣтъ ихъ возраста, о таковыхъ, со изъясненіемъ о ихъ наукахъ, Московскому университету представлять Правительствующему Сенату, почему и надлежащія опредѣленія чинены будутъ. Маія 18 дня 1756 года. У подлиннаго подписано тако: оберъ-секретарь Иванъ Ермолаевъ. Секретарь Иванъ Васильевъ. Регистраторъ Борисъ Сахаровъ.

По полученіи вышесказаннаго указа, Василій Нащокинъ о сынѣ своемъ Иванѣ, что записанъ въ Московской университетъ, подалъ записку чрезъ камергера и орденовъ Россійскаго Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Св. Анны кавалера и Московскаго университета куратора его превосходительство Ивана Ивановича Шувалова, а въ какой силѣ подано, при семъ сообщается:

«Василья Нащокина сынъ, Иванъ Нащокинъ, въ прошломъ 755 году въ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, написанъ въ Московскій университетъ, а сего 756 года маія 18 дня, по состоявшему Ея Императорскаго Величества указу, велѣно: ежели изъ таковыхъ записанныхъ во университетъ, для службы записываться будутъ въ разныя мѣста, и въ тѣхъ мѣстахъ числить ихъ въ университетѣ до урочныхъ лѣтъ, а за ученіе ихъ по линіи старшинства съ прочими производить. И по тому Ея Императорскаго Величества указу, изъ Высочайшей Ея Величества милости просилъ, чтобъ его написать въ солдаты лейбъ-гвардіи въ Измайловской полкъ, а до указанныхъ лѣтъ быть для обученія во университетѣ».

И по докладу, каково Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, воспослѣдовало повелѣніе при семъ, впредъ для вѣдѣнія, а особливо сыну моему Ивану, какъ о немъ производилось, сообщается:

«Ея Императорскаго Величества отъ дежурнаго генерала-адъютанта, лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ. Ея Императорское Величество, изъ высочайшей своей монаршеской милости, указать соизволила: онаго полку г.-майора Нащокина сына его Ивана Нащокина, которой находится, съ прошлаго 1755 года

Іюля мѣсяца, въ Московскомъ университетѣ, записать во объявленной лейбъ-гвардіи Измайловской полкъ въ солдаты, и въ томъ полку числить его до указанныхъ лѣтъ для обученія во ономъ университетѣ. О чемъ оное Ея Императорскаго Величества именное повелѣніе чрезъ сіе ко исполненію и сообщается». У подлиннаго подписано тако: графъ Александръ Шуваловъ.

Посему, отданнымъ въ полкъ приказомъ, онаго Іюня 1 числа, оной сынъ мой Иванъ и написанъ въ комплектъ въ 4-ю роту, и велѣно ему быть до урочныхъ лѣтъ во университетѣ.

В. Нащокинъ.

УЧЕНЬЕ ПОМѢЩИЧЬЯГО СЫНА.

Я родился въ 1722 г... Былъ я любимый сынъ у моего отца. Отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономорю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его, и казалось, что у него шеи не было. У него, въ тоже время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своей женою, весьма въ малой избушкѣ. Приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣнность или упрямство, а учился я и по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизустъ, при слушаніи урока въ вечеру, и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего

ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ: по возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно... Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой. Вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ двоюродный Елисей (меня и Бориса, своего брата, постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителева любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и что приговаривалъ не упомню; только то помню, что мы на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель. Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаилъ, не могъ дыхать свободно. Брудастой, увидя кота висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшенный: стегая Елисея, тою же метлою, доставалъ нѣсколько страждующаго, по близости на веревкѣ повѣшаннаго кота, который, чаятельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы отъ сей драки, съ Борисомъ, кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату...

Выучилъ я у Брудастаго азбуку. Отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Аѳанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова; по той причинѣ просила отца моего, дабы привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться. Однако я, въ такой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица: рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: «полно тебѣ шутить, Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня на глазахъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною; только признаюсь, сколько времени я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать. Это такъ введено было во всегдашнее обыкновеніе: видно для хорошаго аппетиту. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея, и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ

къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблокъ съ яблони». Потомъ и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ обробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ такой силѣ, «что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего»; а послѣ, поцѣловавъ его, сказала: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану».

Отецъ мой, пріѣхавъ къ своей свойственницѣ вдовѣ, поблагодарилъ ее за мое содержаніе и взялъ меня въ домъ свой.

М. Даниловъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ И ПРІЕМЫ ВОСПИТАНІЯ.

Мнѣ шелъ тогда шестой годъ, слѣдовательно, былъ я мальчикъ на смыслу и могъ уже понимать буквы. 17-го числа іюня, помянутаго 1744 г., былъ тотъ день, въ который меня учить начали, и я долженъ былъ ходить въ домъ къ одному старику малороссіянину и учиться со многими другими. Съ какимъ успѣхомъ я учился, того не могу вамъ сказать, ибо того не помню, слышалъ только послѣ, что понятіемъ моимъ были всѣ довольны, какъ напротивъ не довольны моимъ упрямствомъ. Сіе пристрастіе въ маленькомъ во мнѣ было такъ велико, что великаго труда стоило его преодолѣвать; но таковы бываютъ почти всѣ дѣти, которыхъ въ малолѣтствѣ нѣжатъ, отчего и произошло, что ученіе мое болѣе года продолжалось. Изъ всего онаго помню я въ особливости то, что первое обрадованіе родителямъ моимъ произвелъ я выученіемъ почти наизусть одного

Апостола изъ посланія къ Коринѳянамъ, начинающагося сими словами: «Облецытеся убо яко избранніи Божія», и проч., и прочтеніемъ предъ ними и какъ сіе случилось скоро послѣ начатія ученія моего, то родитель мой такъ былъ тѣмъ доволенъ, что пожаловалъ мнѣ нѣсколько денегъ на лакомство...

Не успѣла пройтить святая недѣля, какъ старанія отца моего обо мнѣ стали простираться отъ часу далѣе. Ему не хотѣлось, чтобъ я выросъ у него неучью и болваномъ, и онъ судилъ, что уже время отнять меня изъ рукъ женскихъ и учить чему-нибудь дальнѣйшему, кромѣ грамоты русской. Паче всего хотѣлось ему, чтобъ я зналъ также нѣмецкій языкъ, которымъ онъ самъ умѣлъ говорить, и коимъ онъ въ жизнь свою очень много пользовался, также и ариѳметики. Учители нѣмцы и французы не были еще тогда въ нашемъ отечествѣ таковы многочисленны, какъ нынѣ, ихъ было очень мало, а сверхъ того и достатокъ отца моего не такъ былъ великъ, чтобъ могъ онъ, и особливо въ тогдашнее время, нанимать и содержать у себя въ домѣ учителя нарочнаго, въ отдачѣ же въ люди былъ я еще слишкомъ малъ; итакъ, другого не оставалось, какъ искать какого-нибудь иного способа, и къ удовольствію его таковой скоро и нашелся.

Въ полку его было не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ множество нѣмцевъ: изъ сихъ послѣднихъ вздумалось ему отыскать какого-нибудь поспособнѣе и приставить ко мнѣ для наученія нѣмецкому языку. Но какъ большая часть сихъ нѣмцевъ состояла изъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянъ, и наиболѣе изъ небогатыхъ, всего же меньше учившихся въ молодости своей какимъ-нибудь наукамъ и разумѣющихъ что-нибудь порядочное, то трудно было и между ними отыскать человѣка, и по долгомъ исканіи иного не оставалось, какъ взять прибѣжище и обратить вниманіе свое на одного унтеръ-офицера родомъ изъ Германіи и пріѣхавшаго за немногіе годы до того изъ Любека для принятія нашей службы. Прозвище ему было Миллеръ, а впрочемъ названъ онъ уже былъ у насъ въ службѣ Яковомъ Яковлевичемъ, поелику у насъ всѣмъ иностранцамъ даютъ тотчасъ имена и отечества. Богу извѣстно, какого былъ онъ рода, но только то мнѣ извѣстно, что онъ никакимъ наукамъ не умѣлъ, кромѣ одной ариѳметики, которую зналъ твердо, да умѣлъ также читать и писать очень хорошо по-нѣмецки,

почему заключаю, что надобно быть ему какому-нибудь купеческому сыну, и притомъ весьма не богатому, и воспитанному въ простой городской школѣ, и весьма просто и низко.

Но какъ говорится въ пословицѣ, что «на безлюдье и сидни въ честь», то въ недостаткѣ лучшаго былъ отецъ мой и сему уже радъ, ибо для перваго случая довольно уже было и его знаній, потому что читать и писать могъ и онъ уже меня научить, равно какъ и ариѳметикѣ.

Такимъ образомъ назначенъ былъ сей иностранецъ мнѣ въ учители, взятъ въ нашъ домъ и я препорученъ ему на руки. Для насъ съ нимъ отведенъ былъ особый уединенный покоецъ и онъ началъ меня учить всему, что зналъ, вдругъ, то-есть читать, писать по-нѣмецки и самой ариѳметикѣ понемногу.

Мнѣ шелъ въ сіе время хотя девятый еще годъ, однако родители мои и самъ учитель былъ понятіемъ моимъ довольны. Я очень скоро научился читать, а и писать учиться мнѣ не мудрено было, но не столько я доволенъ былъ своимъ учителемъ. Человѣкъ онъ былъ особливаго характера, нравъ имѣлъ строптивый и своенравый, не могъ терпѣть никакихъ шутокъ, сердился и досадовалъ на всѣхъ за сіе, а сіе и побуждало другихъ еще болѣе надъ нимъ смѣяться, и тѣмъ паче, что и собою былъ онъ очень дуренъ и губастъ. Со мною обходился онъ не такъ, какъ хорошему учителю должно, но такъ какъ отъ неуча и грубаго воспитанія человѣка ожидать можно, и не рѣдко принужденъ я былъ претерпѣвать отъ него лихо и проливать слезы.

Со всѣмъ тѣмъ и каковъ онъ ни былъ, но я за первое основаніе своего нѣмецкаго языка и ариѳметики обязанъ сему иностранцу; онъ научилъ меня читать и писать, но говорить научить былъ не въ состояніи, а мучилъ меня только вокабулами...

Наилучшимъ пансіономъ почитался тогда (1749 г.) въ Петербургѣ тотъ, который содержалъ у себя кадетскій учитель старикъ Ферре, жившій подлѣ самаго кадетскаго корпуса и въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ оному; въ сей-то пансіонъ меня и отдали... По отъѣздѣ матери моей въ деревню, а родителя съ полкомъ въ Финляндію, остался я одинъ въ Петербургѣ, посреди людей, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ и власно какъ въ лѣсу. Не могу никакъ забыть того дня, въ который привезли меня въ домъ къ учителю и оставили одного. Мнѣ казалось, что я находился совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и дышалъ другимъ воздухомъ;

все было для меня тутъ дико, все ново, и все необыкновенно. Я принужденъ былъ начать вести совсѣмъ новаго рода жизнь, и совсѣмъ для меня необыкновенную. Не могъ я уже ласкаться, чтобъ могъ пользоваться тою нѣгою, какою наслаждался въ родительскомъ домѣ. Маленькая постелька и сундучекъ съ платьемъ составлялъ весь мой багажъ, а дядька мой Артамонъ былъ одинъ только мой знакомый. Прочіе же всѣ были незнакомы и я долженствовалъ со всѣми ознакомливаться, и спознаваться, а особливо съ тѣми, которые тутъ также по примѣру моему жили. Учениковъ было тогда у учителя моего человѣкъ съ двѣнадцать или съ пятнадцать; нѣкоторые были на его содержаніи, а другіе прихаживали только всякой день учиться, а обѣдать и ночевать хаживали домой. Изъ числа первыхъ и знаменитѣйшій изъ всѣхъ былъ нѣкто господинъ Нелюбохтинъ, сынъ одного полковника гарнизоннаго, да двое господъ Голубцовыхъ, которые были дѣти одного сенатскаго секретаря. Сіи жили вмѣстѣ со мною и каждому изъ насъ отведена была особливая конторочка въ томъ же покоѣ, гдѣ мы учились, досками отгороженная. Мнѣ, какъ новичку и притомъ полковничьему сыну, отведена была наилучшенькая вмѣстѣ съ господиномъ Нелюбохтинымъ, который былъ мальчикъ нарочито взрослый и притомъ тихаго и хорошаго характера, и потому я скоро съ нимъ спознакомился и сдружился. Голубцовы были также меня старѣе, ибо мнѣ было только 10 лѣтъ отъ роду, однако уже не таковы, какъ Нелюбохтинъ. Одного изъ нихъ звали Александромъ, а другого позабылъ. Я познакомился скоро и съ ними, ибо были они не изъ числа дурныхъ дѣтей. Чтожъ касается до приходящихъ къ намъ учиться, то были они разные и между прочими одна нарочитаго уже возраста дѣвушка, дочь какой-то маіорши; по прошествіи долгаго времени позабылъ я, какъ ее звали, только то помню, что она при мнѣ не долго училась, а и прочіе изъ приходящихъ часто перемѣнялись и то прибывали, то убывали. Какъ мнѣ никто изъ нихъ не былъ слишкомъ коротокъ, то и не помню я изъ нихъ почти ни одного, что̀ и не удивительно по моему возрасту.

Учитель мой былъ человѣкъ старый, тихій и весьма добрый; онъ и жена его, такая же старушка, любили меня отмѣнно отъ прочихъ. Онъ самъ насъ мало учивалъ, потому что по обязан-

ности своей долженъ былъ всякій день ходить въ классы въ кадетскій корпусъ, и учить кадетовъ, и такъ, доставалось ему самому насъ учить двѣнадцатый часъ, да въ вечеръ еще одинъ часъ. Прочее время училъ насъ старшій изъ его сыновей, которыхъ было у него двое. Одного звали Александромъ, и онъ былъ нарочито уже великъ, и могъ уже по нуждѣ обучать и былъ малый изрядный, а другой еще маленькой, по имени Фридрихъ, и малой огненный, рѣзвый и дурной. За рѣзвость и бѣшенство его мы всѣ не любили.

Что касается до содержанія и стола для насъ, то былъ онъ обыкновенно пансіонный, то-есть, очень очень умѣренный; наилучшій и пріятнѣйшій кусокъ составляли булки, приносимыя къ намъ по утрамъ, и которыми насъ каждаго одѣляли. Сіи были по счастію отмѣнно хороши, и хлѣбникъ, пекущій оныя, умѣлъ ихъ такъ хорошо печь, что мнѣ хорошій вкусъ ихъ и понынѣ еще памятенъ. Обѣды же были очень очень тощи и въ самые скоромные дни, а въ постные и того хуже. Но привычка чего не можетъ сдѣлать! — сколько сначала ни были мнѣ такіе тощіе обѣда маловкусны, однако я наконецъ привыкъ и довольно бывалъ сытъ, а особливо когда поутру либо лишнюю булочку, либо скоромный прекрасный кренделекъ купишь и съѣшь, которыя такъ намъ казались вкусными, что подберешь и крошечки. Не рѣдко же случалось, что иногда и ложка другая третья хорошихъ щей съ говядиною, варимыхъ для себя слугою моимъ, помогали обѣду и которыя не рѣдко казались мнѣ вкуснѣе и сытнѣе всего обѣда.

Какъ я ученью французскаго языка начало сдѣлалъ еще въ Курляндіи, и тутъ стоило только продолжать оный, то успѣхъ ученія моего былъ весьма хорошій. Я столь былъ понятенъ и прилеженъ, что менѣе нежели въ полгода обогналъ всѣхъ моихъ сотоварищей и сдѣлался первенствующимъ въ школѣ, и каковъ былъ ни малъ, но могъ всѣмъ указывать и за всѣми поправлять. Ученіе наше состояло наиболѣе въ переводахъ съ русскаго на французскій языкъ Езоповыхъ басней и газетъ русскихъ; и метода сія не дурна, мы чрезъ самое то спознакомливались отъ часу больше съ французскимъ языкомъ, а переводя газеты, и съ политическимъ и историческимъ штилемъ и съ званіями государствъ и городовъ въ свѣтѣ.

Какъ обѣщано было, чтобъ выучить меня и географіи, то чрезъ нѣсколько времени принялъ учитель нашъ или пригласилъ какого-то нѣмца, чтобъ приходилъ къ намъ и училъ насъ часа два послѣ обѣда сей науки. Для меня была она въ особливости пріятна и любопытна. Я пожиралъ такъ-сказать всѣ говоренныя учителемъ слова, и мнѣ не было нужды два раза пересказывать. Европейская карта, которую онъ одну намъ только и трактовалъ, впечатлѣлась такъ твердо въ умѣ моемъ, что я могъ всю ее пересказать по пальцамъ; но жаль, что ученіе сіе не долго продолжалось: не знаю и не помню, что тому причиною было, что онъ ходилъ къ намъ не очень долго, по сему и ученіе было весьма слабое и короткое. Со всѣмъ тѣмъ получилъ я чрезъ сей случай нарочитое о географіи понятіе, но что болѣе моей удобопонятности, охотѣ и любопытству приписывать должно; а судя по ученію, то оное не принесло-бъ мнѣ дальней пользы, такъ какъ прочимъ пользовало оно очень мало.

Что принадлежитъ до исторіи, то сей наукѣ въ пансіонѣ нашемъ не было обыкновенія учить...

Но недостатокъ сей наградилъ я нѣкоторымъ образомъ собственнымъ своимъ любопытствомъ, и чрезвычайною охотою къ чтенію книгъ, полученною около сего времени. За охоту къ тому обязанъ я книгѣ «Похожденіе Телемака». Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мнѣ пользу! Учитель нашъ заставливалъ меня иногда читать ее у себя въ спальнѣ для науки, но я ее мало разумѣлъ по-французски, а покрайней мѣрѣ узналъ, что она такое, и доставъ не помню отъ кого-то русскую, не могъ довольно ей начитаться. Сладкій піитическій слогъ плѣнилъ мое сердце и мысли и влилъ въ меня вкусъ къ сочиненіямъ сего рода, и вперилъ любопытство къ чтенію и узнанію дальнѣйшаго. Я получилъ чрезъ нее понятіе о митологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о троянской войнѣ, и мнѣ она такъ полюбилась, что у меня старинныя брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались безпрерывно въ головѣ, къ чему много помогали и картинки, въ книгѣ находившіяся. Словомъ, книга сія служила первымъ камнемъ, положеннымъ въ фундаментъ всей моей будущей учености, и куда жаль, что у насъ въ Россіи было тогда еще такъ мало русскихъ книгъ, что въ домахъ нигдѣ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей того меньше. Литература у насъ

тогда только-что начинались, слѣдовательно не можно было мнѣ, будучи ребенкомъ, нигдѣ получить книгъ для читанія.

А. Болотовъ.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ДВОРЯНИНА.

Родители съ взаимною нѣжностію старались его воспитывать; однако же, когда въ послѣдующемъ году родился у него братъ, то мать любила болѣе меньшаго, а отецъ старшаго, который на четвертомъ году уже умѣлъ читать. За неимѣніемъ въ тогдашнее время въ томъ краю учителей, наученъ отъ церковниковъ читать и писать. Мать, однако, имѣя болѣе времени быть дома, когда отецъ отлучался по должностямъ своимъ на службу, старалась пристрастить къ чтенію книгъ духовныхъ, поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфектовъ. Старшій былъ острѣе и расторопнѣе, а меньшій глубокомысленнѣе и медлительнѣе. Въ младенческіе годы прожили они подъ непрестаннымъ присмотромъ родителей нѣсколько въ сказанномъ городѣ Яранскѣ, потомъ въ Ставрополѣ, что близь Волги, а наконецъ въ Оренбургѣ, гдѣ старшій, при вступленіи въ отроческія лѣта, то есть по седьмому году, по тогдашнимъ законамъ, явленъ былъ на первый смотръ губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву *) и отданъ для изученія Нѣмецкаго языка, за неимѣніемъ тамъ другихъ учителей, сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженію наизустъ вокаболъ и разговоровъ, списываніемъ оныхъ, его Розы рукою прекрасно однако писанныхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ таковаго ученія, разумѣлъ уже здѣсь упомянутой питомецъ по-нѣмецки читать, писать и говорить, и какъ имѣлъ чрезвычайную къ наукамъ склонность, занимаясь между уроковъ денно и ночно

*) См. выше отрывокъ: „Служба дворянина на восточной окраинѣ“. (*Сост.*).

рисованію, но какъ не имѣлъ не токмо учителей, но и хорошихъ рисунковъ, то довольствовался изображеніемъ богатырей, каковые деревянной печати въ Москвѣ на Спасскомъ мосту продаются, раскрашивая ихъ чернилами, простою и жженою вохрою, такъ что всѣ стѣны его комнаты были ими убиты и уклѣены. Въ теченіи сего времени отецъ имѣлъ комиссіи быть при межеваніи нѣкоторыхъ владѣльческихъ земель, то отъ геодезиста, при немъ находящагося, сынъ получилъ охоту къ инженерству...

Наконецъ, когда отецъ его въ 1754 году получилъ отставку, для которой ѣздилъ въ Москву, въ бытность въ оной Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, то и сей любимый сынъ его былъ съ нимъ, съ намѣреніемъ, чтобъ записать его въ кадетской корпусъ или въ артиллерію; но какъ для того надобно было ѣхать въ Петербургъ, а дѣла отца его, которыя онъ долженъ былъ кончить въ Москвѣ, паче же недостатокъ, что издержался деньгами, ѣхать ему въ сію новую столицу не дозволили, то возвратился онъ въ деревню съ намѣреніемъ въ будущемъ году непремѣнно записать сына въ помянутыя мѣста. Хотя ему и вызывались нѣкоторыя особы въ Москвѣ принять его въ гвардію; но онъ по недостатку своему на то не могъ согласиться; однако же, по пріѣздѣ въ деревню, въ томъ же году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ скончался, и тѣмъ самымъ пресѣклись желанія отца и сына, чтобы быть послѣднему въ такихъ командахъ, гдѣ бы чему нибудь ему научиться можно было. И такимъ образомъ мать осталась съ двумя сыновьями и дочерью одного году въ крайнемъ сиротствѣ и бѣдности; ибо, по бытности въ службѣ, самомалѣйшія деревни, и тѣ въ разныхъ губерніяхъ по клочкамъ разбросанныя, будучи неустроенными, никакого доходу не приносили, что даже 15 руб. долгу, послѣ отца оставшаго, заплатить нечѣмъ было...

При такихъ, однако, напастяхъ мать никогда не забывала о воспитаніи дѣтей своихъ, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только возможно было имъ доставить; а для того отдала ихъ въ ученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей Ариѳметики и Геометріи, сперва гарнизоному школьнику Лебедеву, а потомъ Артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдущи, ибо какъ Роза Нѣмецкому языку училъ безъ грамматики, такъ и они Ариѳметикѣ и Геометріи

безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ Ариѳметикѣ однѣми первыми пятью частями, а въ Геометріи черченію фигуръ, не имѣя понятія, что и для чего надлежитъ...

Поелику же въ 1758 году открылась въ Казанѣ гимназія, состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго Университета, то и отложена поѣздка въ Москву, а записаны дѣти въ сіе училище, въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ: Латинскому, Французскому, Нѣмецкому, Ариѳметикѣ, Геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекціею бывшаго тогда ассесоромъ Михаила Ивановича Веревкина; однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде. Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько нибудь, по грамматикѣ и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на кафедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять въ театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ; что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однако же доставило людкость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи. Старшій изъ Державиныхъ оказалъ болѣе способности къ наукамъ до воображенія касающимся, а меньшой къ математическимъ; однако же, во всѣхъ классахъ старшій своею расторопностію блисталъ поверхностью и бралъ предъ меньшимъ преимущество, который казался тупъ и застѣнчивъ. Въ слѣдствіе чего, старшій отличался въ рисованіи, а потому, когда директоръ въ 759 году сбирался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчетъ въ успѣхахъ ввѣреннаго ему училища, то и приказалъ отличившимся ученикамъ начертить Геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ланшафтами, дабы тѣмъ дать блескъ своему старанію о наученіи ввѣреннаго ему благороднаго юношества. Въ числѣ сихъ отличныхъ былъ и старшій Державинъ. Когда же директоръ въ 1760 году изъ Петербурга возвратился, то въ вознагражденіе учениковъ, трудившихся надъ Геометріею, объявилъ каждаго по желанію записанными въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами, а Державина въ инженерный корпусъ кондукторомъ, въ слѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежащіе званію каждаго мундиры. Почему Державинъ, при бывшихъ торжествахъ въ гимназіи, и отправлялъ должность артиллериста, бывъ при артиллеріи и

при представленіи фейерверковъ. А когда нужно было, по указу Сената, въ томъ же 1760 году снять, съ города Чебоксаръ планъ съ различеніемъ домовъ, противъ повелѣнія того правительства не по плану построенныхъ, и отправленъ для того сказанной директоръ Веревкинъ (ибо онъ въ то же время былъ и членъ Губернской Канцеляріи), то за неимѣніемъ тогда въ гимназіи Геометріи учителя, ибо бывшій въ той должности капитанъ Морозовъ умеръ, то и взялъ онъ старшаго Державина вмѣсто инженера съ собою, подчиня ему нѣсколько изъ учениковъ для помощи...

Въ 1760 году получилъ г. Веревкинъ отъ Главнаго Куратора Ивана Ивановича Шувалова повелѣніе, чтобъ описать развалины древняго Татарскаго, или Золотой орды города, называемаго Болгары, лежащаго между рѣкъ Камы и Волги, отъ послѣдней въ 5-ти, а отъ первой въ 50-ти и 60-ти верстахъ, и сыскать тамъ какихъ только можно древностей, то-есть, монетъ, посуды и прочихъ вещей. Не имѣя способнѣйшихъ къ тому людей, выбралъ онъ изъ учениковъ Гимназіи пока Державина и присовокупя къ нему нѣсколько изъ его товарищей, отправился съ ними въ Іюнѣ или Іюлѣ мѣсяцѣ въ путь. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, наскучилъ, оставилъ Державина, и подчинивъ ему прочихъ, приказалъ доставить къ себѣ въ Казань планъ, съ описаніемъ города и буде что найдется изъ древностей. Державинъ пробылъ тамъ до глубокой осени, и что могъ, не имѣя самонужнѣйшихъ способовъ, исполнилъ. Описаніе, планъ и виды развалинъ нѣкоторыхъ строеній, то-есть Ханскаго дворца, бани и каланчи, съ подземными ходами, укрѣпленной желѣзными обручами по повелѣнію Петра Великаго, когда онъ шествовалъ въ Персію, и списки съ надписей гробницъ, также монету мѣдную и нѣсколько серебреной и золотой, кольца ушныя и наручныя, вырытыя изъ земли дождемъ, урны глиняныя или кувшины, вырытыя изъ земли съ углями, собралъ и по возвращеніи въ Казань отдалъ г. Веревкину. Онъ монеты и вещи принялъ, а описаніе, планъ, виды и надписи приказалъ перерисовать на чисто и принесть къ нему тогда, какъ онъ въ началѣ наступавшаго года по обыкновенію будетъ собираться въ Петербургъ для отданія отчетовъ Главному Куратору объ успѣхахъ въ наукахъ въ Гимназіи; но какъ въ началѣ 1762 года получено горестное извѣстіе о кончинѣ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, то онъ наскоро

отправился въ столицу, приказавъ Державину сдѣланное имъ доставить къ нему послѣ.

Скоро потомъ Державинъ получилъ изъ канцеляріи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка паспортъ 1760 года за подписаніемъ лейбъ-гвардіи майора князя Меншикова, въ которомъ значилось, что онъ отпущенъ для окончанія наукъ до 1762 года. А какъ сей срокъ прошелъ, ибо тогда былъ того года уже Февраль мѣсяцъ, то и долженъ онъ былъ немедленно отправиться къ полку, тѣмъ паче, что не имѣлъ уже никакой себѣ подпоры въ Веревкинѣ, на котораго мѣсто въ директоры Казанской Гимназіи присланъ былъ нѣкто профессоръ Савичь.

Г. Державинъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ МОСКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Какъ скоро я выучился читать, то отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть», кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ *).

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно

*) Собственно въ университетскую гимназію въ 1755 г.

состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говорилъ онъ, «но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ,—продолжалъ онъ, ударя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: второго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ!

О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что̀ я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища; въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ, и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста. Гласъ совѣсти велитъ мнѣ сказать, что до сегодня *Отъ юности моея многи борютъ мя страсти...*

Въ университетѣ былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги.

Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть современемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условныя деньги мнѣ отдалъ...

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо *).

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ **) вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета ***) плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтныхъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими; и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ родного дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій, и можно съ достовѣрностью сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ никого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ меня: чему я учился? «По-латыни», отвѣчалъ я. Тутъ онъ началъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но государыня

*) Вѣроятно, говорится о магистрѣ Яремскомъ.

**) Ив. Ив. Мелиссино.

***) Ив. Ив. Шуваловъ.

не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе двора и слышать пріятную музыку, но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій, и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, «Генрихъ и Пернилла»*). Тутъ видѣлъ я Шумскаго**), который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Федоромъ Григорьевичемъ Волковымъ***), мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ кото-

*) Комедія Гольберга, переводъ Нартова.

**) Комическій актеръ, особенно отличавшійся въ роляхъ слугъ.

***) Основатель русскаго театра (1729—1763).

рымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ; онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться, и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлись пріятельски.

Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена *), бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты... Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ: «Жизнь Сиѳа, царя египетскаго» **), но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его «Альзиру».

Д. Фонвизинъ.

ВОСПИТАНІЕ АРИСТОКРАТА.

Несмотря на молодость моего отца и на то, что онъ велъ разсѣянную жизнь при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, онъ постарался дать намъ такое хорошее воспитаніе, какое было возможно въ то время. Мой дядя прислалъ для насъ изъ Берлина гувернантку, которая составила себѣ тамъ очень хорошую репутацію и, какъ я слышалъ, была лучшая, какую только можно было найти. Дѣйствительно, она много занимала насъ. Эту

---

*) Іоганнъ—Маттіасъ Шаденъ, докторъ философіи и профессоръ московскаго университета, р. въ Пресбургѣ, ум. въ Москвѣ въ 1797 г.

**) Вѣроятно 1-ю часть ибо она вышла въ 1762г.; но оканчивалъ переводъ Фонвизинъ въ Петербургѣ, и 2-я ч. явилась только въ 1673 г., а 4-я уже въ 1768 г.

дѣвицу Riunau замѣнила г-жа Berger. Мы незамѣтнымъ образомъ научились Французскому языку, и уже съ 5-ти или 6-лѣтняго возраста я обнаружилъ рѣшительную наклонность къ чтенію книгъ. Я долженъ сказать, что хотя воспитаніе, которое намъ дали, не отличалось ни блескомъ, ни лишними расходами, употребляемыми на этотъ предметъ въ наше время, однако оно имѣло многія хорошія стороны. Главное его достоинство заключалось въ томъ, что въ то время не пренебрегали изученіемъ Русскаго языка, который въ наше время уже не вносится въ программу воспитанія. Можно сказать, что Россія — единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ своего родного языка и всего, что касается страны, въ которой люди родились на свѣтъ; само собой разумѣется, что я разумѣю здѣсь современное поколѣніе. Тѣ жители Петербурга и Москвы, которые считаютъ себя людьми просвѣщенными, заботятся о томъ, чтобъ ихъ дѣти знали Французскій языкъ, окружаютъ ихъ иностранцами, даютъ имъ дорого стоющихъ учителей танцевъ и музыки, но не учатъ ихъ родному языку, такъ что это прекрасное и дорого стоющее воспитаніе ведетъ къ совершенному незнанію родины, къ равнодушію и даже презрѣнію къ странѣ, съ которой неразрывно связано наше существованіе, и къ привязанности ко всему, что касается нравовъ чужихъ странъ, и въ особенности Франціи. Впрочемъ слѣдуетъ признаться, что дворянство, которое живетъ во внутреннихъ губерніяхъ, не заражено этимъ непростительнымъ заблужденіемъ. Однако возвратимся къ тому, что касается собственнаго воспитанія. — На придворномъ театрѣ давали два раза въ недѣлю Французскія комедіи, и нашъ отецъ бралъ насъ туда съ собою въ свою ложу. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому что оно много способствовало тому, что мы съ ранняго дѣтства получили рѣшительную наклонность къ чтенію и къ литературѣ. Мой отецъ выписалъ для насъ изъ Голландіи довольно хорошо составленную библіотеку, въ которой находились лучшіе Французскіе авторы и поэты, а также книги историческаго содержанія, такъ что, когда мнѣ было 12 лѣтъ, я уже былъ хорошо знакомъ съ произведеніями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало, и другихъ Французскихъ писателей. Въ числѣ этихъ книгъ находилась состоявшая почти изо ста волюмовъ коллекція нумеровъ журнала: Ключъ къ знакомству съ кабинетами Европейскихъ государей, начи-

навшаяся съ 1700 г. Я упоминаю объ этой коллекціи потому, что изъ нея я узналъ обо всемъ, что случилось въ Россіи самаго интереснаго и самаго замѣчательнаго съ 1700 г. Это изданіе имѣло великое вліяніе на мою наклонность къ исторіи и политикѣ; оно возбудило во мнѣ желаніе знать все, что касается этихъ предметовъ и въ особенности по отношенію ихъ къ Россіи. Императрица Елизавета, отличавшаяся благосклонностію и привѣтливостью ко всѣмъ окружающимъ, интересовалась даже дѣтьми лицъ, принадлежавшихъ къ ея двору. Она во многомъ сохранила старинные Русскіе нравы, очень походившіе на старинные патріархальные нравы. Хотя мы были еще дѣтьми, она позволяла намъ бывать при ея дворѣ въ пріемные дни, и иногда давала, въ своихъ внутреннихъ апартаментахъ, балы для обоего пола дѣтей тѣхъ особъ, которыя состояли при дворѣ. Я сохранилъ воспоминаніе объ одномъ изъ этихъ баловъ, на которомъ было отъ 60 до 80 дѣтей. Насъ посадили ужинать, а сопровождавшіе насъ гувернеры и гувернантки ужинали за особымъ столомъ. Императрицу очень занимало смотрѣть, какъ мы танцовали и ужинали, и она сама сѣла ужинать вмѣстѣ съ нашими отцами и матерями. Благодаря этой привычкѣ видѣть дворъ, мы незамѣтно привыкли къ большому свѣту и къ обществу. Существовалъ еще одинъ обычай, много способствовавшій тому, чтобъ сдѣлать насъ развязными, а именно то, что дѣти лицъ, состоявшихъ при дворѣ, взаимно посѣщали другъ друга по праздникамъ и воскресеньямъ. Между ними устраивались балы, на которые они отправлялись всегда въ сопровожденіи гувернеровъ и гувернантокъ.

Гр. А. Воронцовъ.

УЧЕНІЕ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА.

(Изъ автобіографіи).

На шестомъ году отъ рожденія начали Петра *) обучать грамматѣ: азбукѣ, часослову и псалтири; а потомъ писать; каковый общій тогда былъ обученія порядокъ для всѣхъ, всякаго состоянія отроковъ. Петръ былъ весьма понятенъ, и удобно и скоро все изъучивалъ, и хотя иногда къ отроческимъ играмъ

*) Левшина, т.-е. будущаго митрополита Платона. (*Сост.*).

и рѣзвостямъ былъ нѣсколько склоненъ, и отъ ученія за тѣмъ въ нѣкоторые часы удалялся, но за то отъ отца былъ наказываиъ, съ большею, можетъ быть, строгостію, нежели бы возрастъ лѣтъ и живость младенческаго свойства дозволяли. Однако и сію строгость матернія ласковыя увѣщанія приводили въ умѣренность. Изъучился младенецъ граммать и писать черезъ два года, и на осьмомъ году уже въ церквѣ не только читалъ, но и пѣлъ церковные обыкновенные стихи; ибо въ пѣніи, по одной наслышкѣ, столько успѣлъ, что на томъ же году могъ уже одинъ, безъ помощи другого, на клиросѣ отправить все пѣніе Божественныя литургіи; ибо и голосъ имѣлъ свѣтлый и пріятный, и къ пѣнію особую склонность и въ церквѣ на всякой службѣ Божіей быть его особенно веселило, о каковой его къ церкви и къ службѣ ея отличной склонности послѣ не умолчу. И за таковое въ такихъ лѣтахъ преуспѣяніе, и охоту къ чтенію и пѣнію и прибѣжище къ церкви, а притомъ за свой всегда веселый и ласковый нравъ, и отъ родителей и отъ стороннихъ былъ любимъ и похваляемъ и выхваляемъ.

На десятомъ году отъ рожденія былъ онъ отданъ въ школу... Отцу Петра желалось, чтобы и другой сынъ его, сей Петръ и братъ его Александръ опредѣлены были въ Московскую епархію, въ тамошнее училище, почему и просилъ Московскую Духовную Консисторію, чтобъ дѣтей его, сего Петра, и другого брата его Александра, опредѣлить въ Московскую Академію, по причинѣ брата его, находящагося въ Москвѣ; но Секретарь его прошенія не принималъ, говоря, что ему, яко находящемуся въ Коломенской епархіи надлежитъ отдать своихъ дѣтей въ Семинарію Коломенскую; но отецъ неотступно просилъ: Секретарь два и три раза отказывалъ; отецъ два и три раза настоялъ сильно. Напослѣдокъ Секретарь и утружденный и удивленный таковымъ настояніемъ, передъ всѣми сказалъ: *Ну! ты прямо отецъ дѣтямъ: здѣсь мы неможемъ обирать денегъ отъ Священниковъ, кои просятъ, чтобъ ихъ дѣтей въ школу не брали; а отъ тебя я не могу отвязаться, чтобъ дѣтей твоихъ въ школу опредѣлить.* И такъ принявъ прошеніе, доложилъ присутствующимъ. Послано сообщеніе въ Коломенскую епархію, что увольняются они для обученія въ Московскую Академію. Тамъ охотно уволили, и прислали въ сей силѣ соотвѣтствіе. И такъ, Петръ и братъ его меньшой Александръ... опредѣлены въ Мо-

сковскую Греко-Латинскую Академію; а жительствовали при братѣ своемъ Тимоѳеѣ при церкви Софіи Премудрости Божія.

По приведеніи въ Академію предстали предъ префекта, который тогда былъ Іоаннъ Козловичъ, послѣ бывшій Донскій Архимадритъ, и наконецъ Переаславскій Епископъ, и тамо умре. Префектъ ободрилъ представшихъ предъ него отроковъ, сказавъ: *Дѣтки, учитесь: посль протопопове будете.* И сіе сбылось его пророчество: одинъ и подлинно сталъ протопопомъ, а другой протопововъ начальникомъ. По опредѣленіи въ Академію, изучился Петръ въ двѣ недѣли читать и писать, по латынѣ, потомъ переведенъ въ Ѳару, или низшій грамматическій классъ, гдѣ бывъ годъ, переведенъ въ грамматику. По прошествіи года, въ Синтаксиму, или въ высшій грамматическій классъ: чрезъ годъ, въ Піитику; по прошествіи года, въ Реторику: гдѣ бывъ два года, переведенъ въ Философію; а чрезъ два года, уже и въ Богословію...

Обучался Петръ Левшиновъ (ибо такъ онъ прозывался) Латинскому языку и помянутымъ наукамъ Піитикѣ, Реторикѣ, Философіи и Богословіи. При томъ обучался самъ собою Географіи, а знаніе Исторіи пріобрѣлъ всегдашнимъ читаніемъ историческихъ книгъ; къ чему прилѣжалъ чрезъ всю свою жизнь, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе Исторіи, всей вообще и своей отечественной.

По тогдашнему въ Академіи порядку Греческому языку обучались ученики особо, чрезъ два года по окончаніи Синтаксиса, и изъ Греческаго класса переводимы были въ Піитическій, чрезъ что Латинскаго языка ученіе прерывалося. По желанію учителя Піитическаго, чтобъ Петра имѣть у себя въ классѣ, Греческій классъ онъ миновалъ, а чрезъ то лишился знанія Греческаго языка. Но дошедъ до Философіи и увидѣвъ, что, по многимъ срѣчающимся греческимъ словамъ, языка сего знаніе нужно; а притомъ примѣтивъ, что нѣкоторые товарищи его, впрочемъ въ успѣхахъ ученія и худшіе его, но греческій языкъ, хотя нѣсколько знаютъ, и тѣмъ предъ нимъ преимуществуютъ, симъ чувствительно тронутъ былъ Петръ, что онъ, товарищей будучи гораздо въ наукахъ превосходнѣе, но знаніемъ сего языка предъ ними яко унижался; почему горячо принялся, чтобъ желаніе свое выполнить. Но много встрѣчалось затрудненій. Не было грамматики Греческой: купить было не начто; да и

учить нѣкому. Но чего не преодолѣваетъ горячее желаніе и тщаніе? — Выпросилъ на время у товарища грамматику Греческую, на Латинскомъ языкѣ сочиненную Архимандрітомъ Варлаамомъ Лащевскимъ, и оную всю переписалъ: а чрезъ то и писать по Гречески изучился, какъ бы срисовывая буквы Греческія съ печатныхъ: почему и почеркъ его письма по Гречески былъ сходенъ съ греческимъ печатнымъ. Доставъ такимъ образомъ грамматику, началъ самъ себя по ней учить: самъ себѣ уроки задавать; самъ себя выслушивать; самъ себя или похвалять за прилѣжаніе, или осуждать за нерадѣніе. А какъ мѣста случались, кои онъ выразумѣть не могъ, о томъ, приходя въ школу, у товарищей своихъ, знавшихъ Греческій языкъ, спрашивалъ, и чрезъ то вразумлялся. Потомъ и задачи къ переводу съ Россійскаго на Греческій самъ себѣ задавалъ, а о словахъ греческихъ спрашивалъ у товарищей, и записывалъ; и потому дома сочинивъ, показывалъ товарищамъ, кои прочетши, или похваляли, или поправляли, чрезъ что и успѣвалъ помалу Левшиновъ. Но какъ сего было не довольно, ибо затруднительно, то вздумалъ онъ ходить въ Греческій монастырь, близь самой Академіи стоящій, на службу Божію, сколько время дозволяло; и со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ чтенію и пѣнію грековъ: и сіе много Петра воспользовало; ибо и слова нѣкоторые понялъ, и нѣкоторое ихъ сложеніе примѣтилъ; а паче правильное ихъ произношеніе перенялъ; да и пѣнію ихъ нѣсколько научился. А потомъ, когда сталъ учителемъ Академіи, имѣлъ свободный случай съ греками нерѣдко обходиться; а черезъ обхожденіе, разговаривая съ ними, хотя худо, по гречески, но чрезъ то себя поправлялъ, и нечувствительно большій успѣхъ пріобрѣталъ, ибо уже могъ нѣкоторыя нетрудныя на греческомъ языкѣ книги читать и разумѣть, и съ греками, сколько нибудь, хотя несовершенно, разговаривать не попросту... какъ греки говорятъ, по еллински. А потому уже, будучи въ Академіи Піитики учителемъ, обучалъ учениковъ Греческой грамматикѣ, и всегда, съ удовольствіемъ Петръ о себѣ говорилъ что онъ въ греческомъ языкѣ... самъ себѣ учитель. И сіе услажденіе была истинная награда за малые его, въ изученіи греческаго языка, труды. Въ прочихъ же во всѣхъ наукахъ, въ Академіи преподаваемыхъ, былъ Левшиновъ отлично успѣшенъ, и изъ всѣхъ товарищей почитался первымъ, почему

и отъ учителей и отъ товарищей всѣхъ былъ особо любимъ, отъ учителей за прилѣжаніе, всегдашнее въ школу хожденіе, за отличный во всѣмъ успѣхъ, и за благонравіе. А притомъ какъ онъ изучился партесному пѣнію и имѣлъ голосъ пріятный, и зналъ въ пѣніи искусство; то и сіе любовь къ Петру учителей умножало...

Но какъ между тѣмъ поступалъ Петръ въ домашнемъ обхожденіи, и въ чемъ упражнялся? Жилъ онъ при помянутомъ братѣ своемъ Тимоѳеи, который былъ діакономъ у Спаса въ Спаской, гдѣ вмѣстѣ жили и родители его. Петръ исправивъ задачи, назначенныя отъ школы, дома упражнялся въ чтеніи книгъ, и въ хожденіи въ церковь на службу Божію, всегда онъ, чрезъ всю жизнь сожалѣлъ, что тогда въ Академіи другимъ наукамъ и языкамъ необучали, въ коихъ онъ конечно сколько нибудь предуспѣлъ бы. А паче сожалѣлъ, что превеликую охоту имѣлъ къ чтенію книгъ; но книгъ дома никакихъ не было: купить было не начто. Почему Петръ, чтобы утолить жажду свою, читалъ всѣ книги, какія въ церкви могли найтиться; яко то: Четіи минеи, Прологи, Камень вѣры, Маргаритъ, Обѣдъ духовный, Вечерю, исторію Баронія, а паче всего посланія Апостола Павла, коими толико восхищался, что онъ, можетъ быть, болѣе двадцати разъ прочиталъ; и никто ему столько не нравился, какъ сей высшаго имени и духа мужъ и Святый Іоаннъ Златоустъ. А къ лучшему знанію въ латинскомъ языкѣ много ему послужили, книжка Цицеронова о должностяхъ de officiis, которую мать ходя по площади, и сама не зная, для него купила; а другая: исторія Курціева, которую онъ выпросилъ у товарища для прочитанія: онъ ихъ съ жадностію великою читалъ, и по особой склонности, и по неимѣнію другихъ книгъ, многократно ихъ чтеніе повторялъ; особливо услаждался пресладостнымъ и остроумнымъ слогомъ Курція; и казалось ему, что языкъ, коимъ говорилъ Курцій, есть яко выше человѣческаго, поелику подобной сладости и остроты и умныхъ переворотовъ, ни въ какомъ Россійскомъ писателѣ, найти ему не случалось, или такъ вкусу его нравилось.

И такъ, въ чтеніи книгъ Левшиновъ препровождалъ домашнее время, а притомъ никогда не оставлялъ ходить въ церковь, когда отъ школъ было свободно; особливо во время вакацій ни единаго дня не упускалъ, чтобъ не быть на вечерни, и на

литургіи; а на утреняхъ, въ воскресенье и праздничные дни. Въ церкви былъ первый изъ читающихъ и поющихъ; и какъ въ пѣніи былъ искусенъ, и ни въ чемъ исправнымъ церковникамъ не уступалъ и уставъ церковный нехудо зналъ; то и любимъ былъ до зѣла священно и церковнослужителями и прихожанами, особливо, кои были также охотны къ пѣнію, и въ семъ было его любимое упражненіе и можно по истинѣ сказать, что не зналъ, кромѣ трехъ мѣстъ: *дома, церкви и школы*...

Когда при открытіи въ Москвѣ Университета, былъ онъ выбранъ и назначенъ въ Студенты въ Университетъ, и когда другіе не только того хотѣли, но искали; Петръ никакъ на то не согласился; и совершенно отъ того отрекся такъ, какъ и отъ другихъ свѣтскихъ ему предлагаемыхъ состояній. — Но вотъ и начало его въ духовное званіе вступленія!

По окончаніи двухъ лѣтъ въ ученіи Богословіи, Левшиновъ Ректоромъ и Архимадрітомъ и учителемъ его Геннадіемъ, у коего онъ и жилъ, обучая племянниковъ его, представленъ былъ въ Св. Сунодъ на піитическій классъ въ учителя въ Академію, вмѣстѣ съ справщикомъ типографіи Петромъ Петровымъ, который нынѣ Митрополитомъ Новгородскимъ, Гавріиломъ. И хотя указомъ велѣно его, Петрова опредѣлить, но съ тѣмъ, ежели онъ въ монашество вступить пожелаетъ; но какъ онъ тогда отъ сего отрекся, то и палъ жребій на Левшинова; и онъ опредѣленъ учителемъ Піитики 1757 года, съ полученіемъ жалованья по 170 рублей...

Опредѣленный новый учитель обучалъ Піитикѣ и греческому языку. Но при томъ возложена на него должность, по порядку, принятому въ Академіи, чтобъ толковать Катихизисъ публично по воскреснымъ днямъ, въ собраніи Академіи и всѣхъ со стороны всякаго состоянія людей для слушанія приходящихъ.

Митр. Платонъ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ПОѢЗДКА.

Французское посольство въ Петербургѣ, съ Лопиталемъ во главѣ, отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ... Императрицѣ очень понравился этотъ блескъ, а также манеры и тонъ маркиза Лопиталя... Жилъ онъ очень роскошно и держалъ въ нѣкоторомъ родѣ открытый столъ. Онъ часто

бывалъ у моего дяди вице-канцлера, встрѣчался тамъ со мной и пригласилъ меня посѣщать его, на что мой дядя далъ мнѣ позволеніе. Послѣ того, какъ я побывалъ у него нѣсколько разъ и много разговаривалъ съ нимъ, онъ сталъ хвалить меня моему дядѣ и предложилъ ему послать меня во Францію. Онъ сказалъ дядѣ, что недавно открыто въ Версали отличное заведеніе, находящееся подъ особымъ покровительствомъ короля, а именно школа chevaux légers, что тамъ воспитываются сыновья самыхъ знатныхъ Французскихъ вельможъ и высшаго дворянства, что хотя туда и не принимаются иностранцы, но онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что король дозволитъ мнѣ поступить туда, а потому предлагалъ написать объ этомъ своему двору, если мой дядя захочетъ. Черезъ два мѣсяца Лопиталь получилъ въ отвѣтъ на свое письмо увѣдомленіе отъ Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ аббата де-Берни, что король съ удовольствіемъ дастъ приказаніе принять въ школу chevaux légers племянника Русскаго вице-канцлера. Это предложеніе пришлось моему дядѣ очень по вкусу; онъ доложилъ объ этомъ Императрицѣ и получилъ отъ нея разрѣшеніе послать меня туда. Въ эту пору Императрица часто пріѣзжала запросто ужинать къ моему дядѣ и почти каждый разъ встрѣчалась тамъ съ посланниками Вѣнскимъ и Французскимъ. Лопиталь, какъ сама Императрица разсказывала моему дядѣ, говорилъ ей о моемъ помѣщеніи въ школу chevaux légers и вмѣстѣ съ тѣмъ отзывался обо мнѣ съ похвалой. Мой дядя и мой отецъ занялись приготовленіями къ моему отъѣзду, а Императрица была такъ добра, что приказала дать мнѣ рескриптъ къ нашему посланнику во Франціи Бестужеву съ порученіемъ устроить мое вступленіе въ помянутую школу и пещись обо мнѣ.

Я могу сказать, что этотъ отъѣздъ во Францію имѣлъ большое вліяніе на складъ моего ума, такъ какъ онъ способствовалъ моему умственному развитію и еще усилилъ мою склонность къ дѣловымъ занятіямъ. Мой дядя очень интересовался мною и всѣмъ, что касалось моего образованія, и я могу сказать, что въ этомъ отношеніи онъ былъ для меня настоящимъ отцемъ...

Мой дядя, очень заботившійся обо всемъ, что касалось моего отъѣзда, снабдилъ меня отеческими наставленіями, какъ я дол-

женъ себя вести, далъ мнѣ рекомендательныя письма къ нашимъ посланникамъ въ Варшавѣ и Вѣнѣ, которыя я долженъ былъ проѣзжать, и въ особенности горячо рекомендовалъ своему другу Русскому посланнику въ Парижѣ графу Бестужеву, попеченію котораго онъ меня всецѣло поручалъ. Онъ также далъ мнѣ письма въ Ригу и къ нашимъ генераламъ въ Пруссію, черезъ которую лежалъ мой путь...

Простившись съ моими родными, я выѣхалъ изъ Петербурга, сколько могу припомнить, 27 или 28 Февраля 1758 года. Мое семейство имѣло ко мнѣ достаточно довѣрія, чтобъ не назначать никакого ко мнѣ гувернера для сопровожденія меня до Парижа. Мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ, но я могу сказать, что мое поведеніе во время пути оправдало довѣріе моихъ родныхъ, такъ какъ я ни разу не впалъ въ тѣ увлеченія, которыя такъ свойственны молодымъ людямъ моихъ лѣтъ...

Пріѣхавъ въ Вѣну, я тотчасъ отправился къ нашему послу графу Кейзерлингу, который принялъ меня очень хорошо и пригласилъ меня остановиться въ его домѣ, гдѣ онъ уже заранѣе приготовилъ для меня комнаты...

Вѣна, какъ извѣстно, имѣетъ крѣпость и была въ состояніи выдерживать осады; поэтому такъ называемый старый городъ не очень обширенъ. Впрочемъ въ немъ есть площади, очень красивыя улицы и прекрасныя зданія. Въ улицѣ, гдѣ живетъ знать, много большихъ барскихъ домовъ. Императрица *) много сдѣлала для украшенія города, выстроивши для каждаго министра и для каждаго министерства очень большіе дворцы въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, что очень облегчаетъ веденіе дѣлъ. Дворецъ, въ которомъ живетъ дворъ, хотя и великъ, но старинной архитектуры. Сверхъ того при дворѣ есть великолѣпная публичная библіотека, очень обширный кабинетъ рѣдкостей и прекрасная картинная галлерея. Казнохранилище, гдѣ находятся всѣ коронныя драгоцѣнности, также очень интересно. Сверхъ того въ Вѣнѣ много церквей, воспитательныхъ заведеній и училищъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были выстроены императрицей-королевой...

Въ то время въ Вѣнѣ было два театра и очень хорошая Французская комедія. Зала, въ которой давались представленія, сообщалась посредствомъ галлереи съ дворцомъ и часто по-

*) Марія Терезія. (*Сост.*).

сѣщалась дворомъ. Нѣмецкій театръ славился великолѣпными балетами, и я долженъ признаться, что мнѣ до той поры еще не случалось видѣть ничего подобнаго. Австрійская аристократія очень высокомѣрна, любитъ церемоніи и этикетъ и очень чванится роскошью своихъ обѣдовъ. Признаюсь, что, въ мое первое пребываніе въ этомъ городѣ, несмотря на оказанный мнѣ повсюду хорошій пріемъ, мнѣ не понравился господствующій тамъ тонъ. Впрочемъ, женщины тамъ довольно любезны и красивы; но мужчины показались мнѣ непріятными. Я разумѣю Вѣнскую молодежь; что же касается, людей состоящихъ на государственной службѣ, то едва-ли найдется другая страна, гдѣ было бы столько способныхъ должностныхъ лицъ, какъ въ Вѣнѣ...

Изъ Виртемберга я прибылъ въ Мангеймъ, столицу курфистовъ-палатиновъ...

Дворъ находился въ то время въ загородномъ замкѣ Швейцингеръ, находящемся неподалеку отъ города: туда вела аллея, которая содержалась въ большомъ порядкѣ. Я отправился туда съ рекомендательными письмами къ главному министру курфирста, который, испросивъ разрѣшеніе у своего государя, повезъ меня въ замокъ и представилъ меня курфирсту и его супругѣ, и они пригласили меня на обѣдъ. При этомъ дворѣ былъ большой порядокъ, много великолѣпія и довольно всякаго этикета. Курфирстъ имѣлъ репутацію человѣка свѣдущаго и образованнаго, любящаго литературу и искусства... Главный министръ курфирста, которому я былъ рекомендованъ, пригласилъ меня войти въ столовую, гдѣ ожидали прибытія самого курфирста; я засталъ тамъ многочисленное общество и увидѣлъ накрытый большой столъ...

До прибытія курфирста я замѣтилъ, что всѣ очень ухаживаютъ за однимъ пожилымъ человѣкомъ; я спросилъ имя этого старика и къ великому моему удивленію узналъ, что это Вольтеръ. Такъ какъ я всегда восхищался произведеніями Вольтера, то и былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ того, что имѣлъ случай его видѣть. Я пожелалъ, чтобъ меня представили этому знаменитому человѣку и просилъ у него позволенія посѣтить его послѣ обѣда (онъ жилъ въ замкѣ). Лишь только вошли въ залу курфирстъ и его супруга, и лишь только они обмѣнялись нѣсколькими словами съ нѣкоторыми изъ гостей, мы сѣли за столъ;

мнѣ пришлось сѣсть недалеко отъ курфирста, что мнѣ было очень пріятно, потому что это давало мнѣ возможность не проронить ни одного слова изъ того, что говорилъ Вольтеръ...

Чтобъ не безпокоить Вольтера тотчасъ послѣ обѣда, я пошелъ прогуливаться въ садъ курфирста, а затѣмъ отправился въ апартаменты этого писателя и приказалъ доложить о себѣ. Онъ тотчасъ принялъ меня, много говорилъ объ императрицѣ Елисаветѣ, о ея человѣколюбіи и объ изданномъ ею при вступленіи на престолъ законѣ, уничтожавшимъ смертную казнь; онъ также говорилъ мнѣ съ восторгомъ о Петрѣ Великомъ. Онъ въ то время писалъ исторію этого великаго государя; это было мнѣ извѣстно еще до моего отъѣзда изъ Петербурга. Мнѣ было также извѣстно, что камергеръ Шуваловъ, находившійся съ нами въ перепискѣ, собиралъ для отсылки къ нему матеріалы и свѣдѣнія о Петрѣ Великомъ. Этотъ знаменитый писатель много говорилъ мнѣ о необъятности Россіи и о нашихъ сосѣдяхъ Китайцахъ.

Такъ какъ въ этотъ вечеръ былъ назначенъ спектакль въ замкѣ, куда онъ, конечно, намѣренъ былъ отправиться, то я не счелъ вѣжливымъ долго его задерживать и попросилъ у него позволенія посѣщать его во время моего пребыванія въ Мангеймѣ. Курфирстъ содержалъ на свой счетъ цѣлую труппу Французскихъ комическихъ актеровъ. Я отправился въ театръ; давали *Магомета*, и я замѣтилъ, что Вольтеръ волновался, когда онъ находилъ, что кто-нибудь изъ актеровъ придавалъ иной разъ фразѣ не тотъ смыслъ, какого желалъ авторъ.

Желаніе видаться съ Вольтеромъ заставило меня провести нѣсколько лишнихъ дней въ Мангеймѣ. Каждые два дня я отправлялся на дачу курфирста въ театръ, на которомъ давали одинъ трагедіи Вольтера, а послѣ обѣда посѣщалъ этого знаменитаго писателя, съ которымъ проводилъ одинъ или два часа. Во время моего второго посѣщенія онъ говорилъ мнѣ о войнѣ, которую ведутъ два императорскіе двора*) и Франція съ Прусскимъ королемъ; было не трудно замѣтить, что онъ чрезвычайно желалъ униженія короля. Онъ сказалъ мнѣ, что Фридрихъ хитеръ, что онъ обладаетъ большими военными дарованіями и что онъ имѣетъ искусныхъ генераловъ, несмотря на то, что

*) Австрійскій и русскій. (*Сост.*).

потерялъ многихъ изъ нихъ въ битвѣ 1757 года. Вольтеръ еще такъ недавно вынесъ большія непріятности во время своего пребыванія въ Потсдамѣ, затѣмъ подвергся во Франкфуртѣ аресту по распоряженію Прусскаго короля и былъ жертвою самаго грубаго обхожденія, и эти непріятныя воспоминанія натурально отзывались въ его разговорѣ. Онъ вообще много говорилъ о Фридрихѣ и передавалъ мнѣ, что въ своихъ бесѣдахъ, въ особенности за ужиномъ, Фридрихъ позволялъ себѣ дурно отзываться объ императрицѣ Елисаветѣ. Я слышалъ отъ Вольтера про оскорбленія, которыя Фридрихъ нанесъ нашему Iроссу *), и которыхъ свидѣтелемъ былъ самъ Вольтеръ. Позднѣе вѣнценосный поэтъ помирился съ первымъ изъ поэтомъ, и Вольтеръ до своей смерти поддерживалъ переписку съ Прусскимъ королемъ. Когда я былъ у него въ послѣдній разъ, чтобъ проститься съ нимъ, онъ говорилъ мнѣ о моемъ будущемъ пребываніи во Франціи, хвалилъ заведеніе chevaux légers, въ которое я намѣревался поступить, далъ мнѣ очень хорошіе совѣты касательно моихъ будущихъ занятій и въ заключеніе посовѣтовалъ мнѣ, чтобъ, проѣзжая черезъ Страсбургъ, я повидался тамъ съ однимъ почтеннымъ ученымъ, который можетъ быть очень мнѣ полезенъ своими познаніями. Это былъ г. Шепфингъ, къ которому онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо...

Я прибылъ во Францію черезъ 15 или 16 мѣсяцевъ послѣ того, какъ Даміень попытался, въ началѣ 1757 года, убить Людовика XV. Это преступленіе было послѣдствіемъ общаго настроенія умовъ въ пользу парламентовъ, уже начинавшихъ довольно открыто вступать въ борьбу съ дворомъ... Въ гостиницахъ, въ которыхъ мнѣ приходилось останавливаться и которыя очень хороши, хотя довольно дороги, даже жены трактирщиковъ не говорили мнѣ ни о чемъ другомъ, какъ объ ихъ уваженіи къ парламенту, о принцѣ Конти, который по ихъ словамъ, былъ другъ народа и защитникъ привилегій ихъ парламента, и о томъ, что ихъ добраго короля, который въ ту пору еще былъ любимъ, всѣ обманываютъ.

Я слушалъ ихъ, но не противорѣчилъ имъ. Если обратить должное вниманіе на тогдашнюю склонность въ умахъ разгорячаться и увлекаться, нетрудно будетъ открыть въ ней заро-

*) Русскій полномочный министръ въ Лондонѣ. (*Сост.*)

дышъ того, что случилось впослѣдствіи. Однако въ ту пору еще не было рѣчи о чемъ-либо враждебномъ къ престолу и церкви...

Однако парламенты, и въ особенности Парижскій парламентъ, пріобрѣтали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе довѣрія и уваженія въ глазахъ народа. Даже изгнанія, которыми ихъ иногда наказывали, были имъ благопріятны, потому что усиливали народное къ нимъ расположеніе. Изгнанія парламентовъ, къ которымъ дворъ прибѣгалъ, когда былъ выводимъ изъ терпѣнія оказаннымъ ему сопротивленіемъ, были непродолжительны, потому что законники, адвокаты и прокуроры отказывались отъ веденія тяжебныхъ дѣлъ, такъ что отправленіе правосудія пріостанавливалось, и король въ концѣ концовъ снова призывалъ парламентъ и даже дѣлалъ ему въ нѣкоторыхъ статьяхъ уступки. Вотъ въ какомъ положеніи находилось внутреннее управленіе Франціи во время моего прибытія туда...

Уже было около 8 часовъ вечера, когда я прибылъ въ Парижъ; однако я все-таки рѣшился тотчасъ отправиться къ нашему послу и съ этою цѣлью попросилъ хозяина доставить мнѣ наемную карету и наемнаго лакея. Затѣмъ онъ спросилъ у меня, не нуженъ-ли мнѣ портной, чтобъ одѣть меня такъ, какъ одѣваются въ Парижѣ, на что я согласился...

Узнавъ изъ афишъ, что въ этотъ день давали *Заиру*, я попросилъ у гр. Бестужева позволенія отправиться въ театръ, сказавъ ему, что я горю нетерпѣніемъ увидѣть, какъ играютъ на Парижской сценѣ. Онъ согласился на это и приказалъ Хотинскому сопровождать меня. Я былъ удивленъ и пораженъ этимъ представленіемъ и въ особенности игрой Лекена и Саразена, исполнявшаго роль Люзиньяна. Этотъ актеръ былъ уже очень старъ и игралъ на театрѣ въ послѣдній разъ. Дѣвица Госсенъ, хотя и немолодая женщина, очень хорошо исполняла роль Заиры, внесла въ нее много чувствительности и вызывала апплодисменты. Зала, въ которой давалось представленіе, некрасива, находится въ узенькой улицѣ и недостойна такого большого города. Кромѣ *Французской Комедіи*, въ Парижѣ былъ еще Итальянскій театръ, на которомъ давались пьесы съ арлекинами и даже Французскія пьесы безъ арлекиновъ, а также комическія оперы. Тамъ были очень хорошіе актеры, въ особенности знаменитый Карленъ. Была еще *Большая Опера* или, какъ ее называли, *Академія Музыки;* тамъ давались спектакли, про-

изводившіе впечатлѣніе балетами, декораціями, хорами, увертюрой оркестра и множествомъ дѣйствующихъ лицъ, появлявшихся на сценѣ. Актеры исполняли свои роли въ совершенствѣ, точно будто они разыгрывали какую-нибудь трагедію, а либретто было всегда составлено съ большимъ тщаніемъ, не такъ, какъ въ большихъ Итальянскихъ операхъ. Тѣмъ не менѣе этотъ спектакль мнѣ не понравился: и Французская музыка, и вскрикиванія пѣвцовъ драли мнѣ уши; я сталъ ходить туда только тогда, когда давали оперу Ж. Ж. Руссо Le Devin du Village...

Послы обыкновенно ѣздили по вторникамъ въ Версаль, чтобъ представляться королевскому семейству и совѣщаться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, у котораго они обѣдали. Нашъ посолъ намѣревался свезти меня туда, чтобъ представить меня аббату Берни и переговорить съ нимъ касательно моего поступленія въ школу chevaux légers; но въ первые два вторника моего пребыванія въ Парижѣ король ѣздилъ на охоту и потому пріемъ пословъ былъ отложенъ до другаго времени. Тѣмъ временемъ я старался познакомиться съ Парижемъ, много ходилъ пѣшкомъ, посѣщалъ лавки и книжные магазины. Огромное число этихъ послѣднихъ поразило меня. Кромѣ улицы Сенъ-Жакъ, которая вся наполнена книжными магазинами, нѣтъ почти ни одной большой улицы, гдѣ-бы ихъ не было...

Меня, натурально, очень поразила и громадность Парижа, и многочисленность его населенія, и предпріимчивая дѣятельность жителей. Въ немъ есть очень красивые кварталы или по меньшей мѣрѣ цѣлыя улицы, гдѣ нѣтъ другихъ зданій, кромѣ большихъ отелей. Въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ большая часть домовъ имѣетъ съ одной стороны дворъ, а съ другой садъ. Въ старомъ городѣ улицы узки, однако есть также большія и красивыя, какъ, напримѣръ, улицы Сентъ-Оноре, Сентъ-Антуанъ и нѣкоторыя другія. Городскія площади и сады, какъ напримѣръ Тюльерійскій, Пале-Рояля, Люксамбургскій и при Арсеналѣ, чрезвычайно хороши. Садъ князя Субиза, примыкающій къ его отелю, также открытъ для публики. Нѣкоторыя набережныя вдоль Сены красивы; тамъ много большихъ отелей, точно также и на бульварахъ, гдѣ къ отелямъ примыкаютъ сады; таковъ, напримѣръ, отель маршала Ришелье...

Такъ какъ король находился въ Версали, то члены дипломатическаго корпуса ѣздили туда. Нашъ посолъ взялъ меня

съ собою для того, чтобъ представить меня двору и министру иностранныхъ дѣлъ. Мы выѣхали изъ Парижа по великолѣпной аллеѣ, которая носитъ названіе Cours de la Reine; затѣмъ мы проѣхали двѣ мили по великолѣпной набережной, идущей вдоль Сены; вся эта дорога до самаго Севра окружена непрерывнымъ рядомъ хорошенькихъ деревенскихъ домиковъ и другихъ жилищъ. Затѣмъ становятся издали видны дворецъ и часть садовъ Сенъ-Клу. Отъ Севра остается еще двѣ мили до Версали по очень хорошему шоссе, но эта дорога печальна и монотонна. Пріѣхавши въ Версаль, мы остановились у министра иностранныхъ дѣлъ. Посолъ представилъ меня аббату Берни, который тотчасъ послалъ записку къ первому камеръ-юнкеру касательно моего представленія королю. Члены дипломатическаго корпуса отправились во дворецъ въ комнату, которую называютъ залой пословъ, и въ которой они обыкновенно отдыхаютъ въ ожиданіи пріема у короля... Очень скоро вслѣдъ затѣмъ отворилась настежъ дверь, и дипломатическій корпусъ вошелъ въ спальню короля, гдѣ также находилось множество Французскихъ вельможъ. Лица, ожидавшія чести быть представленными, стали у дверей. Это та самая спальня, которую занималъ Людовикъ XIV; въ ней оставалась вся его мебель, равно какъ и въ большихъ дворцовыхъ апартаментахъ. Но король Франціи обыкновенно жилъ въ маленькихъ апартаментахъ, которые были меблированы со вкусомъ и изяществомъ.

Члены дипломатическаго корпуса, войдя въ спальню, составили кружокъ вокругъ короля...

Послѣ обѣда мы возвратились въ Парижъ. Въ каретѣ Бестужевъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ г-ну Берни о томъ, что я посланъ во Францію для поступленія въ школу chevaux légers. Берни отвѣчалъ, что король былъ въ свое время увѣдомленъ объ этомъ своимъ посломъ въ Россіи, что онъ испроситъ приказаній у его величества и увѣдомитъ о томъ. Когда я заговорилъ о всей этой Версальской сценѣ и о всѣхъ разъѣздахъ, Бестужевъ признался мнѣ, что все это надоѣло ему и даже было утомительно для его лѣтъ, и что онъ очень желалъ бы окончить свои дни на какомъ-нибудь болѣе спокойномъ посольскомъ мѣстѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ поѣздки Бестужева въ Версаль, онъ получилъ отъ аббата Берни письменное увѣдомленіе, что г-жа

Помпадуръ писала по приказанію короля директору школы chevaux légers герцогу Шольнесу, что все готово для моего поступленія туда и что я могу поступить, когда захочу. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, я, дней черезъ 8 или 9, отправился въ одинъ изъ вторниковъ въ Версаль вмѣстѣ съ графомъ Бестужевымъ; мы обѣдали у аббата Берни, которому посолъ сказалъ, что самъ отвезетъ меня въ этотъ день въ школу. Этотъ аббатъ былъ чрезвычайно любезенъ со мной и сказалъ мнѣ, что мы оба будемъ теперь жителями Версаля, и потому онъ проситъ меня считать его домъ за мой собственный и приходить къ нему обѣдать всегда, когда захочу. По выходѣ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, нашъ посолъ самъ свезъ меня въ школу, отрекомендовалъ меня и сдалъ на руки полковнику Лаберзаку, который былъ инспекторомъ школы подъ начальствомъ герцога Шольнеса; затѣмъ Бестужевъ пошелъ осмотрѣть назначенное мнѣ помѣщеніе. Онъ нашелъ его удобнымъ, такъ какъ оно состояло изъ двухъ комнатъ, небольшой прихожей и антресолей для прислуги; все это было очень чисто. Посолъ пробылъ нѣсколько минутъ въ этомъ помѣщеніи, сказалъ мнѣ, что по праздникамъ и во время вакацій я могу иногда пріѣзжать къ нему въ Парижъ, и затѣмъ простился со мной очень ласково.

Нетрудно себѣ представить, какъ мнѣ было неловко, когда я очутился въ средѣ почти 20 молодыхъ людей и многихъ офицеровъ генеральнаго штаба и инспекторовъ, совершенно мнѣ незнакомыхъ. Но я долженъ отдать справедливость любезности всей этой Французской знатной молодежи, которая была такъ предупредительна со мной, что черезъ два дня я уже былъ тамъ какъ дома, точно будто я прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Помѣщеніе, занимаемое школой chevaux légers, было обширно; оно находилось въ одной изъ Версальскихъ улицъ, неподалеку отъ дворца. Король велѣлъ скупить для онаго много домовъ и павильоновъ, которые и были обнесены одной оградой. Дѣйствительно, нужно было много мѣста, чтобъ помѣстить 120 воспитанниковъ, офицеровъ, инспекторовъ, учителей, директора школы, его помощника, одного майора, и около 50 легкихъ кавалеристовъ, принадлежавшихъ къ полку, но не входившихъ въ составъ школы; сверхъ того, тамъ были очень большія комнаты для классовъ, столовыя, больница, манежъ и большой прудъ, въ которомъ учились плавать. Школа была наполнена моло-

дежью, принадлежавшей къ высшему Французскому дворянству; не было во Франціи ни одной провинціи, которая не прислала бы туда воспитанниковъ, такъ что, живя тамъ, можно было составить себѣ понятіе о духѣ различныхъ провинцій. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ сохраняли свой провинціальный характеръ и въ школѣ, какъ, напримѣръ, Бретонцы, которые были большею частію горячія головы. Годовая плата была въ 4000 ливровъ; за эти деньги мы имѣли помѣщеніе, освѣщеніе, учителей, ежегодно новый мундиръ, сюртукъ и мытье бѣлья. Столъ былъ приличный, чистый и хорошій; по пятницамъ и субботамъ ѣли постное...

На другой день я отправился въ классы. Барабанный бой извѣщалъ воспитанниковъ, что насталъ часъ занятій. Классы начинались въ 7 часовъ утра; въ 10 часовъ былъ небольшой перерывъ для завтрака, послѣ котораго занятія продолжались до половины 1-го; это былъ часъ обѣда, послѣ котораго возобновлялись занятія въ классахъ и продолжались до 7 часовъ вечера; въ 8 часовъ ужинали. Каждый столъ накрывался какъ для обѣда, такъ и для ужина, на двѣнадцать приборовъ, и сверхъ того ставили тринадцатый приборъ для офицера или инспектора, наблюдавшаго за тѣмъ, чтобъ все было прилично и въ порядкѣ. Въ праздничные и воскресные дни, а также по субботамъ послѣ обѣда, занятій въ классахъ не было. Тогда можно было, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, отправляться гулять по парку и по окрестностямъ Версаля, или посѣщать живущихъ въ городѣ знакомыхъ. Но тотъ, кто желалъ отправиться въ праздничный день въ Парижъ, долженъ былъ просить на это разрѣшенія у директора школы г-на Лаберзака.

По прошествіи одной недѣли моего пребыванія въ этой школѣ, я уже понялъ, что она хороша и можетъ быть полезна для меня, а потому сталъ заниматься очень усердно. Я сошелся съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, общество которыхъ мнѣ всего болѣе нравилось, и нисколько не тяготился моимъ пребываніемъ въ школѣ. Я пригласилъ г-на Арну посѣщать меня въ промежуткахъ между классами и давать мнѣ уроки словесности и литературы, за что, конечно, я платилъ ему особо... По субботамъ послѣ обѣда, а также въ праздничные дни, я иногда ходилъ слушать Французскія комедіи, дававшіяся на городскомъ театрѣ, которыя были не совсѣмъ плохи; а когда

погода была хороша, я отправлялся гулять въ паркъ съ тѣми изъ моихъ товарищей, съ которыми я всего болѣе былъ друженъ; тамъ мы заказывали у швейцара оранжереи ужинъ. Иногда мы отправлялись въ Тріанонъ и обѣдали тамъ у швейцара и чисто, и дешево... Воспитанники исполняли за отсутствующихъ служебныя обязанности, заключавшіяся въ томъ, что одинъ изъ этихъ *легкихъ кавалеристовъ* долженъ былъ являться во дворецъ, прежде нежели король отправится къ обѣднѣ. Тамъ должны были находиться одинъ жандармъ, одинъ легкій кавалеристъ, одинъ мушкетеръ сѣрый и одинъ черный: это называлось испрашивать приказаній короля. Эти четыре ординарца выстраивались въ рядъ при проходѣ короля. Король говорилъ имъ: «нѣтъ ничего новаго», и этимъ кончалось ихъ дежурство. Я попросилъ г-на Лаберзака, чтобъ и меня назначили въ мою очередь на такое дежурство, что̀ чрезвычайно понравилось моимъ товарищамъ; мнѣ нѣсколько разъ приходилось такимъ образомъ дежурить, и король былъ такъ добръ, что всякій разъ говорилъ мнѣ нѣсколько словъ.

Гр. А. Воронцовъ.

САМООБРАЗОВАНІЕ РУССКАГО ОФИЦЕРА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

На самой той улицѣ, гдѣ я стоялъ *), и неподалеку отъ насъ, случилось жить одному ученому и такому человѣку, который упражнялся въ шлифованіи стеколъ и въ дѣланіи всякаго рода оптическихъ машинъ и другихъ физическихъ инструментовъ. Къ сему человѣку завелъ меня одинъ изъ моихъ знакомцевъ, и я не знаю, на землѣ ли я или индѣ былъ въ тѣ минуты, въ которыя показывалъ онъ мнѣ разныя свои и мною еще никогда невиданныя вещи и инструменты. Прекрасные его и разные микроскопы, о которыхъ я до того времени и понятія не имѣлъ, приводили меня въ восхищеніе. Я не могъ устать цѣлый часъ смотрѣть въ нихъ на всѣ маленькія показываемыя имъ мнѣ вещицы, а особливо на чрезвычайно-малыхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ тутъ въ одной капелькѣ воды, бѣгающихъ и ворочающихся тутъ въ безчисленномъ множествѣ и гоняющихся другъ за другомъ. А не успѣлъ я симъ насытить свое любопыт-

*) Въ Кёнигсбергѣ въ 1758 г. (*Сост.*)

ное зрѣніе, какъ хрустальныя призмы и другіе оптическіе инструменты и дѣлаемые ими эксперименты приводили меня въ новые восторги и въ удивленіе; но восхищеніе, въ какое приведенъ я былъ его каморою-обскурою, не въ состояніи я уже никакъ описать. Я истинно внѣ себя былъ отъ радости и удовольствія, когда увидѣлъ, какъ хорошо и какимъ неподражаемымъ искусствомъ умѣетъ сама натура рисовать на бумагѣ наипрекраснѣйшія картины, и, что всего удивительнѣе для меня было, наживѣйшими красками. Я долго не понималъ, откуда брались сіи разные колера, покуда не растолковалъ мнѣ отчасти помянутый художникъ, который, примѣтивъ особливое мое и съ великимъ примѣчаніемъ сопряженное любопытство, не оставилъ показать мнѣ все, что̀ у него ни было, и многое изъяснить примѣрами для удобнѣйшаго мнѣ понятія. Словомъ, я вовѣкъ не позабуду тѣхъ пріятныхъ и восхитительныхъ часовъ, которые препроводилъ я тогда у него въ домѣ, и былъ человѣку сему весьма много обязанъ, ибо онъ, власно, какъ отворилъ мнѣ чрезъ то дверь въ храмъ наукъ и заохотилъ иттить въ оный, и находить въ наукахъ тысячу удовольствій и увеселеній, и которыя помогли мнѣ потомъ имѣть толь многія блаженныя минуты въ теченіе моей жизни...

Мнѣ пошелъ тогда двадцать-первый годъ отъ рожденія, и съ самаго сего времени началось прямо мое читаніе книгъ, которое послѣ обратилось мнѣ въ толикую пользу. До сего времени хотя я и читывалъ книги, но все мое чтеніе было ущипками и урывками и только по временамъ; а съ сего времени присѣлъ я, такъ-сказать, вплотную и принялся читать почти уже безпрерывно и не сходя съ мѣста. Тогдашнее осеннее скучное время, начавшіеся длинные вечера, сидѣнія всякой день въ канцеляріи часу до десятаго вечера, множество остающагося отъ дѣлъ и переводовъ празднаго времени; обстоятельство, что я, хотя не многія, но платилъ за книги деньги, нехотѣніе терять ихъ попусту, но напротивъ того, желаніе воспользоваться сколько можно болѣе симъ вожделѣннымъ случаемъ и успѣть множайшія прочесть книги, а наконецъ и самыя любопытныя и пріятныя матеріи тѣхъ книгъ, которыя читалъ я сначала, были тому причиною, что я не терялъ почти ни минуты празднаго времени, но все оное употреблялъ на чтеніе.

Теперь разскажу вамъ, какого рода книги читалъ я тогда наиболѣе. Чрезъ посредство помянутой купленной мнѣ товари-

щемъ моимъ книжки, хотя и узналъ я о всѣхъ наилучшихъ книгахъ и сочиненіяхъ во всѣхъ частяхъ нѣмецкой литературы, и хотя, прочитывая свой каталогъ, къ особливому удовольствію своему, находилъ, что многія изъ нихъ были и у того кенигсбергскаго жителя, у котораго я на другой же день началъ брать книги для чтенія, однако, при томъ одномъ я не остался, но просилъ того же нѣмца, моего товарища, который мнѣ сей случай доставилъ и который взялъ на себя трудъ проводить туда одного изъ нашихъ канцелярскихъ солдатъ, котораго я положилъ посылать всегда за книгами, чтобъ и онъ мнѣ, съ своей стороны присовѣтовалъ, какія мнѣ сначала читать лучше, и тѣ бы означилъ въ каталогѣ. Онъ охотно сіе и учинилъ, и означивъ всѣ, которыя ему были знакомы и лучше прочихъ, и пересказавъ мнѣніе свое о добротѣ оныхъ, совѣтовалъ мнѣ начало учинить чтеніемъ наилучшихъ нѣмецкихъ романовъ. Онъ говорилъ, что чрезъ то не только я научусь читать книги ихъ проворнѣе и узнаю языкъ ихъ совершеннѣе, но и всего способнѣе заохочусь и къ дальнѣйшему чтенію; а сверхъ того, и веселѣе могу провождать тогдашнее скучное время, а особливо по вечерамъ, ибо какъ они любопытны, то могутъ занимать все мое вниманіе и не давать чувствовать скуки нежели другого рода книги.

На предложеніе сіе я тѣмъ охотнѣе согласился, что оно сообразно было и съ самыми склонностями моими. Клевеландъ мой и нѣкоторые другіе, читанные мной до того романы, вперили уже давно въ меня вкусъ къ онымъ, и я всегда съ особливымъ удовольствіемъ читывалъ книги, содержащія въ себѣ что-нибудь историческое.

И какъ романовъ было у того пруссака превеликое множество и въ томъ числѣ были и всѣ наилучшіе и славнѣйшіе, то пустился я въ чтеніе оныхъ и упражнялся въ томъ съ такою прилежностью и усердіемъ, что не зналъ даже усталости. Солдатъ мой принужденъ былъ то и дѣло ходить за книгами, и скоро дошло до того, что не только нѣмцы, мои товарищи, но и самъ хозяинъ книгъ, не могъ довольно надивиться скорому прочитыванію мною оныхъ, и такъ, наконецъ, въ меня ввѣрился, что не опасался присылать ко мнѣ и по цѣлому десятку вдругъ, и гораздо болѣе нежели чего весь мой закладъ стóилъ...

Въ таковомъ безпрерывномъ чтеніи однихъ романовъ препроводилъ я не только всю тогдашнюю осень, но и всю зиму

и даже бо̀льшую часть послѣдующаго лѣта, и матерія ихъ не только мнѣ не наскучивала, но, дѣлаясь съ каждымъ днемъ еще пріятнѣйшею, въ самомъ дѣлѣ заохочивала меня отчасу болѣе къ чтенію. Я прочелъ ихъ тогда превеликое множество, и изъ всѣхъ лучшихъ и славнѣйшихъ тогда романовъ не осталось почти ни одного, который бы не побывалъ у меня въ рукахъ и мною съ начала до конца прочитанъ не былъ...

Какъ бы то ни было, но помянутое чтеніе романовъ произвело мнѣ многоразличныя пользы. Наиглавнѣйшею изъ нихъ можно почесть ту, что я чрезъ многое чтеніе сіе сдѣлался въ нѣмецкомъ языкѣ несравненно знающѣе и совершеннѣе. Не только цѣлыя тысячи словъ и рѣченій, которыхъ я до того никакъ не зналъ, сдѣлались мнѣ тутъ извѣстными и вразумительными, мимоходомъ и безъ всякаго затверживанія ихъ наизусть, но я научился вкусу отчасти и въ самомъ слогѣ сочиненій нѣмецкихъ и узналъ пріятность и красоту онаго, и чрезъ всего то приготовилъ себя нечувствительно къ удобнѣйшему разумѣнію и охотнѣйшему чтенію другихъ и полезнѣйшихъ сочиненій. Второю, и неменѣе важною пользою, полученною мною отъ сего чтенія, можно почесть ту, что я, читая описываемыя произшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, нечувствительно спознакомился гораздо ближе со всѣми оными, а особливо съ знатнѣйшими въ свѣтѣ городами. Я узналъ и получилъ довольное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого, и ка́къ люди въ томъ и другомъ государствѣ живутъ и что̀ у нихъ тамъ водится. Сіе замѣнило мнѣ весьма многое особливое чтеніе географическихъ книгъ и сдѣлало меня съ сей стороны гораздо болѣе знающимъ. Не меньшее понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ, даже до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская, свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе предъ прежнимъ и я о многомъ такомъ получилъ яснѣйшее понятіе, о чемъ до того имѣлъ только слабое и несовершенное. Что касается до моего сердца, то отъ многаго чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемѣну и совсѣмъ себя, власно какъ переродившимся. Я на-

чиналъ смотрѣть на всѣ произшествія въ свѣтѣ нѣкакими иными и благонравнѣйшими глазами, а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго обхожденія и сообщества съ порочными людьми и отвлекало отчасу больше отъ сообщества съ ними. Наконецъ, проистекла отъ того та польза, что какъ все праздное время по большей части занято у меня было однимъ чтеніемъ, то чрезъ сіе не только не былъ я никогда въ праздности, но и не занимался, кромѣ дѣлъ по должности, никакими другими побочными дѣлами, которыя легко могли-бъ меня отвлечь отъ моихъ полезныхъ упражненій и завесть въ какія-нибудь заблужденія. Что-жъ касается до увеселенія, производимаго мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить вамъ оное? А довольно когда скажу, что оное было безпрерывное, и такъ велико, что я и по нынѣ еще не могу позабыть тогдашняго времени и того, сколь оно было для меня пріятно и увеселительно. Мнѣ и по нынѣ еще памятно, какъ увеселялся я, не только во время чтенія, просиживая безъ всякой скуки длинные вечера, но голова моя такъ наполненна была читанными повѣстями и приключеніями, что и во время самаго скучнаго хожденія по ночамъ изъ канцеляріи на квартиру, они не выходили у меня изъ памяти и я ими и въ сіи скучныя путешествія не менѣе занимался мыслями и веселился, какъ и во время чтенія, и чрезъ то не чувствовалъ трудовъ и досады, съ шествіемъ по грязной и скользкой мостовой сопряженной...

По наступленіи весны и лѣта (1759 г.), время было уже не столь способно къ чтенію, какъ скучное зимнее, поелику множайшее количество наружныхъ прельщающихъ предметовъ отвлекали къ себѣ вниманіе и мѣшали чтенію; однако я хотя съ не такимъ усиліемъ, но все продолжалъ упражняться въ ономъ, но читалъ уже не столько романы, сколько другого сорта книги. Причиною тому было то, что наилучшіе романы были уже мною всѣ прочтены и остались одни оборуши и такіе, которыхъ на чтеніе не хотѣлось почти терять время; а сверхъ того попались мнѣ нечаянно объ тѣ книжки господина Зульцера, которыя писалъ сей славный нѣмецкій авторъ о красотѣ натуры. Матерія, содержащаяся въ нихъ, была для меня совсѣмъ новая, но такъ мнѣ полюбилась, что я совершенно плѣнился оною. Словомъ, объ сіи маленькія книжки произвели во мнѣ такое дѣйствіе, которое

простерлось на всѣ почти дни живота моего, и были основаніемъ превеликой перемѣнѣ, сдѣлавшейся потомъ во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Онѣ-то первыя начали меня спознакомливать съ чуднымъ устроеніемъ всего свѣта и со всѣми красотами природы, доставлявшими мнѣ потомъ толико пріятныхъ минутъ въ жизни и служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ, непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знатную часть моего благополучія составляли...

(1760 г.). Ко всему тому очень много помогло мнѣ то, что попались мнѣ въ руки хорошія нравоучительныя сочиненія и, между прочими, нравоучительныя разсужденія господина Гольберга. Сему славному датскому барону и сочинителю я очень много въ жизнь свою обязанъ. Онъ почти первый сочиненіями своими вперилъ въ меня охоту къ нравоученію и прилѣпилъ меня такъ сильно къ оному, что мнѣ захотѣлось уже и самому, по примѣру его сдѣлаться нравоучителемъ. За сіе и понынѣ имѣю я къ сему давно уже умершему мужу особливое почтеніе и съ особливыми чувствіями смотрю на его портретъ, въ одной книгѣ у себя найденный.

Не мало же обязанъ я въ жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готшеду. Сей начальными своими основаніями философіи не только спознакомилъ меня вскользь и со всѣми высшими философическими науками, но и вперилъ первый охоту къ симъ высокимъ званіямъ и проложилъ помянутыми книгами своими мнѣ путь къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ сей ученой части. Многія и разныя еженедѣльныя сочиненія, издаваемыя въ Германіи въ разныя времена и въ городахъ разныхъ, попавшись мнѣ также въ руки, помогли не только усилиться во мнѣ склонности къ нравоученію, но спознакомили меня и съ эстетикою, положили основаніе хорошему вкусу и образовали во многихъ пунктахъ и умъ мой и сердце. Я не только всѣ сіи журналы съ особливымъ усердіемъ и удовольствіемъ читалъ, но многія пьесы изъ нихъ, которыя мнѣ наиболѣе нравились, даже испытывалъ переводить на нашъ языкъ и въ трудѣ семъ съ особливымъ усердіемъ упражнялся. И сочиненія сего рода мнѣ столь много полюбились, что нѣкогда и самого меня предпринять нѣчто подобное тому и произвесть дѣло, которое едвали кому-нибудь въ свѣтѣ произвесть съ то-

ликомъ успѣхомъ довелось какъ мнѣ, какъ о томъ упоминается въ своемъ мѣстѣ.

Но никому изъ всѣхъ нѣмецкихъ сочинителей не обязанъ я такъ много въ жизнь мною, какъ господину Зульцеру; онъ, такъ какъ я и прежде упоминалъ, обѣими маленькими и свѣту довольно извѣстными книжками о красотѣ натуры спознакомилъ меня первый съ устроеніемъ міра, влилъ въ меня охоту къ физическимъ знаніямъ и научилъ узнавать, примѣчать и любоваться красотами и прелестьми натуры и чрезъ самое то доставилъ мнѣ въ послѣдующіе потомъ дни, годы и времена безчисленное множество веселыхъ и драгоцѣнныхъ минутъ въ жизни, каковыми и понынѣ, и даже въ самой своей старости, пользуюсь.

Со всѣми сими и многими другими полезными книгами и лучшими нѣмецкими сочиненіями спознакомила меня отчасти помянутая библіотека, доставлявшая мнѣ книги для чтенія, отчасти товарищи мои, нѣмецкіе канцеляристы, а отчасти и книжные аукціоны. На сіи продолжалъ я съ такою ревностію ходить, что не пропускалъ изъ нихъ ни единаго и не возвращался никогда на квартиру, не принося съ собою нѣсколько книгъ, купленныхъ на оныхъ. Отъ сего самаго начала уже около сего времени формироваться у меня порядочная библіотека и было у меня книгъ уже подъ сотенку и болѣе; но всѣ онѣ стоили мнѣ очень недорогова. Однако, нельзя сказать, чтобъ и не покупалъ я кое-когда и новыхъ. Всякій разъ, когда ни случалось мнѣ узнать какую-нибудь новую и полезную для себя книжку, какъ бѣгивалъ я въ книжную лавку, и купивъ отсылалъ къ моему переплетчику и работникъ его нерѣдко принашивалъ ко мнѣ цѣлыя кипы книгъ, вновь переплетенныхъ...

Но всего для меня полезнѣе и достопамятнѣе было то, что я въ теченіи сего года началъ учиться и порядочно штудировать философію. Произошло сіе совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ, почти, образомъ, и такъ, что я и сей случай отношу къ особымъ дѣйствіямъ и попеченіямъ объ истинномъ благѣ моемъ божескаго Промысла. И какъ произшествіе сіе имѣло вліяніе на всю жизнь мою, то и разскажу я о томъ пространнѣе...

Изъ всѣхъ читанныхъ мною до того времени философическихъ книгъ, ни которая такъ мнѣ не нравилась, какъ Готшедовы, начальныя основанія всей философіи. Книга сія содер-

жала въ себѣ краткое изображеніе или сокращеніе всей, такъ называемой, вольфіанской философіи, которая была въ тогдашнее время во всеобщемъ вездѣ употребленіи и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, почиталась тогда наилучшею. Почему и въ Кёнигсбергѣ всѣ профессоры и учители юношества обучали оной, такъ какъ, къ сожалѣнію, переселясь и къ намъ господствуетъ она и у насъ еще и понынѣ. И какъ помянутыя книжки, по краткости и ясности своей, мнѣ такъ полюбились, что я не преминулъ даже купить оныя, то, прочитавъ ихъ нѣсколько разъ отъ доски до доски и получивъ отъ философіи сей нарочитое уже и такое понятіе, что могъ съ разумѣніемъ читать и другія подобныя тому книги, а чрезъ то нечувствительно напоился я и мнѣніями, обо всемъ съ философіею сею сообразными.

Но мнѣ всего меньше извѣстно было тогда то, что философія сія имѣла многія недостатки и несовершенства...

А сколь мало было мнѣ сіе извѣстно, столь же мало зналъ я и о томъ, что за нѣсколько до того лѣтъ проявилась въ свѣтѣ новая и несравненно сей лучшая, основательнѣйшая и не только ни мало не вредная, но и то особливое предъ всѣми бывшими до того философіями преимущество имѣющая философія, что она всякаго прилѣпившагося къ ней человѣка, хотя бы онъ и не хотѣлъ, но по неволѣ почти сдѣлаетъ христіаниномъ, такъ какъ, напротивъ того, вольфіанская и хорошаго христіанина превращала почти всегда въ худого или паче въ самаго деиста и маловѣра, и что сія новая и крайне человѣческому роду полезная философія, основана въ Лейпцигѣ однимъ изъ тамошнихъ ученѣйшихъ людей, по имени Христіаномъ Августомъ Крузіемъ, начинала уже гремѣть въ свѣтѣ, получать многихъ себѣ послѣдователей и мало-по-малу распространяться въ Европѣ и между прочимъ въ самомъ томъ городѣ, гдѣ я тутъ находился. Тутъ преподавалъ уже ее или училъ публично одинъ изъ университескихъ магистровъ, по имени Вейманъ; но какъ всѣ прочіе профессоры были еще вольфіанцы и послѣдователями помянутой прежней и несовершенной философіи, то и терпѣлъ онъ еще отъ нихъ за то нѣкоторое себѣ гоненіе и недоброхотство, а особливо потому, что многіе изъ студирующихъ въ Кёнигсбергѣ, отставая отъ прежнихъ учителей, прилѣплялись къ оному и, научившись лучшимъ правиламъ, осно-

ваніямъ и мыслямъ, дѣлались имъ такими противниками, которыхъ они никакъ преобороть были не въ состояніи на обыкновенныхъ своихъ преніяхъ.

Всего того я еще не зналъ и не узналъ бы, можетъ быть, никогда, еслибъ не случилось присланнымъ быть къ намъ изъ Москвы... десяти студентамъ и мнѣ съ двумя изъ нихъ покороче познакомиться. Оба они были наилучшенькіе изъ всѣхъ и самые тѣ, которые назначались для занятія моего мѣста и для исправленія моей должности. Одинъ изъ нихъ прозывался Садовскимъ, а другой Малиновскимъ. Оба они были московскіе уроженцы, оба тамошнихъ поповъ дѣти, но оба весьма хорошихъ характеровъ, хорошаго и смирнаго поведенія; оба охотники до наукъ и хорошо въ университетѣ учившіеся и довольныя уже свѣдѣнія обо всемъ имѣвшіе, а притомъ съ хорошими чувствіями люди. Какъ обоимъ имъ велѣно до того времени, покуда понавыкнутъ они болѣе нѣмецкому языку и къ переводамъ сдѣлаются способнѣйшими, пріискать себѣ учителей изъ тамошнихъ профессоровъ и продолжать у нихъ прежнія свои науки, то, учась еще въ университетѣ философіи, избрали они и тутъ сей самый факультетъ и, приговоривъ одного изъ тамошнихъ профессоровъ, стали продолжать слушать у нихъ лекціи, такъ какъ дѣлывали то, будучи еще въ московскомъ университетѣ.

Такъ случилось, что профессоръ тотъ былъ хотя, какъ и всѣ прочіе, вольфіанецъ, но изъ учениковъ его, тамошнихъ студентовъ, были нѣкоторые, учившіеся тайно и у помянутаго магистра Веймана той новой крузіанской философіи, о которой упоминалъ я выше, и что сіи, спознакомившись и сдружившись съ обоими нашими студентами, насказали имъ столь много добраго, какъ о сей новой философіи, такъ и о Вейманѣ, что возбудили и у нихъ охоту поучиться сей новой и толико лучшей и преимущественной философіи. Они, при помощи оныхъ, и познакомились тотчасъ съ симъ магистромъ, и какъ сей таковымъ новымъ охотникамъ учиться его философіи очень былъ радъ, то и пригласилъ онъ ихъ ходить къ себѣ по вечерамъ, и взялся охотно преподавать имъ приватно лекціи, а хотѣлъ только, чтобъ дѣло сіе было производимо тайно и такъ, чтобъ не узналъ того до времени тотъ профессоръ, у котораго они до того учились, и чтобъ онъ не могъ за то претерпѣть отъ него какого-нибудь себѣ злодѣйства, на что они и сами охотно согласились.

Но не успѣли они у него нѣсколько разъ побывать и лекціевъ его послушать, какъ и плѣнились они столь сильно сею новою философіею, что восхотѣлось имъ и мнѣ сообщить свое удовольствіе. Со мною имѣли они уже время не только познакомиться, но даже и сдружиться, ибо какъ имъ приказано было отъ времени до времени приходить къ намъ и въ канцелярію, то, узнавъ обо мнѣ и объ отмѣнной моей охотѣ до книгъ и до наукъ тотчасъ со мною познакомились короче и полюбили меня чрезвычайно, а не менѣе полюбилъ тотчасъ и я обоихъ ихъ, и у насъ всегда, какъ ни прихаживали они къ намъ, бывали съ ними обо всемъ и обо всемъ, касающемся до книгъ и до наукъ, безпрерывные и для меня отмѣнно пріятные разговоры, а сіе и подружило насъ между собою очень скоро неразрывною почти дружбою.

Не могу изобразить, какъ удивился я, услышавъ отъ нихъ о помянутой новой и совсѣмъ для меня еще неизвѣстной философіи, и о преимуществахъ ея предъ прежней и мнѣ знакомой, и какъ заохотили они самого меня узнать короче объ оной и слышать, какъ преподаются объ ней имъ лекціи. Они услышали жеданіе мое и не преминули поговорить о томъ съ своимъ магистромъ Вейманомъ и спросить его, не дозволитъ ли онъ имъ привесть меня когда-нибудь съ собою, дабы могъ я хоть одинъ разъ присутствовать при преподаваніи имъ его лекцій: и какъ неописанно обрадовали они меня, принеся извѣстіе ко мнѣ, что онъ не только имъ то дозволилъ, но поставляетъ себѣ за особливую честь и будетъ очень радъ, если удостою я его своимъ посѣщеніемъ.

Мы условились еще въ тотъ же день иттить къ нему всѣ вмѣстѣ. Вечеръ случился тогда, какъ теперь помню, очень темный, осенній и притомъ ненастный, и хотя иттить намъ было очень дурно и проходить многія улицы и тѣсные переулки по скользкимъ мостовымъ, но я не шелъ, а летѣлъ, ногъ подъ собою не слыша, вслѣдъ за моими проводниками. Я не инако думалъ, что найду порядочный и хорошо убранный домъ; но какъ удивился я, нашедъ сущую хибарочку, во второмъ этажѣ одного посредственнаго домика, и въ ней повсюду единые слѣды совершенной бѣдности. Иному не могла бы она ничего иного вперить, кромѣ одного презрѣнія, но у меня не то было

на умѣ. Я искалъ въ ней мудрости, и былъ столь счастливъ, что и нашелъ оную.

Господинъ Вейманъ принялъ меня съ отмѣнною ласкою, и посадивъ насъ, тотчасъ началъ свое дѣло. Матерія, о которой по порядку имъ тогда говорить слѣдовало, была наитончайшая и самая важнѣйшая изъ всей метафизики; какъ теперь помню, о времени и мѣстѣ, и онъ, несмотря на всю ея тонкость, трактовалъ ее такъ хорошо, такъ внятно и украшалъ ее толь многими до обѣихъ философій относящимися побочностями, что я слушалъ ее съ неописаннымъ удовольствіемъ, и пользуясь дозволеніемъ его, не уставалъ его то о томъ, то о другомъ, для лучшаго понятія себѣ, разспрашивать...

Съ самаго того времени не пропускалъ ни одного раза, чтобъ вмѣстѣ съ товарищами моими къ нему не ходить, и всегда располагалъ дѣла свои такъ, чтобъ мнѣ на весь седьмой часъ послѣ обѣда можно было изъ канцеляріи къ нему отлучиться. И г. Вейманъ такъ меня полюбилъ, что изъ всѣхъ своихъ учениковъ почиталъ наилучшимъ и всѣхъ скорѣе и совершеннѣе все понимающимъ и о просвѣщеніи разума моего такъ много старался, что я могу сказать, что обязанъ сему человѣку очень много въ моей жизни.

Симъ образомъ началъ я съ сего времени порядочно студировать и слушать философическія лекціи и производилъ сіе такъ сокровенно, что долгое время никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ. Но какъ, наконецъ, частыя и всегда въ одно время бываемыя отлучки мои изъ канцеляріи сдѣлались примѣтны, и нѣкоторые изъ нашихъ канцелярскихъ стали подозрѣвать меня и толковать оныя въ худую сторону, то принужденъ я былъ наконецъ открыться въ томъ г. Чонжину и у него выпросить формальное уже для отлучекъ сихъ себѣ дозволеніе. И тогда имѣлъ я удовольствіе видѣть, что обратилось мнѣ сіе не въ предосужденіе, но въ особливую честь и похвалу. Г. Чонжинъ не только разславилъ и разсказалъ о томъ всѣмъ съ превеликою мнѣ похвалою; но сказалъ даже и самому генералу и такимъ тономъ, что и тотъ не преминулъ меня за то публично похвалить и при многихъ случаяхъ приводить меня въ примѣръ и образецъ молодымъ людямъ, особливо распутнымъ офицерамъ.

А. Болотовъ.

Войско.

АРМІЯ ВО ВРЕМЯ ПОХОДОВЪ МИНИХА.

Довольно своеобразны были порядки, заведенные русскими во время ихъ похода противъ турокъ. Какъ скоро до главнокомандующаго доходило извѣстіе, что непріятель близокъ, армія строилась въ одно или нѣсколько каре, помѣщая внутри обозъ. Такой порядокъ возможенъ въ степяхъ того края, представляющаго плоскую равнину, гдѣ очень мало ущелій, такъ что развѣ черезъ десять лье встрѣтится холмъ и балка, черезъ которые надо переходить. Кромѣ того, тутъ нѣтъ собственно проложенныхъ дорогъ, вся степь открыта для войска, что весьма облегчаетъ походъ. Но тѣмъ болѣе хлопотъ представляетъ обозъ, который армія должна тащить за собою. Во всей странѣ между Украйною и Крымомъ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Запорожской станицы, не стоющей порядочнаго села; поэтому, собираясь въ походъ, армія поставлена въ необходимость заготовлять для себя все нужное на все время похода, до того, что иногда воду и дрова надобно перевозить изъ лагеря въ лагерь. Понятно теперь, какъ великъ долженъ быть обозъ такой арміи. Я не преувеличиваю, говоря, что армія Миниха не выступала въ походъ иначе, какъ въ сопровожденіи обоза изъ 90 тыс. подводъ, особенно послѣ того, какъ опытъ доказалъ, что нельзя продовольствоваться на счетъ непріятеля. Эта чрезмѣрность, можетъ быть, удивляетъ; такъ я докажу, что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ. Для арміи въ 80 тыс. человѣкъ везли муки на 6 мѣсяцевъ, а для этого одного требовалось 40 тыс. подводъ; отдѣльный обозъ каждаго полка состоялъ не менѣе какъ изъ 250 подводъ; прибавьте къ нимъ генеральскіе обозы, обозъ регулярнаго войска, артиллерійскій паркъ, до 7 или 8 тыс. мар-

китантовъ, и окажется, что я нисколько не преувеличиваю. Спору нѣтъ, что безъ этого страшнаго обоза походы Миниха далеко не были бы такъ изнурительны и Россія извлекла бы изъ нихъ, можетъ быть, болѣе выгоды. Важнымъ удобствомъ для арміи было то, что ей не нужно было запасаться фуражемъ; русскія лошади привыкли быть все лѣто на подножномъ кормѣ, а степи, черезъ которыя проходила армія, представляютъ самыя роскошныя пастбища. Край этотъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ; только жаль, что эта мѣстность не обрабатывается отъ недостатка въ водѣ и лѣсѣ; можно пройти 15 и 20 верстъ, не встрѣтивъ ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности—найдутся ли они въ новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, каждая рота всегда везла по большой бочкѣ съ водою, для утоленія жажды солдата въ походѣ. Бочки имѣли еще другое назначеніе; въ каждомъ полку ихъ имѣлось отъ 8 до 10-ти и по стольку же большихъ дубовыхъ досокъ; тѣ и другія служили мостами для переправы пѣхоты и легкаго обоза; понтоны служили только для перехода тяжелаго обоза и кавалеріи.

Въ двухъ мѣстахъ этого края есть слѣды городовъ: одинъ изъ нихъ Самара, другой — Бѣлозерка; оба носятъ названіе рѣкъ, на которыхъ они были выстроены. Первый городъ былъ разрушенъ на основаніи условій мирнаго договора, заключеннаго Россіею съ турками въ прошломъ столѣтіи. Другой же, имѣвшій своего собственнаго государя, былъ разграбленъ и разрушенъ татарскимъ княземъ Мамаемъ, который очень прославился среди этихъ племенъ въ XIV вѣкѣ.

Въ этихъ степяхъ замѣчательны могилы татаръ. Это высокія груды земли, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, начинающіяся отъ Самары и кончающіяся за 80 верстъ отъ Перекопа. На верхушкѣ многихъ изъ этихъ кургановъ высится грубой выдѣлки каменный истуканъ, изображающій или мужчину, или женщину. Сдѣланныя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ раскопки открыли въ нихъ сосуды съ пепломъ, а на днѣ нѣсколько золотыхъ или мѣдныхъ монетъ съ полуистертыми арабскими надписями.

Понятіе о плодородіи этого края можно себѣ составить изъ того, что трава на лугахъ достигаетъ вышины, превосходящей ростъ самаго высокаго мужчины. Спаржа растетъ тутъ въ большомъ количествѣ, и ботанисты нашли тамъ множество растеній,

весьма рѣдкихъ, которыя въ нашихъ аптекарскихъ садахъ имѣли бы большой уходъ. Въ этихъ же степяхъ растетъ трава, изъ которой турки и татары приготовляютъ свои фитили. Въ іюлѣ или августѣ татары выжигаютъ траву въ степяхъ. Они дѣлаютъ это, потому что, какъ нѣтъ возможности косить траву, то она отъ зноя выгорѣла бы и заглушила бы молодые отростки, въ предупрежденіе чего они сами ее выжигаютъ огнемъ. Татары часто поджигали луга съ цѣлью лишить русскихъ фуража; и если бы не принимали охранительныхъ мѣръ противъ такого пожара, то онъ легко сжегъ бы цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также бывало необходимо окопать лагерь рвомъ въ два фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми. Дичи въ степяхъ очень много, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, глухарей. Солдаты ловили ихъ руками; особенно много перепеловъ. Въ походѣ каждый день ихъ ловили во множествѣ...

Этотъ походъ принесъ много чести фельдмаршалу Миниху и содѣйствовалъ славѣ русскаго войска. Но для государства походъ мало принесъ пользы, а для арміи онъ былъ утомителенъ и убійственъ: она потеряла 11 тыс. человѣкъ регулярнаго войска и 5,000 казаковъ; вдвое больше того, можно сказать, погибло деньщиковъ и крестьянъ, везшихъ подводы. Такъ какъ я исчислялъ все то, что было убито или взято въ плѣнъ непріятелемъ, то ясно становится, что значительнѣйшая потеря произошла отъ болѣзней. Что же касается до дезертирства, то въ русскихъ войскахъ это дѣло почти неизвѣстно.

Одно обстоятельство сильно развиваетъ болѣзни въ русскихъ арміяхъ,—это почти непрерывные посты, которые они обязаны соблюдать по обряду православной церкви, такъ что они три четверти года постятся. И народъ настолько суевѣренъ, что, несмотря на разрѣшеніе синода во время похода питаться скоромнымъ, мало кто пользуется этимъ позволеніемъ; прочіе готовы лучше умереть, нежели употреблять грѣшную пищу. Кромѣ того, въ походѣ русскій солдатъ спитъ на голой землѣ, не заботясь достать соломы, а объ одѣялахъ въ палаткахъ и помина нѣтъ. Правда, что въ войнѣ съ турками удобства эти были и немыслимы, такъ какъ все время проходило въ безпрерывныхъ переходахъ: оставаться 5 дней въ одномъ и томъ же лагерѣ считалось чѣмъ-то

необыкновеннымъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ уходъ за больными не могъ быть удовлетворителенъ, и что бы ни говорили о чрезвычайно крѣпкомъ сложеніи русскихъ, а они подвержены многимъ болѣзнямъ, какъ-то: цынгѣ, горячкамъ, а въ походѣ кровавому поносу. Обыкновенно треть больныхъ умираетъ. Такіе примѣры не рѣдки, что въ полку, стоящемъ на квартирахъ, бываетъ до 200 больныхъ, какъ раннею весною, такъ и осенью. При каждомъ полку находится по одному старшему лекарю и по одному младшему, и то не весьма искусныхъ; а ротные фельдшера едва умѣютъ брить. Когда полковникъ дѣлаетъ смотръ рекрутамъ, то онъ выбираетъ изъ нихъ одного въ фельдшера, хотя бы тотъ двадцать лѣтъ только землю пахалъ; этотъ отказывается отъ дѣла, къ которому онъ не имѣетъ призванія, но это все напрасно: его заставляютъ насильно повиноваться, а не то пустятъ въ дѣло палки. Такимъ же образомъ выбираютъ гобоистовъ, — изъ чего можно заключить, какіе прекрасные концерты разыгрываются въ арміи.

Х. Манштейнъ.

АРМІЯ ПРИ АННѢ ЛЕОПОЛЬДОВНѢ.

(Изъ письма 1741 г. 24 Нояб.)... Васъ бы обманули, милостивѣйшій государь, когда бы стали увѣрять, что войска, употребленныя нынѣ въ дѣло, не имѣютъ ни въ чемъ недостатка, и что они не выказываютъ страха предъ непріятелемъ. Смѣю увѣрить и беру въ свидѣтели тому всю русскую армію, если бы она была въ одномъ мѣстѣ и могла высказаться, не стѣсняясь (sans contrainte), что войска лишены самаго необходимаго; есть только незначительные запасы муки и крупъ въ магазинахъ Выборга и солдаты, для поддержанія своего существованія вынуждены просить милостыню. Правда, что всему этому здѣсь не придаютъ значенія, такъ какъ ни во что ставятъ потерю людей — ими снабжаетъ страна, и никому не приходитъ въ голову, что она менѣе населена, чѣмъ другія. Опасеніе, которое скрываютъ, тѣмъ не менѣе существуетъ, и даже генералы, для которыхъ болѣе, чѣмъ для кого-либо, полезно скрывать это, ожидаютъ что будутъ разбиты въ будущую кампанію, если шведы смогутъ двинуться съ значительными силами.

Марк. І. де-ла-Шетарди.

ОБУЧЕНІЕ СОЛДАТЪ ПРИ ИМП. ЕЛИЗАВЕТѢ.

Что касается до обученія солдатъ, то не однихъ рекрутовъ, но и всѣхъ старыхъ солдатъ должно было совсѣмъ вновь переучивать, ибо вся экзерциція была отъ прежней отмѣнная. Я прилагалъ о томъ неусыпное стараніе. Рота наша должна была еженедѣльно къ квартирѣ нашей собираться, и тутъ училъ я ее почти денно и ночно. По счастію, удалось мнѣ найтить средство обучать ихъ безъ употребленія строгости и всякихъ побой. Я вперилъ въ каждаго солдата охоту и желаніе скорѣе выучиться и искусствомъ своимъ превзойти своихъ товарищей. Однимъ словомъ, они учились играючи, и я, обходясь съ ними ласково и дружелюбно, раздѣляя самъ съ ними труды и уговариваніями своими довелъ ихъ до того, что они учились безъ роптанія, но охотно и сами старались о томъ, чтобъ скорѣе выучиться. Для скорѣйшаго достиженія до того, установили они сами между собою не давать тому прежде обѣдать, кто не промечетъ безъ ошибки артикула. И для меня было весело смотрѣть, когда они, сваривъ себѣ каши и поставивъ котелъ, не прежде за оный садились, какъ ставъ напередъ кругомъ онаго и не прометавъ ружьемъ самопроизвольно всего артикула. Симъ средствомъ обучилъ я всю свою роту въ самое короткое время и довольно совершенно. Солдаты были мной чрезвычайно довольны, ни одинъ изъ нихъ не могъ жаловаться, чтобъ онъ слишкомъ убитъ, или изувѣченъ былъ, ни одинъ изъ нихъ у меня не ушелъ, и не отправленъ былъ въ лазаретъ, или прямо на тотъ свѣтъ; напротивъ того, имѣлъ я то удовольствіе и награду за труды мои, что при выступленіи въ лагерь получилъ отъ полковника публичную похвалу, ибо какъ онъ сталъ всѣ роты пересматривать и нашелъ, что наша рота была обучена всѣхъ прочихъ лучше, то былъ такъ тѣмъ доволенъ, что расхвалилъ насъ съ княземъ, отдалъ во весь полкъ о томъ приказъ и велѣлъ всѣмъ прочимъ ротамъ брать нашу себѣ въ образецъ и столь же хорошо обучиться прилагать стараніе. Сіе было хотя прочимъ ротнымъ командирамъ не весьма пріятно, но они причиною тому были сами; нѣкоторые изъ нихъ, хотя не меньше нашего объ обученіи своихъ ротъ старались, но будучи уже слишкомъ строги, только что дрались, но тѣмъ не только что солдатъ съ-

пути сбивали, но многихъ принудили бѣжать или иттить за увѣчьемъ въ лазаретъ. Другіе не разумѣли сами хорошенько сей новой экзерциціи, а потому не могли и объ обученіи солдатъ съ успѣхомъ стараться.

А. Болотовъ.

ОФИЦЕРЫ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА ЗА ГРАНИЦУ.

(1758 г.). Совсѣмъ тѣмъ сколько ни радовались мы сему скорому и нечаянному выступленію и шествію въ Пруссію, однако обстоятельство, что тогда была самая средина зимы и что всѣмъ надлежало запасаться санями, наводило на насъ много заботы. Но никто изъ всей нашей братьи офицеровъ такъ много озабоченъ тогда не былъ, какъ я; но тому была и довольная причина. У всѣхъ офицеровъ было довольное число лошадей, на которыхъ бы имъ везть свои повозки и на чомъ и самимъ въ маленькихъ санкахъ могли ѣхать, ибо верховая ѣзда для зимняго времени была неспособна; а у меня было только двѣ лошади, а третьей, для особливыхъ и маленькихъ санокъ, не было. На сей третьей лошади, какъ выше упомянуто, отправилъ я другого человѣка моего въ деревню, за Москву, и сей человѣкъ ко мнѣ еще тогда не возвратился. Итакъ, не только не было у меня третьей лошади и другого человѣка, но, сверхъ того, имѣлъ я и во всемъ прочемъ крайнюю нужду и недостатокъ: не было у меня ни маленькихъ санокъ, какъ у прочихъ, не было ни большой шубы, ни порядочнаго тулупа, ни прочаго нужнаго платья, ни запаса, ни съѣстныхъ припасовъ, толико нужныхъ для похода, а что всего паче—не было и денегъ. Всего того уже за нѣсколько дней дожидался я со всякимъ днемъ; а тогда, какъ сказанъ былъ намъ походъ, то ожиданіе мое сопрягалось съ величайшею нетерпѣливостью; ибо, по счисленію времени, надобно уже ему было давно быть. Совсѣмъ тѣмъ, сколько я Якова своего ни дожидался, сколько ни смотрѣлъ въ окна — не ѣдетъ-ли, сколько разъ ни высылалъ смотрѣть, не видать-ли его ѣдущаго вдали, — но все наше ожиданіе и смотрѣніе было напрасно: Якова моего не было и въ появѣ, и я не зналъ, что, наконецъ, о немъ и думать. Уже сдѣланы были всѣ приуготовленія къ походу; уже назначенъ былъ день къ выступленію; уже день сей началъ приближаться, — но Яковъ мой не ѣхалъ и

не было о немъ ни духу, ни слуху, ни послушанія. Господи! какое было тогда на меня горе и какимъ смущеніемъ и безпокойствомъ тревожился весь духъ мой! Я только и зналъ, что, ходя взадъ и впередъ по горницѣ, самъ съ собою говорилъ:—«Господи! что за диковинка, что онъ, такъ долго не ѣдетъ? давно бы пора уже ему быть. Что онъ со мною теперь надѣлалъ и что мнѣ теперь начинать?»... Пуще всего смущало меня то, что я, въ безсомнѣнной надеждѣ, что онъ вскорѣ возвратится и привезетъ мнѣ все нужное, ничѣмъ и не запасался и ничего себѣ нужнаго и не покупалъ. Къ вящему несчастію не было у меня тогда и денегъ; ибо, по недостатку оныхъ по возвращеніи изъ похода, жалованье уже было забрано впередъ и истрачено. Но все бы я могъ достать денегъ на покупку лошади и санокъ, въ которыхъ мнѣ всего болѣе была нужда, если-бъ вышеупомянутая надежда скораго возвращенія моего слуги меня не подманула, котораго я съ часу на часъ дожидался.

Но наконецъ наступилъ уже и тотъ день, котораго я, какъ нѣкоего медвѣдя, страшился, то-есть, день выступленія нашего въ походъ. И какъ Якова моего все еще не было, то не зналъ я, что дѣлать, и былъ почти внѣ себя отъ смущенія. Повозку свою съ багажемъ хотя и совсѣмъ я исправилъ, и она была готова, но самому мнѣ какъ быть, того не могъ я сперва никакъ ни придумать, ни пригадать. Не имѣя особой лошади и санокъ, другого не оставалось, какъ иттить пѣшкомъ вмѣстѣ съ солдатами. Но о семъ можно ли было и думать, когда извѣстно было мнѣ, что у послѣднихъ самобѣднѣйшихъ офицеровъ были особыя лошади, и всякій имѣлъ свои санки, и что я чрезъ то подвергну себя стыду и осмѣянію отъ всего полка. Въ сей крайности приходило уже мнѣ на мысль сдѣлать то, чего я никогда не дѣлывалъ, то-есть, сказаться нарочно больнымъ, дабы мнѣ, подъ предлогомъ болѣзни, можно было ѣхать въ кибиткѣ и въ обозѣ; но и сіе находилъ я неудобопроизводимымъ, по причинѣ, что кибитка моя была вся набита всякой рухлядью и мнѣ въ ней помѣститься было негдѣ. Словомъ, я находился тогда въ такомъ настроеніи, въ какомъ я отроду не бывалъ; и истинно не знаю, чтобъ со мной было, еслибъ не вывелъ меня наконецъ капитанъ мой изъ моего смущенія и нѣсколько меня не успокоилъ...

Помышленія таковыя привели въ такую разстройку мои мысли, что я былъ власно, какъ въ ипохондріи, и въ такомъ углубленіи мыслей, что самая ѣда мнѣ на умъ не шла. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, какая перемѣна со мной долженствовала произойтить, когда въ самое сіе время вбѣжалъ ко мнѣ почти безъ души мой малый и, запыхавшись, сказалъ: — «что вы, баринъ, знаете? вѣдь, Яковъ нашъ пріѣхалъ!»... — Что ты говоришь! вскричалъ я, вспрыгнувъ изъ-за стола и позабывъ объ ѣдѣ: не въ правду-ли, Абрамушка? — «Ей-ей, сударь, теперь только на дворъ взъѣхалъ, и какія же прекрасныя санки!» Въ единый мигъ очутился я тогда на крыльцѣ и отъ радости не зналъ, что говорить, а только-что крестился и твердилъ: — «Ну, слава Богу!» Но радость моя увеличилась еще болѣе, когда услышалъ я отъ моего Якова, что онъ привезъ ко мнѣ не только множество всякаго запаса, но и накупилъ мнѣ всего и всего, въ чемъ наиболѣе была нужда. Привезъ мнѣ прекрасный тулупъ, большую лисью шубу, новое сѣдло и множество другихъ вещей; а что всего пріятнѣе было мнѣ, то и множество всякихъ вареньевъ и заѣдокъ, присланныхъ мнѣ отъ моей сестры, къ которой онъ заѣзжалъ и которая находилась тогда съ зятемъ моимъ въ деревнѣ; ибо сей отпущенъ былъ отъ полковника еще съ самаго начала зимы и нашелъ потомъ способъ отбиться совсѣмъ отъ службы въ отставку. Но что радость мою еще совершеннѣйшею сдѣлало, то было увѣдомленіе его, что онъ привезъ съ собой еще болѣе ста рублей денегъ. Боже мой! какъ обрадовался я сему послѣднему. Истинно я не помню, чтобъ я когда-нибудь такъ много обрадованъ былъ, какъ тогда. Таки самъ себя почти не помнилъ и не ходилъ, а прыгалъ отъ радости по комнатѣ и только-что твердилъ: — «Ну, слава Богу, теперь все у меня есть, всего много, и лошадей, и запасу, и платья, и денегъ, и всего и всего! Теперь готовъ хоть куда, и мнѣ ни передъ кѣмъ не стыдно». Словомъ, я мнилъ тогда, что я невѣдомо какъ богатъ, и что наисчастливѣйшій человѣкъ былъ на свѣтѣ, и тысячу разъ благодарилъ сперва Бога, а потомъ слугу своего Якова за исправное отправленіе порученной ему комиссіи. Да и подлинно, день сей былъ достопамятный въ моей жизни тѣмъ, что сколь великое чувствовалъ я при началѣ его огорченія, столь великою, напротивъ того, радостью объято было мое сердце при окончаніи онаго...

Я упомянулъ уже вамъ, что мы, идучи симъ образомъ походомъ, изыскивали и употребляли всякаго рода забавы и увеселенія, чѣмъ бы намъ прогонять скуку, съ таковымъ медленнымъ походомъ обыкновенно сопряженную. Изъ числа сихъ увеселеній можно было почесть наиглавнѣйшимъ карточную игру, какъ обыкновеннѣйшую у офицеровъ забаву. Къ сему роду увеселенія хотя я и никогда не имѣлъ склонности и охоты, однако тогда едва-было господа наши офицеры меня этому прекрасному рукомеслу не научили; ибо какъ всѣмъ имъ было извѣстно, что у молодца денежки тогда были, то явилось множество подлипалъ и друзей, старавшихся всячески заманить меня въ сѣти и приучить къ игрѣ. Какихъ и какихъ хитростей не употребляли они къ тому! Однако всѣми своими хитростями и заговорами не могли они меня никакъ заохотить и пріучить къ азартнымъ играмъ, какъ то: къ квинтичу и къ банку, которыя тогда наболѣе были въ употребленіи. Совсѣмъ тѣмъ не отдѣлался же я совершенно отъ нихъ; ибо какъ они увидѣли, что я никакъ съ сей стороны не даюсь въ обманъ, то вздумали напасть на меня съ другой, и слабѣйшей стороны. Они примѣтили, что я имѣлъ нѣкоторую склонность къ игрѣ въ ломберъ. Сія игра, которую я хотя никакъ порядочно не разумѣлъ, была мнѣ непротивна, и я не скучивалъ никогда играть въ оную; а сего было и довольно. Нѣкоторые молодцы и, между прочимъ, и самъ капитанъ мой господинъ Гнѣвушевъ постарался тотчасъ меня къ оной пристрастить и довесть до того, что я почти всякій вечеръ съ ними въ нее игралъ и по нѣскольку часовъ въ сей игрѣ упражнялся. Но за сіе увеселеніе принужденъ я былъ заплатить очень дорого. Ибо несмотря, какъ они меня умышленно ни расхваливали, говоря, что я и хорошо-то, и примѣчательно и искусно играю, и какъ, для вящаго заохочиванія меня, ни старались умышленно мнѣ иногда, а особливо сначала проигрывать, но я всякій разъ оставался наконецъ въ проигрышѣ. Которые проигрыши были хотя сначала невелики, но какъ послѣ мало-по-малу стали увеличиваться и наконецъ дошло до того, что не проходило вечера, въ который бы я рублей двухъ или трехъ не проигралъ, то сіе начало наконецъ дѣлаться мнѣ и чувствительно и побудило въ одинъ день сметиться, сколько я, играя такимъ образомъ, въ разныя времена, уже проигралъ. Я ужаснулся, и всѣ волосы на мнѣ стали ажно

дыбомъ, когда увидѣлъ, что количество сіе простиралось уже за сорокъ рублей. — Э! э! — воскликнулъ я тогда: — сколько это я уже пробухалъ! — и почесалъ у себя за ушами. — Ежели еще такъ-то, такъ и всѣхъ денегъ моихъ не надолго станетъ! изрядно, право, я сдѣлалъ... нельзя быть лучше». — Сказавъ сіе, началъ я взадъ и впередъ ходить по квартирѣ своей и самъ на себя досадовать, и бранить себя за свою неосторожность. Но какъ сіе было уже поздно, и мнѣ всѣ такія раскаиванія и досады на самого себя не помогали и денежки были уже проиграны, и проиграны невозвратно, то, сожалѣя о убыткѣ самопроизвольномъ, началъ я тогда проклинать и игру, и всю мою охоту къ оной. «Пропади она, окаянная! говорилъ я самъ себѣ: этакъ доведетъ она меня до того, что я и совсѣмъ проиграюсь и останусь опять сигъ-сигомъ, волёнъ Богъ и со всею забавою и удовольствіемъ притомъ. Не лучше ли не имѣть онаго, да остаться при своихъ деньгахъ — чуть ли не здоровѣе на животѣ будетъ»...

Между тѣмъ... всѣ прочіе офицеры нашего полку, не только молодые, но и пожилые, занимались совсѣмъ иными дѣлами и заботами. Всѣхъ ихъ почти вообще усердное желаніе быть въ Кёнигсбергѣ проистекло совсѣмъ изъ другого источника, нежели мое. Они наслышались довольно, что Кёнигсбергъ есть такой городъ, который преисполненъ всѣмъ тѣмъ, что̀ страсти молодыхъ и въ роскошахъ и распутствахъ жизнь свою провождающихъ, удовлетворять и насыщать можетъ, а именно, что было въ ономъ превеликое множество трактировъ и биліардовъ и другихъ увеселительныхъ мѣстъ... Неуспѣло и двухъ недѣль еще пройтить, какъ къ превеликому удивленію моему услышалъ я, что не осталось въ городѣ ни одного трактира, ни одного виннаго погреба, ни одного биліарда... который бы господамъ нашимъ офицерамъ былъ уже неизвѣстенъ, но что всѣ они были у нихъ на перечётѣ...

Въ мѣсяцѣ іюлѣ сего года (1760), обрадованъ я былъ присылкою ко мнѣ изъ деревни нарочнаго человѣка съ письмами и деньгами...

Помянутая привезенная тогда ко мнѣ сумма какъ была ни мала (200 р.), но для меня составляла тогда довольную важность, ибо денегъ было у меня и тамъ немного. Жалованье получалъ я самое маленькое, подпоручичье, а побочныхъ доходовъ не имѣлъ

никакихъ, или имѣлъ, но очень малые и ничего незначущіе. Съ однихъ только прусскихъ фурманщиковъ, возившихъ на фурахъ своихъ разныхъ людей и товары изъ Кёнигсберга въ Мемель, въ Эльбингъ и въ Данцигъ дозволено было мнѣ изъподъ руки отъ самого генерала, брать по бездѣлкѣ за переводъ паспортовъ. Паспорты сіи получали они нѣмецкіе, печатные, за генеральскою рукою и печатью и выписываемы въ нихъ были имена ихъ товарищами моими нѣмецкими канцеляристами. Но какъ фурманщикамъ симъ нуженъ былъ для нашихъ русскихъ и переводъ сихъ паспортовъ на оборотѣ, я же сіе, какъ совсѣмъ не казенное, а партикулярное дѣло, не обязанъ былъ производить и надъ переводомъ симъ трудиться, то и дозволено было и мнѣ и товарищамъ моимъ получать отъ фурманщиковъ сихъ нѣбольшую аксиденцію, которую они для скорѣйшаго ихъ отправленія намъ охотно и давали.

Но всего того и вмѣстѣ съ жалованіемъ и раціонами едва доставало мнѣ на снабженіе себя платьемъ и обувью и на покупку книгъ, мнѣ нужныхъ, ибо всѣ почти излишки употреблялъ я на оныя, ни мало о томъ не жалѣя; когда же привезли ко мнѣ помянутое количество изъ дома, то почиталъ я себя уже богатымъ человѣкомъ и, употребивъ нѣсколько изъ нихъ на покупку давно желаемыхъ книгъ, всѣ прочія положилъ впрокъ для сбереженія на черный день.

А. Болотовъ.

ОФИЦЕРСКІЙ ТЕАТРЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ упражненій имѣлъ я въ сіе лѣто еще одно особливое. Молодежи нашей восхотѣлось ко всѣмъ обыкновеннымъ увеселеніямъ присовокупить еще одно, именно, составить россійскій благородный театръ. Къ сему побудились они наиболѣе тѣмъ, что бывшая у насъ зимою банда комедіантовъ уѣхала въ иные города, и театральныя наши зрѣлища уже съ самой весны пресѣклись и театральный домъ стоялъ пустъ. Итакъ, вздумалось господамъ нашимъ испытать составить изъ самихъ себя нѣкотораго рода театръ. Первѣйшими заводчиками къ тому были: помянутый господинъ Орловъ, Зиновьевъ и нѣкто изъ прежнихъ и тогда тутъ жившій, по фамиліи господинъ Думашневъ. Не успѣли они сего дѣла затѣять

и назначить для перваго опыта одну изъ нашихъ трагедій, а именно «Демофонта», какъ и стали набирать людей кому бы вмѣстѣ съ ними представить оную. Но сіе не такъ легко можно было имъ учинить, какъ они сперва думали. Людей надобно было много, а способныхъ тому находили они мало. Тѣ, которые бы могли согласиться, были неспособны, а изъ способныхъ не всякій хотѣлъ отважиться на сіе дѣло и воспріять на себя не только великое бремя, но и самовольно подвергнуться потомъ критикѣ и сужденіямъ. Мнѣ сдѣлано было предложеніе отъ нихъ еще съ самаго начала и одному изъ первыхъ, но я самъ долго боролся самъ съ собою и не имѣлъ столько духа, чтобъ на сіе необыкновенное для меня дѣло отважиться и не прежде на желаніе ихъ согласиться, какъ по многой и усиленной отъ всѣхъ ихъ просьбѣ. Правда, я имѣлъ къ тому уже нѣкоторое приготовленіе. Въ предслѣдующихъ письмахъ упоминалъ я вамъ, что, стоючи еще въ Эстляндіи на зимнихъ квартирахъ, полюбилъ я трагедію «Хоревъ» и не только ее почти наизустъ выучилъ, но научился порядочно и декламировать рѣчи; а потому дѣло сіе было мнѣ отчасти уже знакомо, а сіе много и помогло тому, что я согласился взять на себя одну роль. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ никогда еще не случалось видѣть представленіе россійскихъ трагедій, то дѣло сіе, а особливо по несмѣлости и застѣнчивости моей, казалось мнѣ очень дико, и еслибъ не помогло къ тому нѣсколько то, что въ минувшую зиму неоднократно случалось мнѣ видѣть нѣмецкія трагедіи, то едва-ль бы я далъ себя къ тому уговорить.

Коликаго труда стоило имъ набрать мужчинъ, толикаго-жъ, или несравненно множайшаго требовалось къ отысканію способныхъ къ тому женщинъ. Надобны были для трагедій сей двѣ и, къ несчастію обѣ молодыя, а мы изъ всѣхъ бывшихъ въ Кенигсбергѣ русскихъ госпожъ не могли отыскать ни единой. Наконецъ, съ великимъ трудомъ уговорена была къ тому бригадирша Розенша, пребывавшая тогда въ Кёнигсбергѣ. Боярыня сія была русская, но уже не молодая, а что всего хуже — дородная и совсѣмъ неспособная къ представленію любовницы. Но нужда чего не дѣлаетъ: мы и той уже были рады; но какъ другой не могли никакъ отыскать, то рѣшились, чтобъ употребить къ тому молодого мужчину. Къ сему избранъ былъ, одинъ изъ товарищей нашихъ, а именно упоминаемый мною прежде род-

ственникъ и товарищъ г. Орлова, Зиновьевъ. Молодость, нѣжность, хорошій станъ и самая красота лица сего молодого, любви достойнаго человѣка, побудила всѣхъ упросить сего взять на себя роль любовницы и какъ онъ на то согласился, то для бригадирши Розенши опредѣлена было роль наперсницы, чѣмъ она была и довольна.

Симъ образомъ, набравши всѣхъ потребныхъ къ тому людей, принялись мы за дѣло. Тотчасъ росписаны и розданы были всѣмъ роли и тотчасъ начали всѣ ихъ учить и твердить наизустъ. Мнѣ досталась нарочито великая, однако я прежде всѣхъ вытвердилъ. Не могу и понынѣ еще безъ смѣха вспоминать, какъ много занимала меня сія роль и съ какимъ рвеніемъ и тщаніемъ я ей учился. Не однажды бывало, что я запершись одинъ въ своей квартирѣ, прокрикивалъ по нѣскольку часовъ сряду, ходючи взадъ и впередъ по своей комнатѣ; не однажды случалось, что и въ самую ночь, вмѣсто спанья, протверживалъ я выученное и старался тверже и тверже впечатлѣть все въ память. Когда же я дѣло свое кончилъ и свою роль выучилъ, то чувствуемое мною удовольствіе я уже никакъ изобразить не могу. Я возмечталъ о себѣ невѣдомо что и началъ уже самъ журить товарищей своихъ, чтобъ они скорѣй роли свои вытверживали, ибо какъ о себѣ я уже ни мало не сомнѣвался, но надѣялся твердо, что я роль свою сыграю хорошо, то пылалъ я уже нетерпѣливостью, чтобъ начатое нами дѣло скорѣе совершилось. Однако, не то вышло, что мы думали и что ожидали. Обстоятельствамъ вздумалось вдругъ перемѣниться; произошли нѣкоторыя несогласія между соучастниками въ семъ предпріятіи, и вся наша пышная и великолѣпная затѣя, какъ мыльный пузырь, лопнула и такъ рано, что многіе еще и половину своихъ роль не успѣли вытвердить.

А. Болотовъ.

НАСТРОЕНІЕ ВЪ АРМІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ПРИ ИЗВѢСТІИ О СМЕРТИ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Неуспѣлъ закончиться 1761 годъ, и мы едва переступили ногою въ новый 1762 годъ, какъ прискакавшій къ намъ изъ Петербурга курьеръ привозитъ къ намъ извѣстіе, которое всѣхъ насъ поразило, какъ громовымъ ударомъ, и всю бывшую у насъ

до того тишину вдругъ и единымъ разомъ разрушивъ, смутило и всѣхъ насъ встревожило до безконечности.

Было оно всего меньше нами ожидаемо и состояло въ томъ, что владѣвшая нами тогда императрица Елизавета Петровна окончила свою жизнь и переселилась въ вѣчность, и что во владѣніе по ней вступилъ государь императоръ Петръ III...

Къ намъ пришло извѣстіе сіе въ ночь подъ 2-е число Генваря 1762 года, и я и понынѣ не могу позабыть, какъ поразился я, пришедъ въ сей день по утру въ канцелярію и услышалъ отъ встрѣтившагося со мною сторожа сіи печальныя вѣсти. Я остолбенѣлъ и болѣе минуты не зналъ, что говорить и что дѣлать. Всѣ канцелярскіе наши находились въ такомъ же смущеніи духа, всѣ тужили и горевали о скончавшейся, всѣ желали ей царствія небеснаго и всѣ поздравляли другъ друга съ новымъ монархомъ, но поздравляли не столь съ радостнымъ, сколько огорченнымъ духомъ. Родившись и проводивъ всѣ дни подъ кроткимъ правленіемъ женскимъ, всѣ мы къ оному такъ привыкли, что правленіе мужское было для насъ очень дико и ново и, какъ сверхъ того, всѣ мы наслышались довольно объ особливостяхъ характера новаго государя и нѣкоторыхъ непріятныхъ чертахъ онаго, а притомъ и тайная связь его и дружба съ королемъ прусскимъ была намъ отчасти свѣдома, то всѣ мы не сомнѣвались въ томъ, что предстояли намъ тогда во всемъ превеликія перемѣны и что неминуемо будемъ имѣть и мы участіе въ оныхъ, и потому всѣ говорили тогда только объ одномъ томъ и всѣ готовились всякій день къ новымъ слухамъ и извѣстіямъ важнымъ: въ чемъ ни мало и не обманулись. Ибо неуспѣли всѣхъ насъ привесть къ присягѣ и учинить въ послѣдующій день со всѣми бывшими въ Кёнигсбергѣ нашими войсками, а потомъ и самыми прусскими жителями, какъ на другой же день поражены мы были новымъ и неменѣе всѣхъ насъ перетревожившимъ извѣстіемъ. Получается именной указъ, которымъ повелѣвалось губернатору нашему, сдать тотчасъ команду и правленіе королевствомъ прусскимъ, бывшему тутъ генералъ-поручику Панину, а самому ѣхать въ Петербургъ и въ Россію.

А. Болотовъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I (1697—1725 гг.).

Стр.

Русскіе за границей.

Путешествіе Петра I за границу—*Я. Номенъ* «Записки о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ въ 1697—98 гг. и въ 1716—17 гг.». 3

Современники Петра I за границей.

Первыя впечатлѣнія — *Неизвѣстный* «Журналъ Путешествія», Русск. Стар. 1879 г. 22

Въ Италіи—*Неизвѣстный* «Путешествіе Шереметева», Древняя Россійская Вивліоѳика ч. V. 24

Путевыя замѣтки—*П. Толстой* «Путевой Дневникъ», Русск. Арх. 1888 года. 28

Въ Германіи, Голландіи и Англіи—*Кн. Б. Куракинъ* «Дневникъ и путевыя замѣтки 1705—1710 г.» Арх. Кн. Ѳ. Куракина, т. 1. 35

Дома послѣ заграничныхъ поѣздокъ.

Усмиреніе стрѣльцовъ.

1—*И. Желябужскій* «Записки». Записки русскихъ людей. Изд. Сахарова. 40

2—*І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ I». 45

Петръ въ Москвѣ—*І. Корбъ* «Дневникъ секретаря посольства отъ импер. Леопольда I къ царю Петру I, въ 1698—9 гг.». 47

И. Желябужскій «Записки». 50

Его же. «Записки». 51

А. Нартовъ «Разсказы о Петрѣ I». Сбора. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 52. 51

Кн. Б. Куракинъ «Журналъ Путешествія». 51

К. де-Бруинъ «Путешествіе черезъ Московію». 52

Дж. Перри «Записки о бытности въ Россіи съ 1698 по 1715 гг.». Чтенія Имп. О-ва Ист. и Древн. Россійскихъ 1871 г. . . . 53

Перенесеніе празднованія Новаго Года на 1 Января—*И. Желябужскій* «Записки». 57

Стр.

Рождество въ Москвѣ—*I. Корбъ* «Дневникъ». 60
Празднованіе въ честь Вакха и масленица—*Его же.* 61
Первый пиръ съ участіемъ женщинъ—*Его же.* 63
Свадьба въ Нѣмецкой Слободѣ — *К. де-Бруинъ* «Путешествіе черезъ Московію». 64
Праздникъ Крещенія въ Москвѣ—*Его же.* 69

Бытъ и нравы до и послѣ реформъ.

Москва и москвичи—*I. Корбъ* «Дневникъ». 73
Пасха въ Москвѣ—*Его же.* 75
Разбои и грабежи въ Москвѣ—*Юстъ Юль* «Записки Датскаго посланника при Петрѣ I». Русск. Арх. 1892 г. 77
Система наказаній—1. *К. де-Бруинъ* «Путешествіе черезъ Московію». . 78
2. *Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ Камеръ-юнкера съ 1721—1725 г». 80
Почтительность русскихъ—*Юстъ Юль* «Записки». 82
Чинопочитаніе—*Г. Седербергъ* «Бывшаго полкового священника замѣтки о религіи и правахъ русскаго народа, во время пребыванія его въ Россіи съ 1709 по 1718 г.». Чтен. Имп. О-ва Истор. и Древн. Рос., 1873 г. 83
Обѣды въ Нарвѣ—*Юстъ Юль* «Записки». 83
Баня, лѣченіе и обычаи—*Его же.* 86
Слонъ въ Москвѣ—*А. Денисовъ* «Встрѣча въ Москвѣ персидскаго слона въ царст. Петра I. Разсказъ очевидца». Русск. Стар., 1880 г. . . 87
Народное гуляніе подъ Москвой—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». . . . 89

Придворная жизнь.

Празднованіе побѣды надъ шведами въ 1702 г.—*К. де-Бруинъ* «Путешествіе черезъ Московію». 91
Торжественный въѣздъ въ Москву по поводу Полтавской побѣды—*Юстъ Юль* «Записки». 93
Празднованіе свадьбы Анны Іоанновны съ герц. Курляндскимъ—*Его же.* 98
Достопамятная свадьба карликовъ—*Неизвѣстный авторъ* «Описанія Санктпетербурга въ 1710—11 гг.». 99
Большой маскарадъ и свадьба князя-папы—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 101
Свадьба князя-папы—*В. Нащокинъ* «Записки». Русск. Арх. 1883 г. . 108
Праздникъ въ Лѣтнемъ саду—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 109
Спускъ корабля—*Его же.* 114
Торжественная встрѣча ботика—1. *Г. Бассевичъ* «Записки». Русск. Арх. 1869 года. 120
2. *А. Нартовъ* «Разсказы о Петрѣ В.». 121
Празднованіе мира съ Швеціей въ Москвѣ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 122
Ассамблея у гр. Матвѣева—*Его же.* 129
Свадьба гр. Головкина—*Его же.* 131
Шутовскія похороны карлика—*Его же.* 135
Коронованіе Екатерины—*Г. Бассевичъ* «Записки». 137

Стр.

Славленіе Христа—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 139
Катанье—*Юстъ Юль* «Записки». 140
Сожженіе дворца—*Г. Бассевичъ* «Записки». (См. опечатки) 140
Шутки Петра—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 141
Петръ—лѣкарь—*Его же.* 142
Придворный театръ герцогини Мекленбургской—*Его же.* 143
Театръ—*Г. Бассевичъ* «Записки». 145
Комедія въ Москвѣ и Петербургѣ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». . . . 146

Новая столица и провинція.

Петербургъ и его окрестности въ 1710 г.—*Неизвѣстный авторъ* «Описанія Санктпетербурга въ 1710—11 гг.». 148
Петербургъ въ 1720 г.—*Неизвѣстный авторъ* «Краткаго описанія Петербурга и совершавшагося въ немъ въ 1720 г.». Русск. Стар. 1879 г. 153
Лѣтній садъ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 161
Адмиралтейство и церкви—*Его же.* 163
Петропавловская крѣпость—*Его же.* 165
Наводненіе въ Петербургѣ—*Его же.* 166
Враждебное отношеніе русскихъ къ Петербургу—1. *Г. Бассевичъ* «Записки». 171
2. *Дж. Перри* «Записки о бытности въ Россіи съ 1698 по 1715 г.». 172
Архангельскъ въ 1701 г.—*К. де-Бруинъ* «Путешествіе черезъ Московію». 173
По Россіи.
Отъ Архангельска до Вологды—*Его же.* 178
Воронежъ—*Его же.* 181
Нижній-Новгородъ—*Его же.* 182
Дорога отъ Петербурга до Москвы—*Юстъ Юль* «Записки». . . 185
Провинціальный помѣщикъ временъ Петра I—*М. Даниловъ* «Записки, написанныя имъ въ 1771 г.». Русск. Арх. 1883 г. 189
Помѣщики и крестьяне—*Ф. Веберъ* «Записки» Русск. Арх. 1872 г. . 192

Образованіе и церковь.

Мѣры относительно образованія—*І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ Великомъ». 194
Патріаршія школы—*Юстъ Юль* «Записки». 196
Новики—1. *И. Неплюевъ* «Записки». 197
2. *А. Нартовъ* «Разсказы о Петрѣ Великомъ». 201
Попытки перевоспитать дворянство—*І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ Великомъ». 202
Назначеніе новика на службу—*И. Неплюевъ* «Записки». 203
Разговоръ Петра съ Татищевымъ о школахъ—*В. Татищевъ* «Духовная, тайн. сов. и Астрахан. губ. В. Н. Татищева, сочиненная въ 1733 г. сыну его Евграфу Васильевичу». 206
Петръ и духовенство—1. *І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ В.». . . . 207
2. *Г. Бассевичъ* «Записки». 209

Стр.

Диспутъ о вѣрѣ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 210
Гоненіе на раскольниковъ—*Ф. Веберъ* «Записки». 211
Пустынники—*К. де-Бруинъ* «Путешествіе черезъ Московію». . . . 212

Военныя мѣропріятія.

Устройство войска—*П. Желябужскій* «Записки». 214
Флотъ—*І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ Великомъ». 216
Рекрутчина—*Ф. Веберъ* «Записки». 218
Наборъ войска—*О. Плейеръ* «О нынѣшнемъ состояніи государственнаго управленія въ Московіи. Донесенія въ 1710 г.». 219
Крестьянскія повинныя работы—*Юстъ Юль* «Записки». 221
Закладка гавани въ Регервикѣ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 222
Прорытіе Ладожскаго канала—*І. Лефортъ* «Дипломат. донесенія польскому королю съ 1721—25 гг.». Сбор. Р. И. Общ., т. 3. 226
Въ Шлиссельбургѣ и его окрестностяхъ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». . 226

Иностранцы въ Россіи.

Привлеченіе иностранцевъ на службу—*І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ Великомъ». 231
Плѣнные шведы въ Москвѣ—*К. де-Бруинъ* «Путешествіе черезъ Московію». 232
На русской службѣ—*Дж. Перри* «Записки о бытности въ Россіи». . . 232
Притѣсненія иностранцевъ—*Юстъ Юль* «Записки». 237
Голландцы въ Петербургѣ—*А. Нартовъ* «Разсказы о Петрѣ В.». . . 241

Итоги царствованія.

Неудачи преобразованій—*Ф. Веберъ* «Записки». 243
Борьба съ казнокрадствомъ—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 244
Состояніе финансовъ—*І. Лефортъ* «Донесенія». 249
Петръ въ воспоминаніяхъ провинціала—*Елецкій старожилъ* «Изъ матер. для исторіи и статист. города Ельца». Русск. Арх. 1866 г. . . . 250
Отношеніе русскихъ къ Петру В. и къ реформамъ—*І. Фоккеродтъ* «Россія при Петрѣ В.». 251
Мнѣнія о Петрѣ I и его дѣятельности—1. *П. Крекшинъ* «Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ Петра В.». Записки русскихъ людей. 257
2. *В. Нащокинъ* «Записки». 260
3. *И. Неплюевъ* «Записки». 261
4. *А. Нартовъ* «Разсказы о Петрѣ В.». 261
5. *И. Павловъ* «Рукопись», «Истор. бум. К. И. Арсеньева». Сбор. отд. русск. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. IX. 261
6. *М. Щербатовъ* «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». . . . 264

ЧАСТЬ II (1725—1761 гг.).

Стр.

Дворцовые перевороты.

Смерть Петра II и вступленіе на престолъ Анны—*Дюкъ Лирійскій-Бервикскій* «Записки во время пребыванія его при Имп. Рос. Дворѣ въ званіи посла короля испанскаго» (1727—30 гг.). 273
Перевороты 1740—41 г.—*Кн. Я. Шаховской* «Записки», ч. I. . . . 283
Восшествіе на престолъ Елизаветы—1. *І. де-ла-Шетарди* «Маркизъ І. де-ла-Шетарди въ Россіи въ 1740—1742 гг.». 288
2. *Пецольдъ*. Тамъ же. 292
Солдаты во дворцѣ 25 н. 1741 г.—*Неизвѣстный авторъ* «Превратностей судьбы», Русск. Арх. 1898 г. 293
Приговоръ врагамъ Елизаветы—*Пецольдъ* «Маркизъ І. де-ла-Шетарди въ Россіи». 294

Придворная жизнь.

Шутка Екатерины I—*Ф. Берхгольцъ* «Дневникъ». 296
Праздники при дворѣ Анны Іоанновны—*Леди Рондо* «Письма». . . . 296
День во дворцѣ при Аннѣ Іоанновнѣ—*Н. Шестакова* «Записка жены дворц. управителя о томъ, какъ она провела ночь во дворцѣ при имп. Аннѣ». Сб. отд. рус. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ т. 9. . . . 300
Свадьба въ Ледяномъ домѣ—1. *І. де-ла-Шетарди* «Въ Россіи». . . . 303
2. *В. Нащокинъ* «Записки». 304
Возвращеніе гвардіи изъ похода—*Его же*. 305
Праздникъ мира—*І. де-ла-Шетарди* «Въ Россіи». 306
Анна Іоанновна и ея дворъ—1. *Х. Манштейнъ* «Записки историч., гражд. и воен. о Россіи съ 1727—44 г.». 309
2. *М. Щербатовъ* «О поврежденіи нравовъ». 312
Изъ воспоминаній о Биронѣ—*Елецкая старожилка* «Изъ мат. для ист. и стат. г. Ельца». Русск. Арх. 1866 г. 315
Малороссы на коронаціи имп. Елизаветы—*Я. Марковичъ* «Дневныя записи малороссійскаго генеральнаго подскарбія» 1716—1767 г. 316
Увеселенія при дворѣ Елизаветы—*Екатерина II* «Записки». 319
Веселье и заботы—*Г. Диккенсъ* «Донесенія». Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ. 322
Безпорядочность жизни при дворѣ и среди дворянства—*Екатерина II* «Записки». 323
Хозяйственныя заботы имп. Елизаветы—*Имп. Елизавета* «Записочки». 326
Подарокъ купцовъ императрицѣ—*В. Нащокинъ* «Записки». 326
Блескъ двора Елизаветы—*Е. Позье* «Записки придворн. бриллiантщика о пребываніи въ Россіи съ 1729—64 гг.» Русск. Стар. 1870 г. . . 328
Придворные—*М. Щербатовъ* «О поврежденіи нравовъ». 329

Стр.

Изъ провинціи въ столицу.

Подъ покровительствомъ фаворита—*А. Болотовъ* «Записки». 332
Начало духовной карьеры митрополита Платона—*Митр. Платонъ* «Записки о жизни Платона, митр. Московскаго». (Автобіографія). 337
Въ поискахъ счастья—*А. Березинъ* «Записки». Русск. Арх. 1879 г. . 339

Въ провинціи.

Скитанія иностранцевъ по Россіи—*Е. Позье* «Записки». 343
Отъ Петербурга до Москвы—*Леди Рондо* «Письма». 345
Служба дворянина на восточной окраинѣ—*П. Неплюевъ* «Записки». . . 345
Помѣщики—*А. Болотовъ* «Записки». 348
Усмиреніе взбунтовавшихся противъ помѣщика крестьянъ—*М. Даниловъ* «Записки». 381
Жизнь важнаго барина въ деревнѣ при имп. Елизаветѣ «*Изъ семейной хроники*». Родословная Головиныхъ, собранная *П. К.* 357

Образованіе и воспитаніе.

Просвѣщеніе за время отъ Петра I до Елизаветы—*Х. Манштейнъ* «Записки». 364
Артиллерійская школа въ Москвѣ—*М. Даниловъ* «Записки». 368
Учрежденіе морского кадетскаго корпуса—*В. Нащокинъ* «Записки». . 370
Московскій университетъ—*Его же* 370
Ученіе помѣщичьяго сына—*М. Даниловъ* «Записки». 372
Первоначальное обученіе и пріемы воспитанія—*А. Болотовъ* «Записки». 375
Воспитаніе и обученіе провинціальнаго дворянина — *Г. Державинъ* «Записки». 356
Одинъ изъ первыхъ московскихъ студентовъ—*Д. Фонвизинъ* «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ». 385
Воспитаніе аристократа—*А. Воронцовъ* «Записки». Рус. Арх. 1883 г. . 389
Ученіе митр. Платона—*Митр. Платонъ* «Записки». 391
Образовательная заграничная поѣздка—*А. Воронцовъ* «Записки». . . 396
Самообразованіе русскаго офицера за границей—*А. Болотовъ* «Записки». 407

Войско.

Армія во время походовъ Миниха—*Х. Манштейнъ* «Записки». . . . 418
Армія при Аннѣ Леопольдовнѣ—*І. де-ла-Шетарди* «Въ Россіи». . . . 421
Обученіе солдатъ при имп. Елизаветѣ—*А. Болотовъ* «Записки». . . . 422
Офицеры въ заграничномъ походѣ—*Его же.* 423
Офицерскій театръ за границей—*Его же.* 428
Настроеніе въ арміи за границей при извѣстіи о смерти Елизаветы—*Его же.* 430

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ Моск. Обл. Библиотеки

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
45, 50, 51, 58, 214	подписи	*А. Желябужскій.*	*И. Желябужскій.*
75	8-я	9-го	19-го
102	сноска	1720 т.	1720 г.
103	4-я	корабельнымъ	карабельнымъ
117	17-я	если	если не
124	3-я	перкрасный	прекрасный
141	26-я	Ф. Берхгольцъ	Г. Бассевичъ
207, 315, 331	подписи	*М. Щербатовъ.*	*Кн. М. Щербатовъ.*
220	6-я	плохаго	плохого
222, 304, 308, 421	подписи	*І. де-ла Шетарди.*	*Марк. І. де-ла Шетарди.*
303	подъ заглавіемъ пропущено—1.		
311, 367, 421	подписи	*Манштейнъ.*	*Х. Манштейнъ.*
315	подпись	Елецкій старожилъ.	Елецкая старожилка.
329, 345	подписи	*Позье.*	*Е. Позье.*
391, 407	подписи	*А. Воронцовъ.*	*Гр. А. Воронцовъ.*
Огл. V	5-я съ низу	„Записочки“	„Записочки“, Рус. Стар. 1873 г.

20 ОКТ 1920
15 ФЕВ 1921
15 МАР 1921
15 АПР 1921
2 ИЮН 1921
25 СЕН 1921
ВСЕН 1922
7 ФЕВ 1923
24 ФЕВ 1924
28 МАР 1924
18 МАЯ 1924
9 МАЯ 1925
2 ОКТ 1926
10 АВГ 1926
20 ОКТ 1927